

| Г | А | Р | Ф |

ЕЖЕГОДНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2023

| публикации | исследования | рецензии |

МОСКВА

2023

УДК 930.25(058) + 94(47)(093)

ББК 79.3я53 + 63.3(2)ю1

Г 72

Главный редактор С. В. Мироненко
Ответственный редактор М. А. Колеров
Ответственный составитель Е. В. Балущкина

Г 72 Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии / Гл. ред. С. В. Мироненко. М., 2023. 600 с.
ISBN 978-5-905040-93-1

Государственный архив Российской Федерации за последние более чем 30 лет своей непрерывной деятельности в его современном качестве ранее уже предпринимал издание исследовательских трудов своих сотрудников. Настоящий Ежегодник ГА РФ за 2023 год — новый опыт, пример ежегодного научного издания архива, который призван объединить труды его сотрудников, исследователей его фондов, групп источников, тематических комплексов, исторических эпох, исторических личностей, историографии и источниковедения. В центре внимания редакции Ежегодника — привлечение новых исследователей из-за рубежа, дополнение материалов ГА РФ исторически и тематически связанными с ними материалами других российских и иностранных архивохранилищ.

От редакции

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) — крупнейший архив России. Поэтому наряду с другими федеральными архивами страны законно представляет общенациональные интересы в международных контактах с другими национальными архивами, служит фокусом разнообразных исследовательских интересов, исторических и ведомственных исследований, документальных публикаций, широкого спектра научных специализаций по истории России и многих зарубежных народов и иностранных государств, участвует в межгосударственных и межархивных сборниках, проектах, выставках, популярных изданиях.

ГА РФ за последние более чем 30 лет своей непрерывной деятельности в его современном качестве ранее уже предпринимал издание исследовательских трудов своих сотрудников. Настоящий Ежегодник ГА РФ за 2023 год — новый опыт, пример ежегодного научного издания архива, который призван объединить труды его сотрудников, исследователей его фондов, групп источников, тематических комплексов, исторических эпох, исторических личностей, историографии и источниковедения.

В этом своём качестве Ежегодник ГА РФ служит международной научной площадкой для концентрации усилий исследователей, открывает новые возможности и разновидности архивных документов, в том числе — из других Архивов, интегрирует их в исторический контекст, критически изучает их влияние на историографию.

В настоящем Ежегоднике его материалы распределены по категориям: Публикации, Исследования, Рецензии. В перспективе планируется развитие раздела Научная хроника, которая должна включить в себя отчёты о научных конференциях, историко-архивных выставках

или литературных и художественных выставках, в которых используются архивные документы.

В центре внимания редакции Ежегодника — привлечение новых исследователей из-за рубежа, дополнение материалов ГА РФ исторически и тематически связанными с ними материалами других российских и иностранных архивохранилищ.

Особое внимание редакция также планирует уделить научной критике историографии и изданий источников, исходит из того убеждения, что полноценные научные рецензии — один из редких и труднейших жанров исследовательской работы, который характеризует живую научную жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Публикации	
<i>С. П. Орленко.</i> Два неизвестных письма из переписки царя Алексея Михайловича и князя Михаила Петровича Пронского времени Смоленского похода 1654 г.	7
<i>И. В. Дубровский.</i> Несколько описаний Петра I времен Великого посольства	13
<i>Е. В. Балушкина.</i> Слухи и толки: Весна 1857 года в Санкт- Петербурге глазами Третьего отделения	31
<i>Я. М. Златкис.</i> Путешествие в Россию Александра Дюма	100
<i>А. М. Лаврёнова, О. В. Шемякина.</i> Зинаида Жученко (Гернгросс): Жизнь после разоблачения	112
<i>Е. Ю. Борисёнок, А. М. Лаврёнова.</i> «Украинский вопрос» и русское общество в годы революционных потрясений	176
<i>А. В. Ганин.</i> «Людей арестовывали каждую ночь ... » Воспоминания вдовы комдива А. М. Вольпе о Большом терроре против высшего комсостава РККА и о лагерной жизни	258
Исследования	
<i>О. В. Эдельман.</i> Императрица Елизавета Алексеевна и воспоминания графини В. Н. Головиной	291
<i>Антон Лаптев.</i> Разведка как авантюра: эксперименты германской разведывательной службы на русском фронте в годы Первой мировой войны	305
<i>Милян Милкич (Белград).</i> Военные священнослужители в сербской и югославской армии (1839–1941)	318

<i>К. М. Гринько.</i> Становление личности архиепископа Фаддея (Успенского): сочетание монашества с педагогической и административной деятельностью (конец XIX — начало XX в.) ..	340
<i>А. М. Лаврѣнова.</i> Полиция и капитал у колыбели автономии Донбасса	370
<i>Т. С. Буюкевич, Е. Ю. Козырева.</i> Монтаж в «Окнах РОСТА»: роль заголовка-лозунга в советской наглядной агитпропаганде	384
<i>Владимир Хазан (Иерусалим).</i> От члена террористической организации до княгини. Материалы к биографии Евгении Зильберберг	394
<i>Я. В. Леонтьев, Д. И. Рублев.</i> Игорь Владимирович Саблин — один из ведущих фигурантов дела «Анархистского центра» (1938–1939 гг.). По документам Государственного архива Российской Федерации	434
<i>М. И. Мельтюхов.</i> Польша в военных планах Красной армии на весну 1939 г.	475
<i>О. В. Лавинская.</i> «Зачем вам, товарищ, чужая земля?..» Из истории репатриации советских граждан из Англии в 1944–1952 гг. (По материалам фонда Уполномоченного СНК-Совета министров СССР по делам репатриации, ГА РФ. Ф. Р-9526)	506
<i>О. В. Лавинская.</i> Советская Пасха 1944–1955 гг. По материалам фонда «Совет по делам религий при Совете министров СССР» (ГА РФ. Ф. Р-6991)	539
Рецензии	
<i>О. А. Лейбович.</i> «Конечно, Пестель был умен ... » О книге О. В. Эдельман «Павел Пестель»	552
<i>О. В. Эдельман, Е. М. Болтунова.</i> Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII — начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022	568
<i>Григорий Кан.</i> От Нечаева до Дегаева. Рецензия на книгу <i>Л. Я. Лурье</i>	576
<i>Е. В. Балушкина.</i> «Директория. Колчак. Интервенты» <i>В. Г. Болдырева.</i> 1925–2017	596
Информация об авторах	598

С. П. Орленко

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМА ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА И КНЯЗЯ МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА ПРОНСКОГО ВРЕМЕНИ СМОЛЕНСКОГО ПОХОДА 1654 г.¹

История научной публикации переписки русских государей берет начало в XVIII столетии². В третьем томе «Древней российской вивлиофики», издаваемой Николаем Новиковым, были напечатаны пять писем великого князя Василия Ивановича к своей супруге великой княгине Елене Глинской 1532–1534 гг.³ Значительный по своему объему корпус источников, относящихся к переписке царя Алексея Михайловича с разными лицами, был опубликован в XIX в.⁴

Оба публикуемых документа относятся к лету 1654 года — времени Смоленского похода царя Алексея Михайловича. Во главе войска царь выступил на Смоленск, отдельно от него на новгородском направлении действовал корпус боярина Василия Петровича Шереметева. В июне русские войска подступили к Смоленску. 28 июня под

---

¹ Автор выражает глубокую благодарность В. Н. Козлякову и Т. А. Опариной за консультации и помощь в работе над публикацией.

² Письма Петра Великого, писанные генералу-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву по большей части собственною государевою рукой, а иные с подлинников». М., 1774.

³ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающиеся. Ч. III. М., 1788. С. 99–103.

⁴ Собрание писем царя Алексея Михайловича. М. : Изд. П. Бартнев, 1856; Записки отделения русской и славянской археологии Русского императорского археологического общества. Т. II. СПб., 1861. С. 699–780; Письма русских государей и других особ царского семейства : в 5 т. Т. V. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896.

Смоленск прибыл царь Алексей Михайлович. Государев походный стан расположился на Богдановой околице. «Местность эта, теперь называемая, Богданов холм, или Богдановка, находится над долиной Днепра, ниже Дресны, при впадении в него р. Стабны, в 5 верстах от Смоленска (по польским источникам — в 1-й миле), по Московскому шоссе, недалеко от Колодни»⁵.

Несколько ранее войскам под командованием боярина В. П. Шереметева удалось овладеть Полоцком. Согласно официальным донесениям, 17 июня государевы воинские люди подошли к городу и отрезали дороги, приступали всеми силами, «стреляли целой день». Этого оказалось достаточно, чтобы горожане «польски и литовски люди, езовиты и шляхтичи и мещане» «челом добили» и город сдали. Из них вышли в Польшу только 7 человек, остальные остались в Полоцке «на государево имя»⁶.

Взятие Полоцка было значительным военным и политическим успехом. Исторически Полоцк и полоцкие земли рассматривались русскими государями как «природная отчина», отнятая у них Литвой. Взятие Полоцка в 1563 году стало вершиной военных достижений России в Ливонской войне. В 1579 году польские войска под командованием короля Стефана Батория, сломив упорное сопротивление русского гарнизона и горожан, вновь овладели Полоцком⁷.

В Дворцовых разрядах зафиксировано, что сообщение о капитуляции города Полоцка царь Алексей Михайлович получил 29 июня. В тот же день царь отправил известие об этом в Москву царице, наследнику и патриарху Никону⁸. Письмо Алексея Михайловича к сестрам с известием о взятии Полоцка, датированное 30-м июня, опубликовано в «Письмах русских государей и других особ царского се-

⁵ Орловский И. И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск, 1905. С. 12.

⁶ Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина В. П. Шереметева 1654 г. на новгородском фронте // Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 122.

⁷ Филошкин А. И. Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг.: «Московская война» (1579–1582) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. II. С. 292–398. http://www.milhist.info/2015/04/21/filychkin_2 (дата обращения: 21.04.2015). С. 321–325.

⁸ Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 432–433.

мейства»⁹. Публикуемое письмо государя, в котором он сообщает о победе князю Михаилу Петровичу Пронскому «с товарищи», также датировано 30-м июня.

Князь Михаил Петрович Пронский возглавлял боярскую комиссию, оставленную «ведать Москву» на время государева воинского похода. Летом 1654 года русская столица была охвачена небывалой по своим масштабам эпидемией чумы. Эпидемия произвела страшные опустошения в городе. По подсчетам исследователей, «моровое поветрие» унесло около восьмидесяти процентов населения Москвы¹⁰. Князь М. П. Пронский в меру своих возможностей старался бороться с эпидемией, однако в сентябре 1654 года сам заразился и умер¹¹.

Второй публикуемый документ — письмо, отправленное из Москвы от князя Михаила Пронского с товарищами к государю в поход под Смоленск. Князь Пронский сообщает, что лишь частично сумел выполнить царский указ о присылке из Москвы к государю шестнадцати тысяч серебряных (предположительно нательных) крестов. Приобрести — «выменять» на Москве удалось только пять тысяч штук. Возникает вопрос: зачем наступающей русской армии могли понадобиться в столь значительном количестве серебряные нательные крестики?

Продвигаясь на Запад, русские войска занимали территории, долгое время принадлежавшие Польско-литовскому государству. Теперь эти земли и проживающее на них население переходили «под высокую руку» московского государя. Обязательной процедурой для новых подданных было «приведение к вере» — крестному целованию на верность русскому царю. Масштабный процесс требовал определенной подготовки. Именно организацией принесения присяги на верность царю Алексею Михайловичу новых подданных, по предположению исследователя Т. А. Опариной, объясняется распоряжение об отправке в поход к государю ста экземпляров Нового завета. Приказ боярина Михаила Петровича Пронского о переплетении этих книг (в том числе 20 с позолоченным обрезаем) в придворной Мастерской

⁹ Письма русских государей и других особ царского семейства ... Письма царя Алексея Михайловича. Т. V. М., 1896. С. 6–7.

¹⁰ Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России М., 1960. С. 58.

¹¹ Половцев А. А. Русский биографический словарь. Т. XXV. СПб., 1910. С. 57–58.

палате датирован 28 июня. Примечательно, что речь шла о книгах, напечатанных в типографии Кутеинского Богоявленского мужского монастыря близ Орши, доставленных в Москву в 1653 г. не переплетенными — «в связках»¹².

Предположительно, принесение присяги — «крестное целование» на верность русскому царю должно было сопровождаться раздачей новым подданным серебряных нательных крестов. Менее вероятным представляется версия о том, что эти кресты предназначались «новокрещенам» — представителям иных исповеданий, принимавшим православную веру. Запрошенное из Москвы количество крестов — шестнадцать тысяч — для этой цели слишком велико. Едва ли на тот момент число «иноверных», пожелавших принять православие, могло быть столь значительно. Абсолютное большинство населения, проживавшего на территориях, отвоеванных у Речи Посполитой к лету 1654 года, было православным. Кроме того, в том же архивном деле, что и публикуемые письма, находится документ о «приведении к вере» крестьян Смоленского уезда «слаботки Катыни»¹³.

Публикуемые документы впервые вводятся в научный оборот. Большая часть известных писем царя Алексея Михайловича хранилась в приказе Тайных дел — личной канцелярии самодержца. Тем не менее фрагмент переписки 1654 года оказался в Архиве Оружейной палаты (РГАДА. Ф. 396), объединившем материалы делопроизводства придворных мастерских и казнохранилищ. Предположительно, подобное могло произойти вследствие дезорганизации, вызванной тяжелыми потерями, нанесенными административному аппарату московской чумой 1654 года.

¹² Опарина Т. А. Патриарх Никон и конфискованные книги «литовской печати» // Ново-Иерусалимские чтения. 2019–2020. Москва : Новый Иерусалим, 2021. С. 88–100.

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5255. Памяти и письма по коим посылаю было в поход к государю платья и иных посылок. Л. 14.

Письмо царя Алексея Михайловича из Смоленского похода кн. Михаилу Петровичу Пронскому оставленному «ведать Москву» о взятии Полоцка. 30 июня 1654 г.

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси бояром нашим князю¹⁴ Михаилу Петровичу Пронскому с товарищи.

Мы великий государь под Смоленским на нашем стану на Богдановой околице дал Бог здорово. Милостию Божею и Пречистые Богородицы помощью и Московских чудотворцов и всех святых молитвами и отца нашего великого государя святейшаго Никона Патриарха московского и всея Руси молитвами и нашим государским и сына нашего благоверного царевича князя Алексея Алексеевича счастьем, а бояр наших и воевод промыслом, литовския люди город Полотеск нам великому государю здали и сами добили челом. Так же еще не доходя Полоцка бояре наши и воеводы литовских людей побили и языки, и знамена, и литавры поимали.

Писан под Смоленским на нашем стану на Богдановой околице лета 7162-го (1654) июня в 30 день.

РГАДА. Ф. 396 Оп. 1 Д. 5255. Памяти и письма по коим посылаемо было в поход к государю платья и иных посылок. Л. 13.

Письмо из Москвы от князя М. П. Пронского в поход царю Алексею Михайловичу в Смоленский поход о покупке серебряных нательных (?) крестов и отсылке их в поход. 13 июля 1654 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси холопи твои Мишка Пронской с товарищи челом бьет.

По твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу, велено нам холопом твоим выменив прислати к тебе государю в поход крестов серебряных больших и средних, и малых муских и женских шеснатцать тысяч. И по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу мы, холопи твои, велели крестов в Серебряных рядах сколько мочно сыскать выменить. И тех государь крестов больших и малых, муских и женских только сыскали выменить пять тысяч. И те, государь, кресты к тебе, го-

¹⁴ Здесь и далее слова, набранные курсивом, вписаны над строкой.

сударю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси мы, холопы твои, послали приказу Большого дворца с подьячим с Андреем Юрьевым июня в 30 день.

А больши, государь, того готовых зделанных крестов в рядах выменить не сыскали. А серебро, государь, против тех крестов велели мы холопы твои дать из остаточного серебра, которое серебро осталось у благословящих крестов и у евангелистов. А от дела, государь, от тех крестов деньги велели дать из остаточных же денег, которые присланы из твоего государева походу на евангелисты серебряные.

[Л. 15 об. — конверт; текст на конверте написан другой рукой другими чернилами. — С. О.]

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси. 162-го июля в 13 день приказу Большого дворца с подьячим с Андреем Юрьевым.

РГАДА. Ф. 396 Оп. 1. Д. 5255. Памяти и письма по коим посылаю было в поход к государю платья и иных посылок. Л. 15–15 об.

И. В. Дубровский

НЕСКОЛЬКО ОПИСАНИЙ ПЕТРА I ВРЕМЕН ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА

Данная подборка исторических материалов — русские переводы ряда описаний Петра I, сделанных западными наблюдателями с августа 1697 по август 1698 года. Все документы собраны в одном месте — Флорентийском государственном архиве. Возможно, этот комплекс относительно репрезентативен как картина работы канцелярии правителя Флоренции — великого герцога Тосканского Козимо III. Что же касается образа Петра в глазах европейцев и событий Великого посольства, это всего лишь дополнение к другим известным источникам. Публикуемые документы вооружают нас лучшим знанием разве что некоторых деталей.

Так, хотелось бы, чтобы больше не повторяли колоритную, но неверную информацию о том, будто царь Петр появлялся на людях в засаленном галстуке. Легенда эта пошла от Н. Г. Устрялова, сообщавшего о «поношенном галстуке», обвязанном вокруг шеи царя Петра I в момент его первой встречи с императором Леопольдом I в галерее дворца Фаворита в Вене 19/29 июня 1698 года. Наш старый историк вынес эту подробность из «Церемониального протокола» габсбургского двора¹. Интересующий нас фрагмент этого источника в наши дни издан параллельно в форме факсимиле и транскрипции². Буквально там сказано, что царь предстал «mit schlichten Halbstuch»³. Используемое немецкое прилагательное имеет два значения: «простой» и «гладкий». Возвращая Н. Г. Устрялову, заметим, что «гладкий» не обязательно значит «лос-

---

¹ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : в 6 т. Т. 3. СПб., 1858. С. 118.

² Schlöss E. Zar Peter der Grosse in Wien. Übertragung der Blätter 411 bis 452 der Ceremonialprotocolle 1698 (ZA Prot. 5) in die Schrift unserer Zeit wort- und zeilengetreu // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 51. 2004. S. 375–546.

³ Там же. S. 424–425.

нящийся», «заношенный», «сальный». Эту мысль подтверждает итальянская интерпретация явно того же сообщения о царском галстуке, имеющаяся в наших материалах. При первом свидании царя с императором, по словам нашего документа, на Петре был галстук «di tela liscia», то есть из ткани то ли «простой», то ли «гладкой», но никак не «засаленной». Очевидно, наблюдатель желает сказать всего лишь, что материал, из которого был изготовлен шейный платок царя, был чересчур прост.

Из песни слова не выкинешь: в другом документе мы встречаем свидетельство, роняющее на репутацию царя в Западной Европе досадную тень. Похожие сведения, по словам замечательного немецкого историка Вальтера Медигера, содержатся в переписке курфюрстины Софьи Ганноверской, встречавшейся с царем, и ее парижской племянницы — знаменитой «Лизелотты», жены герцога Орлеанского Елизаветы Шарлотты Пфальцской: «Обе дамы, — сообщает нам немецкий исследователь, — обсуждали в своих письмах вопрос о гомосексуализме или бисексуальности Петра с обезоруживающей непринужденностью [mit entwaffnender Unbefangenheit] и обменивались своими наблюдениями по этому поводу»⁴. А именно он ссылается на письма «Лизелотты» Софье Ганноверской от 8, 12, 18, 25, 28 сентября и от 9 и 27 октября 1697 года. За исключением нескольких выписок, они не опубликованы. Ответные письма Софьи Ганноверской не сохранились.

Часть из переводимых мной материалов формально была введена в научный оборот много десятилетий назад, а именно письма Я. Ван Дама из Утрехта и Т. Платта из Лондона впервые увидели свет в работе итальянской исследовательницы Анны Марии Крино⁵. Осмелюсь предположить, что на деле для наших исследователей они столь же неизвестны, как другие. Утраты текста в письмах Т. Платта, существующие на сегодняшний день, я восстанавливаю по старой публикации А. М. Крино. Письмо Я. Ван Дама переведено мною с французского языка, остальные — с итальянского.

⁴ Mediger W. Die Begegnung Peters des Großen und der Kurfürstin Sophie von Hannover in der Darstellung A. N. Tolstoj's // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Bd. 26. Jg. 1954. S. 142.

⁵ Crinò A. M. La visita di Pietro il Grande in Inghilterra dalle lettere di Thomas Platt ad Apollonio Bassetti // Nuova Rivista Storica. Anno XXXVII (1953). Fasc. 5–6. P. 439–449. Статья была затем перепечатана в сборнике: Ead. Fatti e figure del Seicento anglo-toscane: documenti inediti sui rapporti letterari, diplomatici e culturali fra Toscana e Inghilterra. Firenze, 1957. P. 297–307.

**№ 1. Из письма агента Маттео дель Телья
в канцелярию великого герцога Тосканского из Венеции
от 24 августа 1697 года**

Поскольку в руки мне попало одно письмо из Ганновера с известием о том, что проездом в тех краях побывал царь Московский, и изложенные факты показались мне любопытными, думаю, стоит — правда, добавив вам трудов — присовокупить сей рассказ. Вот он. Его [царское] высочество⁶ в сопровождении своих послов и прочих лицего свиты, проезжая примерно в трех милях от [Ганновера и] тамошнего светлейшего двора, обнаружил желание видеть светлейшую курфюрстину Бранденбургскую. Она, как я уже сказал, находится там, дабы увидеть пастораль, которую там дают⁷. Потому ее курфюршескому высочеству вместе со всем здешним двором было угодно отправиться туда, где пребывал Московит. Обхождение с ним и всем его двором было самым отменным. Потом в три часа ночи сев за стол, оставались там почти в полном составе до следующего дня, без конца понимали разные тосты, после чего какое-то время танцевали. Царь танцевал сам, имея при себе двух скрипачей с такими инструментами, которыми пользуются в их стране. Его [царское] высочество внешне был бы недурен собой, будучи в принципе достаточно хорошо сложен, однако манеры у него настолько варварские, что вкупе с его одеждой они делают его почти смешным. Он без конца вертит головой туда-сюда и почти одновременно жестикулирует руками, ладонями, плечами ногами. В нем нет и видимости политеса и обходительности, но зато множество манер, противоположных всякой цивилизованности, как-то [привычка] сморкаться при помощи пальцев и прочие любезности в том же роде. Одет он скорее как лодочник, но платье его довольно скромное и скудно украшенное. И хотя он знает немно-

⁶ В глазах некоторых наблюдателей на Западе, правитель «Московии» был только «великим князем», то есть приравнивался герцогу.

⁷ Очевидно, имеется в виду поставленная тогда же в Ганновере опера («favola pastoreale») итальянского композитора Луиджи Манча «La costanza nelle selve». Это уникальная информация, тогда как приведенные ниже подробности самой знаменитой встречи Петра I с курфюрстиной Софьей Ганноверской и ее дочерью курфюрстиной Бранденбургской Софьей-Шарлоттой в ночь с 6 на 7 августа 1697 года в замке Коппенбрюге выглядят не самыми точными. Два наиболее содержательных обзора существующих свидетельств об этом событии: *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии : в 5 т. Т. II: Первое заграничное путешествие. М., 1941. С. 112–121; *Mediger W.* Указ. соч. S. 117–148.

го по-голландски и по-французски, он ни за что не хотел говорить иначе, как через переводчика. Он везет с собой четырех отменных карликов, а также, говорят, крупную сумму денег и ценный багаж, с коим направляется оттуда в Голландию. Того ради там находились светлейшие господа Целльские и другие князья и важные лица, все бывшие за столом, вместе с огромным стечением народа, устроившем в городе, можно сказать, сущую ярмарку, и очень повезло, что в этот день не было дождя. Говорят, его [царское] высочество написал новому польскому королю и предложил, если тому нужна помощь, 40 тысяч солдат.

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato (далее: ASFi, MdP), 3048, f. 197r. — 198v.

№ 2. Письмо Якоба Ван Дама великому герцогу Тосканскому из Утрехта от 23 сентября 1697 года

Светлейший великий герцог,

Мой государь,

Наконец, по милости божьей, мир между королями Франции, Испании и Великобритании вкупе с господами Штатами⁸, настолько желанный и чаемый всеми, заключен и подписан в Рейсвейкском дворце в ночь с 20 на 21 число этого месяца. У императора есть время до 1 ноября, чтобы выработать свой мирный договор. Я счел своим долгом сообщить вам, мой государь, эту хорошую новость, поскольку из письма, которое вы, ваше светлейшее высочество, были так добры мне написать 15 января сего года, я уразумел проявленную вами склонность к миру. Уже пошли разговоры о том, чтобы поскорее снаряжать торговые корабли и посылать их во все места, включая прежде всего Ливорно и Смирну.

Мне подумалось также, что вашему светлейшему высочеству, может быть, доставит удовольствие, если я расскажу вам то, что увидел *hiscе meіs oculis*⁹ в минувший четверг 9/19 числа текущего месяца в Амстердаме, где я тогда оказался. Речь пойдет о персоне великого царя Московии, который, как известно вашему светлейшему высочеству, находится теперь здесь, в нашей стране. Сразу скажу, что большой удачей и привилегией было то, что я с таким удобством мог наблюдать

⁸ Наименование Голландии.

⁹ «Своими собственными глазами» (лат.)

его на протяжении более чем получаса. Это случилось благодаря моему кузену, который является одним из управляющих Компании Великих Индий и отвечает за снаряжение кораблей. На прочие случаи повсюду был оглашен ясный приказ, что никто не должен приближаться к месту нахождения царя, так что, когда другой из тех же управляющих как-то раз самочинно явился на верфь с немного дерзкой целью увидеть сказанного государя, тот самый государь через мастера-плотника (который мне это передал) велел ему сказать, чтобы тот убирался.

Великий царь, что до него, довольно высок ростом, глаза у него голубоватые, волосы и небольшие усы русые, вид красивый и благостный. Лицо его немного сожжено солнцем, и на нем есть небольшой шрам. Ходит он быстро, производя иной раз на ходу странные действия, а именно дергает головой либо задирает ее вверх то в одну, то в другую сторону, как и ноги свои, которые он тянет несколько выше обычно, и бывает, что они наталкиваются у него одна на другую. Добавлю, что тело у него белое, как снег, и все его члены совершенно сложены. Мне об этом рассказывал один голландец, друг моего кузена, который служит здесь царю толмачом или переводчиком и живет в Амстердаме, а до того долго жил в Московии. Некоторое время назад в одной деревне недалеко от Амстердама, которая называется Офертом [Overtoom], он был с царем в бане и там видел его совершенно голым. Царь квартирует в маленьком домишке, где живет канатный мастер, на верфи, где изготавливаются суда для Великих Индий (по-голландски: d'Ooſt Indische werf). В канале перед его домом находится небольшое судно или галиот, служащее ему кухней, откуда, я видел, носят ему обед в его комнату. В тот самый день у него были очень важные дела, так что все утро он писал письма. Так мне сказал его вышеупомянутый толмач. Когда он беседовал со мной, он только что получил от царя какое-то задание и шел что-то передать. Когда колокол пробил двенадцать часов, или полдень (а это обычное время, в которое плотники оканчивают обед и возвращаются к своей работе), я издали завидел царя. В окружении десяти или двенадцати человек он самым обычным образом шел на работу, одетый, как плотник или матрос, в короткий камзол из красной саржи с маленькими серебряными пуговицами, короткие штаны из серого сукна, матросские чулки, башмаки и шляпу. Когда он проходил по деревянному мосту, который находится между одной и другой верфями, рядом с ним был невысокий человек, его возлюбленный, как мне го-

ворили, принц крови и его кузен, с которым он только и делал, что дурчился, обнимая, целуя, поглаживая его и делая другие похотливые жесты точь-в-точь как матросы, которые возвращаются из Индий и хорошенько выпили. Когда он поравнялся с комнатой, где был я и откуда через отверстие в окне незаметно за ним подглядывал (ибо он не любит, когда на него смотрят), он достал из кармана яблоко, стал чистить его зубами от кожуры, выплевывая ее изо рта, а после съел его, как матрос. Проделав все это, он тем же шагом приблизился к кораблю (который Компания Великих Индий начала строить по его просьбе и который, некоторые думают, предназначен для него) и тут же взял в руки плотницкий топор и принялся за работу. Мгновение спустя он помогал нести или тянуть какие-то доски, которые требовалось прикрепить к упомянутому судну, избегая на корабль и спрыгивая с него, как завзятый моряк. Мастер-плотник, мой друг, мне сказал, что царь (который говорит немного по-голландски) зовет его на этом языке *Waes*¹⁰ (что по-итальянски значит *Padrone*) и что он, плотник, как ему строго наказано царем, отвечает ему и зовет его не иначе, как простым именем Питер, по-итальянски Пьетро. Тот же плотник еще мне поведал, что, когда он говорит с царем о чем-то, что касается кораблей, тот имеет такую способность, что не успеет слово сойти с его уст, как сей государь схватывает его в тот же миг. Я также слышал от толмача, что днем раньше царь побывал на Адмиралтейской верфи, где ему показали все, что относится к снаряжению кораблей, и что он тотчас взял в руки перо и, не останавливаясь, стал зарисовывать на бумаге, как выглядят бомбы и другие вещи. Пока он этим занимался, мастер, отвечающий за снаряжение судов, просил его не утруждать себя этим, ибо он может показать его величеству все его рисунки в напечатанном виде. Царь, тем не менее, продолжал свое занятие, а когда потом сравнили одно с другим, по размеру и форме все в точности сошлось.

В позапрошлую субботу 4/14 сентября царь позвал мастера-плотника отужинать с ним в отель, именуемый новой квартирой для господ (по-голландски: *Het nieuwe heeren Logement*), где остановилось Великое посольство, и когда он туда пришел, для послов были поставлены три кресла с подлокотниками, они расселись, царь взял мастера за руку и посадил сразу за послами перед своей собственной персоной, сказав

¹⁰ «Хозяин», «начальник», «мастер» (нидерл.)

по-голландски: *Baes, daer moet gij sitten*¹¹, что означает по-итальянски: *Padrone voi dovete sentar la*, и потом ели и выпивали весьма умеренно. Еще стоит прибавить следующую историю, которую я также слышал от того же мастера. В один из дней на прошлой неделе некий купец по фамилии Гутман [*pomme Houtman*], ведущий дела в Московии, пригласил и потчевал царя и всю его свиту, и был пир горой и чрезвычайные излишества. На другой день один из царской свиты едва заикнулся царю о том, что у него сильно болит голова, царь у него спрашивает: «С чего бы это?». Тот ответил, что слишком много выпил. «Зачем вы выпили так много?» — спрашивает царь в другой раз. Тот в ответ: «Оттого что сей отъявленный мужлан, — и показывает одновременно пальцами на самого царя, — тоже выпил так много».

Об этом государе возникают тысячи подобных историй, которые, как мне сказали, начали записывать. Я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы получить [такую запись] и отослать ее вашему светлейшему высочеству при первой возможности, если это доставит вам удовольствие, о чем буду ожидать ответа от вашего светлейшего высочества.

Желая теперь закончить это письмо, прошу ваше светлейшее высочество не гневаться, что я, пользуясь случаем, только сейчас почтиительно поздравляю вас с женитьбой господина принца дона Джан Гастоне, вашего сына, на принцессе Саксен-Лауэнбургской, поскольку газеты полны новостей и ходит много разговоров обо всех увеселениях и необычайных представлениях, устроенных по случаю [свадебной] церемонии в Дюссельдорфе. Да благословит Бог сих светлейших принца и принцессу, даровал им юного принца.

Позабыл сказать, что 1/11 числа текущего месяца великий царь был в нашем городе, где около часа имел беседу с королем Вильгельмом в гостинице, которая называется *Toelaft*. Я видел последнего во время его отъезда. Он выглядел очень радостным и довольным этими переговорами, в ходе которых два этих властителя, насколько я слышал, обсуждали очень важные дела.

Царь считается здесь государем здравомыслящим, человеком большой рассудительности и свободомыслия, однако никто не может толком понять и не знает, что сказать о его походке и о его экстравагантной манере поведения, которой он здесь придерживается.

---

¹¹ «Мастер, вы должны сидеть здесь», или: «вот ваше место» (*нидерл.*)

Молю Господа Бога о здоровье и благополучии вашего светлейшего высочества и засим остаюсь,

Светлейший великий герцог,

Мой государь,

Вашего светлейшего высочества смиренный и покорный слуга

Я. Ван Дам

Из моего уединения в Утрехте 13/23 сентября 1697 года.

ASFi, MdP, 4265, № 52.

№ 3. Из письма Томаса Платта секретарю великого герцога Тосканского аббату Аполонио Бассетти из Лондона от 14/24 января 1698 года

Царь прибыл в сей город [Лондон] в минувший понедельник после суточного путешествия по морю. С собой у него не больше двадцати человек свиты, среди которых четверо или пятеро дворян. В его распоряжении были две яхты и два военных корабля, и он захотел проделать путь на корабле вице-адмирала Митчела. Он так таился, что не желал, чтобы ему делались какие-либо особенные знаки внимания. За свой стол во время плавания он не допускал других англичан, кроме вице-адмирала и сэра Беркли, сына милорда Дерсли, бывшего вольноопределяющимся на судне. Он не был столь щедр, как великий герцог Тосканский, ибо не дал ничего на чай за свой проезд. Так как этому государю по душе прежде всего морское дело, войдя в Темзу, он желал отправиться напрямиком в Чатем, чтобы осмотреть большой пакгауз, но Митчел убедил его сначала добраться до Лондона. Сей великий государь высок ростом, хорошо сложен, одевается обыкновенно так, как это делают в этой стране, временами носит белый или черный парик, и, хотя он предпринял вояж столь экстравагантный, говорят, он отнюдь не полоумный, а наоборот, человек большого здравомыслия, которое король весьма в нем ценит. Он намеревается построить 60 военных судов на Черном море и похваляется завладеть однажды Константинополем. Как он того хотел, он нынче поселился в обыкновенном доме на Норфолк-стрит, который обращен к Темзе, и заботы о его столе возложены на королевских служащих. Обедает он в девять часов утра и ужинает около пяти пополудни. Он отказался от караула, предложенного ему его величеством. Говорят, король возьмет его с собой в Виндзор. Между эти двумя монархами еще не было свиданий, поскольку требовалось пойти на по-

воду у царя, который после избытка величия у себя на родине, пожалуй, как никогда наслаждается частной жизнью.

ASFi, MdP, 4247.

№ 4. Из письма Томаса Платта Аполонио Бассетти из Лондона от 21/31 января 1698 года

В прошлую пятницу король навещал царя и, следуя желанию этого государя, отправился к нему инкогнито в карете милорда Ромни с упомянутым милордом и графом Албемарл без охраны. Два монарха обнялись с большим чувством. Властитель Московии выпил за здоровье его величества короля Британии полный бокал канарского вина, которое ему очень нравится. Поскольку было утро, наш король от вина воздержался и делал ему всевозможные знаки внимания. Царь в тот день был одет просто, по нашей моде. На следующий день он со всей своей свитой отправился смотреть музыкальную комедию. Они [русские] были одеты по-английски, некоторые с большим шиком, но великий герцог [Московский] скромно. В этом общественном месте он был легко узнаваем благодаря своему росту, ибо он выше прочих [русских], его подданных. Мне говорили [прежде], что с ним не больше четырех или пяти дворян, а теперь до меня доходит, что число тех, кто ест с ним за одним столом, достигает пятнадцати или шестнадцати человек, среди которых есть один подвластный ему король и некий князь Александр, его двоюродный брат. Он достаточно хорошо говорит по-голландски, равно как и многие из его людей. И одеваются они так хорошо, что не выглядят чужаками. Царь намерен вскоре осмотреть Виндзор, но его страсть — замки на море, и он исполнит это желание, когда будет более подходящая погода, ибо теперь река наполовину покрыта льдом. Господин Митчел — его гид в морских делах, и царь так его любит, что старается заполучить его в свою страну, дабы поставить во главе флота, который должен быть построен на Черном море, однако я думаю, что сей командир скорее удовольствуется званием вице-адмирала в Англии. Впрочем, вопреки всему написанному из Голландии, царь ведет себя здесь с большим благоразумием, и на лице у него написано, что он человек большой учтивости. Он осматривал лондонский Тауэр в компании всего одного английского купца, говорящего по-русски, и поскольку никто его не знал, его там, как водится, разоружили. Ходит слух, что он желает стать кавалером ордена Подвязки.

ASFi, MdP, 4247.

№ 5. Из письма Томаса Платта Аполлонио Бассетти из Лондона от 11/21 февраля 1698 года

Великий герцог Московский должен был засвидетельствовать свое почтение принцессе [Датской]¹². Он был одет при этом по обычаю своей страны, весь в драгоценностях. Там были два стула с подлокотниками под балдахин. Принцесса хотела, чтобы царь расположился по правую руку от нее, но он просил прощения и сел по левую, поприветствовав ее королевское высочество поцелуем. Через четверть часа беседы в присутствии немногих лиц вошел принц и с ним много дам, что заставило его [царское] величество бежать прочь. Потом ему довелось взглянуть на последний бал при дворе, [что он сделал], соблюдая свое обычное инкогнито. Будучи чрезвычайно любопытным от природы, он осматривает все самое примечательное в этом большом городе и среди прочего захотел посетить собрание квакеров. О его отъезде пока ничего не слышно. Страна ему нравится и кажется столь же теплой, как нам Андалусия.

ASFi, MdP, 4247.

№ 6. Из письма Томаса Платта Аполлонио Бассетти из Лондона от 18/28 февраля 1698 года

Теперь могу сообщить вашей милости более точные сведения о приеме, оказанном царю у принцессы [Датской], поскольку получил информацию об этом от одного придворного, присутствовавшего при этом. Его московское величество условился о своем визите в пять часов пополудни, дабы встретить там поменьше народу; привратникам дворца было приказано, когда придут кареты, дать им заехать во двор, а страже велено удалиться из зала, чтобы все было сохранено в строжайшей тайне. Но великий герцог [Московский] вместо пяти часов приехал ближе к семи, когда двор уже снова стал заполняться дамами и кавалерами, [являвшимися], дабы строить [друг другу] свои обычные куры¹³. Едва принц Датский был уведомлен о том, что царь во дворце, он спустился по лестнице, встретил его при выходе из кареты и проводил до апартаментов принцессы. Царь был встречен ее королевским высочеством в прихожей, где приветствовал ее поцелуем. Оттуда они вошли в спальню, где были два стула, один боль-

¹² Наследница английского престола, будущая королева Анна.

¹³ Quando già la corte cominciava a riempirsi di Dame e Cavalieri per fare la loro solita corte, — употребленное здесь итальянское выражение fare la loro solita corte — прямой аналог французского: faire la cour, откуда идет и русское: «делать» или «строить куры».

шой и другой маленький, поставленные у очага. Царь не захотел сесть, пока ему не подали маленький, и тогда он разместился по левую руку от принцессы. Увидев потом, что принц Датский стоит, его величество встал и велел его королевскому высочеству сесть, что и было сделано. Аудиенция продлилась четверть часа в присутствии четырех придворных дамы, а с царем были его князь Александр, адмирал Митчел и один переводчик. На прощание великий герцог [Московский] низко поклонился и, увидев, что комнаты полны людей, не пошел к своей карете, а скорее пустился бежать, и бывший к его услугам принц Датский с трудом за ним поспевал, ибо он толст. Таков подлинный рассказ об этом факте. Говорят, что у него есть здравый смысл, но он сохраняет в себе неотесанность своей страны. Его [царское] величество теперь уехал жить в место, где он не сможет познать великую цивилизацию, — деревню под названием Дефтфорд, в двух милях от Лондона, на реке, где строятся военные корабли и полным-полно моряков. Он поселился в доме контр-адмирала Бенбоу и изрядно там развлекается искусством навигации и кораблестроением. Вечный гид при нем — Митчел, который не меньше придворный, чем моряк. Маркиз же Кармартен, чудаковатый господин и контр-адмирал, нашел способ заслужить его расположение, то и дело устраивая для него забавы на воде, а также в городе. На днях доктор Бернет, епископ Солсберийский отправился засвидетельствовать свое почтение его [царскому] величеству в Дефтфорд и был очень хорошо принят. Он попросил позволения привезти [к нему] архиепископа Кентерберийского под тем предлогом, что тот внушит ему благоприятное мнение об англиканской церкви, на что царь объявил, что не одобряет в этой стране недостаток уважения к [религиозным] изображениям. Епископы эти тщатся обратить его в свою религию, однако не верится, что он захочет рисковать своей короной. Он также весьма увлечен географией, и если судить о величии государей по размерам их государств, он будет считаться величайшим монархом Европы. Но сам я думаю, что страна его брата великого герцога Готсканского куда достойнее. О его отъезде пока разговоров нет, и неизвестно, каким путем он собирается вернуться в Московию.

Как видит ваша милость, приезд царя в эту страну оказался мне весьма на руку, ибо он дает мне материал, делающий мои письма пространнее, но не знаю, не будет ли это впредь для меня несколько утомительно.

ASFi, MdP, 4247.

№ 7. Из письма Томаса Платта Аполонио Бассетти из Лондона от 18/28 марта 1698 года

Говорят, что царь Московский вскоре посетит несколько наших главных портов, для чего двум яхтам предписано быть в его распоряжении. Король подарил ему прекраснейший корабль, весь позолоченный, с прекрасными росписями. Он несет 26 бронзовых орудий, и его предназначением было служить королевским транспортом в Голландии¹⁴. Нельзя увидеть судна более галантного, как нельзя было обязать царя больше. Сей государь по-прежнему с удовольствием штудирует морскую науку в Дептфорде, и как во времена короля Карла мы научили этому ремеслу французов, так нынче его преподают москвитам, но эти не причинят столько зла своим учителям. Ему нравится ходить по Темзе на небольших судах при сильнейшем ветре, и он бесстрашно стоит у руля, пока его москвиты умирают от страха, который его смешит. Милорд Ромни на днях в Гринвиче показывал ему действие бомб, а после устроил для него роскошный ужин в тамошнем дворце, где они отменно повеселились. В числе других тостов милорд Ромни поднял бокал за здоровье великой герцогини [Московской], и царь выказал по этому поводу большое удовольствие. Произнося тост за короля, царь пожелал встать. За всех государей, участвующих в лиге против Турка, он также поднял бокал своего любимого вина, которым является канарское. Он не может слышать о французах и не желает иметь ни единого у себя на службе, что является прекрасным примером для других монархов, претендующих на большую цивилизованность. Он увозит с собой отсюда больше тысячи человек, в том числе солдат и моряков, со многими офицерами, инженерами, артиллеристами, в также ряд мастеров [alcuni Artiſti]. О его отъезде пока не говорят.

ASFi, MdP, 4247.

№ 8. Из письма Томаса Платта Аполонио Бассетти от 1/11 апреля 1698 года

Великий герцог Московский после упомянутой битвы в Портсмуте живым и здоровым вернулся в свою резиденцию в Дептфорде. Его [царское] величество вместе с адмиралом Митчелом поднялся на борт

¹⁴ Ed era destinata per il trasporto del Re in Olanda. — Возможно, автор письма недопонял, что слова «The Transport Royal» являлись названием судна.

80-пушечного корабля, и из всех кораблей, как положено, были составлены две эскадры. Сражение было жестоким и очень понравилось этому государю. Помимо прочего, он удивился тому, как быстро корабли, находившиеся на расстоянии, повиновались знакам, данным адмиралом, а также с удовлетворением увидел портовые укрепления, которые являются регулярными, с большим количеством военных кораблей, стоящих в этой гавани. Царь вернулся по суше в карете, и прислуживали ему Митчел и тамошний губернатор. Его царское величество, любя милорда Кармартена, который вечно устраивает для него новые развлечения на воде, пожаловал этому джентльмену привилегию посылать табак в Московию, который в прошлом был там запрещен¹⁵, и рассказывают, что это будет приносить сказанному милорду десять тысяч фунтов в год. Некоторое время назад царь отужинал у одного джентльмена, частного лица, где его угостили на славу, с музыкой и певицами. Он подарил хозяину дома бриллиант стоимостью около ста фунтов. В этом государе нельзя найти другого изъяна, кроме его природной неотесанности, при том, что ему свойственны большой ум и наблюдательность.

ASFi, MdP, 4247.

№ 9. Из письма Томаса Платта Аполонио Бассетти от 29 апреля / 9 мая 1698 года

Великий герцог Московский попрощался с королем на прошлой неделе в Кенсингтоне, а сегодня в восемь сел на судно, чтобы плыть в Голландию, но, поскольку ветер был противный, кажется, он еще не отплыл. Ветер этот заставил его провести несколько дней в Чатеме посреди кораблей и моряков. Он оставляет там свое прекрасное судно, которому через несколько недель предстоит поднять паруса, чтобы плыть в Архангельск. Он утвердил в должности английского капитана, как до того других офицеров. Судно везет галантерею, купленную им в этой стране, и многих мастеров [artisti], которых он взял себе на службу. Царь дает понять, что весьма доволен королем и страной. И он наградил придворных слуг, которые ему прислужили, персидскими тканями, впрочем, недорогими. Он просил его величество не отвечать визитом на его последний визит и передал свои извинения прин-

¹⁵ На concesso a questo Signore il privilegio di mandare Tabacco in Moscovia per il paspatoprohibitovi, — перевод последних слов предположительный.

пу и принцессе Датским...¹⁶ Так отправляется в путь великий монарх, который станет величайшим, если воспользуется тем, чему научился в своих разъездах. Причиной его огромного внимания к морскому делу стал тот факт, что никакой государь не может быть заметной фигурой в мире, если он не силен на море. Царь — человек высоких устремлений, хотя отмеченный природной грубостью своей страны, фамильярен и приветлив с близкими, что немало для того, кто привык действовать как тиран. И вел он себя здесь скромнее, нежели повел бы себя какой-нибудь французский государь, а именно он сообразовывался с обычаем страны своего местонахождения в ситуации, когда та нация, которая слывет такой цивилизованной, всегда поступает наоборот. Французы говорят, что царь — сумасброд. Они презирают честь, которой не удостоились, досадуя, что он не пожелал увидеть Францию.

ASFi, MdP, 4247.

№ 10. «Сообщение о ходе первого свидания его величества императора и царя Московии 29 июня 1698 года»

В означенный день, в пять с половиной часов пополудни (согласно уговору с Томасом графом Черниным, назначенным его императорским величеством своим уполномоченным для приема и услуг царю на время его пребывания при здешнем дворе) на трех колясках, запряженных парой лошадей, царь отправился нижней улицей в сад [дворца] Фаворита, где ныне находится двор, и, выйдя из коляски, по улице, именуемой Кедровой, достиг тайной лестницы. Он поднялся по этой лестнице на галерею, где его ожидал капитан императорской гвардии Филипп граф Дитрихштейн, дабы уведомить его величество императора, ожидавшего у закрытой двери с другой стороны галереи, дабы войти, когда войдет царь, и встретить его посередине сказанной галереи. Так бы и вышло, если бы сам царь, двигаясь быстрым шагом, не опередил его императорское величество.

Выражение лица, с которым царь взирал на императора, было сладчайшим и в наивысшей степени смиренным, когда он наклонился, точно желая поцеловать его величеству руку. Тот вел себя в ответ наило-

¹⁶ ... Ed ha mandato le sue scuse al Signore Principe ed alla Signora Principessa di Danimarca, scusandosi di non esservi tornato per amore della gran gente che vi è sempre. — Предложить уверенный перевод конца этой фразы я затрундяюсь.

безнейшим образом. Царь поприветствовал его на родном языке, а его переводчик перевел сказанное на немецкий, и на том же языке его величество император отвечал. Беседа продлилась чуть меньше четверти часа. Его величество император не преминул коснуться заслуг, которые стяжал царь в глазах всего христианского мира, подав ему своим оружием помощь против общего врага. В продолжение разговора обе стороны были в шляпах, и, хотя царь то и дело обнажал голову, его императорское величество всегда мягко принуждал его надеть шляпу обратно.

Когда свидание окончилось, его величество император вернулся в свои покои, а царь спустился по той же потайной лестницей к своим коляскам, однако, заметив пруд, который расположен над садом, быстро направился и почти побегал в ту сторону. Там он запрыгнул в гондолу и, переплыв пруд пару раз, затем вернулся к своим коляскам и уехал.

На упомянутом свидании присутствовали лишь по пять министров с каждой стороны. С его императорским величеством были обер-гофмейстер, обер-камергер, капитан гвардии, граф Кинский и гофмаршал князь Фонди. С царем — его посол, граф Чернин и еще трое из числа его главных министров или должностных лиц.

Царь — очень рослый и худой человек. В его поведении не только не заметно малейшей чопорности, но и чувствуется естественность и особая небрежность¹⁷. Он появился одетым в камлот каштанового цвета на немецкий манер, без обшлагов на рукавах камзола и без манжет. Галстук был из простой ткани, шляпа черная, чулки белые. Он был без парика, с короткими и небрежно подстриженными волосами. Весьма часто он вертит головой в разные стороны и то и дело вытягивает ноги. Этот изъян приписывают остаткам яда, который давным-давно дали ему в Москве.

Часа через два после свидания граф Чернин явился на аудиенцию к его императорскому величеству, дабы передать ему, что царь среди прочего выразил мысль, что он считает этот день счастливейшим в своей жизни и что страстно желает иметь возможность почаще совещаться с его величеством императором.

ASFi, MdP, 4502, f. 525r. — 526r.

¹⁷ Nel di lui portamento non solo non s'osserva il minimo sostegno, ma si scorge una naturalezza, e negligenza particolare — перевожу эту фразу с конъектурой, а именно вместо sostegno читаю contegno.

Видимо, одна и та же копия документа, опубликованная дважды: *Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859, p. 371–372*; *Шмурло Е. Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого, Юрьев, 1903. С. 396–397 (№ 539), со ссылкой: [ASV, Segr. di Stato] Germania, 235, и уточнением, что текст приложен к депеше из Вены от 5 июля 1698 года.*

Предпоследний абзац с описанием внешности царя есть только во флорентийском списке. Прочие разночтения являются несущественными.

№ 11. Сообщение секретаря папского нунция в Польше Дж. А. Давиа о встрече последнего с Петром I в Замостье 15 августа 1698 года

Донесение о пребывании царя Московского в Замостье, написанное секретарем монсиньора нунция¹⁸.

Как прибыли мы в Замостье, госпожа казначейша¹⁹ пожелала явить чрезмерную любезность, первой навестив монсиньора нунция, и после обычных приветствий пригласила его прийти к ней на обед на следующий день. Приглашение монсиньором было принято, а через несколько часов мы услышали новость, что в город уже приехал царь Московский и что он получит стол и кров во дворце госпожи казначейши. Потому монсиньор велел просить ее превосходительство освободить его от обязанности присутствовать на завтрашнем обеде, ибо он не хотел оказаться вовлеченным в какое-либо соперничество с великими послами царя, которые, будучи еретиками, могли бы не выказать должного уважения представителю апостольского престола. Желая иметь монсиньора на обеде, госпожа [казначейша] переговорила об этом деле с царем и получила ответ, что монсиньор нунций может прийти без всяких опасений, ибо царь желает оказать ему всю честь, полагающуюся папе Римскому, коего он представляет, и что, если ему мало первого места после него [и он желал бы быть единствен-

¹⁸ Ср.: *Шмурло Е. Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев, 1903. С. 521–524 (№ 660), 529–530 (№ 673).*

¹⁹ Хозяйка города, вдова подскарбия коронного (и потому казначейша) княгиня Замойская.

ным допущенным к его столу], то царь мог бы приказать своим послам стоя находиться у стола, пока бы они с монсеньором ели. Через слугу госпожи казначейши царь выразил монсеньору нунцию свои наилучшие чувства, и тот с легким сердцем согласился прийти. На следующее утро в обеденный час он отправился во дворец госпожи казначейши, и, войдя в комнаты, нашел там царя, который стоя рассматривал безделушки, расставленные на столиках казначейши. Когда царю доложили о появлении монсеньора, он повернулся к нему с весьма радостным лицом и знаками почтения. Выслушав приветствие, с которым монсеньор обратился к нему на латыни и которое было переведено первым послом Лефортом, царь отвечал по-польски, что рад видеть посла государя, которого он высоко ценит, и, весьма низко поклонившись монсеньору, вновь стал разглядывать драгоценные вещи, находившиеся в комнате, и, в особенности, картины, с большим любопытством расспрашивая, что они изображают. Пока монсеньор был занят разговором с хозяйкой, царь вышел из комнаты, а когда [в соседней зале] он увидел, что все яства уже на столе, он вошел обратно и, поклонившись хозяйке и монсеньору, сказал им, что обед уже на столе и что он просит их идти обедать. После он ринулся впереди всех и уселся на последнее место. Монсеньор расположился от него по правую руку, госпожа [казначейша] — по левую. Потом подошли москвиты [и расселись] по порядку в соответствии с их должностями, а также много поляков, домашних слуг хозяйки. Ели и выпивали весело, с пушечной пальбой, и первый тост был за папу, который царь пил стоя, демонстрируя большое почтение. После монсеньор поднял бокал за здоровье царя и то же сделали все прочие. В середине трапезы царь пил здоровье монсеньора, но без церемоний, не провозгласив тост для всех, а тихо сказав ему: «Пью за ваше здоровье». Через несколько часов застолья царь обратил внимание на нагрудный крест монсеньора и, взяв его в руки, сделал знак, что он хорош. В ответ монсеньор велел ему сказать, что, если это не будет чересчур смело, он желал бы преподнести ему этот крест в подарок. Выяснив, что царь, в самом деле, был бы рад его принять, монсеньор снял крест с шеи и повесил его на шею царю. Тот выказал величайшую радость, что стал его обладателем, разглядывал крест с неописуемым восторгом и целовал его в том месте, где, как велел передать ему монсеньор, были заключены реликвии. Когда встали из-за стола, царь показывал и велел целовать крест

всем, а после спрятал его у себя на груди. Под конец он позвал своего первого посла и спросил трость с набалдашником, покрытым бриллиантами, которая была подарена ему польским королем, желая преподнести ее монсеньору. Но его люди убедили его этого не делать, дабы не лишиться себя вещи, подаренной королем ему на память. Тогда он велел принести одну серебряную баночку, весьма похожую на те, в которых держат кусочек мыльца, служащий для бритья, открыв ее, извлек оттуда камень желтого цвета, нанизанный на шнурок, и презентовал его монсеньору со словами, что эту безделицу ему прислал китайский император и что он дарит ему этот камень на память о себе. Когда же он прибудет в Москву, то сможет прислать ему [еще] один как император, что он обещал сделать, для чего пожелал, чтобы ему написали имя монсеньора, которое было ему дано. Тогда монсеньор смиренно его поблагодарил и набрался духу заговорить с ним о миссионерах, для которых он добился права свободного проезда через всю Московию в Китай²⁰.

Что касается камня, подаренного монсеньору, одни говорят, что это восточный топаз, другим угодно думать, что он является желтым сапфиром. В Москве он был оценен в 5 тысяч талеров, а здесь один еврей предложил за него тысячу дукатов. По его словам, если бы камень весь был таким, какой он есть в его острой части, то стоил бы он больше десяти тысяч дукатов. В нем сквозное отверстие, идущее по его длине. Говорят, что камень этот так рождается вокруг куска дерева в горах Китая. Весит он три с половиной унции.

ASFi, MdP, 4502, f. 603r. — 604v.; список, сделанный рукой тосканского агента при польском дворе Лоренцо Мариани.

²⁰ *Alla China*, «в Китай», — прибавлено другим пером, видимо, уже в канцелярии великого герцога Тосканского. Речь, тем не менее, в самом деле, шла именно об этом. Подробнее см.: *Дубровский И. В. Принцесса и трон пропавшего стольника князя А. П. Прозоровского* (в печати).

Е. В. Балущкина

СЛУХИ И ТОЛКИ: ВЕСНА 1857 ГОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ГЛАЗАМИ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛЕНИЯ

Среди материалов фонда Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии хранится комплекс документов, озаглавленный «Сводки агентурных донесений о толках и слухах по поводу различных событий политической, экономической, общественной жизни России, международных событий и происшествий» (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213–3245).

Эти «Слухи и толки» составлялись чиновниками Третьего отделения с периодичностью от двух дней до двух недель с 1857 до 1869 г. (т. е. на протяжении 13 лет) для ознакомления главноначальствующего и для предоставления Александру II, о чем говорят пометы на некоторых документах и его собственноручные отметки. Многие сводки имеют также помету о месте прочтения их императором: «Ореанда», «Дармштадт», «Фридрихсхафен» и др. Таким образом, одним из предназначений сводок было информировать Александра II о событиях и настроениях в столице во время его отсутствия в столице. Иногда в качестве места прочтения стоит и «Санкт-Петербург».

«Слухи и толки» являются в этом отношении своего рода продолжением такого комплекса документов, как письма А. Х. Бенкендорфа Николаю I. Главноуправляющий Третьим отделением регулярно докладывал императору лично о событиях и умонастроениях в столице, продолжая эти доклады в письменной форме, когда Николай I находился в отъезде или когда он сам или царь был болен и устный доклад не мог состояться¹. Такая практика существовала и внутри Треть-

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1467 (в десяти частях).

его отделения. Например, в периоды, когда Главноуправляющий граф А. Ф. Орлов находился вне столицы, замещавший его в Петербурге Л. В. Дубельт каждые несколько дней направлял ему краткие сводки наиболее значимых событий и слухов. Если сравнить такие записки в адрес графа Орлова с материалами за тот же период в так называемых «дневниках» Дубельта, т. е. записях о положении в столице, которые он вел для себя¹, окажется, что информация об отдельных происшествиях была без изменений перенесена из дневника в сводку^{II}.

Третье отделение составляло и другие записки и отчеты, так или иначе отражающие общественные настроения. Во-первых, это, конечно, знаменитые ежегодные отчеты, которые обязаны были подавать все учреждения^{III}. Во-вторых, отдельные донесения агентов Третьего отделения и таковые же, но сгруппированные по темам: например, о крестьянской реформе, о польском восстании и т. д.

Представляемые здесь материалы являются уникальным источником информации не только о событиях политической, экономической, культурной жизни Санкт-Петербурга, но и об общественном мнении. «Слухи и толки», конечно, излагают события, но фокус их все-

¹ Эти записки Л. В. Дубельта, конечно, не были личными дневниками; автор подразумевал, что изложенная в них информация будет (или может быть) впоследствии сообщена начальству. «Дневник» за 1849 г. опубликован. См.: Дубельт Л. В. Записки для сведения, 1849 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] М. В. Сидоровой, Е. И. Щербаковой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 2005. [Т. XIV]. С. 146–248.

^{II} Ср., например, дневник Л. В. Дубельта о текущих событиях за 1853 г. (ГА РФ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 19) и сводки столичных событий, составленные им для графа А. Ф. Орлова в июле–сентябре того же года (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3211).

^{III} По примеру других учреждений Российской Империи, Третье отделение ежегодно представляло императору отчет о своей деятельности. Регулярные отчеты начали составляться с 1827 г. Первые два из них отчетами о деятельности назвать нельзя, т. к. они представляли собой лишь изложение общественного мнения за указанные годы, собственноручно составленные М. Я. фон Фоком. Но и эти два отчета относятся к другому жанру, нежели «слухи и толки». В них общественное мнение выражено не в частных случаях, действиях, разговорах и т. д., а в некотором срезе того, что, по мнению автора, «общество желает» в отношении улучшений в той или иной отрасли или в работе ведомств. Уделяется также внимание «довольным» и «недовольным», причем относятся эти определения опять же не к отдельным лицам, а к их большим социальным или национальным группам — дворянству, купцам, полякам и пр. В дальнейшем ежегодные отчеты Третьего отделения стали кратко описывать общественно-политические настроения в губерниях, освещать революционные движения или другие протесты, а также давать статистику убийств, пожаров и т. п. Ежегодные отчеты Третьего отделения опубликованы. См.: Россия под надзором: Отчеты III Отделения, 1827–1869 / сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М., 2006.

гда остается на отношении общественности к этим событиям, а также к новым статьям в прессе и литературным произведениям, судебным разбирательствам, явлениям русской и международной политики.

В монографии Н. В. Сидоркина¹ в разделе «Основные направления деятельности полиции по надзору за благочинием» выделяются три таких направления: 1) надзор за соблюдением норм в сфере общественной нравственности, 2) надзор за духовным благочинием и 3) надзор за общественным порядком. И действительно, каждому из этих трех направлений в «слухах и толках» отведено место. Третье отделение фиксирует все: от реакции общества на реформы до отзывов публики на концерт Штрауса, от посещения великим князем Константином Николаевичем Французского двора до новой моды столичных игроков тайно собираться по ночам для игры в запрещенное лото. Но интересы его идут намного дальше. Часто, напрямую не касаясь надзора за благочинием, Третье отделение обращает внимание на самые незначительные, казалось бы, вещи, всегда задаваясь вопросом: «Что об этом подумали или могли бы подумать?» Великий князь в Париже слишком восхищался предметами, представленными в музеях. — «Как будто никогда ничего подобного не видал у себя в России» (док. № 21). На Андреевском рынке пропал кот, который вскоре был обнаружен у здания Биржи, где он «за 25 руб. серебр[ом] продается в числе привезенных сюда из-за границы других редких иностранных зверей». — «Может быть не один здешний обляинялый попугай и не одна старая украденная болонка или шпиц настоящей русской породы проданы здесь на бирже за иностранных, только что привезенных из-за границы»^{II}. В первом случае чиновник Третьего от деления воспроизводит мнение общества, во втором случае — свое собственное.

Таким образом, кроме перечисленных функций по надзору за благочинием, высшая полиция занимается, по выражению французского следователя Э. Фюрекса, «интерпретацией возмутительного», расшифровкой знаков или изложением событий, «оскорбляющих взор»^{III}.

^I Сидоркин Н. В. Полицейский надзор за благочинием в Российской империи. М., 2021.

^{II} ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 3213. Л. 115–118 об.

^{III} Фюрекс Э. Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции / Пер. с фр. В. Мильчиной. М., 2022. См., например, С. 150–152 («Интерпретация взглядов: уличающие взгляды»), С. 164–171 («Интерпретация возмутительного»).

Причем в нашем случае оскорбленными возмутительными вещами оказываются как Санкт-Петербургские обыватели, так и сами чины III Отделения. Первых оскорбляет иллюстрация из французской газеты, неверно, по мнению читателей, изображающая великого князя (док. № 21), вторых — тот факт, что «настоящие причины непонятной и непростительной со стороны здешней полиции беспечности» в отношении разгуливающих стаями по столице бездомных собак «не только не известны обывателям Петербурга, но, к величайшему стыду, даже и самим полицейским офицерам!» (док. № 18).

III Отделение интересуется не только возмутительными предметами: позитивная или даже нейтральная реакция общества также находит место в его докладах.

Много внимания уделяется настроениям чиновников различных ведомств, а также военных. Освещаются конфликты в министерствах на самых различных уровнях, недовольство отдельными распоряжениями или произволом со стороны начальства и т. п. (см. док. № 25, 26). Не остаются без внимания и просто толки в чиновничьей среде, не чреватые никаким нарушением благочиния. «Поговаривают также и о новой форме пуговиц по всей России для военных и статских. Нынешние опущенные крылья орла будут подняты кверху, как на монетах последней чеканки. — Не хотят, говорят, чтобы Российский орел сидел с поникшими крыльями, а чтобы они были подняты вверх и всегда готовы лететь, куда судьбе угодно» (док. № 22).

В «слухах и толках» прослеживается эволюция как самого Третьего отделения как учреждения и тех тем, которые казались значимыми его чиновникам, так и жизни столицы и общественного мнения в целом. Сводки первых лет — яркие, почти личные, написанные с особым стилем и с демонстрацией собственного мнения высокопоставленными чиновниками Третьего отделения, с изложением диалогов фигурантов на французском языке. (Отдельные записи в ранних делах целиком сделаны по-французски.) Постепенно тон сводок становится все более формальным, лишается оценок, количество авторов увеличивается, их ранг падает. Третье отделение смещает свое внимание с частных ситуаций, излагаемых максимально подробно и красочно, в сторону массовых происшествий. В последнем, 3245-м деле «слухи и толки» превращаются в сухие и обезличенные полицейские сводки, где наибольшее значение придается количеству пожаров и краж, а также статьям в прессе. Сводки этого пе-

риода даже по внешним признакам скорее напоминают черновики, особенно на фоне более ранних, написанных прекрасным почерком и идеально оформленных. Очевидно, что они уже не предназначались для подачи их императору, всякие пометы об этом на них также отсутствуют.

* * *

В предлагаемую здесь читателю публикацию вошли сводки, относящиеся к периоду с марта по май 1857 г., — это те самые документы, с которых начинается комплекс «слухов и толков». Как говорилось уже выше, эти материалы были подшиты в отдельные дела с соответствующим заголовком. Однако при составлении настоящей публикации обнаружилось, что отдельные сводки — совершенно аналогичные по типу, подходящие по нумерации и датировке и принадлежащие тем же авторам — встречаются и в виде отдельных документов в посторонних делах. В настоящей публикации есть один такой документ (док. № 10). Достаточно беглого взгляда на него, чтобы понять, что он — часть «слухов и толков»; он датирован 15 апреля и носит номер 111 (ср.: документ от 12 апреля идет за номером 109¹); кроме того, он принадлежит руке А. К. фон Гедерштерна, действительного статского советника, одного из высших чиновников Третьего отделения и на данном этапе одного из основных авторов «слухов и толков».

Так как в публикации представлены документы одного вида и происхождения, то заголовки к ним составлены в краткой форме. Документы пронумерованы и расставлены по хронологии. Почти все документы имеют собственную точную датировку. В случаях, когда она отсутствует, приводится приблизительная датировка на основании делопроизводственного номера, содержания и дат соседних документов в деле. Приблизительная дата указана в квадратных скобках. Все документы — рукописные и являются подлинниками, но, в силу особенности жанра, они не подписаны. Сведения о подлинности и способе воспроизведения в данной публикации для краткости опускаются.

---

¹ В отношении настоящего комплекса нумерация не может служить единственным доказательством того, что этот документ относится именно к конкретному месту, т. к. нумерация эта порой обрывается и начинается заново. Внутри самих дел нет точного порядка нумерации; вероятно также, что она не всегда включала исключительно документы одного типа и пропуски в ней не могут объясняться утерей части «слухов и толков», а скорее несистемностью нумерации. В то же время, в качестве косвенного или дополнительного критерия, нумерацию вполне можно использовать для атрибуции документа.

Из 26 сводок, публикуемых здесь, три написаны по-французски (док. № 1, 6, 10). Чтобы не лишать читателей, желающих это сделать, возможности ознакомиться со слогом оригинала, вместе с переводом на русский язык, приводится и французский текст¹.

В публикации есть подстрочные примечания и комментарии. Под строкой отражены особенности текста, приводятся переводы отдельных слов и предложений, примечания документа. Здесь же даны пояснения о лицах, упоминаемых в тексте без имени, а только лишь по должности, и об ошибочном написании фамилий.

Комментарии, или примечания по содержанию, расположенные после документов, призваны дополнить публикуемый текст фактическими пояснениями (как, например, история отдельных зданий, клубов или лиц), или сторонними источниками (документами из других дел, законодательными актами, воспоминаниями и т. п.). В ряде случаев комментарий опровергает информацию, изложенную в документе. Показательным примером может служить генерал-майор Борисов 1-й, командир Кексгольмского гренадерского императора австрийского резервного полка, которого Третье отделение рекомендует как «командира полка его величества короля Прусского» (см. док. № 1). Не совсем верно были осведомлены агенты высшей полиции и о перипетиях службы Борисова. (Об этом см. примечание № 1.)

Кроме комментариев, публикация дополнена аннотированным перечнем семидесяти шести наиболее значимых лиц, упоминаемых в документах. Это своего рода усеченный именной указатель, в который входят правители, члены царствующих домов, крупные военные и гражданские чиновники, промышленники, первые лица посольств, светские фигуры, отечественные и иностранные деятели искусств и т. д. Ссылки проставлены на номера документов в публикации.

Конечно, в «слухах и толках» упоминается намного больше людей. Иногда это просто фамилия кого-то совершенно неизвестного даже Третьему отделению. Но также это и вполне конкретные люди, чей невысокий чин или статус помешали им попасть в указатель к настоящей публикации. А в то же время истории их не менее интересны. Один из них — французский подданный Николая Воавре, проживавший в России с 1847 г. и бывший на Кавказе помощником управ-

¹ Все переводы осуществлены составителем настоящей публикации.

ляющего Ахалцыхским каменноугольным рудником. Он был выслан из Москвы графом А. А. Закревским по доносу чиновника Московской гражданской палаты, затем оказался в тюрьме за долги. Третье отделение и лично управляющий, шеф жандармов Л. В. Дубельт, явно держались полной невинности Воавре. Стоял за него против московского генерал-губернатора и граф М. С. Воронцов. Видно, что даже в публикуемой здесь сводке «слухов и толков» за 1857 г. (док. № 1) Третье отделение придерживается точки зрения, что Воавре был оклеветан. Однако к середине 1860-х гг. мнение его изменилось: отмечали, что этот француз «был замечен во многих неблагоприятных поступках», что он «во зло употреблял доверие многих лиц» и т. д. В комментариях к документам этот сюжет подробно раскрывается, с приведением цитат из материалов Третьего отделения (см. примечания № 3 и № 4).

В качестве другого примера можно привести названного среди «известных бильярдных игроков» господина «Bégain (губернер Импер[аторского] Лицея)». Швейцарец Беген действительно был служащим Лицея, более того, на 1857 г. едва ли не самым старым его служащим — он поступил гувернером в 1833 г. К моменту описываемых событий он был уже одним из четырех старших воспитателей этого престижного учебного заведения. Информацию о нем удалось найти в воспоминаниях выпускников. Один из них пишет, что «его (Бегена) можно было всегда найти в кофейне Доминика, где он вел крупную игру». Интересно, что именно в «Dominique», первом кафе (кофейне), открытом в России на французский манер, и именно за бильярдной игрой Третье отделение и застало нашего героя. (Подробнее об этом см. док. № 3 и примечание № 9.)

Сюжеты столичной жизни середины XIX века в изложении Третьего отделения могут стать ценным подспорьем для исследователей самых различных аспектов отечественной истории этого периода¹ — политической, культурной, социальной, а также истории повседневности, истории государственных учреждений и многих других направлений. Они же станут, несомненно, увлекательным путешествием в прошлое для читателя XXI века.

¹ Так, например, материалы «слухов и толков» цитируются в монографии О. Ю. Абакумова «Третье отделение на страже нравственности и благочиния: Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг.» (М., 2017).

№ 1. Сводка от 2 марта 1857 г.

№ 63

Aujourd'hui est mort ici le général-major Borisoff^I, ancien commandant du régiment de S. M. le Roi de Prusse. Il avait été atteint avant hier d'une paralysie à la tête, que ses parents attribuent au profond chagrin qu'il éprouvait d'être mis, pour ainsi dire, hors du service, car il se trouvait parmi les derniers généraux de brigade qui ont perdu le commandement et en même temps toute leur carrière et jusqu'aux moyens d'existence, puisque ceux d'entre eux qui n'obtiendront pas dans l'espace d'une année de nouvelle nomination, seront admis à la retraite. Cette mesure a provoqué beaucoup de plaintes de la part de ceux qu'elle a atteinte, et comme des dignes serviteurs manquent souvent de protection, ce sont ceux-là qui parmi les démissionnaires en souffrent le plus, puisqu'ils ne trouvent pas à se placer ailleurs. — Le général-major Borisoff fut beaucoup protégé autrefois par feu le Grand Duc Michel, pour la raison que le père du général avait été un favori du Grand Duc Constantin, ayant administré pendant de longues années le palais de Strelna.

Le sujet français Benoît, avocat, le même qui a envoyé une dénonciation contre Labour, a obtenu un emploi à l'Ambassade de France, comme connaissant bien les lois du pays. On dit que c'est l'inimitié qu'il porte à l'ancien consul de France, M. Valade, qui l'a aidé à être accueilli, parce que celui-ci et son protégé M. Labour sont mal vus par le nouveau consul de France, le vicomte de Valate, ainsi que par l'Ambassadeur même.

Le sujet français Voavré^{II}, qui se dit vicomte de Charleville et sur lequel il y a un dossier à la 3me Expédition, à la suite de son renvoi de Moscou par le comte Zakrewski, auquel il avait été dénoncé par un employé Veliaminoff comme ayant tenu des propos contre la Russie et l'empereur, — vient d'être mis en prison pour dettes. N'ayant aucune ressource pour exister, surtout depuis la mort du prince Worontzoff qui lui voulait du bien, Voavré vivait au jour la journée en contractant des dettes dans les hôtels où il trouvait de s'abriter. C'est un homme de rien, mais à en juger d'après l'attestation du p[rin]ce Worontzoff, il a été utile au Caucase comme ingénieur, et tout porte à croire qu'il fut la victime d'une fausse dénonciation.

^I Здесь и далее в публикации подчеркивание документа.

^{II} Так в документе. В собственных письмах он указывает свою фамилию как «Woivré». См., например: ГА РФ. Ф. 109. Оп. 139 (3-я эксп., 1854). Д. 495. Л. 34.

Dans le № 6 de la «Allgemeine Zeitung» publiée à Augsbourg, on a remarqué hier dans plusieurs cafés d'ici avec étonnement un article très-fort contre l'administration du prince Paskéwitch en Pologne, où il n'y avait, dit on, ni ordre ni justice, en ajoutant que les choses allaient beaucoup mieux maintenant et que l'empereur avait donné l'ordre de sévir contre tout abus qui serait découvert.

Le 2 Mars 1857

Перевод:

Сегодня умер здесь генерал-майор Борисов, прежний командир полка Его Величества короля Прусского¹. Он был поражен позавчера параличом головы, который его родственники приписывают глубокому огорчению, которое он испытал, будучи, так сказать, отстраненным от службы, так как он оказался среди последних генералов бригады, которые потеряли командование и одновременно с тем всю свою карьеру и даже средства к существованию, потому как те из них, кто не получит в течение года нового назначения, будут выпущены в отставку.

Эта мера вызвала много жалоб со стороны тех, кого она затронула, и так как достойные служащие часто лишены протекции, то именно они среди отставных страдают более других, ибо не могут найти себе иного места. — Генерал-майору Борисову ранее покровительствовавший покойный великий князь Михаил по той причине, что отец генерала был любимцем великого князя Константина, возглавляя многие годы управление Стрельнинским дворцом.

Французский подданный Бенуа, адвокат, тот самый, который написал донос на Лабура², получил, как человек, хорошо знающий местные законы, место во Французском посольстве. Говорят, что в этом устройстве ему помогла неприязнь к прежнему консулу Франции, господину Валаду, так как этот последний и его протеже господин Лабур на плохом счету у нового консула виконта де Валата, а равно и у самого посла¹.

Французский подданный Воавре, который называет себя виконтом де Шарлевилем, и на которого есть досье в Третьем отделении³, после высылки его из Москвы графом Закревским, перед которым Воавре был обвинен служащим Вельяминовым в ведении разговоров против

¹ Послом Франции в этот период был Шарль Огюст Жозеф Луи де Морни.

России и императора⁴, — был заключен в тюрьму за долги. Не имея никаких средств к существованию, в особенности после смерти князя Воронцова, желавшего ему добра, Воавре жил одним днем, увеличивая долги в гостиницах, где он обретался. Он человек пустой, но если судить о нем со слов князя Воронцова, он был полезен на Кавказе в качестве инженера, и все говорит о том, что он сделался жертвой ложного доноса.

В № 6 газеты «Allgemeine Zeitung», издаваемой в Аугсбурге, отменили вчера во многих кафе здесь с немалым удивлением весьма сильную статью против управления князя Паскевича в Польше⁵, где говорят, не было ни порядка, ни справедливости; прибавляют также, что теперь дела пошли намного лучше и что император отдал приказ ужесточить борьбу со всеми вскрывшимися злоупотреблениями.

2 марта 1857

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 9–10.

№ 2. Сводка от 18 марта 1857 г.

№ 80

Говорят, что весьма любопытно видеть, будет ли граф Морни⁶ завтра в концерте в пользу инвалидов, в честь вступления русских войск в Париж, — или национальная гордость его найдет какой-либо благовидный предлог отклониться от этого. — При сем здешние старожилы припоминают событие, случившееся здесь при открытии Александровской колонны. — По освящении оной, государь Николай Павлович будто бы потребовал к себе соорудителя колонны, архитектора Monférrand⁷, чтобы публично благодарить его, но Monférrand исчез из Петербурга; — он с утра того дня уехал в Царское Село! — На другой день, когда его представили государю, Его Величество с негодованием спросил о причине такого странного и даже обидного поступка. Monférrand будто бы отвечал императору: «Sire, comme serviteur de l'Empereur de Russie, j'ai rempli avec ardeur et conscience l'honorable travail qui m'a été confié, comme sujet français, l'orgueil national m'a défendu d'être présent à l'inauguration du monument de l'Empereur Alexandre, vainqueur des Français!»¹.

¹ «Сир, как слуга русского императора, я с усердием и по совести исполнил благородный труд, который был мне поручен, но национальная гордость не позволила мне,

18 марта 1857 г.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 17–17 об.

№ 3. Сводка от 18 марта 1857 г.

№ 82

Премного говорят о схваченном недавно обществе тайных игроков азартных игр, в числе коих были известные здесь игроки чиновники: Марозавский, Максимов, Бурдуков, проторговавшийся чайный купец Крылов и другие, которые, не довольствуясь позволенной высокой игрой в разных клубах, вели тайную игру по ночам в своем кругу, стараясь не столько обыгрывать друг друга, как привлекать к себе и общипывать приезжих новичков, преимущественно богатых москвичей. — Следовало бы, говорят, Петербургскому городскому начальству также обратить, наконец, внимание и на довольно значительную билиардную игру, с некоторых пор введенную в трактирах Ново-Палкинском и в Hôtel-du-Nord (на Офицерской) и в кондитерских Dominique⁸ и других. Здесь сходятся по вечерам известные билиардные игроки: Сесони, Bégain (губернер Импер[аторского] лица)⁹, какой-то итальянец, которого называют Segnore, разные чиновники, купцы, а в особенности множество студентов здешнего Университета, которые с некоторых пор (чего прежде никогда не бывало), кажется, теперь прилагают чрезвычайное старание к билиардной игре, и некоторые из них действительно достигли уже большой известности. Они почти живут в трактирах, и, кажется, главное их занятие составляет не университетские лекции, а билиардная игра. Их можно там застать с утра до вечера в форменных сюртуках и в партикулярном платье. Многие из них, вопреки постановлений учебных заведений, повадились, по несмотрению клубных старшин, ходить для билиардной игры и в клубы. — К чести прочих учебных заведений надо сказать, что кроме студентов университетских, никакой другой воспитанник не посещает публичных обществ.

В трактирах и cafés-restaurants играют на билиарде не только вечером до показанного времени, но содержатели сих заведений, дабы дать посетителям средство продолжать игру и далеко за полночь, не-

---

французскому подданному, присутствовать при открытии памятника императору Александру, победителю французов!» (фр.)

редко употребляют уловку — глухо-наглухо завешивать окна или закрывать их ставнями, чтобы скрыть от полиции свет. — В таком случае впускаются и выпускаются посетители не с улицы, а черным ходом со двора. — Впрочем, говорят, что эти меры осторожности совершенно излишни, потому что полиции это очень хорошо известно, но что преградой исполнения по сему предмету полицейских узаконений служат чрезвычайная сговорчивость и необыкновенная доброта полицейских чиновников, или, как их называет публика, рачителей порядка.

18 марта 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 18–19 об.

№ 4. Сводка. [Не ранее 24 марта 1857 г.]

№ 89

Любопытно, говорят, что будут писать из Рима насчет пребывания там императрицы Александры Федоровны. — Так как Ее Величество проведет там Святую неделю, которая, как известно, в Риме, центре Католической церкви, празднуется всегда с особенным фанатизмом народа к Святой Особе Папы¹, верховному главе Католицизма, то думают, не будет ли там по этой причине каких-либо щекотливых столкновений, несоответствующих и даже противных Греко-Российскому вероисповеданию при приемах Папой Государыни. — Посещение царственной Российской особы всякой другой столицы не имеет никакого особенного значения, ибо основано на общепринятых придворных этикетах. — Посещение же императрицы Российской Рима, где все основано на строгом соблюдении самим Папой правил Католической церкви, может иметь среди закоснелого в слепом фанатизме итальянского народа неожиданные столкновения, противные обрядам обеих церквей.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 27–27 об.

№ 5. Сводка от 25 марта 1857 г.

№ 91

На днях состоялся приказ С[анкт]-Петербургского Обер-полицейстера, в котором он говорит, что все мошенники, в числе 24 человек, грабившие по ночам на улицах столичных жителей, пойманы, и что за тем всякое опасение со стороны последних было бы излиш-

¹ Римским Папой в это время был Пий IX.

ним; а потому он, граф Шувалов, предписывает полиции объявить об этом всем обывателям города. Объявление это уже прибито на углах улиц. — В городе смеются над таковой уверенностью молодого Обер-полицмейстера. Еще не далее как в пятницу, ночью, чиновник Сена-та Сеницын, живущий на Фурштадтской, в доме Липса¹⁰, возвращаясь домой на извозчике, был настигнут двумя человеками, выбежавшими из переулка, соединяющего против Анненской церкви Фурштадтскую улицу с Сергиевской, в 20-ти шагах от съезжего дома¹¹. Один из мошенников схватил лошадь за узды, другой подбирался к седоку; но как Сеницын человек крепкого сложения и кроме густых бакенбард имеет сильный голос, то, показав мошенникам свою физиономию и закричав на них басом, он отделился от них благополучно.

Об этом, конечно, не известно полиции, которая только в случае какого-либо несчастья или по жалобе ограбленных лиц доносит Обер-полицмейстеру. Надзиратели же вообще стараются скрывать подобные случаи в своих кварталах.

25 марта 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 28–28 об.

№ 6. Сводка от 30 марта 1857 г.

№ 98

On attend ici dans quelques jours l'arrivée du célèbre accoucheur Du-bois, don't les journaux français ont fait mention plus q'une fois pendant la grossesse de l'Impératrice Eugénie. Il a été appelé ici pour assister S. M. l'Impératrice Marie Alexandrowna dans ses couches prochaines. Quelque personnes prétendent savoir que Dubois est allé, il y a deux mois, en Suisse et y est resté quelques semaines auprès de la Grande Duchesse Marie. — L'accoucheur Scholtz, dit-on, est tombé en disgrâce à notre Cour. — L'on raconte encore que si l'enfant imperial qui va naître est un fils, l'empereur veut lui donner le nom de Pierre.

J'ai appris de source certaine qu'un colonel comte Nirod a adressé de Perm au procureur du Synode une dénonciation contre l'Evêque de Perm en y dévoilant tous les abus et toutes les malversations qui se pratiquent dans son diocèse. Il y a malheureusement raison de croire qu'on ne donnera aucune suite à cette dénonciation qui paraît cependant fondée.

A l'exposition des rameaux devant le Goštinoï dwor, deux jeunes officiers (le prince Golitzine et le comte Stenbock, dit-on) ayant acheté hier

un ballon remplie de gaz, l'on fait monter à la perspective Nevski; ce qui a occasionné une hilarité general et un certain assemblément des passants. La surveillance de la part de la police y est très-sévère. On y a entendu un nadziratel adresser à un subalterns ces paroles: «Смотри! за малейшую кражу тотчас под стражу!» — Un plaisant a dit à ce propos, что «при графе Шувалове и полиция заговорила стихами».

le 30 Mars 1857 г.

Перевод:

Ожидают здесь через несколько дней приезда знаменитого акушера Дюбуа, о котором многократно упоминали французские газеты во время беременности императрицы Евгении. Его позвали сюда, чтобы он помогал Ее Величеству императрице Марии Александровне в ее будущих родах. Некоторые лица утверждают, будто бы им известно, что Дюбуа отправился два месяца назад в Швейцарию и оставался там несколько недель у великой княгини Марии. — Акушер Шольц, говорят, впал в немилость при нашем дворе. — Рассказывают еще, что если императорский ребенок, который теперь родится, будет мальчиком, император желает назвать его Петром.

Я узнал из достоверного источника, что полковник граф Нирод написал из Перми прокурору Синода письмо с донесением против епископа Пермского¹, разоблачающее все злоупотребления и все растраты, которые практикуются в его епархии. К сожалению, есть основания полагать, что этому донесению не будет дано ходу, хотя оно и кажется вполне обоснованным.

На вербной ярмарке перед Гостиным Двором¹² двое молодых офицеров (как говорят, князь Голицын и граф Стенбок, купив накануне шар, наполненный газом, запустили его на Невском проспекте, что вызвало всеобщее веселье и значительное скопление прохожих. Надзор со стороны полиции в этом месте очень суров. Слышали, как надзиратель обратился к своему подчиненному со словами: «Смотри! за малейшую кражу тотчас под стражу!» — Один шутник сказал по этому поводу, что «при графе Шувалове и полиция заговорила стихами».

30 марта 1857 г.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 29–30.

¹ Неофит (в миру Николай Соснин).

№ 7. Сводка от 2 апреля 1857 г.

№ 104

Вчера вечером частный пристав Каретной части получил приказание от председателя 2-го департамента Управы благочиния, Поля, взять под стражу здешнего 1-ой гильдии купца и потомственного почетного гражданина Тимофеева якобы за противозаконные действия. Это приказание отдано без суда и особенного приговора, и Тимофеева даже не требовали в Управу для объяснения. Вся вина его состоит в том, что откуп нашел у него, в винном погребе, 25½-штофов водки, у которых печати были немного сломаны. Полуштофы эти были присланы Тимофееву из откупа и, быть может, уже им же самим запечатаны неудовлетворительно, дабы иметь повод привязаться. — Частный пристав, не приведя предписания Управы в исполнение, советовал Тимофееву немедленно отправиться к министру внутренних дел и подать жалобу на Управу. Тимофеев видел министра в 12-м часу ночи.

У некоего Кокуришникова¹³, управителя по откупной части, собираются иногда должностные лица высшего круга. В субботу, 20-го марта, был у него пир, продолжавшийся за полночь, на котором были Бенардаки и Голенищев (здешние откупщики) и тайный советник Бутков. Там играют в большую игру, и Кокуришников нарочно проигрывает тем лицам, которых откуп совестится подкупить иным способом.

2-го апреля 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 31–31 об.

№ 8. Сводка от 4 апреля 1857 г.

№ 107

С 1855 года чрезвычайно распространилась карточная игра между людьми среднего и простого класса в столице. Играют же большей частью в азартные игры, и с обманом. Сборища эти, состоящие из мелких чиновников, купцов, мещан, служителей и солдат, служат средоточием разврата и вредных толков о распоряжениях Правительства, о слабостях высших лиц и об ожидаемых переменах в народном быту. — Хотя полиция по временам застаёт врасплох подобные ночные сходбища игроков, но примеры эти очень редки, ибо все меры предосторожности приняты с их стороны с большой ловкостью, и их тревожат только по особенным приказаниям, когда платимая ими дань делается недостаточным ограждением. Но и в этих случаях последствия для игроков не

очень страшны: азартная игра признается не вполне доказанной, с игроков берут подписки, что впредь того делать не будут, и они на другой же день берутся опять за свое ремесло. Более известные игорные сборища простого класса бывают постоянно у следующих лиц:

1. У купца Орловского, содержащего гостиницу «Лиссабон» в Гороховой, близ Красного моста.
2. У купца Васильева, содержателя гостиницы «Синоп» на Обуховском проспекте в доме Шольца.
3. У купца Бажанова, на Садовой улице в его ресторации.
4. У чиновника Бурдукова, в Михайловской улице в доме княгини Мещерской.
5. У некоего Якоби, в Большой Мещанской, близ Демидова переулка, в доме Трухманова.
6. У называющегося чиновником Степанова, в Глухом Спасском переулке, в доме Носилова, по четвергам.
7. У Кондратия Моисеича, близ Владимирской в Хлебном переулке, в доме наследников Рососовских.
8. У Гуркина, на углу Большой Мещанской и Демидова переулка в доме Демидова.
9. У Якобсона в Малой Морской в доме Кувшинникова.
10. У купца Непейцына, Москов[ской] части в Ивановской улице в доме Царевской.
11. У Ивана Апраксина, Лит[ейная] ч[асть], в 5 кварт[ире] в доме Петрова.
12. У Павла Сабурова, в Пантелеймовской¹ в доме Маргулеса, рядом с 3-м Отделением.

Во всех помянутых местах и во многих еще других собираются от 20 до 40 человек для карточной и других азартных игр. Везде их сторожат дворники, и они платят подать кому нужно. Из числа посетителей особенное внимание обращают:

1. Арсенальный солдат Самсон Васильев, не занимающийся службой и проживающий по билету, выдаваемому ему начальством по болезни, Выборгской части 1-го квартала в доме Почепалева.
2. Числящийся по ведомству Путей сообщения при мостах солдат Моисей Иванов Шлюхман, из евреев, проживающий по билету

¹ Так в документе. Правильно: Пантелеймоновской.

его начальства, также за болезнью, Лит[ейная] ч[ась] 5-го квартала в доме купца Малкова.

Оба помянутые солдата одеваются в партикулярное платье, имеют пальто с бобровыми воротниками и енотовые шубы и наживают большие деньги запрещенной и фальшивой игрой. Они ведут знакомство с лакеями, поварами и подобными лицами, коих навещают сами и встречают в игорных сборищах, стараясь заманивать туда новичков.

Лицо, сообщившее все вышеизложенное, подтвердило совершенную правду его слов перед самым отправлением для причащения Св. Тайн.

4-го апреля 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 32–33 об.

№ 9. Сводка от 12 апреля 1857 г.

№ 109

В прежние годы существовали у нас фабрики для выделывания фосфорных спичек, а кроме того они делались в меньшем количестве людьми разного звания и продавались во всех табачных, мелочных и других лавках, а также на улицах разносчиками, солдатскими женами и мальчишками. Доход, который получал город от раздачи таковым людям билетов на право торговли спичками, простиался до 30 т[ысяч] р[ублей] с[еребром] в год. — Несчастные случаи, происходившие иногда от неосторожного обхождения со спичками и горючим составом, употребляемым для оных, послужили основанием лет 8 тому назад бывшему министру внутренних дел графу Перовскому ограничить повсеместную выделку спичек и воспретить продажу оных на улицах, с тем, чтобы на каждую тысячу наложена была бандероль в 1½ р[убля] с[еребром], и чтобы с виновных, замечаемых в противозаконном торге спичками, взыскиваем был штраф в 100 р[ублей] с[еребром]¹⁴. Главной же побудительной причиной к этой мере, как говорят, была надежда увеличить чрез оную городской доход; но опыт доказал противное. — Бандеролей с того времени продано самое незначительное число, и городская казна лишилась поступавших прежде за билеты на торговлю спичками 30 т[ысяч] р[ублей] с[еребром]. — Между тем, все нуждающиеся в спичках имеют возможность приобрести их без бандеролей, на каждом шагу, от людей разных сословий, которые, промышляя этим торгом, предлагают разных сортов спички

проходим на улицах, на лестницах и в самых домах. Они прячут спички за пазухой, в сапогах и карманах и также разносят их в носовых платках в виде небольших узлов. Выделка спичек производится скрытно, в углах разных квартир, на чердаках, во всех казармах, где также делаются папироски, — в особенности, в саперных, на Сестрорецком оружейном заводе, а преимущественно провозятся они из Финляндии. Восковые спички, продаваемые здесь разносчиками, привозятся, большей частью, из Москвы с товарным поездом.

От таковых злоупотреблений гораздо легче могут произойти несчастные случаи, нежели при прежнем порядке, когда выделка и продажа спичек совершались беспрепятственно и открыто. — Притом уже неоднократно замечено, что некоторые лица, под предлогом продажи спичек, вкрадываются в передние квартир и в кухни и, пользуясь временным отсутствием прислуги, совершают кражи. — Со стороны местной полиции нет, по-видимому, никакого наблюдения за подобными продавцами спичек, в числе коих легко могут скрываться отъявленные мошенники.

12 апреля 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 34–35.

№ 10. Сводка от 15 апреля 1857 г.

№ 111

L'empereur ayant grâcié un certain Schefschenko¹, qui avait été exilé en Sibérie (в арестантские роты) pour avoir été un slavianofil trop zélé et avoir chanté dans un poème de sa composition la liberté de la petite Russie, — l'Académie des beaux arts, don't il fut un jour l'élève, dans la but de lui fournir les moyens de retourner de son exile, a arrangé un spectacle d'amateurs, sous la direction du vice-président de l'Académie, le comte Tolstoy. Des trois représentations convenues, la première a eu lieu Samedi, la seconde hier, dimanche, et la dernière sera ce soir. Il y a dans la salle 500 places, à 2 roubles, et toutes ont été prises, de sorte que cela procurera à Schefschenko un subside de 3000 roubles. On a joué deux pièces russes et une française; Roller s'est chargé, gratis, des décors et Liadoff a dirigé la

¹ А la 3-me Section il n y a pas eu de dossier sur lui. Son affaire s'est traité au Ministère de la Guerre (фр.) — В Третьем отделении не было дела на него. Оно велось в Военном министерстве (Прим. док.)

musique. Le tout a été très-bien les deux jours passés et rien d'extraordinaire ne s'y est présenté à l'observateur.

Dans le courant de la semaine des rameaux, les cadets de différents corps ont été sermonnés par leurs chefs respectifs, à la suite d'une remarque de l'empereur que les jeunes gens se permettent de traverser la rivière en bateaux avec des papiros à la bouche et qu'un général ils prennent trop de libertés dans la rue.

Le déjeuner d'hier chez Bénôit a été complètement insignifiant, et en véritable blagueur français il s'est trahi lui-même en disant qu'il n'avait vu le comte de Morny qu'une seule fois chez lui à l'hôtel, et c'était le consul, vicomte de Valate qui le chargeait de différentes commissions. L'agent, ayant eu l'occasion de jeter un regard dans les papiers de Bénôit, pendant que celui-ci est allé casser du sucre pour le punch de ses convives, y a remarqué une liste de français d'ici avec des notes de leurs occupations et leur moralité. Il semble donc que Bénôit est chargé par Valate de surveiller les français, qui en général sont très-mal notés au Consulat actuel ainsi qu'à l'Ambassade.

Les entrepreneurs de la nouvelle compagnie de gaz, ont été, il y a quelque temps, reçus par l'empereur et Sa Majesté a beaucoup approuvé leur projet. Ils établissent dans ce moment un télégraphe à l'aide duquel le grand-maître de police communiquera avec les différentes parties de la ville. On a vu hier chez les Mrs Ruclanas, Prévošt et Ponton, à l'hôtel Kaiser au Vassiliostroff plusieurs officiers de la police et entre autres le Colonel Erthel, qui dessinaient des plans et écrivaient des notices. Il s'agit de changer la distribution des différents quartiers de la ville, ainsi que le système des numéros des maisons, pour amener plus de promptitude et d'efficacité dans le service de la police, surtout en cas d'incendie.

Le public s'entretient dans ce moment beaucoup de deux ordres suprêmes concernant: 1) permission aux officiers de prolonger leurs congés jusqu'au terme de 3 ans, lorsqu'ils seront choisis par la noblesse à des charges publiques, et 2) le licenciement de deux divisions de la Flotte. On trouve à redire à l'un et à l'autre de ces ordres, mais vu la nouveauté des faits, les opinions sont encore trop vagues pour qu'elles méritent d'être rapportées. Une surveillance attentive sera dirigée sur ce point, car les graves innovations qui paraissent tous les jours et qu'on voit parfois contremandées le lendemain, produisent déjà des murmures. Le camp des mécontents se recrute de ceux qui sont lésés dans leurs avantages ou dans leurs droits. On s'attend encore à de plus grands bouleversements après le retour du Grand Duc Constantin.

Le ministère prussien n'a pas désiré que le roi aille à Rome pendant la durée des grandes fêtes religieuses. Ici l'on sait que l'impératrice mère y a assisté et on ne sait plus ce qui est devenue la rigueur de notre église Grecque. On se rappelle à cette occasion qu'à l'époque de couronnement à Moscou, le nonce du Pape n'est pas entré à l'église.

Le 15 avril 1857.

Перевод:

После того, как император помиловал некоего Шевченко, который был сослан в Сибирь (в арестантские роты) за то, что был слишком рьяным славянофилом и воспел в одном из стихотворений собственного сложения свободу Малороссии, — Академия художеств, в которой он когда-то обучался, с целью обеспечить его средствами для возвращения из ссылки, устроила любительский спектакль под руководством вице-президента академии графа Толстого. Из трех согласованных представлений, первое состоялось в субботу, второй — вчера, в воскресенье, а последнее будет сегодня вечером. В зале 500 мест по два рубля каждое, и все были раскуплены, таким образом Шевченко получит денежную помощь в 3 000 рублей. Играют две русские пьесы и одну французскую. Роллер взял на себя, совершенно бесплатно, декорации, а Лядов дирижировал оркестром¹⁵. Все было очень хорошо и за два вечера не было замечено никаких происшествий.

Во время Вербной недели, кадеты различных частей были отчитаны подлежащим начальством в результате замечания, сделанного императором о том, что молодые люди позволяют себе переплывать реку в лодках с папиросами во рту, и вообще весьма вольно ведут себя на улицах.

Вчерашний обед у Бенуа был совершенно непримечательным и, как истинный французский шутник, он сам выдал себя, сказав, что видел графа де Морни лишь один раз, у него в особняке, и что различные поручения давал ему консул, виконт де Валат. Один агент, имевший возможность бросить взгляд в бумаги Бенуа, когда этот последний вышел, чтобы наколоть сахару для пунша, заметил список здешних французов с указанием их занятий и моральных качеств. Тем не менее, кажется, что Валат поручил Бенуа следить за французами, о которых в целом плохо осведомлены в нынешнем консульстве, также как и в посольстве.

Подрядчики новой газовой кампании были приняты некоторое время назад императором, и Его Величество весьма очень одобрил их проект. Они теперь организуют телеграф, при помощи которого обер-полицмейстер будет связываться с разными частями города. Вчера видели у господ Рюклана, Прево и Понтонна в отеле «Kaiser» на Васильевском острове нескольких офицеров полиции и среди прочих полковника Эртеля, который чертил планы и писал инструкции. Речь идет о том, чтобы изменить распределение по разным районам города, так же как систему нумерации домов, чтобы повысить скорость и эффективность службы полиции, в особенности в случае пожара¹⁶.

Публика активно обсуждает теперь два высочайших указа касательно: 1) разрешения офицерам продлевать отпуск до трех лет, если они были выбраны дворянством для отправления общественных должностей¹⁷, и 2) роспуска двух дивизий из состава флота. Высказывают недовольство одним или другим из этих указов, но за недавностью самих указов, мнения о них еще слишком расплывчаты, чтобы о них докладывать. За этим будет вестись внимательное наблюдение, ибо серьезные нововведения, которые появляются каждый день, и за которыми, как можно наблюдать, зачастую следуют противоречащие им указания, уже рождают ропот. Лагерь недовольных вбирает в свои ряды тех, чьи выгоды или права были ущемлены. Ожидают еще больших потрясений после возвращения великого князя Константина.

Прусский кабинет министров не желал, чтобы король¹ посещал Рим во время больших религиозных праздников. Здесь известно, что на них присутствовала императрица-мать и удивляются, во что превратилась строгость нашей Греческой церкви. Вспоминают в связи с этим, что во время коронации в Москве, папский нунций не вошел в церковь.

15 апреля 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 1937. Л. 1–2 об.

№ 11. Сводка от 29 апреля 1857 г.

№ 118

Вчера, 28 апреля, была свадьба Свиты Е[го] В[еличества] генерал-майора Дубельта с девицей Базилевской. Его Величество, по благосло-

¹ Фридрих Вильгельм IV.

вании в Зимнем дворце, привез Дубельта в коляске в церковь Училища правоведения. По окончании обряда Его Величество отправился в дом генерала от кавалерии Дубельта, где въезд в ворота был превращен в крытую галерею, украшенную деревьями и лампами. — Как в церковь, так из оной Леонтий Васильевич приезжал с казначеем 3-го Отделения Клицою¹⁸. — Посаженым отцом был принц Ольденбургский¹, который из церкви поехал домой. — Его Высочество Николай Николаевич был также на свадьбе и из замечательных сановников — князь Орлов и граф Адлерберг. — Съезд был большой, а любопытных еще больше.

29 апреля 1857 г.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 36.

№ 12. Сводка от 30 апреля 1857 г.

№ 119

Вследствие вопроса Вашего Сиятельства о ходящих по городу рукописях, узнал я, что кроме известного сочинения Герцена «Права русского народа», помещенного в «Полярной Звезде», и стихов под названием «Шарманка», есть еще писанное Герценом к государю императору при вступлении на престол письмо, начинающееся словами: «Вы счастливы, Государь», и неизвестного автора сочинение «Крещенная собственность»¹⁹. Сие последнее обещались мне достать. Помянутое же письмо Герцена, в котором есть мысли высокие, вероятно, уже известно Вашему Сиятельству; буде же нет, то я имею средство приобрести с оною копию.

Разнесся слух о важных арестантах, которых на прошедшей неделе возили по городу в карете, сопровождаемой 8-ю жандармами. Некоторые утверждали даже, что видели, как карета та выезжала со двора князя Орлова. По собранной по сему слуху справке оказалось, что в означенной карете перевозили для хранения деньги из дома Корзинкина на Адмиралтейской площади, внесенные подписчиками на акции железных дорог.

Неблагоденные или несведущие люди распустили слух, будто генерал-майор граф Нирот²⁰ был уволен от службы по высочайшему повелению, отданному государем на охоте, и когда граф Нирот приехал сюда, дабы узнать о причине его увольнения, то никто его удовлетворить не мог, и Его Величество сам не мог вспомнить о причине.

¹ Петр Георгиевич, принц Ольденбургский.

Рассказывают, что генерал-лейтенант Багговут, отличившийся в последнюю войну в Азиатской Турции, потеряв недавно командуемую им бригаду, хотел поступить в приказчики к бывшему откупщику и миллионщику Кокереву¹, с жалованьем 6 000 р[ублей] с[еребром] в год; но государь назначил Багговуту 2 000 р[ублей] с[еребром] годового содержания, сказав, что он может жить этими деньгами за границей, где дешевле, а если хочет поступить в приказчики Кокерева, то это возможно не иначе как по увольнении от службы. — Багговут — родственник графа Адлерберга, который покровительствует Кокереву, и выпросил ему за мнимые услуги государству орден.

Возвратившийся с Киевских контрактов помещик рассказывал, что цена на недвижимые населенные имения того края чрезвычайно поднялась. Из Подольских имений можно было купить лишь одно, и за душу требовали 750 руб. сер[ебром].

В Министерстве финансов кончен и представлен министру Брок новый проект о табачном откупе. Брок отпустил чиновника, занимавшегося составлением сего проекта, в деревню для отдыха, сказав, что рассмотрит труд его после 1 июля, ибо до того срока не будет иметь ни одного свободного часа.

Новый министр государственных имуществ Муравьев по сие время не приступает еще к переменам и с чиновником обращается приветливо. Он намерен в скором времени отправиться в Самарскую и соседственные к оной губернии. Полагают, что он намерен преобразовать управление государственными имуществами, введя систему удельного ведомства, чрез что прибавится в России 9 миллионов недовольных, ибо казенные крестьяне, знающие ныне один платеж — оброка, а в прочем — вполне свободные, сделаются связанными и неспособными пецись о собственном хозяйстве, так как в удельном управлении все усилия обращены на общественную запашку, из которой извлекают себе выгоды и управляющие конторами. Хрущов оставил в министерстве отличное о себе мнение. Поведение его противу Муравьева известно Вашему Сиятельству.

30 апреля 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 37–38 об.

¹ Так в документе. Правильно: Кокорев.

№ 13. Сводка. [Начало мая 1857 г.]

№ 121

Лет 9 тому назад по высочайшему повелению были в одно время строго воспрещены здесь: публичные танцклассы, а в клубах игра Лото²¹. — Первые, по вселившемуся в них разврату и часто случавшимся буйствам от пьяных черкес и студентов, начинавших нагло обижать бедных девушек, — а Лото, по принятому сей игрой характеру разорительной азартной игры, следствием чего, как известно, были горькие жалобы матерей семейств, приходивших с грудными и малолетними детьми к военному генерал-губернатору и у ног его со слезами умолявших о защите их против разорительной страсти мужей их к игре, проигрывавших в клубах в Лото в первых числах месяца не только все месячное жалованье, но разоряющихся сверх того вконец от накапливающихся на них чрез то неуплатных долгов, — и беззаботно оставляющих семейства свои в совершенной нищете, без куска хлеба, и чрез страсть к этой игре совершенно охладевшим к служебным их обязанностям. — В то время говорили даже о некоторых самоубийствах этих игроков, и что один чиновник, проиграв казенные деньги, пропал без вести! — Попечительное Правительство, наконец, поставило преграду сему неистовству строгим запрещением сей игры в клубах, и с тех пор во всех клубах совершенно прекратился Лото. — С некоторого времени, однако ж, игра эта опять появилась здесь в Благородном Собрании, или, как его просто называют, Пашковский клуб, на Литейной²². Она, говорят, вывезена из Москвы, где ее опять играют в клубах. — Но чтобы укрыться от глаз Правительства, она теперь здесь играет не обыкновенными номерованными картами Лото, а для отговорки ухитрились приспособить к тому камни игры Домино. Кто знает ту и другую игру, с первого взгляда увидит, что играют не в Домино, а в Лото. — Домино состоит из 28 камней и в нем участвуют только 2, 3 или много 4 человека, — в Благородном же Собрании увеличили число камней до 90, и участвуют в нем не менее 30 человек. — В дополнение совершенному изменению Домино, теперь проволокою соединены по три камня вместе, что составляет в Лото терно¹, и по очереди выкликают не номера, как в Лото, а другие камни от Домино

¹ Выражения, которые вовсе не принадлежат к Домино, а собственно употребляются только в Лото (Прим. док.).

по числу очков, на них находящихся, и кто прежде получит терно, тот берет всю ставку, которая бывает довольно значительна; — другие же, более страстные игроки, не довольствуясь терною, еще отдельно играют на амбо, т. е. два камня сряду²³. По жадности, с которой теперь добываются мест, чтобы не опоздать к этой игре, — ибо до 8-ми часов вечера уже все места заняты, — можно судить, что игра эта скоро развернется в большом размере и делается столь же разорительной для отцов семейств и вообще чиновников, живущих одним только жалованьем, как и прежнее Лото, ибо при несчастьи можно в вечер легко проиграть 50 руб. сер[ебром]. — В нее начинают играть уже с таким жаром и ненасытностью, что редкий вечер игроки не просиживают за ней далеко сверх показанного в клубах времени: 2-х часов ночи, и с охотою за долее просиженное время платят значительный штраф, — только чтобы подольше поиграть в эту игру. — Подобные штрафные деньги относятся и до карточных игроков в этом клубе. — Известие об этом новоизобретенном Лото уже распространилось по всем чиновникам Петербурга, и многие молодые люди с нетерпением ожидают счастливого случая быть в Благородном Собрании на Литейной и попытать фортуны в это новое Домино-Лото. — Стыдно и непроситительно, что старшины сего клуба, или директора (как они сами величают себя сим громким названием), в глазах всего Петербурга допускают в своем Собрании это Лото нового рода, — вопреки прежнего строгого запрещения Правительства, и столь близоруки, что не могут предвидеть, что страсть к ней неминуемо поведет за собою прежние несчастные последствия! — Не менее стыдно и членам сего Общества, состоящего единственно из людей со званием, т. е. военных и гражданских всех возможных здешних присутственных мест, что они явно стараются обмануть Правительство, играя в игру под названием Домино, — тогда как она в этом виде есть ни что иное как совершенно прежнее разорительное Лото!

Еще в другом из здешних клубов, т. е. Биргер-Клубе (на Адмиралтейской площади)²⁴, с некоторых пор также появилась довольно значительная карточная игра в Палки. — Хотя эта игра, неизвестно почему, и допущена Правительством в клубах, но не менее того азартная, ибо бескозырная, тогда как другие бескозырные игры вообще строго запрещены в России²⁵. — Клуб этот состоит из большого числа военных (в числе коих есть и генералы), всевозможных гражданских чи-

новников, множества здешних и иностранных купцов, конторщиков и проч. Нередко там в Палки проигрывается в вечер несколько тысяч рублей, а участвующие в этой игре не всегда богачи; — бОльшая часть из них — мелкие купцы и чиновники, существующие, как весьма хорошо известно, одним только незначительным жалованием, без всяких видимых других источников, но не менее того постоянно ведущие весьма большую игру!

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 20–21 об.

№ 14. Сводка. [Начало мая 1857 г.]

№ 126

Городские слухи и толки

Находят, что государь император с некоторых пор очень похудел, потерял прежнюю свою веселость и сделался чрезвычайно серьезен.

Сюда будто бы прибыло несколько богатых англичан или американцев с предложением на свой счет провести железную дорогу из Иркутска до устья реки Амур, с предоставлением им привилегии исключительно владеть доходами оной в продолжении 50 лет. Но боятся согласиться на это, чтобы не пустить козла в огород, ибо под предлогом железной дороги они могут выведать источники богатств этого отдаленного края, которые и самой России еще не совсем известны. Во всяком случае, думают, что это пошлетя предварительно на рассмотрение Муравьева в Иркутск. — Особливо теперь, при заселении обширных стран по Амуру, надо быть очень осторожным в отношении с иностранцами, дабы отнять от них средства слишком сблизиться с японцами и китайцами с той стороны российских границ.

Неожиданное возвращение сюда Галахова породило разные толки. — Одни говорили, что государь не доволен Шуваловым, и по телеграфу дано знать Галахову прибыть в Петербург для немедленного занятия опять своей должности; другие говорили, что он прибыл по повелению государыни Александры Федоровны, которая, будто, отправляясь в Рим, на всякий случай поручила Галахову лично передать государю императору какие-то весьма важные государственные бумаги, кои Ее Величество не хотела взять с собой или переслать с кем-либо другим. — Еще другие уверяли, что он прибыл единственно для вступления в наследство огромного имения, оставленного ему одним внезапно умершим здесь близким родственником. — Так или иначе, но те-

перь опять все эти столичные толки умолкли, и говоруны успокоены тем, что Галахов по-прежнему уехал для излечения за границу, а Шувалов не только не смнен, но даже утвержден в своей должности.

Черный народ, говорят, очень соболезновал, что Царская фамилия скрылась от их глаз на прогулках в саду Аничкина дворца, приказав завесить решетку полотном. Он не мог довольно нарадоваться, видя царей своих (как простой народ привык называть императорскую фамилию), открыто гуляющих в Летнем саду, а потом говорил: «чего они боятся, ведь мы не сглазим!».

Находят совершенно лишним, что и поныне еще продолжают печатать в полицейских газетах о холерных, число коих делается теперь ничтожным, не заслуживающим никакого внимания. — Не от воздуха и от пищи, говорят, делается холера, а единственно от ужасно дурной воды весною и осенью в Петербургских канавах, которая есть ни что иное как густой настой грязи, дохлых собак, кошек и крыс и всех нечистот, стекающих из домов в канавы. — На это Правительство должно бы обращать все свое внимание! — Хорошо помнят, что в последние годы императора Николая положительно говорили об учреждении по городу восьми фонтанов, по местам наиболее отдаленным от Невы, — но довольно и того, что об этом поговорили, — теперь нужны деньги на другое.

Нынешнюю выставку Академии Художеств знатоки находят гораздо ниже прежних и не стоящую никакого внимания. — Да и что можно ныне ожидать, говорят, при бесштанном президенте и вице-президенте, помешавшемся на старости лет на каком-то новом сочиненном им балете²⁶?

Во время нынешних качель говорили в народе, что они в последний раз на Адмиралтейской площади, потому что очень портят мостовую. Император, будто, повелел чтобы отныне они были на Семеновском плаце.

Очень сожалеют о тяжелой болезни Булгарина. Едва ли он встанет, по старости лет. В нем русская литература, и особенно в литературе его genre, Россия будет иметь невозвратную потерю, а если и Греч уберется, то вовсе наденем траур²⁷, — ибо теперь решительно не имеется никого в виду, могущего заменить их!

№ 15. Сводка. [Начало мая 1857 г.]

№ 129

На днях легкой извозчик спросил седока: а что слышно, барин, скоро ли родит государыня, ведь толкуют, что если Бог даст государю сына, то он непременно хочет дать нам вольницу, потому что этот сын будет Царской сын и важнее всех других его детей²⁸. — Государь уже давно бы для нас что-нибудь сделал, да не может — помещики его упрашивают, а если теперь будет сын, то с этого дня, говорят, все наши дети, которые родятся с этого времени, будут вольными, а для нас самих будет назначена такса для выкупа себя на волю, не так как теперь — плати сколько господин захочет, а другой черт знает что ломит, от того-то и не можем выкупиться, а если будет, как государь хочет, так мы скоро будем все вольные. — Дай-то Боже, государю сынка, — ждем, не дождемся!

*ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 47–47 об.***№ 16. Сводка от 7 мая 1857 г.**

№ 447

Я имел честь докладывать Вашему Сиятельству, что по делу о фальшивых билетах Ссудной казны, узнано по учиненным мною вопросам лиц, представивших те билеты, что главным в этом обмане виновником должен быть лифляндский уроженец Браун, так как из числа 6 подложных билетов три приобретены были прямо от него или чрез его посредство. Вместе с тем доводил я до сведения Вашего Сиятельства, что Брауна этого видели в Тентелевой деревне²⁹ в харчевне. — Следя неотступно за этим делом, я неоднократно посылал состоящего при 3-м Отделении поручика Корпуса жандармов Плошкуса за частными справками в 4-ю Адмиралтейскую часть, где содержатся три лица, на коих указали предъявители билетов как на продавцов оных. Кроме того, поручал я ловкому агенту подкараулить вышеупомянутого Брауна в Тентелеве, или где окажется, и, отыскав, указать на него полиции. По-видимому, деятельность этих частных разведаний подстрекнула полицию, ибо после семимесячного тщетного разыскания виновных она ныне также обратила свое внимание на Брауна и на днях задержала его. Он сознался в подчистке и продаже билетов, но вместе с тем заболел и отправлен был в тюремную больницу. По выздоровлении же его делу будет дан дальнейший ход.

7 мая 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 39–39 об.

№ 17. Сводка от 14 мая 1857 г.

№ 450

Правитель Канцелярии кронштадтского военного губернатора, коллежский советник Тресковский обратил на себя негодование всех сословий тамошних жителей алчностью своей и притеснениями всякого рода. Будучи близким родственником полковника Горговенко¹, находящегося наставником при детях великого князя Константина Николаевича, Тресковский, в надежде на столь сильную протекцию, обложил данью весь Кронштадт и всех тамошних иностранных консулов и приезжающих к порту шкиперов. — Об этом было известно уже давно коллежскому асессору Шульцу, но так как наблюдение за управлением в Кронштадте не входит в круг его обязанностей, то он никому не сообщал того, что слышал о действиях Тресковского. В нынешнем же году сей последний, будучи недоволен новыми правилами насчет отправления из Кронштадта иностранцев, так как они совершенно вышли из-под его влияния, он начал делать придирки Шульцу, дав подписать военному губернатору бумагу, которой он требует от него представления особой исправленной ведомости на русском языке, за его подписью, сверх той, которую привозят с собой капитаны пароходов. — Шульц явился к адмиралу Новосильскому и, объяснив, что с удовольствием исполнит желание Его Превосходительства, хотя не имеет на то права по новому порядку, присовокупил, что уверен, что мысль об этом подал ему, Новосильскому, г[осподин] Тресковский. Получив на сие утвердительный ответ, Шульц решился просить позволения военного губернатора доложить ему о действиях вообще Тресковского, который вооружает противу него весь город и может запятнать даже его имя. — Адмирал Новосильский тотчас запер двери своего кабинета, просил Шульца присесть и, выслушав его, схватил себя за голову, ходил скорыми шагами по комнате и бранил Тресковского, говоря, что он уже догадывался, что он плут, и что он его прогонит. Поблагодарив Шульца, он просил его написать о том, что знает о Тресковском, Вашему Сиятельству, и Шульц, отказавшись сначала это исполнить, согла-

¹ Так в документе. Правильно: Горкавенко (Горковенко).

сился потом, с тем условием, что в донесении своем сошлется за изъ-
явленное по сему предмету желание самим им, Новосильским. Вместе
с тем Шульц просил его не полагаться на его слова, но, пригласив к се-
бе консулов, спросить их. — На другой день Новосильский вновь по-
требовал к себе Шульца и просил его не писать Вашему Сиятельству,
сказав, что консула все подтвердили и что он уволит Тресковского.
Родственник сего последнего, полковник Горговенко, приезжал затем
в Кронштадт, но, узнав в чем дело, уехал. — Тресковский уже сдал ис-
правление должности, до назначения нового правителя Канцелярии,
столоначальнику Романову, который немногим лучше Тресковского,
ибо не имея состояния и получая 200 р[ублей] с[еребром] в год жало-
ванья, он дает иногда вечера, которые стоят ему 500 р[ублей] с[ереб-
ром]. Адмирал Новосильский столь был милостив к Шульцу, что про-
сил его рекомендовать ему благонадежного чиновника в правители его
Канцелярии, от чего, однако ж, Шульц воздержался.

Хотя Шульц дал слово не писать к Вашему Сиятельству, но он счел
долгом частным образом передать мне о вышеизложенном. Я уже довел
о сем до сведения Его Превосходительства Александра Егоровича¹.

14 мая 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 40–41 об.

№ 18. Сводка от 15 мая 1857 г.

№ 453

Городские слухи и толки

На днях в народной торговой бане на Василь[евском] Острове³⁰,
в 8-ой линии, разговаривали между собою в полголоса 4 молодых пар-
ня, должно быть, из лавочников или купеческих приказчиков. Один из
них сказал: слышно, что 3 тысячи офицеров выпускают в отставку. Не-
ужели Россия не может прокормить их в нынешнее мирное время, то-
гда как при Николае было столько войны, а он не только не выгонял из
службы, а все еще прибавлял войско, а денег на все хватало. Уж эдак,
пожалуй, эти отставные бедняжки поневоле и у нас начнут хлеб оты-
мать! Что-то теперь у нас все неладно затевают!¹¹

¹ А. Е. Тимашев.

¹¹ Предложение отчеркнуто на полях красным карандашом.

Известный наш миллионер Бенардаки, хотя и грек, но говорят, со всей искренностью душой и телом предан России, единственному своему отечеству, давшему ему столь огромные богатства. Поэтому и удивительно, говорят, что уезжающий ныне отсюда за границу (как видно из газет) молодой студент Бенардаки, который не может быть кто-либо другой, как один из сыновей нашего Бенардаки, означен Северо-Американцем¹. Неужели неблагодарность и холодность к России дошли до такой степени между подобными молодыми людьми, что они лучше желают быть вольными Северо-Американскими гражданами, нежели носить имя русского? — Впрочем, говорят, это и не удивительно при известном нынешнем вольнодумстве и каком-то особенном направлении умов наших студентов!

В числе статей, перепечатываемых здесь в «Journal de St. Pétersbourg» из «Correspondance de Paris», замечают опять следующие отзывы из Парижа о великом князе Константине Николаевиче как pendant к прежним об нем отзывам из Франции, — в подобном же роде: «Ce prince est curieux^{II} dans toute l'acception du mot et cette active et inquiétante curiosité de s'instruire, étonne les Français»^{III}. — Как будто, говорят, Его Высочество ничего не видал хорошего в России? В другом месте этого же журнала сказано: «les deux ou trios jours que S[on] A[ltesse] I[mperiale] a passé incognito à Paris avant son départ, le prince a reçu beaucoup des petitions privées et a fait énormément de bien»^{IV}. — Вот, говорят, что значит быть за границей; увидим, распространятся ли эти княжеские щедроты и здесь на бедных русских, по возвращении Его Высочества и вступлении опять в управление Морским министерством?

На днях отправился отсюда за границу поручик Л[ейб]-гвард[ии] конно-гренадерского полка, Киткин. — Из провожавших его товарищей, говорят, один между прочим ему сказал: «Смотри, mon cher,

^I «Об этом поручено мною справиться основательнее» (Прим. док.). На полях напротив красным карандашом поставлен знак «?».

^{II} Это слово, непонятно почему, — напечатано курсивными буквами. Думают, не для того ли, чтобы обратить на него более внимание чтецов? (Прим. док.)

^{III} «Этот князь любопытен во всех смыслах этого слова, и это живое, беспокойное стремление получить новые знания удивляет французов» (фр.).

^{IV} «За те два или три дня, проведенных его императорским высочеством инкогнито в Париже, князь получил большое количество частных петиций и сделал много добра» (фр.).

ради бога не забыть револьвер, да точно такой, как у Serge, записал ли ты?» — «Да уж будь спокоен, не записал, да не забуду, я и для себя куплю такой же». — «Какой револьвер?» — спросил другой офицер. — «Да мы видели чудесный трех-ударный карманный револьверчик, он заплачен в Париже 40 франков, чудесная, брат, штука, в 50-ти шагах пуля дверь пробивает, просто бьет наповал». — «Quelle idée, неужели таскаться с такой тяжестью в кармане?» — «Натурально не таскаться с ним, а так, знаешь, на всякий случай, dans un moment désespéré!»

Непредвиденный и необычный (*imprévu et inaccoutumé*) отъезд Папы из Рима тотчас после прибытия туда императрицы Александры Федоровны и необходимых двух, так сказать, партикулярных визитов, т. е. один императрицы Папе, а другой Папы императрице, — наши глубокие политики и пристальные читальщики заграничных газет относят ни к чему другому как желанию Папы удалиться от всех дальнейших этикетов, долженствующих быть соблюденных им во время пребывания в Риме Ее Величества. — Известно в этом отношении фанатизм Пап, считающих себя Главою Церкви, следственно и выше всего земного. — Это, между прочим, ясно было видеть и ныне при прибытии в Москву Папского нунция на коронавание императора Александра. Он, говорят, с умыслом пробыл накануне у Москвы и уже на другой день коронавания въехал, тогда как мог со всеми другими послами присутствовать на самом священном обряде, но, вероятно, имел тайное повеление Папы избегнуть этого, чтобы по нашим церковным обрядам во время сего торжества не стать ниже нашего Высшего Духовенства.

На прошедшей неделе был в Пашковском клубе, на Литейной, или (как его иначе называют) в Благородном чиновническом собрании³¹, прощальный обед по случаю переезда сего клуба из дома князя Орлова (купленного в казну для Министерства уделов) в дом Коссиковского у Полицейского моста. Тотчас после обеда, на котором хорошо поели, а еще лучше подпили, с жадностью, как обыкновенно бывает, бросились к Лото (*soi-disant domino*¹) и с таким, говорят, остервенением начали оспаривать друг у друга места, что в скором времени дошло от спора до брани, а от брани до настоящей русской ругани и даже до личностей, — так что, наконец, старшины, чтобы успокоить разгоря-

¹ «Мнимое домино» (*фр.*)

ченные умы и избежать худших последствий, нашлись вынужденными остановить эту игру, в которую там уже несколько дней не играют. Теперь, наверное, еще не знают, будет ли это обстоятельство служить поводом при переезде сего клуба ныне на новую квартиру к всегдашнему запрещению сей азартной игры, вкравшейся туда недавно под ложным названием домино, или предоставлено будет старшинам по их благоразумному соображению опять разрешить продолжение оной? Но сколько известно, так бедные чиновники, проигравшиеся в нее дочиستا и уже забравшие вперед за несколько месяцев жалованье, душевно были бы рады запрету сей новоизобретенной игры, — для избежания на будущее время всегдашней к ней приманки.

Хотя все собравшиеся несметные массы зрителей смотреть поднятие воздушного шара и были вообще чрезвычайно довольны сим зрелищем, но все-таки находились многие, которые громко роптали и говорили, что всегда у нас в России публика бывает обманута, как и теперь, — ибо в афишках объявлено было, что вскоре после поднятия шара какой-то франт спустится с него на парашюте, а на самом деле вышло, что об этом и в помине не было. — Может быть, это-то обстоятельство и доставило антрепренеру самый большой сбор, — а ему какое дело до исполнения; — он собрал денежки, да и поклонился, а спускайся другой, кто хочет.

Между толпой народа, большей частью простого, собравшегося на Николаевском мосту во время бесконечного ожидания поднятия шара, между прочими замечаниями и толкованиями нашей черни, говорят, многие заметили, что в часовне пред иконой Св. Николая Чудотворца горит день и ночь в лампаде неугасаемый огонь, а находящаяся за ним с другой стороны часовни икона Св. Александра Невского, патрона и хранителя С[анкт]-Петербурга и одноименного святого с ныне царствующим императором Александром, обретается во всегдашней глубокой тьме и не порадуется ни в какое время года, ни летом, ни зимой, ни одним лучом свечи или лампы, — как будто, замечали наши добрые мужички, Александр Невский на вестях или в прислугах у Николая, который даже отвернулся от него спиной!

Не весьма приятно, говорят, для Петербурга, читать помещенную опять в «Journal de St. Pétersbourg» статью из Ницы¹: «L'Impératrice-

¹ Так в документе.

mère de Russie a distribué des tabatières ornées de portraits et de diamants gros comme des pois; — les Grands-Ducs en ont fait autant. — Il y a eu de plus, des distributions abondante de bagues, broches et bracelets pour les personnes qui ont approché la Famille Imperiale»¹.

Не постигают причин, почему с прошедшего лета отменена здесь благоразумная и столь необходимая для безопасности жителей мера^{II} — в летнюю пору убивать бездомных собак, в таком множестве скитающихся по улицам и площадям и устрашающих пешеходов не только ночью, но среди белого дня, — особенно детей порядочных родителей, во множестве гуляющих с их няньками по тротуарам и набережным? Неужели, говорят, еще мало было здесь несчастных случаев от укушений бешеных собак и причиненных ими испуг, когда во время их скопищ они целыми стаями бегают по улицам и без всяких причин бросаются на людей и лошадей? — Настоящие причины такой непонятной и непростительной со стороны здешней полиции беспечности и отступления от прежнего порядка не только не известны обывателям Петербурга, но, к величайшему стыду, даже и самим полицейским офицерам! — На делаемые им обывателями вопросы об этом все их ответы совершенно различны между собой, что ясно доказывает, что никто об этом ныне здесь не заботится и со стороны городского начальства для безопасности людей в этом отношении не принимаются решительно никакие меры! — Различные эти ответы полицейских офицеров суть следующие: «Со времени Игнатьева³², он отменил этот порядок, находя что неприлично для солдат бить собак, ибо хотя этим занимались фонарщики, но они все-таки считаются солдатами». — «Это сделано по представлению брант-майора³³ Эртеля, который просил Игнатьева дозволить ему вместо употребления фонарщиков бить собак, отпускать их во время трех летних месяцев — где они не бывают заняты фонарным по городу освещением, — ходить на вольную поденную работу в пользу артельных их денег, для улучшения пищи сих бедных людей». — «Употребленные на этот пред-

¹ «Российская императрица-мать раздавала табакерки, украшенные портретами и бриллиантами величиной с горошину; — великие князья делали то же самое. — Были также и другие изобильные и щедрые дары, броши и браслеты для тех, кто приближался к императорской фамилии» (*фр.*)

^{II} Текст со слов «Не постигают причин» и до слов «жителей мера» отчеркнут на полях красным карандашом.

мет с незапамятных времен сети до такой степени изгнили, что совершенно сделались негодны к употреблению, а для изготовления новых нет сумм в полиции». — «Хотят будто сделать какие-то ручные сети, чтобы ловить живых собак, а потом уже бить их за городом, чтобы удалять это противное зрелище от жителей и отделять собак с ошейниками от собак, скитающихся по воле, — или давать им околевать с голоду в каком-нибудь отдаленном месте за городом». — «Вместо фонариков Эртель предложил употреблять на это граждан, дворников, арестантов или разный другой сброд народа, но нет еще разрешения». — «Может быть¹, это сделано из экономии, ибо по давнишнему положению полагается по 10 коп. с каждого собачьего хвоста в пользу фурманщиков^{II}». — Ко всему этому полицейские еще прибавляют: «Начальство не делает по этому никакого распоряжения, а нам что соваться не в свое дело, — пускай будет, как сами знают».

Но от этих пустых разговоров жителям Петербурга в этом важном обстоятельстве нисколько не легче, — следует действовать, а не рассуждать. Потому-то и совершенно справедливо их негодование против сего непростительного^{III} упущения и желание, чтобы в скорейшем времени были приняты самые строгие меры для восстановления единоряды навсегда в Петербурге прежнего в этом отношении полицейского порядка, без которого, в жаркое летнее время, никто не может выходить со двора без опасения быть укушенный бешеной собакой!

15 мая 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 50–55 об.

№ 19. Сводка от 17 мая 1857 г.

№ 455

Небывалую почти в Петербурге в нынешнее время года столь холодную, совершенно осеннюю погоду начинают приписывать ни чему другому как влиянию ожидаемого 13-го июня сего года приближению кометы к Земному шару. — Смешно и забавно слушать нелепые об этом толкования суеверных, набожных старушек, даже из самых выших, образованных обществ. — Боязнь их непритворная, и действи-

---

^I Слово «быть» вписано над строкой карандашом.

^{II} Так в документе.

^{III} Слово «непростительного» вписано над строкой чернилами.

тельно на них напал панический страх от твердого убеждения в представлении¹ Света; — многие не хотят даже переезжать на дачу, а желали бы вместо того уехать и скрыться на той точке земли, где не мог бы задеть их хвост кометы. — Непростительно, что даже образованных, начитанных мужчин нельзя убедить в нелепости их верования, — не смотря на все последние основательные опровержения первейших астрономов. — Если известная огромностью своей, какой, может быть, не было с сотворения мира, комета 1812 года, столь близко бывшая к Земному шару, ему не могла причинить никакого вреда, то как полагать, чтобы ныне ожидаемая комета средней величины и в таком неизмеримом от Земли отдалении могла причинить ей какое-нибудь потрясение. — Не нужно быть совершенным вольнодумцем, неверующим ни в какую силу природы, чтобы легко убедить себя и других в ложности сего предсказания, — потому именно, что везде печатают, пишут, говорят о 13-м июне, а никому из прославленных великих астрономов нашего века и в голову не пришло пояснить или положительно определить, какого именно 13-го июня будет сокрушение Света: по новому или по старому стилю, и где оно начнется? на западе ли двенадцатью днями раньше, или на востоке двенадцатью днями позже? — Из этого, говорят, ясно видно, что все это ничто иное как астрономический пух. — Успокойтесь, милые, почтенные старушки, еще много комет пройдет мимо Земного шара, а белый Свет будет по-прежнему стоять.

17 мая 1857 г.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 56–56 об.

№ 20. Сводка от 17 мая 1857 г.

№ 456

Как согласовать, говорят, нынешнее введение по всем частям экономики — уменьшением армии, флота, гражданских чинов и проч. — с теми несметными суммами, кои уходят за границу на путешествия Царских лиц. Две последние поездки императрицы Александры Федоровны, т. е. перед коронацией и после оной, говорят, теперь уже стоят до 10 миллион[ов] золотом, а великого князя Константина Николаевича — до 4 миллион[ов], не говоря об издержках сопровождающей

¹ Так в документе.

его эскадры. — Покойные императрицы Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна во всю продолжительную их жизнь в России, говорят, только два раза ездили за границу, из коих один раз совершенно инкогнито, без всякого блеска и помпы, в сопровождении только самого необходимого числа людей их свиты, единственно для избежания всяких лишних издержек. — Не собственно поездки ныне стоят больших сумм, а необходимо сопряженные с пребыванием наших Царей за границей богатые подарки, ими там рассыпаемые для выказанья великодушия и прославляемой там русской щедрости. Говорят, что высочайшему Двору предстоят опять новые огромные экстренные расходы по случаю ожидаемого прибытия сюда знатных иностранных особ с поздравлением государя императора с новорожденным сыном. — В течение года, будто бы, чрезвычайно вздорожали здесь бриллианты от приготовления к свадьбе Его Высочества Михаила Николаевича³⁴ и вообще от огромного количества драгоценных бриллиантовых вещей, постоянно заготавливаемых от Кабинета для подарков иностранцам здесь и за границей. — Говорят, придворные бриллианщики¹ страшно наживаются — почти на половину настоящей ценности вещей; да и Кабинетские чиновники по этой части не забывают себя; кому не нужны казенные деньги? Они думают себе на уме: «куй железо, пока горячо; а другим несчастным чиновникам, может быть, несравненно полезнейшим на той же царской службе, угрожает если не совершенная нищета или голодная смерть, то непременно унижительная для их звания работа за поденную плату, наравне с чернорабочим народом!

17 мая 1857

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 57–57 об.

№ 21. Сводка от 18 мая 1857 г.

№ 454

Городские слухи и толки

Булгаков, говорят, совершенно овладел военным министром и делает все что хочет. Сначала, по новости, Сухозанет держался Брискорна и рад был иметь в нем опытного по сей части руководителя; — те-

¹ Так в документе.

перь же совершенно вверился Булгакову, который по своим видам оттер Брискорна, из благодарности, говорит, что он единственно Брискорну обязан своим важным, доходным местом.

Смешно глядеть, говорят, на карикатурный портрет великого князя Константина Николаевича в последнем номере розданной здесь на днях публике французской иллюстрации^I. — Если бы это было в «*Journal pour rire*», изображающем все, как известно, в смешном и критическом виде, то это понятно, — но непрослительно для французов и даже обидно для русских, — в «*Illustration, Journal Universel*», этом главном и любимом во Франции журнале, — видеть нашего молодого 29-летнего великого князя, полного здоровья и жизни, изображенного пятидесятилетним арапом или трубочистом, — и даже не в мундире, а в каком-то спензере с албанской юбкой! И это в то время, когда Его Высочество находится лично в самом Париже? — И этот портрет называют: «*portrait authentique du prince d'après une photographie apportée de St. Pétersbourg par M. Sorieul, peintre attaché à l'ambassade de France près [de] la Cour de Russie*». — Если Sorieul³⁵ (который, без сомнения, находился здесь при французском посольстве за великий его талант) — изобразил так удачно Константина Николаевича, — то каковы должны быть, говорят, портреты прочих здешних лиц, коими, вероятно, наполнены его мапы? Если бы русские не имели столько доказательств искренней дружбы и уважения к ним французов и изысканного их к ним внимания и вежливости, то можно бы было счесть это за тонкую насмешку или желание представить великого князя *comme un ours blanc*^{II}, как привыкли называть нас бедных северяков.

Находят весьма забавным, что в статье о последнем бале в Тюллерий^{III}, французы говорят о Тотлебене: «*il a plutôt l'air d'un major allemand que d'un héros historique*»^{IV}. —

Здешние французы чрезвычайно выхваляют энергию Наполеона и искренние его чувства дружбы и глубокого уважения к императрице Александру, в особенности выказанные им пред прибытием в Па-

^I Портрет великого князя Константина Николаевича из газеты «*Illustration, Journal Universel*» за 2 мая 1857 г. См. илл. (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 62).

^{II} «Как белого медведя» (*фр.*).

^{III} Так в документе. Правильно: Тюильри.

^{IV} «У него скорее вид немецкого майора, чем исторического героя» (*фр.*).

«Le grand-duc Constantin de Russie. — D'après une photographie apportée de Saint-Petersbourg par M. Sorieul, peintre attaché à l'ambassade de France près de la cour de Russie» (фр.). Великий герцог российский Константин. — По фотографии, привезенной из Санкт-Петербурга г-ном Сорьелем, художником, прикрепленном к французскому посольству при русском дворе. «Illustration, Journal Universel». 2 мая 1857 г. (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 62).

риж великого князя Константин Николаевича, когда Ковлей¹, под предлогом поздравления Королевы, хотел удалиться в Лондон, чтобы не быть в числе особ, должествующих принять в Париже Его Высочество с должной почестью. — Наполеон пожелал, и Ковлей должен был остаться. — И визит великого князя королеве Victoria приписывают ни чему другому, как желанию Наполеона содействовать сему свиданию, имеющему, говорят, важное политическое значение для отращения всякого вида существующей после войны холодности между Россией и Англией и необходимого их сближения в настоящее время по случаю предстоящего близкого родства чрез брак принца Прусского с Английской принцессой³⁶.

Говорят, Константин Николаевич везет с собой из Парижа несколько человек французской прислуги. — Это не очень одобряют; — как будто у него нет своих хороших, преданных слуг. Иностранные слуги, говорят, всегда вредны по высокомерному, повелительному тону, который они позволяют себе против русских и чрез то посевают между ними всегдашнюю вражду. Эта прислуга, кроме того, вредна и потому еще, что почти всегда бывают тайные агенты их правительств, и если достигнут какого-либо влияния над нашими царскими лицами, то непременно употребляют в пользу себе, а русским во зло! — Говорят, что теперь только еще не достает, чтобы великий князь нанял и несколько англичан; тогда он может порадоваться иметь в своем доме трех враждующих между собой партий.

Не очень одобряют уже чересчур выказываемую Константин Николаевичем за границей любознательность, — особливо во Франции. — Он человек умный, чрезвычайно сведущ в математических и других науках, входящих в его часть, а при посещениях арсеналов, музеумов и прочих учебных заведений с необыкновенной торопливостью бегал от одного предмета к другому, не выпуская из рук фута (*mètre*) — измеряя и примеряя каждую штуку, каждую модель, с замечаниями и отметками своими, как будто никогда ничего подобного не видал у себя в России, — тогда как все это, по большей части, у него и здесь под руками. — Право, прошли уже те времена, говорят, где Россия должна была удивляться иностранной премудрости, — теперь и иностранцы могут от нас кое-чему научиться. — И после всего этого мы еще удив-

---

¹ Генри Ричард Чарльз Уэлсли, 1-й граф Коули (Cowley).

ляемся, что за границей называют нас несивилизованными вандалами и северными варварами, среди вечных своих снегов погруженными в глубочайшее невежество! — Впрочем, этим обнаруженным великим князем за границей чрезмерным любознанием и жадной к наукам приобрел он славу быть там сравненным с Петром Великим! — Его Высочество, говорят, на весьма большие суммы приобретает там разные ученые предметы, подобно тем, кои и без того уже теперь наполняют, без всякой существенной пользы, музеумы и кладовые в Адмиралтействе, и из коих многие с незапамятных времен остаются даже еще не вынутыми из ящиков и навсегда забытыми. — И вновь приобретенным ныне драгим предметам, полагают, предстоит совершенно та же участь! — Они, как примеры доказывают, будут выгружены, пречинно расстановлены по шкафам и полкам зал и коридоров Константиновского дворца и Адмиралтейства, и по неспособности большей части из них к употреблению в России, покроются навсегда, как и предки их, густыми слоями вечной пыли, — а русские денежки за них ушли как ушли! — Впрочем, говорят, нельзя же и требовать, чтобы Константин Николаевич, при похвальной его страсти ко всякой новизне, думал и о старых своих намерениях и предположениях, занимавших его при закупке этих ученых предметов. — Естественно, что каждый старый проект (оставшийся без выполнения) должен уступить место новому, а этот новый в скором времени опять новейшему, — и так далее!

Уверяют, что на следующий сезон ангажированы еще две новые французские актрисы¹, одна на 7, а другая на 5 тысяч руб. сер[e]б[ром]. — Они, говорят, будут совершенно лишни, ибо их employ и без того уже исполняют здесь актрисы, коим весьма редко приходится появляться на сцену. — Иные говорят, что это по ходатайству Константина Николаевича, другие, что к этому способствовал Морни, по просьбе его жены, к которой подбились некоторые из здешних французских актрис, чтобы чрез это дать двум бывшим их компаньонкам парижских сцен средство с выгодой побывать в Петербурге. Еще другие уверяют, что это сделалось по желанию знаменитой и всемогущей Мины Ивановны^{II}, также одной из больших приятельниц и покровительниц здешних французских актрис. — Впрочем, это последнее об-

¹ Одна из них, говорят, Cressy, бывшая недавно в Париже на содержании у какого-то русского вельможи (Прим. док.)

^{II} Вильгельмина (Мина) Ивановна Буркова.

стоятельство опровергается некоторыми лицами, знающими будто на-верное, что Мина Ивановна теперь далеко уж не то, что была, т. е. на-чинает впадать в немилость.

18 мая 1857.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 58–61 об.

№ 22. Сводка. [Не ранее 19 мая 1857 г.]

№ 457

Городские слухи и толки.

В заграничных газетах пишут, что великий князь Константин Николаевич в Париже чуть не задавил старуху. — Хорошо, говорят, что с ним не было русского кучера, как прежде наши цари брали за границу. — Неловкость французского кучера ни один француз не порицает, — а будь это с русским кучером, так его закидали бы насмешками и упреками в незнании своего дела.

До парада в простом народе говорили: мы ожидаем, что государь объявит на параде что-нибудь хорошее для народа; — теперь уже совершенно утихло, иные только говорят, что надо, верно, ожидать Константин Николаевича, может, государь ему поручил сперва посмотреть, как иностранный народ живет.

Жалко было смотреть, говорят, на бедных солдат на параде, совершенно посиневших и окостеневших от холода в белых летних штанишках! И после этого удивляются большой смертности солдат в госпиталях, всегда почти полных после парадов в такую погоду, как было 4-го мая! Иностранцы долго будет помнить этот парад. — Они беспрестанно потирали себе руки и плечи, а носы у них от холода вытянулись на аршин, особливо у Персидского посла. Упавшая прямо перед государем артиллерийская лошадь наделала больших хлопот; — причина этому, говорят, та, что ее от излишнего усердия так затянули, что она и дышать не могла, а потому и пала без чувств, уверяют, что это нередко делают артиллеристы перед самым проходом мимо государя, — чтобы лошади больше играли, а эту уж чересчур затянули. — Подобного случая, говорят, вероятно не было на блестящем параде, данном недавно в Париже Наполеоном в честь Константина Николаевича.

Не совсем одобряют, что во время парадов, как и ныне опять было, офицеры обращают в совершенные *cafés-restaurants* бутки на Царицы-

ном Лугу и во всех близлежащих улицах, где стоят войска. — Они закусывают там, пьют вино и курят и совершенно вытесняют буточников, коих за постой поят водкой.

Офицеры 2-го гвардейского Стрелкового батальона в восторге, что получили Шефа и гордятся милостивым приемом, сделанным им императором во время принесения ими в Царском Селе поздравлений. Его Величество между прочим им сказал: «Господа, я обещал дать вам Шефа и сдержал свое слово». Они завтракали у государя, и в продолжение одного государь почти каждого из них удостоил ласковым словом. — При этом, говорят, что император действительно хотел новорожденного великого князя назвать Петром, но императрица уже после разрешения призналась государю, что во время бытности перед коронацией Сергиевской Лавре она дала тайный обет сему Святителю, что, если Бог дарует счастливо разрешиться ей сыном, дать ему имя Сергей³⁷.

После парада этот стрелковый батальон, говорят, получил приказание на следующее утро возвратиться в Царское Село не по железной дороге, как прежде, а пешком, как прочие войска возвращаются на квартиры по окрестностям Петербурга. Офицерам сего батальона в особенности приказано непременно идти с солдатами, у которых чрез это остался лишний гривенник в карманах.

Один гвардейский кирасирский полк из Гатчины, говорят, вовсе не был на параде, потому что почти у всех лошадей сап. — Кавалеристы удивляются этому и приписывают ни чему другому, как небрежному смотрению за лошадьми, вероятно слишком скоро напоенных после ученья.

Говорят, что только после разрешения императрицы, когда хотели пушечными выстрелами возвестить о сем в Царском селе, вспомнили, что там нет пушек. — Немедленно дано было приказание прислать орудия из Петербурга, и тотчас поскакала туда одна конная батарея. От этого пальба в самом Царском Селе началась только в половине 2-го часа ночи, тогда как в Петербурге пушки возвестили об этом уже в 11 часов вечера. — Руссак всегда, говорят, крепок задним умом.

Думают, что так как принц Наполеон по какому-то важному поручению Лудовика Наполеона теперь уже находится в Берлине, то, вероятно, ему поручено будет воспользоваться близостью Петербурга и прибыть сюда для поздравления государя с новорожденным.

Лица, коим надлежало отправиться отсюда в субботу 4-го мая на пароходе «Прусский Орел», чрезвычайно негодовали на отсрочку сего отправления до 6-го мая. Этого никогда здесь не бывало, и, говорят, совершенно изменил объявленный публике в печатных табелях срок отправления и прибытия сюда сего парохода в течение всей нынешней навигации. — Особливо семейным людям, совершенно устроившим свои дела для непременно отправления 4-го числа, эта перемена причинила большое неудовольствие, ибо многие из них, сдав уже свои квартиры, должны были опять вводить себя в совершенно лишние издержки, нанимая на двое суток комнаты в гостиницах. — Причину сей отсрочки контора сего парохода относит к дурной погоде (как будто она могла предвидеть, что 6-го числа будет лучше), но пассажирам достоверно известно, что действительная причина сего беспорядка есть Прянишников, также отправившийся на сем пароходе. — Он, говорят, не успел еще подготовиться к отправлению, а потому должны были дожидаться и другие лица, из коих многие столь же знатны как Прянишников, если не больше. — В чужих краях не посмотрели бы ни на какие пряники, — и не сделали бы этого и для самого короля, — а у нас, говорят, все можно делать: сила солону ломит.

Находят чрезвычайно благоразумным новое учреждение здешнего¹ Почтамта налагать на иностранные газеты и журналы штемпеля с обозначением дня и часа выпуска оных для разноса подписчикам. Известно, что до сего времени разносчики сих газет ужасно плутовали, задерживая их по несколько дней, в продолжение коих давали за некоторую плату читать их другим, сторонним лицам, не подписавшимся на эти журналы.

Многие любители французского театра, особливо абоненты, очень недовольны, и весьма справедливо, нынешним чрезвычайно ранним противу прежних лет закрытием сего театра. — Прежде французы играли до конца мая здесь, а потом начинали опять с половины июля на Каменном Острове³⁸, — а ныне они так ловко и выгодно для себя распорядились при заключении новых контрактов, что склонили Театральную дирекцию предоставить им совершенно вакантного времени с 1-го мая по 1-е сентября, с сохранением, однако ж, за все эти 4 месяца полного казенного жалованья, — что составляет, как полагают,

¹ Слово «здесь» вписано над строкой.

не менее, не более 35 000 руб. сер[е]б[ром] — На это, так есть деньги, говорят, — да как и не быть, когда дело идет, чтобы выказать иностранцам русскую щедрость. — Уж этому ли народу не житье в России: как сыр в масле катаются, а все думают у нас, что им худо платят. Полагают, впрочем, что нынешнего лета должны как Итальянская опера, так и Французский театр и балет, собраться к предполагаемому в то время бракосочетанию Его Высочества Михаила Николаевича.

Возвещенное во всех афишах воздухоплавание какого-то необыкновенного шара, который должен был 5-го мая в 7 часов вечера подняться из сада 1-го кадетского корпуса, по обыкновению привлек несметную толпу зрителей на Сенатскую площадь, по обеим сторонам набережной и на всех других близлежащих местах. — Но и сей раз, как почти всегда бывает у нас и, вероятно, будет, если против подобного наглого обмана не будут, наконец, приняты полицейские меры, — публика опять была обманута и с негодованием должна была разойтись. В толпе говорили, что это только можно у нас делать, а за границей такого обмана быть не может, — ибо в подобных случаях там народ сам распоряжается по-своему. — Публика справедливо обвиняет антрепренера, потому что в афишках сказано было, что шар непременно подымется, если в 6 часов, т. е. ко времени начатия надувания шара, будет тихая, благоприятная погода. — Всем известно, что 5-го мая с 4-х часов по полудни сделалось тихо и ясно, — следовательно, он надул не шар, а народ. — Увидим, что будет в следующее воскресенье. Говорят, что подобные своевольные отсрочки, имеющие единственно в предмете увеличение сбора, бывают всегда очень выгодны и для полиции, для которой публика всегда вещь совершенно сторонняя, не заслуживающая никакого внимания — у нас!

Поговаривают опять о каком-то несчастном случае, бывшем недавно на Московской железной дороге в некотором расстоянии от Твери; при этом уверяют, опять пострадало до десяти человек! Удивляются, как после столь долгого существования этой железной дороги, у нас еще не найдут средств к отвращению на ней всяких подобных случаев, которые, как много раз доказано, — почти всегда происходят от несмотрения начальства за рабочими при машинах и на дорогах при рельсах. — Известно, что весь этот народ всегда бывает полупьян, а в праздники едва может двигаться! — Если теперь, говорят, на таком малом пространстве, где каждая щепка должна быть уже известна, слу-

чаются так часто несчастия, — что будет на железных дорогах по всему пространству России? — Сколько они, по новизне своей, поглотят невинных жертв!!

Уверяют, что с 1-го сего июня откроется Штиглицова железная дорога в Петергоф³⁹. — Много, говорят, отымет она денег у пароходов во время лета, — но зато может спокойно отдыхать зимой и приплачивать из своего кармана на издержки.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 65–69 об.

№ 23. Сводка. [Не позднее 19 мая 1957 г.]

№ 133

Городские слухи и толки

На днях разнесся слух, что будто уже утверждена новая форма кокарды на фуражки статских чиновников, для отличия их от военных офицеров. — Военные кокарды, говорят, останутся по-прежнему овальные, а для классных чиновников установятся совершенно круглые. Поговаривают также и о новой форме пуговиц по всей России для военных и статских. Нынешние опущенные крылья орла будут подняты кверху, как на монетах последней чеканки. — Не хотят, говорят, чтобы Российский орел сидел с поникшими крыльями, а чтобы они были подняты вверх и всегда готовы лететь, куда судьбе угодно.

Ожидают скоро обнаружения утвержденного уже будто бы государственного положения о назначении по кредитным казенным учреждениям, вместо нынешних 4%, по 3%. — Хотя это и не весьма нравится богатым капиталистам, но вообще меру сию находят очень благоразумной, ибо ни один иностранный банк или кредитная касса никогда не давали более 3%, а иные и менее. Многие находят, что это следовало бы уже давно сделать. Сколько миллионов Россия сберегла бы чрез это. — Странно, говорят иные, что на эту благоразумную мысль никто на пал доньше, тогда как по Министерству финансов коротко должно быть известно, сколько выгод приобрело государство в то время, когда на нашей еще памяти вместо прежних казенных 5% назначены были 4%. — Верно уже не вмоготу пришли нынешние лишние расходы России, так и хватаются за все, что можно. — Нужда хитра на выдумки! Это уменьшение казенных процентов, говорят, имеет двоякую пользу: во-первых, капиталы, лежащие ныне в казенных кас-

сах для приращения, не будут поглощать столь значительных процентов, а во-вторых, капиталисты, не довольствующиеся такими малыми доходами, непременно будут пускать капиталы свои в оборот для получения больших выгод, — чрез что будет и более обращения денег в народе.

Здесь торговый народ с великим нетерпением ожидает появления обещанного уже несколько месяцев тому назад нового тарифа, и множество людей, заинтересованных в этом деле, беспрестанно спрашивают о нем в Сенатской типографии и Департаменте внешней торговли. — Хотя и не думали еще приступать к печатанию тарифа, потому что, как говорят, он еще и не утвержден окончательно, но не менее того известно под рукою, что многие из здешних иностранных negociантов имеют уже все необходимые сведения и выписки главнейших статей сего тарифа; — что весьма важно для их торговых соображений относительно выписки тех заграничных товаров, на кои будет сбавлена или возвышена пошлина или ввоз коих дозволен или запрещен; — все эти сведения доставят им величайшие выгоды. Не только, говорят, здешним negociантам известно главнейшее содержание сего тарифа, но даже в иностранных газетах уже упоминается об нем. — Удивительно, какими путями сделалось все это известно прежде времени, тогда как дела подобного рода производятся в Особенной канцелярии министра финансов по кредитной части, которая считается секретной канцелярией сего министра! Но куда в нынешний век нельзя проложить дорожку? — Пока у нас еще думают о выпуске нового тарифа, а Англия уже успела обнародовать строгое запрещение ввозить в ее пределы из России и Финляндии и вообще из портов Балтийского моря: кожи, копыта и рога, — что причинит величайший ущерб нашим торговцам, особливо бедным финляндцам!

ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 3213. Л. 63–64 об.

№ 24. Сводка от 20 мая 1857 г.

№ 135

Городские слухи и толки

Разнесшиеся здесь с месяц тому назад слухи о предположенном путешествии государя и государыни за границу, теперь возобновились с большей достоверностью. Прежде говорили, что Их Величества по

приглашению Людовика Наполеона и жены его отправятся в Париж, а потом все вместе на морские купанья в Биариц, принесшие столь великую пользу здоровью сих последних. — Уверяют, что наш император и императрица теперь и слышать не хотят о поезде¹ морем, слишком хорошо еще помня о последнем несчастном с ними случае на пароходе, — а непременно отправятся берегом и, как говорят, за границей будут соблюдать глубокий инкогнито, — даже минуют Варшаву, чтобы избавить себя и других совершенно лишних, напрасных расходов и удалиться от всякого блеска. С императрицей Александрой Федоровной Их Величества увидятся в Студгарте, откуда вдовствующая императрица с невестой Михаила Николаевича отправятся сюда, а Их Величества поедут на воды в Киссинген, — не столь нужных, говорят, императрице, как самому императору, здоровье которого заметно с некоторого времени начинает слабеть! Ожидают от этих вод большой пользы для Его Величества, а особливо от нескольких месяцев совершенной тишины и спокойствия. Другие говорят, что неприемно будет в каком-нибудь немецком городке свидание между Его Величеством и Наполеоном, следствием чего, как и прежде уже здесь полагали, будет в свое время путешествие нашего императора и императрицы в Париж на коронавание Наполеона. Думают, что это важное обстоятельство, может быть, убедит Папу отменить свой отказ и, наконец, согласиться, также прибыть в Париж и лично совершить коронавание.

В продолжение более двух недель с достоверностью говорили об общей у нас опять перемене форменных пуговиц с изображением орла с поднятыми вверх крыльями вместо нынешнего, с опущенными крыльями. — Весьма удивились, однако ж, прочитав дня 3 тому назад в СПб. полицейских газетах приказ о высочайше одобренных рисунках предположенных новых форм, не только одним пуговицам, — но вообще всей военной металлической арматуры^{II} на голове, поясах и проч. — следственно и о предстоящих совершенно неожиданных новых издержках для военных! — При этом находят чрезвычайно забавным выражение, употребленное в этом приказе, где между прочим упоминается о «головных уборах». Неужели писавший или печатав-

---

^I Так в документе.

^{II} Слово «арматуры» вписано над зачеркнутым «формы».

ший сей приказ не знает, что выражение головной убор употребляется исключительно только, говоря о дамах или лошадях, т. е. об их чепчиках, токах, наколках, бантах, лентах, цветах и проч., или о лошадиных мундштуках, бляхах, налобниках, шорных наглазниках и проч. — Любопытный парикмахер скажет, что головной убор значит у них ни что иное, как уборка волос. — Если же сказать головная металлическая арматура, то конечно от старого до малого поймут, что речь идет ни о чем другом, как о касках, киверах или форменных фуражках, имеющих металлическую арматуру с орлом. — Этот приказ будут перепечатываться во всех возможных газетах от одного конца России до другого, и везде будут говорить о головных уборах!

Есть предположение, говорят, упразднить ведомство заготовления казенных корабельных лесов, — и передать оное в частные руки. Заготовка казенного строительного корабельного леса стоит великих миллионов, а далеко, как всегда на опыте доказано, — не соответствует своему назначению. Это, говорят, неисчерпаемый источник доходов недобросовестных чиновников по сей части, ибо казенный корабельный лес должен быть принят безусловно, какой бы ни был заготовлен, — потому что он казенный. Тут не спрашивают: сух ли он, надлежащей ли толщины, длины и вообще имеет ли необходимые качества для прочной постройки корабля, — ибо сдатчик и приемщик — оба чиновники на малом жалованьи. — После этого весьма понятно, что наши военные корабли не только не служат более 8 или 10 лет (тогда как иностранные без всякой починки служат 20 и более лет), — но даже очень часто уже на стапеле оказываются гнилыми. — От этого и непрерывные их починки в русских и иностранных портах, — что стоит непомерных денег, — как, к сожалению, и ныне оказалось с эскадрой Беренса, сопровождающей великого князя Константина Николаевича. — Полагают, что поставка корабельных лесов частными людьми будет не только несравненно выгоднее для Казны, но и качество оных [будет] бесспорно более соответствовать настоящей цели, — потому что приемка лесов делалась бы со всевозможной строгостью. — Впрочем, полезнее было бы, как иные полагают, теперь при столь значительном уменьшении Российского флота, вовсе прекратить у нас постройку военных кораблей, а совершенно передать эту часть иностранцам, — чему ныне уже и сделано начало огромными заказами для нас кораблей разного ранга во Франции, — постройками

коих, как слышно, Его Высочество Константин Николаевич чрезвычайно доволен. — Известно, что ныне положено уже не строить больше никаких других судов, как паровых или винтовых, а для них почти все машины получают от иностранцев, отчего же не предоставить им же и всю постройку оных. Тогда Россия имела бы кораблей крепких, долговечных и отличных морских качеств, одним словом, кораблей несравненно превосходнее нынешних наших гнилушек, как наши моряки их называют!

После почти шестимесячного отсутствия явился опять на днях в Немецкий клуб (в Якунчиковом доме)⁴⁰ купец старик Марти, слабый и изнеможенный от тяжелой болезни — следствие трехмесячного его содержания в тайной полиции по сильному на него подозрению в соучастничестве какого-то важного преступления. Клубные друзья его тотчас окружили Марти и с жадным любопытством начали расспрашивать о причинах его заточения, произведенном над ним следствием¹, месте его заточения и о проч. — Сперва старик был чрезвычайно молчалив, отделяясь от всех нетерпеливых вопросов молчанием или двухсмысленными ответами, но когда несколько бутылок хорошего вина немного развязали его язык, он вполголоса доверил искренним своим друзьям: что был среди ночи схвачен в его квартире тайной полицией и отвезен не в крепость или к Дубельту (как говорили тогда в городе) — а просто в городскую тюрьму, куда сажают убийц, воров и бродяг. — Он долго не мог опомниться от страха и как бы в совершенном помешательстве ума отвечал на следствиях. — В первое время его содержали очень дурно, нисколько не лучше других его собратий по тюрьме, — но когда он опасно занемог, а более потому, что уже началась понемногу обнаруживаться его невинность и ложное подозрение, — тогда он был переведен в порядочное помещение и начал получать докторское пособие и лучшую пищу, — а когда уже совершенно доказана была его невинность, тогда в одно прекрасное утро растворились двери его заточения и ему объявили, что он свободен и может идти куда хочет! — Постигшее его непомерное это несчастье, говорит сам Марти, — не только сократило остаток его дней, оставив глубокие следы душевных и телесных страданий, — но повергло его в крайность, причи-

¹ Так в документе.

нив ему невозвратный вред в денежном отношении, ибо он чрез это более полугода не мог заниматься своими делами, особенно в самое нужное для заграничных торговых дел время, т. е. весной. — От этого теперь для него весь год потерян; — к тому же, хотя он и оправдан, и освобожден, но не менее того, именно чрез этот случай лишился весьма много торговых связей и дружбы некоторых прежних своих приятелей, теперь совершенно к нему охладевших и, не смотря на оправдание его, видящих в нем подозрительного и преступного человека. Возвратившись в свою квартиру, находившуюся во все время его заключения запечатанной, он, хотя нашел все в целости, но множество вещей испортившихся, особенно меховые и суконные одежды, совершенно изъеденные молью и крысами. Он на квартире тотчас опять опасно захворал и вылежал более двух месяцев! — И за все эти невинные страдания, Марти говорит, — он не получил никакого возмездия или пособия, — даже не заплатили за квартиру во время его заточения! О самых же причинах сего дела и павшего на него подозрения Марти, сколько в клубе известно, никому там не говорил. Беда его та, говорят, что некому было о нем просить и ходатайствовать, ибо он русский, а не иностранный подданный!

20 мая 1957

ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 3213. Л. 70–73 об.

№ 25. Сводка от 21 мая 1857 г.

№ 458

Городские слухи и толки.

Многие находят не совсем приличной напечатанную на днях в газетах статью из Парижа: что будто великий князь Константин Николаевич при первом свидании с французской императрицей с таким чувством и жаром поцеловал ее прекрасную андалузскую ручку, что поцелуй раздался по всей зале и заставил французских царедворцев заметить, что это был поцелуй настоящего моряка.

Говорят о каких-то неудовольствиях со стороны чиновников собственной канцелярии Чевкина, за дурное его с ними обращение и совершенное невнимание к трудной их службе. — Из 8-ми человек, составляющих эту канцелярию, на днях, будто, пятеро подали об увольнении, в том числе весьма дельный и необходимый там человек,

секретарь канцелярии Гаазе. — Хоть Клейнмихель был чрезвычайно взыскателен, горяч и вообще крут в обращении с чиновниками, но за то щедро их награждал, а Чевкин, говорят, еще хуже в обращении и никого не награждает¹.

Говорят о каком-то генерале, уволенном от службы на основании указа об отставках, с весьма малой пенсией, повергшей его в совершенную крайность и невозможность существовать с большим семейством. Этот генерал, говорят, ранен и имеет две пули в левой руке. Он явился, будто бы, к Кокореву и со слезами просил о помещении его по питейному откупу, хотя бы и на незначительное место, не думая о своем звании, а только для доставления себе чрез это средства к пропитанию семейства. Кокорев, не решившись на это, довел о том до сведения военного генерал-губернатора, который, будто бы, доложил о сем государю императору, и Его Величество облегчил участь сего генерала, назначив ему вместо скудной пенсии по указу пожизненное содержание в 3 тысячи руб. сер[е]б[ром] в год. — Еще говорят о каком-то бывшем чиновнике Департамента военных поселений, который из крайности и [по] неимению средств содержать себя, по невозможности в нынешнее время опять получить какое-либо место в коронной службе, — будто бы, занимается перевозом чрез Неву на лодке. — Говорят также о каком-то уволенном от службы флотском офицере, который для пропитания своего ходит по Кронштату показывать ученого медведя.

Ныне общий здесь разговор в публичных собраниях по большей части обращен на предстоящие сокращения штатов классных и гражданских чиновников. — Говорят, что во многих министерствах объявлена уже высочайшая на то воля. — Иным предписано представить сокращение штата к 1-му июля, а другим к 1-му сентября сего года. Департамент военных поселений, говоря, вовсе уничтожается; из трех департаментов Министерства государственных имуществ составит только один; с уменьшением флота и Артиллерийский департамент Морского министерства упраздняется, и сокращенные его дела присоединятся к Кораблестроительному департаменту. Во всех вообще министерствах по всей России будто бы предстоит уменьшение не только чиновников особых поручений (из коих большая часть, как

---

¹ Об этом уже было из другого источника (Прим. док.).

известно, действительно совершенно не нужны и помещаются только по протекции, будучи или бабушкины внуки или тетушкины племянники, заедающие напрасно хлеб бедных чиновников, истинных тружеников), — но даже помощников столоначальников и значительно числа нижних канцелярских служителей! — Какая предстоит им будущность или тем молодым людям, кои наполняют по всей России Университеты, гимназии, высшие училища и тому подобные заведения и, как говорится: из шкуры лезут, чтобы познаниями своими получить звание, дающее им право на верный кусок хлеба по государственной службе! — Подобное уменьшение якобы лишних чиновников было уже лет 6 тому назад для опыта предпринято в присутственных местах, — но по происшедшим от того вскоре беспорядкам и остановкам в делах, не только все эти места были замещены по-прежнему, но еще и прибавлено число чиновников. Точно также лет 6 тому назад был приведен в исполнение проект, за который Гурьев, говорят, получил Андреевскую ленту, — т. е. сокращение по всем присутственным местам переписки и введение новых форм деловым бумагам. Хорошо помнят, сколько это причинило по всей России бестолковщины, остановок в делах, пояснений, пополнений и прочих беспорядков, — так что наконец рады были опять попасть на прежний толк и лад и оставить в совершенном забвении хваленое новое сокращение переписки, — не обдумав прежде, что чрез уничтожение многих бумаг, долженствующих быть писанных на гербовых листах, государству угрожает большое уменьшение важнейших его доходов.

Теперь находят, что самая завидная участь служащих людей, в сравнении с плачевной будущностью остающихся за штатом чиновников, есть участь студентов медико-хирургических академий и других подобных врачебных заведений, — ибо не только у нас число казенных врачей, ветеринаров и аптекарей не лишне, но несколько еще десятков лет нужно, чтобы число оных было достаточно для всей России!

21 мая 1857

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 74–76 об.

№ 26. Сводка от 25 мая 1857 г.

№ 141

Говорят, что чиновники Морского министерства со страхом ожидают возвращения Его Высочества великого князя Константина Ни-

колаевича, предвидя множество проектов и нововведений по всем частям вверенной ему морской части, — как плоды путешествия его за границу. — Вообще последние 3 года, т. е. со времени вступления Врангеля в управление сим министерством, были для подчиненных ему лиц чрезвычайно тягостны. — Множество из старослужащих, опытных чиновников, коими, можно сказать, держалось Морское министерство, — по беспрерывно возлагаемым на них Врангелем работам, требующим невероятных трудов, а потом по его соображениям, весьма часто оказавшимся совершенно не нужными, как, например, бесконечные сведения и справки из старых дел, законченных за тридцать лет и более, не только в архивах Адмиралтейства, но даже в Кронштате по разным управлениям, — до такой степени истощили силы сих лиц, что при всей бедности их существования из одного жалования, — в продолжение последних двух лет, говорят, должны были выйти из сего министерства начальники отделения: Моллер, Гурьев, Кораллов, Иванов, Поздеев и столоначальники: Галкин и Энцель. Полагают, что Врангель умен, но люди, коротко его знающие, уверяют, что вовсе не то, что думают, — а он человек хитрый, величайший педант в его суждениях и фальшивый эзунт¹, из чрезмерного эгоизма думающий только о себе и его родственниках, коих он всех поднял на ноги по Морскому министерству. — Думают, что глазная боль, будто бы принудившая его оставить службу и по болезни проситься за границу, есть болезнь политическая, — потому что после полученных им в 2 года неслыханных по службе наград ему уже ничего более не оставалось желать; — обождать же возвращения великого князя значило бы взвалить себе на плечи исполнение всех новых проектов и предположений, привезенных Его Высочеством из-за границы и имеющих быть, по чрезвычайной его страсти ко всем нововведениям, примененных к Российскому морскому министерству, что, как известно, не всегда возможно и удобно. — По поручению Его Высочества директор Кораблестроительного департамента Тебеньков недавно приказал одному чиновнику сего департамента перевести на русский язык французскую брошюру: о системе управления Морским министерством во Франции, а Врангелю, го-

---

¹ Так в документе.

ворят, великий князь¹ приказал сообразиться с сей системой для введения ее в России по его возвращении. — Чиновники сего министерства положительно говорят о важной реформе по всем частям и значительном уменьшении числа чиновников, на том основании, как в чужих краях. — Флотским офицерам, остающимся за штатом от упраздненных экипажей, говорят, уже объявлено разрешение поступать по их желанию в частную службу на российские коммерческие корабли, с причислением их к бессрочному отпуску на половинном коронном жаловании. Но вопрос, сколько имеется в России коммерческих кораблей для доставления на них службой флотским офицерам? Число сих судов (не говоря о простых лайбах и галиаках^{II}, нагружаемых дровами и камнем) можно перечсть по пальцам, — а масса увольняемых флотских офицеров огромная, — и к тому же по опыту известно, что русские негоцианты, имеющие своих кораблей, весьма неохотно принимают к себе коронных морских офицеров, а довольствуются знающими, опытными иностранными шхиперами, или русскими шхиперами, выпускаемыми из нашего же казенного, исключительно на сей предмет учрежденного в Кронштате заведения или корпуса кадет торгового мореплавания. К этому же по всей справедливости надо еще прибавить, что наши морские офицеры, отличные служажки в экипажах и на кораблях в числе других опытных в кораблевождении офицеров, а сами вести корабль и заниматься высшими астрономическими исчислениями, необходимыми во время плавания в дальних вояжах, не всегда способны, да и не берутся за это. Вести корабль — труд немаловажный, а потому и купцы наши предпочитают шхиперов, охотно обегая наших флотских офицеров — теориков, а не опытных практиков, необходимых для безопасности корабля, экипажа и груза! — В департаментах Морского министерства, говорят, останутся настоящими государственными чиновниками только директор, вице-директор, начальники отделения и производители дел (вместо нынешних столоначальников); — все прочие штатные места и канцелярские служители (чиновники) будут, говорят, замещены временными или поденными наемщиками, на манер французских *petits commis de comp-*

¹ Слова «великий князь» вписаны над строкой.

^{II} Так в документе.

toir¹. — Любопытно, какой народ будут эти наемщики? — Во всяком случае, они не обойдутся казне дешевле нынешних чиновников, при ничтожном жаловании служащих, чтобы иметь звание и носить его с честью, — а временный наемщик будет служить только из денег, не помышляя, будет ли он завтра на этом месте или изберет себе другое, повыгоднее. — И какого можно ожидать успеха в делах от людей неопытных, пришедших Бог знает откуда, и при первом случае, как поденщики, уходящих неведомо куда. — Гражданская часть основана на навыке и опытности; — не всем чиновникам нужно иметь особенный ум и способность, а вообще успех в делах зависит от знания порядка как текущих дел, так и подробных сведений о прошедших, производившихся по той же части. А посему-то и необходимы опытные старослужащие, а не новички, пришедшие, как в лес, и не знающие, с чего начать и чем кончить! — От введения этой предполагаемой новой системы предвидят ужасные беспорядки и остановки в делах. — Если, говорят, состоявшийся лет 5 тому назад указ о правах, данных отдельным начальникам, увольнять чиновников по их произволу, без всякой за то ответственности⁴¹, сделал столько несчастных, лишившихся мест не от вины по службе, а единственно, как известно, по той причине, что физиономия их не понравилась начальству, или начальству места эти нужны были для их родственников, — то замещение наемщиками настоящих чиновников сделает несравненно больше вреда и несчастий, отымая последний кусок хлеба, скудного и столь трудно заслуженного, от людей, с честью прослуживших до старости и награжденных знаками отличия, — а ныне в последних годах жизни принужденных уступить свои места молодым пришельцам, из видов какой-то непонятной экономии Правительства! — Чиновник служит усердно и честно, чтобы не замарать своего формуляра и носимых им орденов и знака беспорочной службы, а что может подстрекать наемщика к честной службе? — Ровно ничто! — Он будет только иметь в виду пользоваться малейшим случаем нажиться порочными доходами, не подлежа никакой за то ответственности, как бы государственный чиновник. — И какое будут иметь уважение и послушание к этим наемщикам казенные писаря и кантонисты, и без того уже теперь

¹ «Мелкие конторщики» (фр.).

(после последнего о них указа мечтающие о вольности)⁴², начинающие выходить из повиновения и причинять грубости и дерзости настоящим чиновникам, их начальникам! — Больно, горько смотреть, говорят, на бедных морских чиновников, из которых большая часть — старики, обремененные семействами, коим попечительное, доброе начальство уже объявило о предстоящем их увольнении. Теперь, говорят они, одна только у нас надежда, — что Правительство для прокормления нас и семейств наших вместо существующих ныне в Петербурге от Демидовского дома⁴³ шести столов для дневной пищи нищим учредит сто шесть таковых столов, или даст нам средство наняться в земляную работу на новые железные дороги! — Вот будущность, которая нам предстоит после 30- или 40-летней верной, честной службы Царю и Отечеству! — Бывшие члены Совета Комиссариатского департамента Морского министерства, заслуженные люди: Бурнашев, Ратманов, Канкевич, Коростовец и Теряев уже уволены, — а вместо их назначены членами какие-то молодые люди из Училища правоведения: Глебов и Барановский, с несравненно большим жалованием, нежели получали прежние члены, тогда как, говорят, Глебов и без того уже богатый человек, имеющий до 5-ти тысяч душ. — Где же после этого экономия? — И с кого же ее начать, как не с богатых? Но надо знать, что директор сего Департамента, князь Оболенский, сам молодой правовед, товарищ и друг Глебова и Барановского, — а ведь свой своему поневоле брат; к числу их надо еще причислить одного правоведа, Врангеля, (бывшего юрисконсульта Морского министерства, а ныне по особым поручениям у великого князя Константина Николаевича), также, как говорят, не пропускающего ни одного случая к вытеснению заслуженных по сему Министерству людей для замещения их своими protégés! — Но при всей известной страсти великого князя к бесконечным проектам и нововведениям, самая главная причина всему этому есть, говорят, секретарь его, Головин, вкравшийся в совершенную доверенность великого князя и пользующийся своим положением, чтобы ворочить Морское министерство по своему произволу!

25 мая 1857

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213. Л. 78–82 об.

Перечень наиболее значимых лиц, упоминаемых в документах

Адлерберг Владимир Федорович, граф, генерал от инфантерии, министр Двора и уделов — № 11, 12

Александр I, русский император — № 2

Александр II, русский император — № 1, 6, 10, 12, 14, 18, 20, 21, 23–25

Александра Федоровна, русская императрица, в 1857 г. императрица-мать — № 4, 10, 14, 18, 20, 24

Багговут Александр Федорович, генерал-лейтенант, герой Крымской войны — № 12

Базилевская Александра Ивановна, дочь золотопромышленника И. Ф. Базилевского, в замужестве Дубельт — № 11

Бенардаки Дмитрий Егорович, миллионер, владелец судостроительных, чугуноплавильных и пр. заводов, золотопромышленник, винный откупщик, меценат — № 7, 18

Беренс Евгений Андреевич, контр-адмирал, в 1856–1857 гг. командовал эскадрой в Средиземном море — № 24

Борисов Дмитрий Дмитриевич, генерал-майор — № 1

Брискорн Максим Максимович, сенатор, управляющий канцелярией Военного министерства — № 21

Брок Петр Федорович, министр финансов — № 12

Булгарин Фаддей Венедиктович, публицист, писатель — № 14

Булгаков Петр Алексеевич, генерал-провиантмейстер (глава Провиантского департамента) Военного министерства — № 21

Буркова Вильгельмина (Мина) Ивановна (урожд. Гуде), фаворитка графа В. Ф. Адлерберга — № 21

Бутков Владимир Петрович, государственный секретарь, управляющий делами Сибирского комитета — № 7

Валад (Valade), Уг, французский консул в России — № 1

Валат (Valate), Шарль, де, французский консул в России — № 1, 10

Виктория (Victoria), королева Англии — № 21

Воронцов Михаил Семенович, граф, с 1845 г. князь, генерал-фельдмаршал, в 1844–1854 гг. наместник на Кавказе — № 1

Врангель Василий Егорович, барон, юрисконсульт Морского министерства, автор «Истории лесного законодательства Российской империи» (1841) — № 26

Врангель Фердинанд Петрович, барон, адмирал, в 1855–1857 гг. управляющий Морским министерством — № 26

Галахов Александр Павлович, генерал-лейтенант, до 1862 г. занимал должность санкт-петербургского обер-полицмейстера — № 14

Герцен Александр Иванович (псевд. Искандер), писатель, публицист, общественный деятель — № 12

Голенищев Семен Васильевич, миллионер, купец 1-й гильдии, винный откупщик — № 7

Головнин Александр Васильевич, камергер, секретарь великого князя Константина Николаевича, будущий министр народного просвещения — № 26

Горкавенко (Горковенко) Алексей Степанович, капитан 2-го ранга, адъютант великого князя Константина Николаевича, воспитатель его сына Николая — № 17

Греч Николай Иванович, публицист, писатель — № 14

Гурьев Александр Дмитриевич, граф, член Государственного совета, председатель Департамента государственной экономии — № 25

Дубельт Леонтий Васильевич, генерал от кавалерии, попечитель Демидовского дома призрения, до 1856 г. занимал должности управляющего III отделением Собственной его императорского величества канцелярии и начальника штаба Корпуса жандармов — № 11

Дубельт Николай Леонтьевич, генерал-майор Свиты его величества — № 11

Дюбуа (Dibois), Поль Антуан, доцент факультета медицины в Париже, акушер императрицы Евгении — № 6

Евгения, императрица Франции — № 6, 25

Елизавета Алексеевна, русская императрица — № 20

Закревский Арсений Андреевич, генерал от инфантерии, московский военный генерал-губернатор — № 1

Игнатъев Павел Николаевич, генерал-лейтенант, Санкт-петербургский генерал-губернатор — № 18

Клейнмихель Петр Андреевич, граф, до 1855 г. главноуправляющий путями сообщения и казенными постройками — № 25

Кокорев Василий Александрович, миллионер, винный откупщик, промышленник, меценат — № 12, 25

Константин Павлович, великий князь — № 1

Константин Николаевич, великий князь — № 10, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 25, 26

Лядов Александр Николаевич, дирижер оркестра Санкт-Петербургского балета — № 10

Мария Александровна, русская императрица — № 6, 23, 24

Мария Федоровна, русская императрица — № 20

- Мария Николаевна*, великая княгиня, президент императорской Академии художеств — № 14
- Михаил Павлович*, великий князь — № 1
- Михаил Николаевич*, великий князь — № 20, 23, 24
- Монферран (Monferrand), Огюст Рикар, де (Август Августович)*, французский архитектор, прославившийся своими работами в Санкт-Петербурге — № 2
- Морни (Morny), Шарль Огюст Жозеф Луи, де*, граф, посол Франции в России — № 1, 2, 10, 21
- Муравьёв Михаил Николаевич*, генерал от инфантерии, член Государственного совета занимал пост министра Государственных имуществ — № 12
- Муравьёв (Муравьёв-Амурский) Николай Николаевич*, генерал-губернатор Восточной Сибири — № 14
- Наполеон III (Людовик Наполеон)*, император Франции — № 21, 23, 24
- Наполеон Жозеф Бонапарт*, сын Жерома Бонапарта, принц Франции — № 23
- Неофит (в миру Николай Соснин)*, с 1851 г. по 1868 г. епископ Пермский и Верхотурский, с 1854 г. — архиепископ — № 6
- Николай I*, русский император — № 2, 14, 18
- Николай Николаевич (старший)*, великий князь, третий сын Николая I — № 11
- Нирод (Нирот) Николай Евстафьевич*, генерал-майор, командир 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии — № 12
- Новосильский Федор Михайлович*, вице-адмирал, герой обороны Севастополя в 1854–1855 гг., с октября 1855 г. главный командир Кронштадтского порта и кронштадтский военный губернатор — № 17
- Петр Георгиевич*, принц Ольденбургский, член Государственного совета, попечитель многих учебных заведений (Училища правоведения, Мариинского женского училища и др.) — № 11
- Орлов Алексей Федорович*, князь, генерал от кавалерии, государственный деятель; в 1844–1856 гг. занимал должность главноуправляющего III отделением Собственной его императорского величества канцелярии. С мая 1857 г. — председатель Государственного совета Российской империи — № 11, 12, 18
- Паскевич Иван Федорович*, граф, наместник (т. е. по сути генерал-губернатор) Царства Польского с 1832 по 1856, носил титул князя Варшавского — № 1

Пий IX (в миру граф Джованни Мария Мастай де Ферретти), Римский Папа — № 14, 18, 23

Прянишников Федор Иванович, главноначальствующий над Почтовым департаментом — № 23

Роллер Андрей Адамович (Андреас Ленгард), декоратор и главный машинист дирекции императорских театров, профессор перспективной живописи императорской Академии художеств — № 10

Сергей Александрович, великий князь — № 23

Сорьель (Sorieul), Жан, французский художник — № 21

Сухозанет Николай Онуфриевич, генерал-адъютант, военный министр — № 21

Тебеньков Михаил Дмитриевич, контр-адмирал, исследователь Русской Америки, директор Кораблестроительного департамента Морского министерства — № 26

Тимашев Александр Егорович, генерал-майор Свиты его величества, назначенный в 1856 г. начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III отделением Собственной его императорского величества канцелярии — № 17

Толстой Федор Петрович, граф, художник, скульптор, вице-президент императорской Академии художеств — № 10, 14

Тотлебен Эдуард Иванович, граф, военный инженер, генерал-адъютант, герой Крымской войны — № 21

Уэлсли, Генри Ричард Чарльз, 1-й граф Коули (Cowley), английский дипломат, в 1852–1867 гг. посол Великобритании во Франции — № 21

Хрущов Дмитрий Петрович, товарища министра Государственных имуществ — № 12

Чевкин Константин Владимирович, с 1855 г. главноуправляющий путями сообщения и казенными постройками — № 25

Шевченко Тарас Григорьевич, поэт, художник, общественный деятель — № 10

Шольц Василий Богданович, лейб-акушер, хирург — № 6

Штиглиц Александр Людвигович, фон, банкир, промышленник, меценат — № 23

Шувалов Петр Андреевич, граф, с февраля 1857 г. исправляющий обязанности Санкт-Петербургского обер-полицмейстера, затем утвержден в этой должности — № 5, 6, 14

Эртель Людвиг Николаевич, Санкт-Петербургский брандмайор, полковник — № 10, 18

Примечания

- 1 Дмитрий Дмитриевич Борисов 1-й, полковник лейб-гвардии Вольинского полка, был назначен приказом от 30 августа 1854 г. командиром Кексгольмского гренадерского императора австрийского резервного полка, сформированного в то же время из 4-го, 5-го и 6-го батальонов одноименного полка лейб-гвардии. В сентябре 1855 г. Д. Д. Борисов был произведен в генерал-майоры и вскоре переведен на должность командующего 2-й бригадой 5-й резервной пехотной дивизии, каковую должность занимал до 30 ноября 1856 г., когда был назначен состоять в запасных войсках с зачислением по армейской пехоте. Однако уже 2 марта 1857 г. генерал-майор умер и приказом 9 марта 1857 г. на этом основании был исключен из списков. (Высочайшие приказы о чинах военных. 1854–1857.)
- 2 Французский подданный адвокат Эмиль Бартеlemi Бенуа, проживавший в Санкт-Петербурге с 1838 г., написал в 1854 г. донос на своего соотечественника Лабура, также адвоката. Донос этот в последующие несколько лет Бенуа дополнял новыми сведениями. В одной из справок III Отделения этот сюжет изложен следующим образом: «Французский подданный Бенуа описывает с самой черной стороны соотечественника своего адвоката Лабура, указывая на разные дела, по которым он дозволял себе противозаконные действия и которые сделали его предметом ненависти для всех здешних французов, так что он был изгнан из их Comité de bienfaisance, и нынешнее французское консульство запретило ему в оное являться. Сверх сего Бенуа навлекает на Лабура подозрение в политическом отношении и упоминает о его покровителе (разумея тут бывшего французского консула Валада), присовокупив, что тайные их действия могут возбудить неприязни между правительствами России и Франции. Бенуа и Лабура оба адвокаты и непримиримые враги. Оба они уже давно на дурном счету у начальства III Отделения. Бенуа по безымянному на него доносу был арестован, но в бумагах его ничего дурного не оказалось. Лабура образованнее и богаче Бенуа и всегда берет над ним верх. Лабура действительно нелюбим здешними французами, а бывший консул Валада отзывался всегда о нем с особой похвалой» (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 132 (3-я экспедиция, 1847). Д. 66. Л. 66–66 об.)
- 3 В фонде III Отделения действительно хранится обширное дело, заведенное на французского подданного Николая Воавре. В деле имеется справка о нем от 30 августа 1855 г. следующего содержания: «Французский подданный Николай Воавре находится в России с сентября 1847 года. Он прибыл в то время в С[анкт]-Петербург из Парижа по делам торговым, в качестве купеческого приказчика и был рекомендован г[осподи]ну д[ействительному] т[айному] с[оветнику] Гедеонову. Впоследствии находился он три года на Кавказе, где по назначению князя Воронцова, был помощником управляющего Ахалцыхским каменноугольным рудником, от какой должности уволен в конце 1853 года с хорошим аттестатом. Воавре приезжал в марте 1854 года в С[анкт]-Петербург и после непродолжительного здесь пребывания отправился в Иркутск, где намерен был приискать себе место при золотых приисках, но как ему, как подданному французскому, не дозволено было оставаться в Сибири, то он возвратился оттуда в Москву. О Воавре по сие время ничего дурного не доходило. По словам этого иностранца, он некогда служил во французском флоте». (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 139 (3-я экспедиция, 1854). Д. 495. Л. 18–19). Впрочем, Н. Воавре продолжал привлекать внимание III Отделения. В справке, составленной в июле 1869 г., читаем о его жизни после высылки из Москвы: «Проживая в С[анкт]-Петербурге, Воавре был замечен во многих неблагоприятных поступках, присвоил себе титул графа Шарлевиаль, во зло употреблял доверие многих лиц и содержался в долговом отделении; в 1863 г. был задержан в Твери по обвинению его в присвоении 30 т[ысяч] рублей

- от г-жи Плещеевой, на которой предполагал жениться, и за тем в 1864 г. сделано распоряжение о воспрещении ему возвращаться в пределы России» (Там же. Л. 101 об.) Однако уже в июле 1869 г. Н. Воавре вернулся в Санкт-Петербург, затем приехал в Киев, Одесу. Он предпринимал в 1870-х гг. попытки создания различных коммерческих обществ (например: «Общество русского ипотечного кредита», «Кредитно-промышленное общество «Строитель»», «Международное Южно-Русско-Французское агентство»).
- ⁴ Сюжет о высылке горного инженера Н. Воавре из Москвы изложен в одной из докладных записок III Отделения, составленной 25 ноября 1855 г. для главноуправляющего — графа А. Ф. Орлова: «В августе сего года г[осподин] московский военный генерал-губернатор уведомлял, что он получил донос коллежского советника Вельяминова (Вельяминов служит в Московской гражданской палате. — *Прим. док.*) о том, что французский подданный Воавре де Шарлевиль позволил себе на бульваре рассуждать вслух о настоящих политических делах и дерзко отзываться о России и о священной особе Государя императора и что он, граф Закревский, вследствие сего полагает полезным иностранца Воавре, не производя формального следствия о его поступке, выслать за границу, на что и последовало согласие Вашего Сиятельства» (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 139 (3-я экспедиция, 1854). Д. 495. Л. 31). В деле, кроме того, имеется обширная переписка на эту тему между графом А. А. Закревским, шефом жандармов Л. В. Дубельтом, графом М. С. Воронцовым и другими официальными лицами, а также письма самого Н. Воавре.
- ⁵ Граф Иван Федорович Паскевич, носивший титул князя Варшавского, был наместником (т. е. по сути генерал-губернатором) Царства Польского с 1832 по 1856 гг. «Allgemeine Zeitung» — немецкая газета, основанная в 1798 гг. в Тюбингене. В 1803 г. перенесена в Штутгарт. С 1807 по 1888 гг. печаталась в Аугсбурге. «Allgemeine Zeitung» в XIX веке была крупнейшей газетой на немецком языке, она находила читателей и за границей. Ее статьи знакомили с политическими и культурными новостями, на ее страницах появлялись произведения Гёте, Шиллера, Гейне и других. Газета существовала до 1929 г. Последние сорок лет выходила в Мюнхене. № 6 газеты вышел в 1857 г. 6 января. Как и в других номерах, в ней есть раздел «Rußland und Polen» («Россия и Польша»), но это не та статья, о которой говорится в документе. В других номерах за первую четверть 1857 г. также не удалось обнаружить статью подобного содержания, хотя и встречается несколько упоминаний о бывшем наместнике Царства Польского, в основном в контексте 30-х гг. XIX в.
- ⁶ Шарль Огюст Жозеф Луи де Морни — один из видных политических деятелей Второй империи. Он родился в 1811 г. Матерью его была Гортензия Богарне, а отцом — барон Шарль Огюст Жозеф Флао де ля Бийярди, полковник, адъютант маршала Бертье (в будущем генерал дивизии и адъютант Императора Наполеона). Будучи единоутробным братом Наполеону III, занимал при его правлении различные государственные должности, был министром внутренних дел, президентом Законодательного корпуса. Чуть более года, в мае 1856 — августе 1857 г., де Морни был послом Франции в Санкт-Петербурге. В это время он женился на Софье Трубецкой, вероятно, незаконной дочери Николая I.
- ⁷ Огюст Рикар де Монферран (Август Августович) — французский архитектор, прославившийся своими работами в Санкт-Петербурге в годы правления Николая I и Александра II. Среди его творений Исаакиевский собор, Александровская колонна, памятник Николаю I на Исаакиевской площади, множество городских домов и т. д.
- ⁸ Купцы Палкины происходили из Ярославской губернии. В последней четверти XVIII в. А. С. Палкин основал в Санкт-Петербурге трактир. С этого заведения, место расположения которого, к сожалению, неизвестно, началась история столичных

Палкинских трактиров. Первым достоверным адресом «Палкина» был дом Берникова на Невском проспекте, в котором трактир обособался в 1803 г. В 1830 г. новый хозяин — П. В Палкин перенес трактир на угол Невского и Садовой, а в середине XIX в. — на угол Невского и Литейной, в дом Алексева. Именно это место в столице прозвали «Новый Палкин», или «Новопалкинский трактир».

«Hôtel-du-Nord», или «Северный отель», открылся в самом начале XIX в. на Большой Офицерской улице, 210. Основателем и владельцем был француз Жюльен Сеппи, сохранивший в том же здании первый в Санкт-Петербурге ресторан на французский манер (до него в столице были только трактиры). На протяжении XIX в. отель менялหลาย владельцев, одно время его арендовала Дирекция императорских театров, которая размещала в нем актеров русской труппы. Но неизменным оставался ресторан, притягивавший посетителей не только своей кухней, но и бильярдной игрой.

«Доминик» («Dominique») — первое кафе в Российской империи, открытое в 1841 году в Санкт-Петербурге по адресу Невский проспект, дом 24 выходцем из Швейцарии по имени Доминик Риц-а-Порта. Кафе просуществовало до революции.

- ⁹ Федор Абрамович Беген (Bégain), уроженец Швейцарии, служил в императорском Лицее с 1833 г. Вначале был учителем французского языка и гувернером, с 1841 г. — воспитателем, а затем — одним из четырех старших воспитателей Лицея. Имел чин статского советника. В воспоминаниях, относящихся к концу 1850-х гг., один из выпускников Лицея Г. Н. Вырубов написал о нем: «Француз Беген, чуть ли не самый старший служащий Лицея, был добродушный, живой и веселый малый, отличавшийся разве только своим искусством на бильярде. Его можно было всегда найти в кофейне Доминика, где он вел крупную игру, часто выигрывая и увеличивая таким образом немалой толикой свое скудное жалованье». (Императорский лицей в памяти его питомцев / Сост. А. Б. Михайлова. СПб., 2011. С. 183.)

- ¹⁰ «Дом Липса» — доходный дом на Фурштадской улице, № 27 (позже № 35). Этот дом принадлежал надворному советнику Михаилу Кондратьевичу Липсу, а после его смерти в 1856 г. — вдове, Эмили Михайловне (урожденной Оппенгейм). Впоследствии она вышла замуж за графа П. С. Гендрикова, вследствие чего дом стали называть также «домом графини Гендриковой».

- ¹¹ Съезжий дом — вид административного здания, сложившийся в России в первой четверти XIX в., который объединял в себе функции пожарной части и полицейского управления.

- ¹² Цикл весенних городских праздников начинался обычно за неделю до Пасхи, в субботу накануне Вербного воскресенья. В эти дни в Москве, на Красной площади, бывал вербный базар и гулянье: вдоль кремлевской стены, напротив Гостиного двора, выстраивались «в несколько рядов полотняные палатки и лари», в них продавали «детские игрушки, искусственные цветы, бракованную посуду, лубочные картины, старые книги». В Петербурге «некоторый род ярмарки, называемой вербами», размещался перед Гостиным двором по Невской и Садовой линиям, сопровождался он гуляньем народа «под аркадами» магазина и бойкой торговлей мелким товаром, в первую очередь — пучками верб, украшенными бумажными цветами и херувимами из воска, также продавались воздушные шары, игрушки и лакомства. Настоящего веселья здесь не было (еще продолжался Великий пост), но массовый выход на простор улиц, шум и толкотня собравшейся толпы, остроумные громкие выкрики разносчиков, лоточников, торговцев вербами и игрушками — все это воспринималось как своего рода репетиция перед «большим» гуляньем на Пасху (Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX в. СПб., 2004. С. 28–29.)

- ¹³ Возможно, речь идет о купце П. И. Кокурошникове (Кокурышникове). В 1860–1880-х гг. он владел стекольным производством, выпускавшим бутылки. Умер в 1886 г., похоронен на Митрофаньевском кладбище в Санкт-Петербурге.
- ¹⁴ Речь идет о сенатском, по высочайшему повелению, указе от 29 декабря 1848 г. «О правилах для производства и продажи зажигательных спичек» (Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. XXIII (1848). Ст. 22875), в котором говорилось: «Правительствующий Сенат слушали рапорт министра внутренних дел от 11 декабря, что Государь император, обратив особенное внимание на чрезвычайное распространение употребления зажигательных спичек, усмотреть изволил, что при случившихся в текущем году пожарах, истребивших в одних городах более как на двенадцать миллионов руб. сереб[ром] обывательских имуществ, поджигатели весьма часто совершали свое преступление посредством спичек. Вследствие сего, его императорское величество, в 29-й день истекшего ноября высочайше повелеть соизволил: 1) Чтобы заведения для выделки зажигательных спичек, допускаемы были в одних столицах. 2) Чтобы отпускаемые из фабрик для продажи спички были заделываемы по тысяче штук в жестяные коробочки с приклеенными к сим последним бандеролями, которые должны быть выдаваемы от городских дум, со взысканием за всякий бандероль по рублю серебром в пользу городских доходов. 3) Чтобы продажа зажигательных спичек в разнос была вовсе запрещена. И 4) Чтобы те из сказанных заведений, которые существуют ныне в губерниях, были закрыты чрез месяц со дня объявления о том содержателям, а для распродажи приготовленных на этих заведениях спичек, на вышеуказанном основании, т. е. в жестяных баночках и с бандеролями, назначить срок по соглашению министра внутренних дел с министром финансов».
- ¹⁵ Вероятнее всего, музыкой на благотворительном концерте руководил Александр Николаевич Лядов, дирижер оркестра Санкт-Петербургского балета. Именно его часто приглашали для проведения балов и прочих светских мероприятий. В те же годы его родной брат, композитор Константин Николаевич Лядов, был главным дирижером русской оперной труппы.
- ¹⁶ «Новая газовая компания», о которой идет речь, — это, вероятно, «Общество столличного освещения». Официально оно появилось только в 1858 г., среди его учредителей наибольшей известностью и влиянием пользовался флигель-адъютант императора граф А. П. Шувалов, ставший в 1857 г. санкт-петербургским обер-полицмейстером. До этого в столице действовала только одна газовая компания — «Общество освещения газом Санкт-Петербурга», основанная еще в 1835 г. Телеграф, заработавший в Санкт-Петербурге в сентябре 1858 г., был новым и важным шагом, хотя этот вид связи в России уже был довольно распространен. Уже к 1855 г. осуществлялась связь по электрическому телеграфу между городами России, а также с крупными европейскими городами. Были также проложены линии телеграфа между царскими дворцами. Но до 1858 г. в столице не существовало внутригородского телеграфа, соединявшего все государственные учреждения, военные части гарнизона и, что видели весьма важным, пожарные и полицейские части. Именно поэтому ведущая роль в устройстве телеграфа отводилась обер-полицмейстеру и брандмайору.
- ¹⁷ Речь идет о сенатском, по высочайшему повелению, указе от 8 января 1857 г. «О преимуществах генералов в запасных войсках и бессрочно-отпускных офицеров, занимающих должности по выборам дворянства» (ПСЗ. Т. XXXII (1857). Ст. 31377) «Правительствующий Сенат слушали рапорт военного министра от 20 декабря 1856 года следующего содержания: Государь император высочайше повелеть изволил: Генералам, зачисленным по запасным войскам, а также штаб- и обер-офицерам,

которые будут уволены в бессрочный отпуск, предоставить право во время нахождения в сем отпуску занимать все должности по выборам дворянства и службы их, проведенную в сих должностях, зачитать им за действительную, наравне со службой в войсках, ко всем вообще преимуществам, не исключая даже производства майоров и обер-офицеров в следующие чины, если таковое производство будет доставаться им по линии в тех частях, в которых они числятся по спискам. Объявив монаршее сие повеление в приказе по военному ведомству к сведению и руководству, он, военный министр, доносит об оном Правительствующему Сенату для надлежащего опубликования».

- ¹⁸ Действительный статский советник Клица (Иван Иванович?) оставался на посту управляющего Казначейской и Экзекуторской частью III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии до июня 1862 г., когда был уволен в отставку по болезни. Исполняющим обязанности по его должности был назначен надворный советник Дьяконов. См.: ГА РФ. Ф. 109. Оп. 92. (2-я экслп, 1862). Д. 305.
- ¹⁹ «Крещеная собственность» — статья А. И. Герцена (Искандера), обличающая крепостное право в России. Впервые опубликована в 1853 г. отдельной брошюрой Вольной русской типографии, основанной Герценом в Лондоне ранее в том же году. В 1857 г. выпущено второе издание с новым предисловием Герцена, в 1858 г. — третье.
- ²⁰ Нирот (или Нироа) — дворянский род Шведского происхождения, представители которого в России носили графский титул. В документе, вероятно, речь идет о генерал-майоре Николае Евстафьевиче Нироде, командире 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Н. Е. Нироа имел брата — Михаила, который в означенный период также был в чине генерал-майора и состоял для особых поручений при начальнике резервов армейской пехоты.
- ²¹ В 1849 году высочайшим повелением, которое было приведено в действие 19 февраля, были запрещены публичные танцклассы. Оригинальный текст запрета не найден. Касательно этого запрета сохранился запрос в канцелярию обер-полицмейстера Санкт-Петербурга Конторы Санкт-петербургских театров. В ответ на запрос обер-полицмейстер отвечает, что высочайшее повеление относится к 1849 году, однако текст этого повеления не приводит. В Москве об этом запрете долгое время было неизвестно: в 1861 году Дирекция московских театров запрашивает, на каких основаниях даются в Санкт-Петербурге публичные танцклассы, на что следует ответ, что они давно уже запрещены. На просьбу прислать копию высочайшего повеления высылают копию документа 1853 года, в которой обер-полицмейстер отвечает, что танцклассы запрещены в 1849 году. (*Горощенко Н.* Законодательство и его применение в области публичных танцевальных увеселений в Санкт-Петербурге и Москве середины XIX в. <https://hda.org.ru/articles/zakonodatelstvo-i-ego-primeneniye-v-oblasti-publichnyih-tantsevalnyih-uveseneniy-v-sankt-peterburge-i-moskve-serediny-xix> (дата обращения: 14.07.2022))
- ²² Благородное собрание, или «Пашковский клуб», зародился как «Танцевальное собрание», с 1845 г. оно стало официально именоваться Благородным или Благородным танцевальным собранием и проводило регулярные маскарады, а также музыкальные вечера. Располагался клуб в доме Косиковского на Невском проспекте. Двухэтажное здание на Литейном проспекте, д. 39, которое дало свое имя клубу, было построено в 1841–1844 гг. архитектором Боссе для штаб-ротмистра И. В. Пашкова. В 1848 г. дом купил граф А. Ф. Орлов — начальник III Отделения, шеф жандармов. В том же году он стал сдавать его Благородному танцевальному собранию. Клуб размещался в доме Пашкова около десяти лет. Кроме традиционных танцев и музы-

кальных вечеров, частью жизни завсегдатаев клуба была карточная игра, в особенности преферанс. По утверждению современников, вечерами в клубе были задействованы от тридцати до пятидесяти игорных столов. В 1857 г. граф Орлов продал дом Пашкова Департаменту уделов. Благородное же собрание вернулось в свою прежнюю резиденцию.

- ²³ В игре лото: амбо — два закрытых номера на одной линии; терна (или терн) — три закрытых номера на одной линии.
- ²⁴ «Биргер-Клуб» — речь идет о немецком собрании в Санкт-Петербурге, существовавшем с 1772 г. Клуб называли вначале «Шустер-клубом» (по имени первого распорядителя), а затем «Немецким клубом» или «Большим бюргерским собранием» («Бюргер-клубом»). В середине XIX в. клуб располагался в доме Щербакова, Адмиралтейская площадь, 13. Несмотря на то, что первоначально собрание создавалось для этнических немцев и, кроме того, мещан, оно стало популярным и среди русского дворянства. В клубе была разрешена карточная игра, бильярд, домино, устраивались музыкальные и танцевальные вечера.
- ²⁵ И. С. Розенталь в своей монографии пишет о том, что игра в палки долгое время не считалась в обществе серьезной азартной игрой, а только лишь баловством. Впрочем, правительством считало иначе, и в 1855 г. палки в клубах были запрещены, как вызывающие беспорядки. Но заставить выполнять это распоряжение, как случилось раньше с запретом игры в экарте, не удалось, и в 1859 г. пришлось его повторять. (*Розенталь И. С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности конца XVIII — начала XIX в. М., 2007. С. 45.*)
- ²⁶ После смерти герцога Максимилиана Лейхтенбергского в 1852 г. на посту президента императорской Академии художеств его заменила вдова — великая княгиня Мария Николаевна. Она оставалась президентом до своей смерти в 1876 г. Вице-президентом при ней состоял граф Федор Петрович Толстой (1783 г. р.). Сам скульптор и художник, он увлекался и другими видами искусств. Так, в 1838 г. граф сочинил балет «Эолова арфа» по мотивам скандинавских преданий. Он не только был автором либретто и разработал хореографию, но и нарисовал более шестидесяти эскизов декораций и костюмов. Через четыре года, в 1842 г., Толстой сочинил еще один балет, на этот раз на античный сюжет, под названием «Эхо». Не очевидно, о каком из двух балетов идет речь в тексте.
- ²⁷ Николай Иванович Греч и Фаддей Венедиктович Булгарин — публицисты, писатели, мемуаристы. Оба они родились в 80-х гг. XVIII в. и были связаны не только профессиональным сотрудничеством, но и многолетней дружбой. «Genre», о котором говорится в документе, — вероятнее всего, авантюрный или фантастический роман, одним из основоположников которых в русской литературе был Ф. В. Булганин.
- ²⁸ «Царской сын и важнее всех других его детей» — имеется в виду, что предыдущие дети императора были рождены до его коронации. В русской традиции, по аналогии с византийской, дети, рожденные во время царствования отца, назывались порфирородными.
- ²⁹ Тентелева (или Тентелево) — историческая деревня в Московской волости Санкт-Петербургского уезда. Располагалась на территории современного Кировского района г. Санкт-Петербурга, за Нарвской заставой.
- ³⁰ Так называемые «Торговые бани» располагались на 8-й линии Васильевского острова в доме № 5 с 1830 г. и до революции. В середине XIX в. бани принадлежали владельцу дома ротмистру И. И. Парланду.
- ³¹ О Благородном собрании в доме Пашкова на Литейном проспекте см. примечание 22.

- ³² «*Со времени Игнатъева*» — т. е., вступления генерал-лейтенанта П. Н. Игнатъева в должность Санкт-Петербургского генерал-губернатора в 1854 г.
- ³³ Брандмайор (или брантмайор) — полицейский чиновник, начальник всех пожарных частей в столице или в губернском городе.
- ³⁴ В 1857 г. младший сын Николая I великий князь Михаил Николаевич женился на дочери великого герцога Баденского Цецилии (в будущем — великая княгиня Ольга Федоровна).
- ³⁵ Жан Сорьель — французский художник, иллюстратор, в основном знамениты его батальные сцены. В 1856 г. Сорьель был выбран в качестве официального художника при посольстве графа де Морни, отправившегося в Россию представлять Наполеона III на торжествах по случаю коронации Александра II. После возвращения в Париж Сорьель по распоряжению графа де Морни создал серию из двадцати акварелей, отражавших основные эпизоды этой поездки. Некоторые из этих картин были выставлены в парижских художественных салонах 1857 и 1859 гг. (*Hédou J. Jean Sorieul, 1823–1871. Rouen, 1882. P. 24.*)
- ³⁶ Королева Виктория и принц Альберт планировали выдать свою старшую дочь принцессу Викторию за Фридриха, сына кронпринца Пруссии Вильгельма (будущего короля Вильгельма I), на протяжении многих лет до того, как этот брак стал бы возможен по возрасту невесты. В 1855 г., когда Фридрих официально сделал предложение Виктории, ей было всего 14 лет. Объявление о помолвке состоялось только в мае 1857 г., а свадьба — еще год спустя.
- ³⁷ 29 апреля 1857 г. родился пятый сын Александра II великий князь Сергей Александрович.
- ³⁸ Каменноостровский театр — уникальный памятник архитектуры 20-х гг. XIX в., сохранившийся до наших дней. Летний деревянный театр в виду Елагина дворца, летней императорской дачи, был выстроен по проекту архитектора С. Л. Шустова в 1827 г. Первая капитальная реконструкция прошла в 1844 г. под руководством А. К. Кавоса. На сцене театра нередко выступала французская труппа. В частности, именно ее спектаклями было ознаменовано торжественное открытие театра после реконструкции.
- ³⁹ Петергофская железная дорога была открыта в 1857 г. на средства банкира и промышленника барона А. Л. фон Штиглица, который и был ее владельцем. Дорога соединяла Санкт-Петербург с Петергофом, где располагались многочисленные дачи знатных столичных жителей. Пять паровозов курсировали по маршруту каждый день, причем дорога в один конец занимала чуть больше часа.
- Когда железная дорога на Петергоф только планировалась, управляющий в то время Третьим отделением А. В. Дубельт изложил свои соображения об этом в особом «дневнике», где он делал заметки о текущих событиях. 6 августа 1853 г. Дубельт записал: «Барон Штиглиц устраивает на свой счет (почти) железную дорогу из С.-П[етер]бурга до Петергофа. Приказано было узнать, с какой целью он это делает, ибо нельзя предполагать, чтобы из этой постройки он мог извлечь выгоду, и не есть ли это опыт для постройки дороги далее, по берегу Балтики до Риги? По секретным дознаниям оказалось, что барон Штиглиц в этом предприятии не ищет никакой выгоды, что постройку далее не поведет и что делает это только из желания быть полезным, даже и с собственным ущербом; но при этом есть у него сокровенная мысль, намерение, так сказать, честолюбивое: он надеется, что Петергофская дорога получит наименование его имени, т. е. дорогу будут называть дорогой барона Штиглица, и тем увековичится его имя, которое с его смертью исчезнет, ибо он не имеет прямого наследника». (ГА РФ. Ф. 638. Оп. 1. Д. 19. Л. 44–44 об.) Во многом Дубельт оказался прав. В то же время Штиглицева дорога все же была продлена, но не до Риги. Спустя три года после открытия

дороги на Петергоф барону Штиглицу было позволено проложить ветку на Красное Село, а в 1864 г. — довести дорогу до Ораниенбаума. В 1872 году Петергофская железная дорога вошла в состав Балтийской железной дороги.

⁴⁰ В доме А. Н. Янунчиковой по набережной Мойки, 66, на углу возле Синего моста располагалось зимнее помещение Немецкого клуба (Биргер-клуба). О нем см. примечание № 24.

⁴¹ Речь идет, вероятнее всего, о третьем пункте высочайше утвержденного положения Комитета министров «О порядке увольнения от службы и определения вновь в оную неблагонадежных чиновников» от 7 ноября 1850 г. (ПСЗ. Т. XXV (1850). Ст. 24606), который гласил: «Чиновники, кои, по убеждению начальства, неспособны к исправлению возложенных на них должностей, или по чему-либо неблагонадежны, или сделали вину, известную начальству, но такую, которая не может быть доказана фактами, предоставить начальникам, от коих в общем порядке зависит увольнение от должностей, сими чиновниками занимаемых, увольнять по своему усмотрению и без просьбы их, во всякое время года, сообщая о таком распоряжении Инспекторскому департаменту Гражданского ведомства, но без объяснения причин, бывших поводом к увольнению. О сих чиновниках, как в высочайших приказах, так и в аттестатах показывать просто, что они “увольняются” или “уволены от службы”, без всякого означения причин и порядка сего увольнения. Начальствам вменить в обязанность приступать к подобному увольнению чиновников без просьбы их с достаточной осмотрительностью, при полном убеждении в неспособности или неблагонадежности чиновника, не допуская ни пристрастия, ни личности». Несмотря на последнее утверждение, эта правовая норма, существовавшая в законодательстве Российской империи до конца ее существования, вызывала множество возражений со стороны чиновников, видевших в таком положении узаконений произвола начальников в отношении своих подчиненных. В конце XIX — начале XX века третий пункт стал предметом публичного обсуждения в среде юристов и историков права. (См., например: *Алексеев П.* Третий пункт // Вестник права и нотариата. 1911. № 37. С. 1110–1143.)

⁴² 25 декабря 1856 г. Правительствующему Сенату был дан именной указ о «Высочайше утвержденных правилах об исключении солдатских и матросских детей и кантонистов из военно-сухопутного и морского ведомств». (См.: ПСЗ. Т. XXXI (1856). Ст. 31313.) Указ и правила были обнародованы 31 декабря того же года. В 1858 г. батальоны, полубатальоны, эскадроны, дивизионы и роты кантонистов были упразднены, а вместо них открыты свыше двух десятков училищ военного ведомства, в которые перевели кантонистов.

⁴³ Демидовский дом — Официально носил названия Демидовский дом трудолюбия и Демидовский дом призрения трудящихся — благотворительное учреждение, открытое в 1833 г. по инициативе А. Н. Демидова. Первоначально предназначалось для удовлетворения средствами производства, рабочими комнатами и заказами работников и работниц, которые не могли по бедности обеспечить себя таковыми. Однако вскоре Демидовский дом стал принимать под свою опеку исключительно женщин, и его деятельность распространилась в целом на призрение и воспитание сирот и малоимущих девушек, в большинстве своем дворянского происхождения. При Демидовском доме открывались учебные заведения для девочек. Главное из них — камер-юнгферская школа — обучало шитью, вышиванию и прочему рукоделию, а также общим предметам — истории, арифметике, географии и т. п. Несмотря на то, что с основания и до закрытия в 1918 г. Демидовский дом в значительной степени содержался на средства потомков основателя, он считался казенным благотворительным учреждением.

Я. М. Златкис

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ АЛЕКСАНДРА ДЮМА

Александр Дюма-отец — один из самых известных и читаемых авторов в мире. С июля 1858 по март 1859 г. — почти год — он провел в путешествии по России.

Обстоятельства его пребывания в России известны и описаны в работах М. И. Буянова, С. Н. Дурылина, Ю. А. Михайлова и М. С. Трескунова и других авторов¹. Путешествуя по российской территории, француз посетил Петербург, Валаам, Москву и ее окрестности (Бородинское поле и Троице-Сергиеву Лавру, останавливался в селе Елпатьеве и в Калязине), совершил длительную поездку по Волге до Астрахани, заехал в Нижний Новгород, Казань, Саратов, Волгоград, Калмыкию, а затем отправился на Кавказ, где посетил Кизляр, Дербент, Баку, Тифлис. Результатом этой поездки стали две книги: «Путевые впечатления. В России» (1865–1866) и «Кавказ» (1859)².

---

¹ Подробнее о пребывании Дюма в России см.: Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. 1937. № 31–32. С. 518–524; Дюма глазами русских / Сост. Ю. А. Михайлов // Дюма А. Путевые впечатления. В России : в 3 т. М., 1993 Т. 3. С. 365–592; Трескунов М. С. О книге Александра Дюма «Путевые впечатления. В России» // Дюма А. Путевые впечатления. В России : в 3 т. М., 1993 Т. 1. С. 7–43; Буянов М. Маркиз против империи, или Путешествия Кюстина, Бальзака и Дюма в Россию. М., 1993. С. 172–184; Он же. По следам Дюма. М., 1993.

² Во Франции в XIX в. парижские журналы «Le Mousquetaire», «Le Monte-Cristo» и газета «Le Constitutionnel», с которыми сотрудничал или, даже возглавлял Дюма, на протяжении ряда лет публиковали очерки и исторические эссе, впервые объединенные в пятитомный труд, появившийся в 1858–1859 гг. под названием «Impression de voyage en Russie etc.». Первоначально письма, дневниковые записи, посылаемые из путешествия, представляли собой серию путевых очерков, выходивших в разной редакции и под разными названиями: «Письма из Санкт-Петербурга», «Из Парижа в Астрахань», «Впечатления о поездке в Россию» и «Кавказ». Тогда же, в XIX в., эти публикации были переведены в Испании, Италии, Герма-

В этой публикации мы решили отразить взгляд на Александра Дюма российских подданных, которым посчастливилось с ним встретиться в этом большом путешествии в малознакомую страну. Публикуемые документы — это переписка между Главным начальствующим III отделением князем В. А. Долгоруковым и его подчиненными по организации надзора за французским писателем в России и донесения с мест. Это 9 документов, сформированных в одно дело, хранящихся в фонде III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии в Государственном архиве Российской Федерации.

Текст публикуемых документов передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением всех стилистических особенностей. Пометы приводятся после текста документа. Заверительные подписи не воспроизводятся. Текст каждого документа сопровождается легендой, в которой указывается название архива, номер фонда, описи, дела, листа, подлинность или копияность документа.

№ 1. Распоряжение главноуправляющего III отделением и шефа жандармов В. А. Долгорукова начальникам 2-го, 5-го и 7-го округов Отдельного корпуса жандармов об учреждении секретного наблюдения за А. Дюма

Секретно³

18 июля 1858 г.

Г[осподину] начальнику 2-го округа Корпуса жандармов № 658

Подобного же содержания

Начальнику 5-го округа К[орпуса] ж[андармов]
с обозначением вместо Москвы, «Одесса» № 659

Начальнику 7-го округа К[орпуса] ж[андармов]
с обозначением «в Нижнем Новгороде» № 660

Известный французский писатель Александр Дюма (отец), прибыл в недавнем времени из Парижа в С[анкт] Петербург, намерен посетить и внутренние губернии России, для какой цели собирается ехать и в Москву.

нии и США. Подробнее см.: *Ощепков А. Р.* «Русская литература в путевых записках А. Дюма «Путевые впечатления в России» // Наука и школа, 2010. № 6. С. 128–133.

³ Здесь и далее в публикации подчеркивание документа.

Уведомляя о сем ваше прев[осходительст]во, предлагаю Вам во время пребывания Александра Дюма в Москве, приказать учредить за действиями его секретное наблюдение и о том, что замечено будет, донести мне в свое время.

Генерал-адъютант, князь Долгоруков

ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1858 г. Д. 125. Л. 1. Заверенная копия. Рукопись.

№ 2. Письмо главноуправляющего III отделением В. А. Долгорукова Его императорского величества наместнику Кавказскому А. И. Барятинскому с просьбой об учреждении секретного наблюдения за А. Дюма

Секретно

19 июля 1858 г.

№ 676

Г[осподину] наместнику Кавказскому

Известный французский писатель Александр Дюма (отец), прибыл в недавнем времени туристом из Парижа в С[анкт]-Петербург, отправляется ныне во внутрь России, с намерением быть также в Тифлисе.

Сообщая о сем Вашему сият[ельст]ву с тем, не изволите ли Вы, м[илостивый] г[осударь], признать нужным учредить за Александром Дюма, во время его пребывания в Тифлисе, секретное наблюдение, покорнейше прошу о последующем почтить меня Вашим отзывом.

Генерал-адъютант к[нязь] Долгоруков

ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1858 г. Оп. 143. Д. 125. Л. 2. Заверенная копия. Рукопись.

№ 3. Письмо Его императорского величества наместника Кавказского А. И. Барятинского главноуправляющему III отделением В. А. Долгорукову об учреждении секретного наблюдения за А. Дюма

Секретно

4 сентября 1858 г.

Его императорского величества наместник Кавказский

20 августа 1858 г.

№ 715

В Баржоме

Об учреждении надзора за г[осподином] Дюма

Главному начальнику III Отделения Собственной его императорского величества канцелярией

Вследствие отношения ко мне Вашего сиятельства от 19 июля настоящего года за № 676, по предмету надзора за г[осподином] Дюма, честь имею сообщить Вам, милостивый государь, что по приезде г[осподин] Дюма в Тифлис мною будет назначен для нахождения при нем в качестве переводчика и путеводителя благонадежный чиновник, которому вместе с тем поручено будет и наблюдение за ним.

Этою мерою, я полагаю совершенно удовлетворительно заменить полицейский надзор.

Генерал-адъютант кн[язь] Барятинский

Исправляющий должность начальника

Гражданского управления

статс-секретарь Крузенштерн

ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1858 г. Оп. 143. Д. 125. Л. 3–3-об. Подлинник. Рукопись. На бланке заместника Кавказского.

**№ 4. Донесение начальника 2-го округа
Отдельного корпуса жандармов С. В. Перфильева
главноуправляющему III отделением и шефу жандармов
В. А. Долгорукову о пребывании А. Дюма в Москве**

Секретно

Сентября 18-го дня 1858 г.

От начальника 2-го округа Корпуса жандармов

Шефу жандармов господину генерал-адъютанту и

Кавалеру князю Долгорукову 1-му

№ 67,

Москва.

О французском писателе Дюма

Во исполнение секретного предписания Вашего сиятельства от 18 июля сего года за № 658 я имею честь донести, что французский писатель Дюма (отец) с приезда своего в Москву в июле месяце сего года жил у г[оспод] Нарышкиных — знакомых ему по жизни их в Париже; многие почитатели литературного таланта Дюма и литераторы здешние искали его знакомства и были представлены ему 25 июля на публичном гулянье в саду Элдорадо литератором князем Когушевым, князем Владимиром Голицыным и Лихаревым,

которые постоянно находились при Дюма в тот вечер; 27 же июля в означенном саду в честь Дюма устроен был праздник, названный Ночь графа Монте Кристо. Сад был прекрасно иллюминирован, и транспарантный вензель «А. Д.» украшен был гирляндами и лавровым венком.

В тот день в честь Дюма князь Голицын давал обед, и оттуда прямо Дюма приехал на праздник в Элдорадо; в этот вечер с ним были двое Нарышкиных, живописец Моне и мадам Вильне, сестра бывшего в Москве французского актера, которая, как говорят, постоянно путешествует вместе с Дюма.

В Москве Дюма посещал все достопримечательности и ездил в предместья Москвы; в начале августа с сыновьями генерала Арженевского он ездил в имение отца их, находящееся близ села Бородина, где осматривал памятник и бывшие в 1812 году батареи, был в Спасо-Бородинской пустыни, в Колоцком монастыре и в Бородинском дворце, который в то время отделялся в ожидании высочайшего приезда императорской фамилии.

В семействе Нарышкиных, где жил Дюма, его очень хвалят, как человека уживчивого, без претензий и приятного собеседника. Он имеет страсть готовить сам на кухне кушанья и, говорят, мастер этого дела.

Многие, признавая в нем литературные достоинства, понимают его за человека пустого и потому избегали или сдерживались при разговорах с ним, опасаясь, что он выставит их в записках и будет передавать слышанное от них вопреки истине.

7-го сего сентября Дюма выехал из Москвы с семейством Д. П. Нарышкина в имение его Владимирской губернии Переславль-Залесского уезда село Елпатьево, где, как говорят, намерен пробыть дней 15, а оттуда вместе с живописцем Моне намерен отправиться в Нижний Новгород.

Владимирскому и Нижегородскому штаб-офицерам корпуса жандармов сообщено о сем для зависящего с их стороны распоряжения к секретному наблюдению за Дюма.

Генерал-лейтенант Перфильев

Помета: Доложено его величеству. 24 сентября.

ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1858 г. Оп. 143. Д. 125. Л. 4–6 об. Подлинник. Рукопись. На бланке начальника 2-го округа Отдельного корпуса жандармов.

№ 5. Донесение начальника 7-го округа Отдельного корпуса жандармов П. Ф. Львова главноуправляющему III отделением и шефу жандармов В. А. Долгорукову о пребывании А. Дюма в Нижнем Новгороде и о его отбытии в Казань

Секретно

Начальника 7-го округа корпуса жандармов
Октября 1-го дня 1858 г.

№ 94.

В Казани

Шефу жандармов и главному начальнику

III Отделения Собственной его величества канцелярии

господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Долгорукову 1-му

Корпуса жандармов подполковник Коптев от 26 минувшего сентября за № 364 донес мне, что французский писатель Александр Дюма во время пребывания своего в Нижнем Новгороде отправил в Париж 24-го того же сентября конверт по адресу в Амстердамскую линию в дом № 77. Письмо это отправлено через Москву, по объему надобно полагать, что оно заключает в себе статью литературную.

Ныне г[осподин] Дюма прибыл из Нижнего Новгорода в Казань в сопровождении студента Московского университета Колина и художника Моне, и, как известно, намеревается выехать в города Симбирск, Самару, Саратов и Астрахань, а потому я дал предписание штаб-офицерам этих губерний, чтобы они имели за действиями Дюма самое аккуратное секретное наблюдение и о последствиях мне донесли.

Почтительнейше донося о сем Вашему сиятельству на основании предписания от 18 июля сего года за № 660, имею честь присовокупить, что о пребывании в Казани и выезде из оной Дюма я буду иметь честь донести особо Вашему сиятельству.

Генерал-лейтенант Львов

Помета: Доложено Его величеству 2 октября [Долгоруков].

ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1858 г. Оп. 143. Д. 125. Л. 7-7об. Подлинник. Рукопись. На бланке начальника 7-го округа Отдельного корпуса жандармов.

№ 6. Донесение штаб-офицера Отдельного корпуса жандармов И. М. Богданова главноуправляющему III отделением и шефу жандармов В. А. Долгорукову о поездке А. Дюма в с. Елпатьево Переславского уезда Владимирской губ.

Секретно

От штаб-офицера корпуса жандармов,
находящегося во Владимирской губернии

№ 133
6 октября 1858 г.

Шефу жандармов и главному начальнику
III Отделения Собственной его величества канцелярии
господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Долгорукову 1-му

Имею честь почтительнейше донести Вашему сиятельству, что известный писатель Александр Дюма (отец), пробыв в Переславском-Залесском уезде в имении тамошнего помещика Дмитрия Павловича Нарышкина, в селе Елпатьево несколько дней, отправился с ним вместе в Нижний Новгород, о чем сообщено мною тамошнему жандармскому штаб-офицеру; во время пребывания его во Владимирской губернии ничего предосудительного за ним не замечено.

Полковник Богданов

*ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1858 г. Оп. 143. Д. 125. Л. 8. Подлинник. Рукопись.
На бланке штаб-офицера Отдельного корпуса жандармов, находящегося
во Владимирской губернии*

№ 7. Донесение начальника 7-го округа Отдельного корпуса жандармов П. Ф. Львова главноуправляющему III отделением и шефу жандармов В. А. Долгорукову о пребывании А. Дюма в Казани и о его отбытии в Самару

Секретно

Начальника 7-го округа Корпуса жандармов
Октября 9-го дня 1858 г.
в Казани

№ 102

Шефу жандармов и главному начальнику
III Отделения Собственной его величества канцелярии
господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Долгорукову

Чсть имею донести Вашему сиятельству в дополнение докладной записки моей от 1-го сего октября за № 94, что французский писатель Александр Дюма во время пребывания своего в Казани в продолжении одной недели не посещал никакого общества высшего круга, жил все время в конторе пароходного общества «Меркурий» в самой отдаленной части города, посещая дом полковника Жуковского, управляющего Казанской комиссариатской комиссией, которому был рекомендован из С[анкт]-Петербурга, и часто по целым дням пробывал в семействе подполковника инженеров путей сообщения Лан; посетил университет, где два раза был приглашен на чай к ректору университета действительному статскому советнику Ковалевскому, и также сделал визит г[оспо]-же начальнице Родионовского института, которая визитом этим осталась весьма недовольна как по причине весьма неопрятного одеяния, в котором Дюма к ней приезжал, так и по причине неприличных выражений его, употребленных им в разговорах с нею. Вообще Дюма в Казани не произвел никакого хорошего впечатления. Многие принимали его за шута по его одеянию: видевшие же его в обществе, нашли его манеры и суждения общественные вовсе несоответствующими его таланту писателя.

4 октября Дюма отправился на пароходе чрез Самару в Астрахань, куда от меня предписано штаб-офицерам Самарскому и Астраханскому иметь за Дюма секретное наблюдение. Донесения сих штаб-офицеров по сему предмету я буду иметь честь довести до сведения Вашего сиятельства.

Генерал-лейтенант Львов

Помета: Доложено Его величеству 19 октября.

ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1858 г. Оп. 143. Д. 125. Л. 9–10об. Подлинник. Рукопись. На бланке начальника 7-го округа Отдельного корпуса жандармов

№ 8. Донесение начальника 7-го округа Отдельного корпуса жандармов П. Ф. Львова главноуправляющему III отделением и шефу жандармов В. А. Долгорукову о пребывании А. Дюма в Самаре и Саратове и о его отбытии в Астрахань

Секретно

Начальника 7-го округа Корпуса жандармов

Октября 23-го дня 1858 г.

в Казани

№ 111

Шефу жандармов и главному начальнику
 III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии
 господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Долгорукову 1-му

В дополнение докладной записки моей от 9-го сего октября за № 102 честь имею Вашему сиятельству донести, что, как видно из донесений штаб-офицеров, французский писатель Александр Дюма отправился из Казани в Астрахань; в Симбирск не заезжал, в Самару прибыл на пароходе и с онога на берег не сходил и вскоре отправился в Саратов, куда прибыл 8-го числа сего месяца, потребовал извозчика — поехавши с ним по городу, расспрашивал у него, не живет ли кто в Саратове из французов, и когда узнал о проживании там француза Сервье, торгующего дамскими уборами, отправился к нему в магазин, куда вскоре приехал саратовский полицеймейстер майор Позняк и пробыл тут, пока Дюма пил кофе и ел приготовленную для него рыбу, а в 8 часов вечера г[осподин] Дюма возвратился обратно на пароход.

На другой день в 10 часов утра были у Дюма на пароходе чиновник, состоящий при Саратовском губернаторе князь Лобанов-Ростовский и полицеймейстер Позняк, с которым Дюма, ездя по Саратову, заезжал к фотографу, снял там с себя портрет и подарил его г[осподину] Позняку и потом отправился обедать к нему; тут же были председатель Саратовской казенной палаты статский советник Ган, полковник, служащий в 7 округе путей сообщения Терме и князь Лобанов-Ростовский. После обеда г[осподин] Дюма при сопровождении вышеозначенных лиц отправился на пароход и в 5 часов вечера отплыл в Астрахань (откуда я донесения еще не получал). Разговор г[осподин] Дюма вел самый скромный, и заключался большей частью в расспрашивании о саратовской торговле, рыбном богатстве реки Волги и разной промышленности саратовских купцов и тому подобном.

Генерал-лейтенант Львов

Помета: Доложено Его величеству 2 ноября.

ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1858 г. Оп. 143. Д. 125. Л. 11–12 об. Подлинник. Рукопись. На бланке начальника 7-го округа Отдельного корпуса жандармов

№ 9. Сопроводительная записка начальника 7-го округа Отдельного корпуса жандармов П. Ф. Львова главному управляющему III отделением и шефу жандармов В. А. Долгорукову к рапорту полковника Отдельного корпуса жандармов П. П. Сиверикова о пребывании А. Дюма в Астрахани и его планах на дальнейшее путешествие. Приложение: означенный рапорт

Весьма секретно

Шефу жандармов и главному начальнику
III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Долгорукову 1-му
Начальника 7 округа Корпуса жандармов

Рапорт

Имею честь почтительнейше представить Вашему сиятельству в дополнение донесения моего от 23-го минувшего октября за № 111 в подлиннике рапорт полученный мною от полковника Корпуса жандармов Сиверикова, по предмету наблюдения его в г. Астрахани за французским литератором Александром Дюма, путешествующим по России

Генерал-лейтенант Львов

13 ноября 1858 г.

№ 116

г. Казань.

Помета: Доложено Его величеству 21 ноября.

[*Приложение*]

Весьма секретно

№ 430

Начальнику 7-го округа Корпуса жандармов
господину генерал-лейтенанту и кавалеру
Львову 1-му
Корпуса жандармов полковника Сиверикова

Рапорт

Во исполнение секретного предписания Вашего превосходительства от 4-го сего октября за № 97, имею честь почтительнейше донести:

Французский литератор Александр Дюма по прибытии в г. Астрахань 14 октября, остановившись на указанной ему квартире в доме коммерции советника Сапожникова, немедленно сделал визиты астраханскому

военному губернатору контр-адмиралу Машину и управляющему астраханской губернией статскому советнику Струве, у которого в этот день обедал и провел весь вечер; на другой день по распоряжению управляющего губернией были ему показываемы армяне, татары и персы в домашнем их быту и в национальных костюмах, потом он обедал у военного губернатора и вечером в сопровождении г[осподина] статского советника Струве сделал визит персидскому консулу, а после того посетил на несколько минут танцевальный вечер в доме благородного собрания.

16 октября по приглашению контр-адмирала Машина присутствовал на торжественном молебствии, бывшем по случаю начатия работ по углублению фарватера реки Волги верстах в 15 от Астрахани, отсюда в сопровождении старшего чиновника особых поручений начальника губернии Бенземана, адъютанта военного губернатора Фермора и нескольких охотников отправился на охоту и для осмотра обширных рыбных ловлей Учужной конторы, откуда возвратился в Астрахань на частном пароходе и ужинал у г[осподи] на управляющего губернией; 17 числа утром на казенном пароходе «Верблюд» в обществе военного губернатора и лиц, сим последним приглашенных, отправился вверх по Волге в имение калмыцкого князя Тюменя, где провел 17-го и 18-го числа⁴ в осмотре быта калмыцкого народа, их народных плясок, разных увеселений и конских скачек, откуда возвратился в Астрахань в ночь на 19-е число. Утром 19-го числа занимался описанием того, что видел и что было ему показано, обедал в своей квартире, а вечер провел у атамана астраханского казачьего войска генерал-майора Беклемишева; 20-го числа по утрам ездил в персидские лавки и покупал азиатские вещи, обедал у г[осподина] статского советника Струве, где провел и вечер; 21-го числа утром писал письма в Петербург, Москву и Париж, куда также отправил по почте брошюру своих путевых впечатлений о России, обедал у лейтенанта Петриченко, с женой которого познакомился на пароходе «Верблюд»; вечером 21-го и утром 22-го числа занимался составлением путевых записок и приготовлением к поездке; окончив занятия, поехал с прощальными визитами к генерал-майору Беклемишеву и управляющему губернией, а в 4 часа пополудни выехал по частной подорожной, взятой в Астрахани, в г. Кизляр, откуда намерен проехать через укр[епления] Темир-Хан-Шуру, Тарки, г. Дербент, креп[ость] Баку, г. Шемаху, Елизаветполь в Тифлис. По этому пу-

⁴ Так в документе.

ти астраханский военный губернатор снабдил его открытым предписанием на взимание безопасного конвоя; путь же этот избрал г[осподин] Дюма потому, что по позднему осеннему времени или по иным причинам ни один пароход не мог в скором времени отправиться в море.

Как при прежних посещениях иностранцами г. Астрахани, так, в особенности, и при этом случае управляющий губернией г[осподин] статский советник Струве старался оказываемым вниманием привлечь этого иностранца к себе для удобнейшего за действиями его надзора и во избежание излишнего и, может быть, неуместного столкновения с другими лицами или жителями; ежели и случалось, что г[осподин] Дюма бывал в другом обществе, то никогда иначе как в сопровождении особого от управляющего губернией чиновника или полиции, и все это устраивалось весьма благовидно под видом гостеприимства и оказываемого внимания.

Во время нахождения г[осподина] Дюма в Астрахани он вел себя тихо и прилично, но заметно разговоры его клонились к хитрому разведыванию расположения умов по вопросу об улучшении крестьянского быта и о том значении, какое могли бы приобрести раскольнические секты в случае внутреннего волнения в России. Я узнал от статского советника Струве, что он отказал г[осподину] Дюма в выдаче заграничного паспорта потому, что г[осподин] Дюма перед отъездом за границу будет в Тифлисе, где и может получить заграничный паспорт от наместника Кавказского.

Кроме сего, имею основание думать, что управляющий губернией об образе мыслей и любимых предметах разговора г[осподина] Дюма поставил в известность наместника Кавказского, так как узнал я, что от статского советника Струве отправлена на этих днях эстафета в Тифлис, а по наведенным мною в разных его канцеляриях справкам по делам в отправлении эстафеты к наместнику Кавказскому не представлялось никакой надобности, и об ней не имеется нигде официальной переписки

Полковник Сивериков

№ 12. 26 октября 1858 г.

г. Астрахань.

Помета: Предъявить в подлиннике Его сиятельству господину шефу при весьма секретном донесении. [Львов]

ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. 1858 г. Оп. 143. Д. 125. Л. 13. Подлинник. Рукопись; Л. 14–16. Автограф.

А. М. Лаврёнова, О. В. Шемякина

ЗИНАИДА ЖУЧЕНКО (ГЕРНГРОСС): ЖИЗНЬ ПОСЛЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

«Дорогой мой друг! Боюсь только одного: серной кислоты! Начинаю думать, они не убьют меня. Довольно трудно ведь. Они уверены, что я окружена толпой полицейских. И “жалко жертвовать одним из славных на провокатора” — думается мне, говорят они. Вероятно, дело дойдет до серной кислоты», — писала проваленная секретная сотрудница охраны, работавшая в Партии социалистов-революционеров, своему бывшему шефу Михаилу фон Котену в августе 1909 г.¹

Несколькими днями ранее Зинаида Жученко, урожденная Гернгросс, служившая секретным сотрудником Департамента полиции с 1894 г., была разоблачена «Шерлоком Холмсом русской революции», журналистом-эмигрантом Владимиром Бурцевым. Дотошный и неумолимый Бурцев нагрянул к ней прямо домой, в Берлин, где она жила с сыном-подростком и подругой. Доказательства были неотразимы. На нее указал сам бывший глава политической полиции Сергей Коваленский. Обида на неудачи по службе подтолкнула его сперва к предательству, а затем и к самоубийству². Его показания подтвердил и перебежчик Леонид Меньшиков.

От этой встречи опытный охотник на царских агентов Бурцев ожидал уже привычных истерик, слез, мольбы и уверений в невинности, но встретил совершенно иное: Жученко достойно приняла разоблачение, более того, заявила, что всегда была убежденной монархисткой и пришла работать в Департамент полиции сознательно.

«Вы нанесли удар самым заветным моим идеалам, которым я служу всю свою жизнь. ... Вы — поразительный тип, — я думаю, думаю

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 8.

² ГАРФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1905 г. Оп. 25. Д. 96; Там же. 4-е д-во. 1908 г. Оп. 117. Д. 209.

о Вас, и так хочется лучше Вас понять», — писал он ей после той роковой встречи, когда в этой строгой на вид женщине, похожей на учительницу, старый революционер-одиночка повстречал противника, равного себе, чего с ним еще никогда не бывало³. Что уж там, и сами чиновники Департамента полиции также безуспешно пытались припомнить, был ли когда-нибудь у них такой секретный сотрудник, который служил бы не за деньги, не из страха или из желания насолить бывшим товарищам, — но Жученко и впрямь была такая одна⁴.

Давным-давно выпускница Смольного института, 22-летняя Зинаида Гернгросс давала уроки детям околоточного надзирателя, с его помощью свела знакомство с чиновниками МВД и легендой русского политического сыска Сергеем Зубатовым, идеологом полицейского социализма. Наставляемая Зубатовым, она внедрилась в группу студента Ивана Распутина⁵, планировавшую покушение на царя на церемонии коронации, и выдала ее властям⁶. Арестованная в 1896 г. вместе с несостоявшимися царевубийцами, Зинаида из соображений конспирации провела год в заключении, после чего была выслана на Кавказ⁷. Здесь она, по ее словам, допустила главную ошибку в своей карьере — вышла замуж⁸. Муж оказался склочным

³ Письмо В. А. Бурцева З. Ф. Жученко от 27 августа 1909 г. см.: ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 39.

⁴ См. док. № 16–17.

⁵ Так выглядит история начала сотрудничества Зинаиды Жученко с ее собственных слов. См.: ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 132 об., 220; *Bekentnisse der Sinaida Zutschenko* // *Berliner Tageblatt*. 1909. 2 Sept. Morgen. S. 1 (интервью Жученко немецкой газете «*Berliner Tageblatt*»).

⁶ Материалы дела см.: ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1896 г. Оп. 132. Д. 38. ч. 1. Л. 3–30 об. Среди вещественных доказательств по делу В. Д. Бахарева фигурируют фрагменты переводов о способе приготовления взрывчатых веществ, написанные рукой З. Ф. Гернгросс. См.: ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 188. Л. 12–12 об., 15, 22–22 об., 25.

⁷ В марте 1896 г. З. Ф. Гернгросс была отправлена в Кутаис под гласный надзор полиции. Затем в феврале 1897 г. переехала в Тифлис, где планировала поступить в школу акушерок при Ольгинском повивальном институте. Ее адрес в Тифлисе: Габаевский пер., д. 10. См.: ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1896 г. Оп. 132. Д. 38 ч. 7. Л. 5, 19–21, 23, 26.

⁸ З. Ф. Гернгросс вышла замуж за бывшего студента Московского университета, мещанина г. Дербента Николая Сергеевича Жученко 16 февраля 1897 г. в г. Тифлисе. (ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1896 г. Оп. 132. Д. 38 ч. 7. Л. 22.) В 1913 г. он подал прошение в Департамент полиции о выдаче ему справки о том, что его супруга скрылась из пределов России в марте 1898 г. для начала бракоразводного процесса. Открытое письмо с удостоверением этого факта было направлено его брату Андрею 17 октября 1914 г. См.: ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1913 г. Оп. 149. Д. 613. Л. 2, 11, 13.

Зинаида Жученко

типом, и она бежала в Германию, прихватив с собой новорожденного сына Николая⁹.

В 1905 г. ее попросили вернуться на службу. Разгоралась первая русская революция, и пламенная Жученко очертя голову, бросилась в самое пекло — на баррикады Москвы. Здесь она была не просто руководимой сотрудницей, она сделалась другом и советчиком своих жандармских наставников. Михаил фон Котен и Евгений Климович к ней прислушивались, с ней считались, уважали ее и принимали дома как дорогую гостью. Она платила тем же: работала не покладая рук. С ее помощью было раскрыто два крупных покушения. В начале 1906 г. эсеры решили поквитаться с минским гу-

бернатором Павлом Курловым за расстрел митинга и бросили в него бомбу. Бомба угодила ему в голову, но не взорвалась, потому что Жученко, которой было поручено доставить адскую машину в Минск, прежде отнесла ее фон Котену, чтобы тот вытащил детонатор¹⁰.

Через год, в феврале 1907 г., эсерка-террористка Фрума Фрумкина решила стрелять в московского градоначальника Анатолия Рейнбота и заявила однопартийцам, что наложит на себя руки, если те станут ей мешать¹¹. Зинаида поняла, что переубедить Фруму не удастся, собра-

⁹ Согласно прошению Н. С. Жученко о розыске жены, З. Ф. Жученко с трехмесячным сыном сбежала из г. Юрьева 22 марта 1898 г. Сам же Н. С. Жученко после данного инцидента был на время помещен в психиатрическую клинику в г. Юрьеве, как опасный для окружающих. См.: ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1896 г. Оп. 132. Д. 38 ч. 7. Л. 37, 45–46.

¹⁰ Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 301; Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // Там же. С. 360.

¹¹ «По настоянию Центра покушение на Рейнбота временно было приостановлено. Дождаться нового дела Фрума не могла. Тем более, что Рейнбот возбуждал в ней сильную ненависть, и она уж сроднилась с мыслью, что именно он предназначен для нее. Поэтому, когда я ей сообщил, что нужно подождать, она прямо заяви-

ла ее «на дело», пришив подружке карман для револьвера, а затем посодействовала тому, чтобы упорную смутьянку арестовали у входа в Большой театр, где должно было состояться покушение.

По иронии судьбы оба спасенные Зинаидой были людьми крайне сомнительной репутации: один зарекомендовал себя как нечистый на руку лизоблюд и отпетый интриган¹², а другой спустя короткое время был осужден за казнокрадство и коррупцию¹³.

Несмотря на свою рыцарскую верность правительству и наружность школьной учительницы, Зинаида отнюдь не была пай-девочкой: бывало, употребляла морфий¹⁴, не гнушалась романтически связями с революционерами¹⁵, выбирая наиболее суровых, ну а тем, что любовники доверяли ей в пылу откровенности, она щедро делилась с теми, кого считала своими настоящими друзьями — жандармскими офицерами.

Сами революционеры не допускали и тени сомнения в надежности Жученко, так что, если бы не предательство ее бывших коллег по полицейскому цеху, Коваленского и Меньщикова, она трудилась бы

Зинаида Жученко

ла мне, что она больше ждать не может, что она покончит самоубийством, если ей не дана будет возможность покушаться на Рейнбота». Из письма М. Д. Сладкопепцева В. А. Бурцеву. ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 35, 36 об.

¹² На совести П. Г. Курлова, помимо расстрела митинга в Минске в 1905 г. и роли в организации «охраны» П. А. Столыпина в Киеве в 1911 г., были прелюбодеяние (увел жену у своего подчиненного) и участие в деле о подделке завещания князя Огинского отцом и сыном Вонлярлярскими. К характеристике П. Г. Курлова см. также: *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 268, 273, 281.

¹³ См. подробнее: *Невский С. А.* О злоупотреблениях в Московском градоначальстве в начале XX в. (дело Рейнбота А. А. и Короткого В. А.) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 191–195.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 10 об.

¹⁵ Там же. Л. 39. См. также док. № 6.

и дальше. Жадный до откровений Бурцев обещал проваленной со-труднице жизнь в обмен на информацию¹⁶, но Жученко не только от-казалась предать своих бывших начальников, но и вступила со своим обвинителем в долгий спор. Переписка между этими двумя неприми-римыми врагами длилась несколько лет. Наибольшую интенсивность она носила в первые месяцы после разоблачения Зинаиды Федоровны. Главной целью Жученко было разрушить стереотипные представле-ния революционеров, да и всего оппозиционного лагеря в целом, о се-кретном сотруднике как о провокаторе и продажном человеке. Кроме того, переписка с Бурцевым, как, по-видимому, казалось секретной со-труднице, должна была оттянуть кровавую развязку, в реальности ко-торой она не сомневалась.

Интерес Бурцева подогревался тем, что он был шокирован встре-чей с идейной защитницей режима («Я не отрекусь никогда, — я по-прежнему верю во все, чему служила»¹⁷, — с вызовом писала Жученко). Для него сама возможность добровольного и сознатель-ного сотрудничества с властью до этой встречи казалась чем-то не-реальным, и потому он и после разговора с разоблаченной, понимая, что ни раскаяния, ни откровений о своих начальниках из охраны от нее ждать не приходится, продолжал бомбардировать её десятками писем, сиюсь понять и все же не решаясь поверить: «Вы славосло-вите Коттена, Климовича... но неужели они для вас являются люди-ми идеи — хотя бы монархической? Странно — они для меня не толь-ко люди “проигранного” дела [...], но люди лишь карьеры, не только ужасны по роду деятельности, но ужасны по тому, что они лично вно-сят в эту деятельность. Сколько я знаю, почти все они лично виноваты в самых ужасных вещах и не в состоянии доказать хотя бы личную кор-ректность свою в выполнении некорректной жандармской деятельно-сти. Вы мне противного не докажете, я уверен в этом. Вы живете в ту-мане самообмана, если думаете о них как о героях долга, как о людях идеи... Какие тут идеи!.. И что же вы так розово смотрите на двух-трех Коттенов и Климовичей, или их, по-вашему, много? Мне странно даже слышать эту апологию»¹⁸.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 132 об. См. также: *Bekentnisse der Sinaida Zutschenko... P. 2.*

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 114 об.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. ОО. 1906 г. Д. 1019. Л. 48 об.

Сама Жученко не скупилась на разъяснения своей позиции, всякий раз яростно протестуя против применения к ее действиям термина «провокация»: «Я шпионка, я доносчица, я лазутчица во вражеский лагерь — все что хотите. Но не провокаторша»¹⁹. Поверил ли в итоге Бурцев в ее честность, принял ли ее аргументацию, остается до конца неясным. В своей статье, опубликованной в декабре 1910 г., он писал: «Читая письма г[оспо]жи Жученко, слушая рассказы лиц, беседовавших с ней, невольно спрашиваешь себя: верить ей или не верить? Все ее рассказы кажутся такими правдивыми, отдельные слова и фразы так последовательны, так стройно вытекают одно из другого, что начинаешь думать: Верить! Надо верить! И сейчас же берет сомнение. Как? Верить? Да не она ли так искусно 15 лет обманывала тех, с кем вместе работала?»²⁰.

Однако, когда первый взаимный интерес этих двоих стал угасать, свежесть впечатлений поблекла и, наконец, стало понятно, что мести со стороны революционеров не будет²¹, переписка практически сошла на нет. Кроме того, Бурцев в декабре 1909 г. на несколько месяцев уехал в США. В фонде Бурцева отложилось только два письма от Жученко за зиму 1909–1910 гг. Но с мая 1910 г. их переписка возобновляется. Поводом к этому, по-видимому, послужил суд над максималистом М. Рипсом, секретным сотрудником, годом ранее стрелявшим в своего руководителя и друга Зинаиды Федоровны М. Ф. фон Котена. Эти письма проливают свет на дальнейшую судьбу идейной секретной сотрудницы царского политического сыска.

А между тем она жила тихо и уединенно в Берлине на внушительную пенсию от русского правительства, пока не началась Первая мировая война. Берлинская полиция, некогда поддерживавшая хорошие отношения с царской охранкой, была осведомлена о роли Жученко и с началом войны немедленно арестовала ее как потенциальную шпионку, а заодно и ее подросткового сына. Следующие несколько лет она провела в концентрационном лагере, без средств.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 68.

²⁰ Волков Н. [Бурцев В. А.] З. Ф. Жученко-Гернгросс // Русские ведомости. 1910. 22 дек.

²¹ Что послужило причиной тому, что Жученко удалось избежать расправы, до сих пор не вполне понятно. То ли ее идейная позиция внушила такое уважение противникам, что у них не поднялась на нее рука, то ли противники, переживавшие не лучшие времена (на момент разоблачения Жученко эсеры были фактически разгромлены) попросту не сумели организовать покушение.

После освобождения ее ждали новые испытания: отношения с сыном Николаем испортились, он не разделял убеждений матери и, еще будучи юношей, ездил в гости к Бурцеву, над чем тот не преминул позлорадствовать²². Теперь же Николай решил ехать к отцу в Туркестан²³. Неизвестно, удалось ли ему добраться до места назначения, — в России грянула революция.

Получив первые известия о перевороте в Петрограде, застрелился столь любимый Зинаидой Федоровной Зубатов. Спустя несколько дней остервенелая толпа в Гельсингфорсе разорвала фон Котена. Климович был арестован Чрезвычайной следственной комиссией²⁴. Но и Бурцев недолго радовался триумфу своих соратников-революционеров. В ночь на 26 октября Бурцев был арестован по приказу А. Д. Троцкого в своей квартире по адресу: Литейный проспект, 25. Так милостью большевиков он снова оказался в Петропавловской крепости — там же ему доводилось сживать и при царе²⁵. Его соседями были высшие полицейские чиновники, многие из которых вскоре были казнены²⁶.

Бурцев сумел освободиться и уехал в Париж, куда ему снова стала писать Жученко, надеявшаяся с его помощью найти сына, который, по ее

²² В борьбе с провокаторами. Воспоминания В. А. Бурцева. Провокаторша Жученко // Иллюстрированная Россия. 1939. № 19. С. 21.

²³ См. док. № 35.

²⁴ После освобождения Климович бежал на юг и в 1918 г. явился в штаб Добровольческой армии. С назначением генерала Врангеля Главнокомандующим ВСЮР был в начале мая 1920 г. назначен начальником Особого отдела штаба Главнокомандующего и помощником начальника гражданского управления. В августе 1920 г. генерал Врангель передал в его распоряжение всю государственную стражу. После эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. проживал в Белграде. Скончался 5 июня 1930 г. в русской больнице в Панчево.

²⁵ В. А. Бурцев сидел в Трубецком бастионе с 19 октября 1885 г. по 8 февраля 1886 г. (Пантелеева Т. А. В. А. Бурцев. Личная история, политическая и общественная деятельность в 1882–1907 года. Уфа, 2008. С. 48–49).

²⁶ В заключении Бурцев попросил поместить его в камеру рядом с камерой бывшего директора Департамента полиции сенатора С. П. Белецкого, чтобы иметь возможность перестукиваться с ним. Увлеченный беседами с Белецким, Бурцев не пожелал воспользоваться свободой, которую новая власть ему предоставила, и, когда Белецкого перевели в больницу «Крестов», он просил перевести его туда же. Там они содержались в одной палате и даже лежали на смежных койках (Манухин И. И. Воспоминания о 1917–18 гг.: Моя деятельность помощи заключенным во время революции // Новый журнал. 1958. Кн. 54. С. 97–116). 5 сентября 1918 года Белецкий вместе с другими государственными деятелями Российской империи был расстрелян в Петровском парке в Москве.

сведениям, принял участие в Гражданской войне в России. Не получая от Николая вестей, она решила, что тот погиб. Кроме того она активно интересовалась судьбой писателя и военкора газеты «Русские ведомости» Н. С. Зезюлинского (псевдонимы — Николай Каржанский, В. Качанов)²⁷.

В 1924 г. Бурцев получил от своего «честного врага» последнее письмо²⁸. Жученко писала, что сын ее вернулся живой и невредимый, а сама она живет в Льеже и продает билеты на танцы. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Бурцев скончался в оккупированном немцами Париже 21 августа 1942 г. По воспоминаниям дочери писателя А. И. Куприна, он до последних своих дней «продолжал неумоимо ходить по опустевшему, запуганному городу, волновался, спорил и доказывал, что Россия победит...»²⁹.

Данная публикация включает в себя 44 документа: письма Жученко к Бурцеву с мая 1910 г. по октябрь 1924 г., а также другие документы из фондов ГА РФ, характеризующие ее положение после разоблачения. Особый интерес представляет переписка бывших коллег и руководителей Зинаиды Федоровны (в числе которых и С. В. Зубатов), возникшая в связи с необходимостью обеспечения ее средствами во время заключения в концлагере в Германии в годы Первой мировой войны.

№ 1. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

25.5.[1910]

Schulstr[asse], 14^{IV}

Познавши «ужас» охраны, Вы, обладая историческим чутьем и добросовестностью историка, стремлением к истине, должны знать, чувствовать, что правда, история и³⁰ за нами. Мое бывшее³¹ сотрудничество, в частности, показывает Вам, что на службе Деп[артамента] п[олиции] есть честные, убежденные противники всех наших преступных, якобы революционных сообществ, в ужасы коих Вы тоже заглянули глубоко. Это все Вам, м[ожет] б[ыть], ново, но не считаться с фактами Вас не допускают Ваши честность и смелость мысли. Отсюда и Ваше желание раз-

²⁷ См. док. № 35, 36, 38, 39.

²⁸ См. док. № 44.

²⁹ Куприна К. А. Куприн — мой отец. М., 1971. С. 149.

³⁰ Здесь и далее в публикации подчеркивание документа.

³¹ Слово «бывшее» вписано над строкой.

говора со мной. Оно мне ясно. Не для пополнения же всех «ужасов», имеющихся у Вас уже в избытке от рассказов пристрастных, трусливых перебежчиков и предателей, желаете Вы говорить со мной!

И Вам д[олжно] б[ыть] понятно мое желание побеседовать с Вами, только с Вами. Дело за мной. К числу 14 июня нов[ого] стилия я сообщу Вам, когда и где мы сможем повидаться. Жаль, что пригласить Вас сюда не позволяет мне ...³² моя добросовестность ... Подождите, значит, до 14-го июня.

Не будете ли столь добры прислать мне Ваши новинки: у Frowein'a³³ кроме № 3 «Об[щего] Д[ела]»³⁴ ничего нет. Или не так легко создать даже хоть общую газету со всеми нашими освободителями, всех направлений и оттенков³⁵, за работу против коих Вы так горячо клянете меня?! ... Не сочтите за злорадство: хочу лишь лишний раз показать Вам, что в Вашем освободит[ельном] лагере — гнило и мертво. Или «произвол и ужасы охраны» виной нашей пустыни?!

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 202–203 об. Автограф.

№ 2. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

21.6.[1910]

Schulstr[asse], 14

Я не удивляюсь, что Вы не поспешили и мне написать: «je suis tout à fait enchanté d'être secondé»³⁶ ..., что от Вас нет выражения Вашей безмерной радости по поводу оправдания Рипса³⁷, <вернее говоря, по по-

³² Здесь и далее отточие документа.

³³ Издательство Эберхарда Фровейна (Eberhard Frowein Verlag) — берлинское издательство, основанное в 1910 г.

³⁴ Газета «Общее дело» издавалась В. Л. Бурцевым в Париже в 1909–1910 гг. Ее основной идеей было объединение различных оппозиционных сил в борьбе с самодержавием.

³⁵ Отсутствие «новинок» Бурцева объясняется, во-первых, тем, что с декабря 1909 г. по май 1910 г. он находился в длительной поездке в США, во-вторых, проблемами с финансированием, которое Бурцеву все же в итоге удалось отыскать (Henderson R. Vladimir Burtsev and the Struggle for a Free Russia. Bloomsbury, 2017. P. 154–157). В 1910 г. выйдет № 4 «Общего дела» и № 13 журнала «Былое», а также сборник документов о русско-японской войне (Бурцев В. Л. Царь и внешняя политика. Виноники русско-японской войны. Berlin, 1910).

³⁶ Я очень рад, что меня прикомандировали (*фр.*).

³⁷ О деле М. Рипса см. подробнее: В борьбе с провокаторами. Воспоминания В. Л. Бурцева. Дело М. Рипса // Иллюстрированная Россия. 1939. № 22. С. 15, 18–19.

воду хода всего процесса. Радость по поводу оправдания Р[ипса] вполне естественна, конечно!>³⁸ (В оправдании мы никогда и не сомневались!) Мне это понятно, очень хорошо понятно. Ваше молчание в данном случае подтверждает мое давно сложившееся мнение о Вас к[а]к о человеке, не безнадежно ослепленном шумихой революционной фразеологии и — главное — как о человеке добросовестном. Что Вы должны были выразить *Le Matin*'у³⁹ *vos impressions excellentes*⁴⁰, также, как и Вильям должен был наговорить массу неприятных вещей по адресу Мих[аила] Фр[идриховича]⁴¹ — это мне тоже понятно, и моего мнения о Вас не меняет. И я очень рада, что Вы добросовестно воздержались от выражения всех Ваших *réjouissances*⁴² по моему адресу. Ваше молчание говорит мне, что и у Вас осталось впечатление, [что] на скамье подсудимых была не только русская полиция... Не думай Вы так в глубине Вашей души, Вы не преминули бы написать мне о «проигранном деле», о всяких «накануне» и о поражении Деп[артамента] пол[иции] и о прочих жалких вещах.

Поэтому Ваше молчание меня очень и очень радует и очень много говорит мне.

З. Жученко

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 204–205 об. Автограф.

№ 3. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

25.6.[19]10

При Вашей осведомленности Вы должны бы были знать, почему М[ихаил] Фр[идрихович] не был у Вас⁴³. Вместо этого Вы и здесь

³⁸ Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой.

³⁹ «*Le Matin*» — французская ежедневная газета, выпускаемая в 1884–1944 гг.

⁴⁰ Ваши особые впечатления (*фр.*).

⁴¹ Вильям — адвокат М. Рипса. «Вильям говорил два с половиною часа, подробно доказывал ссылками на свидетелей и многочисленные факты, что русское правительство иначе как путем провокации бороться с революцией не может, что полковник фон-Коттен всегда, будто бы, широко и умело пользовался провокаторами, по указанию и примеру своего, будто бы, ближайшего начальника генерала Герасимова, и что поэтому удостоверение его, что правительство провокации не допускает, не заслуживает доверия» (Краткий отчет о судебных заседаниях парижской «*Cour D'Assises*» по делу Рипса 14 и 15 июня 1910 г. ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1909 г. Оп. 239. Д. 220. Л. 211–221 об.)

⁴² Торжества (*фр.*).

⁴³ В борьбе с провокаторами. Воспоминания В. Л. Бурцева. Дело М. Рипса // Иллюстрированная Россия. 1939. № 22. С. 18–19.

усматриваете столь желательную для Вас неспособность защищать то, «что не м[ожет] б[ыть] защищено». По этому поводу я укажу Вам в сотый раз на то, что Вы ни разу еще в своих ко мне письмах не защищали всех деяний и выступлений той так называемой партии с.-р., против коих я работала. Отлично помню все, что Вы писали мне. Такой защиты нет! От Вас, как я Вас себе представляю, таковой и быть не может. Но все это я буквально сто раз писала Вам и не получила ни слова возражения. И не письмами, очевидно, исчерпать этот вопрос. (Слух о возвращении С[ергея] Вас[ильевича]⁴⁴ на службу пустила «Речь»⁴⁵. С[ергей] В[асильевич] серьезно болен. Как он писал мне — должен придерживаться режима «покойника». Просит Вас не писать).

Приехать к Вам не могу. С первого июля буду в Fürstenberg in Mecklenburg, Havelstr[asse], 15. Если бы Вы хотели написать мне, то адресуйте на мое имя.

Но мне кажется, что письмами нам нечего сказать. Личной беседе была бы всегда рада.

Z. Schutschenko

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 24–25 об. Автограф.

№ 4. Письмо З. Ф. Жученко полковнику Е. К. Климовичу⁴⁶

24.9.[19]10

Очень благодарю Вас, мой дорогой друг, за вырезку из «Р[усского] слова»⁴⁷. Эта газета — очень осведомленная сплетница. Я читала мно-

⁴⁴ Имеется в виду С. В. Зубатов.

⁴⁵ «Речь» — ежедневная газета либерального направления, выходившая в 1906–1918 гг. в Петербурге (Петрограде).

⁴⁶ Имеется сопроводительное письмо Е. К. Климовича С. Е. Виссарионову от 30 сентября 1910 г. (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 109.)

⁴⁷ «Русское слово» — ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета либерального направления, выходившая в Москве в 1895–1918 гг. В сентябре 1910 г. в газете было помещено несколько материалов о Л. П. Меньшикове, вырезки которых Климович мог переслать Жученко: Новый разоблачитель — Леонид Меньшиков // Русское слово. 1910. 1 сент. С. 3; Разоблачения Леонида Меньшикова // Там же. 2 сент. С. 3; Меньшиков: беседа с В. Л. Бурцевым // Там же. 4 сент. С. 2; Леонид Меньшиков (по личным воспоминаниям) // Там же. 5 сент. С. 4; Леонид Меньшиков о самом себе // Там же. 11 сент. С. 2; 18 сент. С. 2; 19 сент. С. 3; Материалы Меньшикова // Там же. 12 сент. С. 3.

го в др[угих] газетах и в немецких тоже. Изгоев⁴⁸ в «Речи», к[о]т[о]-рый является легальным граммофоном того не существующего ныне, что можно назвать ПСР, очень утешительно говорит, что Меньщиков⁴⁹ возбуждает гадливое чувство⁵⁰. Ну, нравственным возмущениям — цена грош в данном случае, но это показывает, что Ваше предположение, [что] Меньщ[иков] мог бы работать в революц[ионной] организации — едва ли осуществимо!

Кто возьмет его к себе?! Меня больше занимает заметка в здешней прессе, [что] русское правительство, якобы, встревожено намерением сего субъекта что-то там опубликовать. Главный вред от него — наличие: мы, проваленные! Остается, следовательно, пресловутое дискредитирование и прочая пальба из пушек по воробьям. Но и это ведь лишь минутное волнение и одно времяпрепровождение! Ничего не изменится; главное всегда останется — сотрудники есть и будут, а следовательно, и банда не сможет поднять высоко головы. Интересно знать, когда это вошло в обращение слово — провокация? Кажется, с 1905 г. И вот с тех пор нас обвиняют всегда в провокации. И пусть! От этого обвинения Деп[артамент] пол[иции] еще не рушился. А что другое может говорить, разоблачить Меньщ[иков]? Остается только радоваться, что предатель известен.

Все многочисленные провалы сотрудников — их причины, хочу сказать⁵¹, — азовский и мой особенно, показывают, что ваша всех⁵² си-

⁴⁸ Александр Самойлович Изгоев (наст. фамилия — Ланде) (1872–1935) — политический деятель, публицист, один из лидеров партии кадетов, участник сборника «Вехи».

⁴⁹ Леонид Петрович Меньщиков (1869–1932), народоволец и агент Департамента полиции. В 1885–1887 гг. член народовольческого кружка, будучи арестован в 1887 г., дал откровенные показания, после освобождения поступил на службу в Московское охранное отделение; с 1903 г. работал в Особом отделе Департамента полиции. В 1905 г. тайно сообщил партии эсеров о деятельности секретных сотрудников Азефа и Татарова. В 1907 г. вышел в отставку, поселился в Финляндии. В 1909 г. эмигрировал во Францию, установив связь с Бурцевым.

⁵⁰ Возможно, имеются в виду следующие слова Изгоева: «Провокаторские герои даже тогда, когда они, как г. Леонид Меньщиков, являются Азефами наизнанку и наносят тяжчайшие удары тому полицейскому строю, которому служили, не возбуждают общественных симпатий. Для морального чувства Леонид Меньщиков[...] невыносим». (Изгоев А. С. Литературно-общественный дневник // Речь. 1910. 19 сент. (2 окт.) С. 2.)

⁵¹ Слова «их причины — хочу сказать» вписаны над строкой.

⁵² Так в документе.

стема преследования шаек с.-р. и проч. К^о — жизненна и плодотворна. А это громадное утешение! Говорю это с убеждением, зная теперь, откуда шли все разоблачения, предательство.

Сами собой мы никогда не провалились бы при Вашем, Мих[аила] Фр[идриховича] и др. ведении агентуры. И мне даже смешно, что Вы могли хоть только остановиться на вопросе, не были ли Вы причиной моего провала!!! От предателя не упасется никто.

Бурцев прислал мне рукопись статьи обо мне⁵³, предоставляя мне милостиво корректуру. В начале ее он рассказывает, что к нему в 1908 г. явился один известный общ[ественный] деятель из России, знакомый с Коваленским⁵⁴. Деятель этот передал Бурцеву слова Ковал[енского] — «удивительно доверчивы с.-р. — у них в Москве работает женщина, выдавшая заговор в 1894 г. на Государя и служащая и ныне в Деп[артаменте] пол[иции]», но меня по имени не назвал. Началось следствие, искание — и остановились на Бэлле⁵⁵!!! Говорили и обо мне, но некот[о]р[ые] подозрительные факты м[огли] б[ыть] объяснены провокацией вокруг меня!!! (Вот как хороши были мои фонды!)

Решили послать человека к Коваленскому и просить назвать женщину (очевидно, после самоубийства Бэллы) — он назвал — Гернгросс. (Это приблизительно в январе 1909 г.) Далее Бурцев рассказыв[ал], что в июне 1909 он был неделю в Савоие с Меньщ[иковым], который тогда был еще очень скуп в сообщениях (привожу точно слова Бурцева). Раз Б[урцев] говорит М[еньщикovu], Жученко — аг[ент] — провокат[ор] — у него, Б[урцева], есть данные. Тогда только М[еньщиков] подтвердил, что я агент. — Так излагает Бурцев мой провал.

⁵³ Эта статья о Жученко будет опубликована Бурцевым в декабре 1910 г. в газете «Русские ведомости» (Волков Н. [Бурцев В. А.] 3. Ф. Жученко-Гернгросс // Русские ведомости. 1910. 19, 22 дек.)

⁵⁴ Вероятно, имеется в виду С. Д. Урусов.

⁵⁵ Под именем помета карандашом: «(Лапина)». Лапина Эстер-Лея Менделевна (псевд. Татьяна Лапина, Бэла) (1876–1909) — член Боевой организации ПСР, возглавляла собственный боевой отряд («отряд Бэлы»). После появления информации о том, что среди членов партии есть женщина, работающая на Департамент полиции, подозрения пали на нее, что привело в итоге к тому, что 17 мая 1909 г. Лапина покончила жизнь самоубийством. Подробнее об этом см.: Морозов К. Н. Борис Савинков: опыт научной биографии. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 187–194.

О, если бы не Меньщиков! Тяжело, мой друг, не быть у любимого дела! Безо всякой надежды вернуться к нему.

Вероятно, и Вы вспоминали наш разговор втроем (с Мих[алом] Фр[идриховичем]) год тому назад, — наше искание «туза». Будь Меньщ[иков] этим тузом, а я лично всегда буду думать, что история Рипса, его стрельба — дело выдачи его иксом! Меньщ[иков], конечно, здесь ни при чем.

Но хорошо, что хорошо кончается: Мих[аил] Фр[идрихович] здравствует — слава Богу и доньне!

Я бросила было писать Бурцеву, ибо в конце концов он, как ванька-встанька, все вопит о моей «провокации», — но на днях прислал начало рукописи, выдержки из моих писем и просит меня «исправить и дополнить», оставляя за собой право высказать обо мне его мнение, — словно это право кто-ниб[удь] может у него взять, когда он сидит за рубежом! Исправила, конечно, всякие нелепости и написала, что мнение его в высокой степени безразлично, раз он говорит заведомо неправду, как о деле Фрумы⁵⁶, напр[имер], и если он — у угоду с.-р. — извращает известные и ему факты.

Следую Вашему совету — занимаюсь Николайчиком⁵⁷ и хозяйством, но не читать газет — попробуйте! Проживи я еще сто лет, мой горячий интерес к нашему миру не остынет, как и у Вас, мой друг! Только что не хандрю сейчас, нет скуки. Живется нам вдвоем очень, очень мило. О «сильных ощущениях» заботится Коля! Как сейчас, напр[имер], — у него десятидневные осенние каникулы, путешествует неделю с Wander-Vogel⁵⁸ и взял тайком свою *pistole*! Подстрелит еще кого-нибудь!

⁵⁶ Фрума Мордуховна Фрумкина (1873–1907) — член партии эсеров, террористка. 28 февраля 1907 г. в Большом театре в Москве должно было состояться покушение Фрумкиной на московского градоначальника А. А. Рейнбота. По донесению Жученко Фрумкина была арестована, и покушение не состоялось. Фрумкина была приговорена к смертной казни и в июле 1907 г. повешена. Под «заведомой неправдой», вероятно, имеется в виду, что в первоначальном варианте статьи Бурцев писал о роли Жученко в этом деле как провокатора.

⁵⁷ Николай — сын Жученко.

⁵⁸ Вандерфогель («Перелётная птица», нем.) — наименование различных немецких и немецкоязычных культурно-образовательных и туристических молодежных групп и клубов, впервые появившихся в 1896 г. и существующих по сей день.

С большой любовью и благодарностью вспоминаю о Вас. Хорошее время было в Москве, но теперешняя моя идиллия всецело дело Ваших рук⁵⁹.

Всего, всего лучшего!

Ваш друг З[инаида] Ж[ученко]

Сердечный привет милым Екатерине Петровне и Бобику⁶⁰.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 110–113 об. Автограф.

№ 5. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

26.9.[1910]

Приехать к Вам не могу. Вы ко мне тоже, остается, следовательно, прежний, малоубедительный способ разговора — письмо.

Но мне кажется, что и после нашей личной беседы Вы продолжали бы смотреть на мою бывшую деятельность только через очки благородного, принятого негодования и вольного или невольного пристрастия. Прочтя Ваш крик о правде в письме к Сергею Васильевичу⁶¹ и зная тогда уже много о Вас из всяких источников⁶² (года 3–4 назад я, было, вообразила себе, что у Вас-то, по кр[айней] мере, в руках что ни на есть вернейшие аптекарские весы нелицеприятия, что Вы способны сделать, считаясь с фактами, верную историческую оценку всех явлений нашей жизни, связанных с так называемыми революционными сферами и охранным отделением (ведь только эта сфера интересует меня, и только о ней я говорю с Вами и только в ней я вращалась)). Прочтя же летом отчет о процессе Рипса, вижу, что и Вы погрешаете

⁵⁹ З. Ф. Жученко была назначена пожизненная пенсия в размере 3 600 руб. в год. ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 97–98.

⁶⁰ Слова «Сердечный привет милым Екатерине Петровне и Бобику» вписаны в верхнем поле первого листа письма. Имеются в виду жена и сын Е. К. Климовича — Екатерина Петровна, ур. Тютчева, и Борис Евгеньевич Климович (род. в 1905 г.).

⁶¹ Вероятно, речь идет о словах В. Л. Бурцева в письме к С. В. Зубатову 8 декабря 1906 г.: «Я ищу истины. У меня на первом плане констатирование объективной правды, а именно — ее величества Правды. Как пьяница ищет водочки, так я ищу правды. В процессе констатирования фактов — правды — этой правды, у меня ступшевывается очень многое. Я спокойно могу выслушивать все, анализирую все и, выслушавши всех и все, я делаю выводы. [...] Мне надо знать жизнь, как она была и как она есть. Вне правды у меня нет ни бога, ни богов.» (Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты: среди охранников, жандармов и провокаторов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 59–60.)

⁶² Слова «из всяких источников» вписаны над строкой.

против очевиднейшей истины, Вам известной, против фактов и продолжаете обвинять меня в организации государственных преступлений. Речь Виллема⁶³ дает мне право сказать Вам это. Ведь это Вы глаголили устами его, без Ваших информаций он и имени моего не знал бы. Ну, хорошо: мне верить нельзя вообще. Это мне было бы понятно. Но ведь имели же Вы время и случай говорить с Марг[аритой] Грунди и ее мужем Вл[адимиром] Внор[овским]⁶⁴, с М. Сладкопепцевым⁶⁵ и др. Они не лгут и не могут приписать мне инициативы их собственных преступлений. Ведь не даром же Арс[ений] Бельский⁶⁶ охарактеризовал меня Котену, к[а]к глупую, совершенно несамостоятельную «революционерку» и проч. А Бельский знал меня с 1905 г., знал хорошо, и мнение это не его личное, а всей московской организации с.-р. Обо всем этом я писала Вам не раз. И Вы знаете все это, должны знать. Но по инерции ли, или по сознательной, нужной Вам передержке, Вы продолжаете твердить шаблонное обвинение. Ваше сознательное нежелание признать горячо исповедуемую Вами истину я и личной беседой не выгоню из Вас. Знаю, наша личная беседа уменьшила бы в большой степени застывший у Вас в определенную форму Ваш ужас перед сотрудниками и много в отдельности⁶⁷. Но проживши целый год после моего провала — тяжелый год! — я еще больше окрепла в своем всегдашнем равнодушии к мнению обо мне широкой публики. Ваше мнение имеет громадную ценность для меня только тогда, когда Вы не являетесь одним из этой публики, когда Вы имеете мужество, вопреки установившемуся мнению, белое назвать белым, а не черным; когда Вы являетесь действительным историком, беспристрастным, а не

⁶³ См. примечание № 41.

⁶⁴ Супруги Владимир Устинович Вноровский и Маргарита Самуиловна Грунди-Вноровская — члены боевой организации ПСР.

⁶⁵ Михаил Дмитриевич Сладкопепцев — эсер. В 1906–1907 гг. возглавлял боевую дружину московского областного комитета ПСР, где при нем секретарем работала Жученко.

⁶⁶ Арсений Александрович Бельский (1875 — после 1943) — врач-офтальмолог, эсер. После ареста в 1909 г. вступил в сотрудничество с полицией (начальником московского охранного отделения М. Ф. фон Котеном). (Зинаида Жученко: из воспоминаний А. В. Прибылева. [Пг.] : Былое, [1919]. С. 28–36; Галимова Ю. Ш. Офтальмолог А. А. Бельский: жизнь и деятельность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 25–34.)

⁶⁷ Так в документе.

публицистом слепого подполья. При удобном Вам и Вашей К^о случае опять будете гласить, «Жуч[енко] организовывала» и проч[ую] ересь. Как видите, я начинаю равнодушно относиться к Вашим умозаключениям — иначе написала бы Вам еще летом, сейчас по прочтении отчета о процессе Р[ипса]. Нет у Вас чистых источников. Предатели, да еще трехкратные, к[а]к Л. Меньщиков, — вот Ваш компас. Присущее Вам — я продолжаю так думать — чутье Вы заглушаете в себе и говорите вопреки известным Вам фактам. Это еще хуже. Искала в Вас судию праведного — обрела «так хочу» коня бледного⁶⁸. Обращаюсь посему к собственному судье — совести, собственному пониманию роли эсеров в нашей жизни и к мнению единомышленников.

Составляя Вашу статью, не вспомните ли Вы, что Вы до сих пор должны мне одно возражение: стать на путь сотрудника, обречь себя на гражданскую смерть и проч., меня побудило только горячее убеждение мое, что царевийцы 1 марта, все последующие Вани Распутины⁶⁹, Михаилаы Гоцы⁷⁰ и их присные — одна из причин скорбных страниц жизни нашей родины и, исходя из этого моего убеждения, я честно, без минимума провокации, работала к устранению этой причины, этого тормоза.

Сколько раз я просила Вас доказать мне, что мое убеждение ошибочно, что все эти господа явились действительно творческой силой, и столько же раз Вы обходили благоразумным молчанием мою просьбу, вина меня лишь, что я губила все, что Вам дорого, ни разу не желая обратить Ваше внимание на мое заявление, что все наши так наз[ываемые] революционеры эсеровского толка и являются, в моих глазах, по моему самому искреннейшему, горячему убеждению с самой ранней юности и до конца дней моих, разрушителями именно того, что дорого не только Вам, а и мне!!! <Указали бы Вы мне иной способ устранения этой причины, чем сотрудничество! Тогда и разговор другой

⁶⁸ Фраза «Я так хочу» несколько раз встречается в повести Б. В. Савинкова «Конь бледный» в качестве объяснения главным героем своей террористической деятельности. (Ропшин В. (Савинков Б.) Конь бледный. Мюнхен : А. Найманис, 1974. С. 23, 83, 123, 132.)

⁶⁹ Иван Спиридонович Распутин — глава революционного кружка, члены которого были арестованы в 1895 г. за подготовку покушения на Николая II. Среди арестованных участников кружка была и сама Зинаида Жученко.

⁷⁰ Михаил Рафаилович Гоц (1866–1906) — один из лидеров партии эсеров и ее боевой организации.

был бы. Вы скажете: слово! Чтобы переубедить нашу публику, нужен пламенный пророк, ни разу еще не бывший, и то, его слово прозвучало бы в пустыне!..>⁷¹

На все это, самое главное, самое исходное моего сотрудничества, Вы ни разу не обмолвились ни словом. Только об этом бы я и говорила бы с Вами. Правда, единственный раз за весь год Вы робко проронили одно слабое возражение: «неужели Вы не видите, сколько красивого в них, с.-р.» — написали Вы мне прошлой осенью. Если только этой «красивостью» можете защищать все беснования с.-р., то плохи же фонды «ПСР». На это я ответила Вам в свое время. Вот в том-то и дело, что мне дано видеть сущность вещей, будь они еще «прекраснее», чем все красивые жесты с.-р. (Конь бледный кишит ими!) Прогресс не двигается такими. Это и гимназисты знают! Что с.-р. и К^о руководятся в их преступлениях искренним желанием добра родине — знаю я это! Не отрицаю! Но целесообразности, положительных результатов не вижу я от их работы. Вот об этом-то Вы молчите. Ваше молчание я дерзаю принимать за согласие со мною! Ваш же обход этого щекотливого для Вас вопроса и Ваше упорное обвинение меня в мракобесии и дает мне законный повод начинать думать, да не все ли равно, что напишете Вы обо мне, Вы, Бурцев, чующий, знающий святую правду и историческую истину, горячо исповедующий ее и ... Вы, к[о]т[о]р[ый] или обходите ее, или — что еще горше — устами иностранца гласящий совершенно противоположное этой истине!..

Великолепно понимаю, почему Вы до сих пор желаете говорить лично со мной: все пристрастные рассказы перебежчиков из-за всяких страхов иудейских оставили в Вас скверный осадок фальши, неправды. Во мне Вы чувствуете человека искреннего и правдивого; все Ваши раскопки не только нашего мира, но и эсеровского показывают Вам, что «гнило многое и многое в Дании»⁷² с.-р. Или это не так? Или Вы сможете убедить меня, что все чисто, все свято в мире с.-р., вообще всех сообществах, присвоивших себе имя революционеров? Едва ли рискнете доказывать это мне, видевшей и знавшей многое, многое. Ни секунды не закрываю глаз на то, что не должно быть, где бы это ни было ... Но лично я-то свободна от упреков в недобросовестности. Вы думаете, я слепа,

⁷¹ Текст, заключенный в угловые скобки, вписан между строк.

⁷² Имеется в виду реплика Марцелла из 4-й сцены 1-го акта трагедии У. Шекспира «Гамлет»: «Подгнило что-то в Датском государстве».

наподобие с.-р.? Но никакие Меньшиковы не докажут мне фактами, что я провоцировала, я и мои начальники, от Зубатова и до Котена.

Кстати, Зубатову была сделана операция и предстоит новая в Москве, а «Речь» вопит, что он на службе!

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 197–200 об. Автограф.

№ 6. Письмо полковника Е. К. Климовича вице-директору Департамента полиции С. Е. Виссарионову об А. А. Виноградове

Конфиденциально
27 сентября [1910 г.]
Керчь

Глубокоуважаемый Сергей Евлампиевич!

Происшедшая со мною в Керчи странная встреча заставляет меня написать Вам деловое на этот раз письмо, т. к., может быть, лицо, о котором я Вам сообщу, и заслуживает внимания, если только скудность политических впечатлений здесь не заставляет меня его переоценивать.

В бытность мою в Москве я иногда слышал от Зинаиды Федоровны, что у нее есть друг «кадетствующий», который знал, что до 1904 г. она была сотрудницей, но который не знает того, что она продолжает ту же роль и после 1904 г., и что она с ним в личной дружбе.

Деликатность не позволяла мне настаивать на том, чтобы узнать это священное для З[инаиды] Ф[едоровны] имя, но ныне случай свел меня с этим лицом в Керчи, причем оказалось, что «друг» этот Александр Александрович Виноградов, преподаватель зубоврачебной школы в Москве, врач, проживающий на Поварской в д[оме] графа Шувалова.

Виноградов попал ко мне в качестве эпидемического врача во время холерной эпидемии на два месяца и сразу я почувствовал, по запаху, в нем человека другого лагеря, несмотря на его угрюмость, необщительность, весьма серьезное и корректное отношение к делу.

Воспользовавшись случаем, я вызвал его осторожно на разговор о Зинаиде Федоровне в момент, когда он хотел сам завести о том же речь. У него получилось впечатление, что я от З[инаиды] Ф[едоровны] знаю про него положительно все, чего на деле не было⁷³, а потому

⁷³ Слова «чего на деле не было» вписаны над строкой.

он и говорил без хитрости прямо. К сожалению, мне помешали зондировать его хорошенько, но я вынес впечатление, что это весьма серьезный с.-р., который может нам сослужить роль «маяка» (кстати, еще неиспользованного) при работе в Москве при приездах туда лиц из центра с.-р.

Он, по-видимому, был слишком близок к З[инаиде] Ф[едоровне], и чувство в нем боролось с долгом эсера. Однако он определенно мне заявил (примите во внимание мое оф[ициальное] положение), что «изъял бы» З[инаиду] Ф[едоровну], если бы знал ее роль. Страшно оскорбился, когда я сказал, что М. Спиридонова⁷⁴ как личность не заслуживает уважения, и дышал ненавистью к полиции (в принципе) и к власти. Между прочим, у него сорвалось, «что репутация его в известных кругах слишком определенная».

Человек этот как личность исключительная по силе воли и непосредственности натуры, и я ему верю, что у него репутация определенная, а потому он стоит Вашего внимания. Откровенность его объясняю тем, что, вероятно, он полагал, что от З[инаиды] Ф[едоровны] я все про него знаю. Я же думаю, что она много узнавала от него и что он был одним из источников ее осведомленности, которым она пользовалась для меня, но который скрывала из личных чувств⁷⁵, почему и нахожу нужным обратить на него Ваше внимание, но очень прошу быть с ним осторожным, чтобы не поставить и меня в неловкое положение напрасно и⁷⁶ раньше времени. З[инаиду] Ф[едоровну] я зондирую письмом и сообщу, что из этого выйдет.

В Керчи Виноградов виделся с неким Васильевым, пользующимся репутацией эсера, и ни с кем больше [в] сношения не входил. Может быть, это и мелочь, но в старину у меня из мелочей выходили хо-

⁷⁴ Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) — революционерка, террористка, член ПСР. В 1906 г. смертельно ранила тамбовского губернского советника Г. Н. Луженевского, была приговорена к смертной казни, замененной на бессрочную каторгу. В 1917 г. освобождена. Принимала активное участие в революционных событиях 1917–1918 гг., будучи одним из лидеров левых эсеров. С 1918 г. подвергалась репрессиями со стороны большевиков (несколько раз была арестована и приговорена к ссылке). В 1937 г. Спиридонова была приговорена к 25 годам тюремного заключения. В 1941 г. была расстреляна вместе с другими политзаключенными Орловской тюрьмы, где она отбывала наказание.

⁷⁵ Слова «из личных чувств» вписаны над строкой.

⁷⁶ Слова «напрасно и» вписаны над строкой.

рошие дела, и в хорошем хозяйстве все годится. Возможно, что тонкое (в нужное только время) наблюдение за Виноградовым и пер[люстра]ция дадут немного того, что давала нам З[инаида] Ф[едоровна]. В агентуру крестить его было бы безрассудно, т. к. это не пройдет. Простите, что беспокою Вас, но думаю, что и это может пригодиться. Искренно жму руку Вашу и сожалею, что Вы не откликнулись на приглашение жены.

Ваш Е. Климович

Помета: Получено от Л. А. Сенько-Поповского⁷⁷ 15 января 1911 г. по личн[ому] приказанию г. заведующего — к делу 15/1.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 120–121 об. Автограф

№ 7. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

28.9.[19]10

Конечно, меня в высокой степени больше чем интересует, что Вы напишете. Гл[авным] образ[ом], не лично из-за себя, а [из-]за той идеи, которой я служила. Ваше годовое отмалчивание на мое самое главное объяснение своего сотру[дничест]ва, мое заявление, тревожно заставляет ожидать опубликования Вашей обо мне статьи. Поэтому и пишу; пишу опять то же самое, имея Ваше заявление, что писать могу Вам всегда; не моя вина, право, что повторяюсь.

Экая досада, что я не могу приехать к Вам!

Не раз мне приходилось встречаться в печати с замечаниями о тяжелых годах и явлениях после 1 м[арта] [18]81 г.; из-под пера не из нашего лагеря, но как, напр[имер], В. Богучарский⁷⁸ очень часто и подробно останавливается на этом вопросе в своих работах. Отчасти меня не изумляет, что никто еще из Вашего лагеря не назвал вещей своими именами, не сделал логического, верного исторического вывода, не указавши на то, что террор с 1 м[арта] [18]81 г. и является именно одной из главных причин многих страданий нашей родины; что многие наши бедствия и недуги — только следствия «энергии отчая-

⁷⁷ Сенько-Поповский Леонид Александрович — с 1907 г. служил по ведомству Министерства внутренних дел, в 1911–1916 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, откомандирован в распоряжение товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов; и. о. секретаря при П. Г. Курлове и В. Ф. Джунковском. В 1916–1917 гг. и. о. Черноморского вице-губернатора.

⁷⁸ Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич (1860–1915) — историк революционного движения, один из редакторов журнала «Былое».

ния» горсти безумцев. Что они руководились идеальными побуждениями, отнюдь не делает их поступков благотворными для родины. Заметьте, пожалуйста, я в течение года говорю Вам — одна из причин; что я не взваливаю на всех террористов всяческих толков ответственности за все. Если Вы дадите себе труд стать на мою точку зрения, хоть только поверить мне, что я так верю (а сомневаться в этом Вы теперь-то хоть никак не можете), то все мое сотрудничество, чуждое провокации — уцелевшие с.-р. свидетели тому — должно потеряться в Ваших глазах тот ужас, коим Вы проникнуты.

Напишите хоть теперь, почему Вы ни разу не вошли в рассмотрение этих моих заявлений? Я знаю, без натяжки Вы не сможете мне доказать, что не будь 1 м[арта] и последующих подобных явлений, России еще хуже было бы... Но Вы ведь сами говорите мне, хотите охарактеризовать меня и понять верно, — поэтому я так и настаиваю на Вашем ответе. Раз Вы этот вопрос обходите, то все Ваши крики о том, что я губила дорогое каждому любящему родину не из-за своекорыстия — оставляют меня равнодушной. Лично — близко, и не лично, конечно⁷⁹, задевает только то вечное непонимание и партийная пристрастность, которые органически, кажется, присущи всем вам и от которых свободным я все же до сих пор считаю Вас. Поэтому последнему и пишу Вам. А все другие, знаю, только одно и могут сказать — раз ты служил в Деп[артаменте] пол[иции], то, значит, подлец и проч.

Адресуйте только на мое имя — Schulstr[asse] 14, Gastenhaus III.

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 215–216 об. Автограф.

№ 8. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

2.10.[19]10

Очень благодарна Вам за присылку начала статьи⁸⁰. По желанию Вашему сделала поправки. С ними Вы ведь должны согласиться. П[отому] что это — факты. Сказать же Вам, что Вы должны согласиться с моим уверением, побудительными причинами моего сотрудничества не были эгоистические, материальные — как это Вы

⁷⁹ Слова «и не лично, конечно» вписаны над строкой.

⁸⁰ Речь идет о статье Бурцева о Жученко, которая будет опубликована в газете «Русские ведомости» 19 и 22 декабря 1910 г.

вдруг пишете мне⁸¹ в Вашем последнем письме (у меня есть письмо Ваше, где Вы говорите мне совершенно противоположное) — я, конечно, не могу. Не могу, п[отому] ч[то] фактов, опровергающих Ваше шаблонное обвинение, представить Вам не могу. Я получала жалованье. И это, в Ваших глазах, доказательство продажности моей совести. Я могу до скончания веков говорить Вам, исходным побуждением моим была уверенность в зловредности т[ак] наз[ываемых] революционеров, без жалованья я, за неимением личных средств, служить не могла — и все же Вы с большой убедительностью для всех, буквально всех — я это хорошо знаю — и такой же, может быть, и для себя самого — будете говорить о 30 сребрениках. Но почему же Вы писали мне зимой 1909 [года] совершенно обратное?! На это, к[а]к и на многое другое, ответа от Вас не последует... По-знакомившись отчасти с Вашим душевным обликом из Ваших писем к С[ергею] Вас[ильевичу]⁸², я была уверена, что Вам дана редкая способность, редкий дар схватывать то, словами не передаваемое, что составляет сущность каждого человека; что Вы, кроме того, благодаря Вашему близкому знакомству с отщепенцами нашего лагеря, стоите на единственно правильной точке зрения: не все черно, что исходит из нашего лагеря, и что Вы, не окончательно загнипнотизированный революц[ионным] вероучением, способны сделать верную оценку личности, фактов. Это вообще. В частности же, я лично тогда же еще, во время моего разговора с С[ергеем] В[асильевичем] во Владимире, знала, что если Вы придете ко мне с обвинением, как буду держать себя, что говорить. Судьба была милостива ко мне. Мое желание исполнилось. Postfactum могу сказать Вам, что мне не так легко было спокойно остаться на месте, после Вашего визита. Но своим корректным поведением я хотела завоевать Ваше полное, безграничное доверие. Некоторые Ваши слова⁸³ в письмах говорят об этом. И вдруг, к[а]к ванька-встанька — опять та же сказка о 30 сребр[ениках], вопреки Вашим же собств[енным] словам! Что это? Вольное или невольное затмение? Это ли совесть беспристрастного историка, летописца, это ли «правдивое сказание»? Наедине

⁸¹ На полях примечание карандашом: «Писала Вам и 28.9».

⁸² В. А. Бурцев и С. В. Зубатов вели переписку с 1906 г. (Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 50–102.)

⁸³ Над строкой вписано: «Они у меня!»

с самим собой Вы знаете отлично, что я говорю только святую правду! Ну, а для печати выходит как-то само собой совершенно иное... По выходе из института передо мною были открыты все пути; матер[иальный] вопрос никогда не играл никакой роли; нужды я не терпела; деньги оставляют меня до сих пор совершенно хладнокровной. Будь я до них жадна, у меня был бы теперь «капитал» из моего всегда огромного жалованья. Никакой роскоши я себе не позволяла, п[отому] ч[то] склонности к эпикурейству нет ни на грош, до сих пор нет и не будет. Но это не доказательство, знаю. Не верите, и все. Мне это очень больно. И как бы нам увидеться? Мож[ет] б[ыть], тогда бы убедились что не прикрашиваю⁸⁴. Некрасиво, а придется сказать: скольким с.-р. я помогала! О многих случаях знают только заинтересованные. Статья в «Былом» С. Р. об Азефе совершенно правильно рисует безотрадную картину⁸⁵. Я бы лично прибавила бы многое. Так, к[а]к я, не делают жадные до золота. (Делала я так не из-за «провокации», а по человечеству, от души!)

Но, испиши я на эту тему целую тетрадь,
Вы будете стоять на своем!

Воспоминаний не пишу. Вы их не напечатали бы! Опровергнуть факты, живые в моей памяти, Вы не смогли бы, ну а беспристрастие не идет так далеко, чтобы предать гласности некоторые⁸⁶ странички из бывшего с.-р. К тому же мне втуне пришлось бы призывать вновь свидетелей, очевидцев, уверять, и проч. — Вы видели бы в моих воспоминаниях лишь одну окутавшую Ваше воображение провокацию. Отдельные вопросы можете всегда поставить.

Также и биографию не хочу писать. Главные штрихи Вы знаете. Повторю только, что муж мой не знал о моем сотруд[ничес]тве.

Выходя за него замуж, я решила уйти от агентурной работы. Когда у него возникли подозрения, я решила уехать совсем из России. Жи-

⁸⁴ Так в документе.

⁸⁵ Имеется в виду тяжелое материальное положение членов партии. (С. Р. Мои отношения к Азефу // Былое. 1909. № 9–10. С. 177–190). В письме к Бурцеву от 4 октября 1910 г. Жученко указывает, что автор этой статьи — эсер Степан Николаевич Слетов (1876–1915).

⁸⁶ Слово «некоторые» вписано над строкой.

ла в Лейпциге 6 лет, вне всяких знакомств. В 1905 г. вернулась в Москву. Все это Вы уже знаете из моих писем. Писала Вам и о том, что мое замужество — единственный факт, который является в моих глазах большим грехом. Или я д[олжна] б[ыла] сказать мужу, что я — агент. Исключая этот этап моей жизни, совесть моя не может упрекнуть меня ни в чем.

Даже скучно, а я все к старому. Почему до сего дня не скажете ни слова о моей точке зрения на роль с.-р.?

Вы могли бы сказать мне, не стоит входить в рассмотрение какого бы то ни было принципиального вопроса с «провокатором». Сделать этого однако не можете, ибо неоднократно первый писали мне, хотите лучше, вернее понять меня; для этого же Вам нужно принять во внимание мой исходный путь. Да, Вы видите только своекорыстие, к[а]к пишете мне. На этом мы могли бы и покончить, но Вы ведь часто писали мне, говорили мне, что интересуетесь мной, к[а]к изв[естным] типом; наконец, что для меня главное, признавали мое идейное служение — по всему этому, думается, я могу добиваться от Вас ответа. Или ответьте хоть, что не желаете говорить об этом со мной. А то словно не получаете моих писем.

Неужели так-таки и напишете, что я «устраивала покушение Фрумкиной на Рейнбота с провокаторскими целями»⁸⁷? Перечтите мои прежние письма; поговорите с Маргаритой Грунди, Анной Павл[овной] Прибылевой⁸⁸. Первая сидела в Бутырках с Фрумой и знает из разговоров с ней, что Фрума пошла в театр вопреки veto ЦК, вопреки М. Сладкопевцеву, и что я лично сильно уговаривала Фруму подчиниться велению ЦК о временной приостановке террора. Даже револьвер она достала помимо организации. Я, к[а]к агент, сделав все усилия отклонить ее намерение, оказала ей только пустяшную услугу⁸⁹. Где же

⁸⁷ В итоговом варианте статьи, напечатанном в «Русских ведомостях», этих слов нет, о роли Жученко в этом деле как провокатора не говорится. Видимо, замечания Жученко на статью были Бурцевым учтены.

⁸⁸ Прибылева-Корба Анна Павловна (1849–1939) — революционерка, член Исполнительного комитета «Народной воли», член партии эсеров.

⁸⁹ Под «пустяшной услугой» имеется в виду то, что Жученко перед несостоявшимся покушением пришила Фрумкиной внутренний карман для револьвера. В опубликованном варианте статьи Бурцева в «Русских ведомостях» о пришивании кармана не упомянуто. Однако в более поздней статье о Жученко Бурцев все же пишет об этом: «Она была посвящена в дело покушения Фрумкиной на Рейнбота. Когда она отпра-

здесь провокация в Вашем смысле? Неужто же пустите заведомую неправду? Не хотелось бы верить. Не за себя, а за Вас... Мне не раз приходилось доказывать, что каждое утверждение Ваше — только истина; что Вы выступаете с заявлениями, основанными на фактах. Помню, не зная Вас лично, во время азефской истории, когда на Вас сыпались со всех сторон обвинения⁹⁰, я и тогда всегда была того мнения, что и высказывала всем⁹¹, что Вы говорите только о фактах. И теперь на самой себе должна начинать думать, [что] и Вы — когда это удобно — способны уклониться от истины? Было бы очень обидно, не за себя (меня все равно вся публика во всех смертных грехах винит), а за Вас, искателя истины и стойкого, без намордника ЦК, борца за нее! Вы, напр[имер], спрашиваете меня в письме от 30.9, что мне о Вас говорил Котен. Вас, значит, в некоторой степени интересует, что о Вас говорят люди не Вашего толка. Поэтому и могу указать Вам на то мое неловкое положение из-за Вас, в котор[ое] Вы поставите меня, если отпечатаете, что я устраивала и проч.: ведь мы-то знаем сущую правду хотя бы о той же Фруме, и поэтому Ваше заявление о моей организаторской роли в ее покушении будет против моей веры в Вашу правдивость, моей так горячо защищаемой всюду вере в Вас. Je m'enfiche⁹² — м[ожет] б[ыть], скажете Вы! Так тогда зачем спрашиваете, что о Вас мне рассказывал Котен; зачем тогда писали мне: «Я хочу, чтобы вы все верили мне на слово»? Видите, о Вашей репутации идет речь моя. Что скажете на это?

Зачем пишете Вы Сергею Васильевичу? Повторяю, он просил меня передать Вам — не пишите ему. Он болен. Ему нужен покой. При встрече могли бы много беседовать о нем. Неужели Меньшиков не представит Вам С[ергея] В[асильевича] в настоящем его виде? О Меньщ[икове] мы узнали из газет. Лично я впервые слышу его имя.

ляла Фрумкину в театр, где та должна была стрелять в Рейнбота, то она пришивала ей карман для револьвера, и сама же сейчас донесла на нее». (Бурцев В. Л. В борьбе с провокаторами // Иллюстрированная Россия. 1939. № 19. С. 20.)

⁹⁰ Когда Бурцев выступил с разоблачением Е. Ф. Азефа, лидеры партии эсеров первоначально не поверили в то, что Азеф мог быть секретным сотрудником. В результате Бурцев подвергся нападкам со стороны эсеров, над ним был устроен суд, на котором он обвинялся в клевете на Азефа.

⁹¹ Слова «что и высказывала всем» вписаны над строкой.

⁹² Мне все равно (*фр.*).

—

Как провела этот год? Тяжело было. Отойти в сторону из-за предательства, не по собственной вине, от общественной жизни — всегда останется тяжелым. Привыкнуть, сжиться с этим нельзя. Служи я из-за 30 сребр[еников], то горечи не было бы, конечно! Но при моем отношении к делу, при моей верности моим взглядам и убеждениям, говорю Вам открыто — тяжело! Но «сумерки, ночь беспросветная»⁹³ и прочие прелести, которые призывала Ваша ненависть на мою голову — далеко, далеко от меня! Обывательщина не имеет входа ко мне, в душу; а главное — у меня есть личная жизнь — мой Николайчик, которому я нужна. И смотреть на жизнь сквозь глаза собственного ребенка, ей Богу, редкое счастье, истинное счастье, на склоне лет! И в этом отношении я, может быть, обязана Вам, Вл[адимир] Л[ьвович]: несмотря на Вашу страстную ненависть, Вы как-то пожелали мне истинного счастья. А что не может быть действительнее пожелания врага, коим Вы считаете себя по отношению ко мне?! Друзья же мои не только иногда, к[а]к Вы предсказывали мне, но всегда и всячески помнят меня, хотя я и не нужна им⁹⁴. И что может быть радостнее, как не остаться до конца верным, чему служил! Перемену, из убеждения, взглядов отнюдь не считаю несчастьем. Но это также возможно для меня, к[а]к если бы «матушка Волга да вспять побежала». Тяжело жить в Германии. Из-за сына мирюсь. Но ведь и Вы должны жить на чужбине! Знаю, сколь это сладко. Вы живете надеждой накануне возвращения туда легальным, свободным, а я из-за Коли едва ли вернусь: заключают его.

Может быть, все же ответите мне, о чем прошу?

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 213–214 об. Автограф.

№ 9. Из письма З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

[Октябрь 1910 г.]⁹⁵

Понимаю, что Вам трудно писать обо мне. Иначе давно уже сдали бы в печать шаблонную «черную страницу освободительного движения». Но я же ведь достаточно писала Вам, без фальши и укрыва-

⁹³ Вписано под строкой: «Ваши слова».

⁹⁴ Вписано под строкой: «Опять Ваши слова из “Об[щего] д[ела]”».

⁹⁵ Датируется по содержанию документа.

тельства. Не моя вина, что Вы недостаточно внимательно читали мои письма. Любопытно, какое *Dichtung und Wahrheit*⁹⁶ изобразит литератор, о коем Вы упоминаете⁹⁷. Смею я просить Вас прислать мне Вашу статью и его — пожалуйста!

Если пожелаете написать мне или прислать статью (очень прошу Вас об этом), адресуйте лично мне. (Z. Schutschenko, Ch[a]rl[o]t[e]n-b[u]rg, Schulstrasse, 14) — Р[озы] С[трук]⁹⁸ сейчас нет здесь, а к тому же я отнюдь ни от кого не скрываю, что пишу Вам, и все пишут мне теперь на мое имя.

Конечно, хорошо бы поговорить устно. Тогда Вы не увиливали бы так, как делаете это до сих пор.

З. Жученко

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 217–217 об. Автограф.

№ 10. Письмо З. Ф. Жученко В. А. Бурцеву

4.10.[19]10

Остаетесь при своем? Так и напечатаете, что я организовывала и проч[ее]? Отбрасываю совершенно в сторону мою заинтересованность, и все же меня страшно занимает вопрос уклонения Вами от истины. Понимаю еще, Вы, с Вашей точки зрения, имеете некоторое основание обвинять меня в провокации за мое распространение прокламаций в 1905 г. в Москве. Но мне хочется знать, как можете Вы приписывать то, чего не было? И что Вы знаете, что этого не было. Вы, к[a]к историк, должны дать себе труд расспросить участников — очевидцев, сопоставить их рассказы со всеми моими заявлениями. Как Вы ни смотрите на меня, а не верить мне не можете, и я уверена, что Вы в душе твердо убеждены, что мое каждое слово — правда. Я, к[a]к и Вы, о многом умалчиваю — и не в свою пользу — это Вы тоже знаете. Все, что я Вам писала — только правда. Мне понятно Ваше утверждение, что я работала из-за денег: опровергающих фактов у меня нет. Но писать о провокации вопреки имеющимся у Вас сведениям — это делать не должен был бы историк⁹⁹. Вы будете, м[ожет] б[ыть], сме-

⁹⁶ «Поэзия и правда» (*нем.*) — название автобиографического сочинения И. В. Гете.

⁹⁷ Письмо Бурцева с таким упоминанием в деле отсутствует.

⁹⁸ Роза Струк — близкая подруга Жученко, с которой они вместе жили в Берлине.

⁹⁹ В опубликованном варианте статьи Бурцева в «Русских ведомостях» Жученко провокаторшей напрямую не названа. В статье есть информация о том, что Жученко по-

яться, если я скажу Вам, что не из-за себя я заинтересована, а лишь занимает меня вопрос, что побуждает Вас извращать Былое? Появился статья в таком духе в «Знамени труда»¹⁰⁰ — мне было бы понятно. Но из-под Вашего пера!.. Мне кажется, не Вы составили I часть. Иначе не было бы, правда зачеркнутого, в ней анекдота о «выбежавшем на Ваш звонок мальчике»¹⁰¹, напр[имер]. (Вы его не видели совсем). Это мелочь. Я к ней не придираюсь. Но она показывает мне, что Вы напрасно заявляете мне не раз, [что] желали бы вернее понять меня. Воспроизвела, было, наш разговор, но не отослала, ибо потеряла надежду на Ваше беспристрастие и, как ни дорога мне правда о моей службе, в конце концов, думается, начинаешь думать, а не все ли равно? Но остается сильное желание понять неожиданный зигзаг в сложившемся у меня давно уже¹⁰² представлении о Вас. То ли дело по ее беспристрастию¹⁰³ статья от редакции — автор ее, конечно, Вы — в №11–12 «Былого» (по поводу заметки Слетова)¹⁰⁴! Писала Вам уже, что Ваш транс ненависти, ужаса затемняет Ваши глаза. Этим только и могу объяснить уклонение. Здесь я, понятно, бессильна. Надеюсь на время, что оно даст Вам объективность¹⁰⁵. Прошел целый год. И снова то же. И Вы хотите, чтобы мы Вам верили на слово? «Подождите! Увидите, что Бурцев напишет о Вас вопреки фактам», — возражали мне, когда я так горячо защищала достоверность Ваших заявлений. Кроме того, забыли Вы, что писали мне раз: «... Вы только доказали, что у Вас был минимум провокац[ионного] элемента». Эти

лучала деньги за свою работу на Департамент полиции, но о том, что это было основной мотивацией, также не говорится. Однако в своей более поздней статье Бурцев пишет о Жученко именно как о провокаторше, вынося это слово в заголовок статьи — «Провокаторша Жученко» (Бурцев В. А. В борьбе с провокаторами // Иллюстрированная Россия. 1939. № 19. С. 18, 20–21).

¹⁰⁰ Газета «Знамя труда» — центральный печатный орган партии эсеров, выходивший в 1907–1914 гг. сначала в России, затем — в Париже.

¹⁰¹ Речь идет о сыне Жученко. В итоговом варианте статьи Бурцева этот эпизод остался: Бурцев рассказывал, что когда он впервые пришел домой к Жученко, чтобы сообщить ей, что ему известно о ее работе на Департамент полиции и «допросить» ее, то на его звонок в дверь ему открыл ее сын — мальчик 10–11 лет.

¹⁰² Слова «давно уже» вписаны над строкой.

¹⁰³ Слова «по ее беспристрастию» вписаны над строкой.

¹⁰⁴ По поводу статьи С. Р. «Мои отношения к Азефу»: письма в редакцию «Былого» // Былое. 1909. № 11–12. С. 181–188.

¹⁰⁵ Слова «что оно даст Вам объективность» вписаны над строкой.

Ваши слова — они у меня — не мешают Вам год спустя снова навязывать мне организацию убийства Рейнбота! Хорошо еще, что сняли с меня обв[инение] в орг[анизации] покушения на Дубасова¹⁰⁶! «Ваши руки в крови» — таких страшных слов Вы мне не говорили! Не могли сказать в глаза! Зачем же писать?¹⁰⁷

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 218–218 об. Автограф.

№ 11. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

7.10.[19]10.

1. Кому?¹⁰⁸ Естественно, не могу назвать имени этого лица, ибо Вы прокричите это лицо провокатором. Одно могу сказать — лицо это не партийное; с. р. и др[угим] не сочувствующее, но и сотрудничество не допускающее¹⁰⁹.

2. Кто они? Я же называю имена — Леошкевич, Егор. Где они сейчас — не знаю. Кто еще? Не помню. (Да кого только не подозревали?!). Своих коллег, понятно, не назову¹¹⁰.

3. Прошу признание мною положительных сторон Фрумы не печатать отдельно от последующего: «А именно» и т. д.¹¹¹

¹⁰⁶ 23 апреля 1906 г. по окончании праздничного богослужения в Большом Успенском соборе, в коляску московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова эсер Б. Вноровский бросил бомбу. Адьютант Дубасова граф С. Н. Коновницын был убит, кучер — ранен, а самому адмиралу раздробило ступню левой ноги.

¹⁰⁷ Этих слов в итоговом варианте статьи нет.

¹⁰⁸ Здесь и далее в следующем письме Бурцев задает Жученко уточняющие вопросы к текстам ее писем к нему, несколько цитат из которых войдут в его статью в «Русских ведомостях».

¹⁰⁹ Слова «но и сотрудничество не допускающее» вписаны над строкой.

¹¹⁰ Вопрос относится к словам Жученко из письма к Бурцеву от 2 сентября 1909 г. (ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 94–97 об.): «Я же, к тому, вносила массу порядочности в мою деятельность, к[а]к сотрудник тайной полиции. Этого не станут отрицать мои враги. Как я горячо, беря первое попавшееся на память, защищала всегда невинно подозреваемых (своих, действительных коллег, понятно, тоже!), к[а]к, напр[имер], бедную Леошкевич Марию Ив[ановну], в Москве «Егора» — друга Фрумкиной».

¹¹¹ В своих письмах к Бурцеву Жученко не раз положительно высказывалась о Фрумкиной. Например она писала, что Фрумкина «была редкостная, настоящая революционерка, многие с. р. не достойны развязать ремешка на ее ноге» (ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 97 об.). Здесь Жученко просит не печатать ее положительные высказывания о Фрумкиной без следующих ее слов: «все личные качества, достоинства того или др[ругого] с. р. (в дан[ном] случае, Фрумы) как такового, никогда не могли за-

6. Не понимаю Ваших вопросительных знаков! Не имена же мне называть.

8. В апреле или мае 1895 [г.] арестована с Распутиным. В 1898 году скрылась за границу, в Лейпциг (под чужим именем); оставалась в Л[ейпциге] до 1903 г.; весной этого г[ода] переехала в Гейдельберг; в 1905 [г.] в сентябре приехала в Москву. В 1896 г. весной была сослана в Кутаис, на 5 лет. С 1905 г., осени, до февраля 1909 г. работала в Москве, но с большими перерывами — каждое лето ездила на каникулы сына в Берлин. В Лейпциге не имела знакомств среди русских; на службе не состояла, уйдя с нее уже сейчас после замужества на Кавказе. Так что не 15 л[ет] работала, а всего только года 3–4. С переездом из Лейпцига в Гейдельберг числилась вновь агентом Деп[артамента] полиции.

9. Прошу напечатать этот абзац только в совокупности, т. е. снова прошу не выдергивать отдельных выражений из моих писем.

10. Почему? Да я же говорю: предвидела гражданскую смерть. Тогда, в 1893 г. следовательно, гражданская смерть представлялась действительно страшной, чем-то, что нельзя перенести¹¹². Не вздумайте по шаблону. Он здесь дается Вам сам в руки — объяснить мое отрицательное отношение к нашему «революционному» движению, бывшему пребыванием в институте¹¹³! Институт не оказал на меня никакого влияния. <В нем я давно уже читала Чернышевского, Писарева и всех др[угих]. В нем я была одинока по своим самостоятельным взглядам, интересам. Была даже чуть ли не на подозрении, что я «красная». Много читала в институте; историей всегда интересовалась>¹¹⁴. Но это опять одно из тех моих заявлений, не верить которым Вы имеете право, ибо я их кроме простого заявления ни одним фактом удостоверить не могу. Этот после провала¹¹⁵ год, год особенно интенсивного раздумья, показал мне самое себя, какую я была еще в самой ранней юности. Вижу, что нет у меня способности, склонности увлекаться утопией, какой бы то ни было; нет способности строить воздушные замки; фразеология подпольных бро-

---

слонить у меня, сознательной Вашей противницы, вредность действий этого лица к[а]к политического деятеля». (ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 104–110 об).

¹¹² Здесь Жученко, видимо, отвечает на вопрос о том, почему она колебалась, когда принимала решение о начале работы на Департамент полиции.

¹¹³ Имеется в виду Смольный институт благородных девиц.

¹¹⁴ Текст, заключенный в угловые скобки, вписан над строкой и на полях.

¹¹⁵ Слова «после провала» вписаны над строкой.

шюр никогда не оказывала на меня того гашишного гипноза, который я видела на других; последствия, результаты какого бы то ни было плана, поступка всегда рисовались именно в том виде, в каком они имели место в действительности. На эту тему всего не напишешь. Буду держаться ближе к интерес[ующему] нас вопросу. 1 марта [18]81 г. — особенно яркий пример для меня — тогда уже был таковым — того вечного несоответствия между поставленной целью и историч[ескими] результатами, кое преследует «революционеров» нашей родины. Причины этого мне ясны, по-моему, конечно. Но это другой вопрос.

По трезвости природы всякие фразы не обольщали ни души, ни ума. Невольно искала всегда осязаемого, реального. Скажете — некрасиво! Говорю об этом, чтобы объяснить Вам «загадку». Вспоминается эпизод из детства еще, в имении. Подробно излагать не место, скажу только, помню свое разочарование, когда вместо окруженного ореолом «политического» оказался один беспочвенный мечтатель. А про факты, пережитые мною уже на службе — писала Вам не раз. Держась ближайшего, современного, возьму Вас. Помните, писали мне: «у меня начинается война: выпускаю первый номер “Общ[его] д[ела]”», были страшно заняты, ожидали многого от этого журнала. Передовица первого номера могла дать представление, что, действ[ительно], создается «Общ[ее] д[ело]». Это у нас-то, в России!?! Да наступи у нас хоть сейчас историч[еская] конъюнктура с самыми верными возможностями невозможного у нас, русских¹¹⁶, пока политич[еского] блаженства всякого, то ведь все, кто именует себя у нас в России револ[юционере]рами, пропустят, неминуемо упустят ее: сначала перегрызут себе горло в теоретических спорах, словоизвержениях или, как сказал один извозчик (в Москве [в] 1905 г.) на мое замечание ему, что у нас революция — «Революция? Понавалили столбов! Ни тебе проехать, ни тебе пройти — одно безобразие, а не революция» (Не я одна цитирую слова извозцев¹¹⁷ — делают это люди и поумней меня, коим и книги в руки, к[а]к говорится). Да, так вот, как многообещающе было начало Вашей «войны» и что же: вышло четыре, кажется, номера¹¹⁸. Защиты общего дела в них не вижу; та же обычная нелегаль-

¹¹⁶ Слово «русских» вписано над строкой.

¹¹⁷ Так в документе.

¹¹⁸ Газета «Общее дело» издавалась Бурцевым в 1909–1910 гг. За это время, действительно, вышло четыре номера.

щина, да собрание анекдотов, угроз и...¹¹⁹ список «провокаторов»! А ведь — если не ошибаюсь — это не первый Ваш опыт... создать из хаоса — действие! — могли бы учесть, к[а]к подобает трезвому, реальному политич[ескому] деятелю.

Ваши «полки» — иначе выходит, что единомышленники Ваши — один, и Вы ничего не создадите — те же «миллионы людей» — у СРН¹²⁰. И вот видите ли: я знала — о, как ясно! — во что выльется Ваша прокламация об Общем деле. Говорю это безо всякого злорадства — оно мне чуждо при моей горячей, не мракобесной, не корыстолюбивой любви к родине — к[а]к к «казенному пирогу», а с горечью указываю на Вашем собствен[ном] примере, до чего беспочвенны, утопичны, вне времени и пространства все начинания всех наших тех, кто мнит себя политич[ескими] деятелями — будь это с.-р., к. д., с.-д., Вы, все, все вне нашего лагеря. И указываю — для понимания Вами меня — на то мое свойство, кое дает мне отличить фантазию от конкретности.

Будь все выступления с.-р. одним только времяпрепровождением, а то ведь сколько крови на пути от первоапрельцев до с.-р. наших дней. «Истор[ия] жертв искуп[ления] просит» — верно! Но где же чаемые результаты? Я их не вижу! Обратное действие — да! Просила Вам указать их — Вы отмалчиваетесь (не верю, что Вы их видите, теперь!) Но я повторяюсь. Хотела указать Вам на отлич[ительную] черту своего характера, побудившую меня стать на путь агента. Она прирождена мне. Факты нашей истории питали ее. Сергей Васильевич развил и укрепил ее теоретически. Закулисная сторона эсеровства не доказала недопустимости с абсолютной т[очки] зр[ения] на добро и зло предательства, шпионажа, если хотите. Семякин¹²¹ подметил эту мою черту и предложил мне работать.

Не печатайте, пожалуйста, моих слов о Тане Потаповой¹²². Не беру ничего обратно из сказанного о ней. Но не хотелось бы видеть в печати злую нотку, вложенную мне свежим впечатлением. В ней я уважаю

¹¹⁹ Здесь и далее отточие документа.

¹²⁰ СРН — Союз русского народа.

¹²¹ Георгий Константинович Семякин — в 1881–1895 г. заведующий 3-м Делопроизводством Департамента полиции. Затем вице-директор Департамента полиции, член Совета министра внутренних дел. Умер в 1902 г.

¹²² Татьяна Владимировна Потапова (1871–1932) — член партии эсеров.

личность, не пойдущую никогда на сделку с совестью, что не мешает ей, между проч[им], вредить делу «Вашему», ибо она типичнейшая представительница того семейно-родового уклада ПСР, против коего тщетно протестовали более молодые из с.-р.¹²³

И еще одно, что имеет некоторое значение уже только лично для меня.

В Вашем письме одним Вы отрицаете, что Вами были поставлены мне условия. Но ведь это не так: помните, на второй день Вы были у меня утром, мы условились, [что] я приду в Café; прощаясь в передней, я на какое-то Ваше замечание — не помню точно, какое именно, — сказала Вам: «Да Вы ведь еще не знаете, что я Вам отвечу»? И в Café я сама начала наш разговор словами, что условий Ваших не принимаю, изменой не закончу жизни и проч. Ничего этого я не могла бы Вам сказать, если бы Вами не было поставлено мне условий. На этом я настаиваю, и меня очень изумляет, Вл[адимир] Льв[ович], что Вы отрицаете Ваши слова!

Вспомните-ка хорошенько!

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 221–223 об. Автограф.

№ 12. Из письма З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

[12 октября 1910 г.]¹²⁴

[...]

4. В Вашем недавнем письме Вы обещаете мне не печатать без моего согласия выдержек из моих писем. Могу я Вас убедительно просить не печатать моих выражений по адресу Азева. И вот почему — я не знаю, что есть Азев! Не знаю, где его десница, где шуица. Знаю все о нем, но из печати, от с.-р., от моих друзей — но и они все, и Вы — знаете до конца, что такое Азев? Его побуждения? Его роль? Его — наконец — все поступки? Я — не знаю. Писала это до моей поездки в Петербург. С тех пор пришлось увидеть, что об Азеве каждый — также и в среде с.-р. — говорит разное. Не хочу быть голословной. Ни в чем.

4¹²⁵. Положительно ничего не знаю. А Вы?

5. «Чистая душа» — Вы не поняли, о чем идет речь, иначе не включали бы это для печати. Лично я готова, при беседе т. е., дать Вам объяснение забытого, очевидно, Вами. Пожалуйста, выпустите это.

¹²³ Абзац вписан карандашом.

¹²⁵ В документе рукой З. Ф. Жученко к пункту приписано: «И».

7. И это — не печатайте! По моим чисто личным причинам. Читателям место это ничего не даст. Писала только для Вас.

8¹²⁶. Ну, а это к чему? Будьте добры — не печатайте!

Вообще благодарю Вас за Ваше отношение к моим письмам — я ожидала его от Вас.

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 212–212 об. Автограф.

№ 13. Из письма З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

[Октябрь 1910 г.]¹²⁷

[...]

1¹²⁸. Голодовки совсем не было.

2. Подозрения на меня никогда не было, ни в тюрьме, ни позже, вплоть до предательства меня — по Вашим словам — Коваленским. (И. Распутин может это подтвердить; также и все московские с.-р.)

3. «Позвольте, позвольте, на основ[ании] как[их] докумен[тов]?» и проч[ее] — я не говорила! Это — фантазия! Я великолепно знала, что меня выдали; и также хорошо знала, что Вы не выдадите Вашего агента. К Вашему визиту я была готова с февраля–января 1909 г. Подобного некрасивого вопроса — ответа на Ваше обвинение — я не сделала Вам. Вспомните хорошенько! Я сказала — «не 15 л[ет], а только 3–4 года».

4. Чина г. Семякина не помню.

5. Кушки не знаю¹²⁹.

Родилась 1872 г. 18 октября. Смольный–Александровский институт окончила в 1892 г. В 1893 г., давая уроки у околоточ[ного] надз[ирателя], познакомилась с Г. К. Семякиным. В Петербурге. Переехавши в Москву, познакомилась через Семякина с Серг[еем] Вас[ильевичем].

Остальное Вам известно.

С Тасей Акимовой, женой Ив[ана] Сп[иридоновича] Распутина, познакомилась на коллективных курсах. Без длинных разговоров она и Распутин предложили мне принять участие в их детской, но кровавой забаве. Говорю, забаве, ибо дети, дети они были!!!

¹²⁶ В документе рукой З. Ф. Жученко к пункту приписано: «а».

¹²⁷ Датируется по содержанию документа.

¹²⁸ Здесь Жученко комментирует черновой вариант статьи Бурцева о ней и пишет ответы на его вопросы, которые ему были необходимы для подготовки статьи.

¹²⁹ «С. Кушки не знаю» вписано карандашом.

Только «лавры» Софьи Перовской и Желябова прельщали их. Я и тогда уже сознавала это. Все последующее поведение Вани Распутина говорит за это. О, Господи, и такие дети дерзают вершить судьбы нашей родины! Было бы смешно, если бы это не было так печально. Приехали они оба из Сибири; учиться было скучно, с неясными молодыми стремлениями к добру, истине; у Тази были деньги свободные, от умерших родителей. Только что поженились и в пылу молодого счастья, задора, желания отличиться др[уг] перед др[угом], решили, недолго думая, царевубийство, не больше, не меньше. В их комплот посвятили массу лиц; меня, напр[имер], совсем же не знали. И вели же они дело — без меня были бы арестованы. Среди бела дня Тася таскала банки с азотн[ой] кисл[отой] по конкам. В Сокольниках производили пробный взрыв. Ну, скажите, была ли тогда «политическая необходимость», по Вашему мнению, в подобном госуд[арственном] преступлении??? Но я уже слышу: «Вы губили все, что мне дорого» и баста! А по существу ни гу-гу.

< И что потерял наш русский народ от ареста Распутина и К°?!

А моя «провокация» в этом деле?! Перевести Bertelöt¹³⁰ и другие сумели бы!

Помню, ЦК ПСР только в 1903 или [190]4 г. в одном из номеров «Революционной» мысли» пропел отходную нынешнему государю. Выходит, что я действовала в духе с.-р. в 1894–[189]5 гг., хотя ПСР тогда еще и не было!¹³¹

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 219–220 об. Автограф.

№ 14. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

[Октябрь 1910 г.]¹³²

Лично Вам

Неоднократное упоминание о берлинских филерах в начале Вашей статьи¹³³ наводит меня на мысль, не думаете ли Вы, [что] это было

¹³⁰ Имеются в виду работы французского химика Марселена Бергло (1827–1907), который занимался изучением, в том числе, взрывчатых веществ.

¹³¹ Текст, заключенный в угловые скобки, вписан на полях письма.

¹³² Датируется по содержанию документа.

¹³³ В статье в «Русских ведомостях» Бурцев писал, что на следующий день после того, как он приходил к Жученко домой, утром при выходе из гостиницы он заметил двух филеров.

не без моего участия? А главн[ым] образ[ом], конец Вашего письма (о Ваших ближайших планах) заставляют меня сказать Вам, лично Вам (пожалуйста, не для печати!):

(Я не зову Вас приехать ко мне! По кр[айней] мере, не пишите мне об этом. В августе пр[ошлого] года о Вашем приезде сюда здесь знали раньше, чем Вы приехали (все это я узнала уже в сентябре, позже). Так как я кроме моих русских друзей ни с кем в сношениях не состояла, то о Вашем «нашествии» извещена не была. После Monopol'я¹³⁴ я осталась совершенно спокойно ожидать дальнейшего. Только неделю спустя, после газетных заметок, меня нашли местные власти, через корреспондентов (я прописана не была, нет, была, но фамилия моя была так переврана, что трудно найти было), к[о]т[о]р[ые] знакомы были с одним из них, и он знал раньше обо мне, т. е., что я — Ж[ученко] — живу у Стр[ук]. Вот видите ли, мне было бы очень легко всадить Вас. Но такими подлыми вещами я никогда не занималась, во-первых, а во-вторых, мне было важно сказать Вам все то, что я с таким малым успехом твержу Вам уже год. И зная по опыту прошлого года, к[а]к Вы трубите направо и налево о Ваших поездках, я не зову Вас. Случись тут с Вами что, ведь это я виновата! «Глас народа» мне безразличен, но будете ли Вы уверены, что только Ваша говорливость виной?

Мое отношение к моим во-первых и во-вторых, конечно, то же.

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 228–228 об. Автограф.

№ 15. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

23.1.[19]11

«Или хотите поставить точку в нашей переписке?» — спрашиваете Вы.

Вы ее поставили сами, давно уже. Ибо ежели Вы на мои спокойные, обоснованные, по-моему, обоснованные, заявления, лишь едино отвечаете: «ненавижу! безумно люблю!». Это раз. А во-вторых, коли Вы, якобы беспристрастный историк, заведомую небылицу заявляете ни к селу, [ни] к городу, да еще и устами иностранца (процесс Рипса), и ежели Вы сами себе противоречите в своих ко мне письмах, то что же Вы, как не точку поставили?

¹³⁴ Имеется в виду встреча Бурцева и Жученко в Café Monopol в Берлине на следующий день после их первой встречи.

И как, в сущности, не ответить мне тоже точкой? Как не сказать себе — дала ты маху, уверовав в беспристрастность Бурцева, в его способность разобраться, найти правду, не кричать огулом — каналья ты, ежели «оттуда»! Чего-то вообразила я себе, что Вы правдивое сказанье можете написать. Мало ли, что иногда покажется!

Возьмите Вы лучше всего кусок белого полотна, палитру черную, черных красок и замажьте Вы это полотно этой черной краской, всюю. В правом углу поставьте Вл[адимир] Бурцев, в левом — с подлинным верно — Л. П. Меньщиков или еще кто из Вашего осведомительного бюро, а посередине проставьте мои инициалы. Просто и вразумительно. Для кого только?

«Хочу ближе всмотреться в то, о чем пишу» — говорите Вы далее. Мало, что ль, я Вам дала материалу для этого всматривания? Напрасно, совершенно напрасно полагаете Вы, я не дала б Вам ответа на некоторые Ваши вопросы! Никаких тайн у меня нет. Единственное только — ежели б Вы спросили меня (но такой глупости Вы, конечно, не сделаете), «провокаатор» ли тот Иванов или та Иванова, и я бы знала, положим, да или нет — на это, единственно на это, ответа не последовало бы. И напрасно Вы полагаете, что я стала бы доказывать, что белое — черно, а черное — бело.

Ничего-то Вы не разобрали! А все оттого, что в гипнозе ненависти да обожания пребываете. Прекрасно, ежели человек способен на эти сильные чувства, но коли летописец лишь их за отп[равную] точку берет, то вот и получается иногда именно точка.

И не думаю я, что наш личный разговор мог бы помочь Вам «всмотреться»: по-моему, я Вам все сказала, что хотела, что у меня есть сказать. Сгоряча сказала. Теперь я б больше молчала: что я не «провокаатор» — есть свидетели. А все остальное — да оно себе. Ибо закаятая эта дорога, и не столь я наивна, чтобы ждать, что придет некто и снимет это заклятие. Единое на потребу: собственная спокойная совесть!

«Это у “провокаатора”-го, да совесть», — слышу Вас. И, значит, снова, что ль, сказочку про белого бычка начинать?

Auf die Dauer¹³⁵ — скучноведь!

«Боритесь» Вы лучше дальше! Вы уж простите, а хочется Вас спросить: неужели это Вам — ну как бы это сказать? — ну не коро-

¹³⁵ В конечном счете. (нем.)

бит ли Вас самого, когда Вы читаете в «Париж[ском] Л[истке]» интервью с Вами¹³⁶? Неужели Вы не почувствуете ходульности всех Ваших «твердо решил», «огорчен», «требую» и проч.? Понимаю беседу за чашкой чая, но для печати?!.. Поймите Вы: не то смешно, что Вы «огорчены», да что Вы «ненавидите» — конечно, не это, а что Вы полагаете, что ежели Бурцев «твердо решил», то и решится. Как это у Вас меры вещей нет? Пущать прокламацию в 20–[2]5 лет — это еще понятно, но Вы, к счастью, не дама и о годах можно говорить, значит — сейчас это как-то не пристало, как будто. Бурцев — это имя. Так зачем же разменивать его на бумажные прокламашки?

Поверьте мне: смешно!

Но блаженны верующие.

Ежели, паче чаянья: вскипите Вы на меня за это письмо! Пожелаете Вы написать мне, то адресуйте только так: Z. Schutschenko, Ch[a]r-l[o]t[e]nb[ur]g — Berlin, Schulstraße, 14, Gastenhaus III, ибо живу я с малышом без немочки и писать мне на мое имя, прямо, возможно во всех смыслах.

Фельетон «Русск[ие] Вед[омости]» читала.

Всего хорошего.

З. Жученко

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 225–227 об. Автограф.

№ 16. Распоряжение исполняющего обязанности вице-директора Департамента полиции С. Е. Виссарионова по Особому отделу о предоставлении сведений об идейных секретных сотрудниках

4 июля 1911 г.

Ос[обый] Отд[ел]

Прошу навести справку, были ли случаи, хотя бы за последние пять лет, чтобы кто-нибудь из провалившихся сотрудников, подобно З. Ф. Жученко, заявил бы открыто, что служил идейно.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 124. Подлинник. На бланке.

¹³⁶ Речь идет об интервью Бурцева «Парижскому вестнику» — основной газете русской эмиграции во Франции. См.: О возобновлении дела об Азефе (интервью с В. А. Бурцевым) // Парижский вестник. 1910. № 5 (17 дек.). С. 3. В этом интервью Бурцев заявляет о своем намерении начать кампанию за осуждение Азефа и его покровителей.

№ 17. Справка Особого отдела Департамента полиции об отсутствии разоблаченных секретных сотрудников, открыто заявивших об идейности своей службы

Справка

При осмотре совершенно секретных дел Особого отдела Департамента полиции о лицах, оказывавших секретные услуги розыскного характера по политическим преступлениям в течение последних пяти лет, деятельность коих сделалась известной в противоправительственных организациях, оказалось, что при производстве расследований революционными организациями в целях обнаружения и разоблачения данных о секретной службе по политическому розыску членов организации лишь одна жена врача Зинаида Жученко, бывшая членом партии социалистов-революционеров, при означенных расследованиях безбоязненно и открыто заявила эмигранту-народовольцу Бурцеву, что она, состоя членом партии, служила одновременно русскому правительству из-за идейных побуждений и, будучи фанатически, до самоотвержения, преданной престолу, вполне сознательно относилась к розыскному делу, постоянно заботясь только об интересах этого дела.

Что же касается других лиц, уличенных революционными организациями в том, что они, состоя членами партии, исполняли обязанности агентов Департамента полиции, как то: А. Е. Серебрякова¹³⁷ (псевдоним «Субботина» и «Туз»), жена судебного пристава О. Ф. Руссиновская-Пуцято¹³⁸ (псевдоним «Леонидова» и «Ольга Федоровна»), мешанка Т. М. Цетлин¹³⁹ (псевдоним «Мария Цихоцкая») и другие, то таковые, как видно из дел Особого отдела, хотя и исполняли свои обязанности «идейно», мало интересуясь, будучи убежденными врагами крамолы, получаемым за свою секретную службу по розыску воз-

¹³⁷ Анна Егоровна Серебрякова (1857 — после 1926) — секретная сотрудница Департамента полиции, работавшая в революционной среде со второй половины 1880-х гг. до разоблачения в 1909 г. Арестована в 1923 г., в 1926 г. приговорена к 7 годам заключения, умерла в тюрьме.

¹³⁸ Ольга Федоровна Руссиновская-Пуцято (Путята) — секретная сотрудница Департамента полиции, работавшая в среде социал-демократов. Разоблачена Бурцевым в 1909 г. См.: Бурцев В. А. Провокаторша Путята // Иллюстрированная Россия. 1939. № 16. С. 20–22.

¹³⁹ Татьяна Цейтлин (Цетлин) — секретная сотрудница Департамента полиции в ПСР, разоблаченная эсерами в 1909 г. (Морозов К. Н. Указ. соч. С. 193–197).

награждением, тем не менее, при разоблачении их деятельности, об этом перед членами преступных организаций, а равно и лицам, производившим таковые расследования, открыто не заявляли.

6 июля 1911 года

*Помета: Читал. К делу. 8 и[ю]л[я]*¹⁴⁰.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 125–125 об. Подлинник. Машинопись.

№ 18. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

5.9.[1912]

Ваше письмо получила.

Пишу ль? Но я ж писала Вам три-два года тому назад ясно и определенно. Прибавить или убавить и сейчас ничего не могу. А повторяться — скучно.

Z. Schutschenko

Charlottenburg, Schulstrasse 14.

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 206. Автограф.

№ 19. Письмо и. о. вице-директора Департамента полиции А. Т. Васильева заведующему Заграничной агентурой А. А. Красильникову о необходимости выяснить мнение З. Ф. Жученко о разводе с Н. С. Жученко

Доверительно

№ 112410

2 декабря 1913 г.

Его высокоблаг[ро]дию А. А. Красильникову¹⁴¹

Завед[ующему] Загр[аничной] агентурой

Милостивый государь Александр Александрович,
Врач Николай Сергеевич Жученко обратился в Департамент полиции с ходатайством о выдаче ему удостоверения в том, что жена его

¹⁴⁰ Вероятно, помета сделана С. Е. Виссарионовым.

¹⁴¹ Александр Александрович Красильников (1864–1931). В 1909 г. по протекции П. Г. Курлова начал службу по ведомству МВД, в ноябре был командирован в Париж. С 1911 г. считался чиновником особых поручений при министре внутренних дел, продолжая жить в Париже и исполнять обязанности заведующего Заграничной агентурой. Департамента полиции

Зинаида Федоровна Жученко, находившаяся под надзором полиции, в марте 1898 года неизвестно куда скрылась из гор[ода] Юрьева и по настоящее время находится в безвестной отлучке. Удостоверение это необходимо г[осподи]ну Жученке для возбуждения процесса о разводе с женой.

Сообщая об изложенном, имею честь просить Ваше Высокоблагородие, путем личных переговоров с г[оспо]жей Жученко, узнать ее мнение по поводу настоящего прошения ее мужа и о последующем уведомить меня в возможно непродолжительном времени.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подп[исал] А. Васильев

Помета: А. А. Красильников лично переговорит с Жученко в Берлине.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 126. Копия. Машинопись.

**№ 20. Сопроводительное письмо градоначальника
Керчь-Еникале генерал-майора Е. К. Климовича
директору Департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-
Ипполиту к письмам Д. Злотницкого**

Совершенно секретно

Его Прев[осходитель]ству

В. А. Брюн-де-Сент-Ипполиту

Милостивый государь Валентин Анатольевич,

Имею честь препроводить для сведения Вашего Превосходительства два письма, полученные мною из Москвы от неизвестного мне г[осподи]на Злотницкого, со сведениями о судьбе бывшей секретной сотрудницы, а ныне пансионерки Департамента полиции Зинаиды Федоровны Жученко, урожденной Гернгросс, и ее сына Николая, причем считаю долгом сообщить, что секретная сотрудница З. Ф. Жученко, разоблаченная бывшим чиновником Департамента полиции Леонидом Меньщиковым, в течение более 10 лет своей работы освещавшая деятельность партии социалистов-революционеров, принесла делу политического розыска так много пользы, что деятельность ее в этом отношении являлась совершенно исключительной.

Насколько мне известно, г[оспо]жа Жученко никогда никакого отношения к военному шпионству не имела.

Упомянутая в этих письмах г[оспо]жа Strück¹⁴² есть квартирная хозяйка, у которой проживала в Берлине г[оспо]жа Жученко после своего «провала» и с которой она находилась в весьма дружеских отношениях.

Из числа лиц, служащих ныне в Департаменте полиции, некоторые сведения о личности З. Ф. Жученко должны быть известны г[осподи]ну А. Н. Пешкову¹⁴³.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в искреннем моем уважении и совершенной преданности.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга Е. Климович

№ 1419

15 октября 1914 года

г. Керчь

Пометы: Доложено господину директору Приказано представить госп[одину] вице-директору для переговоров с ген[ерал]-майором Котеном. 22/Х.

Доложено господину директору. Приказано принять к сведению. 28/ХI.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 156–156 об. Подлинник. Машинопись. На бланке.

№ 21. Письмо Д. Злотницкого генерал-майору Е. К. Климовичу о З. Ф. Жученко

3.X.1914 г.

Его Превосходительству генералу Климовичу

Керчь

Москва

Милостивый государь!

Приехал я вчера из Берлина, где я жил у г[оспо]жи Штрук¹⁴⁴. Она просила меня доложить Вам, что госпожа Жученко сидит в Берлине

¹⁴² Имеется в виду Роза Струк.

¹⁴³ Николай Александрович Пешков (1868 — после 1920), окончил Училище правоведения, с 1890 г. — в Петроградской судебной палате; в 1892 г. переведен на службу в МВД, чиновник Департамента полиции; с 1910 г. — чиновник особых поручений при Департаменте полиции; с 1914 г. — в Главном управлении по делам печати; в 1916–1917 гг. — помощник торгового агента при русской миссии в Дании.

¹⁴⁴ Имеется в виду Роза Струк.

в аресте уже три месяца. Четыре недели тому назад арестован тоже ее сын Николай. Если Вам угодно, могу служить подробностями.

С совершенным почтением,

Д. Злотницкий

По адр[есу] Банкирск[ой] конторы З. Э. Кроненблех, Москва.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 159–159 об. Автограф. На почтовой карточке.

**№ 22. Письмо Д. Злотницкого генерал-майору
Е. К. Климовичу о З. Ф. Жученко**

11 октября 1914 г.

Москва

Милостивый государь!

Письмо Ваше от 6-го дня получил и охотно передам Вам подробности относительно г[оспо]жи Жученко.

В Берлине 20 августа я переехал на квартиру г[оспо]жи Струк, где проживал Николай Жученко¹⁴⁵. В это время берлинская полиция с преувеличенной внимательностью интересовалась русскими подданными, и нас почти ежедневно посещали полицейские сыщики.

О г[оспо]же Жученко я тогда узнал, что ее арестовали в ее квартире, где сделан был тщательный обыск, и забрали все бумаги и письма. Г[оспо]жа Ж[ученко] была арестована по доносу своей соседки, которая утверждала, будто бы г[оспожа] Ж[ученко] часто принимала в своей квартире русских, а иногда даже переодетых в дамское платье различных русских мужчин. После моего выезда из Берлина (24 сентября) г[оспо]жа Ж[ученко] сидела еще в одиночном заключении, и все старания г[оспо]жи Струк помочь ей ни к чему не привели, так как г[оспо]жа Ж[ученко] обвинялась в шпионстве.

За неделю до моего отъезда был тоже арестован Николай, как военнопленный, и ему, как военнопленному, сравнительно лучше.

Жизнь г[оспо]жи Ж[ученко] должна быть очень тяжелая. Я сам знаю эту жизнь очень хорошо, так как при объявлении войны был также арестован якобы за шпионство и сидел в Берлине четыре недели в одиночном заключении в военной тюрьме.

---

¹⁴⁵ Сын Зинаиды Жученко.

Опишу Вам несколько подробностей из моей жизни в берлинской тюрьме, и Вы поймете тяжелую жизнь г[оспо]жи Ж[ученко], которая сидит уже там почти три месяца.

Первые три дня мне ничего не давали есть, не выпускали совсем из камеры, не позволяли уведомить о моем аресте сестру мою, которая находилась тогда в Берлине, забрали все имеющиеся при мне деньги и вещи, не оставив даже карманного гребешка.

В 6 часов вечера, когда на улице еще светило солнце, было в камере совсем темно, и не разрешали, даже за свой счет, освещать камеру.

Когда я заболел, просил позвать доктора, но мне отказали.

Только после допроса, когда я судебному следователю пожаловался на их бесчеловечное обращение со мной, положение мое несколько улучшилось, а именно: разрешили мне гулять 20 минут ежедневно по тюремному двору, пользоваться тюремной библиотекой и содержать себя на собственный счет (на четвертый день получил я казенную пищу, но та была отвратительна).

Госпожа Ж[ученко] пользовалась при моем отъезде этими улучшенными удобствами.

Вещи, находящиеся в квартире у г[оспо]жи Ж[ученко], равно как и сберегательная книжка, находятся на попечении г[оспо]жи Струк.

Должен еще заметить, что в Берлине немцу достаточно было указать на подданного неприятельской страны, чтобы полиция того сейчас арестовала как шпиона.

Позволяю себе послать Вам при сем несколько шведских почтовых марок, которые Вам, вероятно, трудно было бы достать. Лучше всего письмо с наклеенной шведской маркой в 20 эров опустить в ящик в Швеции.

Адрес г[оспо]жи Струк: Frau Rose Struck, Berlin-Wilmersdorf, Uhlandstr[asse]. 110/111.

Позволяю еще обратить Ваше внимание, что все письма подлежат в Германии строгой цензуре.

Остаюсь готовый к услугам Вашим,
с искренним почтением,

Д. Злотницкий

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 157–158 об. Автограф

№ 23. Письмо О. М. Франдсен генерал-майору
Е. К. Климовичу о З. Ф. Жученко

13.12.1915

Копенгаген

Его высокопревосходительству генерал-майор[у] Е. К. Климович[у].

Сообщаю Вам, что Зинаида Жученко, урожд[енная] Гернгросс, находится в Берлинской политической тюрьме. Она была арестована 3.8.1914 года (по подозрению в шпионаже в пользу России). Сын тоже несколько месяцев находился в тюрьме, а потом [его] сослали в лагерь «Гольцминден»¹⁴⁶. Дело в том: Зинаида Жученко и ее сын год как живут без гроша. Терпят ужасную нужду. Кормят отвратительнейшей баландой, о которой даже ужасно подумать. Писала она три раза в Департамент полиции, но ни ответа, ни денег. Первый раз через испанские посольство; второй раз через одну даму в Швейцарии и третий раз через жену бельгийского министра Карто де Виарт¹⁴⁷, но никакого ответа. Положение ее ужасное. Я сидела в политической Берлинской тюрьме 7 мес[яцев] и там познакомилась с мадам Жученко. Когда я уезжала, то она просила меня написать Вам и в Департамент полиции и просить денег. Адрес ее: Берлин, Барнимштрассе №10.

Я датчанка, живу всегда с мужем в Москве. Сейчас муж в Берлине ожидает наказания. Работал в пользу дорогой России, которую любит как свою вторую родину. Если желательно Вам узнать [о] Зинаиде Федоровне подробности, то могу сообщить.

Ольга Михайловна Франдсен

<Адр[ес] З. Жученко: Berlin, Barnimstr., 10. Frauen-Militärgewahrsam¹⁴⁸. Frau Dr. Schutschenko>¹⁴⁹.

Резолюции: Спешно р[отмистру] Знаменскому. Вызвать в отделение, переговорить подробно о формах оказания помощи и мне доложить, когда Францен¹⁵⁰ будет в отделении. 18/XII¹⁵¹.

¹⁴⁶ Хольцминден — немецкий лагерь времен Первой мировой войны для интернированных и британских военнопленных, расположенный около одноименного города в Нижней Саксонии.

¹⁴⁷ Анри Картон де Виар (1869–1951) — бельгийский политический и государственный деятель, премьер-министр Бельгии в 1920–1921 гг. В 1911–1918 гг. занимал пост министра юстиции.

¹⁴⁸ Женская военная тюрьма (нем.)

¹⁴⁹ Текст, заключенный в угловые скобки, вписан черными чернилами.

23/XII. Вызвать г. Францен на 28 декабря к 2 ч. дня.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 162. Копия. Машинопись.

**№ 24. Письмо Николая Жученко генерал-майору
Е. К. Климовичу об отправке денег**

Russland

Его Превосходительству градоначальнику фон Климовичу
В Москву¹⁵²

Nikolai Schutschenko

№ 5709

Lager Holzminden

Baracke № 25 a

19.XII.[19]15

Глубокоуважаемый фон Климович. Я нахожусь второй год в плену, лагерь Holzminden. Моя мама в Берлине в Militär Frauengewahrsam, Barnimstrasse, 10. До сего времени я не имею никаких сведений из России. Позаботьтесь, пожалуйста, в Петрограде у наших друзей, чтобы маме прислали денег по телеграфу.

Уважающий Вас Николай Николаевич Жученко.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 171–171 об. Автограф.
На бланке для переписки заключенных.

**№ 25. Письмо З. Ф. Жученко генерал-майору
Е. К. Климовичу об отправке денег**

Russland, Moskau

Генералу Е. К. Климовичу, градоначальнику
г. Москва, Тверской бульвар

Schutschenko Sinaida

Лагерь № 2

Рота I

¹⁵⁰ Так в документе.

¹⁵¹ Резолюция, предположительно сделана начальником Московского охранного отделения А. П. Мартыновым.

¹⁵² Адрес исправлен, первоначально было: «гор. Керчь Таврической губ.».

Baracke 1
Gefangenenlager Havelberg¹⁵³

Havelberg, 31/18 января 1916 г.

Глубокоуважаемый Евгений Константинович, здравствуйте! Обращаюсь к Вам с просьбой о присылке денег. С этого месяца нахожусь в лагере Havelberg, раньше сидела в Берлинской тюрьме. Сын в др[угом] лагере. Если никто не поможет, останусь, вероятно, до конца войны. Без денег очень трудно, я ничего не получаю. Прислать можно сюда. Будьте добры помочь мне. Вам и жене и всем привет.

Преданная З. Жученко

Помета: III Делоп[роизводство]. Прошу переговорить. 1/II.

ГА РФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1909 г. Оп. 29. Д. 666. Л. 7–7 об. Автограф. На бланке для переписки заключенных.

№ 26. Письмо З. Ф. Жученко О. М. Швабо об организации отправки денег

Moskau, Russland

Марии Михайловне Швабо¹⁵⁴

Москва, сыскное отделение, Гнезниковский переулоч

Schutschenko Sinaida
Havelberg

7 февраля¹⁵⁵ 1916

Милая Ольга Михайловна, писала Вам после 13 января из тюрьмы. Пошли Бог Вам сил перенести горе, моя милая! Пишите мне сюда, устройте присылку денег прямо сюда — дойдут. Без средств здесь еще трудней, а я еще ничего не получила. Часто и много думаю о Вас, голубчик. Вам и моим друзьям привет.

Ваша З. Жученко

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 176–176 об. Автограф. На бланке для переписки заключенных.

¹⁵³ Немецкий лагерь для военнопленных и интернированных в городе Хафельберг (Гавельберг).

¹⁵⁴ Видимо, имеются в виду родственницы чина Московской сыскной полиции К. С. Швабо.

¹⁵⁵ Вписано над зачеркнутым: «25 января».

№ 27. Рапорт начальника Московского охранного отделения А. П. Мартынова директору Департамента полиции Е. К. Климовичу о личности О. М. Франдсен и о показаниях, данных ей о З. Ф. Жученко

Совершенно секретно

Лично

5 марта 1916 г.

№ 291 447

Его Превосходительству Е. К. Климовичу
г. директору Департамента полиции

Ваше Превосходительство милостивый государь Евгений Константинович,

Опрошенная по распоряжению Вашего Превосходительства жена датского подданного Ольга Михайловна Франдсен объяснила, что с Зинаидой Федоровной Жученко она познакомилась в конце мая минувшего года в Берлине, в лазарете, где содержатся женщины-военнопленные, и где, как арестованная по подозрению в военном шпионаже, сидела Жученко, и сюда же поместили и Ольгу Франдсен, заподозренную в том же преступлении. Зинаида Жученко подробно рассказала Франдсен про свои отношения к Департаменту полиции, к бывшему начальнику Московского охранного отделения С. В. Зубатову и к Вашему Превосходительству. Крайне нуждаясь в средствах, Жученко просила Франдсен похлопотать за нее в этом направлении, если Франдсен удастся раньше выйти на свободу; при этом Жученко направила свою подругу по заключению в Департамент полиции, к Павлу Николаевичу Лемтюжникову с просьбой о денежной помощи.

В конце января с. г. Ольга Франдсен, по освобождении, прибыла в Петроград и посетила в Департаменте д. с. с.¹⁵⁶ Лемтюжикова, которому и передала просьбу Жученко о деньгах. С этой просьбой д. с. с. Лемтюжников, в свою очередь, рекомендовал Франдсен обратиться к д. с. с. Лерхе, чего последняя не исполнила за краткостью своего пребывания в Петрограде (25–26 января).

К этому Франдсен присовокупляет, что прибыв по освобождении своем из Германии в Копенгаген, она в конце ноября минувшего года

¹⁵⁶ Д. с. с. — действительный статский советник.

(по новому стилю) тотчас же написала о положении Жученко Вашему Превосходительству, а затем, по приезде в Москву, написала о том же и свое второе письмо на Ваше имя — те самые, которые Ваше Превосходительство изволили вручить мне для обследования¹⁵⁷.

Независимо сего, личность Ольги Франдсен известна вверенному мне отделению еще до сего по следующим обстоятельствам:

В конце января сего года Отдельного корпуса жандармов подполковник Тишевский препроводил в отделение копию задержанного военной цензурой письма из Копенгагена от 24 ноября минувшего года на имя В. Зубатова¹⁵⁸ за подписью «Ольга Франдсен», в котором автор, сообщая о том, что Зинаида Жученко содержится в берлинской тюрьме и крайне нуждается в средствах, от ее имени просит ей помочь и указывает берлинский адрес последней и свой в Копенгагене, если адресат пожелает узнать подробности о Жученко. Куда именно было это письмо адресовано — осталось невыясненным, так как подполковник Тишевский возвратил его в военную цензуру, не сняв и не упомянув его адреса.

Розыском по этому письму было установлено, что Ольга Михайловна Франдсен, 24 лет, римско-католического вероисповедания, жена датского подданного, 29 января 1916 года прибыла из заграницы и проживает без определенных занятий в д. № 10, кв. 5, по Машкову пер., где прописана по билету, явленному в Императорском Российском генеральном консульстве в Копенгагене 18/31 января сего года.

23 января, проезжая через ст. Белоостров, Ольга Франдсен заявила, что едет в г. Москву, где ее муж ранее занимался торговлей, был представителем датской фирмы Бурмейстер и Ван, а последние два года — германской фирмы Лонцмагейм, изготовлявшей воздушные корабли конструкции Шютте Ланц¹⁵⁹; эта фирма 2 апреля 1915 года фиктивно переписана на имя швейцарского подданного, фамилия коего ей неизвестна. В ноябре 1914 года она выехала с мужем в Копенгаген, отку-

---

¹⁵⁷ Письмо О. М. Франдсен см. док. № 23.

¹⁵⁸ Так в документе.

¹⁵⁹ Schütte-Lanz (SL) — название серии жестких дирижаблей, построенных одноименной фирмой, являющейся на то время серьезным конкурентом дирижаблей Фердинанда фон Цеппелина. 1 октября 1911 г. первый корабль серии совершил первый полет. Всего было построено 20 кораблей данного класса. 1 октября 1911 года корабль совершил первый полет. 12 октября 1912 года передан германской армии.

да муж совершал частые поездки в Германию, объясняя их покупкой товара. 13 апреля 1915 года он уехал в Германию, а вскоре она получила телеграмму о болезни мужа, почему и выехала в Берлин, где узнала, что муж ее арестован. Она по подозрению в шпионстве в пользу России была также арестована и в течение семи месяцев содержалась в тюрьме, а 18 ноября 1915 года была этапным порядком выслана из Германии. Мужа же ее приговорили к 12 годам каторги.

Приехав в Копенгаген, она, будто бы, узнала подробно о деятельности мужа от человека, который имел с ним деловые сношения, нашла планы, шифр и т. д. и все это уничтожила. При проезде через границу она была обыскана, но обыск никаких результатов не дал.

При личном опросе Ольги Франдсен выяснилось, что по происхождению она — русская подданная из Литвы, уроженка г. Риги, где воспитывалась и проживала до своего замужества. Категорически утверждает, что никаких других писем о Жученко, кроме указанных выше писем на имя Вашего Превосходительства, она никому более не писала.

В заключение Ольга Франдсен представила только что полученное от Жученко письмо из концентрационного лагеря под Гавельбергом, куда ныне переведена Жученко для дальнейшего содержания.

Донося об изложенном, с представлением при сем подлинного письма Жученко из Гавельберга, пользуюсь настоящим случаем засвидетельствовать Ваше[му] Превосходительству чувства моего глубоко уважения и искренней преданности.

Ваш покорнейший слуга А. Мартынов

Резолюция: 6 Дел[производств]о. Прошу справиться в III Дел[производств]ве, посланы ли Жуч[ен]ко деньги и передать приложенное письмо для прав. адреса.

Помета: Доложено господину директору. Приказано принять к свед[ению]. 21/III.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 173–174 об. Подлинник. Машинопись. На бланке.

№ 28. Письмо директора Департамента полиции Е. К. Климовича З. Ф. Жученко об отправке денег

Милостивая государыня Зинаида Федоровна,

Уведомляю Вас, что Вам ежемесячно будет переводиться по сто рублей, так как больше по правилам невозможно.

Сообщите по адресу: Петроград, Фонтанка, 16, место нахождения
Вашего сына, которому также будет оказана денежная помощь.

Евгений Климович

14 марта 1916 г.

ГА РФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1909 г. Оп. 29. Д. 666. Л. 11. Отпуск. Машинопись.

**№ 29. Письмо З. Ф. Жученко директору Департамента
полиции Е. К. Климовичу об отправке денег**

Petrograd, Russland

Его Превосходительству генерал-майору Е. К. Климовичу

г. Петроград, Департамент полиции, Фонтанка, 16

Schutschenko Zinaida

Лагерь № 4

Рота Frauen-Baracken

Gefangenenlager Havelberg

Deutschland

Havelberg, 14/27.3.1916

Bien estimé Евгений Константинович, je vous félicite de votre changement de lieu et je vous souhaite tous les biens. Je serais bien contente de recevoir de vos nouvelles. Je vais aller à Holzminden (Adresse: Lager Holzminden, à moi) chez mon fils. J'ai reçu deux cents roubles, je vous serais bien reconnaissante, si vous m'en enverrez encore. Je suis bien affligée de n'être pas à la maison. Mes meilleurs salutations à vous, votre famille et à Mihail Fridrihowitsch, — comment va-t-il? Mille amitiées de votre Z. Schutschenko.

*Перевод*¹⁶⁰

Уважаемый Евгений Константинович, поздравляю Вас со сменой места жительства и желаю Вам всего наилучшего. Я была бы рада известиям от Вас. Я собираюсь ехать в Хольцминден (Адрес: Lager Holzminden, мне) к сыну. Получила двести рублей, была бы очень признательна, если бы Вы прислали мне еще немного. Мне очень жаль, что я не дома. Мои наилучшие пожелания вам, вашей семье и Михаилу Фридриховичу, как он? Большой привет от Вашей З. Жученко.

¹⁶⁰ Перевод А. М. Лаврёновой.

Резолюция: III [Делопроизводство]. Очевидно, и по 200 р. в месяц будут доходить. Прошу высылать З. Ф. Жученко по 200 р. ежемесячно. 5/IV К[лимович]

*ГА РФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1909 г. Оп. 29. Д. 666. Л. 18–18 об. Автограф.
На бланке для переписки заключенных.*

№ 30. Справка Департамента полиции об отправке денег З. Ф. Жученко

Справка

Согласно резолюции бывшего товарища министра внутренних дел сенатора Белецкого, положенной на адресном листке об Ольге Франдсен с письмом последней о тяжелом положении в Берлинской политической тюрьме Зинаиды Жученко, 8 января сего года были сданы в Центральное справочное бюро о военнопленных Главного управления Российского общества Красного креста 200 рублей от имени Ивана Кузьмича Курочкина для отправки названной Жученко по указанному Франдсен адресу: Берлин, Барнимштрассе, № 10.

Означенные деньги, согласно уведомления Справочного Бюро, были отправлены по назначению 13 января сего года.

15 марта 1916 г.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 1019. Л. 177. Подлинник. Машинопись.

№ 31. Письмо С. В. Зубатова директору Департамента полиции Е. К. Климовичу об отправке денег З. Ф. Жученко

20/ III [1]916

Ваше Превосходительство, многоуважаемый и дорогой Евгений Константинович,

Снова поздравляю Вас с очередным служебным успехом, горячо желая Вам дальнейшего движения на пути службы. Сердечный привет и поздравление глубоко мной уважаемой Екатерине Петровне¹⁶¹.

А я опять к Вам по делу Зинаиды Фед[оровны] Ж[ученко]. 19 марта я получил от нее открытку от б/П с. г. из Гавельберга. Она «сердечно кланяется всем дорогим друзьям», просит «написать письмо или

¹⁶¹ Имеется в виду супруга Е. К. Климовича.

открытку» и сообщает: «Я получила из Петрограда 200 р.» Я в этих недомолвках разобраться не в силах; а между тем письма эти меня волнуют ужасно.

Разрешите просить Вас о следующем:

1) выяснить, куда девалась ее пенсия, Вами ей устроенная? Если за два года ей получено всего 200 р., то где же остальные 5 800 р. из ей причитающихся?

2) установить по Д[епартамен]ту п[оли]ции строгий и неизменный порядок в направлении ей ее денег;

3) рассмотреть мое предложение Д[епартамен]ту: высылать ее деньги мне (о чем предварительно ее уведомить, прося дать доверенность мне перед Д[епартамен]том на получение этих денег), с тем, чтобы я отправлял уже ей от себя надлежащую сумму денег, а Д[епартамен]ту высылал от себя соответствующую квитанцию, как это делается мной сейчас по объявлению Д[епартамен]та от 29 марта 1911 года за № 26871 (по III дел[опроизводст]ву), когда деньги получают мной по переводу через Москов[скую] контору Госуд[арственного] Банка.

Превосходный человек З[инаида] Ф[едоров]на, но с ней творятся в жизни какие-то непостижимые казусы!

Ваше пребывание у кормила Д[епартамен]та и навело меня на мысль — раз и навсегда установить точный и неизменный порядок в получении ей своей пенсии. Вероятно, частному лицу будет легче переводить ей деньги, не пугая особо воображения немцев.

А может быть, эти 200 р. — из новых, отправленных ей Д[епартамен]том? Я бы мог все это выяснить перепиской с ней: к сожалению, письмо идет туда 1½ месяца, да назад столько же — когда же выяснению этому настанет конец?

Адрес ее: Deutschland, Havelberg, Gefangenenlager, lager № 4, FrauenBaracken, 3. Ж. Если давно не высылалось денег ей, нельзя ли тотчас же хоть немного перевести ей через Банк по этому адресу?

Простите за беспокойство, но, ей Богу, не виноват.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне уважающий Вас

С. Зубатов

Москва, Пятницкая, 28, кв. 16.

Резолюции: III Делопроизводство]. Прошу сообщить С. В. Зубатову 1) что все причитающиеся З. Ф. Жученко] деньги хранятся в Деп[ар-

таменте] полиции как ее собственность, 2) что 200 р. были ей высланы Д[епартаментом] п[олиции] по моей просьбе 8 янв[аря] и что про них она и пишет (указать путь высылки), 3) что Ж[ученко] имеет известия о получении этих денег, я все же рискнул выслать ей еще 100 р. в начале марта, 4) что по правилам получ[ения] денег военнообяз[анными], задерж[анными] в Германии, нельзя послать более 100 р. на одно лицо и более 200 р. на семью в месяц, 5) что в этих пределах высылка денег будет мной производиться и впредь, 6) что я в полной мере забочусь об интересах З. Ф. Ж. и 7) что промедление происходит по невозможности своевременно установить связь с ней. 21/III К[лимович]

III [Делопроизводство]. Высылать ежемесячно по 200 р. К[лимович]

ГА РФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1909 г. Оп. 29. Д. 666. Л. 13–14 об. Автограф.

№ 32. Письмо З. Ф. Жученко директору Департамента полиции Е. К. Климовичу об отправке денег

Petrograd, Russland

Его Превосходительству генерал-майору Е. К. Климовичу

г. Петроград, Департамент полиции, Фонтанка, 16

Schutschenko Zinaida

Лагерь № 4

Рота Frauen-Baracken

Gefangenenlager Havelberg

Deutschland

Lager 4.

Havelberg, 10. 4 (28. 3.) 1916

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемый Евгений Константинович, пишу Вам в третий раз на тот случай, что мои первые карточки не дошли. Мое прошение переехать в лагерь к сыну отклонено. Будьте добры прислать мне в Гавельберг денег, буду Вам очень благодарна. Прошу милую Екатерину Петровну написать мне, — карточки и письма из России доходят сюда довольно быстро. Страшно грущу по родине! Кланяюсь Вам, Вашей семье и другу. Желаю Вам всего наилучшего. Ваша З. Жученко.

ГА РФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1909 г. Оп. 29. Д. 666. Л. 22–22 об. Автограф.

На бланке для переписки заключенных.

**№ 33. Письмо З. Ф. Жученко директору Департамента
полиции Е. К. Климовичу об отправке денег**

Petrograd, Russland

Генерал-майору Евгению Константиновичу Климовичу

Петроград, Фонтанка, 16

Зинаида Федоровна Жученко

Барак № 7

Лагерь Гольцминден (Германия)

Kriegsgefangenenlager Holzminden, 3/16.7.[19]16

Глубокоуважаемый Евгений Константинович, получила уведомление о высылке денег 8 июня. Будьте добры направлять их в Lager Holzminden, где я уже три месяца.

Писала уже Вам, что получила открытку Екатерины Петровны и Вашу. Мы живы-здоровы. Горячо кланяемся Вам и милой Е. П., а также Мих[аилу] Фр[идриховичу].

Всего лучшего!

Преданная Вам З. Ж.

Резолюция: III Дел[опроизводст]во. Прошу иметь в виду адрес при посылке денег. 27/ VII К[лимович]

ГА РФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1909 г. Оп. 29. Д. 666. Л. 31–31 об. Автограф.

На бланке для переписки заключенных.

**№ 34. Письмо З. Ф. Жученко директору Департамента
полиции Е. К. Климовичу об отправке денег**

Petrograd, Russland

Его Превосходительству Евгению Константиновичу Климовичу

Петроград, Фонтанка, 16

Зинаида Федоровна Жученко

Барак № 7

Лагерь Гольцминден (Германия)

Kriegsgefangenenlager Holzminden, 7.8.(20.8.)1916

Глубокоуважаемый Евгений Константинович,

Шлем Вам и милой Екатерине Петровне сердечнейший привет. Писали Вам за это время несколько раз. Будьте добры направлять деньги

по моему теперешнему адресу — в лагерь Гольцминден, а не Гавельберг. Получила повестку на 200 р. от 11 июля. Мы живы и здоровы. Дай Бог Вам всего лучшего.

Преданная Вам З. Жученко.

Резолюция: III Дел[производст]во. Для перемены адреса при отправлении денег з[оспо]же Жученко. 12/IX.

*ГА РФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1909 г. Оп. 29. Д. 666. Л. 46–46 об. Автограф.
На бланке для переписки заключенных.*

№ 35. Письмо З. Ф. Жученко В. А. Бурцеву

18.10.[19]19

39, rue du Laveu, Liège

Владимир Львович,

Благодарю Вас за письмо, все сведения, газету и две брошюры.

Значит, Вы дали мне слово умолчать и, веря Вам, я прошу Вас сообщить мне, не знаете ли Вы, где находится в настоящее время Николай Семенович Каржанский-Волков-Зезюлинский¹⁶². Я знаю, что в январе 1917 г. он был в России. С тех пор я ничего не слышала о нем. Если Вы знаете его адрес — сообщите мне его, не говоря ему о моем запросе. Неужели и он погиб от руки большевиков?!..

Для Вашей информации скажу Вам, что политика в этом моем вопросе отсутствует абсолютно, ибо в таком случае я, конечно, никогда не обратилась бы к Вам с этим вопросом. Этого, надеюсь, будет достаточно для Вашей проницательности!

Да, странные вещи бывают. У нас, русских. Это вообще. А что касается положения нашей дорогой родины, то лично я ничему не удивляюсь. Но говорить об этом слишком тяжело.

Как я провела эти годы? Да самым нелепым глупым образом — в плену, вплоть до перемирия. Не знаю, где мой сын. Он был освобожден раньше меня, жил в Ганновере. Оттуда поехал, вернее — хотел поехать, к отцу в Сыр-Дарьинскую область. Пробрался ли он туда, где он сейчас — я ничего не знаю! И не могу никаким образом узнать.

Словом, тяжело... Но личное горе тонет в страдании за Россию.

¹⁶² Николай Семенович Зезюлинский (псевд. Н. Каржанский) (1879–1959) — писатель, журналист, драматург. В 1902 г. вступил в РСДРП, прошел через ссылку, тюрьму, эмиграцию. Во время Первой мировой войны вернулся в Россию, был военным корреспондентом.

Будьте здоровы.

З. Жученко (Joutchenko)

<Как захватывает «S. O. S.»¹⁶³. Как сильно и чудесно высказана вся мука русских. Что, Л. Андреев¹⁶⁴ убит большевиками?>¹⁶⁵.

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 296–297. Автограф.

№ 36. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

12.12.[19]19

Владимир Львович!

В конце октября Вы обещали мне ответить на мой вопрос относительно Н[иколая] С[еменовича] З[езюлинского]. До сего дня я не получила от Вас ответа. Вы не получили мое письмо, вероятно?

Буду Вам весьма благодарна, если исполните Ваше обещание.

Будьте здоровы.

З. Жученко

Liège, 39, rue du Laveu

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 293. Автограф.

№ 37. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

18.12.[19]19

Владимир Львович,

Благодарю Вас за открытку. «Общее дело»¹⁶⁶ я получаю от бельгийцев, вернувшихся сюда из России.

Только недавно узнала, что мой сын примкнул волонтером к англичанам, бывшим на севере России. Не надеюсь, что он еще жив, так как с ноября [19]18 г. от него нет известий. Может быть, когда-нибудь, слу-

¹⁶³ «S. O. S.» («Спасите!») — статья Л. Н. Андреева, опубликованная в газете Бурцева «Общее дело» в 1919 г. и в том же году отдельной брошюрой с предисловием Бурцева. В статье Андреев обращался к народам стран Антанты с призывом при помощи вооруженного вмешательства спасти Россию от власти большевиков (Андреев Л. Спасите! (S. O. S.) / с предисл. Вл. Бурцева. Париж, 1919).

¹⁶⁴ Л. Н. Андреев умер в Финляндии 12 сентября 1919 г.

¹⁶⁵ Текст, заключенный в угловые скобки, вписан на обороте письма.

¹⁶⁶ После революции Бурцев возобновил издание газеты «Общее дело», четыре выпуска которой вышли в Париже в 1909–1910 гг. В сентябре–октябре 1917 г. «Общее дело» выходила в Петрограде, в 1918–1922 гг. и 1928–1934 гг. — в Париже как еженедельная и ежедневная газета.

чайно Вам пришлось бы услышать что-либо о нем — будьте добры известить меня. И не взыщите, что докучаю Вам подобными просьбами.

Было бы очень интересно — для меня — побеседовать с Вами теперь, после двухгодичного выявления и проявления на практике беснования Вашей братии — социалистов. И особенно в области международных отношений, в вопросе войны. Но не письмом говорить об этом.

А лично — никогда моя совесть не была так спокойна, как теперь, слыша и читая (одно Ваше «Об[щее] Д[ело]» чего стоит), куда, в какую трясику и пропасть брошена наша дорогая, наша родная, чудесная Россия хозяйничаньем Ваших единомышленников.

Но это — вопрос о моей совести — лишь между прочим перед нашим общим страданием за нашу родину. Ее спасение придет не с того конца, где Вы его ищите...

Поживем, увидим.

Будьте здоровы.

З. Жученко

39, rue du Laveu, Liège

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 292, 294–295 об. Копия. Машинопись.

№ 38. Письмо З. Ф. Жученко В. А. Бурцеву

13.2.1921

Владимир Львович,

Будьте добры сообщить мне о судьбе Н[иколая] С[еменовича] З[езюлинского], как Вы мне это обещали еще в прошлом году. Или Вы сами ничего не знаете о нем?

Будьте здоровы.

30, rue Edouard Wacken, 30, Liège

З. Жученко

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 298. Автограф.

№ 39. Письмо З. Ф. Жученко

В. А. Бурцеву

19.2.1921

Владимир Львович,

Нет, благодарю Вас, не печатайте объявления: если бы Н[иколай] З[езюлинский] был жив — Вы знали бы это. Спасибо за ответ. «Об[щее] Дело» читаю каждый день.

Откуда, от кого придет избавление от бесовского наваждения?!

Всего хорошего!

З. Жученко

30, rue Edouard Wacken, Liège

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 299. Автограф.

№ 40. Из письма В. Л. Бурцева

З. Ф. Жученко

11 ноября 1922 г.

Зинаида Федоровна!

У меня имеется письмо от Вас только от конца 1919 г. Не знаю, где Вы и как Ваш теперь адрес?

Посылаю Вам газетную вырезку, — может быть, Вы ее не видали.

Не сочтете ли Вы нужным мне в настоящее время, хотя бы для архива, написать дополнительно что-нибудь о себе к тем многочисленным Вашим письмам, которые я сохраняю. Думаю, что мои письма к Вам тоже где-нибудь сохраняются.

Я был бы очень рад, если бы в порядке истории Вы написали мне то, что сочтете нужным. В ответ на Ваше письмо я Вам напишу подробнее.

Я кончаю писать свои воспоминания за все годы моей политической деятельности, — с 1882 по 1922 г. А на возобновление «Общего дела» есть только пока надежды, уверенности нет. Разумеется, со временем я возобновлю «Общее Дело».

[...]

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 300. Копия. Машинопись.

№ 41. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

17.11.[1922]

5, rue Duvivier, Liège

Владимир Львович,

Спасибо за вырезку. Не читала ее, т. к. не в состоянии преодолеть отвращения, чтобы взять в руки мерзкую милюковскую газетку¹⁶⁷. Это, кажется, из нее? Ну да все равно.

Написать Вам дополнительно? Разве шесть лет кровавого кошмара не дополняют того, что я Вам писала 14 лет тому назад, лучше и дока-

¹⁶⁷ Видимо, имеется в виду газета «Последние новости», главным редактором которой был П. Н. Милоков. Газета издавалась в Париже в 1920–1940 гг., была одним из самых популярных изданий русской эмиграции.

зательнее, чем могу сделать это я?! И потом: что и как ни пиши, а выйдет снова, что я скрылась, спряталась, а Вы, как Шерлок Хольмс, нашли меня. Мой же адрес был известен с.-р. — Роза Гальперин¹⁶⁸ писала мне довольно часто до Вашего приезда.

А вот следующее мне хочется Вам написать, не для архива, а для Вас. Когда Вы появились первый раз, я не сообщила об этом берлинской полиции, она не знала меня раньше¹⁶⁹. Желая говорить с Вами, не сообщила и в следующие дни. В Café был Шрамм — русский немец, агент Президиума¹⁷⁰. Он слышал мой разговор с Вами, не зная, кто я. Проследил меня и явился ко мне, упрекая, что я не сообщила им. К моему удовольствию, директора не было в то время в Берлине; подчиненные хотели Вас арестовать, но пока они делали запрос по телеграфу — Вы уехали. И я была рада, что клевета, что я от страха умоляла Вас арестовать, не была пущена в оборот. Но как все это ничтожно и неважно теперь.

А ведь есть Ваша¹⁷¹ большая ложка дегтя во всех ужасах там, в дорогой России! Конечно, Вы скажете, что это не так. Ну и благо Вам! Можете спать спокойно, значит. Знаю, что даже этот наглядный кровавый урок пройдет бесследно для Вас и иже с Вами. И Вы, в частности, станете в сотый раз уверять, что Вы ничего не сожгли, чему поклонялись на заре туманной юности и даже в зрелом возрасте. Ловко обработаны русские люди — к счастью, не все! — разлагателями государственности, горячей поклонницей которой я всегда была и буду.

Желаю Вам дальнейшего безмятежного сна и доброго здоровья.

З. Жученко
(Joutchenko)

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 26–27 об. Автограф.

¹⁶⁸ Роза Израилевна Гальперин (урожденная Фундаминская), род. в 1874 г. в г. Шклове Могилевской губ., дочь московского купца 1-й гильдии И. И. Фундаминского, окончила 3-ю женскую гимназию в Москве, жена лекаря Г. Ф. Гальперина, эсерка, жила в Берлине и Гейдельберге. 2 июля 1905 г. арестована и заключена под стражу по запросу Московского охранного отделения. 23 октября отпущена под особый надзор полиции. 5 сентября 1911 г. снова арестована в Москве. См.: ГА РФ. Ф. 102. 7-е д-во. 1905 г. Оп. 202. Д. 3535. Ч. 3; Там же. 7-е д-во. 1911 г. Оп. 208. Д. 1859.

¹⁶⁹ Слова «Она не знала меня раньше» вписаны над строкой.

¹⁷⁰ «Президиум» (Polizeipräsidium) — управление полицией в Германии.

¹⁷¹ Слово «Ваша» вписано над строкой.

№ 42. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

29.9.[19]24

Владимир Львович,

Пожалуйста, пришлите мне Ваши воспоминания¹⁷². Но раньше прошу Вас сообщить мне, сколько это будет стоить, в бельгийских франках, с пересылкой.

Прочла я на днях воспоминания Палеолога; несколько страничек о Вас¹⁷³. Чудны дела Твои, Господи!..

Всего хорошего.

З. Жученко
(Joutchenko)

16, rue Chevaufosse, Liège

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 301. Автограф.

№ 43. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

20.10.[19]24

16, rue Chevaufosse, Liège

Владимир Львович! Благодарю Вас за письмо. Ваша книга интересует меня не только из-за моего дела, а вообще. Как повесть минувших дней, как повесть участника в первых подпольных толчках к разрушению и осквернению нашего чудесного русского Дома!..

Мое же собственное маленькое дело претворилось в историю, ею оправданное и — верите ли Вы или нет — на все оценки его, исходя они из лагеря друзей или врагов, у меня создалось совершенно спокойное, объективное отношение. И когда мне пришлось теперь услышать заявления... благодарности и уважения за мою и мне подобных охранительную от нашествия варваров работу, — я порадовалась, что люди — отнюдь не заведомые монархисты! — поумнели и не чужды понимания государственной необходимости политического сыска.

---

¹⁷² В 1923 г. в Берлине были изданы воспоминания Бурцева «Борьба за свободную Россию».

¹⁷³ Жорж Морис Палеолог (1859–1944) — французский политик и дипломат, в 1914–1917 гг. был послом Франции в России. Бурцев упомянут в воспоминаниях Палеолога. (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. С. 118).

После многих мытарств Господь привел Колю ко мне! Вот уже третий год как мы вместе. Он работал на заводе; теперь, благодаря знанию иностр[анных] языков имеет хорошее место, здесь в Льеже в одной английской фирме; я продаю билеты в dancing¹⁷⁴, и мы с ним хорошо устроились. Коля кланяется Вам и зовет заглянуть к нам, если будете в бельгийских странах. И я присоединюсь к нему. Очень интересно поговорить с Вами о многих и о многом. Я бы сделала это и письмами, но зная, какой Вы кипяток (так называли Вас в семье моего незабвенного С[ергея] Вас[ильевича] Зуб[атова]), предпочитаю дождаться дня, когда Вы будете у нас. Ибо мне совершенно не хочется, чтобы мои письма читались другими лицами. Никаких тайн, секретов, разоблачений делать я не собираюсь, конечно, — а нахожу, что нам двум было бы очень интересно побеседовать. Теперь, после русской катастрофы. Было бы интересно вспомнить для Вас, как я посетила — кажется, в 1907 г. или [190]8 г., Сергея Васильевича в его тихом Владимире, быв там по поручению с.-р. (подготовлялось гимназистами ограбление банка во имя блага народа); как С[ергей] В[асильевич] дал мне прочесть Ваши письма и его копии на них. Поговорить вообще с Вами о «зубатовщине». С[ергей] Вас[ильевич] не раз говорил, что мне более известна эта страничка русской жизни. До войны он писал мне, что пишет ее историю. Какое горе, что она никогда не увидит свет Божий: почти уверена, что он сжег все его бумаги, перед самоубийством.

Ваши ко мне письма, а также и многие другие, тоже и С[ергея] Вас[ильевича] — все были взяты при моем аресте в августе [19]14 г. Мир им! Но страшно жаль чудные письма С[ергея] В[асильевича] за многие годы. Вообще нам, русским, только и остается, что жалеть невозвратно минувшее, погибнувшее ...

Настоящее, для нас двух очень благополучное, окрашено этой скорбью. Ну, довольно, будьте здоровы.

З. Жученко
(Joutchenko)

16, rue Chevaufosse, Liège

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 229–230 об. Автограф.

¹⁷⁴ Танцы (англ.)

№ 44. Письмо З. Ф. Жученко В. Л. Бурцеву

22.10.[1924]

Владимир Львович, забыла в своем вчерашнем письме сказать Вам, что если Вы хотите — то пришлите мне имеющуюся у Вас рукопись о Р[...]. Я верну Вам ее, сделав на отдельном листке замечания, если таковые у меня появятся.

Всего хорошего.

З. Жученко

16, rue Chavaufosse, Liège

ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 336. Л. 224. Автограф.

Е. Ю. Борисёнок, А. М. Лаврёнова

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ

Украинский вопрос, вызывавший ожесточенные споры в обществе во второй половине XIX — начале XX века, с началом Первой мировой войны, а затем и революции в России перешел из умозрительной области в практическую. Если до начала геополитических потрясений на европейском пространстве российское общество обсуждало, насколько значимы этнические и культурные различия между ветвями триединого русского народа, то с распадом Российской империи лидеры украинского движения, настаивавшие на самостоятельности украинцев как нации, предприняли шаги к реализации своих политических планов. В юго-западной части бывшей империи Романовых в центре общественного внимания оказался национальный вопрос и тесно связанные с ним проблемы организации власти и языка. Кризис империи привел к тому, что идея «единой и неделимой России» стала все больше подвергаться ревизии со стороны представителей национальных движений, внимательно прислушивавшихся к призывам президента США В. Вильсона обновить мировой порядок: «Ярким проявлением изменившейся ситуации было активное оперирование в политико-правовом поле понятиями, относящимися к национальной сфере. В юридическую лексику прочно вошли термины “нация”, “национальное меньшинство”, “автономия”, “федерация” и др. Особое звучание стал приобретать принцип “право наций на самоопределение”»¹.

---

¹ Борисёнок Е. Ю., Лескинен М. В. «Украинский вопрос» в системе исторических и политических координат: Российская империя и Советский Союз // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской Империи и СССР. Очерки. М., 2018. С. 38.

Заявив о своей готовности управлять украинскими землями, киевская Центральная рада одновременно с радикализацией революции эволюционировала в сторону идеи полной независимости. Если в своем первом, июньском универсале 1917 года она объявила о праве украинского народа распоряжаться своей жизнью, «не отделяясь от всей России, не порывая с государством Российским», то в четвертом универсале, в январе 1918 года, речь шла уже об Украинской Народной Республике как самостоятельном суверенном государстве украинского народа^I. Как заявила Центральная рада еще на своей второй сессии в апреле 1917 г., речь шла о «принципе украинизации всей жизни на Украине»^{II}. Украинизация, предусматривавшая специальную языковую, культурную, кадровую политику, стала одним из принципиальных требований украинского движения, эта политика должна была способствовать реализации национальных устремлений украинцев, строительству национальной государственности^{III}.

Украинскому языку, как отличительному признаку нации, уделялось повышенное внимание. Ситуация осложнялась тем, что к 1917 году ни украинский язык, ни украинская культура не занимали господствующего положения в тех девяти губерниях, на территорию которых претендовала Центральная рада^{IV}. В Киевской, Подольской, Волын-

^I Перший універсал Української Центральної Ради 7 листопада 1917 р. // Українська Центральна Рада: док. і мат. : у 2 т. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. С. 101; Четвертий універсал Української Центральної Ради // Українська Центральна Рада: док. і мат. : у 2 т. Т. 2: 10 грудня 1917 р. — 29 квітня 1918 р. Київ, 1997. С. 103.

^{II} Матеріали другої сесії Центральної Ради 22-23 квітня 1917 р. // Українська Центральна Рада. Документи і матеріали : у 2 т. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р. С. 70.

^{III} О понятии «украинизация» и его толковании, в том числе в общественно-политическом лексиконе первой четверти XX в., см.: Борисёнок Е. Ю. О понятии «украинизация» // Славяноведение. 2020. № 1. С. 3–15; Борисёнок Е. Ю. Украинизация: возникновение и распространение понятия (первая четверть XX в.) // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 228–248.

^{IV} В третьем универсале от 7 (20) ноября 1917 г. говорилось: «К территории Народной Украинской Республики относятся земли, заселенные в большинстве украинцами: Киевщина, Подолье, Вольнь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное определение границ Украинской Народной Республики, относительно приобщения частей Курщины, Холмщины, Воронежчины и смежных губерний и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено по согласию организованной воли народов». См.: Третій універсал Української Центральної Ради // Українська Центральна Рада. Документи і матеріали : у 2 т. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р. С. 400.

ской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях в официальной сфере, в образовании, науке, культуре, периодической печати, армии господствовал русский язык. Неудивительно, что украинское движение стремилось изменить коммуникативный статус украинского языка, внедрить его в различные сферы жизни. 18 марта 1917 года была открыта Первая украинская гимназия им. Шевченко в Киеве, а к осени того же года были открыты 53 украинские средние школы. Появились многочисленные украинские периодические издания, только в Киеве весной 1917 года начали выходить шесть ежедневных газет¹.

Глава Генерального секретариата Центральной рады и Директории Украинской Народной Республики В. К. Винниченко в работе «Возрождение нации» следующим образом описывал устремления приверженцев украинского движения тех лет: «... проявление пробужденного национального чувства не могло ограничиться той или иной сферой общественно-политической жизни. В каждой сфере были украинцы и в каждой сфере они хотели, они должны были проявлять себя как украинцы, утвердить свое “я”, распространить его, закрепить определенными нормами. Фабричные рабочие, учителя, кооператоры, студенты, приказчики, чиновники, все объединялись национально, все стремились свою сферу деятельности украинизировать...»^{II}.

В работе 1918 г. «На пороге новой Украины» М. С. Грушевский коснулся и настроений, царивших среди городского населения провозглашенной УНР. Председатель Центральной рады признавал там наличие как «денационализированных украинцев» (он называл их «тоже малороссами»), так и великороссов, причем родившихся на Украине и прочно связанных с ее жизнью. По мнению Грушевского, последние оказались не подготовлены к изменившимся обстоятельствам и потому оказались в рядах «союза русских» (вероятно, имеется в виду Русский союз на Украине, включавший в себя представителей эсеров, меньшевиков, русских националистов и др.^{III}). Грушевский

¹ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941): Стан і статус. Б. м., 1987. С. 91–93.

^{II} Винниченко В. К. Відродження нації : у 3 ч. Ч. I. Київ ; Відень, 1920. С. 126.

^{III} См.: Чемакин А. А. «Русский союз на Украине» и национальное самоопределение русского населения УНР весной 1918 г. // Российская история. 2021. Выпуск 6. С. 138–158.

считал, что часть великороссов уедет из Украины, а часть «растворится в украинском элементе и сольется с ним»¹.

Несмотря на предпринятые усилия, в том числе и подписанный мирный договор со странами Четверного союза, Центральной раде удержать власть не удалось. 29 апреля 1918 года при поддержке германского командования произошел государственный переворот. Рада была распущена, было объявлено о создании Украинской Державы во главе с гетманом П. П. Скоропадским. Политика украинизации, начатая Центральной радой, продолжилась. Открывались украинские школы, издавалась учебная литература. За 1918–1919 гг. было издано 1 млн 620 тыс. экземпляров учебников для народных школ и 345 тыс. для средних: авторами учебников были «и опытные педагоги, и ученые, успевшие заслужить известность, и только начинавшие свою научную и педагогическую жизнь деятели»². 1 августа был принят закон об обязательном изучении украинского языка и литературы, истории и географии Украины во всех средних школах (закон вступал в силу с 1918/1919 уч. года), в сентябре было решено объявить русские высшие учебные заведения украинскими государственными вузами, причем правительство установило 20 стипендий для профессоров и преподавателей с украинским языком обучения. В течение двух лет стипендиаты должны были сдать экзамен на научную степень или подготовить диссертацию. В ноябре 1918 года была образована Украинская академия наук³.

Новации далеко не всегда благосклонно воспринимались широкой общественностью украинских земель, тем более что сельское и городское население юго-западной части бывшей империи существенно различалось в этническом плане. К концу XIX века на берегах Днестра и степной Украине проживало 73% малороссов (именно такой термин употреблялся в переписи 1897 года), 12% великороссов, 8% евре-

¹ Грушевський М. С. На порозі Нової України: Гадки і мрії // Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Т. 4. Кн. 1. Львів, 2007. С. 256.

² Остапчук О. А. Украинский язык в практике образования: учебники (после) революционной эпохи (конец 1910-х — начало 1920-х годов) // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века) / Редколл.: Е. Ю. Борисёнок, М. Э. Клопова, Д. А. Короткова, М. В. Лескинен. М.; СПб., 2021. С. 259–260.

³ Національне питання в Україні XX — початку XXI ст.: історичні нариси / Від. ред. В. А. Смолій. Київ, 2012. С. 133.

ев, а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7%). Однако 93% малороссов были крестьянами. В крупных городах (свыше 100 000) лишь 17% было малороссами. Среди городского населения правого берега Днепра малороссы составляли 27%, великороссы — 25,1%, евреи — 39,6%, доля остальных составляла 8,1%; в городах левого берега проживало 53,7% малороссов, 26,5% великороссов, 17,2% евреев, 2,6% представителей других народов; в городах степной зоны малороссов было только 17,5%, тогда как великороссов 45,1%, евреев 24,3%, других народов — 13,1%. Причем за годы революции урбанизированность украинского населения снизилась. По переписи 1926 г., в городах проживало только 11% его общей численности, тогда как 50% русских и 77% евреев проживали в городах¹.

В Киеве, ставшем центром украинского движения, по переписи осени 1917 года русские составляли 50,26% жителей, украинцы — 12,21%, малороссы — 4,47%, белорусы — 0,41%, русины — 0,32%. При этом национальность указывалась на основании показаний самих опрашиваемых, и «в число “русских” записывали как великороссов, так и тех малороссов, которые сочли общерусскую идентичность более важной»².

Русское население крайне болезненно восприняло новый для себя статус национального меньшинства в УНР. Украинизация крайне негативно воспринималась сторонниками триединства русского народа, нередко разделявшими мнение официального Петербурга и считавшими украинское движение результатом польской или австрийской интриги: «Для властей предрержащих (в составе которых были и не великороссы) жесткие средства противодействия — в частности, украинскому языку как самостоятельному, — зачастую были продиктованы не борьбой с “другим” этно-культурным субъектом (который просто не рассматривался в этом качестве), а стремлением “привести к порядку” заблудших или соблазненных внешней (польской) пропагандой “своих”»³. На Т. М. Кардиналовскую, жену украинского премьера

¹ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. / пер. з англ. В. Івашка, В. Корнієнка. Київ, 1997. С. 20, 27–28, 40, 75–77. Исследователь употребляет наименование «украинец».

² Чемакин А. А. «Русский союз на Украине» и национальное самоопределение русского населения УНР весной 1918 г.

³ Борисёнок Е. Ю., Лескинен М. В. «Украинский вопрос» в системе исторических и политических координат: Российская империя и Советский Союз. С. 29.

В. А. Голубовича, большое впечатление произвели печатавшиеся в газете «Русская мысль» длинейшие списки людей, подписавшихся под лозунгом «Я протестую против насильственной украинизации Юго-Западного Края». Она особо отмечала, что фамилии были не только русские, но и украинские¹. Не удивительно, что украинизация гимназий и реальных школ проходила с трудом, наталкиваясь на сопротивление родителей и учителей. На сторонников и противников украинизации разделились и профессиональные учительские организации. Если участники всеукраинских учительских съездов, которые прошли в апреле и августе 1917 года, принимали решения об украинизации школьного образования, то учительские съезды губернского и уездного уровня были далеко не так категоричны, и сторонники украинизации часто оказывались в меньшинстве^{II}.

Русским населением весьма болезненно воспринимался возникший культурный и языковой конфликт, иными словами — «отказ от русского культурного стандарта, т. е. прежде всего — от русского языка и русских культурных норм, от системы ценностей, выработанной русским обществом (при немалом и плодотворном участии украинской элиты), от совместного переживания тех этических и эстетических проблем, которые важны для русского общества»^{III}.

Украинизацию нередко называли насильственной и те представители интеллектуальной элиты, кто, как В. И. Вернадский, считал «возрождение украинского языка очень положительным явлением»^{IV}. Ученый и общественный деятель, один из основателей и первый президент Украинской академии наук, считавший необходимым «различать — русское, украинское, великорусское»^V, именовал украинизацию «полным нарушением равенства национальностей»^{VI}, указывал на численность русского населения на Украине и на сильное влияние

^I Кардиналовская Т. Жизнь тому назад. Воспоминания. СПб., 1996. С. 62.

^{II} Боровик А. М. Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). Чернігів, 2008. С. 35–41.

^{III} Левкиевская Е. Е. Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. Сборник статей / Отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. М., 2008. С. 166.

^{IV} Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. С. 72.

^V Там же. С. 71.

^{VI} Там же. С. 70.

там русской культуры. «Совершенно ясно, что сейчас создано очень много для нового проявления в государственной истории украинского племени и очень опасно, что в дальнейшем будущем это его проявление примет характер отделения от русской государственности, — подчеркивал Вернадский в июне 1918 г. — Сейчас эта идея беспочвенна — но она может получить почву»¹. Для Вернадского было важным не допустить разрыва украинской и русской культуры: «Я указывал на силу русской культуры и на необходимость мирного творческого сожительства с украинской. Не допускать тяги в сторону, и это возможно»¹¹.

В годы революции русское общественное сознание было вынуждено адаптироваться к новой социокультурной и политической реальности. Концепция общерусской идентичности вынуждена была окончательно сдать свои позиции под натиском сторонников естественного права, настаивавших на предоставлении всем нациям самим определять свою судьбу. Советская государственная система, интегрировавшая в себя этнонациональный фактор, закрепила сложившуюся ситуацию: в стране был провозглашен курс на коренизацию партийного и государственного аппарата в национальных республиках, а украинизация стала его региональной формой.

В данной публикации представлено 26 документов, хранящихся в ГА РФ, созданных с апреля по октябрь 1917 г., а также заявление В. В. Шульгина об отказе принять украинское подданство, датированное летом 1918 г. Большую часть материалов составляют обращения граждан во Временное правительство с протестами против политики Центральной рады, украинизации школы, создания национальных украинских частей, а также предоставления Украине автономии. Авторы — выходцы из разных социальных слоев и носители разных политических взглядов — в своей критике украинизации, тем не менее, проявляют удивительное единодушие. Крестьяне и военные, русины и украинцы, представители университетов, школ и общественных организаций, журналисты, промышленники и политические деятели выступают против эскалации национальной вражды и подрыва общероссийской государственности.

---

¹ Вернадский В. И. Дневники. С. 112.

¹¹ Там же. С. 105.

№ 1. Докладная записка членов Киевского областного педагогического общества Временному правительству «Преподавание в народных школах Малороссии на галицко-украинском наречии».

Копия

Преподавание в народных школах Малороссии
на галицко-украинском наречии

10 марта сего года в г. Киеве состоялось собрание педагогов разных учебных заведений, устроенное председателем Киевского областного педагогического общества известным «украинцем» Науменко¹.

Открылось собрание предложением председателя послать Временному правительству приветственную телеграмму в объявленной им краткой редакции. Предложение это принято было собранием восторженно и единогласно. Потом в телеграмме добавлена была г. Науменком благодарность правительству за предоставление возможности вести преподавание в школах Малороссии на «украинском языке». Добавление это сделано председателем на том основании, что, по его мнению, при новом правительстве каждая национальность имеет право на самоопределение, а следовательно, на преподавание во всех учебных заведениях на родном языке. Во всяком случае вопрос о языке преподавания в школах не обсуждался и не голосовался, а потому относительно «украинского языка» не было и не могло быть «единогласного» решения.

Необходимо отметить выступление на этом собрании одного оратора, который, желая вызвать обмен мнений по вопросу об «украинском языке», высказал следующие положения.

- 1) Время ли теперь, когда на границе стоит сильный враг и необходимо единение всех, поднимать вопросы о самоопределении национальностей и языке преподавания. Ведь подобные вопросы вызовут острую вражду и разъединение, как здесь между нами, так и в войсках на фронте.
- 2) Достаточно ли имеется филологических и исторических оснований для замены в существующих земских, министерских и церковных школах Малороссии государственного русского языка украинским наречием, которое малороссам менее понятно, чем русский язык.
- 3) Возможно ли решать вопрос о преподавании в малорусских школах на украинском наречии без желания и согласия малорусско-

го народа, без добросовестного плебисцита, тем более, что малороссы говорят по-малорусски, а не на украинском наречии.

- 3)¹ Выражал ли малорусский народ в какой-либо форме протест против преподавания в школах на русском языке, понятном для каждого малоросса, и не окажет ли народ сопротивления изъятию из школ преподавания на русском языке.
- 4) Должен ли русский язык, как цемент, объединять все национальности, входящие в состав Российской державы.

В этом месте председатель Науменко прервал оратора, заявив, что вопрос о языке он считает исчерпанным.

Многие из присутствовавших на собрании остались крайне недовольны пристрастным отношением г. Науменко к вопросу об «украинской мові». В числе недовольных было много педагогов, хорошо знающих народ и малорусскую школу, но лишенных возможности высказать свое мнение о преподавании в малорусских школах на украинском наречии, так как прения не были допущены.

Мнения этих педагогов сводятся к следующему: вопрос о замене в школах Малороссии приобретенного полную гражданственность русского языка украинским наречием является весьма серьезным и практически трудновыполнимым, тем более, что по переписи 1887 г.¹¹ здесь числилось малороссов 18¼ миллиона и великороссов 4 миллиона, следовательно, население Малороссии неоднородное. Замена в школах русского языка украинским наречием вызовет острую вражду между мирно до сего времени сожительствовавшими великороссами и малороссами, а также на целые века задержит просвещение и культуру Малороссии, так как на украинском наречии нет ни учебников, ни учебных пособий, ни книг для чтения (библиотек), ни кадра учителей, могущих преподавать на украинском наречии в 15 000 малорусских школ.

С точки зрения исторической нет ровно никаких оснований называть Малороссию, занимающую 10 губерний, «Украиной», так как название было присвоено еще во времена польского владычества только краевой узкой полосе, занимающей южную часть губерний Полтавской, Киевской, Подольской и Галиции, все же остальное пространство составляло Киевскую Русь, а потом названо «Малороссией». С точки зрения

¹ Так в документе.

¹¹ Так в документе. Речь идет о переписи 1897 г.

филологической родным языком малороссов следует считать близкое к русскому малорусское наречие, на котором писали Кулиш и Шевченко, а не украинское наречие. (С. Н. Щеголев: «Украинское движение, как современный этап южно-русского сепаратизма» изд. 1912 г., ц. 2 р. 50 коп., кн[ижный] маг[азин] Идзиховского, Оглоблина, Киев).

Инициатива преподавания в существующих школах Малороссии на галицко-украинском наречии принадлежит проф[ессору] Грушевскому² и кучке его последователей-интеллигентов, полагающих, что без этого не может быть автономии Малороссии, свободного же согласия малорусского народа на это нет, а желание и согласие народа необходимо.

До сего времени малороссы не проявляли никакой вражды к русскому языку, охотно посылали детей в школы, которые буквально переполнены учащимися.

При умелом преподавании (со вновь поступающими детьми сначала нужно недели 3–4 вести наглядные беседы по картинам, чтобы ознакомить детей с речью, а потом приступать к обучению чтению) дети малороссов хорошо усваивают русскую речь и нисколько в этом отношении не отстают от детей великороссов, а в усвоении русского правописания даже превосходят последних.

Затруднительным является изучение не русской речи, а русского правописания, но можно надеяться, что новое правительство примет экстренные меры к упрощению русского правописания и т[аким] о[бразом] облегчит изучение русского языка.

Малороссам, как и другим национальностям, следовало бы предоставить право преподавания в школах закона веры на родном языке и право преподавания в частных школах на каком угодно языке, по желанию содержателя, но необходимо, чтобы государственный русский язык, как предмет преподавания, объединял все учебные заведения Российской державы, подобно тому, как в Америке, Англии, Франции, Италии и Германии, где также имеются разные говоры и наречия, преподавание во всех государственных и общественных учебных заведениях, в т. ч. и начальных школах, ведется на государственных языках этих народов.

Что касается вопроса об автономиях разных народов России, то вместо всех этих многочисленных автономий, практически трудно осуществимых и угрожающих целостности России, было бы правильнее дать каждой губернии и области настолько широкое самоуправление,

что в вопросах местных нужд оно имело права автономии. И во всяком случае при разрешении вопроса об автономиях необходимо принимать во внимание современные принципы самоопределения и автономии (см. статью В. Базарова «О национальном вопросе», помещенную в журнале «Летопись» ноябрь 1916 г., стр. 206–222).

В заключение необходимо сказать, что вопрос об автономиях народностей России, как и вопросы о языке преподавания в школах (и организации национальных армий) имеет право разрешить только предстоящее Учредительное собрание, а потому последовавшее разрешение на преподавание в школах Малороссии «на украинском языке» является не правомочным, угрожающим большими осложнениями и тяжелыми последствиями для всей системы образования в Малороссии, а также глубоко нарушающим государственные интересы Малороссии и России, как единого целого.

Будем надеяться, что Временное правительство найдет способы остановить национализацию малорусских школ по крайней мере до созыва Учредительного собрания и таким образом хотя отчасти исправит допущенную ошибку и жестокое насилие со стороны Грушевского и К° над населением Малороссии.

Члены Киевского областного педагогического общества — малороссы

6 апреля 1917 г.

г. Киев

Пометы: Послано м[инист]ру нар[одного] просв[ещения]. 17 IV.

Сообщено С. М. Леонтьеву.

ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 135. Л. 44–45 об. Копия. Машинопись.

№ 2. Резолюция собрания галичан в Ростове-на-Дону

[Не ранее 9 апреля 1917 г.]¹

Копия

Резолюции собрания галичан в Ростове-на-Дону

На «собрание (збори) галичан», созванное «украинцами из Галичины» в воскресенье, 9 апреля 1917 года в 7 час[ов] вечера в Ростове-

¹ Датируется по сопроводительной записке канцелярии министра-председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова министру народного просвещения А. А. Мануйлову. См.: ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 321. Л. 38.

на-Дону, в зале Ротонды городского сада для обсуждения деятельности «Народного совета Прикарпатской Руси»³, явились как галичане, именующие себя украинцами в числе около 25 человек в обществе небольшого числа местных украинцев, так и не менее 3 000 русских галичан, из которых многие не нашли себе даже места в битком переполненном зале.

После заслушания как украинских, так и русских ораторов и оставления некоторыми украинцами зала собрания до голосования резолюций, были вынесены следующие резолюции:

Состоявшееся в Ростове-на-Дону 9 апреля 1917 г. собрание галичан:

- 1) радостно приветствует водворение в России народовластия и свободу национального самоопределения, присоединяется к стремлениям русской демократии и, исповедуя национальное и культурное единство русского народа, просит Временное правительство, Совет рабочих и солдатских депутатов освободить Прикарпатскую Русь (Галичину, Буковину и Угорскую Русь) от австрийского абсолютистского гнета и присоединить к великой русской демократической республике;
- 2) обращается к Временному правительству и всем общественным организациям, как местным в Ростове-на-Дону, так и всей России, с просьбой допустить всех уроженцев Прикарпатской Руси к всенародному строительству и предоставить им возможность применить свои знания и свой труд на пользу обороны и свободы России, победного окончания войны и объединения русской земли;
- 3) самым решительным образом протестует против захватных стремлений и захватных действий украинцев вообще и в частности против обнаруженных уже ими произвола и насилия по отношению к инакодумающим уроженцам Прикарпатской Руси, к русским галичанам, буковинцам и угророссам, к их национальным и культурным учреждениям и против и против их попытки превратить русскую гимназию для уроженцев Прикарпатской Руси в украинскую⁴.
- 4) признавая Русский народный совет Прикарпатской Руси своим верховным народным учреждением, просит Временное правительство и все общественные организации оказывать Русскому народному совету Прикарпатской Руси содействие в органи-

зации и устройстве им карпаторусских беженцев и военнопленных в России.

Председатель собрания Степан Носевич

Секретарь: подпись неразборчива

Верно: Фельдман

ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 321. Л. 39. *Заверенная копия. Машинопись.*

**№ 3. Письмо Украинской Центральной рады
Временному правительству с изложением требований
украинских буржуазно-националистических партий
об автономии Украины, о создании национальных
воинских частей, об организации школы и по другим
вопросам. На письме имеются краткие замечания членов
Временного правительства по всем пунктам требований**

[Не позднее 21 мая 1917 г.]¹

Украинская Центральная рада в Киеве уполномочила нижеподписавшихся своих членов, представляющих все украинские партии и организации в Центральной раде, довести до сведения Временного правительства о необходимости осуществления следующих мероприятий, в соответствии с резолюциями многочисленных национальных украинских съездов, происходивших за последнее время на территории Украины:

- 1) Ввиду настойчивого и единодушного требования автономии Украины, выставляемого украинской демократией, от Временного правительства ожидается выражение в том или другом акте принципиально-благожелательного отношения к этому лозунгу.
- 2) Неизбежность постановки украинского вопроса на международной конференции в связи с судьбой Галичины^{II} и частей украинской территории, занятых германцами, вынуждает ныне же принципиально решить в положительном смысле вопрос об участии в этой конференции представителей украинского народа, ибо та-

¹ Датируется по содержанию документа. Совещание представителей Временного правительства с делегацией Центральной рады состоялось в Петрограде 21–22 мая 1917 г. Протоколы см.: ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 38. Л. 44–45 об. (Опубл.: Український національно-визвольний рух. Березень–листопад 1917 року: Док. і матеріали / Упоряд.: В. Верстюк — К., 2003. С. 325–328).

^{II} На полях напротив текста вписана помета: «Кер[енский]: рано».

- кое участие требует немедленного предпринять¹ подготовительные практические шаги по сношению с зарубежной Украиной.
- 3) Для всестороннего осведомления Правительства о настроениях на Украине и потребностях украинского населения, а равно и для практического содействия Правительству в проведении различных мероприятий, вызываемых особенностями жизни края, необходимо учредить при Временном правительстве должность особого комиссара по делам Украины.
  - 4) Для объединения правительственных мероприятий во всех губерниях с украинским населением требуется учреждение на Украине должности особого комиссара с областным при нем советом.
  - 5) В интересах поднятия боевой мощи армии и восстановления дисциплины необходимо проведение в жизнь выделения украинцев в отдельные войсковые части, как в тылу, так, по возможности, и на фронте.
  - 6) Признанную Временным правительством украинизацию начальной школы необходимо осуществить также в применении к средней и высшей школе, как в отношении языка, так и предметов преподавания^{II}.
  - 7) Ответственные должности как гражданской, так и духовной администрации на Украине необходимо замещать лицами, которые пользуются доверием населения, владеют его языком и знакомы с его бытом.
  - 8) Для удовлетворения национально-культурных потребностей, подавленных при старом режиме, необходимо предоставить из Государственного казначейства в распоряжение Центральной рады соответствующие средства.
  - 9) Необходимо разрешить выезд на родину тем зарубежным украинцам, которые неправомерно выселены из мест своего постоянного жительства, а также облегчить участь пленных украинцев-галичан, разместив их в украинских губерниях.

В. Винниченко
С. Письменный
Одигей

Ковалевский
И. Снежный
Д. Ровинский

Сергей Ефремов
Д. Коробенко
Пилькевич

^I Так в документе.

^{II} На полях напротив пункта б вписана помета: «Мануйлов: только принцип».

Резолюции:

- 1) Рада не компетентна.
- 2) Мы не правомочны решать.
- 3) Надо волю народов.
- 4) Учред[ительное] собр[ание], вероятно, признает принцип самоопределения.
- 5) Сейчас война.
- 6) Пока полную свободу.
- 7) Указать недопустимость некот[орых] пунктов, войско, казначейство и пр.
- 8) Предрешать волю Учр[едительного] Собр[ания] нельзя¹.

Цер[етели]: До Учр[едительного] собр[ания] решать нельзя; ни самостоятельность Финляндии, ни Польши объявить нельзя; пока только не стеснять. Нет органа русского народа, который правомочен высказаться.

Пер[евезев]: Кое-что можно обещать, но вообще даже территория не ясна.

Об[ер]-Пр[окурор]^{II}: Я предложил выборы, но они не согласны на выборы, желание власти одной партии; неизвестно, куда малороссы пойдут.

Кн[язь] Львов: Отрицательно, переработать.

Щепкин: Надо ли все ответы или в общих чертах.

Через Юрид[ическое] Собрание.

ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 37. Л. 1. Подлинник. Машинопись, рукопись.

№ 4. Письмо В. Григоровича князю Г. Е. Львову о необходимости отказа в предоставлении автономии Украине

25 мая 1917 г.

Князь!

Кучка идейных «украинских» сепаратистов организовала при посредстве недавно учрежденной в Киеве «Центральной Украинской Рады», войсковой съезд⁵, на котором выработаны были резолюции, с предъявлением правительству разных требований. Главнейшая из

¹ Здесь и далее в публикации подчеркивание документа.

^{II} Имеется в виду обер-прокурор Святейшего Синода — центрист В. Н. Львов.

этих резолюций: потребовать от правительства немедленного провозглашения национально-территориальной автономии Украины и немедленного назначения министра по делам Украины; затем ассигнования Центр[альной] Раде средств из казны на национальные украинские надобности и на содержание украинского войскового комитета, как учреждения, будто бы, государственного. Со всеми этими резолюциями и требованиями Вы, впрочем, уже знакомы, так как делегация от съезда Вам уже представлялась, и Вы имели слабость распорядиться — образовать немедленно комиссию для обсуждения, совместно с делегацией, декларации «рады».

Прежде всего, князь, Вы должны помнить, что возглавляемое Вами правительство есть только временное и не имеет никакого права до Учредительного собрания делать непоправимые шаги: откалывать от Российского государства целых 18 губерний⁶ (они требуют отделения всего пространства от Галиции до Кавказа, с заграждением нам, след[овательно], доступа к Черному морю, раз Черноморский флот будет состоять исключительно из украинцев). То же самое, впрочем, говорил в своих речах в Киеве и даже в самой Центральной раде, и министр Керенский; к сожалению, он там же, с театрального балкона, обмолвился словами: «Да здравствует Украина, да здравствует свободный отныне украинский народ»; да еще утвердил постановление ген[ерала] Брусилова — образовать на фронте три корпуса исключительно из украинцев: шутка ли, 120 000 организованного украинского войска, могущего во всякое время двинуться в Украину для поддержания требований украинцев, в то время как у нас, внутри России, нельзя будет образовать и одного корпуса для отпора этим требованиям.

Нужно знать, что все это украинское движение — искусственное и организовано, главным образом, львовским профессором Грушевским, присланным в Киев для агитации австрийским правительством еще в революцию 1905 года. Простой народ, до последнего времени, эт[им] украинством совершенно не интересовался и называл себя «мы русские», и самый малороссийский язык вы слышали только в деревнях; в городах же, в особ[енности], в Киеве, этой матери русских городов (которую украинцы хотят теперь сделать столицей Украины), на улицах, в разных учреждениях, магазинах, вы слышите исключительно русский язык, оч[ень] редко польский и еврейский.

В самое последнее только время, под влиянием агитации (раньше под влиянием директора народн[ых] училищ Лубенца⁷, агитировали народн[ые] учителя, а теперь для агитации по деревням и местечкам отправились студенты, отложившие с эт[ой] целью экзамены до осени), — итак, в сам[ое] последнее время в мелких городишках учащая молодежь начинает говорить на малороссийском языке, пока шевченковском; украинский же язык еще не совсем готов, он еще изобретается, слова берутся с польского, мало кто его понимает, так что многие слова приходится пояснять в скобках русскими. Для образца прилагаю одно из расклеенных на улицах объявлений. И в соединенном заседании педагогических советов и родительских комитетов средних учебных заведений г. Киева, по вопросу об украинизации средн[ей] школы, сам председатель проф[ессор] Грушевский должен был сказать: «Уже сам тот факт, что в заседании об украинизации средней школы мы все здесь говорим на русском языке, показывает, что немедленная украинизация невозможна: нет ни учебников, ни преподавателей; нужно сначала учредить курсы для преподавателей и ввести потом преподавание языка для учеников, да еще вопрос — какого из двух наречий, т. к. галицийского, напр[имер], русский украинский народ не любит».

Наконец, сама «Центральная рада» вовсе не есть учреждение всеукраинское, а местное киевское, образовавшееся явочным порядком, подобно Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов, и, подобно последнему, присвоившая себе право руководить не местным только, а всем украинским движением. Следовательно, и организованный Радой войсковой съезд вовсе не есть съезд всеукраинский и не выражает собой желаний всех малороссов, а избранный съездом «Украинский войсковой комитет» не представляет собой учреждения «государственного»; а потому никаких средств из казны на национальные украинские надобности и на содержание войскового комитета — Временное правительство ассигновать Раде не имеет права, так как это содействовало бы разделу российского государства на самостоятельные, отдельные государства. Да в средствах Рада и не нуждается: она организовала 21 мая по всей Украине (будто бы) сбор на Украинский национальный фонд и в разосланных повсюду воззваниях приглашала всех жертвовать свой однодневный заработок; многие еврейские банки пожертвовали значительные сум-

мы, напр[имер], «Союз-банк» 500 000 р., еще какой-то 200 000 и т. д.

Итак, на все предъявленные украинской делегацией требования правительство сейчас должно ответить категорическим отказом и сказать то, что уже сказал г. Керенский: «не имеем, дескать, права, до Учредительного собрания раздавать никаких автономий и делить Россию на отдельные государства, чтобы потом русский народ не сказал, что вот, мол, цари собирали столетиями русское государство, а революция, а главн[ым] образом, Временное правительство, растратила его в несколько месяцев. А потому руки прочь».

Да, ведь и нахальство, в самом деле: Украина никогда не была самостоятельным государством (за исключением Запорожской Сечи, в которую никакая посторонняя власть не дерзала заглядывать), а была или под владычеством Польши или России; народ перемешался с русским; кроме того в крае масса поляков и евреев; по-малороссийски говорит только простой народ, вся же интеллигенция на русском, т. к. в малороссийском народном, как было выяснено на собрании об украинизации средн[ей] школы, всего около 1 500 слов. И вот кучка идейных сепаратистов говорит: «давайте создадим новое государство»; прежде об этом хлопотали австрийцы, а теперь они сами, из любопытства: что, дескать, из этого выйдет, благо Россия теперь слаба, сопротивляться не будет. И вот предъявляется требование даже на такие губернии, которые никогда к Украине не принадлежали: Подольскую, Волынскую, Новороссию, Крым, часть даже Кавказа, Черное море с отобранным от России флотом; требуется создание на счет России своего собств[енного] войска; выдумывается новый язык, и, я уверен (об этом уже носят слухи), когда все обучатся этому новому «литературному» языку, — все русские чиновники будут заменены украинцами. Я уверен также, что Учредительное собрание на такую территориально-национальную автономию не согласится, а самое большое — даст просто национальную автономию: образуйте себе, дескать, в селах для простого народа украинскую администрацию, но в уездных и губернских городах, а также в средней и высшей школе, администрация и язык должен быть русский; да и странно было бы подчинять все население с высшей культурой — низшему. А потому еще раз говорю: Правительство должно сказать: «До Учредит[ельного] собрания руки прочь!»

Главное, не нужно пугаться никаких с их стороны угроз, т. к. они сами боятся угроз и храбры только на словах: на первом Украинском съезде⁸, организованном Радой в апреле, русские солдаты одной из киевских организаций, услышав о предъявляемых украинцами национальных требованиях, сказали им, что теперь предъявлять такие требования стыдно, что нужно единение всех, а не разъединение; и погрозили разогнать съезд штыками; и тут съезд, в лице председателя Грушевского, пошел петь такого Лазаря, что даже тошно стало.

Вместо же совместной комиссии в Петрограде, нужно послать негласную русскую комиссию в Киев и другие города для обследования дела на месте. В самом деле: не отдавать же по первому требованию нескольких человек богатейший край — 18 губерний — с населением 30–40 миллионов, в котором зачиналась русская государственность и в котором сейчас, куда ни пойдешь, везде господствует русский язык, который (язык) все населяющие этот край народы, в том числе и украинский, понимают отлично¹, тогда как украинский оч[ень] мало кто понимает.

В финляндском вопросе правительству также следует держаться твердо: Боже сохрани давать какие-либо обещания международной гарантии независимости и вообще умять власть Временного правительства. Учредит[ельное] собрание вряд ли допустит существование в 25 верстах от столицы независимого государства, в большей части населения враждебного России.

Вообще побольше твердости и властности, а то власти правительство домогается, а само ею не пользуется, когда может. Главное, не раздавать Россию направо и налево до Учредительного собрания и не делать к этому непоправимых шагов.

Письмо это просил бы прочесть в Совете министров.

Уроженец Юго-Западного края, русский патриот В. Григорович

Извиняюсь за несколько небрежное письмо, писанное без соблюдения должного уважения к Вашему сану; но я сейчас в дороге и остановился на три дня в мал[еньком] местечке, нет под рукой ни хорош[ей] бумаги, ни конверта; притом же я уже старик.

ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 38. Л. 89–93 об. Автограф.

¹ Это видно из того, что украинцам их же собств[енный] украинский язык толкуется по-русски (см. прилаг[аемое] объявление) (Прим. док.).

№ 5. Письмо членов Южно-русского демократического союза Совету министров о недопустимости объявления автономии Украины

10 адресов: Петроград. Совету министров. Совету солдатских и рабочих депутатов. Крестьянскому съезду. Родзянко. Шульгину. Кокошкину. Редакциям: «Речь», «День», «Известия Совета солдатских и рабочих депутатов», «Новое время».

Из Киева.

25 V [1917]. 13:50

Южно-русский демократический союз⁹, встревоженный сведениями об ожидающемся объявлении автономии Украины¹⁰, полагает, что этот вопрос может быть решен только Учредительным собранием, плебисцитом всего населения Южной России. Объявление автономии Украины Временным правительством было бы актом явно несправедливым, так как ничем не доказано, что большинство малороссов и украинцев солидарно с Центральной Украинской Радой.

Председатель союза доктор Тремпович, секретарь Горбенко, члены: Щеголев, Штумпф, Кушнеров, Арбажин, Артещенко, Сабанеев.

ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 38. Л. 62. Телеграфный бланк.

№ 6. Письмо председателя объединенного заседания гарнизонного совета и Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов г. Умани прапорщика Никитина во Временное правительство о необходимости расформирования национальных войсковых частей

Военная

Срочно

2 адреса Петроград: Временному правительству, Совет рабочих и солдатских депутатов.

3 адреса Киев: Совет рабочих и солдатских депутатов, Комитет войск Киевского гарнизона, редакция газеты «Киевская мысль».

Из Умани.

13.5.[1917]. 18:21

Признавая националистические течения в тех формах, в каких они вылились на украинских съездах Киева и других городов, губительны-

ми для дела революции и ведущими к разъединению общественных сил страны, деморализующими армию, объединенное заседание гарнизонного совета и Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов города Умани обращается к Временному правительству с предложением немедленно расформировать все существующие национальные войсковые части, влив их в единую российскую революционную армию.

Председатель объединенного заседания прапорщик Никитин.

ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 293. Л. 44. Телеграфный бланк.

№ 7. Обращение Временного правительства

к украинскому народу

От Временного правительства

Украинскому народу

Граждане украинцы!

В дни великих испытаний обращается к вам Временное правительство от имени всей свободной России.

Через тяжкие испытания идет Россия к утверждению свободы, которая даст народу благосостояние и вернет всем национальностям их права.

Завоевания революции — в опасности.

Если разгромит Россию внешний враг или восторжествуют враги свободы, — погибнет общее дело всех народов, населяющих Россию.

Провести страну сквозь все опасности, собрать Всенародное Учредительное собрание, в котором все народы России общим и равным голосованием твердо и открыто выскажут свою волю, — такова задача, которую ставит себе правительство, — временный носитель революционной власти.

Это и ваша задача, граждане украинцы. Разве вы не часть свободной России? Разве судьба Украины не связана неразрывно с судьбой всей освобожденной России?

Кто может сомневаться в том, что Россия, стоящая под знаменем полного народовластия, обеспечит права всех народностей, входящих в ее состав?

Народы сумеют через своих представителей в Учредительном собрании выковать для себя те формы государственного и хозяйствен-

ного устройства, которые полностью отвечали бы их национальным стремлениям.

По отношению ко всем народностям России Временное правительство уже начало проводить в жизнь права культурного самоопределения и, проникнутое живым сочувствием и сознанием долга перед украинским народом, оно стремится изгладить все следы угнетения, которому этот народ подвергался.

Временное правительство вменяло и вменяет себе в обязанность прийти к соглашению с общественно-демократическими организациями Украины относительно тех переходных мер, которые в дальнейшем могут и должны быть приняты, чтобы обеспечить права украинского народа в местном управлении и самоуправлении, в школе и суде, — мер, которые готовят переход к тому окончательному свободному строю, который Украина должна получить из рук Всенародного Учредительного собрания.

Но полная перестройка государственного организма России и строения общероссийской армии невозможны под огнем внешних врагов и при величайших опасностях внутри для дела свободы.

Братья украинцы! Не идите же гибельным путем раздробления сил освобожденной России! Не отрывайтесь от общей Родины, не раскалывайте общей армии в минуты грозной опасности! Не вносите братоубийственной розни в народные ряды как раз тогда, когда напряжение всех сил народных необходимо для защиты страны от военного разгрома, для преодоления внутренних препятствий. В нетерпеливом стремлении теперь же закрепить формы государственного устройства Украины, не наносите смертельного удара всему Государству и самим себе, ибо гибель России будет гибелью и вашего дела. Пусть все народы России теснее сомкнут свои ряды в борьбе с угрожающими стране внешними и внутренними опасностями. И пусть окончательное решение всех основных вопросов они предоставят недалекому уже Учредительному собранию, в котором они же сами будут решать судьбы и обшей им всем родины — России, и всех отдельных областей ее.

Министр-председатель князь Львов

16 июня 1917 года.

ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 38. Л. 121. Вырезка из газеты «Вестник Временного правительства» № 82. 17 июня 1917 г.

№ 8. Письмо военных-украинцев Павлышского гарнизона Временному правительству о необходимости расформирования национальных частей

Петроград. Временному правительству

[Из] Павлыша, 20 [июня 1917 г.]

Прочитав воззвание ваше от шестнадцатого сего июня о призыве украинскому народу, собравшиеся воинские чины-украинцы находят, что украинское движение поднято на верхах не украинским народом, а имущими его классами, испугавшись могущественного роста революции, желая посеять национальную рознь, для того, чтобы в братоубийственной гражданской войне, в крови ее, потопить плоды достижений народных и разъединить наши сомкнувшиеся ряды, а потому мы все протестуем против нарушения прерогатив единственного хозяина земли русской — Учредительного собрания — и заявляем, что ни один из нас под отдельным национальным флагом в то время, когда все мы, все народы, населяющие Россию, три года ложим свои головы на алтарь освобождения родины и добились наконец общей братской свободы и полного равенства — не пойдет. Все мы выражаем доверие Временному правительству и кричим будущему Учредительному собранию «Ура!».

Воинские чины Павлышского гарнизона.

ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 293. Л. 96–97. Телеграфный бланк.

№ 9. Обращение П. А. Кропоткина к украинскому народу с призывом не отделяться от России¹

[Не позднее 26 июня 1917 г.]¹

К украинскому народу

Братья украинцы,

Не посетуйте на меня за мое к вам обращение. Всю свою жизнь я не только стоял за право на самостоятельное развитие каждой народности, но считал, что в такой свободе и в возможности самостоятельного развития всех народностей лежит залог высшего развития для всего человечества.

¹ Датируется по сопроводительной записке. См. прим. 11.

Только тогда, когда каждая народность — большая или малая — получит возможность вполне свободного развития не только своего родного языка, своей литературы и художественного творчества, но и всех своих бытовых и хозяйственных особенностей, — только тогда развитие человечества выйдет на истинный путь.

Только тогда возможен будет полный расцвет лучших сил человеческой природы и ума. Только тогда будет человечество свободно творить новый строй жизни, ведущий к объединению людей, а не к разединению.

Большую часть своей жизни я посвятил распространению этих воззрений, и только поэтому позволяю я себе обратиться к Вам с братским словом. Я вполне понимаю, какие чувства должны были развиваться в украинском народе по отношению к Российской империи, когда всякая попытка распространить образование на вашем родном языке, снова оживить вашу литературу, задавленную владычеством Польского и Российского государств, или возродить исконные формы общественной жизни, рассматривалась чиновниками русского царя, как политическое преступление; когда всякая попытка развивать свои бытовые особенности или даже собственное понимание религии, преследовалось как попытка отложиться от России и присоединиться к ее врагам.

Сознание такого враждебного отношения к целому народу естественно порождало в вас враждебное чувство.

Но, братья, с 27 февраля нынешнего года новая полоса развития открылась перед всеми народностями, обитающими громадные равнины Восточной Европы.

В совершившемся у нас перевороте нет ничего случайного. Его первыми провозвестниками были декабристы 90 лет тому назад. Его продолжали готовить петрашевцы, как только в Западной Европе совершилась революция 1848 года. А начиная с 1861 года, поколение за поколением, без перерыва шло в тюрьму, в каторгу, на смерть, чтобы расшатать и разрушить гнусный государственный строй. Сыновья и дочери Украины гибли на тех же эшафотах, в тех же тюрьмах, при тех же расстрелах, что и сыновья и дочери великороссов, кавказцев, поляков, латышей, татар, восстававшие против царского гнета. В этой борьбе различные народности, населяющие Россию и Сибирь, сплотились так же тесно, как Эльзас

и Лотарингия сплотились с французским народом во время Великой Революции.

Переворот 27 февраля не случайность. Революция в России развивалась и крепла целое столетие, и возврат к прежнему строю безусловно невозможен.

Месяцы, прожитые Россией без центральной власти, здравый смысл, выказанный народом, само время, в которое мы живем, и наконец, полный провал императорской централизованной власти в срединных империях — все это делает возврат к прежнему угнетению народностей, классов и личностей совершенно неправдоподобным. При этом все народы Европы вступают в полосу развития, как они вступили после Великой французской революции, и, судя по всему, в эту новую жизнь широко войдет в Европе начало республиканской федерации, составившее силу Соединенных Штатов и Канады.

Прежнее сосредоточение законодательной власти в руках сильного центрального правительства отжило свой век. Вернуться к нему в России также невозможно, как вернуться к самодержавию. Россия неизбежно должна будет перейти в федерацию народностей и областей, имеющих каждая свое широкое самоуправление, и вместе с тем так же тесно сплоченных между собой, как республики Швейцарии, Штаты Северо-Американской республики или провинции Канады. И тогда при таком федеральном строе народы Украины, Польши, Литвы, Финляндии, Кавказа, Сибири и т. д. смогут выступить на путь пышного расцвета их умственной и хозяйственной жизни. В этом нет и не может быть сомнения.

Но, братья украинцы, всякая федерация представляет договор между несколькими областями или народностями, и в данном случае договор не может быть заключен без согласия русского народа и других народностей, входящих в состав России. Но до созыва Учредительного собрания нет органа, который мог бы заключить такой договор. Поэтому правильным путем для украинского народа было бы — до окончания войны отложить разрешение коренного вопроса о федеративном союзе. А тем временем провести в жизнь Права человека и гражданина, признанные демократической Россией, как основа ее Великой Хартии Вольностей: провести их в образование, провести в жизнь свободное исповедование религий и положить начала освобождению труда, — ни в каком случае не прерывая

федеративной связи с русским народом и, конечно, избегая всего того, что могло бы нарушить в будущем добрые отношения между обоими народами.

При этом, позвольте сказать вам, братья, что все, чему учит нас история, и чему научил меня долгий жизненный опыт, ведет к заключению, что самой сильной помехой тому расцвету народной жизни, которого мы все желаем, было бы образование независимых государств из народностей и областей, входивших в состав Российской империи.

В таких государствах повторилось бы то, что мы видим в балканских государствах (отчасти и в скандинавских).

Слишком малые по сравнению с соседями, балканские государства стали, как вы знаете, добычей честолюбивых царьков, ищущих покровительства у соседних царей, которые вселяют им всякие завоевательные планы, втягивают их в войны, а тем временем грабят экономические народы этих малых государств.

В то время, как лучшие люди второй половины XIX века (в том числе М. А. Бакунин) проповедовали республиканскую федерацию, т. е. Балканские Соединенные Штаты, как зачаток Соединенных Штатов Европы, соседние императоры, конечно, всеми силами противодействовали такому решению Балканского вопроса. Они создали теперешнюю шахматную доску царьков, обращающих балканские народы в прислужников и рабочую силу для соседних монархий.

Во всяком случае, если бы украинский народ и нашел нужным отделиться от русского, то, конечно, он должен был бы отложить всякий шаг в этом направлении до окончания войны.

Каковы бы ни были политические планы и ошибки отдельных лиц, нельзя допустить мысль, чтобы большинство украинского народа, видя, каковы планы Германии и Австрии на порабощение — экономическое и политическое — русского народа, зная, каковы были бы последствия германо-австрийской победы на Востоке, и понимая, что такая победа была бы только началом новых притязаний на порабощение и русского, и украинского народа, и всех других народов, обитающих Россию, — нельзя допустить, чтобы, зная и предвидя все это, мыслящие люди Украины не подумали о том, что нанести такой удар в такую минуту русскому народу было бы одним из тех преступлений, которые потом тяготят, как проклятие, на судьбе народа, совершившего такое преступление.

История знает не одно такое преступление. Но она же знает, какой тяжелой ценой за них расплачивались преступные народы.

Братья, не рвите вековой связи. С обновленной Россией вы сможете жить по-братски. А сливая воедино творческую строительную работу жизни двух столь близких народов, вы достигнете великих результатов в мировом строительстве Свободы, Равенства и Взаимности.

П. Кропоткин

ГА РФ. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 727. Л. 33–35. Копия. Машинопись. Там же. Л. 1–32. Черновики. Автограф.

№ 10. Письмо русских украинцев министру-председателю Временного правительства князю Г. Е. Львову о недопустимости отделения Украины от России

[Июнь 1917 г.]¹

Глубокоуважаемый гражданин, Георгий Евгеньевич,

Позвольте немножко отнять у Вас драгоценного времени, чтобы выразить Вам глубокую благодарность и чувство полного удовлетворения по поводу постановления о неразрешении Временным правительством Украинского войскового съезда¹².

Мы, сознательные малороссы-украинцы, сыны той же единой России, глубоко возмущаемся теми сепаратными стремлениями небольшого числа малокультурных и политически невежественных граждан, которые проповедают отделение Украины от России, не зная ни истории, ни того, что Малороссия так тесно связана со всей Россией. Ведь начало Русского государства произошло здесь, на Украине, и тогда называлось Русью, и если она была отнята от всей России, то только по праву сильнейших чужих племен. Владимир Святой был князь русский, г. Киев есть мать городов русских, о каких же еще отделениях и отмежеваниях они мечтают. Знайте, что весь здравомыслящий народ, населяющий Малороссию, подымется как один человек против, и этот народ будет малороссы же. Мы всеми силами препятствуем и негодуем против отделения Украины-Малороссии от единой великой России.

Русские украинцы.

ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 38. Л. 126–126 об. Копия. Машинопись.

¹ Датируется по соседним документам в деле.

№ 11. Письмо членов Южно-русского демократического союза, Национального культурно-политического общества «Русь» и Русского народного совета Прикарпатской Руси к министру внутренних дел о поддержке решения Временного правительства отклонить требование Центральной Украинской Рады о провозглашении автономии Украины

[Июнь 1917 г.]¹

Господину министру внутренних дел

В течение долгого времени правительство стесняло полицейскими мерами разные проявления малорусского народного чувства. Отчасти вследствие этого, отчасти вследствие других причин малорусские народные стремления, при нормальных условиях вполне совместимые с идеей единства русского народа, стали принимать не совсем естественные формы. Не без влияния наших соседей развилось движение, стремящееся обособить Малороссию от остальной России в национально-культурном и политическом отношении. Это движение, известное под именем украинского, перешло из Галиции в Россию. До нынешней войны слабое распространение украинской прессы в России служило наглядным доказательством того, что украинское движение имеет сравнительно немного последователей. После революции наблюдается значительный рост украинского движения. Было бы большой ошибкой преуменьшать силы украинцев или говорить, что это движение не затронуло народных масс. Но все же можно категорически утверждать, что Центральная Украинская Рада не является выразительницей мнения всего малорусского народа.

Сами украинцы, признавая, что украинцев по происхождению миллионы, а украинцев по убеждению сравнительно немного, настаивают, что крестьян-малороссов не следует спрашивать, желают ли они обучать своих детей по-украински, так как под влиянием польского и русского давления украинский народ, по их мнению, в значительной степени утратил свое национальное сознание. Можно ли при таких обстоятельствах говорить, что малорусская демократия единодушно и сознательно поддерживает требование Центральной Украинской Рады? Что касается организованных сил городского пролетариата, то представители разных социалистических партий относятся к наиболее существенным тре-

¹ Датируется по соседним документам в деле.

бованиям Центральной рады (организация национального войска, объявление автономии до Учредительного собрания) явно несочувственно. Среди малорусской интеллигенции также нет единодушия. Часть ее относится к Центральной Украинской Раде неприязненно, часть более или менее равнодушно. Мало того, некоторые сознательные украинские элементы, лица, желающие развития самобытной украинской культуры на украинском языке, не во всем солидарны с течениями, представленными Центральной Украинской Радой.

Заявление Центральной Украинской Рады о том, что она сдерживает стихийное движение народа, по меньшей мере, страдает неточностью, скорее можно предполагать, что именно Центральная Украинская Рада, благодаря прекрасно организованным ею кадрам агитаторов, создает путем демагогических приемов известное брожение в народе.

Основываясь на всех отмеченных выше соображениях, Киевское национальное культурно-политическое общество «Русь», Южно-русский демократический союз и Русский народный совет Прикарпатской Руси¹³, в состав коих входят русские люди без различия политических взглядов, с чувством величайшего удовлетворения получили весть о том, что Временное правительство отклонило требование Центральной Украинской Рады о провозглашении автономии Украины до Учредительного собрания¹⁴. Дело государственного устройства Малороссии есть дело всего русского народа, а не одних украинских организаций.

Делегаты Южно-русского демократического союза:

Николай Иванович Горбенко

Борис Николаевич Щеглов (Киев, Львовская, 20, кв. 2)

Делегаты Национального культурно-политического общества

«Русь»:

Малоросс Трофим Киприянович Завадский

Я. Коблов

Делегаты Русского народного совета Прикарпатской Руси:

Мариан Феофилович Глушкевич

Ростов н[а]-Д[ону] Дмитр[иевская], 47

Григорий Семенович Малец

Ростов[-на-]Дон[у], Старопочтовая, 70.

Адриан Вл [адимирович] Копыстьянский

№ 12. Письмо членов Национального культурно-политического общества «Русь», Южно-русского демократического союза и Русского народного совета Прикарпатской Руси министру народного просвещения Мануйлову А. А. о недопустимости принудительной украинизации школы

[Июнь 1917 г.]¹

Господину министру народного просвещения

Мы, нижеподписавшиеся делегаты Национального культурно-политического общества «Русь», Южно-русского демократического союза и Русского народного совета Прикарпатской Руси¹⁵, имеем честь высказать следующие соображения по вопросу об украинизации школы:

Даже тот, кто видит в малороссах отдельный народ, не станет отрицать, что малороссы более близки к великороссам, чем к другим славянскими народностям. Результатом единства происхождения, единства культуры, общности, в течение долгого времени, истории явилось то, что сознание родства с великороссами сохраняется среди широких кругов малорусской интеллигенции и народных масс.

Русский литературный язык был создан совокупными усилиями великороссов и малороссов. Многие малорусские семьи, в течение нескольких поколений, считают русский литературный язык своим родным языком.

Ввиду того, что часть малороссов стремится к созданию самобытной украинской культуры с выработкой отдельного украинского языка, мы признаём вполне правильным решение Временного правительства предоставить украинцам полную свободу в удовлетворении их национально-культурных потребностей и украинизировать школу, насколько это вызывается действительным желанием хотя бы части южно-русского населения. На практике украинизация школы встречает большие затруднения. Нужно строго различать малорусские народные говоры и современный украинский литературный язык. Последний не всегда понятен не только малорусскому простонародью, но и многим образованным малороссам, прекрасно владеющим малорусскими народными говорами.

Едва ли будет ошибкой сказать, что в отношении украинизации школы малорусское население разделится на две основные группы, между

¹ Датируется по соседним документам в деле.

которыми будет много промежуточных звеньев: противники украинизации, желающие сохранить за школой ее нынешний русский характер, и сторонники полной украинизации, находящие нужным изгнать русский язык, как язык преподавания, из школ всех типов и воспитывать своих детей в возможно большем отдалении от всего русского. Но найдутся такие лица, которые будут крайне удивлены, когда им под именем «родного» языка поднесут современный украинский литературный язык.

Поэтому к украинизации школы, даже низшей, и в местностях, где население говорит по-малорусски, необходимо подходить с величайшей осторожностью. Всякое насилие, направленное к стеснению сторонников украинизации или их противников, было бы актом не только несправедливым, но и нарушающим государственные интересы. К сожалению, по газетным известиям создается впечатление, что правительственная власть в согласии с мнением Центральной Украинской ады относительно низшей школы, уже предрешила вопрос о необходимости украинизации южно-русской школы и приступает к осуществлению принудительной украинизации низшей школы в селах. Такие мероприятия мы признаём совершенно неправильными и полагаем, что выбор языка, в силу признанной Временным правительством свободы национально-культурного самоопределения, есть дело учащихся и их родителей, а не правительственной власти или органов земского самоуправления.

Украинизация низшей школы даже в сельских местностях (без предварительного опроса учащихся или родителей) есть насилие. Еще большим насилием была бы принудительная украинизация средней школы, так как весьма значительный процент лиц, поступающих в эту школу, не владеет малорусским языком. Родительские комитеты Киева и Полтавы уже высказали отрицательное отношение к украинизации средней школы.

Исходя из того принципа, что школа для учащихся, а не учащиеся для школы, мы признаём, что учителя, в случае желания учащихся или их родителей украинизировать школу, должны выучить украинский язык. Но и здесь нужно соблюдать известную осторожность, дать учителям более или менее значительный срок, снабдить их необходимыми пособиями, а главное, заставлять учителей заниматься украинским языком лишь там, где учащиеся или их родители уже выразили свое желание украинизировать школу. Кроме того, необходимо предохранить учителей, не сочувствующих принудительной украинизации, от давления со стороны их учебного начальства.

Протестуя против насильственной украинизации, мы признаём весьма желательным, чтобы в средней школе было обращено серьезное внимание на изучение исторических, лингвистических и бытовых особенностей Малороссии.

Необходимо, чтобы все южно-русские школы с преподаванием на украинском языке давали основательное знание русского литературного языка, как языка государственного и родного языка значительной части населения Малороссии.

Наши конкретные пожелания сводятся к тому, чтобы правительственная власть определенно указала, что:

1) Ни в одной школе русский язык не должен быть заменен украинским без согласия на то учащихся или родителей;

2) Учителя, которые будут агитировать за русскую школу, не должны подлежать стеснениям со стороны учебного начальства.

Кроме того, в интересах ограждения свободы учителей было бы весьма полезным поторопиться с проведением в жизнь намеченной правительством отмены произвольных увольнений, переводов, уменьшения числа уроков и т. п. мероприятий, дающих возможность начальству бесконтрольно распоряжаться судьбой учителей.

Для желающих получать среднее образование на украинском языке следует открывать новые гимназии, не превращая уже существующие русские гимназии в украинские.

Делегаты Южно-русского демократического союза:

Николай Иванович Горбенко

Борис Николаевич Щеглов

(Киев, Львовская, 20, кв. 2)

Делегаты Национального культурно-политического общества

«Русь»:

малоросс Трофим Киприянович Завадский (Киев, Скобелевская,
№ 25)

Я. Коблов

Делегаты Русского народного совета Прикарпатской Руси:

Адриан Владимирович Копыстянский

Григорий Семенович Малец

Ростов-на-Дону, Старопочтовая, 70.

№ 13. Письмо представителей Соединенного заседания исполнительных комитетов объединенных общественных организаций Совета рабочих депутатов, Совета депутатов войск Киевского военного округа и коалиционного студенчества Временному правительству об отнесении вопроса об автономии Украины к компетенции Учредительного собрания

[Июнь 1917 г.]¹

Петроград. Временному правительству
[Из] Киева. Военная

Копия

Соединенное заседание исполнительных комитетов объединенных общественных организаций Совета рабочих депутатов, Совета депутатов войск Киевского военного округа и коалиционного студенчества, заслушав телеграмму Временного правительства в ответ на декларацию Украинской Центральной рады¹⁶ и обсудив вопрос, как в общей его постановке, так и в связи с пунктами декларации, постановило: стоя совершенно определенно на почве устройства России на принципах децентрализации и широкой автономии, мы вполне присоединяемся и готовы всей силой своего авторитета поддержать точку зрения Правительства, что вопрос этот в смысле общих начал автономии, ее объема и практического содержания может быть решен только Учредительным собранием. В настоящее время, по нашему убеждению, может быть речь лишь о подготовке вопроса к Учредительному собранию и об осуществлении культурно-национальных лозунгов украинцев. № 2924 Председатели исполнительных комитетов Страдомский, Смирнов, Отоцкий, секретарь Фрумин.

ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 38. Л. 127. Копия. Машинопись.

№ 14. Листовка редакции газеты «Киевлянин» со статьей Шульгина В. В. «Против насильственной украинизации Южной Руси» II.

Против насильственной украинизации Южной Руси

Постановление Временного правительства «об образовании Генерального секретариата в качестве высшего органа управления крае-

¹ Датируется по соседним документам в деле и содержанию документа.

¹¹ Оpubл. 18 июля 1917 г. в газете «Киевлянин».

выми делами на Украине»¹⁷ фактически является созданием в Российской державе особой области, с присвоением ей имени Украины. Это же постановление обозначает, что население этой области будет в государственных актах именоваться украинцами, а язык, которым говорит население, украинским. Одним росчерком пера Временное правительство решило вопрос необычайной важности в жизни каждого гражданина Юга России.

Люди, которые еще вчера считали себя русскими, которые всеми силами боролись за существование Руси, которые проливали кровь за русскую землю, решением Временного правительства перечислены из русских в украинцы, причем Правительство не спросило этих людей об их желаниях и не дало возможности им выразить свое отношение к этому важнейшему для человека вопросу, вопросу принадлежности к той или иной национальности. В этом постановлении Временного правительства нельзя не видеть акта величайшего пренебрежения правителей к правам управляемых. Решение таких вопросов, как зачисление свыше тридцати миллионов народа в ту или иную национальность, может принадлежать только Учредительному собранию, которое выслушает действительных представителей этих миллионов людей, представителей, выбранных ими при помощи правильных, закономерных, охраняемых всей мощью государственной власти выборов.

Временное правительство пошло по иному пути. Оно взяло на себя смелость самому решить, как вопрос самоопределения народа, населяющего Южную Россию, так и вопрос о территории новой области, создаваемой для этого народа. Временное Правительство, в составе пятнадцати министров, из которых подавляющее большинство имеет весьма отдалённое представление о южнорусских делах, в течение одного или двух заседаний решит вопрос какая губерния входит в состав создаваемой Украины и какая останется на долю остальной России. Временное правительство, не спрашивая желаний населения, будет сортировать его на украинцев и русских, руководствуясь никому неизвестными соображениями.

Временное Правительство сделало это как раз в то время, когда недавним актом оно назначило Учредительное Собрание через три месяца. Неужели из уважения ко всему населению России, в высшей степени заинтересованному в этом вопросе, Временное правительство не могло выждать трех месяцев, которые оставались до Учредительного Собрания?

Учредив «Генеральный секретариат Украины», Временное правительство, в своей декларации утешает Малороссию утверждением, что «вопрос национально-политического устройства Украины должен быть решен в Учредительном Собрании». Временное правительство, очевидно, не сознает, что признание наименования — Украина, определение её территории и распространение на эту территорию власти Украинского Секретариата и являются самыми важными вопросами национально-политического устройства Южной России.

Временное Правительство взяло на себя смелость разрешения того спора, который давно ведет между собой культурное население Южной России. Не входя в существо этого спора, нельзя не отметить, что подавляющее большинство грамотного населения Южной Руси в качестве литературного языка предпочитает русский язык. Это явствует из того факта, что украинские издания пользуются сравнительно малым распространением. Не подлежит также никакому сомнению, что значительная часть сознательного южнорусского населения определенно называет себя малороссами, т. е. русскими Малой Руси, горячо привязано к этому русскому имени — и более того, — гордится им, считая, что оно преемственно связует его с величественной эпохой древней Киевской Руси. Это население будет в высшей степени оскорблено зачислением его в украинцы.

Особенно сильна антиукраинская тенденция как раз в самом сердце предполагаемой Украины — в Киеве. Киевское население чтит исторические традиции и не забыло, что Киев — колыбель Руси. И даже по признанию самих украинцев, Киев — «русский остров среди украинского моря». Кроме того, значительная часть киевского населения, и притом коренного местного, а не пришлого, относится с нескрываемым недоверием к украинцам, видя в них искусственных разрушителей единства русского племени и тайных сторонников Австрии. Что касается несознательного населения, крестьянских масс, то отношение их к вопросам национального самоопределения не выяснено. Последнее время среди крестьян как будто стал проявляться интерес к украинству, но насколько это движение серьезно, а не является следствием обещаний и запугиваний, могли бы показать только свободные и сознательные выборы в Учредительное Собрание.

При этих условиях акт правительства, вручившего всю власть Генеральному секретариату, рекомендованному Украинской Радой, и этим

разрешившего спор в пользу одной из борющихся сторон, является ничем не оправдываемым актом правительственного своеволия и неуважения к правам народа.

Освятив домогательства Рады, правительство не пожелало принять в соображение даже и того обстоятельства, что авторитетность этой Рады и соответствие проводимых ей взглядов действительным желаниям населения могут быть подвергнуты величайшим сомнениям. Если члены Государственной Думы заинтересованных губерний не были признаны правительством способными выразить волю населения, очевидно, вследствие недостаточности демократического закона 3 июня¹⁸, то тем менее можно в этом вопросе положиться на суждение людей, избранных неизвестно как, вне всякого закона и контроля, каковыми являются члены того собрания, которое выделило из себя Украинскую Раду.

16 июля так называемой Малой Радой принято «положение о Генеральном секретариате»¹⁹ — что является попыткой найти юридические формы для намеченного украинцами пути. Во имя справедливости, во имя прав населения на свободу национального самоопределения, во имя блага как всей России, так и нашего родного края, нахожу своевременным громко протестовать против акта насильственной украинизации Южной Руси, на наших глазах совершаемого правительством. Заявляю, что, будучи одним из лиц, вручивших этому правительству власть от лица населения, я никогда не предполагал, что Временное Правительство, «по почину Государственной Думы возникшее», позволит себе разрешать вековые вопросы Русской державы.

Всех лиц, разделяющих изложенные мысли, прошу присоединиться к этому протесту.

В. Шульгин

От редакции «Киевлянина». Если Вы желаете присоединить свой голос, а также голоса Ваших единомышленников, к протесту члена Государственной Думы Василия Витальевича Шульгина, напечатанному в № 170 «Киевлянина» от 18 июля 1917 г., не откажите сложить лист, наклеить марку и опустить в почтовый ящик. Вернее послать заказной бандеролью. Не подписывайте, если Вы уже присоединили свой голос письмами в редакцию «Киевлянина».

ГА РФ. Ф. 1834. Оп. 2. Д. 2030. Л. 1. Типографский экз.

**№ 15. Письмо Н. Шаповала министру-председателю
Временного правительства А. Ф. Керенскому
о необходимости разгона Верховной Рады
и прекращения украинизации**

[Не ранее 19 июля 1917 г.]¹

Александр Федорович,

Я объездил весь русский южный край. Вел беседу с народом Малороссии относительно ненужной и несвоевременной «украинизации». Все люди-малороссы возмущены насильственной украинизацией и этими приспешниками австрийскими Грушевскими, Винниченками, Петлюрами и К°. Эта кучка людей захватила власть в свои руки, не спросившись всего народа Южной России, желает нас обработать в пользу проклятой Германии и Австрии. Мы просим разогнать «Раду», так как она вносит смуту в народ. Достаточно с нас тех страданий, которые мы несем уже пять месяцев от разных комитетов украинских «спилок»²⁰. Если Вы допустите «украинизацию», Вас проклянет народ. «Спилка» своими распоряжениями и вмешательством в сельскохозяйственную жизнь — уборкой хлеба за 4-й и 3-й снопы — натравила богатых и бедных и внесла разруху. А это вызовет озлобление и страшную вражду. И на следующий год хозяйство останется без хлеба!

Если Вы желаете, чтобы население подчинялось власти одной, то уничтожьте «Раду». Пишет все это Вам малоросс. Чтобы убедиться, что я не лгу, сделайте анкету всем жителям Южной России, т. е. Малороссии, и Вы убедитесь, много ли согласны на насильственную «украинизацию» Киевской (т. е. австрийской) Радой. То, что правительство допускает на украинизацию без Учредительного собрания — это преступление пред Родиной и Южной Россией. Это значит сознательно вести страну к гибели. Пусть Корнилов разгонит «Раду»! Она страшно мутит народ малорусский! Какая-то кучка людей имеет право распоряжаться нами. Эта кучка людей уже сделала разруху сельскохозяйственной жизни, самовольно назначив убирать хлеб за 3-й и 4-й снопы, и теперь крестьяне-хозяева грозят не дать хлеба в города.

Малоросс, житель Звенигородского уезда Никон Шаповал.

ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 372. Л. 207, 207 об., 220. Автограф.

¹ Датируется по содержанию документа.

№ 16. Протест Совета Университета Св. Владимира против насильственной украинизации Южной России¹

Протест Совета Университета Св. Владимира против насильственной украинизации Южной России, принятый в заседании Совета 26 июля 1917 г.

Вполне присоединяясь к заявлению Московского университета по поводу общего политического положения России, Университет Св. Владимира, как высшее ученое учреждение, находящееся в крупнейшем из культурных центров Малороссии, и как корпорация, большинство членов которой являются уроженцами или постоянными жителями здешнего края, считает своим гражданским долгом изложить Временному правительству свой взгляд также и на сущность украинского вопроса, волнующего в настоящее время местное общество, и предупредить против тех роковых последствий, какими грозит русским общегосударственным интересам позиция, занятая по отношению к этому вопросу руководителями украинского движения в Киеве, а в последнее время, к сожалению, и самим Временным правительством.

Исторические и племенные особенности Малороссии, долгое время жившей отдельной от остальной России жизнью, вполне оправдывают то культурное движение, которое известно под названием украинофильства. Это движение, выразившееся в повышенном интересе к местной истории, местному языку и местному народному быту, в разработке малорусской литературы и в стремлении к сохранению культурных особенностей края, всегда пользовалось симпатиями местного общества. Несомненно, что те преграды, какие в прежнее время ставила этому движению наша государственная власть, заслуживают строгого осуждения, и Совет Университета Св. Владимира еще в 1905 году по запросу Министерства народного просвещения высказался против всех существовавших тогда стеснений малорусского языка и малорусской литературы²¹. Едва ли можно возражать также и против того, чтобы при организации областного самоуправления России (если введение такого самоуправления наряду с земским будет при-

---

¹ Заголовок документа. Протест опубликован: Университетские известия. 1916. № 11–12. Киев, 1917. С. 8.

звано необходимым) указанные особенности Малороссии были приняты во внимание.

Но от стремления к культурной самобытности Малороссии и от вопроса об ее областном самоуправлении следует строго отличать украинский политический сепаратизм, т. е. стремление к образованию особого украинского государства, находящегося с остальной Россией лишь в договорных отношениях или, быть может, даже вовсе с нею не связанного. Совет Университета Св. Владимира считает своим долгом заявить, что для решения украинского вопроса в этом смысле и в этом направлении нет почвы в предшествующей истории Малороссии, что такое решение идет вразрез с интересами не только великорусского, но и малорусского племени, и что не существует никаких оснований утверждать, чтобы оно соответствовало стремлениям, чувствам и желаниям большинства местного населения.

Воссоединение Малороссии с Россией было добровольным актом малорусского народа, вызванным не только необходимостью для последнего искать внешней опоры в своей борьбе за существование, но и сознанием своей культурной и племенной близости к великорусскому племени. В сущности, те же обстоятельства, т. е. политическая необходимость и близкое культурное и племенное родство между малорусским и великорусским народами привели к тому, что соединение Малороссии с Москвой, предоставлявшее первоначально Малороссии значительную долю политической самостоятельности, в дальнейшем завершилось полным слиянием их в один политический организм, и как бы мы ни смотрели на отдельные факты в той цепи событий, которая привела к такому результату, несомненным является одно: от этого слияния выиграли обе стороны — и Москва, и Малороссия. Если присоединение Малороссии усилило Москву и помогло ей достигнуть той степени могущества и процветания, какой она без этого акта, вероятно, не достигла бы, то, с другой стороны, малорусский народ получил возможность сохранить те блага, за которую он вел долгую и отчаянную борьбу с Польшей, т. е. веру и обычаи своих отцов, и воспользоваться всеми выгодами принадлежности к великой державе, потому что в среде народов, входящих в состав этой державы, он не был пасынком, но пользовался совершенно одинаковыми правами с великорусским племенем. Вместе с последним он заполнял все места по государственной службе вплоть до самых высоких и вместе с ним рас-

пространялся на юг и на восток, на завоеванные великой русской державой обширные, богатые и плодородные области. Конечно, в то же время малорусскому народу пришлось претерпеть и невзгоды, лежавшие на исторических путях России, и испытать на себе темные стороны былой русской государственности. Но те же невзгоды и те же тяготы переносило и великорусское племя.

При таких условиях в малорусском народе не могло возникнуть антагонизма к народу великорусскому, как и у последнего не могло возникнуть неприязни к малорусскому народу. И такого антагонизма, действительно, не было. Оба народа считали себя братьями. Тысячи связей образовались между ними за их почти трехсотлетнюю совместную государственную жизнь, и разрыв этих связей отразился бы на них так же болезненно, как болезненно отражается на живом организме разрыв его тканей. И, несомненно, что одной из таких связей — быть может, самой крепкой и самой дорогой для обоих народов — является наш русский литературный и общегосударственный язык, который образовался путем долгого исторического процесса, в который и малорусский народ привнес обильный дар и который поэтому оба племени с законной гордостью и почти на равных правах могут назвать своим.

Кому же нужна при указанных условиях политически обособленная Украина? Разве не ясно, что если от соединения двух родственных народов обе стороны выиграли, то от разъединения их обе же стороны должны будут проиграть? Разве не ясно, какими опасностями грозит и великорусскому, и малорусскому племени их разъединение, в особенности теперь, в момент мировой войны, в которой славянство борется за свое существование и которая требует от всех славянских племен и народов ясного сознания общности своих интересов и возможно более тесного единения? Разве не ясно, наконец, что расчленение России противоречило бы также и ее экономическим интересам, так как различия государственного языка и государственных учреждений никоим образом не могут считаться обстоятельствами, благоприятствующими экономическому развитию какой-либо страны.

Между тем, именно полным политическим разъединением двух братских племен и возбуждением между ними антагонизма и розни грозит деятельность той группы лиц, которая prepares в настоящее время в Киеве автономию Украины. Им нужна Украина с особым правительством, особым войском и особым государственным языком. Они на-

стойчиво проводят идею «Украина для украинцев» и требуют замещения всех ответственных государственных и общественных должностей в Украине украинцами. И на какие же области простираются их притязания? Они говорят об Украине от Карпат до Черного моря и Кавказа, т. е. включают [в] территорию будущего украинского государства не только те земли, на которые Украина могла бы иметь какие-либо исторические притязания, но и те, которые были приобретены соединенными усилиями и кровью всего русского народа под руководством русской государственной власти; которые заселены не только малорусским, но и великорусским племенем и иными племенами и народностями, и которыми малорусский народ, конечно, никогда не мог бы воспользоваться, если бы Малороссия не вступила в состав русского государства. Сторонники украинского политического сепаратизма, по-видимому, забывают, что Украина не могла бы оправдать исторически даже своих притязаний на Киев, потому что этот город не принадлежал Малороссии в момент окончательного присоединения ее к России, но был уступлен уже впоследствии Польшей Московскому государству²².

Многие подготовительные действия, необходимые для превращения Малороссии в автономную политическую единицу с характером государства, уже выполнены или выполняются руководителями украинского движения. Явилась уже «Центральная украинская рада»; возник «Генеральный секретариат», представляющий собою не что иное как зародыш украинского правительства с особыми министрами по всем отраслям государственного управления и даже с особым министром иностранных дел, предтечей которого, по-видимому, является в названном секретариате «секретарь по международным делам»; формируются и отчасти уже сформированы украинские войска; всячески пропагандируется и навязывается местному населению чуждый и малопонятный ему украинско-галицкий язык. Все это не оставляет никакого сомнения в том, что речь идет о достижении чего-то гораздо большего, нежели областная автономия Украины; что руководители украинского движения стремятся к полной политической обособленности и отчуждению от остальной России тех областей, которые они признают украинскими. Особенно характерным в этом смысле является стремление ввести «украинский» язык в качестве государственного языка и языка преподавания в Украине, так как, если общий государственный язык служит могучим средством объеди-

нения племен, входящих в состав одного государственного организма, то отсутствие такого языка, наоборот, является препятствием для сознания ими своей политической солидарности, ввиду чего даже в такой крупной и отвечающей всем принципам демократического строя федерации, как Соединенные Штаты Северной Америки, установлен для всех входящих в ее состав политических единиц один общий государственный язык. Между тем руководители украинского движения настаивают на введении в Украине особого государственного языка²³ и притом такого, который не явился продуктом органического развития, но искусственно создан с определенным и ясным расчётом на то, чтобы сделать его возможно менее похожим на общерусский язык. С этой целью в него включено множество слов и форм, чуждых не только великорусскому, но и малорусскому языку, что делает его малопонятным даже и для малорусского населения. Стремление к замене общерусского литературного языка в будущей Украине таким искусственно созданным и недостаточно ещё разработанным языком грозит задержкой развития образованности того народа, который вынужден будет им пользоваться, и не может быть объяснено иначе, как желанием разрушить установившуюся уже вековую культурную и духовную связь между великорусским и малорусским племенем.

Такое направление в решении украинского вопроса Совет Университета Св. Владимира признает противным самым жизненным, самым священным интересам русского государства и русского народа.

К сожалению, Временное правительство не только не оказало должного противодействия описанному движению, но нашло даже возможным войти в переговоры и соглашения с его руководителями и, не опросив местного населения, предрешило судьбу огромного края, согласившись на учреждение «Краевого органа».

Совет Университета Св. Владимира считает своим долгом заявить, что он признает такое отношение русской правительственной власти к украинскому движению не только опасным для русских общегосударственных интересов, но и юридически неправильным, потому что вопрос об автономии той или другой области, входящей в состав русского государства, может быть решен только волей всего русского народа, выраженной через его представителей в Учредительном собрании.

ГА РФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 1175. Л. 1–3 об. Копия. Машинопись.

**№ 17. Письмо председателя Покровского
волостного исполнительного комитета
Таганрогского округа Области войска Донского
во Временное правительство**

Июля 27-го [дня] 1917 г.

№ 2517

Всероссийскому Временному правительству

Волостной комитет осмелился при сем представить Временному правительству две копии, в которых выражено желание местного населения правдивое и преданность Временному правительству; излагая свое мнение, комитет желает довести Россию в единстве до порядка и законности. Воззвание Украинской Рады, «Универсал», не есть выражение воли малороссов, а самозванное, какой-то кучки людей, присвоивших себе это название и желающей взять власть в свои руки над Малороссией, которой власти им никто не давал и не даст. Если же правительство желает узнать волю Малороссии, то пусть запросит общества волостей, которые и выяснят свои ожидания в общественных приговорах, в которых также могут выяснить и другие пожелания в доведении России до порядка, величия и славы. В шумихе же Украинской Рады местное население предпола[га]ет происки немецких шпионов и ничего другого, так как только одна Германия желает России развала, слабости и раздербивания ее окраин, от чего будет ее слабость в такую тяжелую годину, а Германии обеспечит победу. Истинные же граждане Малороссии этого вовеки не желают, солдаты Малороссии из российских полков, как заявляют на месте, выходить не желают, так как чувствуют вместе с своим населением, что великоросс — их старший брат, и желают жить вместе и вместе управляться. Выраженное всеми казачьими войсками правительству пожелание: о восстановлении порядка и преследования анархистов, просить принять для блага Родины ленинцев и большевиков как германских пособников, жалеющих Германию, а не Россию, народ ненавидит и говорит, почему их правительство не выгонит с России, чтобы избавиться [от] ими наносимого вреда Родине; финляндцам вольностей не давать до Учредительного собрания, которое только и может сказать свое слово по управлению Родиной Россией с окраинами. Примите, господа министры, от любви к Родине выраженное мнение и не взыщите грамотности в изложении сего.

Председатель [...] ¹

Секретарь ^{II}

ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 200. Л. 4–4 об. Подлинник. Рукопись. На бланке.

**№ 18. Статья А. А. Яблоновского²⁴ «Украинцы»
из газеты «Русское слово»**

Украинцы

I.

Украинская школа, украинское войско, украинские министры, украинский сейм, украинский суд, украинская почта, украинский телеграф, украинский закон... ^{III} Это — все те векселя, которые в разгар войны и под гром вражеских пушек каждый день предъявляются Временному правительству то Киевской радой, то просто киевскими шовинистами. Бесчисленное количество векселей — и все, так сказать, на предъявителя. Конечно, русский народ не выдавал этих векселей, а украинский народ их не получал и не домогался. Векселя выданы на имя «киевского дядьки». Но, тем не менее, по ним приходится платить, и ныне, как говорят газеты, киевское правительство желает послать петроградскому правительству нечто вроде ультиматума:

— Чтобы ни один русский закон не входил на Украине в силу без предварительного опубликования его в официальном органе киевского секретариата на украинском языке.

Я не берусь судить, почему киевское правительство предъявило свой ультиматум именно сейчас, когда петроградское правительство только что сконструировалось. Но я не могу не обратить внимания на одну маленькую подробность этого удивительного выступления. Каменец-Подольск уже эвакуирован. В Киеве, в Одессе, в Житомире идут панические разговоры об эвакуации. Немцы уже косят русский хлеб в занятых областях. Весь Юго-Западный край находится под угрозой вооруженного грабежа и завоевания. И вот именно эту-то грозную минуту киевское правительство и выбрало

^I Часть листа с подписью утрачена.

^{II} Подпись неразборчива.

^{III} Здесь и далее в публикации отточие документа.

для разговоров о своем киевском престиже. А за киевским правительством потянулись и киевские шовинисты со своими неумолчными криками:

— Где же украинская почта? Где украинский телеграф? Почему нет суда на украинском языке?

Я не вижу надобности входить в оценку всех этих домогательств — дело тут очевидно само собой. Но мне все-таки хочется спросить гг. украинских патриотов:

— Господа, а может быть, мы сначала постараемся защитить Украину от врагов и уж потом поговорим об украинской почте?

— А может быть, мы сначала подумаем об обороне Киева и уж потом займемся вопросом о киевском престиже? Ведь, согласитесь, что это было бы вдвойне печально, если бы во время наших дипломатических переговоров пришел немец и забрал Киев вместе с киевским престижем и вместе с киевскими дипломатами?

Впрочем, я заранее знаю, что мой вопрос вызвал бы лишь презрительную улыбку на лице твердокаменных шовинистов, потому что та комнатная политика, которая ведется сейчас в Киеве, имеет свою особую психологию и свои особые корни в прошлом. Ведь украинское движение создано у нас не столько во имя национальных идеалов, сколько под влиянием запальчивости и раздражения.

Наши бывшие цари, и в особенности, наши бывшие псаря систематически, изо дня в день, глумились над самыми святыми, самыми естественными правами украинской национальности. Язык, школа, литература, пресса, театр, даже религия — все было предметом гнуснейшей, подлейшей и самой необузданной травли. В этом отношении прообразом Украины является ее поэт-мученик Шевченко, которому царь Николай Павлович запретил писать, запретил рисовать, запретил даже говорить с людьми. Но когда последний русский царь волею Божией потерял трон и очутился под караулом, Украина вышла, наконец, из душного каземата и в запальчивости и раздражении потребовала себе самостоятельности. Начался пожар националистических страстей, начались взаимные попреки, недоразумения и ошибки — крупные, исторические ошибки.

Украинские националисты-шовинисты обратились к России с такими же требованиями, с какими в одной украинской песенке обращается поссорившийся любовник к своей возлюбленной:

Отдай сало, отдай спічки,
Отдай нови черевички.
Отдай усе, что ты зыла,
Та щоб усе було ціла.

Конечно, это было чрезмерное требование, подсказанное запальчивостью и раздражением:

— Может ли, в самом деле, женщина отдать все, что она съела, и чтобы при этом все было цело?

Но молодой человек Терещенко, который ездил в Киев, чтобы помирить Украину и Россию²⁵, взглянул на дело иначе и сказал:

— Хорошо. Все, что было съедено, будет возвращено в целости!

И вот начался ряд крупнейших и прямо скандальных промахов. Не дожидаясь Учредительного собрания и не спрашивая ни украинский, ни русский народ, наше правительство пошло по линии наименьшего сопротивления и преподнесло изумленному миру целый ассортимент чудес в решете. Молодой человек Терещенко поговорил с молодым человеком Винниченко, и в результате вышла автономия, продиктованная «волей народа». Но кто же, кто спрашивал украинский народ об его воле, и в чем эта воля нашла свое воплощение?

— Был ли плебисцит в виде поголовного опроса?

— Нет, не было.

— Был ли всенародный приговор, надлежаще объявленный?

— Нет, не было.

— Был ли, по крайней мере, хоть простой вопрос, обращенный ко всей России?

— Нет, не было.

Ничего не было. Но из ничего все-таки вышли и автономия, и министр внутренних дел Винниченко, и «полуботковцы», и «универсал», и все то, что можно охарактеризовать словами «без пяти минут самостийность».

Я не верю в наивность истории и не думаю, чтобы национальная автономия, рожденная таким необычайным путем, могла претендовать на долголетие. По этому поводу еще скажут свое слово и украинский народ, и русский народ. И как они скажут, так и будет. Но и сейчас можно, мне кажется, предсказать, что и Россия, и Украина, едва ли сойдутся с молодым человеком Терещенко.

Дело в том, что на сквозном ветру партийных и национальных споров мы не успели даже толком определить границы украинской автономии.

— Вводится автономия, но где — с точностью неизвестно. Может быть, на Украине, а может быть, и в Крыму. Может быть, в Полтаве, но может быть, и в Одессе. Может быть, только в прежних малороссийских губерниях, но, может быть, и в Новороссии, и в Бессарабии, среди молдаван.

Я должен сознаться, что эта наивность государственной мысли кажется мне положительно трогательной. Ввели люди автономию, но не знают, где.

— Там, где-то, на юге, где пшеницу сеют...

А между тем, наиболее ретивые украинцы мысленно уже совсем отделили Россию от моря и распорядились русской территорией согласно поговорке «своя рука — владыка». Попробуйте поговорить с таким ретивым украинцем, и вы увидите, что карта будущей Украины уже составлена в Миргороде и утверждена в Кобеляках.

— Послушайте, добродию, но разве Одесса действительно ваша?

— А вже ж наша.

— И Крым ваш?

— А вже ж.

— И Бессарабия?

— А вже ж.

Эта странная претензия основана на том, что и в Крыму, и в Новороссии, и в Бессарабии живут среди других национальностей и украинцы.

— Наши люди — наша и земля.

Но при этом гг. украинские картографы далеко не всегда соблюдают даже принцип национального большинства, с которым обычно они очень любят считаться. Так, не далее, как на этих днях, в газетах было сообщено, что кто-то из украинцев уже покончил с Бессарабией и сопричислил ее к украинским губерниям, чем и вызвал протесты со стороны молдаван:

— Позвольте, добродию, вы ошибаетесь: мы — молдаване, а не украинцы, и не мы среди вас живем, а вы среди нас!..

Нет никакого сомнения, что эти территориальные аппетиты развились по мере еды. Никто не протестует. Никто не возражает, и при об-

щем молчании Украины и при безмолвии России политические портные или, по-украински, «швецы», хотят распороть все швы российского кафтана, чтобы выкроить себе из чужих лоскутьев и жупан, и малороссийские шаровары «шириною с Черное море». Я не думаю, однако, чтобы эти шаровары были сшиты. Отрезать Россию от моря еще труднее, чем выгнать ее из Европы в Азию. Но не подлежит спору, что отсутствие границ украинской автономии создаст в ближайшем будущем бесконечный ряд политических осложнений, неприятностей и, может быть, даже открытых столкновений. Это чувствуется уже и сейчас, хотя бы в таком невинном вопросе, как украинизация школы. То, что теперь делается в украинской школе, я не могу назвать иначе, как преступлением. Это аракчеевщина, но только вывернутая наизнанку. Это военные поселения, но только с национальным оттенком.

Судите сами. Сотни лет русский язык вливался в толщу украинского населения, пролагая себе пути по старым руслам нашей архаической государственности и нашей молодой культуры. Школа, казарма, суд, книга, газета — все несло на Украину русскую речь. И вот, когда украинская интеллигенция стала читать, писать, говорить и думать по-русски, и когда украинский язык сохранился только в деревнях (да и то не во всех), вдруг по щучьему велению отдается приказ:

— Немедленно украинизировать школу!

Я не говорю уж о том, что такие дела не делаются в 24 часа, и что даже покойное наше самодержавие не позволяло себе столь широких размахов. Но я хочу только спросить: где же физическая возможность исполнить этот приказ?

— Имеются ли на Украине свои готовые учителя?

— Нет, таковых не имеется.

— Есть ли, по крайней мере, учебники?

— Нет, учебников еще не написали.

— Имеются ли географические карты, пособия, задачки и пр.?

— Нет, и этого не имеется.

— Но есть ли, на худой конец, хоть ученики, которые говорили бы по-украински?

Я утверждаю, что в больших городах нет и учеников. Все киевские школяры говорят по-русски, и едва ли на сто человек из них найдется один, который читает и понимает по-украински.

Итак, к чему же сводится вся эта скоропостижная затея?

— Учителей нет, учеников нет, учебников нет. Но есть украинизация школы, и притом украинизация в 24 часа!

Но позвольте же спросить вас:

— Разве это не аракчеевщина? И разве это не смешно, что старых школьных учителей засадили за букварь и велели им в три месяца каникул выучить язык?

— Скажи, враже, як пан каже!

И заметьте еще, что мелодичный, звучный украинский язык значительно отстал в своем развитии, так что в его словаре сплошь и рядом не находится самых обиходных школьных слов. Таких слов, как «полушарие», «кровообращение», «млекопитающее животное», просто нет. Правда, гг. украинизаторы стараются помочь делу тем, что наскоро выдумывают слова, но в большинстве случаев крайне неудачно. Например, мне пишут, что полтавским учителям слово «полушарие» велено заменить словом «пивкуля» (полкуля), хотя во всей Украине едва ли найдется хоть один человек (если не считать профессора Грушевского), который согласился бы с тем, что земной шар похож на куль. По крайней мере, старые учителя искренно жалеют о гибели «полушария» и, сидя за букварем, сами над собой смеются:

— Не мала баба клопиту — купила порося. (Не было у бабы хлопот — купила поросенка).

Но если учителя только смеются, то совсем иначе смотрят на дело крестьяне. В деревнях украинизацию школы поняли по-своему, и крестьяне-хлеборобы говорят:

— Это паны не хотят нас учить своему языку. Это — панские штучки!

II.

На Украине может быть только одно совершенно правильное и политически честное решение школьного вопроса:

— Кто хочет и кто может вести у себя преподавание на украинском языке — пусть вводит.

Но киевские и полтавские шовинисты смотрят на дело совсем иначе и требуют, чтобы вводили все:

— И кто не может, и кто не хочет.

И оттого на практике получается не свобода преподавания, а аракчеевщина. Русских учителей, с русскими фамилиями и русским язы-

ком, систематически выживают и из Полтавщины, и из Подольской, и из Киевской губерний. Без особых церемоний им говорят:

— Вам здесь не место.

И вот опытные люди, всю свою жизнь отдавшие народной школе, начинают постепенно укладывать чемоданы и подумывают об «эмиграции» в Россию. На них смотрят, как на угрозу украинской культуре и спешат как можно скорее и как можно глубже провести разделяющую черту между русским учителем и украинским. А между тем, в России такой черты никто не проводит. В Москве нет разницы между «кацапом» и «холодом», и люди украинской национальности могут занимать у нас какие угодно места. Ведь мы не затруднились отдать все наши финансы, а затем и всю нашу внешнюю политику в руки малоросса Терещенко. Но на Украине даже русский преподаватель арифметики сейчас рассматривается как «опасный иностранец» и как элемент антинациональный.

Спрашивается, однако: откуда же, из каких корней выросли эти волчи ягоды национальной нетерпимости, и почему идея национального равенства так решительно изгоняется из пределов Украины? Без всякого сомнения, дело здесь не только в шовинизме и не только в украинской запальчивости и раздражении. Я не помню, кто это сказал, — но, кажется, профессор Грушевский, — что национальная культура на Украине переживает великую трагедию, и что она неудержимо поглощается культурой русской.

— Пройдет еще немного лет, и истекут последние сроки для воскрешения украинского Лазаря.

Это мысль очень глубокая и очень верная. Истинная трагедия украинской нации состояла не в русской полиции и не в русском царе, а в этой неравной борьбе двух культур. И оттого-то, как только взвились над Россией алые флаги, украинские националисты так неудержимо поспешили к дорогой для них могиле и с такой страстью и верой стали взывать:

— Лазарь! Встань и ходи!

Я искренно, от всей души и от всего сердца хотел бы, чтобы украинский Лазарь действительно встал из того гроба, в который заколотило его русское самодержавие, и чтобы он действительно пошел вперед богатырскими шагами. Но я очень боюсь, что последние сроки, о которых говорил проф[ессор] Грушевский, уже истекли, и что желанно-го чуда мы не увидим. Повторяю, дело тут не в самодержавии, которое

умерло и истлело, а только в русской культуре, которая не знает смерти и не боится тления.

— Наша литература, наш язык, наша наука, наше искусство — вот, что страшно для украинских националистов. Это страшнее самодержавия, страшнее полиции и казаков, потому что тут нет принуждения, а есть только настоящая, подлинная сила, которая побеждает духом святым, но не палкой.

Разве это не знаменательно, что в украинских клубах на стенах висят надписи «Просят не говорить по-русски»? Разве это не доказательно, что весь интеллигентный Киев целые ночи напролет выстаивал у кассы Художественного театра, чтобы поглядеть на «российское» искусство? И разве это не убедительно, что украинец Гоголь и украинец Короленко писали по-русски?

— Украинского писателя Короленко нет, но есть русский писатель Короленко.

Спрашивается: почему?

Я мог бы, однако, сказать даже больше. Наполовину отделившийся Киев, который уже успел обзавестись и своим правительством, и своим войском, и своей радой, все-таки не мог создать ни одной настоящей, хорошо обставленной газеты, достойной этого имени. Как прежде все читали «Киевскую мысль», так и сейчас все читают, и никаких перемен в этом отношении даже не предвидится. Но позвольте же спросить — почему?

Казалось бы, что в дни революционного энтузиазма, когда окончилось вавилонское пленение и всеми огнями загорелось национальное чувство, можно было бы создать хоть свою настоящую газету? А между тем, этого не случилось. И не случилось по очень простой, хотя и весьма убедительной причине:

— Читатели говорят и думают по-русски, поэтому и газеты читают русские.

Я не знаю, какого мнения придерживаются на этот счет гг. киевские шовинисты, но со стороны всем уже ясно видно, какую грубую, какую бестактную ошибку они делают. В обществе, которое прошло через русскую школу, которое выросло на русской литературе, которое воспиталось на русском искусстве и которое уже органически срослось с Россией, вдруг на всех стенах появляется надпись «Просят не говорить по-русски».

Но, господа, разве это еще нужно доказывать, что с культурным влиянием можно бороться только при помощи такой же равноценной культурной силы? Не палкой, а святым духом. Не надписями на заборе, а культурными ценностями. Создайте эти ценности, раскройте мощь вашего национального духа, и мы первые придем поклониться вашему гению, как поклоняемся мы таланту вашего Шевченко.

Но вы хотите избрать другой путь — путь национальных перегородок и таможенных застав. В 24 часа вы хотите вымести из Украины все, над чем 200 лет работала Россия. Не та Россия, которую называли страной царей, казаков и палачей, а Россия Толстого, Гоголя и Короленко. Нет, господа, *эту*¹ Россию вам победить будет очень трудно, и для честной, культурной борьбы с ней вы еще ровно ничего не сделали. Ибо нельзя же считать «борьбой» те надписи, которыми вы украшаете ваши стены — «Просят не говорить по-русски!» В эти надписи и в их волшебную силу могут верить только убогие шовинисты, но настоящие культурные люди видят в этих надписях только одно — свидетельство о бедности.

III

Во всей Украине не нашлось ни одного города, в котором на городских выборах победили бы украинцы. И это при всеобщей подаче голосов и при полной, ничем не стесняемой свободе агитации. Ни в Киеве, ни в Харькове, ни в Полтаве, — нигде украинцы не собрали большинства, и нигде народ не пошел за ними той сплошной стеной, которая обеспечивает победу на выборах.

Конечно, это еще нельзя рассматривать как плебисцит, — это была только генеральная репетиция плебисцита. Но и она дает полное право утверждать, что наше правительство слишком поспешно разрубило Гордиев узел украинского вопроса, и что вопрос этот и можно, и должно было отложить до Учредительного собрания. Ведь, если Украина терпеливо ждала 200 лет, то не затруднится же она подождать несколько месяцев? Притом же простой государственный такт и чувство элементарной справедливости должны были подсказать Временному правительству, что национальный вопрос в России можно решать только во всем его целом. Нельзя сказать:

---

¹ Курсив автора статьи.

— Украинцам я дам автономию, а грузинам не дам и мусульманам не дам, и армянам с молдаванами тоже не дам.

Ибо если Временное правительство компетентно для решения украинского вопроса, то оно не менее компетентно и для решения грузинского вопроса. Но представьте же себе, что ошибка Временного правительства не остановилась бы на Украине, и что в три месяца правительство наделало бы тридцать автономий: грузинскую, имеретинскую, армянскую, мусульманскую, латышскую, литовскую, карельскую, сибирскую и т. д. вплоть до автономии татар из Лештукова переулка²⁶.

Спрашивается: зачем стало бы собираться тогда Учредительное собрание?

Я думаю, что оно могло бы собраться только с единственной целью — посадить на скамью подсудимых все Временное правительство.

Впрочем, в самые последние дни наше правительство, по-видимому, стало отдавать себе отчет, куда завела его линия наименьшего сопротивления. По крайней мере, оно начало принимать уже кое-какие меры, чтобы ввести украинское движение в его исторические берега. Так, с Божьей помощью мы уже отвоевали у украинцев и Крым, и Бессарабию, и, может быть, Господь поможет нам отстоять и Новороссию. Но все-таки ошибка сделана, и чувство неловкости во всей его остроте перед другими национальностями остается.

Почему, спрашивается, можно украинцам и нельзя грузинам? Разве перед Временным правительством не все народы равны? Или и в самом деле автономию получает только тот, кто схватит за горло? Я очень боюсь, что именно такой вывод сделают и мусульмане, и латыши, потому что этот вывод стоит совсем недалеко от истины. Ведь, надо же говорить прямо: украинские политики воспользовались несчастьями войны, как попутным ветром. Проф[ессор] Грушевский не требовал Новороссии у царя Николая, потому что царь Николай, пожалуй, отказал бы профессору. Но когда власть выпала из слабых рук Временного правительства и когда дисциплину в армии совершенно расшатали, — о, тогда требования посыпались, как пули из пулемета. И можно сказать даже еще определеннее: чем больше истекала кровью Россия, тем настойчивее и громче говорило с нами киевское правительство. Теперь дело дошло до того, что украинский министр внутренних дел г. Винниченко заговорил даже о войне между Россией и Украиной.

— Или Россия отдаст Украине ту территорию, какую наметил г. Винниченко и К^о, или «не исключена возможность и гражданской войны между украинским и русским народами».

Как видите, это уже очень определенные и очень полновесные слова.

До сих пор гг. украинские дипломаты о войне никогда не говорили. Напротив, они все время помахивали нам пальмовой веткой мира. Но теперь, когда наши дела на фронте из рук вон плохи, г. Винниченко не затруднился пригрозить и войной.

— Или Русское правительство подчинится, или украинское правительство оставляет за собой свободу действий.

И заметьте: г. Винниченко заговорил о войне (правда, не с правительством, а лишь с газетным хроникером) как раз после того, как наше правительство предложило решить спорный вопрос путем плебисцита или поголовного опроса.

— Если, мол, население спорных областей пожелает, чтобы его включили в территорию Украины, то мы это сделаем. Но если оно признает себя русским, то пусть и спорные области считаются русскими.

Как видите, это такая постановка вопроса, против которой решительно ничего нельзя возразить: ведь не бараны же и не табуны лошадей живут в спорных областях, а живые люди, и надо же их, по крайней мере, спросить, как они хотят устроить свою судьбу. Но г. Винниченко находит это излишним. По его мнению, опрос населения только затянет дело, и потому для киевского правительства плебисцит вообще неприемлем. Очень может быть, конечно, что г. Винниченко сказал эту фразу под впечатлением недавних городских выборов на Украине. Эти выборы совершенно ясно показали, что на плебисцит украинцы полагаться не могут, и что доверие населения отдано не им.

Но как бы то ни было, а вместо плебисцита украинская дипломатия в первый раз сказала слово «война», и это ставит перед нашим Временным правительством новый вопрос:

— Будем ли мы, в самом деле, ждать, пока вождь украинской армии г. Петлюра обнажит свой меч, чтобы поддержать ультиматум киевского правительства, или же этот Петлюрин меч еще можно отобрать и спрятать в чулан, ибо если г. Винниченко бросил свои слова не на ветер, то не слишком ли глупо будет с нашей стороны своими же рука-

ми создавать особое украинское войско и формировать особые украинские полки?

Александр Яблоновский

*Русское слово. № 171. 28 июля 1917 г. С. 1.; № 173. 30 июля 1917 г. С. 1;
Русское слово № 176. 3 августа 1917 г. С. 1. (ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 363.
Л. 248. Вырезка из газеты).*

**№ 19. Докладная записка Н. Ф. фон Дитмара
Временному правительству
«Украинская автономия и Донецкий бассейн»**

Н. Ф. фон Дитмар
1917. Авг[уста] 1-го

Украинская автономия и Донецкий бассейн

По имеющимся сведениям относительно переговоров Временного правительства с представителями Киевской Центральной рады видно, что Харьковская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии включаются делегатами означенной Рады в район ей подчиненный. Необходимо отметить, что в этих четырех губерниях (и кроме того в части Области Войска Донского) заключается весь Донецкий каменноугольный и Криворожский железорудный бассейн и все металлургические заводы юга России. Вся эта горная и горнозаводская промышленность составляет вовсе не местное краевое, а общее государственное достояние и ввиду колоссального значения этой промышленности для самого бытия России, конечно, не может быть речи о том, чтобы эта промышленность и эта область могла находиться в обладании кого-либо другого, кроме всего народа, и быть в подчинении какой-либо власти, кроме власти всего народа — власти государства. Не может государство и его орган — Правительство — созданную вековыми усилиями и средствами всего народа и самого государства южную горную и горнозаводскую промышленность — основу экономического развития и военной мощи государства — и все вековые труды на заселение и процветание прежде пустынного края — взять у всего народа и передать провинциальной автономии и, может быть, даже федерации, основанной на резко выраженном национальном признаке. Надо считать возможным и необходимым вне всяких национальных автономий известную децентрализацию власти

и управления, но и с этой точки зрения — органы такой местной власти и управления должны быть в Харьковском районе и не могут быть перенесены из Харьковского района в Киевский, ибо одинаково этот перенос мог бы быть сделан напр[имер] в Царицынской или Кавказский район, и, с гораздо большим успехом, в Москву.

Харьковский район слагается из Харьковской губернии с прилегающими к нему с севера Курской и Воронежской и с юга Екатеринославской, составляющей центр южной горной и горнозаводской промышленности вместе с прилегающими к этой последней губернии частями Таврической, Херсонской губерний и Области Войска Донского. Весь этот район, как в промышленном отношении, так и в географическом и бытовом, представляется совершенно отличным от Киевского. Весь этот район имеет свое совершенно самостоятельное перво-степенное значение для России, живет самостоятельной жизнью, и административное подчинение Харьковскому району Киевскому району решительно ничем не вызывается, а наоборот, как совершенно не отвечающее жизни, такое искусственное подчинение только усложнит и затруднит всю жизнь района, тем более что это подчинение диктуется вопросами не целесообразности и не государственными требованиями, а исключительно национальными притязаниями руководителей украинского движения.

Если все-таки в вышеуказанных губерниях Харьковского района имеется украинское — сельское население, и это может еще служить некоторым оправданием притязаний на автономию — то многие районы и уезды и города и этим не отличаются, ибо там украинцев нет и никогда они вообще к Украине не сопричислялись. Как промышленность и торговля, так и города и крупные центры, созданы не украинской деятельностью, а общероссийской, и все крупные города носят общерусский характер, как, например, можно указать на Харьков, в котором даже по переписи 1907 г. было украинцев около 50 тыс. человек из населения 200 тыс. человек, а теперь при населении около 350–400 тыс. чел[овек] процент украинцев еще уменьшился. Город этот создан как вследствие сосредоточения в нём многочисленных правительственных губернских и областных учреждений, так особенно торговой и промышленной деятельностью, железными дорогами, широкой местной инициативой, сосредоточением в Харькове центральных органов по Донецкой промышленности (Съезды гор-

нопромышленников, Горнозаводский и Порайонный комитет, а ныне Временный Донецкий комитет и Управление Государственной монополии топлива и т. д.). Кроме того, Харьков был сосредоточением огромных складов и мануфактурной торговли, оптовой и розничной московских фирм. Выборы в городскую думу, недавно окончившиеся, показали, что по украинским спискам на 116 мест прошло всего 4 человека. И вот теперь все-таки предлагается приобщение Харькова к украинскому киевскому управлению, принимаются меры к его принудительной украинизации путем школ городских и сельских, что уже вызывает протесты родителей. Как известно, даже в Киеве протесты против обязательности изучения украинского языка вылились в реальную форму, в Киеве кроме того выражен энергичный протест со стороны Совета Киевского университета против направления в решении украинского вопроса, признав такое направление «противным самым жизненным, самым священным интересам русского государства и русского народа».

Еще одно замечательное обстоятельство. Для удовлетворения автономистов Украины, оказывается, надо прибегнуть к таким странным [мерам], как ограничение русских граждан «русского» происхождения вместе с другими не русского происхождения в их гражданских правах в районе «Украины». Именно для этих граждан II сорта назначена процентная норма²⁷, дабы они, несмотря на свою численность, занимали не более 30% мест в разных органах управления, за исключением высших, где требуются исключительно природные украинцы. Это ограничение в правах русских людей в своём же отечестве представляет из себя нечто неслыханное и невообразимое до сих пор, но печальная действительность указывает, что ныне и невообразимое осуществляется, а небывалое бывает.

Поэтому, не касаясь Киевского района, могу сказать, что весь Харьковский район в составе губерний Харьковской, Екатеринославской, Таврической и части Херсонской должен быть совсем исключен, ввиду его государственного значения, из района предполагаемой автономии украинской, ибо нельзя производить опаснейших экспериментов в области, которая никогда и ни под каким видом не подлежит какому-либо отчуждению, как важнейшая часть государственного организма.

И не даром Совет профессоров Киевского университета заявил протест против направления решения украинского вопроса, признав

такое направление «противным самым жизненным, самым священным интересам русского государства и русского народа». И это верно, ибо нельзя решать этот вопрос так односторонне — без участия русского и других народов России.

Отсюда вывод — только Учредительное собрание, как полноправный и компетентный орган всей России, может решать этот вопрос как в целом, так и в частях его.

Н. Дитмар²⁸

ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 187. Л. 40–42. Подлинник. Машинопись.

Опубл.: *Український національно-визвольний рух: березень–листопад 1917 р.: документи і матеріали*. К., 2002. С. 593–596.

**№ 20. Письмо Н. Волосевича министру-председателю
Временного правительства А. Ф. Керенскому
о необходимости отмены политики украинизации**

Господин министр,

Что делается теперь, трудно понять, откуда вражда между людьми, я думаю, что война всколыхнула море страстей в людях.

В м[есяце] июле сформировался в К[иеве] эшелон украинцев, и когда уезжали на позицию, произошло междоусобие — бой, который закончился жертвами — не достигнув позиции, головы положили. Многие жители жертвовали последнее на заем свободы, а одолеваемые страхом, бывшие герои, преследуемые германцем, отдали ему неисчислимы хлеба и др. грузы. С тревогой следили, что Вы желали оставить нас, но нам светлые и энергичные лица нужны, чтобы не пропадать нам, жителям. Свобода — драгоценность, но не все умеют пользоваться, а часто есть, что злоупотребляют. Еще много есть темноты, не понимают, за какой номер голосовать, и, часто не разбирая дела, голосуют за Украину.

Придумали автономию Украины, но крестьяне автономии не сочувствуют и даже от Украины отрекаются и говорят, что украинским языком хотят память им затемнить, чтобы они ничего не соображали, а паны будут по-прежнему в училищах и везде иметь первенство, а их мужицкому языку, но не литературному русскому учат; только заправила желают Украины, но все, с кем я имел разговор, и то случайно, а если бы нарочно спрашивал, то еще более передал бы, не нравится: автономия, украинские полки и украинск[ий] язык. Мы русские, у нас

может быть литературн[ый] язык один. В Вин[нице] посетил я в Мурах²⁹ курсы украинского языка, там слушателей было до 200 чел[овек]. Никто из них серьезно не изучает, но даже смеются, и только 15–17 учит, что учат, и фанатично преданны.

Если будет изучаться в школах деревенских украинский язык, то исковеркают литературный русский язык и украинскому не научатся. Г. г. министрам много работы, я не хочу затруднять, человек я малограмотный и не умею рассказать хорошо, но меня поймут и могут удостоверить через контрразведку, чтобы предотвратить надвигающуюся горе. Украинские полки для врага не страшнее других войск, заправили выдвигают, а полки страдают от враждебного отношения.

Для избежания и прекращения вражды между жителями г. г. министры своей властью могут прекратить всякую украинетезацию¹.

Иные учителя учили на курсах укр[аинский] яз[ык], потому что им обещали заседатели не дать школы, т. е. места учителя, даже крестьяне уч[ить] против — не нравится.

М[есяца] августа 1-го дня 1917 г.

Киевский кадетский корпус

Нил Волосевич

ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 372. Л. 234–235 об. Автограф.

№ 21. Обращение Совета Киевского политехнического института Временному правительству о нежелательности выделения Украины в самостоятельное государство

Записка Совета Киевского политехнического института
Временному правительству, принятая в заседании
6 августа 1917 г.

Присоединяясь к основным положениям, высказанным Университетом Св. Владимира в его представлении Временному правительству от 26 июля 1917 года по поводу украинского вопроса, Совет Киевского политехнического института, как корпорация, близко стоящая к промышленной и сельскохозяйственной жизни Юга России, в настоящий грозный и ответственный момент считает своим гражданским долгом обратиться к Временному правительству с нижеследую-

¹ Так в документе.

щими словами, воодушевляемый единственным стремлением оказать посильную поддержку Временному правительству в его трудной борьбе за сохранение целостности государства и доведение страны до Учредительного собрания.

В страшный час, когда дезорганизованная преступной агитацией и применением ошибочных приемов управления армия, потрясенная к тому же глубоким политическим переворотом внутри страны, дрогнула перед грозным и сильным врагом и он ворвался в богатые южные области нашей Родины, когда он попирает своими ногами нашу родную землю и опустошает житницу нашего Отечества, — в этот грозный час, воспользовавшись временным ослаблением власти, вызванным великим переворотом, группа лиц задалась целью поднять в нашем крае политическое движение, имеющее целью отторгнуть от страны часть территории и создать Украинское государство. Зная край, его жизнь и население, мы утверждаем, что движение это не вызвано течением в народных массах и не находит в них опоры, что для создания новой государственной единицы нет налицо особых культурных, экономических, религиозных и других условий, необходимых для создания нового государственного тела и что движение это покоится на поверхности и не имеет корней в глубинах народной жизни.

Но вместе с тем движение это слишком опасно для страны, в особенности ввиду того, что враг вторгся в область, в которой стараются вызвать это политическое движение. По своему существу оно является ничем иным, как попыткой со стороны группы лиц захватить богатый край и стать во главе его управления. Этому захвату способствует целый ряд внешних случайных обстоятельств. В частности, военная гроза и дезорганизация армии дали возможность неустойчивым элементам оставить ряды фронта и собраться разноплеменной массой под видом национальных полков. Сами по себе они вносят раздор и анархию, что мы и пережили в Киеве при выступлениях «полуботковцев»³⁰ и др. Тем не менее, этим путем попадает в руки выше-названной группы известная военная вооруженная сила, которой они могут распоряжаться и вызвать гражданскую войну.

Соглашение с Центральной Радой Временного правительства 2 июля 1917 года, вызвавшее (наряду с другими причинами) глубокий правительственный кризис, повлекший за собой перемену министерства³¹, также явилось фактором, несомненно усилившим по-

ложение группы, уже пытающейся осуществить организацию власти в крае, в виде Генерального секретариата и Центральной рады. Соглашение 2 июля с. г. как бы признавало Центральную Раду и давало возможность этой последней создать в виде Генерального секретариата мощный краевой орган власти, ответственный перед Центральной Радой и независимый от Временного правительства, разрывая этим единую великую Россию на части, не объединенные единым государственным языком. Центральная рада и Генеральный секретариат уже приняли по отношению к населению края облик власти и разнообразными путями, не чуждыми подчас демагогии, начинают — именно в качестве «власти» — привлекать к себе народные массы — крестьянство (на основе земельного вопроса), учителей, духовенство, железнодорожных служащих, некоторые национальные группы и т. д. Эти действия реально укрепляют, питают и увеличивают власть вновь созданных органов — Центральной рады и Генерального секретариата. Все неопределенности и неясности договора 2 июля открывают полный простор для Центральной рады и Генерального секретариата пытаться делать все новые и новые захваты власти, в расчете на слабость и уступчивость Временного правительства.

В периоды революции успехи управления определяются не столько правом, сколько степенью устойчивости и силой, проявляемой в действиях власти. Мы приветствуем желание коалиционного министерства нового состава проявить более твердости против притязаний Центральной рады и Генерального секретариата, обнаруженное в его отношении к статуту Генерального секретариата, но не можем не выразить крайнего сожаления по поводу тех уступок, которые все же сделаны были в акте 4 августа 1917 года³², не опросив мнения всего населения края и вопреки торжественному обещанию Временного правительства не предпринимать коренных изменений в государственном строе до разрешения их Учредительным собранием. Только твердое и определенное отношение к попытке вызвать движение, не покоящееся на реальных нуждах края, не вызываемое никакими насущными потребностями населения и не питаемое народными массами — крепкая и энергичная власть в этом направлении только и может парализовать попытку захвата власти в крае и избавить страну от ужасов гражданской войны и от распада государства.

Считаем необходимым отметить, что в случае удачи упомянутого захвата, в особенности, в пределах, намеченных Радой, отпадает от России край с богатейшей почвой, с каменноугольными копями, дающими в настоящее время до $\frac{3}{4}$ всего добываемого каменного угля, с богатыми рудными месторождениями, залежами соли и другими природными богатствами, обеспечивающими пышный расцвет сельского хозяйства и промышленности. Край этот отличается наивысшей в России по своей интенсивности сельскохозяйственной культурой, интенсивными свеклосахарными плантациями, питающими развитую в крае сахарную промышленность, составляющую громадную долю всей сахарной промышленности страны. Он прилегает к Черному морю с прекрасными гаванями и, будучи потерянным, отрежет остальную страну от Черного моря. Потеря этого края вызовет глубочайшее потрясение в стране и может повлечь за собой самые роковые последствия для нашей Родины.

Ввиду всех вышеизложенных соображений, во имя спасения и славы Родины, Совет Киевского политехнического института поднимает к Временному правительству свой предостерегающий голос о смертельной опасности для Родины, о необходимости твердой и определенной, неколеблющейся политики в целях сохранения целостности государства, избежания ужасов гражданской войны и доведения страны до Учредительного собрания. Совет почитает своим гражданским долгом посылить содействовать Временному правительству в его бесконечно трудной и ответственной деятельности на благо и счастье дорогой Родины.

Помета: По существу это обращение промышленников.

ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1925. Л. 1–4. Копия. Машинопись.

№ 22. Письмо крестьянина С. Т. Левченко министру-председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому о необходимости разгона Верховной Рады

Господину министру А. Ф. Керенскому

Я хохол из Полтавской г[убернии], спрашиваю Вас, господин министр, долго ли будет длиться «украинское безобразие»?

Почему до сего времени не арестованы и не посажены в тюрьму Грушевский, Петлюра, Винниченко и К^о? Неужели Вы, Правительство, верите этому Хлестакову с 40 тысяч[ами] курьеров — Винни-

ченку, что за «Радой» стоит 60 миллионов «украинского» народа и будет гражданская война между украинским народом и русским?

Я хохол-малоросс, простой человек, не пан, от имени таких же простых людей говорю Вам: врут они, эти киевские самозванцы!

Кто избирал эту Раду?

Кому она нужна?

Народ плюет на Раду, называет членов ее самозванцами, ворами, босяками и с радостью узнал бы о том, что Правительство разогнало бы ее.

Над украинством у нас и дети малые смеются.

Умоляем Вас — прекратите этот соблазн — немедленно арестуйте проклятых изменников-мазеп Винниченко, Петлюру и проч., и не надо нам ни украинства, ни автономии. Панам может и нужно — не знаем. На народ нечего валить то, что хочется панам. Мы не пойдем за теперешними мазепами, как не пошли наши предки за Мазепой при царе Петре.

Смелой, твердой рукой возьмите эту шайку за шиворот и бросьте в яму, пусть сидят. То им и будет полная автономия.

Просим и умоляем Вас: не делайте вреда и разора царству; не будьте слабыми, не поддавайтесь и не давайте автономии. «Украинцам», этой киевской босоте, нужна не автономия, а хорошая палюга.

1917 года августа 7-го дня, крестьянин с. Ивановки Семен Тимофеевич Левченко.

ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 372. Л. 210, 210 об., 217, 217 об. Автограф.

№ 23. Письмо председателя Лисичанского волостного совета крестьянских депутатов В. Рыбальченко министру-председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому с изложением резолюции совета по украинскому вопросу

[7 августа 1917 г.]¹

Петроград

Министру-председателю А. Ф. Керенскому

Лисичанский волостной совет крестьянских депутатов Грайворонского у[езда] Курской губернии, представляющий 35 тысяч

¹ Датируется по сопроводительной записке. См.: ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 368. Л. 130–130 об.).

населения от 28-ми сел, состоящий в значительном большинстве из малороссов, заслушав 1-й универсал Украинской Центральной рады, единогласно вынес следующую резолюцию:

Мы, малороссы, живущие рядом и совместно с великороссами, нашими братьями по крови и по вере, связанные с ними тремя веками совместной жизни, как сыны единой матери-России, вместе несли тяготы старого режима, вместе, рука об руку, будем ковать и счастье единой, неделимой (не федеративной) новой Свободной России, признаем единое законное до Учредительного собрания Временное коалиционное правительство, всемерно протестуем против издания универсала Украинской Центральной рады, ведущего к политическому ослаблению России, сеющего недоумение и рознь в рядах свободных русских граждан и тем призывающего к разделению и братним междоусобиям, лишаящего сынов Малой России высокого и родного им имени — быть и оставаться русскими гражданами.

Мы зовем своих братьев на Малой Руси и где бы они ни были, на фронте или во флоте, здраво судить о действительности, не верить сказкам германского издания об угнетении малороссов великороссами, не верить германской интриге и кучке людей с воспаленными мозгами, мечтающих об образовании из Малороссии Украинского государства. Да здравствует в единой, неделимой Великой России Малая Русь!

Разделяющий братьев — враг наш; не место Грушевскому в Киеве — пусть идет туда, откуда пришел — в Австрию, ко двору австрийского императора, где он вращался до войны. Не место в Киеве графу Шептицкому, митрополиту униатскому³³, при посредстве жандармов судившему, избивавшему и заточавшему по тюрьмам русинов Галиции и угро-руссов за исповедание православия, за приверженность к России.

Враги России! Возвратитесь во вражеский стан, под скипетр Карла австрийского и Вильгельма германского, покровителей и вдохновителей ваших. Ваши требования сходны с желаниями вражеского (австро-германского) генерального штаба. Снимите маски «друзей» народа, долой предательский политико-национальный защитный цвет: народ Малой Руси узнает вас, как волков в овечьей шкуре, по вашим делам. Долой федерацию! В единении сила! Да здравствует единая, неделимая и могучая Россия!

Председатель Лисичанского волостного совета
крестьянских депутатов *Василий Рыбальченко*
Секретарь *И. Куцин*

ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 368. Л. 131–131 об. Подлинник. Ручпись.

№ 24. Листовка «Кто такие украинцы?»

[Не позднее 25 октября 1917 г.]¹

Кто такие украинцы?

В последнее время много говорят про Малороссию, Украину, Великобританию и спорят о том, кто древнее и кто кому должен подчиняться и кто от кого должен отделяться.

И спорят-то часто о том, о чем, как посмотреть на дело здраво, беспристрастно, то и спорить-то, конечно, нечего, сразу можно к слианию прийти. Так нет же, все спорят — и конца нет.

Значит, кому-то нужно воду мутить, да народ баламутить, а в мутной воде, известное дело, рыбу всегда легко ловить.

Вот такая же штука случилась с так называемыми «украинцами» и «малороссами». Украинцы кричат, что малороссы это совсем не то, что украинцы, и с пеной у рта доказывают это, а кроме того еще и то, что украинский народ один, и что никаких малороссов вовсе и не было. И перевернули они вверх дном всю русскую историю, чтобы доказать, что с самого начала ее были лишь одни украинцы, а великороссы, или как еще их называют, «москвины» — это совсем какой-то особый народ, даже и в родстве с украинцами не состоящий, а что самое слово «малорусский» — это-де все кацапы выдумали. Вот почему они и называются так народу запрещают, преследуя тех, кто называет себя малороссами, потому что они боятся, что тогда народ будет смотреть на себя, как на часть единого великого русского народа. Теперь свобода, казалось бы, как хочешь, так и называюсь — не все ли равно. Кому до этого какое дело? А вот какое: когда украинец забудет, что он русского роду-племени, такой же, как и его брат-великоросс или белорусс, тогда эти ветви русского народа перестанут понимать друг друга, и Россия ослабеет.

Смекните-ка, кому это нужно, друзьям России или ее врагам? Вот и начали украинские ученые такой язык сочинять, чтобы как можно

¹ Датируется по содержанию документа.

меньше походил на русский, и такое правописание придумали, чтоб еще труднее было его понимать русскому человеку... И обо всем заботились они, кроме правды, потому что правда им была невыгодна.

А эта правда вот такая: как бы человек ни называл себя, хоть украинцем, хоть малороссом — он будет все равно принадлежать к русскому народу, т. е. к тому самому народу, что великороссы или, как они их называют, «москали». И вся та земля, которая теперь зовется Украиной, с самых древних лет звалась Русскою Землею, и жили на ней русские люди, и везде в отдельных грамматиках и книгах так и писали, и в старых песнях тоже говорится о русской земле, а не об «украинской», начиная с Нестора Летописца.

Это-то и было невыгодно украинцам, и они, когда писали свои книги, везде ставили вместо «русский» «украинский», думая, что народ неученый их не сможет проверить, и что, если написать толстую книгу с картинками и наполнить ее брехнею, так чем она толще будет, тем ей больше веры и почета станет придавать народ. Но это — жульничество, и еще детское жульничество, а не наука и, конечно, его сразу раскрыли, но украинцам до этого дела мало, настоящие ученые люди раскрыли, но украинцам не наука нужна, а политика, сделать так, чтобы народ украинский стал думать, что он не русский народ. А правда вот в чем: и малороссы, и белоруссы, и великороссы — все братья одной матери, все равны по происхождению, хоть и была у них разная доля, и языки их, хоть и отличаются друг от друга, но не настолько, чтобы не признать в них родных братьев. В начале был у них даже один общий язык — так его называли обще-русский, а потом этот обще-русский язык разделился на три главные ветви, все равные между собой: малороссийский, белорусский и великороссийский. И всегда так бывает, что если какая область возвысится, то на языке той области и стараются говорить и писать. Так и в русской истории возвысилась Москва — московское наречие и стало литературным, т. е. таким, на котором книжки пишут. Все это сделалось само собой, естественно.

В Малороссии, или, как украинцы говорят, на Украине, таким наречием считалось Полтавское, которое все понимали, но оно показалось для украинских политиков самым простым, а главное, слишком похожим на русский язык. Вот и стали его заменять наречием галицийским, что в Австрии; а как галичане по соседству с поляками живут, то у них много слов польских вошло в их язык; зато такой язык, хоть и непо-

нятен малорусскому народу, да на русский непохож, вот его-то украинские политики и выбрали, чтобы показать, что между русскими великороссами и малороссами никакого родства нет... Да только давно их выдумки раскрыты: и правда рано или поздно все равно на свет выйдет, а эта правда такова: можно называть себя как угодно, но нужно знать одно, что все русские племена одно и то же и неразрывная часть одного целого, а именно: Единого Русского Народа. А потому нужно остерегаться тех, кто хочет этот народ разделить на враждующие между собой части: что бы ни случилось тогда, но в накладе всегда будет народ, а не те, кто его обманывают, получая за свою дьявольскую работу 30 иудиных серебрянников.

Пока не поздно, будьте настороже — помните, что все мы русские люди. И не забывайте общей матери нашей — Великой Матушки-Руси!

ГА РФ. Ф. 1834. Оп. 2. Д. 2095. Л. 1–1 об. Типографский экз.

№ 25. Из листовки Русского союза на Украине «Всем гражданам»

[Не позднее 25 октября 1917 г.]¹

Всем гражданам

Русский Союз на Украине³⁴ (образовавшийся на этих днях) зовет в свои ряды всех граждан русских по происхождению, а также всех, самоопределивших себя русскими и считающих русский язык и культуру своими родными, независимо от своего происхождения.

Одним из главных ценных благ, достижения коих добивалась революция, было, помимо раскрепощения личности, и раскрепощение угнетенных народностей. Революция сокрушила оковы и дала всем народностям, в том числе украинской, возможность свободно развиваться.

На Украине создаются новые государственные формы, и одной из их основ объявлено равенство народов, населяющих Украину. К сожалению, идеал национального равенства далеко не воплощается в жизнь. Первейшей задачей Союза является всемерное содействие проведению в жизнь начал национального равенства.

¹ Датируется по содержанию документа.

Исповедуя братство народов, уважая и ценя каждую национальную культуру, не преследуя никаких наступательных целей, не посягая ни на чьи права, Союз вместе с тем будет твердо стоять на страже национальных прав русских на Украине и прав русского языка.

Другой задачей Союза является объединение всех русских на почве удовлетворения культурно-просветительных нужд и поддержание всех русских начинаний и в их числе прежде всего науки, школы, искусства, печати.

Переустройство национально-политических и экономических отношений на Украине неизбежно затрагивает правовые и экономические интересы русских, как таковых.

Защита таких интересов, в частности, поддержка обездоленных, приискание работы безработным, входит в круг задач Русского союза.

Для осуществления всех указанных целей Союза образуется Русский национальный фонд.

Временный Совет:

Президиум: Е. А. Ефимовский, В. А. Смирнов, А. К. Елачич, М. М. Сухотин и В. В. Буверт.

Члены Совета: И. Н. Алексеев, П. Г. Антонец, А. Д. Билимович, П. М. Богаевский, А. В. Жекулина, Т. А. Каменев, В. К. Калачевский, С. Г. Крупнов, Т. С. Ляпин, С. Н. Луначарская, П. И. Незлобин, В. И. Селинов, П. К. Соколов и Е. В. Спекторский.

[...]¹

ГА РФ. Ф. 1834. Оп. 2. Д. 708. Л. 1. Типографский экз.

**№. 26. Заявление В. В. Шульгина Киевскому
губернскому старосте об отказе принять
украинское подданство**

[Не ранее 1 июля 1918 г.]^{II}

Господину киевскому губернскому старосте

Жителя г. Киева Василия
Витальевича Шульгина³⁵, живущего
по Караваевской улице в доме № 5.

^I Далее опущены условия записи в члены Союза и адреса членов Совета.

^{II} Датируется по содержанию документа.

Заявление

В силу статьи четвертой Закона о гражданстве в Украинской державе³⁶, российские подданные, живущие в Малороссии и не желающие быть зачисленными в граждане Украинской державы, должны подать об этом местному старосте в месячный срок письменное заявление.

Ввиду такого требования закона, я сим заявляю, что я не желаю и не могу быть гражданином Украинской державы.

Мотивы такого моего решения, продиктованного мне голосом совести, разума и чести и сознанием долга моего перед Родиной и единым русским народом, сводятся к нижеследующему.

Я родился в Киеве в том же самом доме, в котором живу и теперь. Образование получил в Киевской II гимназии и Киевском университете Св. Владимира. Отбывал воинскую повинность в 3-й саперной бригаде в Киеве же. С раннего детства все свободное от занятий время проводил в деревне Волинской губернии, в имении родных. С 1905 года я лично стал землевладельцем Волинской губернии. В 1907 г. был избран во II Государственную Думу от Волинской губернии и затем последовательно был избираем от той же Волинской губернии в III и IV Государственные Думы. Со времени введения земства в нашем крае (в проведении закона о земстве через Государственную Думу я принимал деятельное участие) был неизменно избираем гласным Острожского уездного и губернского Волинского земства. Несколько раз был избран почетным мировым судьей Острожского уезда. С началом войны поступил добровольцем в 166-й Ровненский пехотный полк, с очень давнего времени имевший местопребывания в Киеве, и был ранен на Юго-Западном фронте под Перемышлем. Затем в течение нескольких месяцев стоял во главе Передового отряда Юго-Западного земства.

С 1913 г., после смерти Д. И. Пихно, я взял на себя главное руководство газетой «Киевлянин», основанной моим отцом в 1864 г., и продолженную моим отчимом, Д. И. Пихно, с 1878 г. С первых дней революции и до февраля 1918 г., когда я закрыл «Киевлянин», не желая издавать его при том или ином попустительстве немцев, чуть ли не каждый день мои статьи появлялись в «Киевлянине». В этих статьях я боролся с изменниками и безумцами, которые вели Россию к гибели. Направление «Киевлянина» создало ему значительный успех, благодаря чему сильная политическая группа «Внепартийный блок русских избирате-

лей»³⁷ три раза выставляла меня первым кандидатом в выборных списках. Приобретая с каждым новыми выборами все большее количество сторонников, наш список на третьих выборах вышел в Киеве на первое место, причем я оказался избранным в Украинское Учредительное собрание. Таким образом, если бы это собрание было создано, представителем города Киева должен был почитаться я, а не кто иной.

Из всего вышеизложенного ясно, что я неразрывными узами связан с этим краем. Я имею все права быть гражданином какого бы то ни было государства, которое бы включило в свою территорию Киев и Волынь. И если я тем не менее отказываюсь быть гражданином Украинской державы, то делаю я это по весьма серьезным основаниям.

Соображения, не позволяющие мне принять украинское гражданство, сводятся к нижеследующему.

Для существования государства необходимо:

- 1) Историческая основа.
- 2) Если исторической основы нет, и государство вновь нарождается, то необходимы такие обстоятельства современности, которые повелительно требуют возникновения нового государства.
- 3) Международное положение, делающее возможным бытие государства в ряду других соседних держав.

Имеется ли наличность этих обстоятельств или усилий для Украинской державы.

Рассмотрим каждую из трех указанных сторон вопроса в отдельности.

1) Историческая основа. Многочисленными кропотливыми и добросовестными исследованиями установлено совершенно непреложно, что Украинской державы никогда не существовало.

Историю земель, тяготеющих к Киеву, можно делить на несколько периодов.

Первый период — древний, когда под властью князей дома Рюрика собралось сильное государство, с Киевом во главе. Все неоспоримые исторические акты, как русские, так и иностранные, единогласно, всегда и всюду называют это древнее Киевское государство Русью. Всех князей дома Рюрика князьями русскими и все земли, находившиеся под властью этих русских князей — землями русскими. Ни о какой Украинской державе никогда не было речи.

Древнее Киевское Русское государство, разрушенное столько же нелепым порядком престолонаследия, сколько татарами, покончило свое существование в тринадцатом веке. Его заменили два новых центра, постепенно складывавшихся. На востоке от Киева образовывалась держава, впоследствии ставшая Московским царством. На западе от Киева формировалось Галицко-Волынское королевство.

Оставляя в стороне восточное образование, рассмотрим, не было ли Галицкое государство искомой Украинской державой. Ничуть. Историческими исследованиями установлено, что Галицко-Волынские князья, принявшие титул «королей русских», об Украинском государстве имели столько же представления, как об украинском языке, украинской литературе и украинском народе, — т. е. ровно никакого. Они свою державу считали русской, свой язык называли словено-русским, свою письменность обозначали выражением «письмо руськое», а про свой народ говорили: «народ руськой веры греческой».

Иностранные государства и народы называли Галицко-Волынское королевство Малой Русью. Это название было впервые введено в употребление греческими патриархами, называвшими так Галицкую Русь в отличие от Московской, но никто никогда не оскорблял Галицкое королевство названием Украина, т. е. окраины.

Третьим периодом надо считать эпоху после падения Галицко-Волынского княжества до Богдана Хмельницкого. В эту эпоху никакой Украинской державы не было уже хотя бы потому, что территория, на которую распространяют теперь это название, не была независимой, а вошла в состав Польско-Литовского королевства. И в эту эпоху никакого украинского народа и украинского языка наш край не знал, а знал только народ русский и язык русский. Термин «Малая Русь» в эту эпоху территориально расширился, перейдя и на левый берег Днепра, но общее название нашей страны по-прежнему было просто Русь. В титуле королей польских мы читаем: «Божией милостью такой-то, король польский, великий князь литовский, русский и пр.», но не найдем ни одного случая, чтобы глава государства назывался королем или великим князем украинским.

Следующим периодом в истории нашего края надо считать эпоху Богдана Хмельницкого. Совершенно бесспорным представляется ни-

жеследующее: Богдану Хмельницкому никогда и в мысль не приходило созидание какой-то Украинской державы. Надежды знаменитого гетмана обрисовались с совершенной определенностью во фразе, которая вырвалась у него в эпоху наивысшего расцвета его славы: «выбью з лядской неволи увесь наш народ руський», — так сказал Богдан Хмельницкий. Но еще с большей ясностью эта же терминология проведена в знаменитой речи Богдана Хмельницкого на Переяславской Раде 8 января 1654 года. Богдан говорит, что он боролся за то, чтобы поляки не уничтожили самое имя русское, и край, который он отдавал под высокую руку московского царя, называет Малой Русью. Ни о какой Украине даже и речи не было.

Последний период — это эпоха после Богдана Хмельницкого и до наших дней. Никакой Украинской державы за эти два с половиной века не было по той простой причине, что все русские земли, тяготеющие к Киеву, были разделены между Москвой и Польшей. При этом постепенно Москва отбирала их от Польши одну за другой. Этот процесс собирания русских земель закончился при Екатерине II. Изменническая затея Ивана Мазепы никакого последствия не имела, кроме разве одного: Малороссия была еще теснее соединена с остальной Русью, причем орудием императора Петра I в этой области его политики был гетман Скоропадский.

Итак, просмотрев всю историю Малороссии, мы убеждаемся, что никогда, ни в какую эпоху Украинской державы не существовало. Земли же, которые ныне зачисляются во вновь сфабрикованную Украинскую державу, всегда и неизменно считали себя русскими, причем в более древний период назывались просто Русью, а в позднейший — Малой Русью.

Это, прочем, вполне понятно. Слово «Украина» означает то, что находится «у края», т. е. оно равносильно слову: окраина. Независимое государство не может быть Украиной, т. е. окраиной. Если бы оно было окраиной, то оно было бы зависимо от того государственного целого, окраиной которого оно является. Земли, которые обозначались термином «Украина», всегда и являлись окраиной какого-нибудь государства — Руси, Польши, Литвы, Москвы. Существовали у нас даже окраины отдельных провинций, называвшиеся также «Украинами». Так были «Украины» Тульская, Рязанская, Смоленская, Псковская и т. д.

И если при настоящих обстоятельствах наш край будет называться «Украиной», т. е. окраиной, то невольно возникает вопрос, — чьей же окраиной она будет.

Если бы не отвечать на этот вопрос, тем не менее ясно, что украинского, т. е. окраинного гражданства по существу быть не может. Это совершенная бессмыслица и фальшь.

Но эта фальшивая бессмыслица имеет вполне реальную и очень злую цель. Термины Украина, украинцы, украинский язык, Украинская держава имеют одно назначение — вытравить в умах местного населения сознание, что этот край русский, что жители его — самые русские из всех русских, что языком развитой части населения его является литературная общерусская речь, в то время как наша деревня пользуется малороссийским просторечием, точно так же, как деревня Великороссии пользуется великорусским просторечием. Но мы, природные жители этого края, дорожим своей принадлежностью к единому русскому народу, народу, которому, несмотря на все выпавшие ныне на его долю испытания, суждена еще великая будущность, мы, сыны великого народа, не хотим отречься от славного национального имени наших предков, за которое они столько веков боролись, не можем перевертываться в каких-то украинцев без роду и племени: русскими родились, русскими и останемся.

И это есть первая причина, почему я не желаю принимать украинского гражданства.

2) Современные условия.

Итак, исторические исследования показывают, что Украинской державы никогда не было. Но, может быть, современные обстоятельства таковы, что повелительно потребуют ее возникновения.

Тщательное обдумывание этого вопроса приводит к совершенно обратным выводам. Еще можно было бы до известной степени понять временное существование отдельного Южно-Русского государства, пока север России находится во власти большевизма, т. е. можно разделять точку зрения, высказанную атаманом Войска Донского Красновым. Но образование не только Украинской, но даже отдельной Южно-Русской державы, так сказать, на вечные времена не имеет под собой решительно никакого основания. Материальные и духовные узы так тесно связывают Север России с Югом, что ни одна из ча-

стей единого русского государства порознь не может рассчитывать на действительно независимое и благополучное существование. Мы не должны забывать того обстоятельства, что русский народ в его совокупности только тогда получил действительную независимость и безопасность со стороны соседей, когда началось соединение Великорусского и Малорусского племени. Петр Великий строил свою великую Русскую Державу на фундаменте, заложенном Богданом Хмельницким. В частности, наша родина — Малороссия — до указанного воссоединения всегда была раздираема, как ее соседями, так и внутренней анархией. И каковы бы ни были ныне планы и намерения соседних держав, Север и Юг России, искусственно разгороженные китайской стеной XX века будут неудержимо стремиться к соединению и в конце концов соединятся.

Но борьба за объединение русского народа вызовет новые потоки крови, новые потрясения и войны. Кто не желает приложить руку к тому, чтобы поставить на пути русского народа новые неисчислимые бедствия, одинаково страшные, как для Севера, так и для Юга, — тот не должен участвовать в создании Украинской державы.

Но, может быть, мы стоим перед неодолимым стихийным национальным движением? Может быть, русский народ, живущий на территории Южной России, вдруг почувствовал себя «украинским» народом и стихийно жаждет создать свое собственное Украинское государство? Может быть, надо склониться перед этим стихийным движением?

Люди, изо дня в день наблюдающие то, что происходит у нас, знают, что ничего подобного нет и не было. Украинское движение, несмотря на военную и материальную поддержку из-за границы, не захватило ни культурного класса, ни низов южно-русского народа. И лучшее доказательство этому — Киев, который украинцы называют «столицей Украинской державы».

Эта столица Украинской державы по переписи 1917 года дала 55 процентов русского населения и 12 процентов украинского. Оказалось, что украинцев в столице Украинской державы даже меньше, чем евреев, потому что последних насчитано 18 процентов. Самой сильной партией в январе 1918 года на выборах в Украинское Учредительное собрание в Киеве оказался «Внепартийный блок русских избирателей», т. е. та политическая группа, которая самым резким образом

отрицает Украинскую державу и стоит за единую Россию. Университеты Киевский, Харьковский, Одесский, равно как Киевская духовная академия и Киевский политехнический институт, также решительно высказались против украинского отщепенства. Члены Государственных Дум от южно-украинских губерний всех четырех созывов также отрицали в своем подавляющем большинстве украинский сепаратизм. Словом, интеллигенция, культурный класс Южной России, которому навязывают украинскую идею, чувствует к ней совершенно определенное отвращение.

Что же касается деревни, то настроения ее характеризуются очень хорошо известным украинским деятелем Ефремовым³⁸, который писал по этому поводу в газете «Новая Рада» нижеследующее: «В селе не знают партий. В селе не понимают программ. В селе не разбираются в партийных спорах. Здесь могут идти или за известными всем людьми, значит, по принципу особенному, или за яркими лозунгами, простыми, каждому ясными, как например, магический лозунг “без выкупа”. А так как людей, всем хорошо известных, у нас прежняя жизнь не выдвинула, то остался, очевидно, принцип громких лозунгов, иначе говоря, бессовестная демагогия».

Вот этой-то бессовестной демагогией и занимались господа украинцы, внедряя украинство в село. Крестьянам было объяснено, что только украинцы получают землю. Естественно, что после этого малорусская деревня объявила себя украинской точно так же, как несколько лет тому назад некоторые малороссийские губернии сплошь записались в «Союз русского народа»³⁹. Однако жизнь учит. И если бы теперь перед деревней ясно и прямо поставить вопрос, желает ли она Украинской державы, то после того, как деревня испробовала, какие прелести принесли ей украинцы, ответ получился бы точно такой же, как при Богдане Хмельницком: «Волим под Царя Восточного Православного».

И во всяком случае мы, здешние природные жители, свидетельствуем и заявляем о следующем: культурный класс Малороссии высказал совершенно определенно свое отрицательное отношение к Украинской державе; низы же народа по вопросу об отделении от остальной России опрошены вовсе не были, так что отделение от России и провозглашение украинской «самостийности» произведено помимо воли населения: народ в этом акте никакого участия не принимал.

Можно ли при таких условиях утверждать, что среди нашего населения существует стихийная потребность образования Украинской державы? Ни один добросовестный человек этого утверждать не посмеет.

И это вторая причина, почему я не желаю принимать украинского гражданства.

3) Международное положение.

Но если нет и, по нашему мнению, не может быть серьезного движения в пользу Украинской державы среди малорусского населения, то было бы в высшей степени неправильным утверждать, что вообще не существует мощных сил, которые эту Украинскую державу поддерживают. Эти силы суть так называемые центральные государства. Не подлежит никакому сомнению, что создание квазисамостоятельной Украинской державы с очень древнего времени входит в планы как Австрии, так и Германии. Многочисленная литература совершенно определенно свидетельствует о том, как австрийская и германская политическая мысль сходились на положении, что расчленение России будет благотворно для держав Центрального блока. Недавно изданная в Вене немецкая карта является показателем того, как немцы рисуют себе будущее России: Россия должна быть разделена на шестнадцать самостоятельных государств. В этом плане раздела Российской империи отделение Южной России от Северной под видом образования Украинской державы являлось всегда самым важным шагом. Теперь этот шаг сделан, и мы видим, что Украинская держава поддерживается всей мощью держав Центрального блока.

И тем не менее, несмотря на такую поддержку, международное положение Украинской державы отнюдь не может считаться сколько-нибудь прочным, ибо против Центральных держав воюют не менее мощные силы Держав Согласия. Война продолжается, и в настоящую минуту, в июле месяце 1918 года, крайне трудно решить, на чьей стороне будет окончательный перевес.

Если бы образование Украинской державы входило в планы обеих воюющих между собой сторон, то таковую державу можно было бы считать в международном отношении прочной, ибо она удержалась бы, независимо от исхода войны.

Но так как державы Согласия определенно поставили на своем знамени в числе главных целей войны и восстановление России в ее прежних границах, то существование Украинской державы находится в прямой и неизбежной связи с тем или иным исходом войны.

В случае, если перевес окажется на стороне держав Согласия, Украинской державы не будет.

И так как исход войны неизвестен, то это есть третья причина, заставляющая меня отказаться от принятия украинского гражданства.

ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 41. Л. 2–5 об. Копия. Машинопись.

Примечания

- ¹ Владимир Павлович Науменко — филолог, журналист, видный деятель украинского национального движения. В марте 1917 года Науменко напечатал в газете «Киевская мысль» статью «Национализация школы на Украине», в которой изложил свою программу украинизации начальной, средней и высшей школы.
- ² Грушевский Михаил Сергеевич — один из лидеров украинского национального движения, профессор Львовского университета. Много писал об украинском образовании, школьном и университетском, в том числе предложил законопроект об обучении на украинском языке. См. подробнее: «Освобождение России и украинский вопрос» СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. См. также статьи: «Шкільна мова», «Законопроект про ученне українською мовою», «Українське письменство», «Не порозумішали», «Не дозволяти», «Колишня освіта і теперішня темнота», «Шкільна справа в Галичині», «За український університет», «Промовили», «За слова і букви», «Великдень», «Російська академія наук про українську мову», «Мова українська і руська», «Мова панська і мужицька», «Інородці».
- ³ Русский народный совет Прикарпатской Руси — общественно-политическая организация галицких русофилов, оформившаяся в сентябре 1914 г. во Львове после взятия города русскими войсками в ходе Первой мировой войны с целью создания в крае нового галицкого правительства из представителей местной политической элиты. Летом 1915 г. эвакуирована в Киев, с сентября — в Ростове-на-Дону. С 1915 по 1920 г. — организация, координировавшая деятельность галицких русофилов в России, организатор Карпато-русского отряда в составе Добровольческой армии. Председатели — Владимир Дуцькевич (1914–1915), Иван Костецкий (1915–1920).
- ⁴ Украинские националисты выступали союзниками австро-венгерских властей в их попытках ликвидации русинского движения. Так, в мае 1910 г. австрийские власти с подачи украинского националиста Н. Василько закрыли большинство русинских организаций Буковины. С началом Первой мировой войны регионы проживания русинов оказались в зоне боевых действий. В Австро-Венгрии начался массовый террор против русинского населения. По заранее заготовленным украинофилами спискам была арестована почти вся русинская интеллигенция и тысячи крестьян. Зачастую расправы осуществлялись на месте, без суда и следствия. Так, 15 сентября 1914 г. венгерские гонеды убили сорок четыре гражданских лица в Перемыш-

- ле. Также украинские националисты К. Левицкий, К. Студинский и др. выступали в качестве свидетелей на Первом Венском русском процессе (21 июля — 21 августа 1915 г.), где в качестве обвиняемых в государственной измене привлекались арестованные в первые дни войны депутаты австрийского парламента Д. А. Марков и В. М. Курылович, адвокаты К. С. Черлюнчакевич и И. Н. Драгомирецкий, журналист Д. Г. Янчевецкий, крестьянин Фома Дьяков, кузнец Гавриил Мулькевич. См.: Суляк С. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
- ⁵ 5–8 мая 1917 г. в Киеве состоялся Первый Всеукраинский войсковой съезд. Впервые появилось требование «немедленного провозглашения особым актом принципа национально-территориальной автономии». Столь же категорично съезд требует «немедленного назначения при Временном правительстве министра по делам Украины». Еще более радикальный характер имел пункт о необходимости создания национальной украинской армии (Соколова М. В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль–октябрь 1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1: Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. С. 117–129; Савчинский В. Э. «Украинский вопрос» в 1917 г.: поиск компромиссов или отсутствие альтернатив // Парадигмы истории и общественного развития. № 17–18. 2020. С. 61–69).
- ⁶ Так в документе. К лету 1917 г. Рада претендовала на 9 российских губерний: Киевскую, Вольнскую, Подольскую, Подтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую, а также Северную Таврию.
- ⁷ Тимофей Григорьевич Лубенец — общественный деятель, работал народным учителем в сельских школах, преподавал в Киевской гимназии, 12 лет работал директором народных училищ Киевской губернии. Выступал за внедрение всеобщего начального образования, за обучение на родном языке.
- ⁸ Имеется в виду Всеукраинский национальный съезд, состоявшийся 6–8 апреля 1917 года. Съездом был выбран новый состав Центральной рады, из которого в дальнейшем был избран исполнительный орган — Комитет Центральной украинской рады (позже стал именоваться Малой радой).
- ⁹ Южно-русский демократический союз — организация, преследовавшая цель объединения всех русских элементов на территории южной России, основанная 14 мая 1917 г. в Университете Св. Владимира на базе Общества юго-руссов под председательством доктора Тремповича. П. В. Тремпович — в дальнейшем генеральный консул Белорусской национальной республики в Киеве и Чрезвычайный Посланник БНР при Всевеликом войске Донском.
- ¹⁰ В мае под эгидой Рады прошёл ряд всеукраинских съездов: военный, крестьянский, рабочий, кооперативный. На основе резолюций съездов Рада составила меморандум Временному правительству. В первом пункте документа говорилось, что «от Временного правительства ожидается выражение в том или другом акте принципиально-благожелательного отношения» к лозунгу автономии. Выдвигалось требование участия «представителей украинского народа» в международном обсуждении «украинского вопроса», причём предлагалось немедленно «предпринять подготовительные практические шаги по сношению с зарубежной Украиной». Пятый пункт меморандума гласил: «В интересах поднятия боевой мощи армии и восстановления дисциплины необходимо проведение в жизнь выделения украинцев в отдельные войсковые части как в тылу, так, по возможности, и на фронте». Остальные пункты предусматривали распространение украинизации начальной школы на среднюю и высшую «как в отношении языка, так и предметов преподавания», украинизацию административного аппарата, субсидирование украинских властных структур из центра

- и т. д. См.: *Соколова М. В.* Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль–октябрь 1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1: Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. С. 117–129.
- ¹¹ Имеется также сопроводительная записка товарища министра внутренних дел Д. М. Щепкина министру иностранных дел М. И. Терещенко от 26 июня 1917 г.: «Милостивый государь, Михаил Иванович, Петр Алексеевич Кропоткин, не имея возможности ехать в Киев по поручению Временного правительства, передал мне письмо, адресованное украинскому народу. Считаю долгом, ввиду Вашего отъезда в Киев, передать это письмо Вам, как члену правительства, облеченному полномочиями для переговоров с представителями населения Украины. Д. Щепкин».
- ¹² Имеется в виду 2-й Всеукраинский военный съезд, созванный 5 июня 1917 г. в Киеве. Военный министр Временного правительства А. Ф. Керенский телеграммой по всем частям запретил проведение съезда под угрозой военно-полевого суда. Съезд прошёл в духе откровенной пропаганды сепаратизма. Обстановка, сложившаяся на военном съезде, подтолкнула Центральную раду к принятию и обнародованию 10 июня I Универсала, провозгласившего в одностороннем порядке национально-территориальную автономию Украины в составе России.
- ¹³ Киевское национальное культурно-политическое общество «Русь» возникло весной 1917 г. и, как было указано в его листовке, являлось объединением и организацией «тех граждан, которые на вопрос о национальности отвечают: “Я — русский”, не останавливаясь на своей принадлежности к одной из ветвей русского народа: великорусской, малорусской или белорусской». Задачами общества декларировались поддержка Временного правительства и действующей армии, подготовка к Учредительному собранию. Бюро общества «Русь» находилось в г. Киеве, Виноградная ул., № 2. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_ru_nlr_bibl_a_011264204 (дата обращения: 05.05.2022). О Русском народном совете Прикарпатской Руси и Южно-русском демократическом союзе см. примечания № 3, 9.
- ¹⁴ 16 мая 1917 г. делегация Украинской Центральной Рады была принята председателем Временного правительства, которому была вручена Докладная записка, рассмотренная затем на заседании Юридического совещания Временного правительства. Хотя чёткого решения по поводу выставленных требований принято не было, Правительство возражало против немедленного учреждения автономии в принципе, полагая, что этот вопрос, как и вопрос определения границ Украины, подлежит исключительному ведению образуемого всенародным избранием Учредительного собрания.
- ¹⁵ См. примечания № 3, 9, 13.
- ¹⁶ Имеется в виду Первый универсал, обнародованный 10 июня 1917 г. и провозгласивший в одностороннем порядке национально-территориальную автономию Украины в составе России, и последовавший ответ на него Временного правительства — «Обращение к украинскому народу» от 16 июня 1917 г. (см. док. № 7).
- ¹⁷ Генеральный секретариат был создан 16 июня по инициативе Центральной рады. 2 июля он был признан Временным правительством в качестве высшего распорядительного органа Украины, что стало одним из итогов прошедших в конце июня переговоров Центральной рады и делегации Временного правительства в составе А. Керенского, И. Церетели, М. Терещенко.
- ¹⁸ Имеется в виду Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г., принятое после роспуска II Думы. Избирательная система, использовавшаяся при выборах в Государственные думы III и IV созыва, вводила новый избирательный ценз, ставший причиной увеличения представительства в Думе землевладельцев и со-

стоятельных горожан, а также русского населения по отношению к национальным меньшинствам.

¹⁹ См. примечание № 17.

²⁰ Спілка с укр. — «Союз».

²¹ Имеется в виду доклад Особой комиссии членов совета Киевского университета о необходимости отмены всех ограничений по украинскому языку и литературе. См.: Украинская идентичность и языковой вопрос в Российской империи: попытка государственного регулирования (1847–1914). Сборник документов и материалов / Отв. ред. Г. Боряк ; сост. Г. Боряк, В. Баран, Л. Гистова, Л. Демченко, А. Музычук, П. Найдено, В. Шандра; НАН Украины, Ин-т истории Украины; Укртосархив, ЦГИАК Украины. — М. : Ин-т истории Украины НАН Украины, 2013. С. 362–367.

²² Киев был де-юре приобретен Русским царством в результате соглашения с Речью Посполитой в рамках «Вечного мира» 1686 г. и уплаты ей 146 тысячи рублей. Де-факто русский гарнизон был размещен в Киеве после Переяславской рады 1654 г.

²³ Впервые терминологическое оформление статуса украинского языка было осуществлено в определении Генерального секретариата с поручением к Временному правительству России издать акт в официальные учреждения в Украине, которое должно было обязать их «обращаться по всем делам в Генеральный секретариат ... с указанием в том акте, что «официальным» языком на Украине становится язык украинский, на который медленно и должно перейти все делопроизводство». Статус официальные деятели Центральной рады истолковывали как обеспечивающий украинскому языку право быть официально употребляемым «рядом с языком русским, при обеспечении одинакового права меньшинств». Речь шла фактически не о провозглашении украинского языка государственным, а о его легализации в официальной сфере (Данилевська О. М. Мова в революції та революція в мові: мовна політика Центральної Ради, Гетьманату, Директорії УНР — К., 2009. С. 58.)

²⁴ Александр Александрович Яблоновский — русский писатель, редактор, беллетрист. В 1906 г. был приглашен редактировать московскую газету «Русское слово», но вынужден был оставить её через месяц по требованию администрации. В 1918 г. жил в Киеве, публиковался как фельетонист в газетах «Утро», «Вечер» и «Киевская мысль». В январе 1919 г., во время петлюровской оккупации Киева, бежал в Одессу, где в марте стал одним из учредителей и сотрудников газеты «Наше слово» (вышло всего три номера, газета прекратила существование после взятия Одессы войсками атамана Никифора Григорьевя). Приехал в Ростов-на-Дону, стал сотрудничать с местными белогвардейскими изданиями («Парус» и др.). В марте 1920 г., во время Новороссийской эвакуации частей ВСЮР, был вывезен из Новороссийска в Египет.

²⁵ В конце июня 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко в составе делегации участвовал в переговорах с украинской Центральной радой и подготовке проекта декларации, послужившего одной из причин правительственного кризиса.

²⁶ Лештуков переулком (ныне переулком Джамбула, идущий от Фонтанки к Загородному проспекту). Название свое получил в честь владельца этих земель Иоганна Германна Лестока (1692–1767).

²⁷ Во 2-м универсале УЦР речь шла, в том числе, и о пополнении Рады представителями национальных меньшинств. 11 июля представители нацменьшинств впервые приняли участие в работе Малой рады. Встал вопрос о численности украинского и неукраинского представительства в Раде. Было решено, что последние получают 30% общего количества членов УЦР. Украинские историки подчеркивают, что это «было даже

- больше процентного соотношения украинцев и неукраинцев в Украине». См.: История Украины. Научно-популярные очерки / Под ред. В. А. Смолия. М., 2008. С. 458.
- ²⁸ Николай Фёдорович фон Дитмар — российский промышленник, предприниматель, общественный и политический деятель, председатель Совета Съезда горнопромышленников Юга России в 1906–1917 гг.
- ²⁹ Винницкие мур — комплекс оборонных и храмовых сооружений XVII в. в Виннице, возведенный монахами-иезуитами и состоящий из иезуитских монастыря, костёла, коллегіума и конвикта (общежития), а также доминиканского монастыря и доминиканского костёла. В начале XX в. на территории монастыря были открыты мужская классическая (в 1907 г.) и женская (в 1912 г.) гимназии.
- ³⁰ Имеется в виду вооруженное выступление солдат Второго украинского имени гетмана Павла Полуботка казачьего полка и членов Украинского военного клуба имени Полуботка с целью провозглашения независимости Украины, который состоялся в ночь с 4 на 5 июля 1917 г. в Киеве.
- ³¹ 2 июля Временное правительство объявило о признании Генерального секретариата как высшего распорядительного органа Украины, а также о том, что правительство благосклонно отнесётся к разработке Украинской радой проекта национально-политического статута Украины. Это заявление вызвало правительственный кризис, выразившийся в протестной отставке министров-кадетов.
- ³² 4 августа Временное правительство утвердило «Временную инструкцию Генеральному секретариату», согласно которой Генеральный секретариат превращался в краевой орган Временного правительства. Полномочия Генерального секретариата распространялись на Киевскую, Вольнскую, Подольскую, Полтавскую и частично Черниговскую губернии (за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов). При Временном правительстве утверждалась должность комиссара по Украине.
- ³³ Митрополит Андрей (Шептицкий) — предстоятель Украинской грекокатолической церкви. С 17 января 1901 года и до смерти — митрополит Галицкий и архиепископ Львовский. Граф, принадлежал к знатному западноукраинскому роду Шептицких. За время своего служения значительно расширил влияние украинских униатов. Занимался политикой, был депутатом Галицийского Сейма, австрийской Палаты Господ. Будучи одним из самых богатых людей Галичины, щедро спонсировал украинские культурно-просветительские общества. После начала Первой мировой войны выступил с поддержкой императора Австро-Венгрии. 19 сентября 1914 года был арестован русскими военными властями за антироссийские проповеди. Вскоре после Февральской революции освобождён Временным правительством по предложению министра юстиции Керенского.
- ³⁴ Русский союз на Украине (РСнУ), включавший в себя представителей эсеров, меньшевиков, русских националистов и др., стал одной из первых попыток самоорганизации русского населения Украины, неожиданно для себя оказавшегося в статусе национального меньшинства в новообразованной Украинской народной республике (УНР). Политики УНР реагировали на его возникновение довольно болезненно. Так, в меморандуме украинских политических партий 8 (21) мая 1918 г. отмечалось, что при новом гетманском правительстве «распространил свою антигосударственную и антиукраинскую деятельность Русский союз на Украине, который поставил себе ясную цель: мобилизацию сил для восстановления "единой неделимой России"» (Чемакин А. А. «Русский союз на Украине» и национальное самоопределение русского населения УНР весной 1918 г. // Российская история. Вып. 6. 2021. С. 138–158).

- ³⁵ Шульгин Василий Витальевич — русский политический и общественный деятель, публицист. Депутат Второй, Третьей и Четвёртой Государственных дум, во время Февральской революции принявший отречение из рук Николая II. Один из организаторов и идеологов Белого движения.
- ³⁶ Гражданином Украинской Державы гетмана Скоропадского считались все российские подданные, которые пребывали на Украине во время издания закона в июле 1918 г. (подробнее, напр.: Национальне питання в Україні ХХ — початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 129–130).
- ³⁷ Летом 1917 г. на базе Киевского клуба прогрессивных русских националистов, общества «Русь», газеты «Киевлянин» и ряда мелких организаций возник Внепартийный блок русских избирателей (ВБРИ), принявший участие в выборах в городскую думу Киева, Всероссийское Учредительное собрание и Украинское Учредительное собрание. Лидерами блока стали известные политики-националисты В. В. Шульгин и А. И. Савенко. Предвыборная кампания проходила в тяжелейших условиях и при многочисленных нарушениях со стороны оппонентов «русского блока». В итоге ВБРИ смог победить на гражданских избирательных участках Киева, но полностью провалился в сельской местности (Чемакин А. А. «Желаю государя Михаила Александровича...»: Внепартийный блок русских избирателей Киевской губернии и выборы во Всероссийское Учредительное собрание // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей : в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2018. С. 195–201).
- ³⁸ Сергей Алексеевич Ефремов — украинский общественно-политический деятель, публицист, литературный критик и историк украинской литературы. Со студенческих лет состоял в украинских политических организациях. Вершиной политической деятельности Ефремова стало создание Украинской Центральной рады, в которой он сначала был заместителем председателя, а потом главой Секретариата национальных вопросов.
- ³⁹ «Союз русского народа» (СРН) — массовая монархическая организация, возникшая в октябре 1905 г. в Петербурге для борьбы с революцией. Основатели — А. И. Дубровин, В. А. Грингмут, В. М. Пуришкевич. Основной печатный орган — газета «Русское знамя». Свои материалы члены СРН печатали также в газетах «Московские ведомости», «Гражданин», «Киевлянин» и др. В октябре 1906 г. в Киеве была создана черносотенная организация «Объединенный русский народ», главная роль в которой принадлежала СРН. В 1908–1910 гг. СРН распался на несколько организаций (Союз Михаила Архангела, СРН, Всероссийский дубровинский СРН в Петербурге и др.). После февраля 1917 г. все черносотенные организации были распущены.

А. В. Ганин

«ЛЮДЕЙ АРЕСТОВЫВАЛИ КАЖДУЮ НОЧЬ...»

**Воспоминания вдовы комдива А. М. Вольпе
о Большом терроре против высшего состава РККА
и о лагерной жизни**

В Российском государственном военном архиве в коллекции «Участники вооруженной защиты советского государства (1917–1945 гг.)» сохранились ценные воспоминания вдовы комдива Абрама (Марка) Мироновича Вольпе (10.02.1895–14.07.1937) Галины Ивановны Вольпе. Воспоминания были переданы в архив ее дочерью Г. А. Лойчиковой (Вольпе). Они посвящены Большому террору против высшего командного состава РККА, истории ареста супруга мемуаристки и ее самой, а также лагерной жизни.

А. М. Вольпе являлся представителем поколения советской военной элиты, сформировавшегося в результате Гражданской войны. Он родился в Вильно, в еврейской семье. В 1912–1914 гг. в качестве вольнослушателя обучался в Лейпцигском институте психологии. В годы Первой мировой войны был призван в армию. Стал унтер-офицером, командовал взводом и был награжден двумя Георгиевскими крестами. Когда в 1917 г. иудеям позволили получать офицерские чины, Вольпе окончил Одесскую школу прапорщиков. В марте 1917 г. он вступил в РСДРП (б). Избирался заместителем председателя Николаевского совета депутатов и председателем Херсонского губисполкома. В марте–июне 1918 г. Вольпе служил комендантом эвакуации Северо-Донецкой и Екатерининской железных дорог, а затем находился на подпольной работе в Луганске.

Будучи большевиком, Вольпе в июне 1918 г. вступил в РККА. В августе–сентябре 1918 г. был военным комиссаром Новоузенской пе-

хотной дивизии, затем занимал пост управляющего делами РВС 4-й армии, помощника коменданта и коменданта Саратовского укрепрайона, а в ноябре 1918 г. был зачислен в первый набор слушателей открывавшейся в Москве Академии Генштаба РККА.

Как слушатель Академии Генштаба РККА, Вольпе командировался в 1919 г. на Восточный фронт, попав во 2-ю бригаду 27-й (позднее 35-й) стрелковой дивизии на должность начальника штаба. Интересна оценка Вольпе врагом — командиром бригады, белым подпольщиком, а затем перебежчиком к белым полковником В. В. Котоминым. Последний отмечал, что в апреле 1919 г. «распоряжением штаба фронта н[ачальни]ком штаба бригады был назначен еврей-коммунист Вольпе, окончивший красную академию Генерального штаба, очень умный молодой человек 24 лет, окончивший в Лозанне или Цюрихе невропатологический институт¹ ... Красный генштабист Вольпе был для меня элементом сверх нежелательным, и я принимал все усилия к тому, чтобы от него избавиться. Развитый, умный, работоспособный, нахально-вызывающий, как вообще все евреи, он, в конце концов, обострил со всеми отношения, и, к величайшей моей радости, избавился от него в первых числах июня»². Котомин отмечает, что умный Вольпе сразу заподозрил саботаж в штабе. Чтобы устранить Вольпе из штаба, белые подпольщики спровоцировали конфликт, когда один из них, бывший подпоручик К. М. Костюрин, ударил Вольпе при свидетелях по лицу. После этого красному генштабисту пришлось уйти из штаба. Подпольная ячейка белых продолжила свою работу, а впоследствии перешла к противнику³.

В 1919–1920 гг. Вольпе служил в штабе 26-й стрелковой дивизии на Восточном фронте, в том числе временно исполняющим должность начальника штаба. Дивизией командовал Г. Х. Эйхе. В период ликвидации белых в Сибири он познакомился со своей будущей супругой. В дальнейшем командовал полком, был начальником штаба и начдивом 35-й стрелковой дивизии.

¹ В. В. Котомин неточен. А. М. Вольпе в 1912–1914 гг. в качестве вольнослушателя обучался в Лейпцигском институте психологии.

² РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 72. Л. 238 об.

³ Подробнее об истории белой подпольной организации в бригаде см.: Ганин А. В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2018. С. 229–270.

В Академии Генштаба РККА Вольпе выступал рьяным борцом за коммунистический состав⁴. Академию он окончил в 1922 г. Около года стажировался в войсках, командуя ротой. В ноябре 1923 г. стал адъютантом Военной академии РККА. С августа 1928 г. — старший руководитель Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. В 1930-е гг. командовал 48-й стрелковой дивизией, затем с мая 1933 г. был начальником штаба Московского военного округа, а с марта 1935 г. — начальником административно-мобилизационного управления РККА⁵. В 1935 г. А. М. Вольпе получил звание комдива.

В ночь с 30 на 31 мая 1937 г. в возрасте 43 лет комдив Вольпе был арестован. На судебном заседании он нашел силы и смелость отказаться от данных ранее под давлением признательных показаний⁶. Уже 14 июля того же года Военной коллегией Верховного суда СССР Вольпе был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Прах захоронен в могиле невоинно погибших прахов № 1 на Донском кладбище⁷. Реабилитирован А. М. Вольпе той же Военной коллегией Верховного суда СССР 2 июня 1956 г.

Вольпе был известен как эрудированный, высокообразованный человек, крупный специалист в области стратегии, автор капитального труда «Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны» (М., 1931). В своей работе он изучал опыт Первой мировой войны и показал характер различных форм фронтальных ударов для преодоления позиционного тупика мировой войны. Это исследование изучали даже генштабисты-эмигранты. В частности, генерал В. Е. Борисов, сподвижник генерала М. В. Алексеева в Первую мировую войну, проживая в Белграде, давал эту книгу своему однокашнику по академии генералу В. Е. Флугу⁸. По свидетельству дочери Вольпе, при аресте отца пропала рукопись его книги «Фланговый удар»⁹ о маневренных действиях Первой миро-

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 434. Л. 47 об.

⁵ Подробнее см.: *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941 : биографический словарь. М., 2012. С. 201–203.

⁶ *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 269.

⁷ Расстрельные списки. Москва, 1935–1953. Донское кладбище (Донской крематорий). Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2005. С. 98.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 32 об.

⁹ РГВА. Ф. 40874. Оп. 21. Д. 5. Л. 2.

вой войны, которая так и не была издана. Если бы Вольпе не был уничтожен вследствие государственного произвола, он мог бы подготовить еще немало значимых военно-научных работ. Авторству Вольпе также принадлежит очерк Петропавловской операции РККА 1919 г.¹⁰ Кроме того, он выступил редактором книги дивизионного комиссара М. Р. Галактионова «Темпы операций» (М., 1936).

Вдова А. М. Вольпе, Г. И. Вольпе (в девичестве — Федулова) (1902–1975), перенесла тяжелейшие испытания, выпадавшие на долю членов семей высокопоставленных советских военных деятелей, попавших под каток репрессий¹¹. Она была родной сестрой Е. И. Федуловой, вышедшей замуж за другого видного военного ученого Красной армии Г. С. Иссерсона, также арестованного в 1941–1955 гг., но сохранившего жизнь. Как супруга «врага народа» Г. И. Вольпе была арестована 16 июля 1937 г., после расстрела мужа, сидела в Бутырской тюрьме. Была приговорена к восьми годам лагерей и попала в Темниковский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ). Этот лагерь на начало 1938 г. насчитывал 17921 заключенного. Специализировался на лесозаготовках, производстве ширпотреба, строительных работах, сельхозпроизводстве. Процент женщин среди заключенных был достаточно высоким.

Свои воспоминания Г. И. Вольпе начала писать сразу по освобождению, в 1944 г. (освободилась за ударный труд и отличное поведение на год раньше), когда была выслана для проживания в город Александров. Из лагеря вдова Вольпе вышла инвалидом. В 1947 г. переехала к выросшей без нее дочери в Ленинград, а в 1956 г. после реабилитации получила комнату в Москве. Несмотря на трудности, оставить свидетельство о судьбах невинно пострадавших и погибших друзей и близких она считала своим долгом. Воспоминания посвящены жизни советской военной элиты в разгар Большого террора и проливают свет на трагедию семей советских военных деятелей. В них подробно описывается арест А. М. Вольпе, а затем и его супруги, аресты многих ответственных советских работников и членов их семей, общая тягостная атмосфера того времени, пребывание мемуаристки в Бутырской тюрьме и в Темниковском лагере.

¹⁰ Вольпе А. М. Петропавловская операция // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1922. Кн. 3. С. 77–107.

¹¹ Подробнее об этом см.: Черушев Н. С. «Сын за отца не отвечает ...»: Трагедия семей элиты Красной армии: 1937–1956. М., 2010.

Воспоминания публикуются по авторизованному машинописному тексту с незначительной правкой. Они заверены дочерью Вольпе Г. А. Лойчиковой, проживавшей в Ленинграде. По имеющимся сведениям, экземпляр воспоминаний также хранится в Алтайском государственном краеведческом музее в Барнауле. Г. И. Вольпе при написании воспоминаний допустила ряд неточностей в именах различных лиц, их должностях, последовательности событий. По мере возможности такие неточности выявлялись публикатором и комментировались.

Воспоминания публикуются по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Все даты отечественной истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Г. И. Вольпе

История одной «жены»

Эти воспоминания написаны моей мамой, Вольпе (Федуловой) Галиной Ивановной. Она начала писать их сразу после освобождения, в 1944 г., в г. Александрове, куда была выслана на жительство. Мама считала это своим долгом перед всеми погибшими друзьями и товарищами.

Моя мама — сибирячка, она родилась в 1902 г. в г. Барнауле, в семье богатого купца, Федулова Ивана Ивановича¹². Сестры Федуловы, Галина и Екатерина, получили хорошее, по тем временам, воспитание и образование. Они окончили гимназию, хорошо играли на рояле, знали немецкий язык.

В 1919 г., когда 5-я армия (командарм т. Тухачевский¹³), вошла в Барнаул, мама познакомилась с моим папой. Абрам — Марк Миронович Вольпе был начальником штаба легендарной 26-й дивизии (комдив — Эйхе¹⁴). Мама шутила, что на всю жизнь была заморожена его красными галифе.

¹² Купец Иван Иванович Федулов (1874–1922) был мукомолом. В Барнауле существовал торговый дом «И. И. Федулов с сыновьями». Вдова И. И. Федулова, мать Г. И. Вольпе, умерла в 1963 г.

¹³ Михаил Николаевич Тухачевский (04.02.1893–12.06.1937) — советский военный деятель, командующий 5-й армией. Расстрелян по ложному обвинению.

¹⁴ Генрих Христофорович Эйхе (17.09.1893–25.07.1968) — советский военный деятель, командующий 26-й стрелковой дивизией. Репрессирован по ложному обвинению.

Вторая сестра, Екатерина Ивановна, тоже вышла замуж за краскома¹⁵, известного впоследствии военного теоретика Г. С. Иссерсона¹⁶. Он тоже был арестован, но в 1941 г. Екатерине Ивановне пришлось впоследствии содержать всю семью: бабушку, меня, свою дочь Ирену и двух заключенных: мужа и мою маму.

После замужества для мамы началась кочевая жизнь. В 1922 г. в г. Ростове-на-Дону родилась я, меня назвали тоже Галиной.

Папа был среди первых слушателей, первых адъюнктов и первых преподавателей-коммунистов Военной академии им. Фрунзе. Долгое время, до самой его смерти, папа работал «для особых поручений» у М. В. Фрунзе¹⁷ и в 1928 г. написал о нем первую книгу¹⁸. Он был военным писателем и бессменным начальником военной секции Ком[мунистической] академии. Последняя должность — начальник административно-мобилизационного управления РККА. Арестован в ночь с 30 на 31 мая 1937 г., посмертно реабилитирован 2 июня 1956 г. Восстановлен в партии (с февраля 1917 г.¹⁹) и в звании — генерал-майор. Мама как «жена» была арестована 16 июля 1937 г. и приговорена к 8 годам заключения в спецлагерях, т. е. без права переписки. Освобождена она была на год раньше, как сказано в справке об освобождении, «за высокие производственные показатели и отличное поведение в быту». К этому следует добавить, что она к этому времени стала инвалидом, отказала одна почка.

После освобождения мама была направлена на жительство в г. Александров²⁰.

После получения паспорта мама переехала жить ко мне, в Ленинград, и помогла мне окончить университет.

В 1956 г., после реабилитации, она получила пенсию и комнату в Москве. Правда, для этого ей пришлось через суд, при помощи свидетелей, доказывать, что она действительно была женой моего папы.

¹⁵ Краском — красный командир.

¹⁶ Георгий Самойлович Иссерсон (16.06.1898–27.04.1976) — советский военный теоретик, полковник. Репрессирован по ложному обвинению.

¹⁷ Михаил Васильевич Фрунзе (21.01.1885–31.10.1925) — партийный и государственный деятель, народный комиссар по военным и морским делам СССР.

¹⁸ Речь идет о брошюре А. М. Вольпе «Оборона страны и М. В. Фрунзе» (М.; Л., 1928).

¹⁹ По имеющимся данным А. М. Вольпе вступил в РСДРП (б) в марте 1917 г.

²⁰ Далее зачеркнуто: «и паспорт получила только в 1947 г., то есть через три года».

В 1965 г., в связи с ухудшением состояния здоровья, мама вынуждена была обратиться за помощью к К. Е. Ворошилову²¹, но, несмотря на его личное ходатайство, в мед [ицинской] помощи в военных лечебных учреждениях ей было отказано.

По характеру моя мама была человеком очень прочным, верным и жизнерадостным. Она до самой смерти (1975) притягивала к себе людей.

Ее записки написаны в виде отрывков, так что пришлось убрать некоторые повторения, в остальном — все оставлено без изменений.

Подлинник этих воспоминаний будет сдан на хранение в Гос[ударственный] архив Советской армии²² по их просьбе.

Г. А. Лойчикова (Вольпе)²³

Перед арестом

Осенью 1936 года мы переехали с улицы Горького (угол Васильевского) на новую квартиру, в только что выстроенный дом на Лубянском проезде (ныне — проезд Серова) против ЦК партии. Это был дом военного ведомства для старшего и высшего состава РККА²⁴. Вокруг нас оказались все знакомые или друзья-приятели.

Ранней весной на Военный совет в Москву приехал Иван Кенсаринович Грязнов²⁵, командовавший Забайкальским военным округом.

²¹ Климент Ефремович Ворошилов (23.01.1881–02.12.1969) — военный и государственный деятель, Маршал Советского Союза.

²² Ныне Российский государственный военный архив.

²³ Далее от руки дописан ленинградский адрес и телефон Г. А. Лойчиковой (Вольпе), который не публикуется.

²⁴ Адрес Вольпе перед арестом: Лубянский проезд, 17, кв. 15. Дом построен в 1934–1937 гг. для высшего состава РККА на месте снесенного в 1931 г. храма Спаса Преображения на Глиннищах. В этом доме находился жилищкооператив «Военный строитель». Здание также известно как «дом летчиков». Целый ряд советских военных деятелей, проживавших в этом доме, были репрессированы. Среди наиболее известных — маршал А. И. Егоров. В 2022 г. на доме дважды устанавливалась и дважды похищалась вандалами табличка «Последний адрес» в память проживавшего здесь расстрелянного в 1938 г. комдива А. М. Перемытова.

²⁵ Илья Кенсаринович Грязнов — герой Гражданской войны, командовавший легендарной 30-й дивизией 5-й армии на Восточном фронте. Он был арестован в 1938 г. на вокзале в Москве, куда он был вызван из Ташкента, где командовал Среднеазиатским военным округом. В ходе следствия его привезли в Читу, где он раньше был командующим. Мы узнали об этом позже от Пелагеи Григорьевны, бывшей домработницы, а, вернее, члена семьи Грязновых. Как-то к ней прибежал один сотрудник НКВД, бывший работник штаба округа, и сказал, что Ивана Кенсариновича привезли всего избитого и голодного и что конвоирует его знакомый. Пелагеюшка с пла-

Его жена была моей близкой подругой, а дочь очень дружила с их сыном, Вадиком. Жили они постоянно в г. Чите и в Москве бывали наездами. Иван Кенсаринович приехал со своим замполитом тов. Шестаковым. Мы звали Ивана Кенсариновича — Пухтер (так прозвал его сын), а он звал меня — Маршал. Он привез мне в подарок букет прутьев багульника (я ведь сибирячка), поставленные в горячую воду, они на завтра превратились в розовый букет цветов с нежным запахом.

Назавтра Грязнов с Шестаковым приехали к нам обедать. Иван Кенсаринович рассказал о том, как они ехали с востока. Проехали они через три военных округа, и везде их встречали коменданты штабов: командующие, все члены РВС и начальники штабов — все были арестованы. «Объясни нам, Марк, что все это значит и как это можно понять?» Муж сказал им, что сам ничего не понимает и объяснить ничего не в состоянии. Может быть, на заседании Военного совета что-нибудь прояснится.

Мы уже знали, что в нашем доме арестованы начальник Штаба РККА товарищ Егоров²⁶ с женой. И после ухода гостей я опять спросила мужа, как же он, все-таки, объясняет себе все происходящее? Он ответил, что пока ни понять, ни объяснить ничего не может. Единственное, что он смог заметить, это то, что среди высшего состава армии ведутся какие-то разговоры против Ворошилова, вернее, против его руководства. Он рассказал, что один из наших ближайших друзей, Борис Фельдман²⁷, как-то выйдя с доклада от Климента Ефремо-

---

чем срочно собрала, что могла: поесть, махорки, шерстяные носки. В 30-е годы служил в Забайкальском округе и ходил в «любимчиках» у Грязнова К. Рокоссовский. Он тоже сидел, но был выпущен во время войны. Он рассказал Д. А. Грязновой, жене Ивана Кенсариновича, что тот имел с ним очную ставку и что выглядел тот ужасно. У него была переломана рука и выбит глаз. Он сказал только: «Я никогда не предавал своих командиров и никогда не предам». И его сразу же увели. Д. А. Грязнова поддерживала связь с Рокоссовским до самой смерти (*Прим. Г. А. Лойчиковой (Вольпе)*). Иван Кенсаринович (Кенсаринович) Грязнов (11.01.1897–29.07.1938) — советский военный деятель, комкор. Расстрелян по ложному обвинению.

²⁶ Александр Ильич Егоров (13.10.1883–23.02.1939) — советский военный деятель, Маршал Советского Союза. Расстрелян по ложному обвинению. А. И. Егоров действительно жил в том же доме, что и Вольпе, однако Г. И. Вольпе путает последовательность событий, т. к. Егорова арестовали 27.03.1938, значительно позднее ареста и расстрела А. М. Вольпе и ареста его супруги.

²⁷ Борис Миронович Фельдман (01.1890–12.06.1937) — советский военный деятель, комкор. Расстрелян по ложному обвинению.

вича²⁸, жаловался ему, что работать в штабе он больше не может. Он сказал, что Ворошилов третирует его, не дает никому спокойно работать, что у него нет больше сил работать в таком напряжении.

Вскоре арестовали Фельдмана, который был начальником командного управления РККА, и Ефимова²⁹ (заместителя т. Тухачевского).

Через некоторое время муж рассказал мне о том, что у него в управлении — он был начальником административно-мобилизационного управления РККА — сменился секретарь парторганизации. Новый секретарь очень ему не понравился. Как-то он спросил мужа: «А что, Вольпе, как ты относишься к тому, что взяли твоих дружков, Фельдмана и Егорова?» Муж ему ответил, что знает этих товарищей еще с Гражданской войны и уверен в них, как в себе. Их арест — ошибка, разберутся — выпустят. Он совершенно в этом уверен.

У меня внутри все похолодело, я понимала, что муж иначе ответить не мог, но какое страшное настало время, каким осторожным надо быть. И почему был задан такой вопрос? Мы без конца говорили о происходящем. Успокаивая меня, муж говорил только одно: «Ведь меня же не берут, значит, есть все-таки в этих арестах что-то такое, чего я не знаю».

Недавно приехали из Парижа наши друзья, Венцовы. Семен Венцов³⁰ четыре года был во Франции военным атташе. С Раей, его женой³¹, мы дружили еще со времени совместной учебы наших мужей в академии имени Фрунзе. После возвращения из Франции, Семен был назначен на стажировку командиром дивизии в Белую Церковь, на Украину. На днях они были у нас, и Рая очень интересно рассказывала о Франции, о Париже.

Сегодня она вдруг позвонила мне по телефону и сказала, что ей срочно нужно меня повидать. Предварительно она спросила меня, здоров ли Марк, все ли у нас в порядке.

Вскоре она пришла (жили они недалеко от нас) и рассказала следующее: сегодня они прочли во французской газете о том, что на-

²⁸ Ворошилова.

²⁹ Николай Алексеевич Ефимов (06.05.1897–14.08.1937) — советский военный деятель, комкор. Расстрелян по ложному обвинению.

³⁰ Семен Иванович Венцов-Кранц (01.01.1897–08.09.1937) — советский военный деятель, комдив. Расстрелян по ложному обвинению. Был военным атташе во Франции в 1933–1936 гг.

³¹ Раиса Евсеевна Венцова (1901–16.10.1937) — супруга С. И. Венцова-Кранца. Расстреляна по ложному обвинению.

чальник АМУ³² РККА Вольпе через Францию проследовал в Испанию. Это сообщение их очень взволновало, так как в случае, если фамилия советского ответственного работника, под любым предлогом, появлялась во французской печати, то в скором времени его арестовывали. Предпоследняя фамилия была Ефимов, и он уже взят.

Я старалась держаться, но поняла, что пришло время готовиться к худшему. Прежде всего, я «подготовила», то есть перепугала, брата мужа Исаака и свою сестру, Катю, объявив им, без объяснения причин, о своей уверенности в том, что Марка вскоре возьмут (после ареста они были уверены, что я что-то знаю, но скрываю от них).

Я ждала, стараясь не подавать вида мужу и дочке, но жить становилось все страшнее.

В квартире нашей было два балкона, один выходил на улицу, а второй — во двор.

Ночью я иногда выходила на дворовый балкон и с ужасом всматривалась в темноту. Двор был полон машин НКВД. Людей арестовывали каждую ночь. Кто мог идти — шел, кто не мог — того волокли, иногда полураздетого. Дом был полон страшных слухов, а ведь в нем жили люди, которые делали революцию, создавали Красную армию и руководили ею.

Все объяснения мужа на меня не очень-то действовали, я видела, что и он страшно нервничает. Все стали бояться друг друга. Жизнь стала замкнутой, но она шла.

И вот наступила страшная ночь на 1 июня 1937 года³³.

Вечером муж ушел на гастроли узбекского театра, в Большой театр. Мы с Галочкой, нашей дочкой четырнадцати лет, уже были на премьере этой постановки, и он пошел один. Пришел он около 12, и мы улеглись спать, так как дочка завтра сдавала экзамен по русскому письменному за седьмой класс.

Ночью я проснулась от яркого света фонарей, который бил в глаза. Вокруг кровати стояли пять человек, двое в штатском и трое в пограничной форме. Муж был вытаснен из постели. Двое, не отпуская, дер-

³² Административно-мобилизационного управления

³³ Мама ошиблась, вероятно, потому, что в мае 31 день. Папа был арестован в ночь с 30 на 31 мая (примеч. Г. А. Лойчиковой (Вольпе)).

жали его за руки. Его быстро одели, предварительно обыскав одежду, и повели к двери. Я закричала. Ему разрешили вернуться и поцеловать меня. Он сказал: «Гала, ты прожила со мной восемнадцать лет и была мне другом. Не волнуйся, это недоразумение. Жди. Я вернусь». Его увели.

Начался обыск. Я попросила старшего группы, чтобы детскую обыскивали последнюю. Он сказал, что будут обыскивать ее после библиотеки. До семи часов утра просматривали книги и бросали их на пол. Я сидела на диване. Слезы лились непрерывно. Мне казалось, что стук падающих книг несется и с потолка, и со всех сторон.

Но самое страшное наступило тогда, когда мне пришлось разбудить дочку и сказать ей все.

Обыскали комнату и ушли.

Мы с Галей вышли на внешний балкон. Город проснулся. Как всегда, шли трамваи, люди, но все это было уже не наше, на все это мы уже, как будто, не имели права. Мы стали отверженными.

Галя принесла газеты. Я машинально развернула их и, о ужас, прочла сообщение о «военном процессе»³⁴, о людях, которых уважала, с которыми дружила и которым верила. Знала хорошо я, конечно, всех, но некоторые были старинными друзьями нашей семьи.

Часов в девять зашла Мура Ошлей. Муж ее был начальником снабжения РККА³⁵. Они жили над нами. «Галя, не приходи к нам и не звони, — сказала она, — сегодня ночью Петю арестовали». Я сказала, что только что хотела ей позвонить и предостеречь о том же.

В это время позвонила приехавшая из Сочи Клава Ковалева (ее муж принял у моего мужа 48-ю Калининскую дивизию³⁶. Сейчас он был в Испании (по возвращении был арестован). Я попросила Клабочку

³⁴ Речь идет о процессе по сфабрикованному делу «антисоветской троцкистской военной организации», в рамках которого после закрытого судебного заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР 11.06.1937 все обвиняемые (М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Э. Якир, А. И. Корк, В. М. Примаков, В. К. Пугна, Б. М. Фельдман, Р. П. Эйдеман) были расстреляны.

³⁵ Петр Матвеевич Ошлей (01.1886–01.11.1937) — советский военный деятель, коринтендант, помощник командующего войсками Московского военного округа по материальному обеспечению. Расстрелян по ложному обвинению.

³⁶ Давид Михайлович Ковалев (11.1898–20.06.1938) — советский военный деятель, комбриг. Командир и военный комиссар 48-й стрелковой дивизии им. М. И. Калинина. Военный советник испанской республиканской армии (1936–1937). Расстрелян по ложному обвинению.

забыть пока о нашей дружбе и остановиться у Федько³⁷, с которыми она тоже дружила.

Мура рассказала, что Петю арестовали на даче, так что она пережила два обыска.

Больше мы с ней не расставались, вплоть до самого ареста. Вдвоем было как-то легче переносить наше страшное горе. Эту ночь Мура даже осталась у нас ночевать. Кровать была очень широкая. Она легла к стенке, я — в середине, и с краю — Галочка. И только так, как будто под защитой ребенка, мы забылись, заснули.

В камере

Был июль месяц 1937 года. Погода была очень жаркая и душная. Общая камера № 4 Бутырской тюрьмы расположена была окнами на солнце. Окна эти, закрытые железными щитами, так накалялись за день, что в камере всегда было невыносимо душно. Правда, щиты эти пока еще не закрывали окон сверху и снизу (это было сделано позже), но в камере, обычно вмещавшей двадцать человек, теперь помещалось сто, и в ней никогда не бывало прохладно. Весь пол в камере был закрыт щитами, и только в углу, около двери, был от них свободен. Там стояла параша и стол, на котором раздавали пищу (хлеб, обед и чай). Позже мы узнали, что были еще в лучшем положении, чем «жены», взятые позже, которым в этих же камерах приходилось жить в два этажа: одни спали на нарах, а другие под нарами, на кафельном полу, посменно. Мы были «первым набором жен» и «взятые» были 16 июля 1937 г.

---

³⁷ Иван Федорович Федько перед арестом командовал Дальневосточной группой войск. Всегда и для всех он был образцом честности, чистоты, храбрости и благородства. Герой Гражданской войны, он был единственный награжден четырьмя орденами Красного Знамени. Арестован он был в 1938 г., после всех своих друзей. Говорят, что К. Е. Ворошилову было дано свидание с ним в тюрьме. Надо себе представить, что было сделано и обещано бедному Ивану, если он во время этого свидания, упорно утверждал, что он английский шпион и что все показания его получены без принуждения, это рассказала моей маме Вера Ивановна Хмельницкая, жена бессменного секретаря Ворошилова в течение долгого времени Р. П. Хмельницкого. Она была арестована в 1947 году за дружбу с семьей Аллилуевых (*Прим. Г. А. Лойчиковой (Вальне)*). Рафаил Павлович Хмельницкий (27.09.1898–09.01.1964) — советский военный деятель, генерал-лейтенант. Многолетний адъютант и порученец К. Е. Ворошилова; Иван Федорович Федько (24.06.1897–26.02.1939) — советский военный деятель, командарм 1-го ранга. Расстрелян по ложному обвинению.

Взяты мы были без вещей и почти без денег. «Брали» нас якобы на допрос к следователю о наших мужьях, арестованных недавно.

В тюрьме я встретила своих подруг и просто приятельниц: Нину Петину (муж — нач[альник] Военно-инж[енерного] упр[авления] РККА³⁸), Муру Ефимову (муж — заместитель т. Тухачевского), Наташу Фишман (муж — нач[альник] хим[ического] упр[авления] РККА³⁹), Женю Геккер (муж — нач[альник] упр[авления] внешних сношений⁴⁰), Нину Смолину (муж — нач[альник] Академии связи⁴¹), Женю Ольшанскую (муж — зам[еститель] нач[альника] Академии бронетанковых сил⁴²) и многих других.

В камере мы держались группами: военных, водников, железнодорожников, пищевиков и т. д. Это вышло как-то само собой. Специальности мы имели самые разные. Большинство из нас работало, остальные, меньшинство, были домашние хозяйки.

Довольно много было членов партии, которые держались очень мужественно и поддерживали нас, как могли, старались ободрить. Объяснить все происходящее было невозможно.

Все мы получили вскоре приговоры: большинство, особенно «военные», 8 лет «спецлагерей». Меньшинство — 5 лет, и, единицы, — 3 года. Слово «спец» означало «без права переписки», но тогда мы этого еще не знали. Формулировки приговора были для всех одинаковы: «ЧСИР», член семьи изменника родины.

³⁸ Николай Николаевич Петин (02.05.1876–07.10.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник инженерного управления РККА. Расстрелян по ложному обвинению. Вторая супруга Н. Н. Петина — Янина Александровна Черноцкая (1895-?). Арестована по ложному обвинению и осуждена на восемь лет ИТЛ.

³⁹ Яков Моисеевич Фишман (11.04.1887–12.07.1961) — советский военный деятель, генерал-майор технических войск. Начальник военно-химического управления РККА. Репрессировался по ложному обвинению.

⁴⁰ Анатолий Ильич Геккер (25.08.1888–01.07.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник отдела внешних сношений Разведупра РККА. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Евгения Борисовна Ситковская. Арестована по ложному обвинению.

⁴¹ Мемуаристка ошибается. Иван Иванович Смолин (05.07.1895–20.09.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник Военно-инженерной академии РККА. Расстрелян по ложному обвинению.

⁴² Михаил Михайлович Ольшанский (11.1895–20.09.1937) — советский военный деятель, комдив. Заместитель начальника автобронетанкового управления РККА. Расстрелян по ложному обвинению.

Вызовы к следователю обычно происходили ночью, так что поспать нам удавалось урывками.

К 12 часам ночи открывались двери, входили коридорная и конвоир. Последний называл фамилию, вся камера в этот момент садилась. Вызванная называла свое имя и отчество и уходила с конвоиром. Некоторых еще совсем не вызывали, некоторых уже вызывали по одному разу. А некоторых вызывали уже несколько раз, и даже днем. Некоторые больше не возвращались обратно, и мы ничего о них больше не слышали. Но днем было не так страшно. Только в ночь с субботы на воскресенье мы спали относительно спокойно. Воскресенье — был выходной день у следователя, и вызовов почти не было. Остальные ночи были кошмарны. Вою ночь неслись крики со всех сторон. Особенно мне запомнился один крик, женского голоса, через небольшие промежутки времени, только одно олово: «Сталин!» И так два дня. Постепенно голос утихал, и, наконец, замолк.

Камера № 4 выбрала старосту, жену зам[естителя] главного прокурора СССР т. Крыленко⁴³, Пошукайнис Соню. Она была старым членом партии и очень хорошим человеком. Такая мягкая, спокойная. Постепенно мы все познакомились друг с другом, и страшная жизнь вошла в свою колею.

Обычно день начинался с «побудки», в 5 часов утра, входила коридорная и говорила: «Женщины, вставайте на opravку». Мы выходили в коридор, дежурные брали парашу, все выстраивались парами и отправлялись в туалет. После возвращения приносили хлеб, чай. Раздавалось также по 2 куска сахара на день. Многие из нас курили, и им очень тяжело было обходиться без табака. Ни свиданий, ни передач мы не имели, а «лавочку» нам разрешили много позже.

В одну из суббот «камеру» вызвали в баню. Староста назначила дежурными по уборке меня и Катюшу Лобову, жену Наркомлеса⁴⁴. Мы получили ведра и тряпки у коридорной и принялись за мытье. Быстро все сделав, мы сдали наши орудия производства и уселись рядом на

⁴³ Николай Васильевич Крыленко (02.05.1885–29.07.1938) — советский государственный деятель, народный комиссар юстиции СССР (1936–1938). Расстрелян по ложному обвинению.

⁴⁴ Семен Семенович Лобов (1888–30.10.1937) — советский государственный деятель, народный комиссар лесной промышленности СССР (1932–1936), народный комиссар пищевой промышленности РСФСР (1936–1937). Расстрелян по ложному обвинению.

нарах. Кругом была непривычная тишина. Конечно, начался разговор, все о том же.

Я рассказала, как был арестован мой муж. Я очень беспокоилась о своей девочке, которую оставила одну в квартире⁴⁵. Я, конечно, очень плакала, я часто плакала в тюрьме, слезы лились как-то сами собой.

Катюша не плакала. Она мне тоже рассказала, как после ухода мужа на работу раздался звонок. Она открыла входную дверь на цепочку и увидела несколько человек в штатском, которые начали рвать дверь и требовать, чтобы она открыла ее. Она позвонила в ГПУ⁴⁶ и сказала, что в квартиру ломятся неизвестные ей люди. В это время дверь с цепочки была сорвана, и «жизнь была кончена», — как сказала Катя. «Я ничего не понимаю и ничего объяснить не могу, но я комсомолка и жить больше не могу и не буду». Я спросила ее, как же она думает это сделать. «Путем голодовки», — ответила Катюша. Я робко сказала ей, что мой муж (когда-то был такой разговор, и я вспомнила о нем сейчас) считал голодовку в советской тюрьме антисоветским поступком. Катя сказала, что другого выхода она не видит. Позже, уже в лагере, к нам приехала «взятая» на границе жена торгпреда в Берлине Майя Фридрихсон⁴⁷. Она рассказала нам, что за границей, в печати, сообщили, что жена наркомлеса СССР умерла в Бутырках от голодовки.

В это время являлась камера⁴⁸, после бани «жены» заняли свои места на нарах, и началась обычная сушка выстиранных вещей: все замахали носовыми платками, трусами и т. д. и так до полного их высушивания.

Уже начало смеркаться, когда в камеру вошли две молодые женщины. Они оказались КВЖДинками⁴⁹. Мы знали о том, что всех, приехавших о востока, с КВЖД, арестовывали, причем мужчины ушли в неизвест-

⁴⁵ В это время я уже через Даниловский детский тюремный распределитель была направлена в детский дом в город Сердобск Саратовской обл. (Прим. Г. А. Лойчиковой (Вольпе)).

⁴⁶ Государственное политическое управление. В описываемый период — НКВД.

⁴⁷ Лев Христианович Фридрихсон (1889–26.11.1937) — советский государственный деятель, заместитель торгового представителя СССР в Германии (1932–1937), заместитель наркома внешней торговли СССР (с 16.04.1937). Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Фридрихсон (Ларионова) Майя Тимофеевна (1904–1976).

⁴⁸ Т. е. сокамерницы.

⁴⁹ КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога.

ность, а женщины скитаются по тюрьмам и лагерям⁵⁰. Вновь пришедшие были лучше нас знакомы с обычаями и жизнью тюрьмы, и, прежде всего, их заинтересовало, установили ли мы связь с верхней камерой и соседними камерами. Они сейчас же сели к окну, спиной к нему, и вполголоса, ясно, начали задавать вопросы. Вскоре шум наверху постепенно стал затихать, начался разговор с верхней камерой. Нам было сообщено, что в камере очень много народу, сидят по очереди. Что все находящиеся в камере уже имеют приговоры и ждут этапа. Среди них большинство коммунистов и комсомольцев, много военных. Им рассказали, что все мы «жены». На допросах побывали уже многие, но приговоров еще не имеем. После всего этого начали называть фамилии. У нас оказалась жена инженера, находившегося наверху (не помню фамилии, но ее звали Рашель). Они долго разговаривали друг с другом.

Постепенно наступила ночь. Мы сидели очень тихо, прислушиваясь к тому, что делается наверху. Вот, очень слышно, поступило распоряжение строиться. Загremели котелки, застучали нары, зашумели шаги. Послышался голос: «Раша, родная, прощай!». Рашель лежала на нарах в невменяемом состоянии. Она не могла даже пошевелиться. Мы тормозили ее, уговаривали. Ведь, может быть, в последний раз она слышала голос своего мужа и могла ответить. Ничего не помогало. Она не могла пошевелиться.

Сверху неслось: «Прощайте, женщины, будьте мужественны, передайте на волю, что мы до конца остаемся коммунистами!». Постепенно этап выходил из камеры. Вдруг, наверху, сильный голос зашел: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед!». Песню подхватило несколько голосов, и потом весь этап зашел, и понеслась она над затихшей тюрьмой.

Невозможно передать наше душевное состояние и наши переживания: отчаяние, смятение и вдруг, появившаяся неизвестно откуда и почему, надежда. Объяснить появление этого проблеска надежды я не могла, так же, как не могла объяснить и понять всего происшедшего. А песня лилась, постепенно затихая: «И на Тихом океане свой закон-

---

⁵⁰ Речь идет о «харбинской» операции НКВД. Подробнее см.: *Потанова Н. А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб., 2020; *Прудовский С. Б.* Была такая «нация» — харбинцы. Харбинская операция НКВД в документах. СПб., 2022; «Спасская красавица». 14 лет в ГУЛАГе агронома Кузнецова. Сост. С. Б. Прудовский. М., 2019.

чили поход». Итак, коммунисты, осужденные коммунистами и конвоируемые коммунистами уходили в этап, в неизвестность, в конец, в ничто.

Приговор

Накануне моего ареста, вечером, в полуподвальную комнату на Садовой улице (после нашего выселения на Садовую, в квартире нашей поселился герой Гражданской войны, командующий округом, член суда над «военными преступниками» т. Каширин⁵¹, прожил он в ней недолго и тоже был арестован. После него в квартире поселили писателя Игнатъева (графа)⁵² с женой⁵³, и жили они в ней до самой смерти⁵⁴), пришли ко мне «на совет» Нина Смолина, Клава Аппога (жена начальника военного железнодорожного управления⁵⁵), Женя Ольшанская и, позже, пришла Лида Кангелари (муж — заместитель наркомздрава СССР, бывший комкор⁵⁶). Была с нами и Люда Чайковская, жена комкора⁵⁷, выселенная в кладовую, в ту же квартиру, куда была выселена и я.

Не зажигая огня, мы долго посидели и хорошо поговорили.

Говорили, конечно, всё о том же.

Нина Смолина рассказала нам, что, несмотря на все переживания, она только что сдала экзамены и закончила медицинститут.

⁵¹ Николай Дмитриевич Каширин (04.02.1888–14.06.1938) — советский военный деятель, командарм 2-го ранга. Начальник управления боевой подготовки РККА (с 1937). Расстрелян по ложному обвинению. В июне 1937 г. член Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу группы М. Н. Тухачевского.

⁵² Алексей Алексеевич Игнатъев (17.02.1877–20.11.1954) — граф, генерал-лейтенант, военный писатель. Переехал в СССР из Франции в 1937 г. Автор воспоминаний «Пятьдесят лет в строю», издававшихся в СССР массовыми тиражами.

⁵³ Супругой А. А. Игнатъева с 1918 г. была Наталья Владимировна Труханова (29.03.1885–25.08.1956), балерина.

⁵⁴ На доме установлена памятная доска А. А. Игнатъеву.

⁵⁵ Эрнест Фрицевич Аппога (1898–28.11.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник военных сообщений РККА. Расстрелян по ложному обвинению.

⁵⁶ Валентин Александрович Кангелари (30.06.1883–26.11.1937) — советский государственный деятель, корврач. 1-й заместитель наркома здравоохранения РСФСР, главный санитарный врач РСФСР. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Кангелари Лидия Евсеевна (1899–1982). Арестовывалась по ложным обвинениям (1937–1945, 1946–1954).

⁵⁷ Касьян Александрович Чайковский (02.1893–23.04.1938) — советский военный деятель, комкор. Заместитель начальника управления боевой подготовки РККА. Арестован по ложному обвинению, умер во время следствия.

Клава рассказала о своих девочках, и мы посоветовали ей увезти их в провинцию к родным и обеспечить там всем, чем можно.

Все мы были уверены в том, что нас вышлют так же, как уже выслали «процессниц» (жен, мужа которых были осуждены по процессу).

Между прочим, Лида Кангелари рассказала мне, со слов своего мужа, Валентина, об одном заседании ЦК, на котором буквально уничтожили морально наркомздрава СССР т. Каминского⁵⁸, заместителем которого он был. Валя не выдержал, встал и спросил: «Кому же вы верите? Может быть, вы и мне не верите?»

На это Сталин ему ответил: «Тебе, Кангелари, мы верим».

Но в ту же ночь Валя был взят.

Разошлись мы поздно.

Утром, в 6 часов, меня арестовали.

Одновременно со мной «взяли» и Люду Чайковскую, но везли ее в другой машине, так что встретились мы уже в камере.

На допрос меня вызвали только один раз, ночью, как и всегда.

Вызвали нас вместе с Ниной Смолиной.

Повели в другой корпус. Мы крепко взяли друг друга за руки, и, я помню, что-то шептали друг другу утешающее, подбадривали друг друга. Из открытых окон зданий, мимо которых мы проходили, неслись крики, ругань, а иногда и стоны.

Потом нас разъединили. Ниночку оставили на первом этаже, а меня повели на второй.

Следователь продержал меня часа три. Подробно расспросил о тех товарищах, которые у нас бывали, и предложил написать мою подробную автобиографию. Не грозил мне, не кричал на меня. К рассвету я была уже в камере. Нина вернулась гораздо позже. Ее тоже допрашивали без нажима, но допрашивали три следователя.

Прошло уже полтора месяца после нашего ареста, и нас стали «брать на приговора».

Накануне из камеры взяли троих, и с вещами: Шуру Егорову (муж — нач[альник] Кремлевской школы ВЦИК⁵⁹), Нину Потапову

⁵⁸ Григорий Наумович Каминский (20.10.1895–10.02.1938) — советский государственный деятель, народный комиссар здравоохранения СССР. Расстрелян по ложному обвинению.

⁵⁹ Николай Георгиевич Егоров (02.1893–03.07.1937) — советский военный деятель, комбриг. Начальник Объединенной военной школы имени ВЦИК. Расстрелян по ложному обвинению.

(муж — нач[альник] штаба акад[емии]⁶⁰) и Мару Петерсон (муж — комендант Кремля⁶¹).

И вот, назавтра, вызвали вдруг меня, и «с вещей», как говорили конвоиры.

Так страшно было уходить одной, передать не могу.

Конвоир привел меня в другое здание и ввел в маленькую комнату. Все стены и потолок этой комнаты были выложены кафелем. К одной из стен была приделана скамья. Эта комната в тюрьме называлась «собачником». Вскоре конвоир привел в комнату еще одну женщину, с приятным, но болезненным лицом. Войдя, она сказала мне: «Здравствуйте, давайте знакомиться, моя фамилия Поздеева». Я назвала себя. Она села рядом со мной на скамейку и спросила, в чем меня обвиняют. Я ответила, что пока еще ни в чем, вернее, я еще не знаю, в чем. «А, так вы, вероятно, “жена”», — сказала т. Поздеева. «Я слыхала в тюрьме, что начали брать жен и детей». Я не совсем поняла то, что она сказала, и спросила ее, в чем ее обвиняют. Т. Поздеева рассказала мне свою жизнь. И она, и ее муж — старые члены партии. Оба они оппозиционеры. В свое время были исключены из партии. Она была в партии восстановлена съездом, а муж ее был приговорен к бессрочному заключению в политизоляторе. Вначале ей разрешали посылать ему книги, газеты, журналы и продукты, вскоре переписку и посылки запретили, и больше она ничего о судьбе мужа не знает, у нее двое детей. Она договорилась со своей подругой о том, что если ее арестуют, то подруга возьмет детей к себе, и они официально от нее откажутся. Вскоре ее действительно арестовали и отправили на высылку в Туруханский край. Жилось ей там тяжело, потому что в деревне все ее боялись, и жила она в заброшенном сарае. Зарабатывала деньги тем, что убивала тушканчиков и сдавала шкурки в заготконтору. Она даже была рада своему новому аресту. Везли ее, как великую преступницу, в отдельном вагоне с тремя конвоирами. На допрос ее ни разу не вызывали и никаких обвинений не предъявляли. «Судя по всему, нас, вероятно, переводят во вну-

⁶⁰ Георгий Хрисанфович Потапов (03.1893–01.07.1937) — советский военный деятель, дивинженер. Заместитель начальника Военно-инженерной академии по научной и учебной работе. Расстрелян по ложному обвинению.

⁶¹ Рудольф Августович Петерсон (01.06.1897–21.08.1937) — комендант Кремля, дивинтендант. Расстрелян по ложному обвинению.

треннюю тюрьму НКВД», — сказала т. Поздеева. Все внутри у меня случилось, еще на воле я слышала об этой тюрьме.

Вдруг дверь открылась, вошедший конвоир назвал фамилию Поздеевой, она назвала в ответ свое имя и отчество и ушла с ним.

Пришла она минут через десять, очень взволнованная, и рассказала, что получила пять лет лагерей. В общем, она была не очень расстроена и сказала мне: «Ну, что ж, я буду в тепле, у меня будет своя койка, и я буду сыта, хотя бы относительно».

Снова отворилась дверь, и вызвали меня. В том же коридоре конвоир ввел меня в комнату. За столом, у окна, сидел человек с тремя шпалами в петлицах. Около меня стоял конвоир, а около окна — человек в белом халате. Полковник⁶² подал мне бумагу и сказал: «Прочтите и распишитесь». Я начала читать. Я очень волновалась, руки у меня дрожали, буквы прыгали перед глазами. Я прочла только фамилию и срок — 8 лет. Я решила, что мне предъявляют приговор моего мужа. «Как, — сказала я, — такому верному ленинцу, члену партии с февраля 1917 года, за что?!» Полковник сказал: «Да вы прочтите повнимательнее». И тут до меня, наконец, дошло. Это был мой приговор. Это я, как член семьи изменника Родины приговаривалась к 8 годам заключения в спецотделении Темниковского лагеря Горьковского края («спец» — означало: без права переписки, как я потом узнала).

«Вот и закончилась жизнь», — подумала я. Все внутри отупело, оцепенело как-то. Я расписалась, и мы вышли из комнаты. Из «собачника» вывели т. Поздееву, и обеих нас повели обратно, в тот корпус, в котором я сидела раньше в камере № 4.

Привели нас в соседнюю с 4-й камеру, почти пустую. Еще раньше, в 4-й камере, мы узнали, что наш корпус переделан из тюремной церкви на 4 камеры, и один туалет для всех 4-х камер. Мы договорились о том, что если кого-нибудь из нас переведут в другую камеру этого же корпуса, то сообщать друг другу о себе: писать около трубы в туалете, если лагерь, то «-» и срок, а если воля, то «о». В тот же вечер я написала около трубы «-8».

Позже я узнала, что мой приговор взбудоражил камеру. Ведь самый большой срок после «высшей меры» был 10 лет. Ведь все еще бы-

⁶² Мемуаристка ошибается в определении звания сотрудника НКВД, путая их с армейскими — три прямоугольника («шпалы») в петлицах полагались капитану госбезопасности (в РККА такие знаки различия действительно полагались полковникам).

ли уверены, что нельзя без вины быть осужденной, и хотя некоторые «жены» знали меня с 1921 г., никто не мог понять, за что можно было получить 8 лет заключения.

В одной из первых групп, приведенных в новую камеру после приговора, была жена инженера, сидевшая со мной в 4-й камере. Раньше она с нами не разговаривала, на вопросы не отвечала, отворачивалась, и все. Войдя к нам после приговора, она кинулась ко мне, пожимала руки, все что-то говорила и говорила. Мне было как-то неловко, и я спросила ее, чем же, все-таки, раньше было вызвано такое странное ее поведение. Она сказала мне, что считала нас всех бесспорно виновными в чем-то. Она знала только, что она-то ни в чем не виновата, и поэтому общаться с нами не могла. Получив стандартные свои 8 лет как ЧСИР, она поняла, что и мы, вероятно, ни в чем не виноваты.

Я не спала всю ночь после приговора. Мыслей в голове не было. Растерянность и боль.

Наконец рассвело, начался обычный тюремный день.

После приговора

В первые дни в нашей камере было непривычно просторно. Вся середина ее была пустой. Целый день мы могли гулять по камере от стены до стены.

Постепенно стали приводить партии «жен» после приговора.

В одну из первых ночей привели группу, в которой была Ольга Постникова-Третьякова⁶³, с которой мы встречались у моей подружки Раи Венцовой. Муж Оли был зам[естителем] наркома жел[езно]-дор[ожного] транспорта⁶⁴. Я знала, что бедная Ольга тяжело больна, у нее был рак лимфатических желез. Еще на воле я слыхала, что она перенесла тяжелую операцию. Мы с ней тепло встретились и проговорили всю ночь.

Она мне рассказала о том, что муж взял ее из госпиталя под расписку за неделю до их ареста. Он рассказал ей о том, что «берут» людей по сведениям, получаемым из французской разведки, но он совершен-

⁶³ Ольга Владимировна Постникова-Третьякова (1900–?) — супруга А. М. Постникова. Арестована по ложному обвинению. Умерла в лагере.

⁶⁴ Александр Михайлович Постников (21.10.1886–26.11.1937) — советский военный и хозяйственный деятель заместитель наркома путей сообщения СССР. Расстрелян по ложному обвинению.

но уверен в том, что дает эти сведения немецкая разведка, через французскую. «Все происходящее — страшная провокация», — сказала мне Оля. Арестовали их на даче. Все кругом оцеплено было людьми и собаками, все залито было ярким светом фонарей.

Вскоре меня перевели в Ч. Б., Часовую башню, знаменитую тем, что в ней сидел Пугачев, а позже — Вера Фигнер⁶⁵. Теперь в ней сидели «жены» перед очередным этапом в лагерь.

Однажды, тоже ночью, привели довольно большую группу «жен». Впереди шла необыкновенная пара. Молодая девушка, коротко, по-мужски, подстриженная, одетая в старый красноармейский костюм. Веки ее больших глаз были ярко намазаны зеленой, звали ее Фирой. Другая в этой паре была молодая, высокая, стройная блондинка, с вьющимися пепельными волосами. Одетая она была в голубую пижаму, на ногах — серебряные туфли с высокими каблуками. Звали ее Мэри. Она плакала и даже как бы причитала. Вошедшие с ней уговаривали ее, утешали, говорили что-то в таком роде: «Не плачь, Мэри, не ты одна».

Войдя в нашу камеру, она почему-то подошла именно ко мне и спросила: «А вам тоже 8?» Я ответила, что не являюсь исключением, и мне тоже 8. Она вдруг заулыбалась и сказала: «Ну, слава богу, не одной мне, всем по 8».

Мэри была женой кинорежиссера. Попала она потом в наш лагерь и работала в прачечной. Такая она была славная, какая-то наивная и добрая. Кто-то прозвал ее Пышка, так и звали ее все — Мэри-Пышка. Она рассказала нам историю первых дней тюрьмы. Привезли ее, когда было совсем темно. Наша Мэри считала, что ее сейчас же расстреляют. Вел ее конвоир по тюремному двору, и, как всегда, стучал ключом от дверей по металлической пряжке на поясе, предупреждая встречных конвоиров. Вдруг он сказал Мэри: «Встаньте лицом к стене». «Всё», — подумала Мэри и повернулась спиной к дорожке. Лихорадочно стала она вспоминать слова молитвы. «Богородица, де-

⁶⁵ Мемуаристка ошибается. Предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. Е. И. Пугачев содержался не в Часовой, а в Пугачевской (Южной) башне Бутырской тюрьмы. Известная революционерка В. Н. Фигнер находилась под арестом в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. В Бутырской тюрьме Фигнер просидела несколько дней в 1876 г. (выражаю благодарность за консультацию к. и. н. Г. С. Кану).

ва, радуйся», — это все, что она вспомнила в волнении. Вдруг она поняла, что к настоящему моменту это совершенно не подходило. Чему уж тут могла радоваться богородица! Тогда Мэри зашептала: «Господи, спаси, Господи, прости», — и начала мелко крестить грудь. За собой она почувствовала движение, как будто кто-то прошел мимо, и конвоир предложил ей идти дальше.

Они подошли к какому-то зданию и вошли в полуподвальное помещение. Женщина в белом халате сунула в руку Мэри что-то, завернутое в газету и предложила ей войти в маленькую комнатку. В середине ее пол немного опускался, как будто для стока чего-то, к стене была прикреплена скамейка. Мэри решила, что в этой комнате ее убьют, а сток посредине — для крови. Она стояла, вся дрожа, судорожно сжимая в руках бумажонку, которую ей дала коридорная.

Вдруг, невозможно передать ее радости, прямо на голову грянул сильный душ. Она поняла, что была в душевой. Когда коридорная открыла дверь, Мэри мокрая, но счастливая, вышла из душевой, и, разжав руку, увидела на ладони скользкие остатки мыла, которым она должна была помыться. Она не помылась, но вернулась к жизни.

Вспоминается еще один любопытный инцидент. Однажды утром в коридоре раздались шум, крики и мат. Открылась дверь, и конвоир втолкнул в камеру молодую девушку, худенькую, довольно приятной наружности. Усевшись на пол, она постепенно успокоилась и начала нас расспрашивать, кто мы, за что сидим. Кто-то объяснил ей наше положение и сообщил о приговорах. Розка, так ее звали, вскочила и начала выкрикивать: «Это что же! Без вины арестовали, без вины получили сроки, сидите, молчите?! Да наши бы воры все окна разнесли, нары побили, голодовку бы объявили! Клопы вы, а не люди! Забились в нары и сидите, молчите! Я, честная советская воровка, с дурами трусливыми сидеть не желаю!» «А-А-А-А», — заорала она диким голосом и начала буквально кидаться на дверь. «Начальника давай! Давай сюда начальника тюрьмы!!!»

Вскоре открылась дверь, и появился военный с двумя ромбами в петлицах и орденом Красного Знамени на груди, в сопровождении двух конвоиров. Это был Попов, начальник Бутырской тюрьмы⁶⁶.

⁶⁶ Михаил Викторович Попов (1889–?) — капитан госбезопасности, начальник Бутырской тюрьмы. Как капитан госбезопасности М. В. Попов должен был иметь не

Розка выкрикнула ему все, что думала о нас, и потребовала, чтобы ее немедленно отсюда убрали. Конвоиры утащили Розку, а мы попытались поговорить с Поповым о свидании с родными, о передачах. Но он отделался от нас стереотипной фразой: «Приедете в лагерь, там все будет». Попов ушел, и мы опять остались со своими страшными чувствами и мыслями.

С очередным этапом отправили меня в Темниковский лагерь. Перед отправкой нас вызывали по фамилии, зачитывали приговор, заново все проверяли. Потом выстроили парами и повели через двор тюрьмы к воротам.

У нас в камере сидела Жукова Клава, жена комдива⁶⁷. Арестована она была на даче и пришла в тюрьму с большим узлом, завязанным почему-то в пикейное одеяло. При отправке на этап, она вновь сложила и завязала вещи: получился большой, тяжелый и очень неудобный тюк. Взялись мы за него втроем, Клава, я и Женя Геккер. В середине двора тюк развязался, и вещи развалились в разные стороны. Это событие остановило идущие сзади нас пары и как-то отвлекло нас от всего происходящего. В памяти моей остался развалившийся узел, да шеренги НКВДистов, стоявших шпалерами вдоль нашего пути. Вероятно, им было любопытно посмотреть на нас, ведь это был первый этап «жен».

Погрузили нас в черные вороны⁶⁸ и повезли на Казанский вокзал. Машины были набиты до отказа. Я стояла, держась за стоящих рядом. Рядом со мной стояла Матильда Алафузо, жена крупного военного специалиста⁶⁹. Мы крепко держались друг за друга и тихонько переговаривались.

В дверях машины было маленькое окошечко с решеткой, видны были кусочки города. Мы узнавали места, по которым проезжали. Доносился шум на улицах, голоса людей.

два ромба, а три прямоугольника («шпалы») в петлицах. Два ромба полагались старшим майорам госбезопасности.

⁶⁷ Возможно, речь идет о Жуковском (Жукасе) Иване Петровиче (01.1896–14.07.1937) — бригадире, начальнике управления военно-проектных работ Строительно-квартирного управления РККА. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Клавдия Петровна, в девичестве Машкова (1898–1951). Арестована по ложному обвинению (1937–1945). Отбывала заключение в Потьминском ИТЛ.

⁶⁸ «Черными воронками» именовались легковые автомобили ГАЗ М-1, а также грузовые ГАЗ-АА и ЗИС-5, на которых сотрудники НКВД перевозили арестованных.

⁶⁹ Михаил Иванович Алафузо (01.02.1891–13.07.1937) — советский военный деятель, комкор. Начальник кафедры организации и мобилизации Академии Генерального штаба РККА. Расстрелян по ложному обвинению.

Выгрузили нас на дальних путях Казанского вокзала и погрузили в стоальпинские вагоны, полки были сплошные, а купе были отгорожены от коридора сплошной решеткой.

Через пару дней загрузили весь эшелон и отправили к месту назначения. Ехали мы два дня. Я попала на нижнюю полку, по возрасту, мне было 36 лет. На верхней ехали «жены» помоложе, в то время начальство, особенно военное, было значительно моложе.

Надо мной, свесив ноги, сидела Леночка Ромашева, жена одного из командиров школы ВЦИК, очаровательная, остроумная и совсем молодая. Она «философствовала» в таком духе: «Хорошо, мне дали за мужа 8 лет, но он у меня второй, значит, мой первый муж тоже будет арестован и осужден за меня. Но он уже успел жениться, значит, его жену постигнет моя участь. А я у мужа — вторая жена, значит, его первая жена тоже будет взята. Но и она развелась для того, чтобы выйти за него замуж. Значит, ее первый муж тоже будет взят. И так до бесконечности?»

Дорогой нам давали по 400 гр[амм] хлеба в день и по одной вобле. Воду приносили в ведрах, по требованию.

И вот — отгороженный высоким забором, с четырьмя вышками по углам — лагерь.

Много позже, с очередным этапом приехала на наш лагпункт и Ольга Постникова. Конечно, с приговором 8 лет. Она очень изменилась с тех пор, как мы расстались: худая, бледная, начала таять прямо на глазах. Вскоре ее положили в стационар. Начались у нее головные боли, очень сильные, пришлось даже снять ей волосы. Потом она оглохла, потом ослепла.

Время шло. Наступила весна. Иногда, после смены, я приходила к стационару и садилась на завалинку, около окна палаты, где лежала Оля.

Мы все очень жалели ее.

Надюша Шандуро — она сидела за мужа, сотрудника НКВД — рассказала мне о том, что Оля все время просит одеть на нее рубашку, в которой погиб ее муж. В том, что он погиб, она была совершенно уверена, и до последнего дыхания своего просила одеть на нее рубашку, в которой он умер.

И вот, в одну из апрельских ночей в цехе, перед концом смены, мне сказали, что Ольга умерла, отмучилась.

После смены я пошла, посидела у окошка ее палаты. Был апрель. За зоной пели соловьи. Я вспоминала ее такой, какой встречала в жизни, молодой, интересной, очень любимой мужем, счастливой.

Вскоре открылись ворота лагпункта и въехала телега, влекомая быком. На телеге был большой ящик — гроб. Взяли возчик Ольгу на другие трупы и увез за зону.

Вот, на каком катафалке уехала Оля в свой последний путь.

А мы, мысленно прощаясь с Олей, думали, кто следующий?

Лагерь

Итак, после пятидневного, в целом, пути наш поезд прибыл в Темниковский лагерь Горьковского края, в конце августа 1937 г.

Был замечательный осенний день. Узкоколейка железной дороги проходила недалеко от высокого забора лагпункта. Вдали виднелись перелески и рощицы всех тонов и оттенков осени.

Этап выгрузили из вагонов, построили парами, и мы вошли в зону лагеря. Большинство из нас заходили в эти ворота на 8 лет, немногие — на пять, а некоторые — навсегда. Только очень немногие вышли раньше срока — незадолго до окончания его были актированы по инвалидности.

Нас ввели в небольшой барак у ворот, и начался долгий, унижительный обыск, который проводила лагерный врач Болтянская. После обыска нас, опять парами, повели в барак № 2.

Барак № 1 был заполнен этапом «жен», прибывших за две недели до нас. Лагерный пункт представлял собой довольно большой участок земли с четырьмя вышками для часовых по углам. Вокруг забора была натянута проволока, к которой на ночь прикреплялись собаки. На участке было расположено 6 жилых барачков, барачковая, банно-прачечный барачок и стационар, небольшие здания кипяильника, дез- [инфекционной] камеры, карцера и 6 больших уборных.

Наша лагерная поэтесса, премьерша театра им. Станиславского, Вера Модестова (Станиславский⁷⁰ прислал ей в лагерь свою фотографию с очень трогательной надписью) так написала о нашем лагере и о нас, перефразируя известную песенку:

Знаю я одно прелестное местечко,
6 барачков, 6 уборных, лес и речка.
«Жены» лечат там невроз,
На обед дают овес,

⁷⁰ Константин Сергеевич Станиславский (05.1.1863–07.08.1938) — театральный режиссер, народный артист СССР.

Если жены голодны, то сажают им цветы (был такой случай).
 Проверяют и считают ежедневно,
 Жизнь проходит очень тяжело и плачевно.
 Кому — 8, кому — 5, а за что — нельзя понять.
 То не лагерь, не тюрьма,
 То проклятая Потьма (название ж/д станции).

Все бараки лагеря соединялись дощатыми тротуарами. В первые дни около каждого входа стоял часовой, но через несколько дней они были сняты.

Всего в лагере нас было около 1 500 человек с приговорами ЧСИР⁷¹. Исключение составляли несколько человек, имевших приговоры КРД (контрреволюционная деятельность). Это были те же «жены», но выделявшиеся из общей массы своим «агрессивным поведением», т. е. возмущавшиеся, требовавшие и получившие в наказание за это свое личное дело.

Барак № 2 как раз почти и вместил наш этап — 150 человек.

После бани, устройства, началось распределение мест. Мне, теперь более молодой, так как среди нас оказалось много старушек, членов «Общества бывших каторжан и ссыльнопоселенцев», досталось место на 2 этаже нар.

Подушки и матрацы уже были набиты соломой, «жены» из первого барака приготовили нам постели. Мы, опять парами, под наблюдением часовых, «проследовали» в столовую на обед.

Вечером нам разрешили свободное хождение по лагерю, и мы встретились с жительницами барака № 1. Так встретила я со своей приятельницей, Наташей Путна. Муж Наташи, Витовт⁷², необычайно интересный человек, был большим другом моего мужа. Он был героем Гражданской войны. В последнее время Путна был военным аташе в Англии. Они были вызваны в СССР и взяты на вокзале. Витовт прошел по военному процессу и был расстрелян сразу.

⁷¹ Член семьи изменника родины.

⁷² Витовт Казимирович Путна (31.03.1893–12.06.1937) — советский военный деятель, комкор. Военный аташе в Великобритании. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Наталья Павловна (1893–?). Арестована по ложному обвинению и осуждена на восемь лет лагерей.

Встреча с Наташей для меня особенно тяжела была потому, что я была арестована позже нее и знала, что дочь Наташи, Нина, после ареста матери, видимо, в состоянии шока, не впустила в квартиру брата, Алика. Мальчик переночевал у лифтерши и на завтра сам пришел в НКВД. Сказать об этом Наташе у меня не поворачивался язык. Кроме того, еще в тюрьме со мной произошел такой случай. В одной камере со мной сидела моя приятельница, Нина Петина. Муж Нины, Н. Н. Петин, был нач[альником] военно-инж[енерного] упр[авления] РККА. Их сын, Лева⁷³, дружил с нашей Галочкой. В тюрьме Нине было тяжелее, чем нам. Ее вызывали часто и как-то неожиданно: то вдруг из бани, то ночью, то днем. Все время она была в ожидании и напряжении. Что-то ее заставляли подписать. «Что делать? Что делать?» — все время спрашивала она. «Если не подпишешь, грозят арестовать Леву (как мы узнали позже, он к тому времени был уже арестован), если подпишешь, будет хуже Коле (мужу)». Я, конечно, как могла, ее утешала, но подписывать что бы то ни было не советовала. Однажды Нина пришла с очередного вызова и сказала мне: «Галя, я сказала следователю, что ты не советуешь мне ничего подписывать, но я не хочу ареста Левы и поэтому все подписала».

Мне стало страшно. В то время брали по анонимному доносу, и малейшего повода было достаточно, чтобы создать личное дело. Я стала ждать ухудшения своего положения. Не знаю, почему, но эта история прошла незаметно, и волнение мое было напрасным. После этого я твердо решила все-таки держаться подальше от бывших приятельниц по воле и не давать никаких советов, и вообще — быть осторожнее.

Утром барак решил выбрать старосту и помощника старосты. Судили, рядили и выбрали меня старостой, а Женю Геккер моей помощницей. Ее сын и дочь, как мы узнали позже, были арестованы и получили сроки.

Первое время два-три раза в день происходили проверки барака. Дежурный комендант со списком живущих в бараке шел следом за старостой, которая несла лампу. Комендант называл номер нар, а занимающая их называла свое имя, отчество и фамилию полностью.

---

⁷³ Лев Николаевич Петин (1919–09.12.1937) — сын комкора Н. Н. Петина. Расстрелян по ложному обвинению. Вместе с ним был расстрелян и другой сын Н. Н. Петина — Н. Н. Петин (младший) (23.06.1906–09.12.1937).

Через несколько дней к нам в барак зашел начальник лагпункта, гражданин начальник Маслов, в форме НКВД и в чине капитана. Барак выстроился по команде вошедшего с ним коменданта, я представилась сама и представила Женю. Гражданин начальник сказал: «Выбранные? Ну, что ж, посмотрим» (позже мы узнали, что старост в лагерях не выбирают, а назначают).

Сразу же после нашего приезда первый барак передал нам подписку на газету «Правда» на август месяц. Кроме того, мы стали получать на барак ежедневно свежую газету. Конечно, мы прочитывали все вслух, от корки до корки, ведь это была единственная весточка с воли, ни переписки, ни радио мы не имели.

Чаще всего читала Роза Гутман-Фонарева. У нее была хорошая дикция и красивый голос. С Розочкой я встречалась еще на воле. Дядя Розы, А. Гутман, комбриг⁷⁴, был другом моего мужа и часто у нас бывал. Роза была членом партии и работала в кожевенном производстве.

Начали мы читать все сначала. Перед нами проходила жизнь страны со времени нашего из нее ухода. Много писали о «врагах» и «изменниках». Я никогда не забуду лица Раи З. (Залесской?⁷⁵). Муж ее был председателем Коминтерна, героем Гражданской войны, красным партизаном СССР⁷⁶. Рая стояла, прислонившись к печке, и вдруг лицо ее стало белым и слилось с цветом печи: муж ее объявлен был «изменником Родины» и расстрелян.

Измученные, издерганные, насильно вырванные из жизни и оторванные от детей, разных возрастов, воспитания, жизни и быта, мы старались оставаться людьми. И даже в этом нам с Женей было тяжелее других. Ежегодно приходилось нам на одеяле таскать кого-нибудь в стационар: обострились сразу все болезни. Особенно тяжело было бедным старухам, женам каторжан и поселенцев. Вставали мы с Женей до общего подъема, т. е. до 5 часов утра и бежали с носилками получать в столовой хлеб. Приносили его в барак и по спискам раскладывали буханки на тумбочки около нар. Днем — ни минуты покоя: разрешение всевозможных конфликтов, ответ за все и перед всеми.

⁷⁴ Давид Аронович Гутман (Дмитрий Аркадьевич Шмидт) (19.12.1896–19.06.1937) — советский военный деятель, комдив. Командующий 8-й отдельной механизированной бригадой. Расстрелян по ложному обвинению.

⁷⁵ Так в документе.

⁷⁶ Личность не установлена.

Через несколько дней барак решил потребовать вызвать прокурора. Я передала гражданину начальнику через старшего коменданта, что прошу его принять меня. Пришла к назначенному времени и заявила о нашем требовании. Гражданин начальник сказал мне, что требовать мы ничего не имеем права, но, учтя нашу просьбу, прокурора он нам вызовет. Предупредил, что все обращения к прокурору будут приниматься только через меня и говорить он будет только со мной. В случае истерик или истерических выкриков, я немедленно иду в карцер. Чтобы я довела все это до сведения барака.

Весь вечер барак был занят обсуждением вопросов, которые мы должны были задать прокурору. Решили быть предельно краткими.

И вот, назавтра днем, начальство явилось в барак.

Прокурор был невысокого роста молодой человек, лет 25-ти, совершенно неприметной наружности.

Пришли они с гражданином начальником оба выпившие, видно, после хорошего обеда.

Барак выстроился, и я начала читать вопросы.

Вопрос 1. Где наши дети?

Прокурор: Государство не доверяет вам воспитание ваших детей. Оно само будет их воспитывать.

Вопрос 2. Где наши мужья, что с ними?

Прокурор: Ваши мужья — изменники и предатели Родины. Вы никогда их больше не увидите.

Вопрос 3. Когда нам будет разрешена переписка?

Прокурор: Некоторым довольно скоро, некоторым — нескоро, а некоторым — никогда.

Большинство «жен» потихоньку плакали. Вдруг Нина (фамилии не помню, жена инженера), молодая, хорошенькая, громко сказала: «Все происходящее — хуже фашизма!» Маша Толмачева (муж — сотрудник арт[иллерийского] упр[авления])⁷⁷ тоже бросила какую-то едкую реплику.

Но начальство, как видно, было в благодушном настроении. Повернулось и молча вышло из барака.

⁷⁷ Александр Николаевич Толмачев (1889–04.06.1937) — помощник начальника отдела артиллерийской базы артиллерийского управления РККА. Арестован по ложному обвинению, умер во время следствия.

Назавтра, на поверке, комендант объявил, что Маша Толмачева, Наташа Путна и Яда Паукер (муж — нач[альник] оперативного отдела НКВД⁷⁸) назначаются на работу в прачечную.

Мы с Женей недолго были старостами. Как-то комендант встретил меня и спросил: «Вольпе, что это вы все от нас скрываете?» Я была поражена и сказала ему, что рассказывать мне нечего. Все здесь советские люди. А рассказывать о недоразумениях по поводу мест и зубных щеток считаю ниже своего достоинства.

Вскоре, на поверке, комендант объявил о снятии меня и Жени и назначении старостой Червяковой (муж ее был секретарем Белорусского обкома партии⁷⁹).

Мы с Женей вздохнули свободней.

Первое мая

Прошло около двух лет с момента нашего прибытия в лагерь.

Все мы уже работали в вышивальном производстве⁸⁰, которое было создано на нашем лагпункте. Ничто в нашей жизни не изменилось, ни переписки, ни радио мы не имели, и ничего о наших родных не знали.

Сменился начальник лагпункта, вместо гражданина начальника Маслова был назначен гражданин начальник Шапочкин⁸¹. В лагере по-прежнему царил все тот же строжайший режим.

Приближалось 1 мая 1939 года, второе 1 мая в лагере. В конце апреля нам объявили о том, что нам будет привезено радио, и в праздники нам разрешается самодеятельный концерт. Что это значило для нас!

⁷⁸ Карл Викторович Паукер (12.01.1893–14.08.1937) — комиссар государственной безопасности 2-го ранга. Начальник отдела охраны членов правительства Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Соучастник массовых репрессий. Расстрелян по ложному обвинению. Не реабилитирован.

⁷⁹ Александр Григорьевич Червяков (25.02.1892–16.06.1937) — партийный и государственный деятель. Председатель ЦИК Белорусской ССР (1920–1937). Покончил с собой после резкой критики на партийном съезде.

⁸⁰ Мама прекрасно вышивала. Она предложила и помогла организовать на лагпункте вышивальное производство, во время войны лагпункт шил солдатские шинели. «Жены» работали так самоотверженно, что им даже увеличили норму хлеба (*Прим. Г. А. Лойчиковой (Вольпе)*).

⁸¹ Иван Ефимович Шапочкин — капитан государственной безопасности, начальник спецотделения и помощник начальника Темниковского ИТА (с 05.01.1938).

Вечером почти все мы собрались в самом большом бараке. Яблоку, как говорится, негде было упасть. Вера Модестова, любимица Станиславского, взобралась на стол и спела нам несколько романсов. Хотя аккомпанемента не было, впечатление было огромное, и ей пришлось бисировать безжалостно.

Назавтра выступила артистка Малого театра Маша Переслени⁸². Мы встречались с ней на воле и бывали друг у друга. Ее муж, Саня Гродзянский⁸³, был начальником хоз[яйственного] отдела МВО (Московского военного округа), а мой муж в это время был начальником штаба МВО⁸⁴. Позже, уже перед выходом из лагеря, Маша приехала ко мне на другой лагпункт и предложила после освобождения устраиваться вместе. Ей предложили на выбор режиссуру и амплу героини в местном областном театре. Маша была очень талантливая актриса. Я видела ее в нескольких ролях. Она играла в очередь⁸⁵ с нар[одной] арт[исткой] Пашенной⁸⁶. Она очень много читала нам в лагере и в тюрьме. Блока, Пушкина.

Большая площадь между бараками была до краев заполнена «женами». На крыльце, на возвышении, Маша сыграла нам «На бойком месте» Островского. Играла все роли, талантливо, темпераментно.

После выступления Маши в середине площади был очищен круг, откуда-то достали пустую бочку. Стройная немолодая грузинка стала отбивать ритм мелодии, и в круг вдруг внеслась Катюша Периди (?⁸⁷, молодая, очаровательная. Наши грузинки стали подпевать, и понеслась лезгинка, а мы все захлопали в такт в ладоши. Так торжественный день и закончился. Наступил вечер этого незабвенного, необычайно первого мая.

Прошла поверка, прозвучал отбой ко сну. Постепенно все стихло. Дежурные привернули лампы в бараках. Мне не хотелось еще ложиться, настроение было приподнятое. Я решила пойти к своей подруж-

⁸² Мария Алексеевна Переслени (1902–1945) — актриса Малого театра.

⁸³ Александр Гродзянский — начальник хозяйственного отдела Московского военного округа.

⁸⁴ А. М. Вольпе был начальником штаба Московского военного округа в период 05.1933–03.1935.

⁸⁵ Т. е., видимо, по очереди.

⁸⁶ Вера Николаевна Пашенная (07.09.1887–28.10.1962) — народная артистка СССР.

⁸⁷ Так в документе.

ке, Полине Урицкой, и предложить ей перекурить перед сном. Поля, по специальности врач, была женой товарища моего мужа, Семёна Урицкого⁸⁸, начальника Разведупра РККА. Сама она была членом партии с 1919 г. Их дочь, Леночка, была арестована вместе с ней и выслана в Таджикистан. Когда разрешили переписку, она писала матери очень нежные письма, и мы с Полей усаживались где-нибудь на завалинку и, рыдая, перечитывали их. Леночке посылала посылки семья писателя Лавренёва⁸⁹, с которой дружили Поля и Семен.

Ночь была чудесная. Теплая, синяя, тихая необыкновенно. Только я собралась пересечь площадь к другому бараку, как вдруг грянул, ворвался в ночь, танец Брамса. Я упала на завалинку барака. У меня было такое впечатление, что я была сбита с ног силой этих неожиданных звуков. Я захлебнулась от рыданий. Музыка вдруг замолчала, и я постепенно успокоилась, вспомнила, что днем к столбу посредине площади была прикреплена тарелка радио. Очевидно, кто-то пробовал ее работу, включил — и сразу выключил.

Я кое-как доплелась до Полины. Мы долго сидели на песочной курилке, посреди площади. Говорили и говорили, вспоминали и рассказывали. Коменданты в эту ночь не ходили по территории, не проверяли и не загоняли в бараки.

РГВА. Ф. 40 874. Оп. 21. Д. 6. Л. 36–65. Авторизованная машинопись.

---

⁸⁸ Семён Петрович Урицкий (02.03.1895–01.08.1938) — советский военный деятель, комкор. Начальник разведуправления РККА. Расстрелян по ложному обвинению. Супруга — Полина Арнольдовна Урицкая. Арестована по ложному обвинению.

⁸⁹ Борис Андреевич Лавренёв (04.07.1891–07.01.1959) — писатель, поэт и драматург.

О. В. Эдельман

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА И ВОСПОМИНАНИЯ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ

Записки графини Варвары Николаевны Головиной (1766–1821) хорошо известны и принадлежат к числу часто цитируемых и переиздаваемых мемуарных памятников. Впервые они увидели свет в переводе с французского (на котором написаны) в 1899 г. в журнале «Исторический вестник», затем в 1900 г. отдельным изданием, в обоих случаях редактором и автором примечаний был Е. С. Шумигорский¹. В 1910 г. в Париже, очевидно, стараниями потомков мемуаристики, воспоминания вышли на языке оригинала². В 1911 г. появился новый перевод (автором его являлся К. Папудогло), с примечаниями другого видного знатока эпохи К. Валишевского³. Потребность в обновленном издании объяснялась снятием цензурных запретов после октябрьского манифеста 1905 г., стало возможно восстановить цензурные купюры, сделанные в первом издании. Валишевский в предисловии утверждал, что текст публикуется во всей полноте, и отмечал, что к тому времени мемуары были уже хорошо известны читателям, потому что ходили в большом количестве рукописных копий. «Лично у меня было пять таких копий из различных источников», — свидетельствовал он⁴. В основу издания Валишевский взял список, полученный от наследников В. Н. Головиной. Рукопись принадлежала дочери ме-

---

¹ Исторический Вестник, 1899. № 1–12; Головина В. Н. Записки / Под ред. Е. С. Шумигорского. СПб., 1900.

² Souvenirs de la comtesse Golovine. 1766–1821. P., 1910.

³ Валишевский К. Предисловие // Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766–1821). СПб., 1911.

⁴ Там же. С. 7.

муаристки, в замужестве графине Потоцкой, затем дочери графине Мнишек. Рукопись, по словам Валишевского, представляла собой четыре тетради, переплетенные в сафьян и написанные двумя женскими почерками, «один из них приписывают графине Головиной, но я не вполне уверен, чтобы настаивать на этом». К. Валишевский полагал, что, скорее всего, это была копия, снятая дочерьми мемуаристки, возможно также отчасти ее близкой подругой принцессой де Тарант. Но, как признавался исследователь, он не имел возможности сверить почерки. «Во всяком случае, рукопись, которой я пользовался, по сравнению с другими известными копиями, представляет полную гарантию в достоверности. Если оригинал и сохранился, ничто до сих пор не указало на его существование». Особенностью рукописи было наличие в ней «значительного количества чистых страниц, вероятно для приложений и примечаний, что однако не было исполнено». По сведениям Валишевского, эта принадлежавшая Мнишкам рукопись служила оригиналом для других рукописных копий. Две из них историк получил от графа Ланскорнского, еще одну — из библиотеки графа Леона Мнишека (по ней Е. С. Шумигорским было осуществлено первое русское издание) и четвертую — от графа Григория Строганова. Сличив их между собой, К. Валишевский «убедился, что тексты рукописей разнятся незначительными вариантами, произошедшими просто от ошибок при переписке»⁵. Какова была дальнейшая судьба этих рукописей, сохранились ли они до наших дней и где находятся, неизвестно.

Валишевский полагал, что ему досталась беловая копия рукописи, быть может, та самая, которая была вручена мемуаристкой императрице Елизавете, а затем вернулась к В. Н. Головиной, как это следует из самого текста. Современная исследовательница Е. П. Гречаная, изучив неизданные воспоминания другой дочери Головиной, графини П. Н. Фредро, указывает, что изначально существовали две копии записок, одна принадлежала Головиной, вторая императрице Елизавете Алексеевне. После смерти обеих обе копии перешли к П. Н. Фредро. Тот экземпляр, что принадлежал Елизавете Алексеевне, графиня сожгла в 1840 г. в Веймаре в присутствии великой княгини Марии Павловны по настоянию Николая I. В царской семье, очевидно, полага-

⁵ Валишевский К. Предисловие // Мемуары графини Головиной... С. 32–34.

ли, что эта копия единственная. С оставшейся рукописи были впоследствии сделаны копии, циркулировавшие в России и Европе⁶. По сведениям Валишевского, бытовала также легенда, что рукопись записок хранилась в Зимнем дворце и была сожжена по приказу Николая I. Надо заметить, что в настоящее время в архивном фонде Библиотеки Зимнего дворца в ГА РФ имеется рукописная копия воспоминаний В. Н. Головиной, в четырех элегантных томах в переплете⁷. По внешним признакам, типу почерка и бумаги рукопись может быть датирована второй половиной XIX века, на форзацах томов имеется экслибрис библиотеки цесаревича Александра Николаевича (Александра II)⁸, а в одном из них сохранилась вложенная картонная карточка с вензелем великого князя Сергея Александровича, на которой его рукой и за его подписью небольшое послание, не имеющее отношения к мемуарам Головиной. Видимо, когда-то она служила закладкой при чтении рукописи. По свидетельству великого князя Николая Михайловича, Сергей Александрович увлекался личностью императрицы Елизаветы Алексеевны, собирал материалы о ней и намеревался написать ее биографию. После его гибели материалы перешли к Николаю Михайловичу, осуществившему этот замысел⁹.

Издание К. Валишевского в свою очередь воспроизводилось в позднейших перепечатках. В советское время записки В. Н. Головиной не переиздавались, а вот за последние десятилетия не раз входили в сборники женских записок и мемуаров о царском дворе¹⁰. Этот мемуарный

⁶ Гречаная Е. П. Маргинальность как механизм самосознания в автобиографических текстах В. Н. Головиной и представительниц ее круга // Гречаная Е. П. Литературное взаимодействие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М., 2002. С. 47.

⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 308. Т. 1–4.

⁸ Я признательна сотруднице хранения фондов ГА РФ к. и. н. А. Н. Сидоровой за консультацию о принадлежности экслибриса.

⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I : в 3 т. Т. 1. СПб., 1908. С. V–VI.

¹⁰ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины / Сост., вступит. статья, примеч. В. М. Боковой. М., 1996; Тайны царского двора (из записок фрейлин) : сборник / Сост. И. В. Еремина. М., 1997; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына / Сост., предисл., подгот. текста, коммент. С. А. Никитина. М., 2000; Головина В. Воспоминания. М., 2006; В царском кругу: воспоминания фрейлин дома Романовых. Тютчева Анна Федоровна, Головина Варвара Николаевна, Муханова Мария Сергеевна / Ред. В. Богданова. М., 2016.

памятник многократно привлекался исследователями биографий членов императорской фамилии, послужил поводом для нескольких статей¹¹, но не становился объектом источниковедческого анализа. Настоящая статья, не претендуя пока на полноту, имеет целью сделать некоторые начальные наблюдения.

Наиболее информативная, интересная и ценная часть воспоминаний Головиной связана с ее пребыванием при дворе молодого великого князя Александра Павловича и его юной супруги великой княгини Елизаветы Алексеевны в царствование Екатерины II и Павла I. Муж мемуаристки граф Николай Федорович Головин служил гофмейстером двора Александра Павловича, сама она, урожденная княжна Голицына, племянница И. И. Шувалова, до замужества фрейлина Екатерины II, также перешла к великокняжескому двору. Головина сделалась доверенной подругой Елизаветы Алексеевны, близко наблюдала жизнь великокняжеской четы. Она живо описывает порядки двора в екатерининскую эпоху, придворные празднества, жизнь летом в Царском Селе, прогулки, характеры и отношения лиц, окружавших Александра и Елизавету, дворцовые интриги; рассказывает об отношениях великих князей с Екатериной II, Павлом Петровичем и Марией Федоровной. В центре внимания мемуаристки находится великая княгиня Елизавета, в сущности, записки Головиной можно было бы назвать рассказом о ней. Графиня, бывшая на 13 лет старше великой княгини, питала к ней привязанность столь пылающую, что ее характер даже вызывал определенные подозрения: дружеские излияния графини многим казались избыточными. Позднее, уже будучи отлучена

¹¹ См., напр.: *Андреев А. Н.* Конфессиональное влияние французской эмиграции на русское дворянство в конце XVIII — начале XIX века (по мемуарам В. Н. Головиной) // *Российская история.* 2010. № 2. С. 81–91; *Никифорова Е. А.* Графиня В. Н. Головина о частной жизни императорской фамилии в последней четверти XVIII — начале XIX в. // *Омские исторические чтения, посвященные памяти доцента кафедры дореволюционной отечественной истории ОмГУ А. Е. Плотникова* : сборник воспоминаний, статей, тезисов выступлений. Омск, 2003. С. 57–61; *Гречаная Е. П.* Встреча двух усадебных культур (французская эмигрантка принцесса де Тарант и графиня В. Н. Головина, урожденная княжна Голицына // «Пушкинское наследие и русская усадебная культура» (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 185-летию отъезда его из Захарова в лицей). Материалы 1-й пушкинской научно-практической конференции 17–18 октября 1996 г. Большие Вяземы, 1997. С. 64–69; *Решетова Л. И.* Поведенческая культура дворянской элиты в «Мемуарах» графини В. Н. Головиной // *Культура и текст-99.* Пушкинский сборник. СПб., Самара-Барнаул, 2000. С. 128–138.

от великой княгини, Варвара Николаевна столь же страстно увлеклась дружбой с французской эмигранткой принцессой де Тарант. Впрочем, это не мешало ей сохранять добрые отношения с мужем, который пусть не столь часто и ярко присутствует на страницах записок жены, но в целом, похоже, между супругами существовало полное взаимопонимание. Они вступили в брак по любви, предпочитали не разлучаться (так, например, в 1790 г. молодая жена отправилась за мужем на войну в Бессарабию), сплоченно держались во всех перипетиях интриг, были друг для друга надежной опорой. По-видимому, демонстрируемая мемуаристкой чрезмерная экзальтированная привязанность к Елизавете Алексеевне объяснялась не столько (или не только) свойствами ее натуры, сколько литературной нормой сентиментальной эпохи с ее культом дружбы и преувеличенной чувствительности.

Не менее горячая привязанность Головиной к мадам де Тарант выявляет еще один аспект отношения графини к императрице. Принцесса де Тарант, бывшая придворная дама Марии-Антуанетты, была убежденной роялисткой, хранившей бескомпромиссную верность законным королю и королеве, их легитимным наследникам и скорбь по казненной королеве. Головина в записках подчеркивает исполненный достоинства неизменно печальный вид принцессы, особенно бросавшийся в глаза на фоне пышного русского императорского двора, где ее весьма уважали. Когда Головины и принцесса де Тарант в 1802–1804 гг. оказались в наполеоновском Париже, то их общество составляла исключительно старая аристократия Сен-Жерменского предместья, хранившая верность Бурбонам, а графиня отказалась представляться Наполеону и с демонстративным презрением избегала персон из новой знати. Логика следования монархическим принципам, разумеется, требовала от графини столь же неуклонной приверженности своим царю и царице.

Головиной важно было показать неизменность и верность своей преданности императрице, даже когда та от нее отвернулась. Разрыв произошел вследствие интриги. В изложении Головиной, после рождения у великой княгини летом 1799 г. первого ребенка, дочери Марии, при дворе была пущена сплетня, будто отцом малышки является не Александр, а бывший тогда его близким другом князь Адам Чарторыйский. Императрица-мать Мария Федоровна довела эти подозрения до Павла I, устроившего невестке оскорбительную сцену. Перед

Александром и Елизаветой виновными в сплетне выставили Головиных. Неудивительно, что великая княгиня, решив, что близкая подруга предала ее доверие, прервала с ней отношения. Как утверждала сама Головина, она не подозревала сути дела и не могла понять причин внезапной немилости. Годы спустя благодаря сохранившейся у графа Ф. В. Ростопчина и попавшей в руки Елизаветы Алексеевны и Александра I записке стало ясно, что истинный источник сплетни был иным. Императрица примирилась с Головиной, но прежней близости уже не было, и ко двору граф и графиня не вернулись. Но, как утверждала Головина, Елизавета Алексеевна оценила ее преданность и примерно осенью 1811 г. предложила ей написать воспоминания. По рассказу Головиной, тем летом императрица жила во дворце на Каменном Острове и они регулярно виделись у графини Толстой, дача которой была рядом, а по возвращении в город встречались в гостиной сестры Елизаветы Алексеевны принцессы Амалии Баденской (этикет не позволял императрице часто принимать у себя не принадлежавших ко двору особ, а Амалия была частным лицом и могла действовать свободнее). «Однажды вечером императрица сказала мне: “Непременно прошу вас исполнить мою сегодняшнюю просьбу: напишите мемуары. Никто не способен на это больше вас, а я доставляю вам материалы и вообще буду помогать”. Я сослалась на кое-какие затруднения, но они были устранены, и пришлось согласиться. На другой день я взялась за перо, хотя и не чувствовала себя способной к этой работе. Через несколько дней я показала императрице первые страницы, и та казалась довольной и приказала мне продолжать»¹².

Понятно, в чем состоял тонкий замысел Елизаветы Алексеевны. Варвара Головина была близким свидетелем, осведомленным о некоторых весьма деликатных обстоятельствах, важных для репутации императрицы если не перед современниками (для которых все это в любом случае должно было остаться запретным), то перед потомками. Прежде всего, нужно назвать бросившие на нее тень отношения с князем Адамом Чарторыйским и подробности убийства Павла I. Что касается романа Елизаветы с кавалергардским офицером Алексеем Охотниковым, то он случился уже после удаления Головиной от двора, так что в этом, самом потайном эпизоде, графиня, напротив, не могла ока-

¹² Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. С. 316.

заться нежелательным очевидцем и сказать лишнее. Таким образом, Елизавета Алексеевна как бы делегировала бывшей подруге написание мемуаров, которые сама не могла себе позволить написать. Дневники, которые на протяжении жизни вела императрица, по ее воле были сожжены после ее смерти — надо полагать, они содержали много такого, что она не желала предъявить миру даже в будущем. Но если она в самом деле намеревалась «доставлять материалы» Головиной, то дневники могли служить ей источником.

Изложенная В. Н. Головиной версия о роли Елизаветы Алексеевны в создании мемуаров не вызывала сомнений у их публикаторов. К. Валишевский в числе первых смог отметить, что «*Мемуары* были написаны не только по просьбе, но даже, в некоторой своей части, при сотрудничестве одной высокой особы, которую одна историческая работа, недавно вышедшая в свет, вывела из того скромного полумрака, в котором она до сих пор находилась. Убеждая графиню Головину заняться в свободное время составлением мемуаров, императрица Елизавета, супруга Александра I, предложила не только руководить своими советами, но и документировать эти *Мемуары*». Упомянутой Валишевским исторической работой, разрушивший запретный барьер, был вышедший в 1908–1909 гг. трехтомный труд великого князя Николая Михайловича, посвященный Елизавете Алексеевне¹³. По мнению современного исследователя В. М. Боковой, записки писались по инициативе «и при личном участии, а некоторые сюжеты включены в текст непосредственно со слов императрицы и являются теперь уникальным свидетельством»¹⁴.

Однако не лишним было бы задать вопрос, действительно ли все так и было или же Головина только прикрывалась ссылками на волю императрицы, а на самом деле создавала версию событий, благоприятную лично для себя и рисующую в выгодном свете саму мемуаристку, ведь это ее обвинили в интриганстве. Существуют ли доказательства, подтверждающие правдивость утверждения графини о том, что за написанием воспоминаний следила Елизавета Алексеевна?

Такие документы действительно имеются. Это письма Елизаветы Алексеевны к графине В. Н. Головиной, сохранившиеся в архив-

¹³ Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I : в 3 т. СПб., 1908–1909.

¹⁴ Бокова В. М. Три женщины // История жизни благородной женщины ... С. 9.

ном фонде последней (ГА РФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12). Там же находится конверт с подписью по-французски неустановленной рукой: «письма императрицы Елизаветы, относящиеся к Воспоминаниям»¹⁵. Письма написаны по-французски рукой императрицы, но, к сожалению, как раз большинство из тех записочек и писем, где встречаются упоминания о работе над воспоминаниями, не датированы (вопреки привычке Елизаветы Алексеевны, обычно ставившей даты на письмах). Очевидно, часть записочек относится к начальному периоду работы над текстом мемуаров, т. е. до отъезда Елизаветы Алексеевны в Германию в конце 1813 г., другая часть была написана после ее возвращения в конце 1815 г. В немногих письмах к Головиной, написанных из Карлсруэ, работа над воспоминаниями не упоминается, что понятно: это был слишком деликатный вопрос, который нельзя было доверить почте.

Вероятно, одной из первых по времени является записочка, в которой императрица жалуется на кашель, вынуждающий ее оставаться в своих комнатах, но не мешающий повидаться с Головиной; она зовет ее прийти и прибавляет: «Я уже много дней занята мыслью записать подробности разных эпох, среди прочего — времени смерти имп[ератрицы] Екатерины, чтобы вы включили их в свои воспоминания. Я собираюсь приняться за работу и надеюсь, что смогу представить вам исполненный урок в следующий вторник»¹⁶. Можно также предположить, что к начальной стадии работы относится следующая записка, где Елизавета Алексеевна ссылается на занятость «моим праздником», что позволяет отнести время ее написания ко второй половине января, когда праздновался день рождения Елизаветы Алексеевны; если речь действительно идет о начале работы над воспоминаниями, то, стало быть, это январь 1812 г. «Большая голова в течение двух дней и затруднения моего праздника помешали мне набросать план, который вы пожелали попросить у меня, но в минуту, когда я получила вашу записку, я была им занята и как только закончу, то пришлю или от-

¹⁵ ГА РФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 112. В нашем распоряжении нет достоверного образа почерка В. Н. Головиной. На наличие в этих письмах отзвуков участия Елизаветы в составлении воспоминаний обратила внимание Е. П. Гречаная. См.: *Гречаная Е. П.* Маргинальность как механизм самосознания в автобиографических текстах В. Н. Головиной и представительниц ее круга ... С. 49.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 117–117 об. Здесь и далее выдержки из писем Елизаветы Алексеевны к Головиной приведены в переводе автора статьи.

дам вам его сама, что мне бесконечно предпочтительней». В конце императрица выражает признательность за то, «что вы приняли мою идею с такой готовностью»¹⁷. Видимо, продолжением должно служить это коротенькое письмо: «Вот план, который вы пожелали просить у меня, прошу в свою очередь снисхождения за то, что осмелилась принять там тон Доктора. Если вы захотите и сможете доставить мне удовольствие прийти к моей сестре в понедельник, то у вас будет время обдумать наши прекрасные инструкции и вы соблагovolите сделать мне все ваши замечания»¹⁸.

В одной из записок императрица пишет: «Я жду, чтобы отослать вам мои труды, которые я собрала в небольшой том»¹⁹. Некий присланный ею Головиной том упоминается в письме с пояснением, что графиня не без основания может счесть, что том этот недостаточно велик для затраченного на него времени, но для Елизаветы «отдых им заниматься», и ей часто приходится отдавать предпочтение более насущным делам. «Читая, не забывайте прежде всего о том, что я искренне должна пытаться говорить так, как я думала 14 лет назад и как тогда я должна была смотреть на вещи»²⁰. И еще в одной записке императрица снова сообщала, что шлет некую тетрадь, где говорит о прошлом: «вспомните, что я говорю о прошлом и переносишь во тьму, меня окружавшую»²¹.

На листке с нарядной цветной каймой Елизавета Алексеевна благодарит графиню за присланное «преlestное яйцо», что, вероятно, можно отнести к пасхальным дням 1812 или 1813 г., назначает встречу у принцессы Амалии²², «я прилагаю здесь свою работу [...], я занята ею с таким усердием, что опасаюсь как бы вы не нашли ее слишком обильной. Вы доставите мне удовольствие, прочитав, отослать мне ее с вашей тетрадью, если вам не сложно будет с ней расстаться. Я в воодушевлении, но вдруг остановилась из опасения разминуться

¹⁷ ГАРФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 127–128.

¹⁸ Там же. Л. 125–125 об.

¹⁹ Там же. Л. 119–120.

²⁰ Там же. Л. 129–129 об.

²¹ Там же. Л. 131.

²² Принцесса Амалия в 1815 г. не вернулась в Россию и осталась в Германии, таким образом, упоминание о ней позволяет отнести данную записку к периоду до отъезда за границу в конце 1813 г.

с вашим движением, если нужно что-то переменить, уладим это в понедельник»²³. В очередной записке императрица благодарит за присланное «сегодня утром»: «Я от вас весьма отстаю, но меня это не обескуражит, если я смогу увидеть то, что вы написали с тех пор, чтобы можно было приспособить мое повествование к вашему. Тем временем я продолжаю заниматься отрывками и просила бы вас продолжать, если бы была уверена, что не прошу вас ни о чем обременительном»²⁴. Снова на листке с цветной рисованной каемкой Елизавета Алексеевна опять повторяет, что продолжает, насколько позволяют ей прочие дела, «работу над воспоминаниями — это столь мало работа, что если бы я позволила себе увлечься, то забросила бы все для ее продолжения» и надеется вскоре прислать графине «несколько страниц»²⁵.

Имеется записка, где императрица пишет, что «прочла с восхищением и самым искренним удовольствием тетради, которые прилагаю здесь, много благодаря матушку любезной Паши за предоставленное чтение», и назначает встречу у графини Толстой²⁶. Паша — старшая дочь В. Н. Головиной, фрейлина, через которую, по-видимому, и были переданы эти конфиденциальные тетради. Приглашение распространялось на «Друга» графини, т. е. мадам де Тарант. В процитированных записках императрица передает поклоны де Тарант или упоминает о ней, следовательно, они относятся ко времени до ее отъезда из России, поскольку принцесса де Тарант умерла в июне 1814 г.²⁷

Записка, написанная императрицей в Царском Селе 10 сентября 1813 г., приоткрывает ее мотивы и чувства, сопровождавшие работу над мемуарами, а также указывает на наступление некоего переломного момента. «Прилагаю здесь несколько листков, содержащих все, что мне оставалось сказать. Отсылая их вам, позвольте мне сказать вам искренне о том, о чем я уже упомянула в прошлый раз. Я не могу решиться продолжать писать тем же образом, как это делала до сих пор. Тогда надо бы было рассказывать о вещах, не являющихся еще про-

²³ ГАРФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 113–113 об.

²⁴ Там же. Л. 123 об.–124.

²⁵ Там же. Л. 133 об.

²⁶ Там же. Л. 53–53 об.

²⁷ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины ... С. 319–323.

*шлым*²⁸ как все, о чем мы говорили до сего времени. Надобно было бы возвратиться к заблуждениям, воздействие которых еще слишком живо, чтобы говорить о них хладнокровно и беспристрастно, и я не должна и не могу позволить себе остановиться на этих воспоминаниях. К тому же, дабы соблюсти строгую справедливость, мне надо было бы строго всмотреться в себя саму и отделить мои ошибки от тех, что заставили меня страдать. Вы этого не пожелаете. Будем надеяться, что придет время, когда эта эпоха станет столь же вполне *прошедшим*, как и все остальное, тогда я охотно соглашусь положить на бумагу все до нее касающееся. Пусть это не мешает вам продолжать. Вы можете сказать о том, что видели. Вы судья со всею публикой, но я была бы *судиено* и *стороною*, а это против всех принятых правил. Если вам понадобятся какие-то разъяснения, я дам их вам, как делала до сих пор, есть даже утерянные обстоятельства, которые я постараюсь вспомнить, и вы, может быть, сможете поместить их в свои воспоминания. Я не прошу у вас извинения моему отказу в том, чего вы, кажется, желали, я обязана вам откровенностью, с какой говорю с вами»²⁹. По тексту записок В. Н. Головиной заметно, что до определенного момента ее повествование сосредоточено на великой княгине, затем в центре внимания оказывается сама автор, ее дружба с принцессой де Тарант, пребывание в Париже и пр. Фокус повествования естественным образом совпадает с переменой в жизни Головиной после ее удаления от двора, но, с другой стороны, она описала обстоятельства гибели Павла I очень подробно, со знанием деталей, известных только самым приближенным к императорской фамилии. Приведенная записка Елизаветы Алексеевны заставляет задуматься, не было ли в ее понимании восшествие на престол Александра I тем самым моментом, после которого события перестали быть «вполне прошедшими».

Имеется записка рукой Елизаветы: «Моя помолвка состоялась 10 мая 1793, моя сестра³⁰ уехала в августе месяце того же года. Посылаю вам некоторые подробности о моем прибытии с поправками, которые я сделала в ваших тетрадах. Я набросала статьи карандашом, чтобы

²⁸ Здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в оригинале.

²⁹ ГА РФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–3.

³⁰ Речь идет о принцессе Фредерике, младшей сестре Елизаветы Алексеевны, которая приехала вместе с ней в Россию, чтобы великий князь Александр мог выбрать в невесты одну из них.

вам легче было их стереть»³¹. Надо отметить, что сцена приезда баденской принцессы Луизы (будущей Елизаветы Алексеевны) в Петербург, действительно, дана в записках В. Н. Головиной как цитата из рассказа самой императрицы и по содержанию близка к тому, как та его описала в письме к своей матери в Карлсруэ от 12/1 ноября 1792 г.³²

Можно отметить близость и другого эпизода, описанного как Головиной, так и в письмах Елизаветы Алексеевны. Это прогулка в деревню немецких колонистов в окрестностях Царского Села, состоявшаяся 19 июля 1795 г., в которой участвовали три супружеские пары — Головины, Толстые и великокняжеская чета, причем последние были инкогнито: Александр Павлович назвался родственником графа Толстого (как Елизавета написала матери), или В. Н. Головиной (как припоминала она сама); великая княгиня выдавала себя за собственную горничную. Хозяева играли им на скрипках вальсы и танцевали, а гости самостоятельно приготовили себе омлет на хозяйской кухне и остались чрезвычайно довольны проведенным днем³³. Сходство рассказа В. Н. Головиной, сделанного спустя два десятилетия, с письмом Елизаветы, написанным на следующий день после прогулки, может объясняться как тем, что прогулка хорошо запомнилась, так и совместным припоминанием, подкрепленным, быть может, дневниковыми записями императрицы.

Таким образом, невозможно сомневаться в справедливости заявления В. Н. Головиной, что ее мемуары написаны по просьбе и под наблюдением императрицы Елизаветы. Более того, из писем и записочек последней становится очевидным ее близкое, почти соавторское участие в составлении текста. Головина в ряде мест аккуратно отразила его ссылаками на то, что тот или иной эпизод был рассказан ей Елизаветой Алексеевной; в других случаях читатель должен держать их сотрудничество в голове, когда речь идет об изложении событий и мотивов, явно исходящем от самой императрицы.

³¹ ГАРФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 135–135 об.

³² Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины... С. 110; Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1. С. 74–76.

³³ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины... С. 125; Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1. С. 208–209.

Отсутствие дат на ее письмах к графине затрудняет уточнение хронологии работы над текстом. Из замечаний в тексте воспоминаний следует, что они написаны между концом 1811 и началом 1816 г. Письмо императрицы, о котором речь пойдет ниже, продлевает время работы до осени 1817 г., этот год считал датой завершения мемуаров Головиной и К. Валишевский³⁴.

Вернувшись в Россию, зимой 1815/1816 гг., по свидетельству Головиной, Елизавета Алексеевна осведомилась о ходе ее работы: «Могу ли я пока спросить вас о вашей мемуарной работе? Со времени несчастия, постигшего вас, вы, верно, ею не занимались? [Имеется в виду смерть принцессы де Тарант. — О. Э.] Уверена все же, что вы ее не забыли, и очень желала бы снова увидеть ее, если это возможно. В моем уединении полезны все виды умственных занятий, и это будет для меня отдыхом. В день, когда вы сможете, не затрудняя себя, собрать бумаги, пошлите их мне, если это возможно, а если нет — скажите мне, и я легко откажусь от своего желания». Это текст письма, приведенный в воспоминаниях В. Н. Головиной³⁵. Оригинал его сохранился, он передан близко к тексту (не будем забывать, что привычный нам текст мемуаров представляет собой перевод с французского), но с одним важным отличием: в оригинале письма императрица спрашивает не о «вашей мемуарной работе», но о «**нашем** историческом труде» («**notre ouvrage historique**»; выделение мое. — О. Э.)³⁶.

Головина поместила в воспоминаниях текст своего ответного письма. «Что же касается до **наших** [Выделение мое. — О. Э.] мемуаров, то мне пока невозможно отослать эти каракули вашему величеству, ибо крайне необходимо их переписать. У меня нет больше глаз для такой работы». Пояснив, что может писать только в очках и при дневном свете, графиня сообщила, что мадам де Тарант «переписала нашу работу вплоть до смерти императора Павла. На этом месте ваше величество изволили остановиться». То есть повествование до этих пор было просмотрено и одобрено императрицей. «Я продолжала с этого времени описание только тех событий, которые касались меня лично. [...] Я подробно описала путешествие и остановилась на смерти моей ма-

³⁴ Валишевский К. Предисловие // Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной. С. 28.

³⁵ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины ... С. 327.

³⁶ ГА РФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 122.

тери во время пребывания в Дрездене» (мать В. Н. Головиной умерла в 1804 г. на обратном пути из Парижа, откуда они выехали вскоре после казни герцога Энгиенского³⁷). Графиня предлагала доверить перебеливание текста своей дочери Прасковье, за которую ручалась «как за самое себя», и обещала продолжить работу над воспоминаниями, «если ваше величество желает ею заниматься, и вы сами увидите, на каком месте моих мемуаров они станут нуждаться в ваших дополнениях». Отметим, что участие в переписывании рукописи мадам де Тарант и Прасковьи Головиной согласуется с тем, как описывал бывшую в его руках рукопись К. Валишевский, предположивший, что располагает исходным подлинником. Несколько позже, встретив императрицу на балу, Головина услышала от нее пожелание, «чтобы я оставила записки такими, как они есть. Однако я их продолжала для самой себя»³⁸.

В одной из записочек царица приглашает графиню к себе на следующий вечер, где обещает сказать устно «все то, что мне оставалось еще Вам сказать», и сообщает о неудачном происшествии с ее «литературными работами», которые она было закончила, но от упавшего со свечи огонька один из листков загорелся, и ей пришлось пожертвовать им целиком, дабы спасти остальные; она намерена «исправить эту неудачу, поскольку очень хорошо помню все там сказанное», но опасается, что не успеет сделать это до отъезда и пришлет недостающий листок из Москвы³⁹. В Москву она отправилась, как и император, гвардия и двор, осенью 1817 г., что растягивает хронологию ее совместной с В. Н. Головиной работы над мемуарами как минимум до конца этого года.

Таким образом, воспоминания В. Н. Головиной действительно были созданы по просьбе и под наблюдением императрицы Елизаветы Алексеевны. Более того, она приняла непосредственное участие в работе над ними и написала ряд фрагментов. Некоторые из них достаточно легко заметны, и исследователь может быть уверен в том, что они достоверно восходят к императрице и даже принадлежат ей. Другие могут быть выявлены при анализе текста воспоминаний. Все это, несомненно, повышает информационную ценность данного мемуарного памятника.

---

³⁷ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины ... С. 300–301.

³⁸ Там же. С. 327–328.

³⁹ ГА РФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 115–115 об.

Антон Лаптев

РАЗВЕДКА КАК АВАНТЮРА: ЭКСПЕРИМЕНТЫ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ НА РУССКОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Первая мировая война стала временем практической реализации многочисленных военных инноваций и нестандартных решений. Техническое развитие воюющих стран и масштаб конфликта заставили по-новому взглянуть на классические приемы в арсенале противоборствующих армий. Разведывательные службы европейских стран проявляли чрезвычайную гибкость в вопросах внедрения новых методов работы и всячески поощряли «новаторские» идеи своих сотрудников без их предварительной проверки. Характер таких управленческих решений нередко граничил с авантюристкой, и практика войны показала, что Германия и Австро-Венгрия серьезно рассчитывали на практическую пользу от таких решений на восточном фронте. К началу войны немецкая и австро-венгерская разведки уже имели четкий план действий против Российской империи. В сферу интересов врага входили не только прифронтовые зоны: агентурные линии врага тянулись вплоть до Москвы, Петрограда и Севастополя, превращая всю Европейскую часть России в один невидимый фронт. Последующие четыре года стали непрерывным соревнованием в находчивости и изобретательности между немецкой «Abteilung IIIВ» (германской разведывательной службой), а также австро-венгерским «Эвиденцбюро» и российской контрразведкой. Эти процессы отразились не столько на фронте, сколько на государственном аппарате империи: явление массо-

вой шпиономании «раскручивало» репрессивные меры и все ближе толкало Россию к кризису 1917 г.

В предвоенные годы германская агентурная разведка занималась вербовкой во всех слоях общества, не обращая внимания на национальность, класс, пол и возраст потенциальных кандидатов. В основе подбора лежал ряд характеристик, а именно: материальная необеспеченность, легкомысленность и невысокие нравственные качества. Вместе с тщательной подготовкой агентов на местах (школах разведки), германская разведывательная служба ставила своей задачей поиск авантюрных и легко вербуемых элементов с готовым набором навыков, необходимых для ведения работы во вражеском тылу. Такие критерии подбора можно назвать весьма спорными и, как показала практика войны, в дальнейшем сыграли для нанимателей дурную службу.

Для поиска будущих кандидатов широко применялись газетные объявления. В 1912 г. в ряде газет Петербурга стало публиковаться следующее предложение: «15 000 рублей побочного годового дохода без капитала могут заработать господа офицеры, чиновники в отставке, вообще все, которые вращаются в высших кругах общества, в качестве представителей одной заграничной художественной фирмы». Другие газеты писали о «800 барышнях, которые имеют каждая до 200 000 рублей приданого и желают в скором времени выйти замуж». Все эти объявления указали один и тот же адрес для высылки писем: Шлезингер, Берлин, 18. Неудивительно, что такие публикации в прессе вызвали интерес со стороны органов контрразведки. В ходе расследования было установлено, что «художники» и «женихи» нужны для одной-единственной цели — шпионажа в пользу Германии в предстоящей войне².

Для вербовки использовались и обычные письма. Так, в мае 1914 г. некоторые старшие врачи в русской армии стали получать письма от «русского профессора» одного из германских университетов. Текст писем содержал ряд вопросов, касающихся вместимости и оборудования врачебных заведений, а также настойчивую просьбу «профессора» выслать имеющиеся в распоряжении годовые отчеты, докладные записки, сборники и другой печатный материал. После того, как на эти пись-

² Звонарев К. К. Агентурная разведка : в 2 т. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1931. С. 7.

ма обратила свое внимание контрразведка, выяснилось, что автором письма выступал офицер германской разведывательной службы, у которого в отчете оказался пробел о постановке врачебного дела в России³.

Вместе с вербовкой местного населения, в предвоенные годы распространилась практика командировок офицеров немецких разведывательных служб в соседние страны. Эти негласные мероприятия дополнялись заграничными командировками офицеров Генерального штаба под различными благовидным предлогами: для изучения языка (г. Казань)⁴, на военные маневры, для лечения родных, в качестве туриста и т. д. Командировки предпринимали и сами руководители немецкой разведки. В частности, Вальтер Николаи, назначенный в войну начальником Разведывательного Управления Штаба германского верховного командования, перед своим назначением посещал Россию с целью «ознакомиться на месте с театром своей будущей деятельности»⁵.

Получение легальных данных происходило за счет тесного знакомства с «выдающимися представителями страны», присутствия на войсковых учениях, изучения публикуемой военной литературы. Особое внимание военные агенты уделяли характеру лиц командного состава вражеской армии. Ярким примером этого служат воспоминания генерала Макса Гофмана⁶: «Мне известно, что между ними обоими (Самсоновым и Ренненкампом) существовала личная неприязнь, начало которой относилось еще к битве под Ляояном». Из этого факта Гофман сделал вывод о том, что Ренненкамф не окажет поддержки Самсонову и в Восточной Пруссии. Правильность этого предположения в скором времени доказало поражение русских войск у Танненберга⁷.

Наряду с колонистами, работа разведки строилась на использовании германских промышленных, торговых и финансовых предприятий в России. Главные задачи, которые ставились перед германской промышленностью в России, заключались в осведомлении о разви-

³ Там же. С. 10.

⁴ Начиная с 1890 г. и вплоть до начала Первой мировой войны австрийская разведывательная служба ежегодно направляла в г. Казань 2 офицеров на курсы изучения русского языка. См.: Ронге М. Военный и промышленный шпионаж. Двенадцать лет службы в разведке / Пер. с англ. С. Ю. Чупрова. М., 2020. С. 16.

⁵ Николаи В. Тайные силы / Пер. с нем. В. Телицын. М., 2015. С. 398.

⁶ Гофман М. Война упущенных возможностей / предисл. В. Гурко-Кряжина, пер. с нем. Б. Кулакова. М.; Л., 1925. 203 с.

⁷ Звонарев К. К. Указ. соч. Т. 2. С. 20.

тии производительных сил в стране, противодействии этому развитию и агентурной разведке. В 1911 г. Дойче-Банк отпустил 1 500 000 марок в виде беспроцентных ссуд германским компаниям в России для организации промышленно-торговых экспедиций. Целью этого выступал полный учет естественных богатств России, позволявший проанализировать будущие промышленные и военные возможности. Наряду с финансовыми инструментами, использовались и возможности конкретных исполнителей на местах. Германские инженеры, работавшие на русских предприятиях, ежегодно предоставляли в промышленно-статистический отдел Генерального штаба подробные отчеты о деятельности предприятий. Нередко на таких предприятиях работали будущие офицеры германской армии. Так, в русском обществе «Сименс-Шуккерт» служил германский офицер Фридрих Роде, который с началом войны вошел в состав одного из штабов германской армии. В довоенные годы Роде неоднократно посещал крупнейшие российские заводы, вырабатывающие предметы обороны, с целью якобы установки промышленного оборудования⁸.

Вербовочная и организационная работа германской агентурной разведки в мирное время шла в двух направлениях: по линии обслуживания потребностей в информации мирного времени и по линии создания агентурной сети на случай войны. Еще до начала военных действий германская разведывательная служба учла, что агенты — германские подданные, однозначно подвергнутся преследованию. Поэтому ставка была сделана на так называемых «двойных подданных». Это был просчет германской разведки. В начале войны она получила целый ряд чувствительных ударов именно по этому направлению. Особенно это коснулось российской резидентуры. В России с первых дней войны начались массовые аресты и высылки не только германских подданных, но даже лиц с немецкими фамилиями. Такие репрессивные процессы происходили не только в крупных городах, а повсеместно на территории западных губерний⁹.

Уже 29 июля 1914 г. смоленский губернатор получил из департамента МВД шифрованную телеграмму следующего содержания: «... ввиду призыва Австрией и Германией всех способных носить

⁸ Звонарев К. К. Указ. соч. Т. 2. С. 46.

⁹ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России / пер. с англ. Маликовой М., 2009. 376 с.

оружие, все австрийцы и германцы мужского пола от 18 до 45 лет должны считаться военнопленными и подлежать немедленному аресту и высылке... за исключением состоящих на действительной военной службе, которые должны содержаться под стражей вплоть до дальнейших указаний военного начальства». Как видно из содержания, в руководстве МВД не стали разбираться в вопросах двойного гражданства¹⁰. В дальнейшем руководство военных округов (Минского, Московского, Петроградского) только ужесточило эти положения, распространив их на женщин, больных и неспособных к военной службе, а также «лиц немецкого и австрийского происхождения», за благонадежность которых не поручались лично губернаторы.

Такие массовые репрессивные меры не могли не поставить под вопрос эффективность работы немецкой агентурной разведки, выстраиваемой на протяжении длительного предвоенного периода. Если в первое время фронтовая агентурная разведка Германии могла дать ценные результаты, то со стабилизацией линии фронта в 1915 г. ее результаты стали несущественными. Руководители германской разведки видели причину этого в работе русской контрразведки, которая была организована «на большие средства и в общих чертах соответствовала германской». Так, все попытки начальника агентуры 10-ой армии направлять в тыл русских армий надежных агентов оказались неудачными и «напрасно стоили много денег и крови»¹¹.

Складывающаяся ситуация потребовала от германской секретной службы новаторских решений и новых способов получения разведывательных данных. С 1915 г. в губернские жандармские управления прифронтовых губерний, как органы, вовлеченные в контрразведывательную работу военных округов, стали поступать секретные инструкции, раскрывающие новые приемы и способы ведения шпионажа на территории России¹². Массовое распространение таких материалов говорило о высокой информированности русской контрразведки и эффективности ее работы¹³.

¹⁰ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1289. Оп. 1. Д. 481. Л. 21.

¹¹ Звонарев К. К. Указ. соч. С. 48.

¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 141. Л. 1–3.

¹³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949. 1916. Л. 1–6.

Сотрудников российской контрразведки искренне поражаало разнообразие профессий, которые использовались как прикрытие для шпионажа. Среди них встречались артисты, воры и преступники, шулера, лакеи, продавцы, фокусники, нищие (подростки и калеки), фабричные и заводские рабочие, железнодорожные агенты, инженеры. Особо отмечалась опасность со стороны проституток и артисток кафе-шантанов. В качестве последних выбирались «красивые, изящные и интересные» женщины, которые должны были посещать перворазрядные рестораны и заводить многочисленные знакомства среди молодых офицеров, которые прибыли с фронта. После знакомства артистки приглашали офицеров (нередко целыми группами) к себе, где в обильном количестве имелся нелегальный алкоголь и сигареты дорогих марок. Во время таких «кутежей и попоек» у подвыпивших офицеров, воспользовавшись их несдержанностью и болтливостью, было необходимо выведать сведения, представляющие военный интерес. Женщинам-агентам рекомендовалось заводить знакомства с компаниями офицеров, так как последние в разговорах между собой нередко раскрывали важные сведения о дислокации и численности их соединений, а также планируемых действиях на фронте¹⁴.

В инструкциях отмечалось и внимание к помещениям, которые арендовали актрисы. В ряде случаев использовались квартиры со смежными комнатами или чуланами, а женщины-агенты работали попарно. Одна из артисток находилась вместе с офицерами и несколько раз отлучалась за алкоголем или по иным личным делам, оставляя их, как они думали, наедине. Вторая в этот момент находилась в смежной комнате и через подготовленные для этого отверстия (замаскированные картинами или другими элементами декора) подслушивала разговоры, фиксируя важные сведения в специальном блокноте.

Для агентов, завербованных из числа проституток, ставились не только иные цели. В качестве объектов для них выбирались старшие армейские чины, писари, нижние чины штабов рот и телеграфов. Они, стараясь впечатлить собеседницу своей «важной» должностью, нередко откровенничали, находясь наедине. Такие лица имели доступ к интересующим агентов сведениям и в то же время не в полной ме-

¹⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949. 1916. Л. 2.

ре осознавали их важность, поэтому могли легко рассказать о том или ином переданном штабном сообщении или телеграмме.

Германским шпионам рекомендовалось пользоваться в России услугами преступников и проституток, не причастных к шпионажу. Но немецкое руководство указывало на необходимость крайней осторожности при использовании таких асоциальных элементов. Вначале от агента требовалось установить преступления, которые были совершены вербуемым, какие из них были раскрыты и стали известны в полиции. С этой целью агент должен был вступать в «тесные отношения» с местными проститутками. По лаконичному замечанию немецкого руководства любая проститутка являлась «губкой, пропитанной преступлениями». После установления контакта такой женщине ставилась задача по поиску людей, которые могли помочь в каком-либо незаконном деле. Конкретизировать задачи на данном этапе строжайше запрещалось. От агента требовалось заводить разговоры о известных женщине кражах, убийствах и других громких преступлениях. Было необходимо получить информацию, но не организовывать на этом этапе встречу. После сбора сведений немецкий шпион направлялся в различные вечерние и ночные заведения, которые имели «сомнительный статус» у местного населения. Инструкции немецкого командования давали неоднозначную характеристику и отмечали, что в городах на театре военных действий «все помешаны на шпионаже», поэтому преступникам, особенно «мелкого сорта», уделяется крайне мало внимания: «в это время можно достаточно свободно посещать разные подозрительные питейные и кабачки, так как там не ищут шпионов, а, следовательно, никому из государственных служб до них нет дела»¹⁵.

Посещение этих заведений требовалось для поиска и знакомства с теми преступниками, о которых стало известно благодаря информации от проституток. После знакомства с такими личностями агенту вменялось во чтобы то ни стало не терять последних из виду. Последующие действия агента должны были совмещать шантаж и подкуп. После личного знакомства шпион сообщал, что ему известно о совершенных им преступлениях, и предлагал щедрое вознаграждение за оказание помощи в «одном важном деле». Вознаграждение делилось на «весьма щедрый» аванс, который платился вперед, и окончательную

¹⁵ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 158. 1914. Л. 624.

плату, которая была положена преступнику после окончания работы. Агенту указывалось, что «не следует скупиться, нужно давать столько, чтобы они видели, что это для них полезно»¹⁶.

Какие задачи ставились перед такими преступниками со стороны немецких агентов? Наиболее важной задачей выступала кража документов. В таком случае похищение ценного груза маскировалось под обычное ограбление, что должно было сбить со следа жандармерию и контрразведку. Инструкции отмечали, что преступник не упустит шанса забрать вместе с «заказом» и другие ценные вещи, чем только поможет в маскировке истинной цели ограбления. Второй по важности задачей выступали убийства. В случае если назревала ситуация, требующая «убрать» какого-либо человека, агенту строжайше запрещалось действовать лично и обязывалось иметь на такой случай нескольких «местных умельцев», готовых выполнить такую работу.

Русской контрразведке было доподлинно известно о нескольких специализированных полевых школах разведки в Кашау (совр. Кошице) и Кракове по подготовке агентов, которые набирались из числа жителей занятых германскими и австрийскими войсками территорий, беженцев, а также пленных русских солдат и офицеров. В большинстве своем ими становились поляки и евреи, причем последние у немецкого командования пользовались большим доверием. Для вербовки выбирались представители различных профессий, которые включали в себя парикмахеров, контрабандистов, преступников, альфонсов, проституток, беспризорников 12–15 лет, а также калек и бездомных¹⁷.

Особую роль в деле поиска будущих агентов сыграл лейтенант германской секретной службы Александр Бауэрмайстер, который получил известность как энтузиаст вербовки пленных русских офицеров для отправки обратно в Россию в качестве шпионов (о чем он неоднократно писал в своих воспоминаниях)¹⁸. Такая экспериментальная программа осуществлялась с конца 1914 по 1915 г. Бауэрмайстер был прекрасно образован и в совершенстве владел русским языком, который он освоил во время проживания с семьей в Петрограде (до войны у его отца в России имелся прибыльный бизнес). Интересен тот факт,

¹⁶ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 158. 1914. Л. 625.

¹⁷ Там же. Л. 282.

¹⁸ *Bauermeister A. Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Agent.* New York, 1934.

что Бауэрмайстер имел отношение к известному «шпионскому» делу и аресту подполковника Мясоедова, обвиненного в шпионаже¹⁹.

Подготовка в школах разведки в среднем занимала три недели. Будущие агенты осваивали подготовленные для них легенды прикрытия, учились использовать письменные шифры, заучивали сигналы огневой сигнализации (световые сигналы для наводки немецкой авиации и цеппелинов), а также знакомились с подрывным делом. За время подготовки шпионов специализированные бюро изготавливали для них поддельные документы для работы в России. Одно из таких бюро располагалось в г. Базеле и готовило как заграничные, так и внутренние российские паспорта, располагая подлинными (или неотличимыми от подлинных) печатями Ростовской мещанской управы и Виленского губернского правления. Нередко агенты снабжались и оригинальными документами, которые были захвачены у русских подданных на оккупированных территориях. Перечни таких паспортов регулярно направлялись контрразведкой в губернские жандармские управления на театре военных действий с требованием немедленного ареста лиц с указанными документами.

Также агенты снабжались денежными средствами, необходимыми для выполнения задания. Обычно эта сумма составляла от 15 до 100 рублей. Вместе с деньгами шпионы могли получить несколько комплектов одежды для «переодевания» в соответствии с легендой прикрытия, а также молитвенники или карманные календари, которые использовались для секретных пометок²⁰.

Особым успехом для немецкой и австрийской разведок был захват делопроизводственной документации магистрата г. Сосновец, занятого после отступления русских войск. В руки секретной службы попали готовые паспортные бланки и оригинальные печати, которые немедленно были пущены в дело как немецкой, так и австрийской секретными службами. Так, 20 января 1915 г. из Кракова австрийским капитаном Моравским было выслано большое количество шпионов с задачей выяснить дислокацию русских войск по трем направлениям: Петроков — Сулеев — Опочно; Петроков — Пржедборж — Конск — Скаржиско; Новорадомск — Пржедборж — Опатовец — Кельцы. Все аген-

¹⁹ Фуллер У. Указ. соч. С. 37.

²⁰ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 157. Л. 18.

ты были снабжены сосновецкими паспортами и изображали беженцев, бежавших из города еще до его захвата неприятелем. У каждого из агентов имелся печатный пропуск на право прохода через австрийскую линию войск, который был зашит в углу полы платья у женщин и в воротник у мужчин. В качестве специальных средств у них имелись особые невидимые чернила (в виде белого бесцветного порошка) для секретных записок. К несчастью для агентов, которых выслали на задание, уже 27 января 1915 г. начальники губернских жандармских управлений на театре военных действий не только были в срочном порядке оповещены об указанной группе, но и имели точные ориентировки с приметами каждого из шпионов, а также были проинформированы о факте использования паспортов г. Сосновец. Не последнюю роль в этом сыграл еврей Эфраим Уязд, который входил в эту группу и был задержан в Клецкой губернии органами контрразведки. Указанный шпион сознался, что был послан штабом 1-го австрийского корпуса и предоставил всю остальную необходимую информацию²¹.

Неудача постигла и другую группу шпионов, которая пыталась переправить в тыл русских войск большую партию динамита, частью предназначенного для подрыва строящихся в Николаеве судов, а частью для диверсий на заводах Петрограда. Динамит был доставлен на р. Прут в коробках из-под какао, где агенты обвязали его вокруг своих тел и спрятали под широкой одеждой. Для подкупа пограничной стражи каждый из них имел при себе по 200 франков. Но на «русском» берегу реки неудачливых агентов встретили не только стражники, но и контрразведчики, которые знали о готовящейся операции за несколько недель, что говорит о хорошей работе русских агентов на австрийской территории²².

Пересечение линии фронта для вражеских агентов было достаточно сложной процедурой. Если в начале войны германская секретная служба снабжала агентов возвратными удостоверениями (для предъявления германским солдатам после возвращения с задания), которые зашивались в подкладку или прятались между пальцев ног в сапогах, то уже к началу 1915 г. немецкая разведка стала отмечать тот факт, что такие удостоверения часто обнаруживались, что приводило к мас-

²¹ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 158. 1914. Л. 351.

²² Там же. Л. 571.

совым задержаниям агентов на линии русских войск. В связи с этим, вместо удостоверений, агенты стали снабжаться денежными или кредитными билетами, на которых имелись условные знаки. Так, пятирублевые купюры были помечены латинскими буквами «S, H, C». Деньги прятались под пробкой башмака или в подкладке одежды. Иногда условные знаки наносились и на саму одежду. У одного из пойманных шпионов кроме меченой пятирублевки знаки были найдены на полотне левого кармана брюк. Все эти нововведения практически сразу становились известны русской контрразведке²³.

Для отвлечения подозрения от агентов германское руководство прибегало к различным ухищрениям. Ряд агентов выпускался из окопов и бежал в сторону русских войск, изображая побег. В этот момент немецкие солдаты, в подтверждение легенды беглецов, якобы открывали по ним ружейный огонь. Другие агенты переходили фронт во время непосредственной атаки на позиции русских войск, что было настолько же эффективным, насколько и рискованным способом проникнуть в русский тыл²⁴.

Трудно оценить общие успехи германской секретной службы против России в годы Первой мировой войны. Однако имеются конкретные сведения, которые позволяют судить о ряде действий германской и австрийской агентурных служб. В 1909 г. разведывательный отдел германского Генерального штаба потратил на российских агентов 22 тыс. марок, однако разведке не удалось рекрутировать ни одного шпиона из числа офицеров, не было получено ни одного плана мобилизации. Германская секретная служба низко оценивала производительность многих своих агентов, а также малое время их «жизни» из-за постоянных арестов. Вместе с этим ни германская, ни австрийская разведки, используя «двойных» и «тройных» агентов, до конца не были уверены, кому те служат на самом деле. Один из сотрудников германской секретной службы вспоминал, что из восьмидесяти русских агентов, завербованных Германией в 1914 и 1915 гг., «более шестидесяти... как оказалось, были подсунуты нам русской секретной службой»²⁵. Общую характеристику успехам германской разведки дал

²³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949. Л. 44.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 123. Д. 141 ч. 66. Л. 1.

²⁵ Фуллер У. Указ. соч. С. 181.

в своих воспоминаниях ее руководитель — Вальтер Николаи. Он писал, что шпионы на русском театре военных действий способны были предоставить материал только для крайне ограниченного локального тактического успеха²⁶. Ставка на привлечение авантюрных личностей к шпионской работе повлекла лишь больший расход денежных средств (бюджет германской секретной службы и был увеличен в десять раз с началом войны). Вместе с этим многие из новоиспеченных агентов даже не планировали заниматься шпионажем, но с завидной регулярностью брали деньги, по несколько раз «перебегая» через линию фронта и предоставляя «нанимателям» устаревшие или незначительные сведения.

Однако нельзя говорить о том, что германская разведка неудачно проявила себя на русском фронте. Противник успешно использовал подключение к российской фронтовой связи и перехват радиogramм. Одна только австрийская секретная служба расшифровала шестнадцать отдельных кодов русской армии. Тот факт, что Россия в течение всей войны жила в тени шпиономании и всеобщего недоверия, говорит о том, что государственные службы и контрразведка всерьез воспринимали угрозу от германских и австрийских секретных служб. В связи с этим и были установлены массовые репрессивные меры по отношению к собственному населению²⁷. Как замечает исследователь У. Фуллер, «в конце концов российская контрразведка приняла как рабочую гипотезу, то есть стала исходить из того, что всякий человек — предатель, пока не доказано обратного»²⁸. Именно эта установка во многом позволила государственному аппарату в лице органов контрразведки и жандармерии эффективно противостоять германским и австрийским шпионам на всем протяжении войны. Вместе с тем повсеместное использование репрессивных мер неизбежно усиливало социальный кризис в империи²⁹. Ставили ли чины немецкой и австро-венгерской разведок в качестве своей основной цели усиление и перетекание этого кризиса в политическую плоскость? Впол-

²⁶ Николаи В. Указ. соч. С. 218.

²⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 708. Л. 3.

²⁸ Фуллер У. Указ. соч. С. 312.

²⁹ Лор Э. Русский национализм и Российская Империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. М., 2012. С. 195–203.

не вероятно, что шпиономания в российском обществе позволила достичь этого результата, но уже как самостоятельное явление, а не как результат многоступенчатых разведывательных планов.

Источники и литература

1. *Гофман М.* Война упущенных возможностей / С предисл. В. Гурко-Кряжина, пер. с немец. Б. Кулакова. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1925. — 203 с.
2. *Звонарев К. К.* Агентурная разведка. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. — М., 1931. — 163 с.
3. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — 304 с.
4. *Николаи В.* Тайные силы / Пер. с нем. В. Телицын — М. : Принципиум, 2015. — 592 с.
5. *Ронге М.* Военный и промышленный шпионаж. Двенадцать лет службы в разведке / Пер. с англ. С. Ю. Чупрова. — М. : ЗАО Центрполиграф, 2020. — 415 с.
6. *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России / пер. с англ. Маликовой — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — 376 с.
7. *Bauermeister A.* Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Agent. — New York, 1934.
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 6. Д. 141.
9. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 708.
10. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949.
11. ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 157.
12. ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 158.
13. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 481.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 123. Д. 141 ч. 66.

Милян Милкич (Белград)

ВОЕННЫЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ В СЕРБСКОЙ И ЮГОСЛАВСКОЙ АРМИИ (1839–1941)¹

Королевство Сербия

В Королевстве Сербия монарх выступал в роли защитника всех признанных конфессий, а конституция гарантировала право свободного отправления обрядов и создания верующими собственных организаций согласно религиозным канонам. Духовные потребности солдат православного, мусульманского и иудейского вероисповедания регулировались нормативными документами (военными законами, уставами службы, постановлениями и приказами), которые принимались в течение всего процесса развития и модернизации вооруженных сил Сербии. Мусульмане и евреи пользовались всеми правами и льготами, которые предполагало их вероисповедание. Благодаря указу князя Михаила Обреновича от 30 мая 1868 г. в Княжестве Сербия признавалось существование мусульманской общины². В разделе «Устава службы», посвященном богослужению (пункт 389), говорится, что солдаты-мусульмане, если обстоятельства службы позволяют, вправе оставить ее и получить увольнение тогда, когда им необходимо молиться³. Дабы уважить религиозные чувства мусульман и предоставить им возможность посещать мечеть, их направляли в гарнизоны, в которых бы-

---

¹ Перевод с сербского А. А. Силкина.

² Шалић Ј. Д. Од конфесије ка идентитету. Муслиманско питање у Србији 1878–1912. Докторска дисертација. Универзитет у Београду. Филолошки факултет. Београд, 2015. С. 48.

³ Правила службе. I део. Београд, 1913. Члан 389.

ло больше их иноверцев, и в те города, где имелась мечеть. Во время Первой мировой войны в сербской армии служили два военных имама: Мехмед Хашимич и Абдул Баки. Солдаты-мусульмане регулярно отмечали праздники своей конфессии⁴. Последователи иудаизма также имели все условия, чтобы, находясь на военной службе, удовлетворять свои духовные потребности. Солдатам-иудеям, несшим службу в постоянном составе, с 12 мая 1880 г. разрешалось отправляться домой на время религиозных праздников. Они имели право питаться особым образом, дабы соблюдать соответствующие каноны веры.

Православные военные священники были введены в состав вооруженных сил в результате принятия 10 июня 1839 г. «Устроения гарнизонного войска». Несение религиозной службы в сербской армии регулировалось первым военным законом, который был принят 12 ноября того же года⁵. Количество штатных должностей военных священников менялось по мере развития сербской военной организации. В соответствии с «Устроением гарнизонного воинства» (22 января 1845 г.) и «Законом об устроении военного штаба регулярной армии» (8 ноября 1862 г.) при штабе появился один штабной священник. «Устройство совокупной армии» от 24 февраля 1876 г. (по старому стилю) определяло состав командования во время войны. Главному командованию полагался военный епископ, а командованию дивизии и бригады — по одному священнику. Реформаторским «Законом об устроении армии» от 5 января 1883 г. установлена должность военного протоиерея, совершавшего обряды в столице. В других гарнизонах привлекались местные священники, которых призывали на военную службу согласно штатному составу и организационной структуре соответствующих частей, каждая из которых составляла список священников, обязанных явиться для исполнения военной обязанности. 12 февраля 1883 г. была утверждена организационно-штатная структура армии, предполагавшая формирование пяти дивизий 1-го призыва, пяти дивизий 2-го призыва и 60 батальонов 3-го призыва. В центральном штабе армии и в штабах дивизий появились по одному военному протоиерею. В полковые штабы получили распределе-

⁴ Милкић М. Верска служба у српској војсци у Првом светском рату. Београд : Медија центар «Одбрана», 2016. С. 169–177.

⁵ Милкић М. Државни и верски празници у војсци Кнежевине и Краљевине Србије // Војноисторијски гласник. 2007. № 1–2. С. 7–20.

ние по одному священнику, а в частях 2-го призыва по одному священнику появилось при штабах пехотных и артиллерийских полков, а также кавалерийских дивизионов.

Организационно-штатная структура армии от 18 февраля 1899 г. предусматривала должность военного протоиерея при штабах дивизий регулярной армии. Кроме того, в штабы полков (пехотных, полевой и горной артиллерии) и кавалерийской дивизии регулярной армии в ситуации их полной мобилизации и при достижении штатов военного времени назначался военный священник запаса. При штабе пехотного полка народной армии 1-го и 2-го призывов находилось по одному священнику-военнообязанному.

«Закон об устройстве армии» от 9 февраля 1901 г. предусматривал штатных, внештатных и почетных военных священников. К первой категории относились, во-первых, военные протоиереи, имевшие один класс, соответствовавший чину майора; во-вторых, военные священники, разделенные на два класса, соответствовавших чину капитана 1-го класса и капитана 2-го класса; в-третьих, военные диаконы, также разделенные на два класса. Штатные священнослужители назначались королевским указом, а распределялись по местам службы приказом военного министра.

Изменениями и дополнениями к «Закону об устройстве» армии от 13 апреля 1904 г. упразднялась должность штатного военного священника, как и в целом военно-священническая специальность, ставшая жертвой политики сокращения военных расходов. В ходе парламентского обсуждения, реагируя на критические замечания депутатов, военный министр Радомир Путник заявил, что, согласно принятому решению, впредь станут привлекаться внештатные священники на гонораре вместо «военных протоиереев и священников, получавших высокое жалованье»⁶. Негативные последствия этого закона особенно проявились в ходе Первой мировой войны, прежде всего, по причине недостаточного числа священников, обученных выполнять военные обязанности, а также из-за отсутствия ясных критериев отбора кадров⁷.

В эпоху Балканских войн и Первой мировой войны за службу всех военных священников в сербской армии отвечал референт по делам

⁶ Милкић М. Верска служба... С. 25.

⁷ Милкић М. Социјални статус војних свештеника српске војске 1839–1918 // Историјски часопис. 2017. Књ. LXVI. С. 321–340.

конфессий. Согласно штатному устройству, соответствующая должность имела в Адъютантском отделе Общевоинского отделения Военного министерства. Мнение референта имело решающее значение при назначении и распределении военных священников. При назначении или переводе инициатива исходила от командира части (начальника учреждения), а окончательное решение принимал референт, оценивавший службу и личные способности каждого военного священника. Принципиальное согласие на назначение давал и Сербский митрополит Димитрий, особенно в 1914–1915 гг. Что касается 1915–1916 годов, можно говорить только о нескольких подтвержденных документами случаях, когда запрашивалось согласие митрополита⁸. Во время Первой мировой войны при назначении священников в военные госпитали последнее слово оставалось за начальником Санитарного отделения Верховного командования. А на Салоникском фронте для назначения сербских священников в союзнические госпитали требовалось согласие командующего Восточной армией.

Военные священники, которые, получив распределение в войска, участвовали в Балканских войнах, встретили в тех же частях начало Первой мировой. 12 октября 1915 г. приказом военного министра произведен новый набор священников. На следующий день список с распределением Военное министерство выслало Верховному командованию с указанием, что новоназначенных следует немедленно направить к месту выполнения службы, а прежних священников освободить от таковой. На 404 020 солдат, которыми располагала сербская армия в день начала наступления противника 6 октября 1915 г., приходилось 92 священника. После реорганизации армии на Корфу проблема окормления военнослужащих снова стала актуальной. Поэтому во исполнение «Распоряжения о распределении военных священников» от 27 марта 1916 г. 62 человека получили назначения в войска. В последовавший период священники по служебной необходимости распределялись и в другие части.

Во время Первой мировой войны в сербской армии наряду с православными священниками служили два имама и один раввин⁹. Имам из Шабаца Мехмед Хашимич с начала войны до октября 1915 г. нахо-

⁸ Милкич М. Верска служба... С. 425.

⁹ Там же. С. 169–198. *Milkić M. From Ottoman Vassals to Serbian Soldiers: Muslim Population in Serbian Army 1914–1915 // The Great War in 1915.* (Dalibor Denda, Mario

дился в 6-м пехотном полку 2-го призыва, в Мусульманском батальоне Дринской дивизии 2-го призыва, а затем при ее штабе до прибытия на Корфу, после чего он вернулся в свой полк. Военным имамом 2-го пехотного полка Дринской дивизии Хашимич оставался вплоть до 20 мая 1919 г. Абдул Баки в 1917–1918 гг. был военным имамом Командования г. Салоники. Приказом начальника штаба Верховного командования от 27 декабря 1916 г. Шалом Русо назначен первым военным раввином. Во время войны евреям-военнослужащим разрешали посещать синагогу в Салониках для участия в праздничных службах¹⁰. О положении солдат-католиков пришлось задуматься в 1917 г., когда встал вопрос о принятии ими присяги.

Согласно опубликованным работам и доступным документам, во время Первой мировой войны — с 28 июля 1914 г. по 11 ноября 1918 г. — службу в сербской армии прошли 234 военных священнослужителя, включая двух имамов, одного раввина и двух диаконов¹¹. Напоминаем, что приведенные данные отражают совокупное число священников, которые в разные периоды служили на определенных должностях. Указанное число не учитывает иеромонаха Виктора Любичича, который получил назначение в качестве священника сербской армии после официального завершения войны — 10 декабря 1918 г.

Во время Первой мировой войны священники проходили службу в сербской армии в соответствии с изданным еще 9 июня 1876 г. «Положением об обязанностях военных священников при Верховном командовании, командовании дивизий и командовании бригад»¹². Согласно документу, военный епископ — главный военный священнослужитель — направлял и контролировал деятельность всех военных священников, перед которыми стояла задача читать молитвы, воодушевлять солдат и причащать умирающих. Те же полномочия и обязанности, что и владыка, имел в отношении дивизии военный священник, числящийся при ее штабе. По договоренности с командиром дивизии священник определял, как и когда отмечать народные праздники,

---

Christian Ortner, Eds.) Belgrade: Heeresgeschichtliches Museum/Militärhistorisches Institut, Strategic Research Institute, 2017. P. 315–324.

¹⁰ Мишкић М. Верска служба... С. 178–183.

¹¹ Там же; Радић Р. Војислав Јанић (1890–1944) — свештеник и политичар: поглед кроз аналитички прозор. Београд: Институт за новију историју Србије, 2018.

¹² Мишкић М. Државни и верски празници... С. 7–20.

устраивать торжества после выигранных сражений, служить панихиду по убиенным и т. п. Священники в бригадах должны были при любом случае ободрять истощенных и упавших духом, воодушевлять тех, кто с трудом переносил лишения лагерной жизни, убеждать солдат перед боем, что бог на их стороне, а во время сражения — находиться на перевязочных пунктах, дабы утешать раненых и причащать умирающих.

Больше всего времени военные священники проводили в сербских и союзнических госпиталях, обходя раненых, помогая им писать письма, утешая отчаявшихся. Обязанности военных священников в военных медицинских учреждениях перечислены в 10-м пункте «Регламента работы военных госпиталей с изменениями и дополнениями», изданного в Бизерте в 1918 г. и пришедшего на смену «Регламенту работы военных госпиталей» от 27 июля 1884 г. Военный священник причащал больных, по желанию которых он должен был являться в госпиталь, отпевал умерших и освящал воду, если в этом имелась потребность. Священник имел право проверять — все ли в больнице устроено, как того требуют религиозные каноны. Например, в каждом госпитале следовало иметь кадило и свечу. Панихида, совершаемая по погибшим и умершим в 40-й день и в годовщину, предусматривалась «Регламентом службы» и входила в обязанности военных священников¹³.

Раненых и больных сербских солдат размещали в британских, французских и русских госпиталях, в каждом из которых имелся сербский священник¹⁴. Согласно доступным данным, сербские священники служили в 27 союзнических госпиталях: во французском 1-м резервном госпитале в Седесе, 7-м французском временном госпитале, 3-м французском госпитале в Салониках (Зейтенлик), французском госпитале в Самле, 1-м британско-сербском госпитале в Водене (Эдесе), 2-м британско-сербском госпитале в Соровиче (Аминдеон), 33-м британском военном госпитале в Соровиче, 36-м и 37-м британских госпиталях в Вертекопе (Скидра), 38-м британском госпитале в Микре, 41-м британском госпитале в Шамле, Шотландском женском госпитале, госпитале в Карабуруне, госпитале 2-й русской дивизии, русском полевом госпитале в Верии, британском госпитале Говино (о. Корфу), Резервном военном госпитале № 3 в Микре, французском госпи-

¹³ Правила службе ... Члан 520.

¹⁴ Милкич М. Верска служба ... С. 75–78.

тале во дворце Ахилион (о. Керкира), британско-сербском госпитале в Агиос Стефанос на Корфу, госпитале в Моретике (о. Керкира), госпиталях в Ницце, в Тулоне, госпиталях в Кап-Матифе и Боне (Алжир), госпиталях в Бизерте, Тунисе и Сиди-Абделамиде (Тунис).

Распределением военных священников по госпиталям в соответствии со своими прерогативами занималось Санитарное отделение Верховного командования. 13 апреля 1916 г. начальник этого отделения предложил начальнику Адъютантского отделения внести изменение в распределение от 27 марта, согласно которому в госпитали на острова Видо (Птихия) и Лазарето было назначено по три священника¹⁵. Указывалось, что в Говино, Моретике и Ахилионе тоже имеются госпитали, в которых нет ни одного сербского священника. На остров Видо предлагалось отправить священников Евстатия Караматиевича и Димитрия Поповича, на Лазарето — Драголюба А. Поповича, в Говино — Милию Ристича, в Моретику — Христовоя Йовановича, в Ахилион — Ничифора Янковича. На основании этого предложения 17 апреля военный министр подписал приказ о назначении в госпиталь в Говино Владимира Еремича; духовное окормление сербских раненых в Моретике поручено Лазару Матиевичу, а военный протоиерей Милия Ристич отправился в Ахилион.

Светозар Ивошевич был одним из священников, приписанных к союзническому военному госпиталю¹⁶. На службу в сербскую армию он поступил 2 октября 1915 г. как священник 5-го сверхштатного пехотного полка Шумадийской дивизии 1-го призыва. 14 июня 1917 г. он занял должность военного священника 2-го британско-сербского госпиталя в Соровиче, где ему приходилось не только отпевать усопших и совершать литургию по воскресеньям, но и каждый день обходить больных, предлагая им «священническое утешение в скорби». Тяжелобольные исповедовались Ивошевичу, а он читал им молитвы.

После того, как начальник Санитарного отделения предложил назначить сербского священника в русский полевой госпиталь в Верии, 11 сентября 1916 г. туда отправился иеромонах Митрофан Иванчевич. Священник Любомир Попович, прежде служивший в британском лагере, 31 октября 1916 г. получил назначение в Серес. 12 сентября

¹⁵ *Мишкић М.* Верска служба... С. 75–78.

¹⁶ *Мишкић М.* Ратни пут војног свештеника. Светозар Ивошевић у Првом светском рату // Мешовита грађа. 2017. Књ. XXXVIII. С. 129–151.

1916 г. военный министр определил бывшего военного священника 15-го пехотного полка Богомира Петровича на ту же должность при госпиталях в Ницце, Тулоне и окрестностях, где имелось много сербских офицеров и солдат. В середине ноября 1916 г. по представлению начальника Санитарного отделения Верховного командования первые военные священники получили назначение в 1-й британско-сербский госпиталь в Водене и 2-й британско-сербский госпиталь в Соровиче, где находились на лечении только сербские солдаты. В первый отправился игумен монастыря Св. Романа Гаврило Купусинац, а во второй — иеромонах Теодосие Тошич. 18 января 1917 г. по предложению полковника д-ра Романа Зондермайера — начальника указанного отделения — командование армии назначило Трайко Поповича военным священником 33-го британского госпиталя в Соровиче.

В конце марта 1917 г. Военное министерство направило распоряжение военным представительствам в Париже и Лондоне откомандировать всех священников, ранее не получивших назначения, в распоряжение Верховного командования в Салониках с целью дальнейшего распределения по госпиталям¹⁷. Военный атташе в Париже полковник Душан Стефанович 12 мая 1917 г. приказал главному комиссару по делам сербских беженцев в Париже отправить всех монахов в Салоники.

15 сентября 1917 г. Общее отделение Военного министерства и референт по делам конфессий поставили в известность Верховное командование сербской армии о душевном состоянии раненых сербских офицеров, находившихся во французских и британских госпиталях и нуждавшихся в духовном наставлении¹⁸. Тогда военный министр распорядился собрать информацию обо всех нераспределенных священниках, находившихся при командовании в Микре, дабы привлечь их к духовному окормлению раненых и больных, проходивших лечение в госпиталях союзников. Министр пообещал, что поговорит с командующим союзническими войсками о возможности назначения сербских военных священников. Предварительное согласие было получено от инспектора Санитарной службы Восточной армии генерала Риота, которому предстояло произвести отбор священников. 1 октября 1917 г. указанное командование в Микре получило при-

¹⁷ Милкић М. Свештеници у војним и дипломатским мисијама српске владе 1915–1918 // Историјски записи. 2012. № 3–4. С. 85–97.

¹⁸ Милкић М. Верска служба ... С. 78.

каз составить список всех нераспределенных священников. После получения Военным министерством согласия командующего союзническими войсками верховный главнокомандующий сербской армией престолонаследник Александр Карагеоргиевич 6 декабря 1917 г. отдал приказ — священников, находившихся в распоряжении командования в Микре, распределить по французским и британским госпиталям. Милован Митич и Милан Панич отправились в 7-й французский временный госпиталь, Трайко Арсич и Славко Павлович — в госпиталь в Сересе, Димитрие Милойкович — в Самлу, Станое Секулич — в Карабурун.

Сербские священники находились и в странах-союзницах Сербии¹⁹. Найден Джокич прибыл на службу в Марсель в сентябре 1916 г. 22 июля 1918 г. его сменил Коста Протич. В ноябре 1916 г. Военное министерство приказало военному атташе в Париже выяснить — достаточно ли военных священников в госпиталях Ниццы и прочих городов. Стеван Бойович решением министра назначен 21 апреля 1917 г. военным священником Тура и окрестностей, однако до середины августа пребывал в Женеве.

Об обязанностях военного священника, со всей их спецификой, мы можем судить на основании донесения о работе полковых священников, которое командир Дринского пехотного полка 3-го призыва полковник Матиевич 30 января 1918 г. отправил начальнику Транспортного отделения Верховного командования²⁰. Пока штаб полка располагался в Битоле, то есть до 7 июня 1917 г., священник Станое Секулич один раз во второй половине апреля посетил его подразделения в Вертекопе (Скидра), Банице и Сакулево. В остальное время — по воскресеньям и по праздникам — он, согласно договоренности с местным духовенством, служил в битольской церкви, которую посещали и солдаты полка. После того, как штаб переместился из Битоля в Сорович, Секулич до октября каждые 3–4 недели или по праздникам совершал священнодействие для солдат в Соровиче, Банице и Сакулево, а затем, по устному приказанию командира, начал ежемесячно объезжать части. За отчетный период он совершил семь таких поездок. В Соровиче, договорившись со священником церкви Русско-сербского госпиталя, он совер-

¹⁹ Милкић М. Свештеници у војним и дипломатским мисијама ... С. 85–97.

²⁰ Милкић М. Верска служба ... С. 80–82.

шал богослужение в праздничные дни. В Сакулево и Банице Секулич служил литургию, главным образом в местных церквях. Они находились вдалеке от военных лагерей, и у солдат не хватало времени посещать их. Поэтому в обоих населенных пунктах он начал вести службы в лагерях в присутствии офицеров и солдат, которые не были заняты другими делами. В лагере ему приходилось резать хлеб на Славу²¹, святить воду, проводить молебны, а литургию он продолжил совершать в церкви, так как в лагере для этого отсутствовали необходимые условия. Когда были вырыты землянки, Секулич окропил их согласно обычаю освящения воды в доме. В своих проповедях священник говорил о терпении, приводя примеры из жизни Христа, о надежде, о долге младшего перед старшим, перед самим собой и вообще перед каждым своим ближним, об обязанностях и жертве, которую солдат приносит на алтарь отечества, в конечном счете, ради своей семьи.

Война поставила перед военными священниками новые задачи. Важнейшая состояла в том, чтобы в качестве духовного лица с помощью молитв и наставлений всегда способствовать повышению боевого духа сербской армии. Если позволяли обстоятельства, проводились уроки Закона Божьего. Согласно распорядку службы 20-го пехотного полка, за период с 29 июля по 13 августа 1915 г., у каждого батальона, наряду с остальными занятиями, состоялись и три урока Закона Божьего²². В Ильин день (2 августа), а также в воскресенье после обеда солдаты отдыхали, в субботу стирали белье (до обеда), чистили обмундирование и оружие (после обеда). Приказом начальника штаба Верховного командования от 16 марта 1916 г. утвержден план и программа обучения пехоты²³. Цель обучения состояла в том, чтобы за два месяца превратить новобранцев в умелых воинов. Обучение проводилось в ротной школе, в которой проходила и подготовка новобранцев, и ротные занятия. Приказ отводил на первую 45 дней, а на вторые — остальное время. Что касается Закона Божьего и морального настав-

²¹ Слава — семейный праздник у сербов, посвященный православному святому, являющемуся патроном семьи (рода). Имеет очень древние корни. Сопровождается специальным обрядом — так называемым «сечением колача». Колач — особо испеченный хлеб, который знаменует Тело Христово, а возливаемое на него вино — Кровь Спасителя. Колач ставится на почетное место, и при нем горит большая и иногда узорно украшенная «славская свеча» (Прим. переводчика).

²² Милкич М. Верска служба ... С. 204–207.

²³ Там же.

ления, указывалось, что богослужение следует проводить регулярно, но в максимально сокращенном варианте. Кроме того, военным священникам надлежало произносить поучительные и патриотические речи с целью «подъема духа и укрепления веры в Бога и в окончательный исход нашего правого дела». Выполняя приказ, священник Светозар Ивошевич в Страстную неделю с 17 по 21 апреля 1916 г. «ради утешения и подъема боевого духа войск» выступал на Корфу перед батальонами 12-го пехотного полка.

21 августа 1916 г. командир Кавалерийский дивизии полковник Бранко Йованович приказал подчиненным ему командирам с 25 августа приступить, опираясь на имевшийся военный опыт, к обучению и подготовке к предстоящим операциям всех частей, повышая их боевой дух и умение²⁴. Цель обучения виделась в повторении забытого и укреплении дисциплины, в том, чтобы войска прониклись наступательным настроением, чтобы в них развились терпение и упорство в осуществлении наступательных и оборонительных действий. Наряду со строевой и стрелковой подготовкой, учебный план предполагал и моральное воспитание бойцов. С этой целью — уточнялось в приказе — полковые священники должны были дважды в неделю в полках и остальных подразделениях дивизии проводить занятия по программе, заранее ими согласованной. С целью повышения боевого духа среди сербских солдат распространялась духовная литература. В 1916 г. митрополит Димитрие написал «Молитву за победу нашего оружия», а в апреле того же года издававшаяся на Корфу газета «Српске новине» опубликовала «Молитву сербских воинов». 12 мая 1916 г. 330 экземпляров «Молитвы» поступили в распоряжение военных священников, дабы они произносили ее за победу сербского и союзнического оружия.

По просьбе министра просвещения и церковных дел, военный министр 3 декабря 1918 г. предложил начальнику штаба Верховного командования демобилизовать и распустить по приходам всех военных священников, проходивших службу в действующей армии и в тылу²⁵. 6 декабря последовало соответствующее распоряжение начальника штаба. 24 декабря 1918 г. военный министр издал приказ об увольнении со службы военных священников и их возвращении в свои при-

²⁴ Милкић М. Верска служба ... С. 205–207.

²⁵ Там же. С. 69–70.

ходы. В середине января 1919 г. во исполнение данного приказа в частях были составлены списки подлежащих демобилизации, которая, однако, протекала медленней, чем ожидалось, так как нельзя было лишиться одновременно всех священников. В силу служебной необходимости в середине января 1919 г. на Корфу, в Салониках и во Франции по-прежнему оставались некоторые военные священники, которых планировалось отпустить домой в обозримом будущем. Демобилизация военных священников закончилась лишь в марте 1919 г.

Королевство Югославия

В соответствии с военными целями Королевства Сербия 1 декабря 1918 г. было провозглашено создание полиэтнического и многоконфессионального югославянского государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев. Еще 7 декабря 1914 г. сербское правительство уведомило Народную скупщину в Нише, что в ближайшее время направит все свои усилия на создание сербско-хорватско-словенского государства. Ставился знак равенства между защитой суверенитета Сербии и созданием Югославии²⁶. Что касается формирования югославской армии, то на практике оно началось на Салоникском фронте, когда добровольцы различной национальной и конфессиональной принадлежности вступали в ряды сербской армии. Проблемы национального и религиозного характера не только сказывались на сплоченности и боевом духе войск, но и в значительной степени повлияли на процесс создания единого югославянского государства. В 1918 г., в результате прибытия значительного числа добровольцев, стал актуальным вопрос удовлетворения духовных потребностей католиков. Например, 23 октября 1917 г. из Австралии прибыли 78 добровольцев, из которых почти все были католиками²⁷. По просьбе сербского Верховного командования, союзническое командование 21 сентября

²⁶ *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд: Српска књижевна задруга, 1973.

²⁷ *Милкић М.* Стварање мултиконфесионалне војске. Добровольци римокатолици и протестанти у српској војсци на Солунском фронту // *Добровольци у Великом рату 1914–1918.* (Уредници: Срђан Рудић, Далибор Денда, Ђорђе Ђурић). Београд: Историјски институт; Институт за стратегијска истраживања; Матица српска, 2018. С. 193–209.

издало приказ, согласно которому католические священники во французских частях и госпиталях, находившихся поблизости от сербских войск, должны были оказывать духовную поддержку служившим в них солдатам-католикам и отпевать погибших²⁸.

Исходя из взаимоотношений солдат в сербской армии и принимая во внимание, что она на Салоникском фронте приобретала все более многоконфессиональный и многонациональный характер, Верховное командование 12 декабря 1917 г. издало распоряжение, регламентировавшее отношение выходцев из Сербии к остальным югославянам²⁹. В распоряжении, характеризовавшем позицию сербских офицеров и командиров в отношении югославян, давались директивы по достижению народного единства в интересах будущего государственного объединения. Верховное командование полагало, что «в тот момент, когда в армию вступает большое число югославян и прочих славян», необходимо подчеркнуть, что их прибытие должно не только помочь ей в военном отношении, но и «укрепить идею братства, равенства и единства сербов, хорватов и словенцев, а также прочих славян». Усилия всех командиров следовало направить на формирование общего представления о полном единстве и равноправии всех солдат, а также на предотвращение проявлений «сепаратизма или доминирования сербов над остальными и наоборот». Подчеркивалось право каждого на национальное самоопределение и свободное вероисповедание. Обращалось внимание на мощную вражескую пропаганду, согласно которой цель сербов из Королевства Сербия состояла в подчинении хорватов, словенцев и черногорцев. Взаимоотношения солдат должны были характеризоваться подлинно братскими и искренними товарищескими чувствами.

Одним из вопросов, которым правительство Королевства СХС пришлось заниматься, создавая армию нового государства, стало положение в ней священников. Опыт управления религиозной службой в армии Княжества и Королевства Сербия послужил основанием для принятия новых правил, учитывавших национальную и религиозную специфику молодого государства³⁰. Решения, принимавшиеся серб-

²⁸ Милкић М. Стварање мултиконфесионалне војске... С. 193–209.

²⁹ Bjelajac M. S. Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom 1918–1991. godine. Beograd, 1999. S. 7–10.

³⁰ Милкић М. Специфичности верског живота у војсци Кнежевине-Краљевине Србије // Војно дело. 2003. № 1. С. 168–184.

скими государственными и военными властями в связи с правами всех религиозных групп в Княжестве и Королевстве Сербия, обеспечили беспрепятственное существование и удовлетворение потребностей представителей государственной православной веры, а также представителей религиозных меньшинств — мусульманского и иудейского.

«Постановление Совета министров о приеме кадров в военно-морской флот и производстве чинов», изданное 26 мая 1919 г., разделяло священников на пять классов, определяя их годовое жалованье, равное офицерскому. I класс соответствовал майору, а V — подпоручику³¹. Существование военных священников в частях предусматривалось и «Временным уставом воинской службы» (1919), который детально описывал их обязанности. Они состояли в священнодействии во время церемонии принятия присяги, освящения знамени, празднования государственных и религиозных праздников, воскресных и праздничных служб, освящения воды и помещений. Священники, разумеется, причащали и принимали исповедь у солдат и командиров.

Статус военных священников, представлявших конфессии, признанные в Королевстве СХС, зафиксирован в постановлении Совета министров от 30 января 1920 г.³² Священники делились на штатных и внештатных. Первые назначались королевским указом, а предлагал их министр армии и военно-морского флота по согласованию с министром по делам религии. Штатные военные священники могли быть трех классов. Первый присваивался священникам, имевшим, по крайней мере, 15-летний стаж. Для второго требовался 10-летний, а для третьего — 5-летний стаж священнического служения. При присвоении всех трех классов оценивались ранее достигнутые результаты, квалификация, образование и поведение кандидатов. Внештатных военных священников, если в них имелась потребность, назначал военный министр по договоренности с министром по делам религии. Внештатными военными священниками могли стать подданные Королевства СХС, имевшие безупречную репутацию. Из священнослужителей православного, католического и мусульманского вероисповедания выбирали по одному военному священнику I класса — начальнику специальности соответствующей

³¹ Архив Југославије (Далее — АЈ). Ф. 69. Фасцикла. 159. Л. 244.

³² Службени војни лист. 1920. 219–222.

конфессии. С точки зрения штатной структуры эти начальники были референтами министра армии и военно-морского флота, который мог при необходимости назначить референта по делам иной конфессии, признанной в Королевстве СХС. Штатному военному священнику полагалось годовое жалованье и необходимые принадлежности, соответствовавшие его статусу и классу. Согласно этому ранжированию священники обеспечивались государственным жильем, провизией и медицинским обслуживанием. При расчете пенсионного стажа учитывался срок служения до поступления в армию. В военное время год шел за два. В случае мобилизации и войны, гражданские священники обеспечивались всеми принадлежностями, как и офицеры запаса соответствующего ранга. Принадлежности, причитавшиеся внештатным священникам, утверждал в рамках принятого бюджета военный министр по согласованию с министром по делам религии. Аттестацию военных священников раз в год проводили их вышестоящие армейские командиры. Каждый год Военное министерство сообщало о результатах аттестации Министерству по делам религии, которое в свою очередь информировало руководителей соответствующих конфессий о выставленных священникам оценках. За военно-дисциплинарные проступки священники отвечали перед военными судами, а за нарушения религиозного характера — перед церковными. По постановлению Совета министров, священники, состоявшие в сербской армии, перешли в югославские вооруженные силы, сохранив свои прежние полномочия. Указом престолонаследника Александра от 20 октября 1920 г. получила назначение первая группа военных священников, которым предстояло служить по новым правилам³³.

Основы нормативного регулирования статуса католиков в армии Королевства СХС заложены 20 ноября 1918 г. решением правительства Народного вече словенцев, хорватов и сербов в Загребе о назначении Фердо Рожича верховным военным викарием³⁴. 6 февраля 1919 г. военный министр уведомил Верховное командование о решении назначить Ф. Рожича референтом по делам католической конфес-

³³ Милкић М. Правно регулисање положаја војносвештеничке струке у војсци Краљевине СХС/Југославије // Војноисторијски гласник. 2005. № 1–2. С. 136–146.

³⁴ Ај. Ф. 69. Фасцикла 159. Л. 244.

сии при Общевоисковом отделении Военного министерства³⁵. 9 февраля 1920 г. Папа Бенедикт XV подтвердил назначение Рожича, ставшего апостольским военным викарием Королевства СХС³⁶.

12 ноября 1920 г., по согласованию с Министерством по делам религий и компетентными религиозными деятелями, Министерство армии и флота опубликовало разъяснение по вопросу взаимоотношений различных конфессий в армии и флоте³⁷. Разъяснение уточняло круг полномочий военных священников с учетом имевшихся расхождений между «Уставом воинской службы» и постановлением Совета министров от 30 января 1920 г. Указывалось, что религиозные обряды с участием солдат православного и католического вероисповедания могут совершать только единоверные с ними священники, а отпевание солдат-евангелистов — священники любой христианской конфессии. Православный священник причащал евангелистов в отсутствие их священнослужителя. Во время чтения молитвы солдаты-мусульмане стояли отдельным строем, а церемонию похорон мог провести и обычный солдат, знакомый с мусульманскими обрядами. Представители иудаизма стояли в общем строю, а похороны мог провести только их гражданский или военный священнослужитель. Эти разъяснения были включены во «Временный устав воинской службы», утвержденный в 1925 г.

26 января 1922 г. король Александр подписал «Закон о статусе военных священников»³⁸. А 4 мая того же года военный министр генерал Милош Васич издал «Устав службы военных священников», основанный на «Законе об устройстве армии»³⁹. Обязанности военных священников были разделены на общие и особые. Первые охватывали всю религиозную деятельность в армии и флоте, а также административные вопросы, связанные с религиозными делами. Все эти обязанности священник выполнял согласно церковно-религиозным канонам той или иной конфессии и в соответствии с военными и государственными законами.

Перечисление особых обязанностей заняло 16 пунктов устава. Военный священник обязан был воспитывать религиозное и нравствен-

³⁵ Војни архив (Далее — ВА). Пописник 3. Кутија 348. Фасцикла I. Документ 1/13.

³⁶ АЈ. Ф. 69. Фасцикла 159. Л. 244.

³⁷ Службени војни лист. 1920. 2331–2334.

³⁸ Службени војни лист. 1922. 281–284.

³⁹ Службени војни лист. 1922. 805–808.

ное сознание в войсках всеми средствами, которые дает вера, — словом и делом, наставлением и увещанием, и особенно личным примером. Своим служением священник должен был укреплять в солдатах мужество и выносливость, честолюбие, чувство долга и дисциплину, уважение к начальству, дружбу независимо от конфессиональных различий и национальности, а также глубокую верность и преданность королю и отечеству.

По праздникам и воскресеньям военный священник служил в церкви или в специально оговоренных помещениях. Военный священник должен был следить за тем, чтобы раз в месяц все солдаты гарнизона присутствовали на службе. В этот день он должен был прочитать проповедь о религиозных и моральных догмах, принимая во внимание условия жизни и потребности солдат. Совершение всех религиозных таинств, особенно священного таинства исповеди и покаяния, а также причастия во время поста было постоянной обязанностью священника. По утвержденной программе религиозного обучения в армии священник проводил занятия по Закону Божьему и нравственному воспитанию в войсках и военно-учебных заведениях. Ежедневной обязанностью военного священника считались беседы и своевременные наставления солдатам в гарнизоне, больным в военных госпиталях, осужденным в военных тюрьмах. Священник поднимал культурный уровень солдат, следя за тем, чтобы они читали полезные книги, устраивая лекции и пристойные развлечения, а также иными просветительскими средствами. Время от времени он выезжал в близлежащие гарнизоны, где не было священников соответствующего вероисповедания, и совершал там необходимые службы, а также отвечал за удовлетворение духовных потребностей командиров и их семей. Принятие воинской присяги и участие в народных и государственных праздниках, ведение церковных и государственных книг (метрических книг, книг умерших) также входило в обязанности военного священника. Деньги на все необходимые расходы военные священники получали от военных властей.

Военные священники были обязаны выполнять все перечисленные обязанности в условиях военного времени, насколько это было возможно. Кроме того, военные священники, служившие в штабах армейских и дивизионных областей, выполняли также обязанности референта. Они обращались к своим командирам с необходимыми предложениями и озвучивали квалифицированное суждение по всем вопро-

сам своей конфессии. В конце года они представляли отчет министру армии и флота обо всех делах нижестоящего военного духовенства. Вышеупомянутый устав оставался нормативно-правовым документом, в котором подробно разъяснялись действия военных священников в конкретных ситуациях.

Согласно «Закону об устройстве армии и флота» от 6 сентября 1929 г., штатные военные священники и военные священники в запасе были переведены в гражданские чины. Штатный состав войск мирного и военного времени не предполагал такой должности⁴⁰. В результате принятия закона специальность военных священнослужителей упразднилась. Лишившись классов, определявших их статус, они официально стали именоваться гарнизонными священниками, которые были приписаны к гарнизонным администрациям, то есть к местному командованию. Неясность их положения побудила военного министра Стевана Хаджича распорядиться, «чтобы им для богослужения и исполнения обрядов передали утварь, облачение, книги и все прочее, что они прежде использовали для священнодействия»⁴¹. На первый взгляд, они по-прежнему совершали обряды, вели религиозное обучение и, в принципе, имели все права и обязанности, которыми располагали ранее как военные священники. Однако на практике все было иначе. Тот факт, что они числились гражданскими чиновниками, во многом определял их статус в войсках. Уступая по своему рангу даже младшим офицерам, гарнизонные священники утратили свой авторитет. Они также находились в дискриминированном положении по отношению к своим коллегам, которые числились государственными чиновниками в других министерствах. В Военном министерстве священники не имели тех возможностей карьерного роста, которыми располагали священники в Министерстве по делам религий или в Министерстве юстиции. Кроме того, их материальное положение было гораздо хуже⁴².

22 сентября 1934 г. был принят новый «Устав службы военных священников»⁴³. Устав содержал изменения, призванные согласовать компетенции военных и приходских священников, что ранее регули-

⁴⁰ Службене новине. 1929. 1619.

⁴¹ Службени војни лист. 1930. 495.

⁴² ВА. Пописник 17. Кутија 157. Фасцикла 4. Документ 29.

⁴³ Службени војни лист. 1934. 1523–1526.

ровалось приказами и разъяснениями к ним. Все остальные обязанности военных священников остались прежними. Новое заключалось в том, что теперь священники в конце года сами представляли отчет референту по делам конфессии. Раньше, согласно предыдущему Уставу, священники при штабах армейских областей отчитывались о работе подчиненных им священников. Военных священников запаса стали призывать на сборы на постоянной основе. Они находились в том же положении, что и офицеры соответствующего звания, однако их статус не был должным образом уточнен. 21 мая 1940 г. приказом военного министра всех военных священников запаса распустили из войск по домам, потому что так и не удалось решить вопросы с их обмундированием, жалованьем, рангом, званием, а также урегулировать их отношения с войсковыми командирами и личным составом⁴⁴.

Обмундирование военных священников составляло один из вопросов, в решении которых референты пытались найти компромисс между потребностями армии и правилами религиозных объединений⁴⁵. Руководство министерства стремилось обеспечить священников практичным обмундированием, дабы облегчить им выполнение своих обязанностей. Это, разумеется, совпадало с пожеланиями самих священников. Не осталось в стороне и Министерство по делам религии, которое 21 мая 1923 г. дало согласие на то, чтобы священники всех конфессий носили обмундирование. Проблемы начались, когда интересы армии потребовалось согласовать с требованиями религиозных объединений, которые по традиции щепетильно следили за соблюдением правил облачения своих священников. Референты в этом споре отстаивали интересы Военного министерства, что вызывало недовольство иерархов представляемых ими конфессий.

Положение военных священников не устраивало представителей всех конфессий в Королевстве Югославия. В связи с этим референты по делам религии пытались повлиять на Министерство армии и военно-морского флота, что нашло отражение в различных докладных записках и прочих документах. 11 октября 1935 г. заместитель референта по делам католиков, обращаясь к начальнику Генерально-штабного отделения по вопросам внесения священников в реестр военно-

⁴⁴ ВА. Пописник 17. Кутија 345. Фасцикла 9. Документ 11.

⁴⁵ *Мишкић М.* Униформа војних свештеника у српској и југословенској војсци (1839–1941) // Војноисторијски гласник. 2009. № 2. С. 9–29.

обязанных и статуса дьяконов в католической церкви, напоминал, что в 1934–1935 гг. референты по делам религий ходатайствовали, чтобы священников в действующей армии перестали считать гражданскими чиновниками и перевели в категорию военных чиновников⁴⁶. Указывалось, что государству бы это почти ничего не стоило, а «священническое сообщество в армии восприняло бы перемену с радостью и глубоким признанием». Автор также призывал решить проблемы с военными священниками запаса, а также с обмундированием священников в мирное и военное время. Напоминалось, что церковные власти дали согласие на то, что во время войны военные священники должны носить серую форму с сапогами, и что все необходимые документы по этому вопросу доставлены начальнику Главного генерального штаба. В докладной записке, представленной референтами начальнику Генерально-штабного отделения 14 сентября 1936 г., подчеркивалась насущность проблемы статуса военных священников как гражданских чиновников⁴⁷. Во имя авторитета и интересов армии референты просили перевести их в категорию военных чиновников.

Референты по делам религии Военного министерства (референт по делам православной конфессии высший кадровый военный священник III класса Петар Т. Трбоевич, референт по делам католической конфессии высший кадровый военный священник III класса Любомир А. Николитч и референт по делам мусульманской конфессии высший кадровый военный священник II класса Салих А. Сарич) 8 июня 1937 г. направили начальнику указанного отделения проект «Постановления о военно-священнической специальности в мирное и военное время»⁴⁸. Предлагалось вернуть военным священникам статус военных чиновников и вместе с ним все прежние права. Референты подчеркивали, что принятие постановления, безусловно, необходимо, чтобы каждый знал свои права и обязанности. Работа священства стала бы интенсивней и эффективней, что принесло бы больше пользы армии. Позиция Министерства армии и военно-морского флота заключалась в том, что положения «Закона об устройстве армии» и прочих законов не позволяют принять предлагаемое постановление.

---

⁴⁶ ВА. Пописник 17. Кутија 157. Фасцикла 3. Документ 16.

⁴⁷ Там же. Документ 20. Страна 2.

⁴⁸ ВА. Пописник 17. Кутија 142. Фасцикла 2. Документ 36.

Судебное отделение министерства дало разъяснение, что для его принятия необходимо сначала изменить сам закон⁴⁹.

Одно из последних обращений референтов к начальнику Генерально-штабного отделения датировано 5 декабря 1940 г.⁵⁰ В нем они констатировали, что в «Постановлении об изменениях и дополнениях к “Закону об устройстве армии и военно-морского флота”» не учтены их предложения, направленные на улучшение положения военных священников⁵¹. Поэтому они просили принять новое постановление, позволившее бы перевести последних в категорию военных чиновников. Вопреки общему стремлению религиозных общин улучшить положение военных священников, соответствующее постановление так и не было принято до конца существования Королевства Югославия.

***

Во время Первой мировой войны соблюдение религиозных прав военнослужащих сербской армии обеспечивалось религиозной службой, корни которой прослеживаются еще до ее основания в 1839 г. Во главе службы стоял референт по делам конфессий Военного министерства, что обуславливалось штатной структурой армии и опытом, накопившимся за десятилетия. Все уровни иерархии военного командования вносили вклад в регулирование вопросов, связанных с религиозной службой. Традиция религиозных общин в сербской армии в период с 1839 по 1918 гг. проявлялась в основном через деятельность военных священников, которые являлись посредниками между членами религиозных общин в армии, с одной стороны, и военными властями — с другой. Военные священники сыграли важную роль во всех войнах, в которых участвовала сербская армия. Забота о литургической жизни военнослужащих, работа в сербских и союзнических госпиталях, отпевание и панихида, священнодействие во время государственных и религиозных праздников — таковы основные обязанности военных священников. Затяжной характер войны, а также тот факт, что сербская армия большую часть времени провела за пределами Сербии, обусловили еще более значимую роль военных священни-

---

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ВА. Пописник 17. Кутија 157. Фасцикла 4. Документ 37.

⁵¹ Додатак Службеног војног листа. Број 33. 1940.

ков. На передовой и в тылу они усиливали боевой дух армии, в тяжелых военных условиях блюли традиционные национальные и духовные ценности, а также моральный облик военнослужащих.

В новых условиях многонационального и многоконфессионального Королевства Югославия оказалось непросто найти решения, удовлетворявшие все конфессии, представленные в армии. С самого начала отношение новой власти к признанным конфессиям основывалось на принципе религиозной нейтральности и веротерпимости. Видованская конституция 1921 г. и Конституция, принятая 6 сентября 1931 г., признавали следующие конфессии: православную, римо-католическую, греко-католическую (униаты), мусульманскую, евангелическую аугсбургского и гельветского исповедания, иудаизм сефардского, ашкеназского и ортодоксального канонов, баптистскую и старокатолическую. В манифесте принца-регента Александра о формировании первого правительства говорилось о свободе вероисповедания и равноправии религиозных общин. Тот же принцип выражен в «Постановлении об устройстве Министерства по делам религий» (31 июля 1919 г.). Наряду с национальными и религиозными проблемами, перед руководством вооруженных сил стоял вопрос статуса военных священников. Несмотря на то, что их положением оставались недовольны представители всех конфессий, до конца существования Королевства Югославия (1941 г.) так и не было принято постановление, которое создало бы более благоприятные условия для жизни и службы военных священников. Исключительно важная роль военных священников проявилась во время Первой мировой войны, когда во многом благодаря им поддерживался боевой дух сербской армии. Удовлетворенность мусульман и евреев своим положением в ней объяснялась соблюдением их религиозных прав, что выражалось в наличии их собственных военных священнослужителей. В многонациональной и многоконфессиональной армии Королевства Югославия права и положение военных священников оставляли желать лучшего. Многочисленные национальные и религиозные проблемы, имевшие место в армии, приводили к недовольству военных священников вне зависимости от конфессиональной принадлежности.

К. М. Гринько

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ АРХИЕПИСКОПА ФАДДЕЯ (УСПЕНСКОГО): СОЧЕТАНИЕ МОНАШЕСТВА С ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

История XX века знает немало достойных личностей, внесших значительный вклад в духовно-нравственное развитие общества. И речь идет не только о государственных и общественных деятелях, но и о епископате, клириках и мирянах Русской православной церкви. По известным причинам до 90-х годов XX века исследование жизни и служения конкретных церковных деятелей было сопряжено со значительными трудностями. В последние десятилетия, прежде всего с появлением доступа к архивной информации, подобная проблематика стала предметом пристального внимания исследователей¹. Однако, к сожалению, еще многие материалы, в частности следственные дела, остаются под грифом «секретно».

Архиепископ Тверской Фаддей — в миру Иван Васильевич Успенский — иерарх Русской православной церкви — известен как незаурядный церковный и общественный деятель, ученый монах, библеист, на протяжении всей своей жизни сочетавший церковное ад-

¹ См., напр., *Дамаскин (Орловский)*, игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века: в 7 т. Тверь, 1992–2002; *Цыпин В.*, прот. История Русской Церкви: в 9 кн. Кн. 9. 1917–1997. М., 1997; *Мазырин А.*, иер. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006; *Мраморнов А. И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006; *Лобанов В. В.* Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008.

министрирование и преподавательство с монашеским аскетическим подвигом. Становление его личности происходило в условиях кризиса духовной школы, фактического отмирания церковно-приходской системы образования. Все это было вписано в контекст многоуровневого духовного кризиса, переживаемого русским обществом конца XIX — начала XX века, необратимо приведшего к событиям 1905, а потом и 1917 годов.

Впервые жизнеописание архиепископа Фаддея было представлено в третьем томе многотомного издания игумена Дамаскина (Орловского)², в связи с подготовкой канонизации архиепископа Фаддея. Хотя документы и материалы, использованные игуменом Дамаскиным, дают достаточно объективное представление об этой личности, тем не менее изложение не лишено фактологических ошибок и неточностей, использован далеко не весь имеющийся в наличии материал, в частности касающийся периода обучения будущего владыки Фаддея в Московской духовной академии и его педагогической работы. Кроме того, житийный стиль изложения значительно отличается от научной статьи.

Появившиеся позднее публикации, раскрывающие личность архиепископа Фаддея, в большинстве своем принадлежат исследователям-педагогам, имеющим сферой своего научного интереса одну из форм просвещения народа — церковно-школьное образование — и связанную с ней педагогическую работу иерарха³. Научная деятельность

Епископ Владимиро-Волынский Фаддей (Успенский). 1908

² Дамаскин (Орловский), игумен. Указ. соч. Кн. 3, Тверь, 2001.

³ Егорова М. А. Учитель учителей. Педагогические идеи священномученика Фаддея (Успенского), архиепископа Тверского. М., 2007; Агафонова Г. З. Воспитание духовности в святоотеческом наследии святителей Феофана, Вышенского затворника

и епископское служение Фаддея (Успенского) нашли отражение и в периодической печати: Богословском вестнике, Уфимских, Олонецких, Волынских, Владикавказских епархиальных ведомостях. Период, предшествующий началу епископского служения преосвященного Фаддея раскрывается в «Протоколах» заседаний Совета Московской духовной академии.

Данные издания позволяют проследить историю духовно-интеллектуального становления личности архиепископа, увидеть особенности развития средней и высшей духовной школы конца XIX века и увидеть сочетание педагогической и административной деятельности молодым иеромонахом.

Студенчество и научная работа в Московской духовной академии

Формирование личности и образование архиепископа Фаддея (Успенского) пришлось на период религиозного индифферентизма русского общества — увлечения прогрессивной интеллигенции философскими учениями Толстого, Ницше, Маркса. Либеральные круги в церковниках видели «опору реакции», а в крестьянской среде сохранялись в основном формализм и обрядовость. Как говорил сам владыка, «народ лишь по преданию и привычке крепко держался веры»⁴.

По данным метрики, Иван Васильевич Успенский был рожден 12 ноября 1872 в селе Наруксово Лукьяновского уезда Нижегород-

---

ка, и Фаддея (Успенского), М. 2006; *Дивногорцева С. Ю.* Канонизированные новые мученики и исповедники Русской Православной Церкви: их педагогическая деятельность и взгляды на рубеже XIX–XX вв. М., 2018; *Доненко Н. Н., Карнакова И. А.* Преподавательская деятельность на курсах повышения квалификации учителей как одно из ведущих направлений образовательно-просветительской деятельности архиепископа Фаддея (Успенского). М., 2019; *Загрекова Л. В.* Миссия учителя в контексте идей христианской педагогики. М., 2012; *Доненко Н. Н.* Педагогическая деятельность в учреждениях духовного образования и административная работа в сфере образования архиепископа Фаддея (Успенского). М., 2019; *Ковырзина Т. В.* Священномученик Фаддей (Успенский) о роли православного воспитания. М., 2010.

⁴ Священномученик Фаддей (Успенский; 1872–1937), архиепископ Тверской. Творения : в 2 кн. Т. 1. Проповеди. Тверь, 2002. С. 270.

ской губернии⁵. Вероятно, уже само рождение в семье потомственно священнослужителя, настоятеля собора г. Васильсурска, предопределило его жизненный путь. По воспоминаниям А. И. Кузнецова, после окончания Нижегородского духовного училища в 1886 г., Иван Успенский подал документы на поступление в Нижегородскую духовную семинарию. Следует уточнить, что биографические данные Кузнецов взял из чиновника⁶ владыки Фаддея, подаренного ему епископом Феодором (Поздеевским), который собственноручно написал биографию своего однокурсника по МДА на обложках и вставных листах чиновника⁷.

Будет уместным сказать несколько слов о духовном образовании и быте духовных учебных заведений предреволюционного периода. В конце XIX века уровень духовного образования, по свидетельству профессоров духовных академий (напр., проф. С. Т. Голубева⁸), стал заметно снижаться. Профессор, в частности, отмечал нехватку квалифицированных кадров в высших духовных учебных заведениях. Устав 1884 года уже не выполнялся в той его части, где предъявлялись требования к кандидатам. Так, на должность инспектора академии могли претендовать лишь лица со степенью доктора или магистра и имеющие звание профессора. На практике дела обстояли иначе. Нередко назначение на ту или иную должность в академиях зависело от личных связей кандидата, а частые кадровые перестановки негативно сказывались на уровне учебного и научного процесса.

Кризис духовных семинарий, имевший место в начале XX в., стал закономерным следствием проводимой в жизнь политики К. П. Победоносцева, бывшего в то время обер-прокурором Святейшего Синода. Спешная семинарская реформа, проведенная по аналогии с реформой высшей духовной школы 1880-х гг.⁹, вылилась в принятие Устава 1884 г., по которому упразднялась выборность преподавательской

⁵ По сведениям же его современника А. И. Кузнецова — в 1874 в, г. Васильсурске Нижегородской губернии.

⁶ Книга чиновника последования архиерейского богослужения.

⁷ Современники о патриархе Тихоне / Сост. и автор комментариев М. Е. Губонин : в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 354.

⁸ См.: Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. Т. I–IV. СПб., 1906–1907 гг.

⁹ Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX). М., 1906.

корпорации, ректора и инспектора семинарии. Учебные программы оказались непригодны для обучения и были пересмотрены. В дополнение к уставу Святейший Синод принял ряд указов, запрещающих чтение семинаристам и учащимся духовных академий книг некоторых светских авторов, в том числе Гончарова и Толстого¹⁰. Поначалу редкие семинарские протесты со временем приобрели форму физической расправы. Именно в то время в Тифлисской семинарии воспитанником Лагиевым был убит ректор — протоиерей Чудиецкий. Следствием бюрократизации и замалчивания очевидных проблем явился кризис управления духовной школой. Антисеминарское движение воспитанников как последствие неудавшейся затяжной реформы было связано с нежеланием большинства детей духовенства принимать сан и предпочтением ими светского образования семинарскому. Протест же был направлен против самой системы семинарского образования¹¹.

Как показывала практика, в семинарию поступали зачастую по принципу сословной принадлежности, а затем продолжали обучение в академии, но лишь немногие выпускники принимали сан, монашеский постриг. Они неохотно занимали вакантные должности преподавателей духовных школ, а потому имело место массовое бегство выпускников. Как писал один из ревизоров, для студентов обучение в высшей духовной школе стало возможностью «при казенном содержании выйти в господа, перейти из среды сельского духовенства в более привилегированную — чиновников духовного и светского ведомств»¹². Интеллигенцию перспектива священнического служения не интересовала, как нечто отжившее. Поступление в семинарию представителей крестьян было весьма затруднительным. Свидетельство об этом оставил в своих воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков), происходивший из податного сословия. Для того, чтобы дать детям образование, родителям будущего иерарха приходилось экономить даже на самом необходимом, а материальное положение было и без того тяжелым. Духовное образование для светских учеников было платное. Кроме того, не-

¹⁰ Антоний (Храповицкий), митр. Полное собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 929.

¹¹ Платоновские чтения: материалы XIII Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара 23–24 ноября 2007 г. Самара, 2007. С. 36.

¹² Цит. по: Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 173.

обходимо было получить документ от волостного старшины, свидетельствующий о выходе будущего студента из податного сословия. Владыка писал об этом так: «Мне выдали какую-то бумажку, что я теперь” описан”. Но кем же я стал после этого, не понимаю и сейчас»¹³. Получение сана священника для крестьянина означало существенные социальные и материальные перемены: «богатую и почетную жизнь... из-за этого стоило и грязь месить», — заключает митрополит, вспоминая свой пеший путь до Тамбовской семинарии расстоянием в 25 верст по размытой дороге под проливным дождем.

Другим свидетелем быта и нравов в семинарии был митрополит Евлогий (Георгиевский). Он учился в Тульской духовной семинарии в период с 1882 г. по 1888 г. и оставил об этом воспоминания. Распущенность семинаристов, пьянство и неуважительное отношение их к преподавателям, уклонение от богослужений были не просто часты, а становились частью жизни учащихся¹⁴.

Безучастность начальства и большинства учителей к жизни и проблемам семинаристов, а иногда и откровенное презрение к ним, формализм в исполнении своих обязанностей, в сочетании с требованиями соблюдения жесткой дисциплины, не только не могли благотворно повлиять на формирование личности, но и способствовали развитию таких качеств, как лицемерие, расчетливость, индифферентизм.

После окончания семинарии в 1888 г. будущий митрополит Евлогий имел разговор с ректором семинарии, в котором ректор неосторожно высказался: «Семинаристы — это сволочь», — и спохватившись, добавил: «Ну, конечно, не все...»¹⁵. К сельскому духовенству ректор относился как к людям второго сорта, называя их пренебрежительно «попишки». Конечно, подобное отношение не могло побудить выпускников отправиться служить на сельский приход. Это обстоятельство объясняет тот факт, что бегство семинаристов имело место не только в тех епархиях, где материальное обеспечение духовенства было скудным, но и в тех, где оно было завидным.

Стремясь сохранить объективность, митрополит Евлогий отметил, что среди руководителей были люди добрые, но, к сожалению, их за-

¹³ Вениамин (Федченков), митр. Россия между верой и безверием. М., 2003. С. 91.

¹⁴ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М. 1994. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 28.

бота большей частью была направлена на недопущение скандалов в семинарии. За провинности семинаристов наказывали карцером или отчисляли.

Окончив Нижегородскую семинарию в 1892 году, в возрасте двадцати лет, Иван Успенский вместе со своим братом Александром поступил в Московскую духовную академию (МДА), должность ректора тогда занимал архимандрит Антоний (Храповицкий).

Значительным событием для студентов Академии явилось начало издания с 8 ноября 1891 года, по инициативе архимандрита Антония, академического журнала «Богословский вестник», в котором публиковались в т. ч. протоколы Совета МДА, дающие представление об общеобразовательной, педагогической и научной деятельности академии, а также о ее финансировании.

В протоколах заседаний Совета МДА от 15 сентября 1892 года, опубликованных в «Богословском вестнике» за май 1893, упоминается, что Совет, под председательством ректора МДА архимандрита Антония (Храповицкого), при участии членов совета академии: инспектора иеромонаха Григория, проф. В. Ключевского, Н. Субботина, В. Кипарисова — заслушал прошения о допущении к экзаменационным испытаниям студентов семинарий различных епархий, прибывших волонтерами. Далее следует перечисление прибывших, в их числе Александр и Иван Успенские — из Нижегородской епархии¹⁶.

После проведения вступительных экзаменов на заседании Совета МДА, состоявшемся 21 августа 1892 года, было определено: «По вниманию к достоинству устных и письменных ответов, данных лицами, державшими поверочные испытания, для поступления в состав нового академического курса, благопочтительнейше ходатайствовать о разрешении принять в число студентов академии»¹⁷. Под № 7 значился Александр Успенский, а под № 9 — волонтер из Нижегородской семинарии Иван Успенский. Из 107 абитуриентов студентами стали 76 человек. Далее следовало распоряжение: всех студентов, значащихся под номерами 1–70, поместить в здании МДА. Остальным шести было выделено содержание согласно § 113 Устава академии. Из п. 6 §113 то-

¹⁶ Протоколы заседаний Совета Московской духовной Академии // Богословский вестник. 1893, май. С. 257.

¹⁷ Протоколы заседаний Совета Московской духовной Академии // Богословский вестник. 1893, июнь. С. 276.

го же Устава следовало, что студентов, чьи фамилии стоят под № 1–31, зачисляли на «казенные стипендии, за исключением № 12 — Ивана Трегубова, отказавшегося от казенного содержания». Другим студентам были назначены стипендии Троице-Сергиевой Лавры. Совет давал предписание инспектору МДА ординарному профессору Алексею Лебедеву собрать со студентов заявления о желании изучать предметы первой (древние языки: греческий и латинский) и второй (новые языки: английский, французский и немецкий) группы. Напротив имени Ивана Успенского указаны греческий и немецкий языки¹⁸.

Курс естественно-научной апологетики тоже предлагался студентам по выбору. Все студенты первого курса изъявили желание слушать лекции по этому предмету. Их читал проф. Дмитрий Голубинский. Согласно академическому уставу, расписание на 1892/1893 учебный год было составлено так, чтобы богословским дисциплинам предшествовало преподавание прочих наук, входивших в академический курс. При этом соблюдался порядок, определяемый последовательностью предметов и их взаимной зависимостью¹⁹.

В отчете о состоянии МДА на 1892/1893 г. указаны занятия студентов с 1-го по 3-й курс. Среди них сочинения, проповеди, внебогослужебные собеседования в храме. От студентов, в том числе первокурсников, требовалось написание проповеди, которую они должны были сдать за семь дней до произнесения. Расписание произнесений проповедей составлялось архимандритом Антонием (Храповицким)²⁰.

Интересна характеристика ректора МДА, которую в своих воспоминаниях дает митрополит Евлогий, закончивший обучение в академии в том же году, когда Иван Успенский поступил в нее. Он считал, что ректорство архимандрита Антония — это новый благоприятный период ее существования как альма-матер. В противоположность своему предшественнику епископу Христофору, архимандрит Антоний был близок семинаристам и имел огромное влияние на них, возможно, отчасти, в силу своего возраста (ему было 27 лет), отчасти благодаря своей эрудированности. Он был доступен для студентов, располагал их к себе простотой в общении. У молодого ректора было не толь-

---

¹⁸ Протоколы заседаний Совета Московской духовной Академии // Богословский вестник. 1893, июль. С. 331.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

ко богословское, но и философское образование. Семинаристам были одинаково интересны и полезны его дружественные отношения с Владимиром Соловьевым, профессором истории философии Н. Я. Гротом, доктором богословия протоиереем Александром Иванцовым-Платоновым, Лопатиным, группой мыслителей и философов, которых объединил журнал «Вопросы философии и психологии»²¹.

В период ректорства архимандрита Антония среди студентов повысился интерес к научной работе. В академию стали поступать лица светские. Большое число выпускников и студентов МДА (около 60 человек) приняли сан и монашество именно в период ректорства архимандрита Антония.

Однако нужно отметить, что архимандрит Антоний вызывал к себе далеко не однозначное отношение. Одни им восхищались, другие относились с недоверием (считая, что «он играет на юношеском идеализме»), третьи — даже ненавидели. Некоторые профессора академии откровенно не любили «не сдержанного на язык молодого ректора (нелестно отзывающегося о них и их научных трудах в присутствии студентов) и, в свою очередь, жестоко его критиковали»²². Заступивший на московскую кафедру митрополит Сергей (Ляпидевский) не раз указывал молодому архимандриту на нарушение профессиональной этики, ссылаясь на жалобы со стороны профессорского состава академии. Это стало причиной его перевода в Казанскую духовную академию в 1895 году, а вакантную должность занял протоиерей архимандрит Лаврентий — бывший законоучитель кадетского корпуса.

Надо сказать, что для Ивана Успенского архимандрит Антоний являл в себе образец ученого монаха и мудрого администратора. В своем дневнике за 1894–1896 годы Иван высоко отзывается о деятельном участии ректора в жизни учащихся. Очень важным для студентов было то обстоятельство, что к ректору можно было прийти почти в любое время, зная, что он не откажется помочь в преодолении возникших затруднений. По его словам, архимандрит Антоний брал на себя решение не только духовных проблем, но и финансовых сложностей.

По свидетельству владыки Антония, впервые встретившего Ивана Успенского в 1892 году, лицо девятнадцатилетнего юноши сразу за-

²¹ *Евлогий (Георгиевский)*, митр. Указ. соч. С. 41.

²² Там же. С. 43.

печатлелось в памяти и поразило бы всякого «соединением младенческой чистоты во взгляде и некоторой почти дряхлостью кожи — результата беспощадного подвига труда и поста»²³.

В период своего обучения в МДА Иван Васильевич имел ровные отношения со своими однокурсниками, хотя избегал студенческих вечеринок и азартных игр, служивших развлечением для многих студентов, но также «праздных бесед и шумного товарищеского общения»²⁴. «Он [был] прирожденный монах, и мы — студенты Академии это ясно видели», — писал о нем епископ Феодор (Поздеевский)²⁵.

Успенский сблизился с архимандритом Антонием, а позже между ними установились доверительные отношения. Он не раз приходил к ректору за советом. Тем более что в общении со студентами, как следует из дневниковых записей Успенского, ректор не обходил своим вниманием даже «острых» политических и социальных тем. Так, например, в одной из бесед, на которой присутствовал Иван, ректор остановил свое внимание на социальных течениях 60–70-х годов XIX в. Это были люди, которые утверждали государственно-правовой либерализм, как его определил сам архимандрит Антоний. В отличие от них славянофилы утверждали либерализм для личности, «который имеет корень в борьбе с собой и зиждется на религии». Ректор показал, что подобная информация может быть поучительна не только тем, кто ищет себя в политической сфере, но и будущим учителям. Он заключил, что педагогам в их дальнейшем служении не следует стремиться к расширению прав над учениками, а проявление либерализма уместно лишь в отношении начальства.

Как известно, архимандрит Антоний главной задачей своей деятельности в академии считал необходимостью привлечь своих питомцев к пастырскому служению и принятию иночества. Он неоднократно совершал монашеский постриг над студентами. Им были неоднократно предприняты попытки приучить будущих священников к ношению подрясника. Но от этого студенты всячески уклонялись.

Архимандрит Антоний считал, что Иван обладает всеми личными качествами, присущими монаху. В одной из личных бесед он с уве-

²³ Антоний (Храповицкий), митр. Указ. соч. Т. 1. С. 802.

²⁴ Там же. С. 803.

²⁵ Современники о патриархе Тихоне : в 2 т. Т. 1. М. 2007. С. 354.

ренностью сказал: «Ты ведь, по всему видно, в монахи пойдешь, да и неудобно учителю без священного сана»²⁶. Иван Васильевич, действительно, хотел посвятить себя преподавательской деятельности, и лишь в сорок лет, как он сам об этом сказал в разговоре с насельником Гефсиманского скита иеромонахом Германом, решил принять сан. К монашеству изначально он не чувствовал призвания, считая, что служить людям можно лишь непосредственно и постоянно взаимодействуя с ними. Монашество же по своей сути обратно этому устремлению, поскольку предполагает отказ от общения с миром. Но мнение двух авторитетных людей (отец Герман также советовал ему принять монашество) заронили семя сомнения в душу молодого человека. Известно еще об одной беседе между ректором и студентом. Тогда Иван Васильевич, еще сомневаясь в выборе дальнейшего пути, высказал твердое намерение стать учителем. И в то же время его смущало, что без священного сана учитель лишен того дара учительства, которым обладает священник, и лишь сообщает информацию о предмете своим учащимся. На это ректор ответил: «Конечно, вы будете монахом: у вас настроение такое». А на сомнения студента в возможности сочетания тесной связи с паствой и монашеского служения заметил: «Едва ли вы будете в такой тесной связи, как учитель связан с учениками»²⁷.

На третьем курсе Иван Успенский уже не исключал возможности принять священный сан сразу после окончания академии. Но он понимал, что постриг необходимо принимать осознанно и добровольно, как начало нового образа жизни, который уже нельзя поменять. Обучался же Иван Успенский успешно, в «Богословском вестнике» за март 1894 года имеется свидетельство о беспрепятственном переводе его на следующий курс²⁸. Он своевременно сдал семестровые работы за учебный год, в отличие от своего брата Александра. В протоколах Совета МДА от 14 декабря 1893 года представлена объяснительная записка последнего, как студента, не сдавшего семестровое сочинение²⁹.

²⁶ Современники о патриархе Тихоне : в 2 т. Т. 1. С. 483.

²⁷ *Дамаскин (Орловский)*, игум. Указ. соч. Кн. 3. Тверь. 2001. С. 488.

²⁸ Богословский вестник. 1894, март. С. 125.

²⁹ Протоколы заседаний Совета Московской духовной Академии // Богословский вестник. 1894, сентябрь. С. 373.

В жизнеописании священномученика Фаддея (Успенского) игумен Дамаскин (Орловский) приводит следующие данные. В 1894 году Иван Успенский представил кандидатскую работу по теме: «Круг деятельности и задачи пастырского служения духовенства по каноническим памятникам домонгольского периода»³⁰. Отзыв на данную работу был написан доцентом МДА Н. А. Заозерским, который отметил, что, работая над темой, И. В. Успенский изобразил пастырское служение Древней Руси, используя лишь первоисточники, практически не имея никаких пособий.

При изучении протоколов заседания Совета МДА, публикуемых с 1891 года в «Богословском вестнике», были выявлены некоторые фактологические неточности. Так, например, сопоставление списка студентов, зачисленных в академию в 1892 году вместе с Иваном Успенским, со списком студентов, представивших свои кандидатские сочинения, показало полное несовпадение фамилий, за исключением одной — Иван Успенский. Из этого можно сделать вывод о том, что студент, представивший кандидатскую работу по теме «Круг деятельности и задачи пастырского служения духовенства по каноническим памятникам домонгольского периода» является тезкой будущего святителя. Сравнение почерка работы с образцом почерка священномученика Фаддея подтвердило, что данная работа не может принадлежать перу будущего архиепископа Тверского³¹. Кроме того, в 1894 году Иван Успенский вместе со своим братом Александром учился на втором курсе. Кандидатская работа, согласно уставу академии, защищалась студентами по окончании обучения — на четвертом курсе.

МДА имела большое число жертвователей, что подтверждает ежегодный отчет Братства во имя преподобного Сергия. Некоторые суммы выделялись на выплату стипендий самым успевающим студентам. В протоколах Совета МДА за 30 ноября 1894 записано: «Справка: 1) В последней (V) статье журнала Совета от 24 октября было изложено следующее определение Совета академии: а) деньги, присланные потомственной почетной гражданкой Ю. И. Базановой, передать в правление академии для записи их в приходно-расходную книгу и для хранения в академическом казначействе». б) Принимая во внима-

³⁰ Дамаскин (Орловский), игум. Указ. соч. Кн. 3. Тверь. 2001. С. 490.

³¹ Отдел рукописей РГБ. Ф. 172. Т. 5. Картон 420, 421. Автографы.

ние ведомость об успехах и поведении студентов III курса, назначить присланные Базановой 1 000 руб. на содержание следующих, лучших по списку, четырех студентов означенного курса, по 220 руб. на каждого: Владимира Тихомирова, состоящего на казенной стипендии, Ефрема Веригина, состоящего на Лаврской стипендии, Николая Покровского и Ивана Успенского, состоящих на казенных стипендиях. Ежегодный излишек от пособия по 30 руб. выдать студентам: В. Тихомирову, Е. Веригину, Н. Покровскому и И. Успенскому на руки по окончании ими курса в Академии при отъезде на родину»³².

Надо учесть, что «спонсорские» средства выделялись далеко не всем студентам, большая часть учащихся вынуждена была в прямом смысле выживать. Условия быта в академии были действительно тяжелыми. Учащиеся не имели материального достатка, что сказывалось и на качестве питания, и на условиях проживания. Циркулировали слухи о высокой смертности студентов и бездействии академического руководства.

Н. А. Заозерский в статье, опубликованной в «Богословском вестнике», под рубрикой «Из академической жизни в 1894–95 году», делает попытку дать объективную оценку происходящего в стенах МДА. Он пишет: «господствовал характер тишины... скажем по порядку сначала о том, что в Академии действительно было, а затем и о том, что в ней говорено не было. Начался 1895 год для академии заботами об изыскании места для студенческого кладбища»³³. 20 января члены академического правления, из-за увеличившихся в академическом саду могил умерших студентов, высказали озабоченность поиском удобного места для погребения. Для этого был отведен «довольно просторный участок»³⁴.

По-видимому, в прессе имели место статьи с критикой порядков МДА, но «на эту брань Академия ответила молчанием». Некоторых журналистов по-настоящему беспокоило умножение могил студентов и выделение просторного участка для их захоронения. Заозерский подтверждает увеличение смертности студентов за последний год и указывает на то, что нет основания надеяться на снижение этого показателя, поскольку заболевания грудной клетки, а также нервные заболевания стали довольно характерными для студентов. Вопрос о причинах смерт-

³² Богословский вестник. 1895, июль. С. 322.

³³ Богословский вестник 1895, октябрь. С. 92.

³⁴ Там же. С. 112.

ности Заозерский называет трудным для того, чтобы быть разрешенным в ближайшее время. Прежде всего, это «скученность помещений студентов». Ссылаясь на слухи, автор указывает еще такие причины, как сырость и холод в некоторых помещениях, отсутствие в них «здорового воздуха», поскольку окна этих помещений выходят на академическое кладбище. Эти помещения прозваны студентами «Лапландией». Заозерский, в свою очередь, предположил, что именно «эти, так сказать, климатические условия дурно влияют на здоровье студентов». Он делает оговорку, что подобные помещения существуют вопреки некоторым пунктам Духовного регламента, т. к. «по Регламенту место для академии должно быть отведено “веселое”, а не “Лапландия”». Заозерский перечисляет ряд предметов и работ для самостоятельного выполнения студентами, для которых требуется напряженная умственная работа. И она, по его мнению, должна сопровождаться чувством удовлетворенности и успешными результатами затраченного труда. Большому числу семинаристов эта умственная деятельность в сочетании с трудностями быта была не по силам и отражалась на физическом и психологическом состоянии. Аскеза, по его мнению, должна быть умеренной и, прежде всего, духовной, а не физической, поскольку физический подвиг для людей слабого и от природы болезненного телосложения, является медленным убийством. Для тех, кто от природы здоров, подвиг мог бы быть плодотворным «при разумном методе и разумном осмыслении, а “отнюдь не насильственном”»³⁵.

Весной, после окончания учебного года и сдачи экзаменационной сессии, Иван Васильевич уезжал на каникулы в Нижний Новгород. Перед отъездом многие студенты заходили к ректору, и Успенский не был исключением. Во время этого визита отец Антоний иронично напутствовал студента, указывая на его астеничное телосложение: «А вы поправляйтесь, будете архимандритом или епископом»³⁶.

Во время каникул Иван Васильевич говорил с отцом об особенностях священнического служения и трудностях, связанных с ним. Иван принял решение не вступать в брак, но не мог для себя понять, в каком качестве принять священный сан, а потому поинтересовался у отца о наличии в Нижегородской епархии безбрачных священников. И оказалось,

³⁵ Богословский вестник. 1895, октябрь. С. 95.

³⁶ Дамаскин (Орловский), игум. Указ. соч. Кн. 3. Тверь. 2001. С. 489.

что священников, служивших целибатом в этой епархии, не было ни одного. Таким образом, единственной возможностью сочетать безбрачие и священство — было принятие монашеского пострига. Отец одобрительно отнесся к возможности сына стать монахом, напомнив при этом, что монашество принимается однажды и навсегда, а, следовательно, решение должно быть обдуманным. Отец Василий попытался развеять убеждение сына и относительно того, что монах уединен в стенах монастыря, справедливо заметив, что в монашестве человек не отделяется от людей, а служение его носит особый характер.

Следует отметить, что выпускники академий, решившие посвятить себя монашескому служению, в большинстве случаев назначались на административные должности, что само по себе предполагало тесное взаимодействие с народом. Это обстоятельство, по-видимому, тоже пугало юношу, который пожаловался отцу на отсутствие у него способностей к административной деятельности. Тем более что его больше привлекало уединение, он почти ни с кем не общался ни в академии, ни дома, удерживая себя от праздности. Отец, как в свое время архимандрит Антоний, посоветовал участвовать даже в «пустых» разговорах, находя общий предмет для беседы. Это может быть необходимым прежде всего собеседнику, нуждающемуся в сопереживании.

По окончании каникул Иван Васильевич вернулся к академическим занятиям, к которым относился всегда очень серьезно. Одним из предметов, изучаемых студентами академии, была гомилетика — искусство проповеди. На написание проповеди у Ивана уходило иногда до двенадцати дней, поскольку, со свойственным перфекционизмом, он выверял ее до мелочей, чтобы избежать и бездушности, и излишнего красноречия.

Значительным событием в жизни Ивана Васильевича был приезд в Троице-Сергиеву Лавру отца Иоанна Кронштадтского 18 января 1895 года. В «Богословском вестнике» за февраль 1895 публикуется повествование В. А. Соколова о посещении академии Иоанном Кронштадтским. В Сергиев Посад отец Иоанн приехал в полседьмого утра 17 января, был встречен на вокзале инспектором академии Кириллом и отправился в так называемый Дом Призрения, где располагались школы-приюты для сирот и богадельня под управлением и надзором Е. С. Кротковой. В домово́й церкви приюта он отслужил молебен. В МДА отец Иоанн прибыл в восемь часов вечера, при-

ветствовал студентов и вместе с ними отправился в храм. «По окончании молитв он благословил всех поочередно подходивших к нему студентов, утешая и возлагая руки на головы тех из них, которые вследствие каких-либо болезней чувствовали особую нужду в его молитвах». Тогда же он предсказал Ивану Успенскому пастырское служение и мученическую кончину³⁷.

В учебных заведениях в тот период имели место массовые студенческие беспорядки. В связи с этим в МДА 16 августа 1895 г. поступил указ Святейшего Синода, датированный 5 августа, о результатах слушания дела о беспорядках во Владимирской духовной семинарии. В протоколах МДА за 30 августа 1895 года значится:

«По указу его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушал: представление Преосвященного Владимирского от 6 июля 1895 о беспорядках во Владимирской духовной семинарии». Рассмотрев дело, Синод определил с 1896/97 учебного года окончивших курс воспитанников ВДС принимать в духовные академии не иначе как по надлежащему удостоверению со стороны семинарского и епархиального начальства в добром нравственном направлении их и всякий раз с разрешения Святейшего Синода»³⁸.

Таким образом, МДА могла принимать студентов из Владимирской духовной семинарии только тех, кто не участвовал в беспорядках и получил разрешение на поступление от семинарского и епархиального священноначалия. Необходимо учесть, что в 1895/96 учебном году Московскую духовную академию на посту ректора возглавил архимандрит Лаврентий³⁹.

В протоколе от 4 мая 1896 г. представлены результаты годичных испытаний и кандидатских сочинений студентов IV курса. Александр Успенский — брат Ивана Успенского — значится в списке лиц, не написавших кандидатское сочинение, а потому ему не была присуждена степень, при этом за ним был сохранен статус действующего студента. После присуждения степени кандидата богословия Иван Васильевич в 1896 году был оставлен в духовной академии профессорским стипендиатом для замещения преподавательских кафедр.

---

³⁷ Богословский вестник. 1895, февраль. С. 23.

³⁸ Богословский вестник. 1896, август. С. 211.

³⁹ Богословский вестник. 1896, октябрь. С. 362.

В «Богословском вестнике» за июль 1897 г. опубликованы протоколы Совета МДА от 4 мая 1896 года. Под № 64 — сочинение Ивана Успенского по теме: «Единство книги пророка Исаии». В рецензии на данную работу доцент Василий Мышцын отметил, что автором проведено всестороннее исследование текста книги пророка Исаии и аргументированно обосновано ее единство. Иван Успенский опроверг возражения протестантских ученых против подлинности второй книги пророка Исаии. Poleмику Успенского с западными авторами Василий Мышцын признал основательной и беспристрастной. «Указанные нами свойства сочинения сообщают ему значение труда научного и весьма полезного для православного богословия», — делает вывод рецензент. Мышцын также отмечает, что сочинение можно назвать безукоризненным. Язык отличается сжатостью, выразительностью и мягкостью. То, что сделано автором по столь важному и трудному вопросу, не только вполне достаточно для получения степени кандидата, но и заслуживает особенного одобрения. Мышцын рекомендует труд Ивана Успенского к печати⁴⁰.

Совет ходатайствовал об утверждении студентов IV курса, к коим и принадлежал Иван Успенский (третья фамилия в списке), в степени кандидата богословия с правом получения степени магистра после исполнения ими требований, изложенных в академическом уставе. Александр Успенский, в числе студентов, не представивших сочинения, был утвержден в звании действующего студента с правом получения степени кандидата.

Ректор академии архимандрит Лаврентий внес на рассмотрение совета академии предложение о назначении студентов, окончивших обучение в 1896 году, на вакантные преподавательские кафедры в академии.

Совет вынес определение: «Оставить для приготовления к замещению вакантных преподавательских кафедр в академии в будущем учебном году ныне окончивших курс в академии: Владимира Тихомирова, Николая Покровского и Ивана Успенского с производством (назначением) им с 16 августа текущего года содержания по 487 р. 33 к. в год каждому. 2) Мнение сие представить на Архипастырское благоусмотрение и утверждение Его Высокопреосвященства»⁴¹.

⁴⁰ Протоколы заседаний Совета Московской духовной Академии // Богословский вестник. 1897, июль. С. 271.

⁴¹ Богословский вестник. 1896, август. С. 202.

Таким образом, с 16 августа 1896 г. по 15 августа 1897 г. Иван Успенский оставался при МДА профессорским стипендиатом для приготовления к замещению преподавательских кафедр. В Отчете о состоянии МДА в 1896 /1897 учебном году в графе «состав служащих» указано, что профессорский стипендиат иеромонах Фаддей (в миру Иван Успенский) и окончивший с ним обучение стипендиат Владимир Тихомиров, ввиду отсутствия вакансий, назначений на службу по духовно-учебному ведомству до сих пор не получили.

Советом академии было присуждено 10 премий. Кандидат богословия Иван Успенский был удостоен премии Протоиерея Орлова за лучшие успехи в составлении проповедей — в размере 32 руб. 25 коп.⁴²

В протоколах Совета МДА от 31 января 1897 года имеется прошение профессорского стипендиата академии Ивана Успенского: «Покорнейше прошу Совет МДА выдать мне на трехмесячный срок мое кандидатское сочинение для дальнейшей работы по вопросам, в ней затронутым»⁴³. В справке значится:

«По определению Совета академии от 18.07 1896 года (т. е. период защиты кандидатских его курса. — К. Г.), утвержденному Его Преосвященством, профессорскому стипендиату Ивану Успенскому дозволено переработать его кандидатское сочинение под заглавием «Единство книги пророка Исаии» — для соискания степени магистра богословия»⁴⁴.

8 августа 1897 года Совет рассмотрел прошение профессорского стипендиата кандидата богословия Ивана Успенского, представившего свое сочинение под заглавием: «Единство книги пророка Исаии» — на соискание степени магистра богословия. Совет определил — сочинение профессорского стипендиата Ивана Успенского передать на рассмотрение доценту кафедре Священного Писания Ветхого Завета Василию Мышцыну. Далее следует отчет стипендиатов, в т. ч. Ивана Успенского о годовых занятиях. В своем отчете Иван Успенский заявил, что в течение 1896/1897 учебного года занимался написанием и внесением дополнений в свое сочинение под названием «Единство книги пророка Исаии»⁴⁵. Он сооб-

⁴² Богословский вестник. 1898, октябрь. С. 216.

⁴³ Богословский вестник. 1898, январь. С. 275.

⁴⁴ Богословский вестник. 1898, март. С. 261.

⁴⁵ Богословский вестник. 1898, апрель. С. 255.

шил, что большая часть времени была потрачена на изучение самого текста книг. Им были прочитаны книги и статьи по данной теме, кроме того, для исследования представленной темы изучены толкования блаженного Иеронима и блаженного Феодорита; исследования немецких ученых Каспари⁴⁶, Дехслера в соавторстве с другими исследователями⁴⁷.

Особое внимание было обращено на то, как в западной науке решается вопрос о подлинности и времени происхождения Пятикнижия Моисеева, книги пророка Даниила и других, поскольку они тесно связаны с вопросом о единстве книги пророка Исаии. Этот годичный отчет Ивана Успенского был передан профессору Мышцыну, который представил свой отзыв на работу в академический Совет.

Заседание Совета МДА было назначено на 28 августа 1897 года. Вторым рецензентом магистерской диссертации Ивана Успенского (который к тому времени уже принял постриг с именем Фаддей и служил в сане иеродиакона) архимандрит Лаврентий назначил экстраординарного профессора Александра Шостьина⁴⁸.

Отзыв о магистерской работе иеромонаха Фаддея (Успенского) профессор Мышцын представил в Совет академии 29 сентября 1897 г.⁴⁹, но защита состоялась лишь в 1901 году, поскольку сразу после пострига и рукоположения в сан иеромонаха Фаддей принял назначение преподавателя и был командирован на место нового служения — в Смоленскую духовную семинарию.

По воспоминаниям епископа Феодора (Поздеевского), они с Иваном Успенским в один день приняли монашеский постриг, а перед

⁴⁶ Carl Paul Caspari — норвежский церковный историк-востоковед, евангелиско-лютеранский богослов. Основные работы автора: «Beiträge zur Einleitung in das Buch Jesaia» (1848); «Ueber Micha und seine prophetische Schrift» (1851—1852); «Zur Einführung in das Buch Daniel» (1869); «Quellen zur Geschichte des Taufsymbols» (1866—1875); «Kirchenhistor. Anecdote» (1883); «Grammatica arabica» (1887). В основу книги «Beiträge zur Einleitung in das Buch Jesaia» (Berlin, 1848) помещено обстоятельное исследование времени написания 1–6 глав книги Исаии, в связи с дискуссионным вопросом о времени написания 28–33 ее глав.

⁴⁷ Moritz Drechsler, Franz Delitzsch, August Hahn G. Schlawitz «Der Prophet Jesaja» (1865). В этом исследовании автором обращено особенное внимание на тесное отношение различных частей книги Исаии к другим ее частям, а также на постепенное раскрытие и расширение в последующих частях круга идей предыдущих.

⁴⁸ Богословский вестник. 1898, май С. 279.

⁴⁹ Там же. С. 341.

этим проходили послушание на Валааме⁵⁰. Это утверждение требует комментариев, как вызывающее большие сомнения, ведь Поздеевский по окончании Костромской семинарии в 1896 году поступил в Киевскую духовную академию. Согласно же формулярному списку о службе, Успенский, в числе других, был пострижен в монашество с именем Фаддей ректором МДА архимандритом Лаврентием в академическом храме 13 августа 1897. Рукоположение монаха Фаддея в иеродиаконья совершено 24 августа епископом Тобольским и Сибирским Агафангелом (Преображенским) в Троицком Соборе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. А на праздник Рождества Пресвятой Богородицы — 21 сентября — он был возведен в сан иеромонаха епископом Дмитревским — преосвященным Нестором.

Перевод в Смоленскую Духовную академию на должность преподавателя философии, логики, психологии и дидактики был совершен на основании Синодального определения от 12/16 ноября 1897 г.⁵¹

Так завершился период подготовки Ивана Успенского к будущему священническому служению и педагогической работе. Принятие пострига и духовного сана положили начало церковной, административной, педагогической и духовно-просветительской деятельности иеромонаха Фаддея (Успенского).

Духовно-просветительская и педагогическая деятельность Фаддея (Успенского) в Смоленской и Минской духовных семинариях

В октябрьском номере «Богословского вестника» за 1898 г. помещен отчет о состоянии МДА в 1897/98 учебном году, в котором сообщается об оставлении профессорских стипендиатов: иеромонаха Фаддея (Успенского) и Владимира Тихомирова в академии — для замещения вакантных кафедр на 1896/1897 учебный год (I выпуск), и назначении их на должности преподавателей духовных семинарий. Первого (Указом Святейшего Синода от 18 ноября 1897 года) —

⁵⁰ Современники о патриархе Тихоне. Т. 1. М., 2007. С. 354.

⁵¹ Формулярный список о службе преподавателя Уфимской духовной семинарии, магистра богословия иеромонаха Фаддея, составленный в ноябре 1901 года. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 849. Л. 04.

Смоленской — преподавателем психологии, логики, дидактики и истории философии⁵².

«На основании бывших рассуждений Святейший Синод определяет: на должность преподавателя философских предметов в Смоленской духовной семинарии назначить кандидата Московской духовной академии выпуска 1896 года иеромонаха Фаддея; о чем, для зависящих распоряжений о выдаче названному иеромонаху прогонных и других следующих по положению денег, передать выписку»⁵³.

В феврале 1898 года иеромонах Фаддей был награжден набедренником.

С самого начала монашеского служения Святитель Фаддей занимался преподавательством, а чуть позднее — административной работой. В его послужном списке значатся записи об исполнении должностей: преподавателя логики, философии и дидактики в Смоленской духовной семинарии, должности инспектора Минской семинарии (с исполнением при этом обязанностей преподавателя Священного Писания в 5-м классе); преподавателя основного, догматического, нравственного богословий и инспектора Уфимской семинарии; ректора Олонецкой духовной семинарии.

После перевода на должность инспектора в Минскую семинарию по Синодальному указу, утвержденному 19 ноября 1898 г., иеромонах Фаддей стал преподавать Священное Писание⁵⁴. В его формулярном списке о службе, составленном 1 ноября 1899 года, сделана запись: «Жалованья со столовыми получает 1 500 рублей, а за вычетом 2% в пенсию 1 470 рублей. За преподавание священного Писания в V классе 180 рублей, а за вычетом 2% в пенсию 176 руб. 40 коп. Всего за вычетом 2% 1 646 руб. 40 коп. в год. Квартиру имеет казенную в здании семинарии»⁵⁵.

В соответствии с резолютивным распоряжением епископа Минского, 31 декабря 1898 года Фаддей (Успенский) становится членом Минского Епархиального Училищного Совета, а журнальным постановлением Минского Епархиального Училищного Совета от 4 июня 1899 года назначается преподавателем Закона Божия и церковно-сла-

⁵² Богословский вестник. 1998, октябрь. С. 8.

⁵³ Богословский вестник. 1998, июнь. С. 416.

⁵⁴ Дамаскин (Орловский), игум. Указ. соч. С. 488.

⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 849. Л. 00v.

вянского языка на летние педагогические курсы повышения квалификации для учителей церковно-приходских школ. Курсы проходили с 21 июня по 3 августа 1899 года⁵⁶. Поскольку курсы имели успех, было принято решение о ежегодном их проведении.

За успешное служение 19 апреля того же года отец Фаддей был удостоен награды — наперсного креста⁵⁷. А ровно через год — двадцативосьмилетний иеромонах занял должность ректора Минской духовной семинарии, совмещая ректорство с должностью председателя Минского Епархиального Училищного Совета.

После окончания летних курсов для учителей Минской епархии с 19 июня по 31 июля 1900 года, на которых ректор Фаддей (Успенский) прочитал лекции по методике преподавания Закона Божия, церковно-славянской грамоте и дидактике, он был переведен в Уфимскую семинарию с понижением в должности, о чем свидетельствует изданный указ Святейшего Синода от 27 июля 1900 года. То есть в должности ректора он проработал всего месяц: с 19 июня по 27 июля.

Что же послужило основанием столь быстрой отставки? Вероятно, одной из причин подобной метаморфозы явился юный возраст ректора. Столь стремительный карьерный рост, безусловно, мог явиться поводом для зависти и осуждения со стороны маститого духовенства. Ведь к моменту ректорства сам Фаддей (Успенский) даже не был архимандритом, оставаясь в сане простого иеромонаха. И едва ли можно предположить в качестве причины перевода нескладывающиеся отношения с учащимися, учитывая, что период его непродолжительного ректорства выпал на летние каникулы семинаристов.

Практика назначения на руководящие должности средней и высшей духовной школы молодых ученых монахов существовала, и иеромонах Фаддей — не первый молодой ректор средней духовной школы. Вопрос о целесообразности подобных назначений неоднократно поднимался в церковных кругах. Так, например, протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский в книге «Русская Церковь перед революцией» приводит целый список монахов-администраторов, чей возраст был ниже 30 лет. По оценке протоиерея Георгия, в этот перечень попали как выдающиеся, так и заурядные, или даже

---

⁵⁶ Там же. Л. 06v.

⁵⁷ Там же. Л. 07v.

порочные лица из числа монашествующих. Он назвал имена: 26-летнего инспектора Антония (Храповицкого), ставшего в 28 лет ректором МДА, 27-летнего ректора академии Сергия (Страгородского), 26-летнего ректора академии Исидора (Колоколова), 28-летнего инспектора академии Михаила (Ермакова), 28-летнего ректора Анастасия (Грибановского), 25-летнего инспектора и 28-летнего ректора семинарии Варлаама (Ряшенцева) и 28-летнего инспектора семинарии Фаддея (Успенского)⁵⁸.

С одной стороны, подобными назначениями Учебный Комитет при Синоде (возглавлявший духовно-учебное дело) хотел решить проблему кризиса духовного образования. Молодой человек, занимающий должность ректора или инспектора, мог вызывать большее доверие со стороны учащихся, лучше понимать нужды семинаристов и приложить максимум усилий к устранению накопившихся за долгие годы проблем. С другой стороны, трудно оспаривать недостаток как административного, так и педагогического опыта у лиц, недавно окончивших духовную академию, что вызывало возмущение со стороны старой администрации.

Проблема назначения на административные посты молодых ученых монахов не утратила своей актуальности вплоть до октябрьского переворота и особенно бурно обсуждалась пятым отделом Предсоборного Присутствия (под председательством Арсения (Стадницкого) епископа Псковского) в 1906 году. Так, один из участников дискуссии (по вопросу о реформе духовных семинарий и академий) профессор А. И. Алмазов отметил тот факт, что на должность инспектора, на котором лежит ответственность за всю воспитательную работу семинарии, «поставляются люди молодые и малоопытные, случайно и без призвания бравшиеся за это дело, и выходили печальные результаты»⁵⁹. С его мнением был полностью согласен профессор В. Ф. Певницкий, который, продолжая речь выступающего, указал на то, что ректорами академии часто назначаются юнцы, люди неопытные. Живым примером, основанным на личном опыте, дополнил свой доклад протоиерей П. И. Соколов, который и сам в недавнем времени занимал должность ректора одной из духовных семинарий. Он сообщил,

⁵⁸ *Георгий (Шавельский)*, прот. Русская церковь перед революцией. М., 2005. С. 283.

⁵⁹ Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия : в 4 т. Т. IV. СПб., 1907. С. 24–25.

что «в одной из семинарий инспектор состоял уже на службе, когда ректор ее только что родился»⁶⁰.

Подобную систему приоритетов при замещении административных, начальственных и преподавательских вакансий, когда через академическое монашество молодые люди делали головокружительную карьеру от «смотрительства» к ректорству, а затем к архиерейству, профессор Н. Н. Глубоковский назвал «монахоманией». Н. Н. Глубоковский был склонен считать, что «монахомания» зачастую приводила к антагонизму в стенах семинарий, порождаяшему в духовной школе оппозиционные течения «рясофоров» и «шюртучников». Он утверждал, что были случаи, когда молодые монахи получали назначение на начальственные должности в те семинарии, где до сих пор преподавали их учителя и позволяли себе грубость и расправу в отношении последних. Профессор подчеркивал, что подобные вещи вносили дезорганизацию во всю духовную педагогику, способствуя снижению педагогического уровня, и никакие усилия молодых монахов не могли решить проблем духовного образования, коренившихся в существе дела и требовавших радикальных мер⁶¹.

В своей работе игумен Дамаскин (Орловский) не упоминает вовсе о назначении иеромонаха Фаддея ректором Минской духовной семинарии. Он лишь пишет о должности инспектора, с которой, якобы, и был переведен отец Фаддей в Уфимскую духовную семинарию.

В «Уфимских ведомостях» за март 1902 года, в их неофициальной части, содержится сообщение о том, что во время служения Литургии епископом Антонием (Храповицким) в сослужении преподавателя Уфимской семинарии иеромонаха Фаддея последний был удостоен хиротесии в сан архимандрита. Ему был вручен архимандритский жезл и произнесено напутственное слово, которое опубликовано в вышеуказанном журнале. В этом слове также не говорится прямо о причине перевода Фаддея (Успенского) в другую епархию с понижением в должности, но оно тем не менее позволяет сделать некоторые выводы.

Преподосвященный Антоний свидетельствовал о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться иеромонаху Фаддею на новом попри-

---

⁶⁰ Там же. С. 25.

⁶¹ Там же. С. 250.

ще. «Ты не встретил сочувствия своим светлым, благородным начинаниям. Взамен благодарности встречал ты от своих сотрудников, пользовавшихся своей безответностью, издевательства и оскорбления...»⁶².

Далее он раскрывает смысл назначения молодого иеромонаха: «Конечно, и прежние твои питомцы и теперешние не могут быть названы грешниками, в преимущественном смысле этого слова... но в людях есть нечто демоническое, и по временам оно возрастает против тех, кто является в их сознании, как вторая совесть, как обличение их внутренних помыслов. А когда подобное настроение охватывает целое молодое общество, не умеющее оглянуться на себя и проверить свои увлечения, то за него остается только молиться и плакать. Та должность (речь идет о должности ректора, на которую иеромонах Фаддей был вновь назначен, но уже в Уфимской духовной семинарии. — К. Г.), которая снова вручается тебе, имеет, по преимуществу такое назначение: быть живою совестью для питомцев...»⁶³.

Далее владыка Антоний, видимо пытаясь как-то ободрить иеромонаха Фаддея, указывает на то, что первые шаги самостоятельной жизни таких юношей, которые считают себя правыми и оказывают непослушание своим руководителям, обычно бывают «жалки» на пастырском или педагогическом поприще. Он рисует те жизненные ситуации, с которыми приходится столкнуться молодым заносчивым богословам — вчерашним студентам семинарий. Семинаристы, решившие посвятить себя пастырству, как правило, попадали на приходы — в чуждую им среду, представленную большей частью крестьянством, которое не могло дать ни нравственной поддержки, ни понимания. На благосклонность земских властей и помещиков тоже рассчитывать не приходилось. Придя на приход, недавно рукоположенный пастырь, по словам епископа Антония, вспоминает о той любви и участии со стороны наставников, которые ему были предложены в семинарии, но были им грубо отвергнуты. «Впрочем, тебя, — пишет владыка Антоний, — вряд ли сможет это утешить, так как ты не ищешь справедливости для себя, но стремишься спасти вверенные тебе ду-

⁶² Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. Т. IV. С. 492.

⁶³ Уфимские епархиальные ведомости. 1902, № 7. С. 423.

ши». Давая напутствие, владыка выразил оптимистичное предположение, что дальнейшее служение отца Фаддея на воспитательном поприще будет исполнено радости, а студенты встретят своего наставника почтительным послушанием.

Подчинившись указу Святейшего Синода от 27 июля 1900 года, отец Фаддей отправился в Уфимскую духовную семинарию для замещения вакантной должности преподавателя богословий: догматического, нравственного и основного⁶⁴.

Таким образом, после окончания Московской духовной академии иеромонах Фаддей сочетал подвиг монаха-аскета с педагогической работой. Его карьерный рост был стремительным: за четыре года молодой монах проделал путь от преподавателя до ректора семинарии. Неизбежные трудности, с которыми пришлось столкнуться молодому ректору, не смогли заставить его отказаться от избранного пути служения педагога и просветителя.

Во главе Уфимской епархии в тот период стоял епископ Антоний (Храповицкий), с которым у архимандрита Фаддея сохранялись по-прежнему теплые, доверительные отношения. Епископ сделал запись в своих мемуарах: «... и вот тебя присылают к нам снова в смиренном звании учителя. И что же? Ни одного слова ропота или осуждения не сошло с твоих уст. Но может быть, ты был обильно награжден любовью товарищей, учеников и воспитанников? Правда, с этой стороны, по-видимому, тебе оставалось ожидать только радости. Но не вполне было так на деле»⁶⁵.

Как утверждает игумен Дамаскин, в Уфимской духовной семинарии иеромонах Фаддей защитил магистерскую диссертацию по теме «Единство книги пророка Исаии». Здесь имеет место неточность. Дело в том, что магистерская диссертация и все отзывы, как показано в первой главе, были подготовлены Иваном Успенским еще в 1897 году в МДА. Сама защита состоялась в 1901 году там же. В протоколах Совета МДА, который состоялся 27 августа 1901 года под председательством ректора МДА Арсения, значится:

«В собрании сем преподаватель Уфимской духовной семинарии, кандидат богословия, иеромонах Фаддей (Успенский) защищал пред-

⁶⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 849. Л. 08v.

⁶⁵ Антоний (Храповицкий), митр. Указ. соч. Т. 1. С. 804.

ставленную им на соискание степени магистра богословия диссертацию под заглавием: "Единство книги пророка Исаии"»⁶⁶.

Оппонентами, как ранее было сказано, являлись: экстраординарный профессор Академии по кафедре пастырского богословия и педагогики Александр Шостьин и экстраординарный профессор академии по кафедре Священного Писания Ветхого Завета Василий Мышцын. По окончании коллоквиума, ректор академии, собрав голоса, объявил, что совет единогласно признал защиту магистрантом его диссертации удовлетворительной.

В «Богословском вестнике» приводится справка, свидетельствующая о выполнении иеромонахом Фаддеем всех требований Устава академии, предъявляемых к соискателям степени магистра богословия и о присуждении ему таковой.

В ней, в частности, говорится: «1) Просить ходатайства перед Святейшим Синодом об утверждении преподавателя Уфимской духовной семинарии, кандидата богословия, иеромонаха Фаддея (Успенского) в степени магистра богословия. 2) Представить Его Преосвященству один экземпляр, а в Святейший Синод десять экземпляров диссертации кандидата иеромонаха Фаддея (Успенского) и копии с отзывами о ней профессоров Академии Александра Шостыина и Василия Мышцына.

На сем журнале резолюция Его Преосвященства от 10 сентября 1901 года: "Согласен"»⁶⁷.

В ежегодном отчете о состоянии академии в 1902/1903 учебном году представлен перечень тех, кому была присуждена степень магистра богословия. Среди них — иеромонах Фаддей (Успенский).

«Указом Святейшего Синода от 6 ноября 1901 года за № 7649 утвержден в степени магистра богословия инспектор Уфимской духовной семинарии архимандрит Фаддей (Успенский), удостоенный Советом Академии этой степени в минувшем учебном году за сочинение под заглавием "Единство книги пророка Исаии"»⁶⁸.

Церковный историк А. В. Карташев назвал труд архимандрита Фаддея «последней попыткой русской богословской школы отстоять

⁶⁶ Богословский вестник. 1901, август. С. 202.

⁶⁷ Богословский вестник. 1902, июль. С. 238.

⁶⁸ Богословский вестник. 1901, сентябрь. С. 18.

единство книги пророка Исайи». С сентября 1901 по март 1902 года иеромонах Фаддей состоял надзирателем Уфимской семинарии, о чем свидетельствует соответствующая запись в его послужном списке. Эта административная должность являлась самой низшей в духовной школе, и на нее нередко назначались выпускники семинарий. В обязанности надзирателя входил контроль за соблюдением учащимися устава и дисциплины. Мотивировать семинаристов к ее соблюдению было порой очень непростой задачей. Отец Фаддей не пользовался услугами доносчиков для выявления нарушителей и не применял репрессивных мер к провинившимся. Его острое слово, обращенное к возмутителю школьного спокойствия, в сочетании с уважением к личности студента, имело больший эффект, чем привычные в студенческой среде нравочения и лишения. Уважительное отношение к нему студентов позволило избежать множества конфликтов.

В 1902 году определением Синода от 5 марта иеромонах Фаддей занял вакантную должность инспектора той же семинарии, а 15 марта, как уже указывалось, был возведен в сан архимандрита епископом Уфимским Антонием (Храповицким)⁶⁹. Являясь доверенным лицом епископа, архимандрит Фаддей во время отъезда владыки по делам епархии исполнял обязанности ректора семинарии и замещал его на время отпусков.

Получив образование в высшей богословской школе, где произошло духовно-интеллектуальное становление его личности, будущий иерарх видел педагогическое служение делом своей жизни и считал своим долгом исполнять его в любых условиях, опираясь в своей работе на труды психолога и богослова епископа Тамбовского Феофана (Говорова) и педагогическое наследие К. Д. Ушинского. Видя несовершенства и трудности педагогической работы в высшей и средней духовной школе, владыка Фаддей был лишен формализованного подхода в педагогической работе. Переосмысление полученного опыта преподавания в семинариях и на летних курсах повышения квалификации помогли ему накопить богатый материал для написания «Записок по дидактике»⁷⁰ — пособия для учителей, опубликованного впервые в 1902 году. В этом издании Фаддей (Успенский) раскрывает суть

⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 849. Л. 24.

⁷⁰ Опул.: *Фаддей (Успенский)*, архиепископ Тверской. Творения. Кн 2: Записки по дидактике. Тверь. 2003 г.

педагогической работы — преподавания и воспитания, акцентирует внимание на качествах личности учителя и дает методическое руководство для учителей церковно-приходских школ.

Список литературы:

1. Агафонова Г. З. Воспитание духовности в святоотеческом наследии святителя Феофана, Вышенского затворника, и Фаддея (Успенского) // Вестник Чувашского университета. № 5. 2006. — С. 192–197.
2. Антоний (Храповицкий), митр. Полное собрание сочинений : в 2 т. М., 2007. — 975 с.
3. Вениамин (Федченков), митр. Россия между верой и безверием. М., 2003. — 732 с.
4. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века : в 7 т. Т. 3. 2001. — 712 с.
5. Дивногорцева С. Ю. Канонизированные новомученики и исповедники Русской Православной Церкви: их педагогическая деятельность и взгляды на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РСТГУ. IV. Педагогика, психология. Вып. 48. 2018. — С. 92–104.
6. Доненко Н. Н., Карнакова И. А. Преподавательская деятельность на курсах повышения квалификации учителей как одно из ведущих направлений образовательно-просветительской деятельности архиепископа Фаддея (Успенского) // Мир науки, культуры, образования. № 5 (78). 2019. — С. 203–204.
7. Доненко Н. Н. Педагогическая деятельность в учреждениях духовного образования и административная работа в сфере образования архиепископа Фаддея (Успенского) // Мир науки, культуры, образования. № 5 (78) 2019. — С. 201–202.
8. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. — 617 с.
9. Егорова М. А. Учитель учителей. Педагогические идеи священномученика Фаддея (Успенского), архиепископа Тверского // Вестник РСТГУ. IV. Педагогика, психология. Вып. 2. 2007. — С. 179–184.
10. Загрекова Л. В. Миссия учителя в контексте идей христианской педагогики // Историко-педагогический журнал № 2. 2012. — С. 107–118.
11. Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. — 173 с.
12. Ковырзина Т. В. Священномученик Фаддей (Успенский) о роли православного воспитания // Вестник РСТГУ IV Педагогика, психология. Вып. 3 (18) 2010. — С. 54–57.

13. Кузнецов А. И. Воспоминания. Архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский) // Современники о патриархе Тихоне / Сост. М. Е. Губонин : в 2 т. Т. 1. М. 2007. — С. 317–392.
14. Лобанов В. В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008. — 352 с.
15. Мазырин А., иер. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006. — 444 с.
16. Мраморнов А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006. — 362 с.
17. Священномученик Фаддей (Успенский, 1872–1937), архиепископ Тверской. Творения : в 2 кн. Кн. I. Тверь, 2002. — 479 с.
18. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX). М., 1906. — 303 с.
19. Цытин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. // История Русской Церкви : в 9 кн. Кн. 9. М., 1997. — 830 с.

Периодические издания

1. Богословский вестник. 1893, май, июнь, июль.
2. Богословский вестник. 1894, март, сентябрь.
3. Богословский вестник. 1895, июль, октябрь, февраль.
4. Богословский вестник. 1896, август, октябрь.
5. Богословский вестник. 1897, июль.
6. Богословский вестник. 1898, январь, март, апрель.
7. Богословский вестник. 1901, август, сентябрь.
8. Богословский вестник. 1902, июль.
9. Уфимские епархиальные ведомости. 1902, № 7.

Архивные материалы

1. РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 849.
2. РГИА. Ф. 797. Оп. 81. Д. 232.
3. Отдел рукописей РГБ. Ф. 172. Т. 5. Картон 420, 421.

Опубликованные документы и материалы

1. Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия : в 4 т. СПб., 1906–1907.
2. Протоколы заседаний Совета Московской духовной Академии // Богословский вестник. 1893, май, июнь, июль.

А. М. Лаврёнова

ПОЛИЦИЯ И КАПИТАЛ У КОЛЫБЕЛИ АВТОНОМИИ ДОНБАССА

Еще в конце XIX в. Донбасс представлял собой передовой социально-экономический регион, обособленный от сельскохозяйственной округи. Его становление и развитие происходило при непосредственном участии государственной власти Российской империи и ее торгово-промышленных элит. Он же, в свою очередь, являлся важнейшим поставщиком топлива для промышленности империи и центром формирования всероссийского пролетариата. Вместе с тем регион оставался административно разделен между Екатеринославской, Харьковской, Херсонской губерниями и Областью Войска Донского. Напряженная обстановка 1905–1906 гг., потребовавшая срочной консолидации власти, впервые наглядно продемонстрировала неудобство подобного положения.

Первая русская революция захлестнула Донбасс в середине января 1905 г., когда в Юзовке началась забастовка металлостроителей, переросшая во всеобщую забастовку, длившуюся два месяца. Экономические требования рабочих были частично удовлетворены, но накануне 1 мая поднялась новая стачечная волна, продолжавшаяся более трех месяцев. В октябре 1905 г. шахтеры Донбасса приняли участие во Всероссийской политической стачке, а в декабре грянуло вооруженное восстание в Горловке.

В мае 1906 г. шахтеры снова начали митинговать. Первая волна стачек началась 19 июня прекращением работы на Вознесенском руднике, следом забастовали горняки Александровского и Трудовского рудников, а еще через день — семь шахт Рутченковского горнопромышленного общества. 21 июня начались массовые манифестации, на подавление которых были брошены войска временного Екатеринославского генерал-губернатора генерал-майора Владислава Францевича Боуфа, героя Шипки. Параллельно с ним действовали командир 136-го пе-

хотного Таганрогского полка полковник Э.-Б. И. Рудницкий и командир 23-го Донского казачьего полка полковник Кульгавов¹. Войска Боуфала были усилены десятью эскадронами драгун из Бессарабии и двумя батальонами из Одессы и Бендер. Нарастив военную мощь, Боуфал на время потушил беспорядки, однако казацкие отряды быстро выдохлись и стали проявлять недовольство. 22 июня 1906 г. в Юзовке вызванная для содействия гражданским властям 3-я Донская казачья отдельная сотня должна была разогнать плетью толпу рабочих, но казаки проехали между рабочих, поднимая руки вверх, и толпы не разогнали, объясняя такой образ действий отсутствием забытых в казарме плетей. В тот же день есаул Дмитриев, сопровождая двух арестованных ораторов, будучи окружен толпой рабочих, вступил с толпой в переговоры и освободил пленников. В казачьих казармах зрел саботаж². Арест революционно настроенных казаков вызвал лишь дальнейшую эскалацию конфликта.

Во избежание худшего было принято решение какие-то части заменить свежими из Екатеринославского резерва, а значительный процент личного состава из оставшихся отправить в отпуска. Силами военных первая волна стачек была остановлена, но обеим сторонам было очевидно, что передышка будет недолгой.

В этот период к проблеме бунтующего Донбасса подключился директор Департамента полиции Максимилиан Иванович Трусевич³, занявший этот пост в начале июня 1906 г. Склонный к рационализаторству, Трусевич довольно скоро нашел изящное административное решение, не только продиктованное насущной необходимостью, но и вдохновленное позицией крупного капитала. Как член главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, Трусевич не избежал содержательного общения с влиятельными представителями Съезда горнопромышленников Юга России Н. С. Авдаковым и Н. Ф. фон Дитмаром. Оба они добивались аудиенции у Столыпина в середине июля 1906 г.⁴ Причем уже тогда Авдаков настаивал на присутствии на встрече Трусевича.

¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Оп. 236. Д. 4 ч. 76. Л. 125.

² Там же. Л. 110.

³ Подробнее: Лаврёнова А. М. От Столыпина до столыпинских вагонзаков. Директор Департамента полиции Максимилиан Трусевич за 20 лет советской власти так и не завоевал ее доверия // Родина. 2019. № 11. С. 113–117.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Оп. 236. Д. 4 ч. 76. Л. 84, 86, 118.

М. И. Трусевич

Покуда власть концентрировала силы и проводила совещания, на Донбассе разгоралась новая забастовка. 14 июля, по распоряжению Столыпина, всю имеющуюся в Департаменте полиции переписку по Донецкому каменноугольному бассейну отвезли в Царское Село и передали гофмейстеру сенатору А. П. Роговичу⁵. Тем временем одна за другой начали останавливать работу шахты горнопромышленных районов Юзовки и Макеевки.

17 июля рабочие на Рутченковских рудниках Французского общества подняли на поверхность шахтных лошадей и остановили водоотливные установки. Этот момент, по оценке известного исследователя региона Теодора Фридгута, стал самым напряженным за все время Первой революции⁶. Митинги и демонстрации охватили Луганск, Горловку, Дружковку, Краматорск и Константиновку.

Аудиенция Авдакова у премьера состоялась 20 июля с участием бывшего Екатеринославского губернатора С. В. Александровского⁷. Указания на контакты Трусевича с представителями Совета Съезда горнопромышленников прослеживаются и в дальнейшем. Так, например, он передал Екатеринославскому губернатору просьбу Совета не выводить стражников из Вечернего Кута Верхнеднепровского уезда⁸.

22 июля Авдаков передал Столыпину консолидированное мнение Совета Съезда горнопромышленников также касательно желез-

⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Оп. 236. Д. 4 ч. 76. Л. 105–107.

⁶ *Friedgut T. Iuzovka and Revolution. Volume 2. Politics and Revolution in Russia's Donz bass, 1869–1924.* Princeton, New Jersey, 1994. P. 172–175.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Оп. 236. Д. 4 ч. 76. Л. 123.

⁸ Там же. Л. 156.

ных рудников Кривого Рога: «Необходимо объединение деятельности властей Криворожского района, расположенном в узле трех уездов (Екатеринославской и Херсонской губерний)»⁹.

25 июля 1906 г. состоялось совещание министров под председательством премьера, на котором было принято решение об учреждении каменноугольного генерал-губернаторства¹⁰.

Финансовые трудности, сопряженные с планируемой реформой, предполагалось разрешить за счет горнопромышленников, по крайней мере, именно так поняли позицию Авдакова в Министерстве внутренних дел. Трусевич поддержал горнопромышленников и сыграл ключевую роль в создании генерал-губернаторства в Юзовке. Как видно из документов, проект высочайшего указа разрабатывался в Департаменте полиции и писался под диктовку его директора¹¹.

Во внутренней записке, содержащейся в деле «Об учреждении должности временного генерал-губернатора южного горнозаводского района», помимо формальной консолидации власти, содержались и другие меры. В частности, предполагалось командировать в распоряжение генерал-губернатора лиц, которым он мог бы поручить заведывание отдельными районами с центрами в Горловке, Алмазной, Александровске-Грушевском, и дать ему железнодорожный батальон для обслуживания водоотливов и других непрерывно действующих машин на каменноугольных шахтах. Также предлагалось издать временные правила о работах на копях и заводах района генерал-губернаторства на основаниях военного положения, выселить оттуда всех, не принадлежащих к составу рабочих и служащих, причем предоставить генерал-губернатору право отправлять их на родину по льготным или бесплатным железнодорожным свидетельствам. Касательно кандидатуры генерал-губернатора, то им, по мнению Департамента полиции, должно было стать лицо с крупным общественным служебным положением и с административным опытом¹².

⁹ Там же. Л. 139–139 об.

¹⁰ Особый журнал Совета министров № 21 от 25 июля 1906 г. Об образовании временного генерал-губернаторства из некоторых местностей Екатеринославской губернии и Области войска Донского // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1906 г. М., 2011. С. 58.

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 81–95.

¹² Там же. Л. 8–8 об.

Временное генерал-губернаторство южного горнозаводского района было образовано именованным Высочайшим указом Правительствующему Сенату 27 июля 1906 г. В распоряжение генерал-губернатора были отданы не только войска, но и все чины Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ), находящиеся в пределах вверенной ему местности, ему же в полицейском отношении были подчинены все казенные фабрики, заводы и мастерские¹³. Пост генерал-губернатора занял инженер-генерал Николай Венедиктович Богаевский, но руководящая рука Департамента полиции прослеживается и далее. Когда 30 июля генерал обратился к Столыпину за помощью в формировании штата, его просьба была перенаправлена М. И. Трусевичу. Введение в курс дела, по-видимому, было поручено вице-директору Департамента Н. П. Зуеву, также Богаевскому был предоставлен ряд дел для ознакомления¹⁴. Должность чиновника особых поручений при генерал-губернаторе была предложена Трусевичем жандармскому подполковнику В. П. Новицкому¹⁵. Одновременно он обратился к министру торговли, чтобы тот также предоставил кого-либо из своих людей на аналогичную должность¹⁶.

Предвидя недовольство местных властей нововведением, директор приказал телеграфировать Екатеринославскому генерал-губернатору и наказному атаману Войска Донского, чтоб те ни под каким видом не думали переводить служащих с территории горнозаводского района, дабы не ослаблять личный состав администрации Юзовского генерал-губернаторства¹⁷. 9 августа Трусевич обратился к министру путей сообщения с просьбой о формировании в Юзовке боевого поезда для района нового генерал-губернаторства¹⁸. В августе 1906 г. в Юзовку для объединения действий чинов ОКЖ и производства дознаний был командирован полковник Е. М. Козинцов¹⁹. Это означало, что ротмистрам Каминскому и Власову, помощникам начальника Екатеринославского губернского жандармского управления (ГЖУ) в Бахмутском и Славяносербском

¹³ ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 2.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Оп. 236. Д. 4 ч. 76. Л. 157.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 11.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Там же. Л. 13–14, 21.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Оп. 236. Д. 4 ч. 76. Л. 163, 187, 197.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 55, 56; ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11291. Л. 9.

уездах и Мариупольском уезде соответственно, отныне предписывалось направлять полковнику Козинцову все переписки, оканчиваемые производством в порядке правил военного положения для доклада генерал-губернатору²⁰. Контроль над полосой отчуждения железных дорог, проходившей по территории генерал-губернаторства, прежде находившейся в ведении Екатерининского и Харьковского жандармско-полицейского управления железных дорог (ЖПУЖд), был передан Козинцову предписанием Н. В. Богаевского от 6 ноября 1906 г.²¹ (Несмотря на то, что служба полковника в Юзовке нареканий не вызвала, едва ли это назначение можно считать удачным: еще в годы предыдущей службы у жандармского руководства была масса серьезных претензий к моральному облику офицера²², а к концу 1908 г. М. И. Трусевич потребует удаления Козинцова с поста начальника Бакинского ГЖУ ввиду его профессиональной непригодности и незнакомства с разыскным делом²³.)

А покуда в Департаменте полиции шла организационная работа, Н. С. Авдаков телеграфировал в нетерпении и просил скорейшего прибытия в Юзовку Богаевского, который на первых порах предпочитал руководить из Петербурга²⁴. В ответ на эти настойчивые просьбы Столыпин предложил директорам рудников и заводов прежде образовывать особый совещательный орган при генерал-губернаторе, а также выделить средства для усиления полиции. Богаевский, изучив вверенный ему район, потребовал того же²⁵. Однако капиталисты не спешили раскошеливаться и отклонили это предложение²⁶. Попытка Авдакова ускорить прибытие Богаевского через направление соответствующего ходатайства министру торговли и промышленности Д. А. Филозову также результатов не принесла — Столыпин оставался тверд: раз уж Авдаков отказался от содействия в устройстве администрации генерал-губернаторства, пусть теперь ждет, сколько придется²⁷. По-

²⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11 291. Л. 20 об.

²¹ Там же. Л. 29.

²² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 765.

²³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 14 216. Л. 3–4, 39–44.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 23, 46. Богаевский приехал в Юзовку только в конце октября. См.: *Friedgut T. Iuzovka and Revolution. Volume 2. Politics and Revolution in Russia's Donbass, 1869–1924.* Princeton, New Jersey, 1994. P. 188.

²⁵ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Оп. 236. Д. 4 ч. 76. Л. 171.

²⁶ ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 23, 24.

²⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 72. Д. 25. Л. 20–21.

чувствовал недовольство МВД, Авдаков пустился в разъяснения касательно возникшего «недоразумения» с финансированием полиции²⁸. Свой отказ от участия в организации совета из горнопромышленников он объяснял тем, что промышленники не желали бы дать повод своим рабочим думать, «что если генерал-губернатору придется применить силу войска и оружия для подавления беспорядков, то таковая мера будет приписана как бы по совету гг. директоров рудников и заводов». Такое объяснение было воспринято в Департаменте полиции крайне негативно: «Надо его вызвать — он, кажется, хочет нами помыкать»²⁹. Приглашение побеседовать было отправлено Трусевичем Авдакову 18 августа, но тот лично явиться не пожелал и прислал вместо себя инженера Ф. Е. Енакиева.

Последовательным оппонентом Департамента полиции в этом деле выступил командующий войсками Одесского военного округа генерал от кавалерии барон А. В. Каульбарс. Он заявил об опасности выделения каменноугольного района в отдельное генерал-губернаторство, о чем сообщил телеграммой еще 2 июля 1906 г.³⁰ 2 августа Каульбарс, узнавший о создании генерал-губернаторства из газет, снова разразился недовольными телеграммами как в адрес министра внутренних дел, так и в адрес военного министра. 6 августа он направил Столыпину пространную записку, в которой изложил свое видение проблемы. Погрязшему в проблемах распределения, снабжения и расквартирования редущих войск военному начальству недосуд было разбираться еще и в хитроумных комбинациях Департамента полиции, и потому учреждение каменноугольного генерал-губернаторства Каульбарс просил или отложить, или, на худой конец, присоединить к нему Екатеринославское генерал-губернаторство³¹. Помимо этого, барону явно не нравилась идея появления в регионе независимого от него воинского начальника. Из Департамента парировали: «образование в Юзовке генерал-губернаторства с особым военным округом и выбор на должность инженер-генерала Богаевского состоялись исключительно по воле Его Величества до получе-

²⁸ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Оп. 236. Д. 4 ч. 76. Л. 184–186.

²⁹ Там же. Л. 189–190 об.

³⁰ Там же. Л. 58.

³¹ ГАРФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 27–29, 32–33 об., 41–43.

ния Вашей телеграммы и помимо всяких ходатайств названного генерала»³².

Первым делом Богаевский попросил о скорейшем назначении в Юзовку начальника охранного отделения³³. Разыскной пункт в Юзовке был учрежден еще в апреле 1905 г. Заведовать им был назначен состоявший при Екатеринославском ГЖУ штабс-ротмистр Вечеслов. К разыскному пункту были прикомандированы пять унтер-офицеров Воронежского ЖПУЖД. Но вскоре Вечеслов заболел, а по выздоровлении 15 ноября 1905 г. убыл в Митаву к новому месту службы в Курляндском ГЖУ, а юзовский разыскной пункт так и оставался фактически без руководителя. Департамент в ответ на многочисленные просьбы из Екатеринослава телеграфировал, что заменить Вечеслова некем, и предлагал поручить пункт одному из офицеров Екатеринославского ГЖУ, тогда как начальник ГЖУ уверял Департамент, что свободных офицеров в его распоряжении нет. Так и получилось, что дело розыска и наблюдения в Юзовке велось одним из унтер-офицеров и заключалось в добывании сведений от местных рабочих³⁴.

В отношении на имя начальника Штаба ОКЖ С. С. Саввича от 20 сентября 1906 г. Трусевич попросил о назначении на должность начальника Юзовского охранного отделения помощника начальника Херсонского ГЖУ в Елисаветградском уезде ротмистра Григория Иванова³⁵. Откомандирование к Екатеринославскому ГЖУ для занятия упомянутой должности состоялось уже 24 сентября (Приказ по ОКЖ № 197)³⁶.

Правительственные меры привели к тому, что к осени стачечное движение было подавлено. 15 апреля 1907 г. генерал-губернаторство, как выполнившее свою цель, было упразднено. И хотя с мая митинги и демонстрации возобновились, было ясно: революция захлебнулась.

Каульбарс, как и в случае с учреждением генерал-губернаторства, получил лишь краткое уведомление из МВД о его упразднении, и сно-

³² Текст телеграммы составлен М. И. Трусевичем, подпись П. А. Столыпина. ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Оп. 236. Д. 4 ч. 76. Л. 164–164 об.

³³ Там же. Л. 196.

³⁴ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1904 (I). Оп. 316. Д. 655 ч. 3. Л. 30, 33–34.

³⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11 291. Л. 14.

³⁶ Там же. Л. 18–18 об.

ва был вынужден обратиться в Департамент полиции за разъяснениями. Из телеграммы Трусевича 22 апреля Каульбарс узнал, что Таганрог и его округ были оставлены на военном положении, тогда как в Славяносербском, Мариупольском и Бахмутском уездах вместо военного положения с 20 апреля была введена чрезвычайная охрана, причем права главноначальствующего были возложены на Екатеринославского губернатора А. М. Клингенберга³⁷ после того, как тот отчаянно воспротивился первоначальному намерению министерства отправить в Юзовку вице-губернатора П. П. Шиловского³⁸.

Вслед за генерал-губернаторством, 20 апреля 1907 г., было упразднено и Юзовское охранное отделение, его район был включен в Донское охранный отделение, а его начальник, ротмистр Г. Иванов, пополнил штат Донского областного жандармского управления и был прикомандирован к тому же Донскому охранный отделению³⁹.

По итогам своего недолгого пребывания на посту генерал-губернатора Южного горнозаводского района Богаевский сделал неутешительный, но достаточно очевидный вывод, что фабрично-заводская полиция, содержащаяся на частные средства предприятий и потому находящаяся в зависимости от промышленников, требовала скорейшего переустройства⁴⁰. А Донбасс получил первый опыт обособления, пусть недолгий и с выраженным административно-полицейским подтекстом. Известный параллелизм и косность органов власти Российской империи не позволили в этот период в полной мере реализовать идею особого управления для Донбасса, однако уже спустя одиннадцать лет она воскресла в лице Донецко-Криворожской республики.

³⁷ ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 72–77.

³⁸ «Камер-юнкер П. П. Шиловский по свойственному ему стремлению к рискованной подчас самостоятельности, к эксцентричности и применению новых неиспытанных приемов, я убежден, никоим образом не согласится действовать всецело по моим указаниям и таким образом на месте прежнего генерал-губернатора с его своеобразной системой появится новая власть, юридически мне на этот раз подчиненная, но со мною во многих случаях не солидарная и требующая усиленного контроля, так как ответственность за порядок в этом районе на этот раз уже с меня снята не будет. Я могу по первому требованию Вашего Высокопревосходительства представить целый ряд примеров, указывающих на то, что г. Шиловский, будучи весьма способным и умным человеком, может по особенностям своей природы совершать поступки, за которые я отвечать не желаю». Из докладной записки Екатеринославского губернатора А. М. Клингенберга П. А. Столыпину от 18 апреля 1907 г. ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 77.

³⁹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11 291. Л. 42, 44 об.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 80–80 об.

Приложения

**Представление министра внутренних дел
об образовании Временного генерал-губернаторства
из некоторых местностей Екатеринославской губернии
и Области Войска Донского**[Не позднее 27 июля 1906 г.]⁴¹[...]⁴² июля 1906 г.

Об образовании Временного генерал-губернаторства
из некоторых местностей Екатеринославской губернии
и Области Войска Донского
Изложение дела

Замечавшееся уже давно среди рабочего населения горнопромышленного района Екатеринославской губернии брожение в конце минувшего года перешло в открытые беспорядки, вследствие чего названная губерния объявлена была в декабре месяце указанного года на военном положении, в порядке именного высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату 29 ноября 1905 года. Благодаря принятой мере представилось возможным восстановить в означенном районе относительный порядок, но в настоящее время волнения⁴³ <в этой⁴⁴ местности вновь усилились, особенно же в пределах горнозаводского района, охватывающего Бахмутский, Мариупольский и Славяносербский уезды. В связи с этим движением находится и возникновение беспорядков в смежном с Бахмутским уездом Таганрогском округе Области Войска Донского, в коем>⁴⁵ 10-го сего июля <объявлено согласно высочайшему повелению военное положение>⁴⁶.

⁴¹ Датируется по дате опубликования соответствующего Указа.

⁴² В документе дата не указана.

⁴³ Далее зачеркнуто: «в этом последнем возобновились и начали принимать характер явного мятежа. По полученным сведениям, рабочие прекратили работы на всех почти рудниках и заводах, захватили во многих пунктах железнодорожный подвижной состав и грозят затоплением каменноугольных шахт. Такого же рода беспорядки возникли в недавнее время и в Таганрогском округе Области Войска Донского, почему».

⁴⁴ Слово «этой» вписано над зачеркнутым «Означенной».

⁴⁵ Текст, заключенный в угловые скобки, вписан чернилами на полях. Здесь и далее в документе все исправления чернилами сделаны М. И. Трусевичем.

⁴⁶ Текст, заключенный в угловые скобки, исправлен чернилами. Первоначально было: «последовало по журналу Совета министров высочайшее повеление об объявлении этого округа также на военном положении».

<Упомянутое⁴⁷ брожение, принявшее в последнее время⁴⁸ явно мятежное направление и сопровождавшееся насильственными попытками порчи шахт, угрожает неисчислимыми убытками ввиду возможного прекращения доставки угля для нужд черноморского флота, железных дорог и фабрично-заводской промышленности>⁴⁹.

Приведенные данные указывают на безусловную необходимость, для более успешного охранения в указанных местностях государственного порядка и общественного спокойствия, выделить Бахмутский, Мариупольский и Славяносербский уезды Екатеринославской губернии, равно как Таганрогский округ Области Войска Донского, в самостоятельное временное генерал-губернаторство, с предоставлением⁵⁰ генерал-губернатору прав командующего всеми расположенными в указанном районе войсками, причем местом пребывания генерал-губернатора должно быть назначено м. Юзовка, как наиболее центральный и опасный вместе с тем пункт означенного района.

Закон

Т. I. ч. I. Св[ода] Осн[овных] Гос[ударственных] Зак[онов],
изд. 1906 г. ст. 87.

Заключение министра внутренних дел

На основании вышеизложенного министр внутренних дел полагал бы:

Испросить высочайшее его императорского величества соизволение на образование из вышепоименованных местностей Екатеринославской губернии и Области Войска Донского Временного генерал-губернаторства южного горнозаводского района, учреждение должности временного генерал-губернатора этого района, с подчинением ему, на правах командующего войсками округа, всех расположенных в сем районе войск, и на приведение в действие представляемого при сем проекте штата управления⁵¹ названного генерал-губернаторства.

Об этом имею честь представить на благоусмотрение Совета министров, с приложением проектов соответственных указов Правительствующему Сенату.

Министр внутренних дел

⁴⁷ Слово «упомянутое» вписано над зачеркнутым «означенное».

⁴⁸ Далее зачеркнуто «Крайне».

⁴⁹ Текст, заключенный в угловые скобки, вписан на полях чернилами.

⁵⁰ Далее зачеркнуто «Местному».

⁵¹ Слово «управления» вписано над зачеркнутым «канцелярии».

Директор

ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 1–1 об. Копия. На бланке.

**Заметки М. И. Трусевича к проекту Именного
высочайшего указа Правительствующему Сенату
об учреждении временного генерал-губернаторства
южного горнозаводского района**

[Не позднее 27 июля 1906 г.]⁵²

II

Справить к вечеру сегодня

- 1) Представление о продлении закона об охране в Империи
- 2) О выделении Бахмутского, Мариупольско[го] и Славяносерб-
[ского] уездов и Таганрогского округа в самостоя[ельное] времен-
ное ген[ерал]-губернаторство.

3) О штатах этого генерал-губернаторства (четыре чинов[ника]
особ[ых] поруч[ений]) с указанием класса должности и т. п.

Вызвать для этого сейчас же г. Марка.

II

Дополнительно.

1. Вр[еменного] ген[ерал]-губ[ернатора] штаб-квартира в Юзовке.
2. Предоставить ему же права командующего войсками этого ген[е-
рал]-губернат[орства].

ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 89–90. Автограф.

**Именной высочайший указ Правительствующему Сена-
ту от 27 июля 1906 г. об учреждении временного гене-
рал-губернаторства южного горнозаводского района**

Именные высочайшие указы
Правительствующему Сенату:

I.

Рассмотрев представленный Нам журнал Совета министров об уси-
ливающих беспорядках в южном горнозаводском районе, признали
Мы необходимым для охранения в этой местности государственного
порядка и общественной безопасности образовать временное ге-

⁵² Датируется по дате опубликования соответствующего указа.

нерал-губернаторство в составе Бахмутского, Мариупольского и Славяносербского уездов, Екатеринославской губернии, а также города Таганрога и Таганрогского округа, Области Войска Донского, учредив для сего должность временного генерал-губернатора южного горнозаводского района, на основаниях, указанных в законоположениях о главных начальниках губерний, и нижеследующих правил:

1) означенному генерал-губернатору подчиняются все расположенные в пределах генерал-губернаторства войска, с предоставлением генерал-губернатору прав командующего войсками военного округа, а в местностях, состоящих на военном положении, присваиваемых в таких местностях генерал-губернаторам прав военного начальства и особых прав и обязанностей административных органов гражданского ведомства по охранению государственного порядка и общественного спокойствия;

2) временному генерал-губернатору подчиняются все чины Отдельного корпуса жандармов, находящиеся в пределах вверенной ему местности;

3) Ему же подчиняются в полицейском отношении все казенные фабрики, заводы и мастерские в пределах генерал-губернаторства, и

4) местопребыванием временного генерал-губернатора назначаются местечко Юзовка.

Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего сделать надлежащее распоряжение.

На подлинном собственной его императорского величества рукой написано: «Николай»

В Петергофе.

27-го июля 1906 года.

II.

Именным указом, сего числа Правительствующему Сенату данным, повелели Мы учредить должность временного генерал-губернатора южного горнозаводского района. Утвердив ныне препровождаемый при сем штат сего генерал-губернаторского управления⁵³, повелеваем привести его в исполнение.

⁵³ Штат напечатан в № 189 отдела первого «Собрания узакон[ений] и распоряж[ений] Правит[ельства]» от 1-го августа 1906 года (Прим. док.).

Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего сделать надлежащее распоряжение.

На подлинном собственной его императорского величества рукой написано: «Николай»

В Петергофе.

27-го июля 1906 года.

ГА РФ. Ф. 102. 2-е д-во. 1905 г. Оп. 62. Д. 74. ч. 49. Л. 2. Типографский экз.

Приказ полковника Е. М. Козинцова жандармскому району временного Генерал-губернаторства Южного Горнозаводского района № 391

Копия

Приказ жандармскому району временного Генерал-губернаторства Южного Горнозаводского района
25 апреля 1907 г. пос. Юзовка. № 391.

1.

Временный генерал-губернатор приказом от 20 апреля за № 1026, объявил об упразднении с 20 апреля Генерал-губернаторства. В приказе своем Его Высокопревосходительство удостоверяет беззаветную преданность своему долгу, выдающуюся энергию, усердие и дружную работу, в числе других лиц и гг. офицеров Отдельного корпуса жандармов, состоявших в районе Генерал-губернаторства, и объявляет им свою благодарность.

2.

Вследствие упразднения Генерал-губернаторства и полученного мной от господина начальника Штаба Отдельного корпуса жандармов распоряжения, я, по сдаче дел, выезжаю 1 мая в С[анкт]-Петербург, а потому предписываю состоящим в моем распоряжении гг. офицерам Отдельного корпуса жандармов, все дела и переписки с 1 мая направлять в том порядке, какой существовал до введения упраздненного ныне Генерал-губернаторства.

Подлинный подписал и верно:

Отдельного корпуса жандармов полковник *Козинцов*

ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11 291. Л. 49. Заверенная копия. Машинопись.

Т. С. Буякевич, Е. Ю. Козырева

МОНТАЖ В «ОКНАХ РОСТА»: РОЛЬ ЗАГОЛОВКА-ЛОЗУНГА В СОВЕТСКОЙ НАГЛЯДНОЙ АГИТПРОПАГАНДЕ

Научная библиотека федеральных государственных архивов является самостоятельным структурным подразделением Государственного архива Российской Федерации. Ее ядром можно считать библиотеку Центрального архива Октябрьской революции, организованную в 1922 г. Библиотека обладает богатейшими фондами, представляющими большую научную и культурную ценность.

Говоря о наиболее ценных коллекциях в составе Научной библиотеки ГА РФ, нельзя не сказать об «Окнах сатиры РОСТА», выпуск которых был начат осенью 1919 года Российским телеграфным агентством, а продолжен Главным политико-просветительным комитетом (Главполитпросвет или ГПП) с января 1921 по январь 1922 г.

«Окна РОСТА» или «Окна сатиры РОСТА» — название многорисуночных плакатов на злободневные темы: политические, военные, хозяйственные и др. Плакаты решали задачи оперативной политической агитации в поддержку власти партии большевиков, но также сообщали о событиях в стране и мире, утверждали необходимость восстановления народного хозяйства и борьбы с голодом, распространения всеобщей грамотности и новой социалистической культуры.

Плакат был призван стать уличной картиной. Для облегчения восприятия информации художники использовали яркие краски, броские надписи, выразительные силуэты, нарочитую простоту форм и ограниченную палитру в 2–3 цвета. Важную роль в создании и восприятии плаката играет соотношение между шрифтом и изображением. Шрифт можно назвать самостоятельной фигурой, задействованной

в общем пространстве работы. Для агитационного и пропагандистского плаката надпись становится даже значительнее изображений. Главными героями этих плакатов были рабочие, крестьяне, капиталисты, попы, красноармейцы и кулаки.

«Окна» создавались коллективным трудом, художники часто заимствовали друга у друга технику исполнения, а на многих плакатах отсутствует информация об авторах. Сотрудниками научной библиотеки ГА РФ проведена кропотливая работа по восстановлению недостающих данных. Для установления и уточнения этой информации использовались сайты РГАЛИ и Музея В. В. Маяковского, а также следующие издания: «Описание документальных материалов В. В. Маяковского, находящихся в государственных хранилищах. Вып. 1, 2. — М., 2018», «*Бутник-Сиверский*, Б. С. Советский плакат эпохи Гражданской войны, 1918–1921. — М., 1960», «В. В. Маяковский. «Окна» РОСТА и Главполитпросвета, 1919–1922 гг.: описание документальных материалов. Вып. 1. — М., 1964». Информация, взятая из этих источников, заключалась в квадратные скобки. При обнаружении разночтений в описании плакатов (автор текста, художник, дата) предпочтение отдавалось описанию РГАЛИ.

В Научной библиотеке ГА РФ хранятся «окна» за период начиная с августа 1920 г. Учитывая, что работа с «окнами» продолжается (в настоящий момент идет разбор и описание «окон» Главполитпросвета), то обозначить крайнюю дату имеющихся «окон» пока не представляется возможным, но вероятнее всего, это конец 1921 года.

Научная библиотека ГА РФ ведет подготовку каталога «окон» РОСТА и Главполитпросвета.

Типичная структура «Окна РОСТА»: несколько (от 2 до 14) самостоятельных рисунков, расположенных в логической последовательности и, вместе с сопровождающим их коротким текстом, раскрывающих единую тему. Основная идея могла выражаться в виде заголовка-лозунга либо в виде лозунговой концовки как части монтажа общей настенной композиции. Причем это далеко не всегда были краткие лозунги; иногда заголовок представлял собой пространную цитату из прессы или официальных документов, вокруг которой выстраивалась тема всей композиции. Эти заголовки-лозунги писались на отдельных листах и размещались на стене вместе с плакатами в соответствии со своей ролью в конкретном монтаже. Учитывая,

что порой нельзя точно определить, какие лозунги являются заголовком, а какие концовкой, то при описании ниже они учитывались как два заголовка.

В приводимых здесь примерах монтажей заголовки-лозунги даются в кавычках; рисунки пронумерованы, воспроизведены подписи к ним. Орфография и пунктуация «окон» сохранена авторская.

Окно РОСТА № 555

«Близкий конец распутной дамы»

«Не угодно ль вам власть признать советскую».

1. Что призадумалась девица красная,
2. На сердце горюшко, знать?
3. Врангеля милым признала напрасно я
4. Боже, кого ж мне признать?
5. Савинков чуден признать мне его бы
6. Сердце Петлюрой занять?
7. Как бы к чертям не просыпались б оба,
8. Боже, кого ж мне признать?
9. Бросьте, мадам, напризнавались всласть

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 9 рис., заголовок. Ноябрь 1920]

Окно РОСТА № 867

«Спеши в ударную группу образцового труда вступить»

«Хочешь? вступи»

- [1.] Хочешь побороть холод?
2. Хочешь побороть голод?
3. Хочешь есть?
4. Хочешь пить?

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 4 рис., 2 заголовка. Январь 1921]

Окно РОСТА № 891

«На помощь семьям красноармейцев!»

«Чтоб жилось хорошо всем им!»

1. Не все с войны вернулись к труду.
2. Многих дома уже не ждут

3. Пусть семьи тех, кто не вернется обратно знают, что каждый рабочий — брат им.
4. Помни, рабочий, о красноармейских семьях! Позаботься.

[Худож. М. М. Черемных. Текст В. В. Маяковского. 4 рис., 2 заголовка. Январь 1921]

Зачастую в «окнах» использовался прием вопроса-ответа, чтобы в доступной форме донести до обывателя необходимость преобразований в стране, тем самым подтолкнув его к правильному выбору, и привить ему новые вкусы.

Окно РОСТА № 265

1. Для чего оттягивают паны мириться?
2. Для того что — б дольше в чернилах мараться.
3. А пока усилится раз в тридцать
4. Товарищи за переговорами не забывайте драться!

[Худож. не установлен. Текст В. В. Маяковского. 4 рис. Сентябрь 1920]

Окно РОСТА № 304

1. Холод идет.
2. Что делать?
3. Вот что делают обыватели: самсогреваются.
4. Согреваются огнем знания,
5. А в случае надобности и занимаются заготовкой
6. И налаживают транспорт
7. Но холод плевать хотел на таких противников.
8. Как-же должен бороться с холодом каждый сознательный гражданин? Отнять у врага уголь.
9. Победить в войне — победить в разрухе.
10. Броситься на холод забронированным сталью.
11. Побежит холод
12. И живите себе в двойном тепле — работе и отоплении.

[Худож. В. В. Маяковский [М. М. Черемных?]. Текст В. В. Маяковского. 12 рис. [Сентябрь 1920]

Окно РОСТА № 452

1. Ты не пошел на фронт бить барона?
2. Ты не живешь в окопной стуже?

3. Что же тебе остается сделать на оборону?
4. На субботник помощи тылу торопиться тут же

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 4 рис. Октябрь 1920]

Окно РОСТА № 535

1. Товарищи! Идите так на оборону,
2. Если так не хотите помогать барону!
3. Ты хочешь работать, а не драться?
4. Хочешь?! Значит надо белогвардейцев разбить стараться.

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 4 рис. [Октябрь]–ноябрь (?) 1920]

Окно РОСТА № 607

1. Вам голодно?
2. Вам холодно?
3. Помогите более вас голодающему и холодающему шахтеру —
4. Шахтер дает вам уголь, уголь спасет вас от голода и разрухи.

[Худож. М. М. Черемных. Текст В. В. Маяковского. 4 рис. Ноябрь 1920].

Если учесть, что плакат периода Гражданской войны охватывает сразу целый комплекс вопросов, можно условно разделить их на 4 основные тематические группы: политический, военный, хозяйственный, культурно-просветительный.

По плакатам РОСТА можно проследить смену политических событий того времени. В 1920 году увеличивается количество плакатов, посвященных вопросам внутренней политики: пропагандируются идеи коммунизма, раскрывается сущность капитализма и т. д.

Окно РОСТА № 322

1. Мы на вершину вылезли из буржуазной ночи!
2. Что делать чтоб не свалились вниз мы?
3. Надо чтоб в партию был пролетариат сплочен.
4. Спасение одно— в коммунизме!

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. Сентябрь 1920]

Окно РОСТА № 374

1. Три года тому назад гражданином стал солдат

2. Земли взял мужик и лес — был помещик, и исчез.
3. И с буржуем тож: завод трудовой забрал народ
4. Разогнали мигом знать и мир решили закладывать
5. Но всемирный капитал вновь войнищу навязал
6. Б'емся с ними третий год надо кончить! Эй, вперед!

[Худож. не установлен. 6 рис. Октябрь 1920]

Окно РОСТА № 416

1. Октябрьская революция открыла дверь;
2. Надо войти и работать теперь.
3. Только пройдя такой урок,
4. Увидишь от победы настоящий толк.

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 4 рис. Октябрь 1920]

Окно РОСТА № 701

1. Красивы были елки эти,
2. Да на них ходили лишь барские дети.
3. А теперь, бел или красен черн или сер,
4. Всем детям одинаково помогает Р. С. Ф. С. Р.

[Худож. И. А. Малютин. 4 рис. Декабрь 1920]

С конца весны 1920 г. основными темами «окон» становятся борьба с Польшей и Врангелем, перемирие с Польшей, разгром Врангеля, окончание Гражданской войны. Большое количество плакатов этого периода посвящено теме «помощь фронту».

Окно РОСТА № 294

1. Не мир у нас а перемирие всего лишь
2. Перерыв военных действий
3. Если заснуть себе позволишь
4. Враг задушит — те на месте

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 4 рис. Сентябрь 1920]

Окно РОСТА № 391

- [1]. Множатся Врангеля силы
2. Нас раздавить хотят,
- [3]. Фронту на помощь вылей каплю одну хотя-б

4. Разве совсем забыли то-что вам дал октябрь!

[Худож. А. М. Нюренберг. Автор текста не установлен. 4 рис. Октябрь 1920]

Окно РОСТА № 406

1. Паны перемирие заключили, но линию империалистическую не бросили гнуть
2. Снова грозятся войной грохнуть
3. Как бы вместо того, чтоб передохнуть
4. Панам не пришлось передохнуть

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 4 рис. Октябрь 1920]

Окно РОСТА № 411

1. Все буржуи мчат на помощь Врангелю
2. Чтoб кончить с последней надеждо[й]
3. Поможем фронту добровольцами
4. Поможем оружием, хлебом и одежда[ой].

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 4 рис. Октябрь 1920]

Окно РОСТА № 433

1. Трудно Врангелю одному, ищет себе подмогу:
2. Скоро соберется у него, в Крыму, этих помощников много.
3. Пусть собираются вместе:
4. Вместе всех и поместим!

[Худож. М. М. Черемных. Текст Р. Я. Райт. 4 рис. Октябрь 1920]

Окно РОСТА № 479

1. Врангель, Врангель где ты был?
2. У Ллойд Джорджа танк добыл.
3. Врангель, Врангель где ты был?
4. У французов войск добыл.
5. Где ты будешь, Врангель мой.
6. В море шлепнешь головой.

[Худож. М. М. Черемных. Текст В. В. Маяковского. 6 рис. Конец октября — начало ноября 1920]

Окно РОСТА № 546

1. Радовалась Антанта: Все чудесно было-б,
2. С одной стороны Врангель, —
3. С другой поляки Россию били-б.
4. А Поляки взяли, да подписали мир,
5. А Врангеля взяли, да разбили мы!
6. Плачет Антанта:
7. Не удержали Польшу,
8. Не сумели извлечь из Врангеля пользу,
9. Не плачь Антанта, всех слез не вылей, — придется поплакать над этой могилой!

[Худож. И. А. Малютин [М. М. Черемных (?)]. Текст Р. Я. Райт. 9 рис. Ноябрь 1920]

Хозяйственный плакат рождается одновременно с плакатом политическим и идет всегда рядом с ним. Основной темой хозяйственного плаката 1920 г. является борьба с разрухой и голодом, восстановление народного хозяйства.

Окно РОСТА № 353

1. Железнодорожник! Красная армия защищающая коммуны страдает от разрухи.
2. Последнюю каплю твоих сил отдай на борьбу с разрухой
3. Фронт подкрепят поезда.
4. И будет близок мир для несущихся к нему на паровозе.

[Худож. А. М. Нюрнберг. Автор текста не установлен. 4 рис. Конец сентября — начало октября 1920]

Окно РОСТА № 606

1. Вчера судьбу России решал красноармеец. Все отдала Россия в помощ
2. И Красная армия вышла победительницей.
3. Сегодня шахтер решает судьбу России — на помощь!
4. И победительницей выйдет коммуна из борьбы с разрухой.

[Худож. М. М. Черемных. Текст В. В. Маяковского. 4 рис. Ноябрь 1920]

Окно РОСТА № 654

1. Да здравствует власть Советов!
2. Товарищ, тебе действительно власть нравится эта?
3. Если она тебе действительно нравится, спеши трудом с разрухой справиться.

[Худож. М. М. Черемных. Текст В. В. Маяковского. 3 рис. Декабрь 1920]

Окно РОСТА № 714

1. Сколько один сохой не паши —
2. Не сделать больше этих машин
3. Работает один — хоть возьми да брось,
4. А вместе работать — не то что врозь.
5. Значит если взяться сообща за труд,
6. Ни нужда ни разруха вас не затрут.

[Худож. В. В. Хвостенко. Автор текста не установлен. 6 рис. Декабрь 1920]

К концу 1920 года в «Окнах РОСТА» стали широко использоваться официальные документы: положения, резолюции, декреты, правила, постановления, которые сопровождались стихотворными текстами и рисунками.

Окно РОСТА № 419

«Приказ председателя революционного военного совета республики по армиям южного фронта»

1. Мир с Польшей подписан
2. Советская республика была бы теперь свободна от войны
3. Большая часть армии могла бы быть демобилизована
4. Рабочие и крестьяне могли бы вернуться к мирному труду
5. Те силы какие вами проявляются в боях вы направили бы на мирный труд
6. Упорным бы трудом мы в короткий срок подняли бы благополучие нашей страны
7. Солдаты Красной армии кто мешает этому?
8. Врангель
9. Кто стоит на пути к миру
10. Врангель
11. Солдаты Красной армии уничтожьте Врангеля

12. Сотрите его с лица земли. Троцкий.

[Худож. М. М. Черемных. Автор текста не установлен. 12 рис., заголовок. Октябрь 1920]

Окно РОСТА № 721

«Вследствие прекращения боевых действий на фронтах, полевой штаб Р. В. С. Р. приостанавливает выпуск ежедневных сводок» (из газет)

1. Со страхом и трепетом открывали газету
2. Когда-ж окончим войну эту?
3. Лезли белые красноармейцев бить
4. Но красноармеец белых не уставая бил
5. И наконец вместо того, чтоб нам наступить
6. Белым «конец» наступил.

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 6 рис., заголовок. Декабрь 1920]

Окно РОСТА № 740

«Мы должны быть на чеку, мы ни в коем случае не можем считать, что от войны мы уже застрахованы

Ленин / из речи 8 съезда»

1. Мы подбили капиталу одну щеку
2. Но ручки сложа нельзя сесть
3. Будем на чеку
4. Еще живет капитал еще может попробовать лезть

[Худож. В. В. Маяковский. Текст В. В. Маяковского. 4 рис., заголовок. Декабрь 1920]

Владимир Хазан (Иерусалим)

ОТ ЧЛЕНА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДО КНЯГИНИ

Материалы к биографии Евгении Зильберберг

Евгения Ивановна Зильберберг по праву может быть отнесена к классическому типу «знакомых незнакомцев». Количество биографических сведений о ней значительно уступает упоминаниям ее имени по многочисленным поводам и по отношению к разнообразным лицам и событиям — не только как сестры легендарного революционера Льва Зильберберга (1880–1907) и гражданской жены столь же легендарного Бориса Савинкова (1879–1925) и как одного из женских прототипов его романа «Конь бледный» (1909)¹, но и в качестве фигуры, игравшей вполне самостоятельную роль в российской истории — от эсеровского террора до эмиграции в Западной Европе.

Евгения (Фани) Ивановна (Исааковна) Зильберберг² (1883–1942) родилась в Елизаветграде в семье купца Ивана (Ицхака) Петровича Зильберберга и Марии Александровны (урожд. Мариетта/Генриетта³ Гальперина; 1860–1932). Ее отец, будучи на несколько лет стар-

---

¹ Добавим в копилку связанных с ней литературных образов еще героиню из рассказа Осипа Дымова «Ксения». Этот рассказ, написанный в оригинале на идиш, переведен на русский язык и опубликован в кн.: Дымов О. «Вспомнилось, захотелось рассказать...». Т. 2. Jerusalem, 2011. С. 146–152. Здесь и далее приводятся краткие биографические описания. Полные — см. в списке источников и литературы в конце статьи.

² Далее: ЕИЗ.

³ Мариеттой ее называет в своих записках золовка ЕИЗ, жена ее брата Льва, Ксения Памфилова-Зильберберг, намеревавшаяся написать историю семьи Зильбербергов; Генриетта — имя, которое значится в документах полицейского ведомства.

ше жены, проигрывал ей во всем: в интеллектуальном развитии, глубине и чистоте душевного мира, в заботе о семье. Это был его второй брак, который едва ли можно было назвать счастливым для Марии Александровны, однако благодаря ее любви, уму, чувству такта и высокому благородству дети, Лев и Фаня (Женя), этого почти не ощущали. В ответ на просьбу бывшей замужем за ее братом Ксении Памфиловой-Зильберберг⁴ рассказать о своей семье ЕИЗ однажды написала ей (письмо не датировано, написано, очевидно, между 14 марта и 19 июля 1939):

Маму ты знала. Когда мы жили семьей, она всегда была страдающим, пассивным человеком. Отец увлекался женщинами, кутил, играл в карты, но был добрый, жизнерадостный и широкий человек⁵.

Ксения, для которой вопрос о переходе какой-то морально-психологической грани собственного национального происхождения и трансформации/вхождении в еврейский мир имел одновременно и общий (духовно-философский) и личный смысл, пыталась постичь и осознать его на материале истории семьи своего мужа, ставшей ее собственной биографической историей. В одном из писем к Ксении, к которой она относилась как к родной дочери, Мария Александровна писала (письмо датировано 12 сентября, однако год не указан; по всей видимости, речь идет о конце 1920-х):

Одно знай, что эти два народа (русский и еврейский. — В. Х.) одинаково мне близки, одинаково люблю. Может, это не нормально одинаково любить эти два, столь далекие друг другу народа. Милая! Я между

⁴ История жизни Ксении Ксенофоновны Памфиловой (в замуж. Зильберберг; 1881–1957), полная бурных событий, многие из которых причудливым образом влетают в драматическую хронику XX столетия, еще не написана. Эту задачу хотя бы отчасти должна выполнить книга, которая, под нашей редакцией, готовится в настоящее время к печати в издательстве Еврейского университета в Иерусалиме и включает пятитомную серию «Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe» (1919–1939). Революционерка-террористка, член Боевой дружины эсеровской партии, которую с 1905 г. возглавлял ее муж, Лев Иванович Зильберберг (1880–1907), казненный по доносу Азефа, она, оставаясь русской и православной, прожила четверть века в качестве пламенной сионистки в палестинском/израильском кибуце Наан (неподалеку от города Реховота), где и была предана земле.

⁵ XPSColl. Group B, box 3, folder 8.

ними, да, люблю их. Лев и ты, Женя и Сомов,⁶ Ж[еня] и Б[орис] В[икторович]⁷, Ксеничка и Mimmo⁸.

В неопубликованных записках об истории семьи Зильбербергов, сохранившихся в ее архиве, Ксения Памфилова в отношении своей све-крови, писала:

В семье Еты⁹ есть люди передовые и глубоко просвещенные, но они не могут отказаться от убеждения, что ассимиляция и смешанные браки — лучшее, если не единственное средство борьбы с антисемитизмом. Россия — их родина-мать, их отечество, другого нет и не может быть. Нерелигиозные евреи, они становятся неверующими христианами: крещение для них — только формальность, помогающая сгладить различия, открывающая широкую дорогу труда на пользу великой Родины, России, на пользу ее великого народа. Любимый старший брат Еты, Давид, учился в столице, Петербурге, в Военно-медицинской академии, — крещенный, православный, — женился на русской; был земским врачом в Воронежской губернии; любимый и почитаемый как крестьянами, так и местным дворянством, соседями-помещиками. Двоюродный брат Еты, Михаил Яковлевич Герценштейн, видный ученый, специалист по аграрному вопросу, общественный деятель, член Государственной Думы, один из основателей конституционно-демократической партии (КД), принимавший деятельное участие в законодательной деятельности Думы. Стал особенно известен после произнесенной им в Думе речи по аграрному вопросу в России, в которой он выявил себя авторитетным противником русского правительства. Эта речь вызвала в помещичьих и дворянских кругах ненависть к депутату-еврею, суровому критику аграрной и финансовой политики русского правительства; ненависть эта завершилась тем, что он был убит членами черносотенного Сою-

⁶ Е. И. Сомов, первый муж ЕИЗ.

⁷ Б. В. Савинков.

⁸ XPSColl. Group B, box 3, folder 9. Ксеничка — К. Л. Зильберберг (в замуж. Серени; 1906–1952), дочь Ксении Ксенофонтовны и Льва Зильбербергов; Mimmo (Эмилио Серени; 1907–1977), итальянский политический деятель, ее муж.

⁹ Детское имя Марии Александровны.

за русского народа (в Финляндии, в 1906 году)¹⁰. Был женат на русской¹¹.

Сестра Герценштейна, тоже крещенная, замужем за русским журналистом Игнатовым; он один из редакторов газеты «Русские ведомости»¹². Домá Герценштейнов и Игнатовых — русские интеллигентские дома, очень уважаемые в московских образованных и передовых кругах. Это наиболее близкие люди Марии Александровне Зильберберг и ее детям¹³.

Дети Зильбербергов родились, росли и воспитывались в атмосфере полной ассимиляции. В упомянутых записках Памфиловой рассказывается об этом так:

Лев — неверующий, гораздо больше меня, так как во мне сохранялось некое молитвенно-религиозное, бесцерковное чувство в восприятии жизни. Может быть, это — и у него, и у меня — от семьи, от среды, может быть, такой уж склад духовный. О религии мы не говорим, официальной церкви и обрядов не признаем, но Лев относится к ним терпимее меня. Лев просто и естественно русский и православный, он никогда не говорит и не чувствует себя иначе. Теперь я задаю себе вопрос: забыл ли он, что он еврей? Понимал ли он, что он еврей? Скорее всего, никогда не думал об этом. Стройный, с лицом светлым, серые глаза, темные волосы, темные брови, темные усы; если бы не так тонко-изящен весь его облик, был бы настоящий украинский парубок: как в песне — «Эх лихо, мой Петрусь! — Биле личко, черный ус!»

Отец — церковный староста в их приходе. Витя ходит в церковь¹⁴. Женя спрашивает: «А когда еврейское рождество?» Когда я позднее послала к ним в Москву мою трехмесячную дочку, некрещенную, первым делом их было окрестить ее, и крестной матерью была бабушка, М. А. Зильберберг¹⁵.

¹⁰ Михаил (Менр) Яковлевич Герценштейн (1859–1906), экономист, публицист, политический и общественный деятель, член кадетской партии, от которой он был избран депутатом 1-й Государственной думы. Убит черносотенцами.

¹¹ Женой М. Я. Герценштейна была Анна Васильевна (урожд. Пчелкина; ум. 1939).

¹² Илья Николаевич Игнатов (1856–1921), журналист, литературный и театральный критик, публицист; двоюродный брат писателя М. М. Пришвина.

¹³ XPSColl. Group D, box 7, folder 1.

¹⁴ Виктор Зильберберг — брат Льва и Жени.

¹⁵ XPSColl. Group D, box 7, folder 1.

В 1892 г. семья переехала в Москву, где ЕИЗ в 1894 г. поступила, а в 1899 г. окончила 1-ю женскую гимназию и позднее училась на педагогических курсах при московском Обществе воспитательниц и учительниц. О ее красоте подлинно ходили легенды.

Пафмилова в письме к дочери, Ксении-младшей, от 6 августа 1950 г. писала:

Т[етя] Ж[еня], как ты помнишь, была очень красива и лицом, и фигурой. И любила, и берегла свою красоту, понимая ее как особый талант или дар природы¹⁶.

Первый арест Льва Зильберберга пришелся еще на его гимназические годы, и сестре пришлось пустить в ход все свое девичье очарование, чтобы спасти брата. В мемуарных записках Памфиловой рассказывается об этом так:

Только в конце седьмого класса у Льва просыпается интерес к общественным вопросам. Он выражается в неопределенной и «невинной» форме: чтение газет, толстых журналов и случайных толстовских брошюр. В последнем, восьмом, классе начинается некоторая общественная деятельность: организация «учительского кружка». Кружок этот составил из молодежи — человек 10–12 гимназистов старших классов, студентов, курсисток. Цель кружка: помочь сельским учителям и учительницам книгами из библиотеки кружка. В этом же году Лев впервые арестован в связи с деятельностью кружка, так как где-то при обыске попались его письма к учителям, родители в тревоге; не могут разыскать сына. Женя решает пойти к генерал-губернатору Трепову¹⁷: было известно, что он очень «чувствителен» к женской красоте. Нарядная, раздушенная, с чарующей улыбкой, встревоженная, огорченная, явилась она к Трепову и так хорошо «разыграла» старика-генерала, что он совсем растаял и дал приказ немедленно освободить ее брата¹⁸.

¹⁶ XPSColl. Group B, box 3, folder 10.

¹⁷ Генерал Дмитрий Федорович Трепов (1855–1906) был в то время московским обер-полицмейстером.

¹⁸ XPSColl. Group D, box 7, folder 1, p. 26.

Осип Дымов в своих идишских воспоминаниях «Wos ich gedenk» («То, что я помню»), написанных в 1943–1944 гг., целую главу посвятил тому, как в молодые годы повстречал ЕИЗ на курорте в Дуббельне (Дубулты), куда он, тогдашний студент петербургского Лесного института, отправился для прохождения практики и сбора материала для дипломной работы и, покороенный красотой этой девушки, подобно многим другим, без памяти в нее влюбился:

Вблизи ее красота становилась еще ярче, потому что наряду с необыкновенным обаянием и женской прелестью вас обдавало какой-то неодолимой личностной силой, которую она изучала. Обаяние исходило даже оттого, как она, не выговаривая букву «р» и тщетно пытаясь преодолеть этот недостаток, злилась на себя. Русское твердое «р» звучало у нее мягко как «г» или «х» или как то и другое вместе; это придавало ее облику странную детскую беспомощность, которая была до того трогательной, что я зачастую не мог удержаться от улыбки, разумеется, меньше всего намереваясь ее обидеть, а скорее — наоборот. Но Евгения, действительно, сердилась — не столько на меня, сколько на самое себя, на свой язык, который не в силах был победить это проклятое «р»¹⁹.

В тех же воспоминаниях, которые вообще не свободны от ряда неточностей и ошибок, утверждается, что у ЕИЗ были сестра и брат²⁰. С братом, Львом Зильбербергом, мемуарист ошибиться не мог: слишком известной фигурой тот являлся, а вот относительно сестры Дымова подвела память. ЕИЗ, должно быть, сообщила своему новому знакомому о младшем брате Викторе, судьба которого впоследствии сложилась трагически. Много лет спустя Памфилова, рассказывая о семье Зильбербергов, с которой она познакомилась, когда вместе с мужем остановилась в их московском доме по пути из сибирской ссылки в Тверь, писала:

Приехали мы в дом Зильбербергов. Большие окна цельного зеркального стекла выходят на набережную Москвы-реки, против царского дворца. И чудесный Кремль виден за ним. Как приветлива и красива мать! Ростом с меня, но плечи покатые. Лицо чистое и розовое, светлые гла-

¹⁹ Дымов О. Wos ich gedenk: Zichronot. Vol. 2. New York. P. 200.

²⁰ Ibid. P. 204.

за — как у ее детей; волосы, густые и волнистые, уложены на затылке косою, седые, такие белые, что даже не знаешь, какие же они были когда-то: русые или темные? Ей не больше 45-ти лет, но она мне кажется гораздо старше: сдержанная, заботливая, умная, погруженная в семью. Витя — ему лет 10–12 — счастлив нашим приездом; он ласковый, но возбужденный и восторженный; читает мне из своей книжки, запинаясь, словно только что научился грамоте. Рядом с ним его воспитательница-специалистка. Мне рассказывают, что он «забывает» читать. Трагическая у Вити судьба: мальчика, чуть не от рождения, специалисты-врачи определили как будущего гения, если удастся задержать его развитие, или как будущего идиота, если еще несколько лет продлится его молниеносное развитие с бессонными ночами, с бесконечными вопросами. Задержать не удалось. И вот оправдывается второе предсказание: Витя быстро идет назад. А потом оно оправдалось вполне; постепенно он терял силы и сознание; в 18 лет он умер, красавец, высокого роста, но совершенно расслабленный, тихий, почти онемевший, не узнававший никого, только искавший взором мать²¹.

Материал для своих мемуарных заметок о Зильбербергах Памфилова черпала, в частности, из писем ЕИЗ, адресованных ей в Палестину. Некоторые из них, прежде всего те, которые были ею использованы как материал для книг и статей — опубликованных или нет, она переписывала своей рукой, а переписав, по-видимому, уничтожала (по крайней мере, их оригиналы в ее архиве отсутствуют). Так, в одном из таких писем ЕИЗ признается, что в отличие от брата Льва в детстве она читала немного, а

любила музыку. Очень увлекалась, играя с моей учительницей, ученицей Рубинштейна. Рано стала ходить в рисовальную школу. Музыка и живопись были для меня подлинной радостью²².

Выросшая в материальном достатке, ЕИЗ денег беречь и экономить не умела, и потом, оказавшись в изгнании, когда добыча средств к существованию никак не могла поспеть за выработанной привыч-

---

²¹ XPSColl. Group D, box 7, folder 1.

²² Там же.

кой жить на широкую ногу, она с великим трудом налаживала свой эмигрантский быт. Живя в начале 1920-х гг. в Париже, ЕИЗ занялась шляпным бизнесом, однако ее коммерческие проекты, кажется, не имели серьезных практических последствий, и Борис Савинков, к тому времени уже ее бывший гражданский муж, писал Памфиловой 28 февраля 1923 г. о том, что ЕИЗ

сама уехать из Парижа не собирается²³, ибо занята на Duphot. На Duphot, однако, всё то же: дохода ноль, каждый месяц дефицит, каждый месяц огромные надежды на будущее и всегда отказ ликвидироваться. Теперь Е[вгения] И[вановна] говорит, что всё решится через 2 недели, но я этому, разумеется, не верю. Через 2 недели будет всё то же, и как и когда это кончится, не знаю. Прекратить же это всё я, к сожалению, не властен²⁴.

Как бы в подтверждение этих слов Мария Александровна, мать ЕИЗ, так аттестовала коммерческие способности своей дочери (из ее письма к Памфиловой от 7 августа 1925):

...если бы половина не протекала у Ж[ени] между пальцев! Об этом говорить и писать нельзя, можно лично излить чудовищность ее отношения к чужим деньгам. Откуда и сколько бы их ни было, нельзя их считать своими, имея столько долгов и не платя никому ни одной копейки. Знаешь, чем она становится старше, тем она больше характером и легкостью слова похожа на отца²⁵.

Ср. из неопубликованной части дневника Веры Буниной (запись от 30 января 1925):

[...] Вечером у меня были Савинкова, Хигерович и Михайловы. Савинкова уже бросила шляпное дело. Хочет начать работать «по своей специальности»²⁶, участвовать в постановках в синема, т. к. теперь

²³ Речь идет о ее поездке на юг с сыном Львом, которому необходимо было солнце для лечения больных легких, на чем настаивал Б. Савинков.

²⁴ XPSColl. Group B, box 3, folder 9.

²⁵ XPSColl. Group B, box 3, folder 5.

²⁶ Т. е. по специальности художника.

она «знает все стили». И по-прежнему всё рисует в розовых красках. Если это искренне, то я радуюсь за нее. Если же притворно, то какой у нее сильный характер. И всё же она только этим отношением к миру и жива²⁷.

Первым мужем ЕИЗ был инженер Евгений Иванович Сомов (1881–1962), двоюродный племянник известного художника Константина Сомова. Человек широко образованный и одаренный от природы разными талантами — художник, музыкант, танцор — в юности он приятельствовал с В. Н. Муромцевой, будущей женой И. А. Бунина, которая много лет спустя, в одном из писем к Г. Н. Кузнецовой (от 30 апреля 1951), вспоминала о нем:

Сомов, мой приятель юности. Жил в Столовом пер[еулке]. Вместе были в одном тайном обществе, когда мне было 18 л[ет], а ему 20²⁸.

«Тайным обществом», о котором пишет Муромцева-Бунина, был кружок народных учителей, цель которого его участники определяли как стремление нести просвещение в деревню. Стало быть, с Сомовым ЕИЗ также была знакома довольно длительное время, еще до того, когда он, начав учиться на математическом факультете в Московском университете, отправился для продолжения образования в Льеж, где в это время обосновалась троица Зильбербергов — ЕИЗ и ее брат с Ксенией.

Брак этот подстегнуло еще и то обстоятельство, что ЕИЗ на протяжении нескольких лет преследовал профессор московского Института гражданских инженеров, человек, намного старше ее (Памфилова пишет, что разница в возрасте составляла не меньше 20 лет²⁹), о котором было известно, что он имел неофициальную семью, и за кем тянулся шлейф многочисленных любовных историй. Когда Лев, Ксения и ЕИЗ поселились в Льеже, то через некоторое время там же появился и жених-профессор. Ксения вспоминает, что, столкнувшись с ним, ЕИЗ

²⁷ RAL.VNB's-Dairy, n/p.

²⁸ «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной [и др.]. С. 160.

²⁹ XPSColl. Group D, box 7, folder 2.

прибежала домой в слезах: только теперь она всем своим женским естественным почувствовала весь ужас и отвращение к тому, кто едва не стал ее мужем. В тот же день Лев потребовал, чтобы он немедленно уехал и никогда не искал бы встречи с Женей. Через несколько месяцев мы прочли в газетах, что он погиб в одной из шахт — якобы несчастный случай, слишком похожий на прикрытое самоубийство³⁰.

Избавление от ненавистного всей семье инженера было встречено с радостью еще и потому, что родители ЕИЗ оказались хорошими знакомыми матери Евгения Сомова, Ольги Лавровны, и брак был благословлен обеими сторонами. Памфилова вспоминает, что родители ЕИЗ

приехали в Льеж, и мы все отправились в Брюссель, т. к. только там, при посольстве, была русская церковь (а другого брака, кроме церковного, закон тогда не признавал)³¹.

Вовлеченная вместе с мужем в революционно-террористическую деятельность, ЕИЗ становится членом Боевой организации партии эсеров. По словам близко знакомой с ней Веры Буниной,

она прекрасно знала Азефа, жила в Финляндии, когда он всех восхищал смелостью, уезжая в Петербург. Она ведь была в боевой организации,

³⁰ XPSColl. Group D, box 7, folder 1. История влюбленного в ЕИЗ инженера, с его неудачной женитьбой и трагическим концом приведена в упомянутых выше воспоминаниях О. Дымова «Wos ich gedenk» (мемуарист называет его Вернером): «Вскоре я узнал, что, несмотря на молодость, она уже сыграла трагическую роль в жизни известного инженера Вернера. Вернеру было лет сорок, когда он случайно повстречал Евгению и тут же без памяти влюбился в нее. Это была его беда, — на что он мог рассчитывать? Вернер предложил выйти за него замуж, Евгения, тогда еще совсем ребенок, залилась своим звонким, серебряным, прерывистым смехом, что еще больше придавало ей очарования. Вернер уехал на Урал, где жил и имел хорошую должность. И там внезапно бросился в глубокую шахту, покончив счеты с жизнью» (*Дутов О.* Op. cit. Vol. 2. P. 201–202). В этом описании имеются некоторые неточности: юной ЕИЗ первоначально льстило ухаживание солидного инженера, и она всерьез планировала выйти за него замуж, чем немало встревожила своих родителей; инженер не уезжал на Урал и не жил там — погиб он в шахте на юге России; все это заставляет сомневаться и в том, что Дымов сообщает верную фамилию инженера, а не придумывает ее или, по своему обыкновению, перевирает (о частом путании им имен и отчеств см.: *Дымов О.* «Вспомнилось, захотелось рассказать ...». Т. I. Jerusalem, 2011. С. 116).

³¹ XPSColl. Group D, box 7, folder 1, p. 12.

возила на себе перекисиловые ленты, обмотавшись ими под платьем, из-за границы в Россию.

Знаю, что Савинков, увидя ее в Париже на каком-то вечере, сразу влюбился (рассказывала Вера Рафаиловна³²). Слышала, что когда ее брат устроил Савинкову побег из севастопольской тюрьмы³³, она в Москве бежала к кому-то со словами: «Борис спасен»³⁴.

Вполне резонно было полагать, что, поселившись в Петербурге, ЕИЗ и Евгений Сомов, как особы, угрожающие государственным устоям, окажутся под неусыпным надзором полиции. В одном из полицейских документов исходившая от них опасность формулировалась как принадлежность «к боевой дружине Центрального комитета партии социалистов-революционеров, поставившей себе целью подготовку и выполнение целого ряда террористических актов, направленных против лиц высшей администрации»³⁵. В связи с поступившей в Охранное отделение информацией о готовившихся членами этой дружины покушениях на Николая II, вел. кн. Николая Николаевича, премьер-министра П. А. Столыпина, статс-секретаря П. Н. Дурново и др. 31 марта 1907 г. в квартире Сомовых был проведен обыск³⁶. В протоколе обыска говорилось:

1907 г. Марта 31-го дня в 8 ч. 45 мин. пополудни вследствие ордера охранного отделения пристава 3 уч[астка] Рождественской части (Ка-

³² Речь идет о Вере Рафаиловне Мартыновой-Гоц, сестре одного из основателей ПСР Михаила Гоца. Входила в дружеский круг Буниных, см. комментаторскую ремарку о том, что «она часто упоминается в переписке Веры Николаевны в контексте распространения билетов на различные вечера[...]» («Жаль, что так рано кончились наши бабьи вечера»: Из переписки В. Н. Буниной и Т. М. Ландау. М., 2004. С. 395).

³³ Т. е. Лев Зильберберг, который помог Савинкову бежать из севастопольской тюрьмы, о чем последний писал в автобиографии (1921): «В 1906 г. я был по доносу Азефа арестован в Севастополе и предан военному суду в «ускоренном порядке», но я убежал из тюрьмы, в чем мне помогли карауливший меня вольноопределяющийся 51-го Литовского полка В. М. Сулятицкий и мой друг член Боевой организации Л. И. Зильберберг. Оба они были впоследствии повешены» (Три брата (То, что было): сборник документов. М., 2019. С. 397).

³⁴ «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной [и др.]. С. 522.

³⁵ ГА РФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1907 г. Д. 1079. Л. 193.

³⁶ О подготовке покушения на Николая II и последовавших за этим арестах членов Центрального боевого отряда ПСР см.: Кан Г. С. «Гроза бедой преступной силе ...»: Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). Т. 2. С. 258–262.

питан Левисон. — В. Х.) на основании 258 и 1035 ст. ст. У[става] У[головного] С[удопроизводства] прибыл в дом 1/25 по Таврической ул. для производства обыска у проживающих в квартире № 23 сына статского советника Евгения Ивановича Сомова и его жены Евгении Ивановны Сомовой, причем оказалось, что означенная квартира, расположенная в пятом этаже лицевого дома, окнами выходит на Тверскую и Таврическую улицы, имеет два хода и состоит из 6 комнат, из них 4 занимает квартирохозяйка, дворянка Елизавета Николаевна Звонцова совместно с дочерью генерал-майора Еленой Ивановной К[о]р[мил], остальные две комнаты занимают супруги Сомовы. Из последних комнат имеется одна дверь, ведущая в коридор, другая же дверь заделана. По прибытии чинов полиции для обыска в квартире находились г-жи Звонцова и Кормиль, супруги же Сомовы из дому отсутствовали. Вследствие одного к обыску в их комнатах было приступлено в присутствии г. Звонцовой. Между тем в 9 ч. вечера в квартиру явился г. Сомов. Он был подвергнут личному обыску, но ничего компрометирующего его в политическом отношении обнаружено не было. Дальнейший обыск в комнатах Сомовых [в] присутствии г. Сомова, причем равным образом ничего компрометирующего не найдено. По обыску взята личная переписка Сомовых, фотографические карточки и заметки, которые помещены в особый пакет, приобщаемый к сему протоколу, как равно и паспорт г. Сомова за № 4. Имущество г. Сомова передано им на хранение г. Звонцовой. Согласно ордера охранного отделения, г. Сомов подвергнут задержанию при 3 уч[астке] Рождественской части до указаний охранного отделения.

Подписи: Пристав, Евгений Сомов, Елизавета Звонцова³⁷.

В тот же день Сомов был арестован. ЕИЗ, которой дома не оказалось, задержали позднее, ближе к полуночи, и заключили в Петропавловскую крепость, где уже находился ее муж³⁸. В документах полицейского ведомства, служащие которого не только не отличались высокой грамотностью, но, напротив, в своем трудовом усердии были склонны к плоскатым словечкам и языковым оборотам, ЕИЗ названа “совквартанткой” Сомова.

³⁷ ГАРФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1907 г. Д. 1079. Л. 146.

³⁸ Там же. Л. 145, 148, 150, 157.

В протоколе допроса были указаны основные биографические данные задержанной и зафиксирован ее отказ отвечать на вопросы жандармского подполковника Николаева:

ПРОТОКОЛ № 25

1907 года мая 21-го дня в гор. С.-Петербурге, я, *Отдельного Корпуса Жандармов подполковник Николаев* на основании Положения о мерах к Охранению государственного порядка и общественного спокойствия, высочайше утвержденного в 14-й день Августа 1881 года, допрашивал нижепоименованную, которая объяснила:

Зовут меня:

1. Фамилия, имя, отчество (урожденная фамилия)

Сомова Евгения Ивановна, урожд[енная] Зильберберг

2. Время и место рождения

24 лет, родилась в Херсонской губ. в Елисаветграде

3. Вероисповедования

Православная

4. Происхождение, народность, подданство и личное звание

Русская, российского подданства, жена дворянина

5. Место постоянного жительства и приписки по отбыванию воинской повинности

Москва

6. Занятия и средства к жизни

Художница, средства родителей и мужа

7. Семейное положение (имя, отчество жены или мужа, имен детей, их занятия и место жительства)

Замужем за дворянином Евгением Ивановичем Сомовым. Детей не имею

8. Родственные связи: имя, отчество, фамилия родителей, братьев, сестер, места их жительства, занятия и экономическое положение родителей

Иван Петрович Зильберберг, Мария Александровна, брат Виктор живет при родителях, сестер нет

9. Место постоянного жительства родственников, заменяющих родителей или опекунов

10. Место воспитания в учебных заведениях (низшем, среднем и высшем) с указанием сколько времени пробыл и почему оставил, когда поступил и когда и почему вышел, и на чей счет воспитывался

Кончила гимназию в Москве 1899 года, поступила 1894. Воспитывалась на счет отца. В 1900 поступила на педагогические курсы, кончила в 1902

11. Был ли за границей, когда, где с какой целью

С 1903–1905 была за границей

12. Привлекался ли к дознаниям, когда и чем окончилось привлечение

Не привлекалась

На предложенные мне вопросы отвечаю:

На вопросы отвечать отказываюсь

Евгения Сомова

Подполковник Николаев³⁹.

Добыть прямые улики, подтверждающие, что муж и жена Сомовы принимали участие в террористических акциях или хотя бы в их планировании, следствию не удалось, и дознание в их отношении было прекращено. Сам же их брак принадлежал к разряду недолгих и непрочных, и причину, как следует думать, следует искать не в том, что муж оказался недостойн ЕИЗ, — просто она повстречала такого мужчину, который силой характера мог затмить любого из ее поклонников — прежних, настоящих и будущих. В сравнении с ним Сомов, со всеми своими безусловными достоинствами и талантами, безнадежно и вчистую проигрывал. Этим новым знакомым ЕИЗ, любовником и затем гражданским мужем, отцом ее единственного ребенка стал Б. Савинков.

На письмо Памфиловой, в котором она писала Сомову: «Ты должен найти себя, ты должен не только стать “ничей”, но стать “свой собственный”», он ей ответил: «Нам обоим нужен был “хозяин”, Женя нашла его»⁴⁰.

Знакомство ЕИЗ с одним из главных заправил российского террора пришлось на 1906 г. Поэтесса и писательница Н. В. Крандиевская, зная ее по петербургской студии живописи в которой обе занимались, оставила воспоминания о том, как однажды в цветочном магазине Эйлера она столкнулась с ней и сопровождавшим ее незнакомым господином в котелке (это и был Савинков, имевший жену и двух детей, и ЕИЗ в то время тоже была еще замужем). Этот фрагмент мемуа-

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. 5-е д-во. 1907 г. Д. 1079. Л. 158.

⁴⁰ XPSColl. GroupD, box 7, folder 2.

ров заканчивается перечислением разных мнений-голосов в отношении самого известного в стране террориста:

Савинков — фигура героическая, несущая на знамени своем заветы Народной воли (голоса из недр «Русского богатства»).

Савинков — фигура трагическая, принявшая на себя искупительный грех (а быть может, подвиг?) «очищения России через кровь» (голоса из литературного салона Зинаиды Гиппиус и Мережковского).

Савинков — фигура фанатическая, душа террора, карающая длань партии, без пощады и промаха разящая великих князей, министров и губернаторов (не голоса — шепот).

Савинков — фигура проблематическая, философствующий интеллигент, автор претенциозного романа «Конь бледный» и декадентских стихов среднего качества (голоса скептиков).

И, наконец, Савинков — фигура клиническая, садист, фразер и позер, подпольный донжуан, авантюрист и прочее, и прочее, и прочее... (голоса недоброжелателей).

Сколько определений, противоречащих друг другу! Чему верить? Я верила себе. Человек этот был мне антипатичен с первого взгляда, я не умела объяснить, почему. Сочетать его мысленно с образом Евгении Ивановны мне было неприятно⁴¹.

Как бы ни было «неприятно» автору приводимых воспоминаний видеть рядом со своей знакомой столь неоднозначную фигуру, как Савинков, судьба распорядилась иначе, надолго их соединив⁴².

Что касается Сомова, то, расставшись с ЕИЗ, он женился вторично. После Февральской революции 1917 г. он, член эсеровской партии, вернулся из политической эмиграции в Россию уже с новой женой, Еленой Константиновной Сомовой (1888–1969). Временным правительством был назначен генерал-губернатором Архангельска,

⁴¹ Крандиевская-Толстая Н. В. Воспоминания. Л., 1977. С. 170–171.

⁴² О том, как мучительно тяжело происходил процесс расставания Савинкова с первой женой, Верой Глебовной, дочерью известного русского писателя Глеба Успенского, как разрывался он между двумя женщинами — законной женой и ЕИЗ, и как на много лет вперед растянулось его двусмысленное положение «главы» двух семей, см. по указателю имен в книге: Три брата (То, что было) : сборник документов. М., 2019., а также: Морозов К. Н. Борис Савинков: опыт научной биографии. М. ; СПб., 2022. С. 105–113.

а после того как большевики захватили власть в стране, примкнул к кооперативному движению и был отправлен по этой линии в служебную командировку в США⁴³, где остался до конца жизни. В течение многих лет (1922–1939) Сомов являлся личным секретарем С. В. Рахманинова и позднее — административным директором театра-студии М. А. Чехова⁴⁴ и вообще личностью заметной в творческих кругах русской эмигрантской Америки⁴⁵.

Став гражданской женой Савинкова, ЕИЗ родила сына Льва (1912–1987)⁴⁶, в будущем журналиста и литератора. Впитав господствующую в доме политическую атмосферу (ЕИЗ в 20-е и ранние 30-е гг. даже планировала вернуться в СССР, и только сталинские судебные процессы остановили это намерение), Лев Савинков в идеологическом отношении был настроен решительно просоветски, что, в частности, проявилось и в его стихах (см.: Савинков Л. 1936), и в участии в Испанской войне⁴⁷. Сама ЕИЗ также намеревалась отправиться в Испанию в качестве медицинской сестры: прежде всего, конечно, по политическим мотивам — сражаться на стороне республиканцев⁴⁸, но и оттого, что безумно любила сына и была готова сопровождать его ку-

⁴³ См. упоминание об этом в: *Tribunskii P. Alexandr Moiseyevich Berkenheim (1878–1932) // Heavy Burden of Responsibility for the Country: Russian Political Émigrés and Eretz Israel, part 1. Jerusalem, 2020. P. 52, 53, 55.*

⁴⁴ О его службе в последнем качестве см. его письмо В. Набокову от 13 мая 1941 г. (*Набоков В. В. Переписка с Михаилом Карповичем, 1933–1959. М., 2018. С. 79–80.*)

⁴⁵ См., к примеру, в письме биолога и музыковеда С. А. Сатиной (свояченицы и одновременной кузины С. В. Рахманинова) М. А. Алданову от 1 января 1946 г.: «Очень прошу Вас после того, как Вы внесете поправки, переслать этот материал Евгению Ивановичу Сомову. Его адрес: Mr Eugene Somoff. 151 East, 81st Street, Apt. 6W New York City 28» (BAR. Marc A. Aldanov Coll. Unidentified correspondence). О Е. И. Сомове см. также: *Боголюбов А. Памяти Е. И. Сомова. Новое русское слово (Нью-Йорк), № 18052, 12 августа 1962, а также по указателям имен в изданиях: Письма К. А. Сомова к К. М. Животовской (1925–1938). СПб., 2006; Сомов К. А. Дневник, 1917–1923. М., 2017.*

⁴⁶ Биография Л. Б. Савинкова, год смерти которого еще не в столь отдаленные времена исследователи по причине незнания обходили молчанием (см.: Борис Савинков на Лубянке : документы. М., 2001. С. 51), заслуживает отдельного исследования (в израильском архиве Памфиловой отложились его письма к ней).

⁴⁷ Один из его устных рассказов использовал Э. Хемингуэй в романе «По ком звонит колокол» — об этом, много лет спустя, в письме от 1 февраля 1964 г., сообщал близко знавший Льва Савинкова по жизни в изгнании вернувшийся на родину В. Б. Солинский ленинградскому ученому А. Д. Алексееву, собиравшему материалы по истории эмиграции (РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. Д. 4. Л. 3).

⁴⁸ ЕИЗ работала в это время в Интернациональном комитете помощи Испании.

да бы то ни было, где Леву могла подстергать опасность. В одном из писем к Ксении в Палестину, от 19 августа 1937 г., она писала:

За это время я прошла трудный внутренний путь. Ощущая себя целиком в том мире, который борется с фашизмом — пришла к необходимости эту свою позицию активно выявить. И вот хочу ехать сестрой на фронт. И в личном смысле, и в смысле паспорта — трудно. Но как будто преодолеваю затруднения. Так сделать велит совесть, но где-то из глубины и голос, что иначе потеряю Леву. Трудно и в отношении Юр[ия] Алекс[еевича]⁴⁹. В сущности, должна взять ответственность за его жизнь. Здоровье его никакое, но знаю, что уеду, и он поедет на фронт, и не могу закрывать глаз, что во всех смыслах это значит. В этом, Ксеничка, живу сейчас⁵⁰.

Вернемся, однако, на несколько лет назад.

В 1920 г. ЕИЗ и Савинков расстались: Борис Викторович полюбил другую женщину, Любовь Ефимовну Дикгоф-Деренталь (урожд. Эмма Сторрэ; после удочерения: Броуд; 1896⁵¹–1969), ставшую его гражданской женой, несмотря на то, что она была замужем за его близким другом Александром Аркадьевичем Дикгофом-Деренталем (1885–1939). См. в неопубликованном дневнике В. Н. Буниной (запись от 25 августа 1929):

Ходили с Рери на канал[...]. Говорили о Савинкове. Он уже [в] [19]18 г. в России был с Деренталь в близких отношениях. И Реря очень удивилась, что Евг[ения] Ив[ановна] узнала об этом лишь в [19]21 г.⁵²

Дальнейшее хорошо известно: именно Дикгоф-Деренталь убедила Савинкова отправиться в опасное путешествие в советскую Россию,

⁴⁹ Имеется в виду последний муж ЕИЗ Ю. (Г.) А. Ширинский-Шихматов.

⁵⁰ XPSColl. Group B, box 3, folder 8.

⁵¹ Считается, что при оформлении советского паспорта в 1925 г. произошла ошибка и год рождения Л. Е. Дикгоф-Деренталь был указан неверно — 1899.

⁵² RAL. VNB's-Dairy, n/p. Рери — Рахель Григорьевна Гинцберг (в замуж. Осоргина; 1885–1957), адвокат, общественный деятель; дочь выдающегося еврейского философа Ахад ха-Ама (А. Г. Гинцберг) и жена известного русского писателя М. А. Осоргина; см. о ней: «As a Seal upon Thy Heart»: The Life and Fate of Rachel Ginzberg, Daughter of Ahad Ha'am. Jerusalem, 2022. (series Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939), vol. III).

после чего все трое — Борис Викторович, она сама и ее муж, 16 августа 1924 г. были схвачены чекистами, с блеском проведенными спецоперацию под кодовым названием «Синдикат-2». Именно в силу этого обстоятельства возникла версия о Любви Ефимовне как агенте ГПУ.

В правительственном сообщении о задержании Савинкова говорилось:

В двадцатых числах августа (sic) с. г. на территории Советской России ОГПУ был задержан гражданин Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов рабоче-крестьянской России (Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя В. И. Степанова)⁵³.

Военная коллегия Верховного суда СССР 29 августа 1924 г. приговорила Савинкова к высшей мере наказания — расстрелу. Однако позднее суровый приговор был смягчен и заменен лишением свободы на 10 лет. В Лубянской тюрьме Савинков сделал то, чего так желала добиться от него большевистская власть, — признал ее силу и законность. Произошедшее в чекистском застенке потрясло эмиграцию — от Савинкова отrekliсь самые близкие его друзья и вчерашние единомышленники. Среди тех, кто остался духовно верен ему и чье прежнее к нему отношение не изменила произошедшая с Савинковым политическая трансформация, следует в первых рядах назвать трех женщин: его сестру В. В. Мягкову, ЕИЗ и Ксению Памфилову-Зильберберг.

Согласно официальной советской версии, 7 мая 1925 г. Савинков покончил жизнь самоубийством: воспользовавшись тем, что на окне комнаты, где он находился, вернувшись с прогулки, не было решетки, выбросился с пятого этажа во двор Лубянской тюрьмы.

Через неделю, когда известие о смерти Савинкова достигло эмигрантского Парижа, В. Н. Бунина записала в своем дневнике (14 мая 1925):

По французским газетам, Савинков лишил себя жизни, выбросившись из 5-го этажа внутренней тюрьмы во двор. Что это, правда? Яну⁵⁴ пришло в голову, что, может быть, это выдуманно, а он выпущен, что где-ни-

⁵³ Савинков Б. В. Посмертные статьи и письма. М., 1926. С. 3.

⁵⁴ Ян — И. Бунин.

будь устраивает то или иное покушение. Но я думаю, что это правда, слишком необычное самоубийство и не могло остаться в тайне. Ведь двор внутренний, дом 5-этажный, нельзя допустить, чтобы никто не видал. Если бы нужно было выдумывать самоубийство, лучше было бы сказать, что отравился или порезался и т. д. Если правда, то какой постыдный конец: сначала предательство, а затем самоубийство.

Бедный Левочка, бедная Ев [гения] Ив [ановна]. Каждое лето у нее испытание⁵⁵.

В социально-культурной жизни русского эмигрантского Парижа ЕИЗ была фигурой довольно заметной, в каком-то смысле даже претендующей на роль общественного активиста, или, по крайней мере, входила в круг тех «литературных дам» — деловитых и равнодушных общественниц, кто помогал в организации культурных событий или участвовал в каких-то других благотворительных акциях. См., например, в Приложении ее письмо к Вере Буниной от 14 апреля 1923 г. (№ 3), из которого усматривается ее культуртрегерская деятельность в качестве распространителя билетов на вечер Общества русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры, а также инициатора сбора средств на лечение офицера, пострадавшего на фронтах Гражданской войны.

Помимо уже не раз упомянутой выше Буниной и ее супруга, тесные дружеские отношения объединяли ЕИЗ с Мережковскими, Цетлиными, Зайцевыми, Алдановыми, А. Куприным, А. Ремизовым, М. Цветаевой, Музой Раскольниковой-Канивез (урожд. Ржечицкая), женой российского военного и государственного деятеля, дипломата-невозвращенца Ф. Ф. Раскольникова⁵⁶, а из молодых эмигрантских писателей — с В. Яновским⁵⁷, супругами Сосинскими⁵⁸ и др. С политической верхушкой эсеровской партии — И. Фондаминским, В. Зен-

⁵⁵ RAL. VNB's-Dairy, n/p.

⁵⁶ См.: *Раскольникова М. В.* Тень быстротечной жизни. М., 1991. С. 166.

⁵⁷ См. по указателю имен в издании: *Яновский В. С.* Поля Елисейские: Книга памяти. СПб., 1993.

⁵⁸ О прозаике и литературном критике Владимире Брониславовиче Сосинском (1900–1987) и его жене Ариадне (урожд. Чернова; 1908–1974), дочери одного из создателей и идеологов эсеровской партии В. М. Чернова, см.: *Хазан В.* «Шикарный европейский солдат»: Владимир Сосинский в годы войны // *Новый журнал* (Нью-Йорк), кн. 307, 2022. С. 216–280.

зиновым, В. Рудневым, М. Вишняком и др. — ЕИЗ была, само собой, тесно связана на протяжении многих лет⁵⁹. См., например, описание в дневнике Буниной вечера в доме Ивана и Татьяны Манухиных⁶⁰, где Д. С. Мережковский читал свою книгу «Тайна трех» (запись от 20 апреля 1922):

Приглашено было избранное общество: кроме Мережковских и нас, присутствовали и Цетлины, Григорьевы, Бернацкие, Рузский, Карташев, Шестов, Философов, Савинкова, Каролус-Дюран (Шайкевич), и довольно поздно явился Милюков, при появлении которого М[арья] С[амойловна]⁶¹ так волновалась, что весь диванчик трясся, на котором она сидела с Савинковой⁶².

Из другой дневниковой записи Веры Николаевны (от 4 июня 1922 г.) мы узнаем о вечере, устроенном ЕИЗ на собственной квартире:

⁵⁹ В письме к Буниной от конца апреля 1933 г. (№ 5), которое приводится в Приложении, ЕИЗ пишет о встрече с ней на собрании эсеровской газеты «Дни»; нужно думать, что посещение такого рода собраний, как и вообще участие в заметных политических событиях русского эмигрантского Парижа, было в жизни ЕИЗ относительно регулярным.

⁶⁰ Иван Иванович Манухин (1882–1930), врач-иммунолог, радиобиолог, терапевт, общественный деятель. В 1911 г. защитил диссертацию «О лейкоцитозе», представленную в 1912 г. академиком И. П. Павловым к премии; проходил стажировку у И. И. Мечникова. Первооткрыватель метода лечения туберкулеза путем рентгеновского облучения селезенки. Начиная с 1912 г. испробовал свой метод на М. Горьком, с которым на протяжении долгого времени поддерживал дружеские отношения. После Февральской революции 1917 г. член правления Петроградского КУБУ (Комитета по улучшению быта ученых). Исполнял обязанности врача при Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений царского режима, а после большевистского переворота вел наблюдение за арестованными членами Временного правительства, заключенными в Петропавловскую крепость, причем и в том, и в другом случае делал это бесплатно. В 1920 г. с помощью Горького получил разрешение выехать в научную командировку для работы в Институте Пастера в Париже, после чего в Россию не вернулся.

Татьяна Дмитриевна Манухина (урожд. Крундышева; псевд. Т. Таманина; 1886–1962), журналист, писательница, переводчик, литературный критик, мемуарист.

⁶¹ М. С. Цетлина.

⁶² RAL. VNB's-Dairy, n/p. См. реакцию на это чтение в дневниковой записи И. Бунина, датированной тем же 20 апреля 1922 г.: «Вечер у Манухиных, чтение М[ережковского] «Тайна трех». Возм[утительный] умств[енный] онанизм» (И. А. Бунин: Новые материалы и исследования : в 4 кн. Кн. 2. М., 2022. С. 174).

Пришла Савинкова. Пригласила к себе обедать и на вечер остаться. У нее сегодня гости. Я согласилась. Надела розовое платье. Серые чулки, туфли и легкую черную шляпу. Заходили в магазины, покупали для вечера. Ев[гения] Ив[ановна] боялась, что все мало. А оказалось, что и четверти не съели. Народу было много. Общество блестящее, но все были какие-то утомленные. Оживления не было, не было и интересных разговоров. Сидели кучками.

Куприн читал свои стихи. Когда он прочел «Пастель», то Н. В.⁶³ высказал свое неодобрение. Куприн не хотел больше читать. Но его упростили. Он опять прочел. После этого Мережковские стали вместе декламировать Пушкина. Куприн: «Я знаю, что мои стихи плохи, я отношусь к ним, как к застольным шутка». Мережковский со смехом: «Какой скромник. Он скромностью делает себе карьеру». Куприн: «Всякий по-своему, кто скромностью, а кто ходит с кипой своих книг и повсюду ими восхищается». Мережковский, делая вид, что не понимает: «Да, вот Бальмонт “охотно”». Я тут вмешалась в этот диалог, громко засмеялась, повторила: «охотно». В воздухе уже чувствовалась гроза⁶⁴.

Через четыре дня после вечера у Манухиных, 24 апреля 1922 г., в дневнике Бунина появляется запись, в которой ЕИЗ упомянута в следующем контексте:

Вечером Савинкова, ее рассказ о баснословном могуществе Шайкевич-Каролус-Дюран — ныне Виаль⁶⁵, о Мережковском, который просил ее устроить в «Temps» статью о нем — «только о нем, а не вместе с другими». Вообще, хорош гусь⁶⁶!

⁶³ По всей вероятности, имеется в виду российский революционер и политический деятель Николай Васильевич Чайковский (1851–1926).

⁶⁴ RAL. VNB's-Dairy, n/p.

⁶⁵ Имеется в виду художница и мемуаристка Мария Самуиловна Шайкевич (1882 (1884?) — 1964 (1966?)), дочь крупнейшего коллекционера искусства С. С. Шайкевича (1842–1908), двоюродная сестра петербургского юриста, театрального критика, коллекционера и музыканта А. Е. Шайкевича (1879–1947). Первым браком она была замужем за Pierre Carolus-Duran, сыном французского художника-академиста Carolus-Duran (né Charles Émile Auguste Durand / Durant; 1838–1917). В 1919 г. вышла замуж за Jacques Vial (1892–1958); через три месяца после этой дневниковой записи, в июле 1922 г., супруги расстались.

⁶⁶ И. А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 2022. С. 174.

Свидетельствами о том, действительно ли ЕИЗ обладала такими возможностями, чтобы «устроить» в старейшую и авторитетнейшую парижскую газету «Le Temps» (издавалась с 1861 до 1942) статью о ком-то из русской эмигрантской писательской колонии, мы не располагаем. Но сам по себе этот факт выглядит довольно примечательным независимо от того, соответствует ли он действительности или нет: здесь важнее само по себе царившее представление о ее всемогущих связях, пусть на самом деле и фиктивных.

Упомянутый выше желчно-язвительный В. С. Яновский, который в своих воспоминаниях об эмигрантском Париже, кажется, не пощадил никого из тех, кого близко знал, с кем регулярно общался, с кем дружил и даже в свое время кого уважал и к чьему мнению прислушивался, таким запечатлел портрет ЕИЗ:

Активная революционерка, сестра боевика эсера, спасшего из крепости ее будущего мужа Бориса Савинкова и погибшего затем на виселице, Евгения Ивановна была типичным представителем своей эпохи. Особенностью тех людей являлось, что они довольно часто совершали подвиги, но никогда не трудились сорок часов в неделю, пятьдесят недель в году, до третьего пота.

Евгения Ивановна самолично привозила из Финляндии в Петербург динамит, дружила с невестой Сазонова, терпеть не могла запаха селедки и представляла из себя некую смесь хорошего тона и подполья, конспирации и утомительной болтовни⁶⁷.

К сожалению, отсутствие сколько-нибудь полных и подробных жизнеописаний ЕИЗ приводит в современных изданиях к ошибкам в ее идентификации. Так, в письме к Д. Шаховской от 3 ноября 1922 г. К. Бальмонт описывал вечер, состоявшийся 31 октября в парижских апартаментах Цетлиных, на котором З. Гиппиус читала свои воспоминания о Блоке и Белом⁶⁸. Среди собравшихся («человек 20 гостей»),

⁶⁷ Яновский В. С. Указ. соч. С. 172.

⁶⁸ Ее доклад в виде мемуарного эссе был первоначально опубликован по-французски (*Hippius Z. Mon ami lunaire // Mercure de France (Paris), t. CLXI, no 590, 15 janvier 1923, pp. 289–326.*), а затем в № 1 альманаха «Окно», который в 1923 г. начали издавать супруги Цетлины. (*Гиппиус З. Н. Мой лунный друг (О Блоке) // Окно: Трехмесячник литературы (Париж), № 1, 1923. С. 103–153.*)

которых он перечисляет (П. Милюков, М. Ларионов, А. Куприн, А. Фондаминская и др.), названа и фамилия Савинковой⁶⁹. Составители этого издания полагают, что речь идет о матери Бориса Савинкова, писательнице С. А. Савинковой⁷⁰, что, безусловно, является неверным: последней в это время в Париже не было, она жила в Ницце и никакой связи с супругами Цетлиными не поддерживала. Нет сомнений в том, что речь идет именно о ЕИЗ, которая и сама по себе, и через Бориса Викторовича многолетними узами была тесно связана с семейством Цетлиных.

Во второй половине 20-х гг. ЕИЗ окончила курсы медсестер и получила практику в одном из парижских госпиталей. В письме к Памфиловой от 18 августа 1927 г. она делилась следующим рассказом о себе:

Я сделалась сестрой милосердия. Я давно думала об этом деле как подходящем для меня, потому что в нем имеешь постоянное касательство к душе человеческой и потому что в нем проходишь с людьми трудное. А потом обстоятельства помогли стать сестрой. Теперь я ночная сестра, а днем три раза в неделю работаю в городском госпитале. Это для того, чтобы к осени хорошо зарабатывать, т. к. я в *servic'e* очень известного профессора и осенью он мне будет давать практику⁷¹.

Как медицинская сестра, ЕИЗ устроилась в наркологическое отделение, и теми, с кем ей приходилось постоянно общаться, были наркоманы, любители гашиша и кокаина. В ее жизни наступил период, когда она стала неплохо зарабатывать и обрела материальную устойчивость. Сохраняя былой женский шарм, ЕИЗ еще позволяла себе легкие *romans d'amour*, ср. дневниковую запись Буниной от 27 февраля 1929 г.:

Обедали у нас Верочка⁷² и Савинкова, которая очень интересно рассказывала о курителях опиума, кокаиноманах и т. д. Она молодец. Вот уж верно, что есть люди, которые никогда не пропадут, выйдут из са-

⁶⁹ «Мы встретимся в солнечном луче»: Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской 1920–1926. М., 2014. С. 128.

⁷⁰ Там же. С. 594.

⁷¹ XPSColl. Group B, box 3, folder 8.

⁷² По-видимому, Вера Алексеевна Зайцева (1878–1965), жена писателя Б. К. Зайцева.

мого тяжелого положения. Конечно, быть сестрой при подобных людях тоже нелегко, но, по крайней мере, она всегда в хорошей «роскошной обстановке». На днях она едет в Ниццу в *train bleu* — билет стоит 1800 фр[анков]! Будет жить [в] *Cimiez*. Рассказывала о последнем дежурстве. Он — *Philipp* — 25; ей — 40. У нее особняк, а весь *train* оплачивает он, 20 т[ысяч] фр[анков], но ей мало⁷³.

На следующий день она же записывает в своем дневнике:

Всё вспоминаю Савинкову. До чего самодовлеющий человек. Она почти ни одного вопроса не задала нам, а все время рассказывала о себе, о своих больных. О себе она всегда говорит в настоящем времени, ни вспоминать, ни мечтать не любит⁷⁴.

И спустя несколько месяцев, 3 августа 1929 г., Бунина снова пишет о том, что ЕИЗ могла позволить себе время от времени посещать казино в Монте-Карло:

Савинкова хотела приехать сюда с тайной надеждой играть в М[онте]-К[арло]. Теперь она в Компаене⁷⁵.

Довольно жесткую характеристику ЕИЗ содержит ее дневниковая запись от 15 октября 1929 г.:

В Ницце вчера встретили Савинкову. Ехала к Мережковск [им], проявляла дурные чувства к Яну⁷⁶. Я постаралась действовать добром. Немного смирилась, стала ласковее. Мне жаль ее. Она уже мертва. Что-то говорит, а душа пуста. Она — человек, которому нужны зрители, а их тут-то и нет. Восхищается своей дачей: «голая лежу на пляжу» ... Я спросила: «Вы будете ночевать у Мережковских?» — «Нет, ночевать у кого бы то ни было меня калачами не заманишь» ... Я промолчала. Про Алданова: «Это не писатель, все зализано», — мнение

⁷³ RAL. VNB's-Dairy, n/p.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же; «Компаен» — Так у автора. По всей видимости, Бунина имеет в виду французский город Компьен (*Compiègne*).

⁷⁶ Ян — И. Бунин.

Сосинских, которое она повторяет. Про Шестова: еврейский ум, философия, которая представляется мне спиралью... Вот всегда чужое. Вся надежда на советскую литературу, из нее все выйдет⁷⁷.

А в одном месте своего дневника (16 октября 1931 г.) Вера Николаевна и вовсе впадает в саркастический тон и называет ЕИЗ «чеховской “душечкой”, только энергичной»⁷⁸.

В начале 30-х гг. ЕИЗ в третий раз вышла замуж — за бывшего кавалергарда и военного летчика Юрия (Георгия) Ширинского-Шихматова (1890–1942), ставшего в эмиграции видным общественным деятелем. Произошло это не позднее 9 мая 1931 г. См., например, дневниковую запись все той же Буниной, датированную этим днем:

Савинкова еще прислала письмо, подписанное Ширинской-Шахматовой⁷⁹.

Зарабатывая на жизнь в качестве водителя такси, Юрий Алексеевич жил, однако, насыщенной социально-политической жизнью — являлся одним из идеологов национал-максимализма⁸⁰, руководил Объединением пореволюционных течений, был организатором и председателем парижского Пореволюционного клуба (1932–1936), издавал журнал «Утверждение» (1931–1932) и играл одну из ключевых ролей в издании журнала «Завтра» (1933–1935).

В последнем своем замужестве ЕИЗ приобрела княжеский титул: ее супруг был выходцем из знатной фамилии — сыном известного государственного и общественного деятеля, гофмейстера Высочайшего двора, действительного статского советника, обер-прокурора Святейшего Синода, сенатора и члена Государственного Совета князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова (1862–1930)⁸¹. «Юдофоб-

⁷⁷ RAL. VNB's-Dairy, n/p.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ См. отчет о его докладе, прочитанном летом 1926 г. для делегатов конференции Объединения русских эмигрантских студенческих организаций, в кн.: Л. Б. Национал-максимализм и национал-большевизм. [Ницца], 1927.

⁸¹ Ср. в воспоминаниях В. Яновского, о том, что после того, как она вышла замуж за Ширинского-Шихматова, в русском Париже ее стали в шутку называть «княгиней Савинковой» (Яновский В. С. Указ. соч. С. 172).

ский синдром», порой присущий людям его круга, обошел Юрия Алексеевича, и в годы немецкой оккупации Парижа этот достойный человек проявил редкие качества благородства и мужества: русский аристократ, он, по свидетельству В. Яновского, искал «удобного случая, чтобы надеть на рукав желтую (еврейскую) повязку»⁸². О том же свидетельствует и другой очевидец и летописец истории молодого беженского поколения, которому он дал имя «незамеченного», В. Варшавский:

Во время немецкой оккупации Ширинский хотел зарегистрироваться как еврей и носить желтую звезду. Он мученически погиб в гитлеровском концлагере: за попытку вступить за другого заключенного эсэсовцы затоптали его сапогами насмерть⁸³.

Удивление, вызванное их браком в среде праворадикальной эмиграции, к которой по сословию, воспитанию и взглядам, по крайней мере, в формальном отношении, примыкал (или должен был примыкать) Ширинский-Шихматов, в полной мере выразила З. Н. Гиппиус в письме к А. В. Амфитеатрову от 18 августа 1932 г.:

Я уже стойко выдерживаю неудивление, когда узнаю самые небывалые вещи. Писала ли я Вам, например, о такой штучке: Савинкова, Вы знаете, вышла за Ширинского-Шихматова. Группа наших монархистов, к которой Ширинский раньше принадлежал, а потом «изменил» и даже на вдове террориста женился, решила «отплатить» и подала во французский суд жалобу на Савинкову (у которой только что, после десятилетней болезни (рака) и трех операций, умерла мать)⁸⁴ — что Савинкова свою мать отравила! Как Вам это кажется? Мне, хотя и мать

---

⁸² Там же. С. 173.

⁸³ *Варшавский В. С. Незамеченное поколение.* М., 2010. С. 50. Ср. в мемуарных записках Памфиловой, которая пишет, что Ширинский-Шихматов «был забит палками до смерти за то, что вступился за еврея» (XPSColl. GroupD, box 7, folder 1).

⁸⁴ М. А. Зильберберг умерла 16 марта 1932 г. В этот день ЕИЗ писала Ксении в палестинский кибуц Ein Harod, где она за несколько месяцев до этого поселилась (XPSColl. Group B, box 3, folder 8): Дорогая Ксеничка, сегодня в 8 ч. без десяти минут утра умерла мама. / Умерла в тяжких мученьях. / Твое письмо пришло вчера. / Я напишу тебе скоро. / Хороним маму в пятницу, 18-го, на кладбище в Issy[-les-Moulineaux]. / Будь здорова. / Любящая тебя Женья.

эту с операциями я годы знала, кажется небывалым, но обычным. Дело и сейчас во французском суде⁸⁵.

Даже вкусив все трудности и горести беженского существования и приближаясь к пятидесяти, ЕИЗ не потеряла следов былого обаяния. О ее глазах «совершенно невероятной красоты» писала Марина Цветаева в письме к Вере Буниной от 24 октября 1933 г., описывая одновременно трудный эмигрантский быт и эмигрантскую нужду:

Мы с ней часто видимся, они вместе с моей дочерью набивают зайцев и медведёй («Зайхоз»), зашивают брюхи, пришивают уши и хвосты (у зайцев и медведёй катастрофически маленькие, т. е. очень трудные: не за что ухватиться) и зарабатывают на каждом таком типе по 40 сант[имов], т. е. дай Бог — 2 фр[анка] в час, чаще — полтора⁸⁶.

Умирала ЕИЗ мучительно⁸⁷. Бунина в письме к Г. Н. Кузнецовой от 8 марта 1960 г., фрагмент которого приводился выше, так описывала ее последние часы:

Она, бедняжка, скончалась от рака кишок при немцах. Из клиники, где она лежала⁸⁸, ее выкинули, и пока ее муж, кн. Ширинский-Шихматов, искал такси, она лежала на носилках, на тротуаре⁸⁹.

Ср. запись в «Дневнике мыслей» А. Ремизова (от 3 июня 1943):

⁸⁵ Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 14: Избранная переписка 1891–1945 гг. Венок посвящений. М., 2013. С. 842.

⁸⁶ Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. М., 1995. С. 259.

⁸⁷ ЕИЗ не стало 12 сентября 1942 г., ср. неверно указанный год ее смерти как 1940-й в ряде биографических справок: Там же. С. 303; Гиппиус З. Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14: Избранная переписка 1891–1945 гг. Венок посвящений. М., 2013. С. 1000 и др., — ошибка, проистекающая, возможно, из следующего фрагмента в воспоминаниях В. Яновского: «Летом 1940 года Евгения Ивановна умерла от рака. Душные ночи в полупустевшем Париже, где хозяйничали ненавистные немцы ... лежать прикованной к одру, обреченной — все это было вдвойне мучительно!». (Яновский В. С. Указ. соч. С. 174–75; 275).

⁸⁸ В тогдашнем пригороде Парижа Neuilly-sur-Seine.

⁸⁹ «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной [и др.]. М., 2014. С. 522.

[...] вчера рассказывал Мамченко о ее (ЕИЗ. — В. Х.) смерти, о ее предсмертном долгом крике [...] ⁹⁰.

О том, когда именно весть о смерти ЕИЗ достигла Ксении, сведения отсутствуют.

Приложение

Письма Евгении Зильберберг Вере и Ивану Буниным

К сожалению, большинство писем ЕИЗ не датированы, и это создает известные трудности в установлении их строгой хронологии.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в RAL. MS. 1066/4901–4904 (письма к Бунину) и MS. 1067/6595–6600 (письма к Буниной).

№ 1. Париж — Париж. [3 декабря 1921 г.]^[1]

Monsieur Bounine
1, rue Offenbach
(XVIe)
Суббота

Дорогой Иван Алексеевич,

большое спасибо за внимание, за присланную книгу. Вы доставили мне очень большое удовольствие, т. к. в числе Ваших многочисленных поклонников есть еще один тайный — это я.

Жму Вашу руку и шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне.

Ваша Евгения Савинкова

¹ Письмо не датировано; дата указывается по почтовому штемпелю на конверте.

№ 2. Медон — Грасс. 23 июня 1927 г.

23 juin 1927
57, rue des Galeries
Meudon (S. O.)

Дорогой Иван Алексеевич,

⁹⁰ Ремизов А. М. Дневник мыслей. 1943–1957 гг. СПб., 2013. С. 38.

как Вы поживаете? Как Вера Николаевна? Я очень мечтаю поехать на юг, но не знаю, удастся ли осуществить мечту. Рада была бы Вас видеть.

Вот такая у меня просьба к Вам: моя *belle-sœur* В. В. Мягкова^[1] получила предложение перевести вещи Бориса Викторовича (Савинкова. — В. Х.) на английский язык от Александра Давидовича Кауна, живущего в Калифорнии. Он пишет, что справиться о нем можно у Вас. Не откажите в любезности прислать о нем сведения по возможности скорее. За что заранее благодарю^[2].

Вам обоим мой сердечный привет.

Ваша Е. Савинкова

¹ Вера Викторовна Мягкова (урожд. Савинкова; 1872–1942), сестра Бориса Савинкова. В завещании, написанном в Париже и датированном 7 августа 1924 г., т. е. накануне своей роковой поездки в советскую Россию, Савинков в качестве распределителя денег за издание его сочинений назначил Мягкову, а в случае ее смерти — ее мужа, А. Г. Мягкова, см. Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 55.

² Речь идет об американском слависте, литературном критике, писателе и переводчике, профессоре University of California, Berkeley Александре Кауне (Alexander Kaun; 1889–1944). Родившийся в России и даже успевший принять участие в революционном движении 1905–1907 гг., он эмигрировал в США, где первоначально (1909–1916) преподавал древнееврейский язык, а позднее русскую литературу в различных американских университетах. Каун был горячим поклонником творчества Бунина и одним из тех, кто поддерживал выдвижение его кандидатуры на присуждение Нобелевской премии (см.: *Марченко Т. В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М., 2017., по указателю имен).

Среди ряда его переводов русских авторов на английский язык, таких, например, как «The Tempering of Russia» Ильи Эренбурга (*Ehrenberg I.* The Tempering of Russia. NY, 1944.), переводы произведений Б. Савинкова не значатся. Следует, между прочим, заметить, что в том же 1927 г., когда было написано это письмо, в нью-йоркском издательстве А. Кнопфа (в переводе Томаса Сельцера) увидел свет савинковский роман «What Never Happened» («То, чего не было»).

№ 3. Париж — Париж. [14 апреля 1923 г.]^[1]

Суббота

Милая Вера Николаевна,

К огорчению, я сильно простудилась и сегодня, вероятно, не смогу быть на вечере Шмелева^[2]. И в этом случае хочу просить вас получить с г-на Черняка^[3] 80 фр[анков] за 4 бил[ета]. Он хотел мне их отдать на вечере, и если будут Лесины^[4], то с них за 2 бил[ета] — не знаю, сколько.

В свою очередь, я Вас хочу просить помочь мне собрать немного копеек для отправки большого офицера, который дрался на всех боль-

шевистских фронтах, был очень ранен и теперь д-р Крессон^[5] оперировал его, вытащил пули, и мне надо франков 200, чтобы отправить его к знакомым на юг. Это человек, которому стоит помочь. Если соберете по 3–5 фр[анков], и то помощь. Буду очень благодарна.

Я Вас целую и кланяюсь Ивану Алексеевичу.

Ваша Евгения Савинкова

- ¹ Письмо не датировано; дата устанавливается по содержанию: см. следующее прим.
- ² Возможно, имеется в виду вечер Общества русских студентов для изучения и упрощения славянской культуры, на котором И. С. Шмелев (почетный член этого Общества) читал один из своих рассказов (Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция, 1920–1975 : в 8 т. Т. 1. М.; Paris, 1995. С. 97). Вечер проходил 14 апреля 1923 г., что как раз пришлось на субботу, указываемую ЕИЗ как день написания письма.
- ³ Вероятно, имеется в виду общественный деятель И. Е. Черняк.
- ⁴ Купец 1-й гильдии Григорий (Герш Зелик) Давидович Лесин (1860–?) до эмиграции был владельцем петербургского банка (Невский пр., 18 и 44), который в 1908 г. становится одним из крупнейших в предреволюционной России, см.: *Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства*. Л., 1991; *Лизунов П. В. Банкирский дом «Г. Лесин», его операции и владелец // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства ... СПб., 2006. С. 104–108.* и др.
- О его разорении уже в годы эмиграции и о попытке самоубийства мы узнаем из дневниковой записи Буниной, датированной 16 июня 1929 г.: «Письмо от Нилуса: Лесин разорен, 45 мил[лионов] пассива. Он перед покушением играл в карты, шутил, потом спустился в подвал, надел талес и стал петь себе отходную, рука дрогнула. Вероятно, будет процесс. Многие разорены» (RAL. VNB's-Dairy, n/p).
- ⁵ Фортунат Евстафович Крессон (ум. 1945), врач, общественный деятель. Организатор и директор амбулатории Российского общества Красного Креста (1920). В 1923–1939 гг. работал старшим врачом во Франко-русском госпитале, находящемся в Villejuif, южном пригороде Парижа. С 1923 г. являлся председателем Общества русских врачей им. Мечникова.

№ 4. Шатне –Грасс. [Вторая половина 1920-х гг.]^[1]

La Vallée au Loup

Châtenay (Seine)

Спасибо, дорогой Иван Алексеевич, за присланную фотографию.

Только я Вас едва узнаю на ней. Фотография ли виновата или Вы правда так изменились?

Мой сын сейчас со скаутами в Antibes^[2], и я очень мечтаю поехать хоть на недельку туда в августе.

Так как судьба ко мне вообще благосклонна, то, вероятно, она сделает так, чтобы мое желание осуществилось.

Мой сердечный привет Вам и Вере Алексеевне^[3].

Ваша Евгения Савинкова

- ¹ Письмо не датировано; датируется приблизительно, исходя из содержания.
- ² В письме от 18 августа 1927 г., адресованном Ксении, которая в то время жила в Риме, ЕИЗ рассказывала о Леве-скауте, которому в то время не было еще 15 лет: «И Левочка почти взрослый, несмотря на свои 15 лет, которые ему только исполнятся. Если бы ты знала, какой он удивительный человек! Он начинает себя проявлять как индивидуальность. Он недавно пережил тяжелую вещь. Он разочаровался первый раз в жизни в человеке, которого обожал два года (начальник скаутского отряда — бывший офицер). И составив себе мнение о нем, он, ничего никому не говоря, явился к нему — начальству, и заявил: «[Я] Вас не уважаю и потому принужден уйти из отряда». Начальник очень считался с Левочкой, поговорил с ним и взял слово, что об их разговоре никто не узнает. Лева ушел из отряда. Он перешел потом в другой отряд скаутов. Спустя некоторое время, Авксентьев как член Земгор, производя расследование об офицере, с которым у Левы было объяснение, попросил Леву рассказать ему об их разговоре. И Левочка твердо сказал ему: «Если я дал честное слово даже подлещу — я его не нарушу, и с Вами могу говорить только, если тот, кому я дал слово, освободит меня от него». Пишу тебе эти подробности нарочно, чтобы дать представление о твоём племяннике. Теперь получила от него письмо из лагеря, что его скауты выбрали председателем суда чести среди них. Ты подумай — там мальчики 17–18 лет! И радуюсь, на него глядя, и уже предвижу трудный путь его жизни» (XPSColl. Group V, box 3, folder 8).
- ³ То ли ЕИЗ ошиблась в отчестве Буниной, то ли передавала привет Вере Алексеевне Зайцевой, жене писателя Б. К. Зайцева.

№ 5. Париж (?) — Грасс. [Не позднее 9 мая 1931 г.]^[1]

Madame Bounine

Villa Belvédère

Grasse

А. М.

Четверг

Милая Вера Николаевна,

большое спасибо за Ваше приглашение приехать. Но обстоятельства складываются так, что, кажется, не смогу им воспользоваться в этом месяце. Очень поэтому сожалею. Если что изменится у меня и Вам если к тому времени мой приезд не помешает — снова спрошу тогда разрешение.

Очень обижаюсь на погоду — здесь холодно, как осенью!

Целую Вас и кланяюсь Ивану Алексеевичу.

Ваша душевно

Е. Савинкова

- ¹ Письмо не датировано; датируется крайне приблизительно, исходя из содержания: ЕИЗ подписывалась фамилией Савинкова до того, как вышла замуж за Ю. А. Ширинского-Шихматова (о том, что произошло это до 9 мая 1931 г., см. выше). См. следующие письма, где она уже подписывается Ширинской-Шихматовой, хотя Бунина в своем дневнике продолжала и далее называть ее Савинковой.

№ 6. Исси-ле-Мулино — Грасс. [Конец апреля 1933 г.]^[1]

29, rue Barbés
Issy-les-Moulineaux
(Seine)

Дорогая Вера Николаевна,

Я прочла Ваши, так хорошо написанные воспоминания о Софье Ивановне Жилевич^[2]. Так ясно встала она с букольками, затынутыми вуалью, узловатая, резкая. Я не знала о ее трагическом конце.

Вы вспомнили давно ушедший мир, в котором частица и моей души. Я вспомнила, как брат мой одно время увлекался Софьей Ивановной, как она приходила к нему.

Вот и захотелось написать Вам, через которую протянулась ниточка к прошлому.

Как Вы живете? Как Иван Алексеевич? Прошлый год мы встретились с Вами на собрании «Дней»^[3], но как-то официально, причину тому не знаю. Я к Вам сохраняю самые нежные и любовные чувства и буду рада, если повидаетесь со мной, когда будете в Париже.

Ваша душевно

Е. Ширинская-Шихматова

Ивану Алексеевичу привет.

¹ Письмо не датировано; датируется приблизительно, исходя из содержания: воспоминания Буниной, о которых говорит ЕИЗ, были опубликованы в парижской газете «Последние новости» 28 апреля 1933 (см.: Муромцева В. Завещание // Последние новости (Париж), № 4419, 28 апреля 1933. С. 2.).

² Софья (на самом деле, Юлия) Ивановна Жилевич — гимназическая подруга Веры Николаевны, была участницей революционного движения. Покончив жизнь самоубийством в Алжире, она завещала Буниной свой дневник. В нем Жилевич описала вынужденный выход из РСДРП и отъезд за границу, после того как раскрылась провокационная роль ее мужа. Вера Николаевна получила этот дневник во французском консульстве, что и побудило ее написать воспоминания, которые она так и назвала — «Завещание». Из этого письма ЕИЗ выясняется также и то, что Юлия Жилевич бывала в семье Зильбербергов и что Лев Иванович «одно время увлекался» ею.

³ «Дни» — русская эмигрантская газета, которая начала выходить в Берлине 29 октября 1922 г. под ред. А. Милашевского; 16 сентября 1925 г. она переехала в Париж, где с 1927 г. (№ 1201) ее стал редактировать А. Керенский. В 1928–1933 гг. — еженедельник.

№ 7. Исси-ле-Мулино — Грасс. [Не ранее 10 ноября 1933 г.]^[1]

29, rue Barbés
Issy-les-Moulineaux
(Seine)

Дорогой Иван Алексеевич,

Примите мое сердечное поздравление с получением столь заслуженной Вами Нобелевской премии.

Радуюсь за Вас и желаю Вам всех благ.

Ваша Е. Ширинская-Шихматова

¹ Письмо не датировано; датируется, исходя из содержания: о том, что Бунину присуждена Нобелевская премия, стало известно 10 ноября 1933 г.

№ 8. Исси-ле-Мулино — Грасс. [30 сентября 1934 г.]^[1]

Воскресенье 29, rue Barbès

Issy-les-Moulineaux

(Seine)

Дорогая Вера Николаевна,

Поздравляю Вас с днем Ангела. Как я рада была нашему с Вами свиданию. Много думала о Вас и думала, уезжая с юга, написать Вам хорошее, большое письмо^[2]. Так это ненаписанное письмо и осталось во мне, а сейчас я уже на полном заводе, и нет минуты свободной.

Я Вас целую и шлю сердечный привет Вам и Ивану Алексеевичу.

Ваша Е. Ширинская

Р. S. У меня сегодня была Е. А. Извольская^[3] и, узнав, что сегодня день Веры, жалела, что не поздравила Вас.

¹ Письмо не датировано; датируется предположительно, исходя из содержания: а) ЕИЗ говорит в нем о свидании с Буниной, имея, по-видимому, ввиду их встречу в Грассе в сентябре 1934 г., о которой Вера Николаевна сообщала мужу в письмах от 17 и 20 сентября (см. следующее прим.); б) она поздравляет Бунину с днем Ангела, когда православные христиане отмечают День памяти Веры, Надежды, Любви и матери их Софии — мучениц, живших в Риме во II веке, во времена гонений на первых христиан, а он приходится на 30 сентября (в 1934 г. оно выпало на воскресенье, которое указано в письме); в) адрес отправителя совпадает с тем, по которому она проживала с Ширинским-Шихматовым после замужества в первой половине 1930-х гг., ср. предыдущие письма.

² Встречи с ЕИЗ Вера Николаевна засвидетельствовала в письмах к мужу из Грасса в Париж, где он в это время находился; в письме от 17 сентября 1934 г. она сообщала: «[...] завтра [в] 3 ч. 30 м. rendez-vous с Савинковой, с которой мы встретились вчера у моря. Боюсь, что эти rendez-vous выбьют меня из моего бюджета. Но отказаться было невозможно» (И. А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 2019. С. 702).

А в письме, отправленном через три дня, 20 сентября, рассказывала Бунину об этом rendez-vous: «Савинкова произвела хорошее впечатление, провела с ней часа три.

Она выучилась красить волосы, будет этим ремеслом зарабатывать. Левочка камионщик, пишет стихи и прозу, но еще не печатает. Муж — шофер и создатель партии — современная семья! Соединение материи и духа» (Там же. С. 704. Речь идет о том, что Лев Савинков, сын ЕИЗ работал водителем грузовика, от фр. camion. — В. Х.).

- ³ Елена Александровна Извольская (1896–1975), общественный и религиозный деятель, писательница, переводчица, редактор.

№ 9. Мон-Саксонекс ле Фонтен (Верхняя Савойя) — Босолей (Приморские Альпы). [Сентябрь 1938 г.]^[1]

Madame V. Bunine

Villa «La Dominante»

Avenue de Villaine, Beausoleil (Alpes Mar[itimes])

Милая Вера Николаевна,

как живете, как Ваше здоровье?

Я всё еще в горах, живу в крестьянской избе, отряхнув прах от всякой цивилизации. Хожу с крестьянами убирать сено, таскаю ведра, топлю печь. Насколько жизнь крестьян лучше и умелее нашей. Могла бы — не уехала отсюда.

Рада буду, если напишите о себе.

Я Вас целую и приветствую всю Вашу семью.

Евгения Ширинская

Mont-Saxonnex les Fontaines

H[au]te Savoie

- ¹ Написано на почтовой фотооткрытке с изображением Mont-Saxonnex. Открытка не датирована; дата устанавливается по почтовому штемпелю (к сожалению, число не различимо). В августе 1938 г. чета Буниных отправилась в городок Beausoleil, находящийся в Приморских Альпах (в их парижской квартире остались Г. Кузнецова и М. Степун), см. дневниковые записи, принадлежащие тому и другому и относящиеся к этому времени — от 25 августа (Веры Николаевны) и 2 сентября (Ивана Алексеевича) в кн.: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы : в 3 т. Т. III. Frankfurt am Main, 1982. С 25–26.

№ 10. Париж — Грасс. 2 мая 1939 г.

2-5-[19]39.

22, rue Bois-le-Vent

[Paris], 16^e

Милая Вера Николаевна,

Как живете? Давно Вас не видала и соскучилась по Вас. Надеюсь, что Вы спокойнее живете на юге и потому лучше себя чувствуете. В ка-

кое гнусное время живем мы с Вами! Как хорошо вышколено человеческое стадо! — спокойно гуляет мимо обклеенных афишами домов — «abri pour 28 personnes, abri pour 80 personnes»^[1]. Богатая публика уже утекает из Парижа, ну а публике нашего сорта волноваться выбором местожительства не приходится. Спокойно созерцаем происходящее.

Когда-то Вы мне говорили, что думали написать о моем брате. Может быть, написали? Если нет — напишите, милая, что помните о нем^[2]. Ксения (вдова брата) пишет, заказанную ей для печати, статью о брате^[3], и Ваши воспоминания о его юношеских годах были бы бесконечно ценны^[4].

Пишете ли Вы сейчас что-нибудь?

Я Вас целую.

Ваша сердечно

Евгения Ширинская

Привет Ивану Алексеевичу.

¹ Abri pour 28 personnes, abri pour 80 personnes (*фр.*) — приют на 28 человек, приют на 80 человек.

² Вера Николаевна хорошо знала Льва Зильберберга, ср. в ее письме к Г. Н. Кузнецовой от 8 марта 1960 г.: «Лев Иванович Зильберберг, прелестный человек, я знала его» («... Когда переписываются близкие люди»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной [и др.]. М., 2014. С. 522). В письме к Памфиловой из Парижа в кибуц Наанот 14 марта 1939 г. ЕИЗ писала: «В. Н. Бунину видела месяца два назад, она приезжала с юга, где они теперь живут. Если бы она написала о Леве, то, наверно, сказала бы мне: напишу ей и, может быть, побужду (*sic.* — В. Х.) написать» (XPSColl. GroupB, box 3, folder 8).

Данное письмо ЕИЗ к Буниной как раз и является такого рода побуждением к написанию воспоминаний. Судя по рукописным материалам мемуарных «Разговоров с памятью», сохранившимся в ее архиве, Бунина действительно взялась за восстановление событий минувших дней и, в частности, за рассказ о «тайном обществе» — кружке народных учителей, о котором шла речь выше и который посещали брат и сестра Зильберберги, Сомов и она сама.

И этот кружок, — вспоминала Вера Николаевна, — как ни странно очень долго существовал, собрал недурную летучую библиотеку. Лично я в нем состояла лет пять... (RAL. MS. 1067/204).

³ Такую статью в виде отдельного текста Ксения, скорее всего, не написала; по крайней мере, в печать она точно не попадала.

⁴ Ответ Буниной ЕИЗ приводит в своем письме к Ксении, написанном между 14 марта и 19 июля 1939 г.: «Вера Бунина написала мне (она живет в Grasse), что с удовольствием бы сама написала о Леве, но у нее мало материала для отдельной статьи. Пишет: "У меня только раз со Львом был интересный разговор, когда он мне неожиданно сказал, что "наша затея" его не удовлетворяет, что нужно уходить в другую работу, более серьезную, в подполье. Мы шли по улице, не то по Малой Никитской, не то по

Бронной. Он был человеком редких душевных качеств, тихий, молчаливый, так что проявлял себя на заседаниях очень мало.

Если написать о нашем кружке — назвать “Приготовительный класс” — и в нем дать страничку Льву Ивановичу, о нем, о Вас, о Вашей квартире, его комнате, о его тонком красивом лице. Если бы были материалы, я написала бы его биографию. Думаю, что мне это по силам, изнутри чувствую его”» (XPSColl. Group B, box 3, folder 8). И далее ЕИЗ давала свой комментарий к этому фрагменту из письма Буниной: «В. Б[унина] пишет о кружке народных учителей, который мы вместе организовали. Задание наше было нести просвещение в деревню через них. Я думала, что В. Б[унина] могла бы хорошо написать, но я представляла себе, что у нее больше воспоминаний» (Там же).

Перечень архивов

BAR — The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University, New York, USA)

RAL. VNB’s-Dairy, n/p — Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds, UK); Дневник В. Н. Буниной, неопубликованная часть

XPSColl. — Xenia Pamfilova Silberberg Collection (Yad Tabenkin Archives: The Research and Documentation Center of the United Kibbutz Movement, Ramat Efal, Israel)

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Источники и литература

Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л. : Наука, 1991.

Боголепов А. Памяти Е. И. Сомова // Новое русское слово (Нью-Йорк), № 18 052, 12 августа 1962.

Борис Савинков на Лубянке: Документы / Сост. В. К. Виноградов; науч. ред. А. Л. Литвин. М. : РОССПЭН, 2001.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение / Предисл. О. А. Коростелева; Сост., коммент. О. А. Коростелева, М. А. Васильевой; Подг. текста Т. Г. Варшавской, О. А. Коростелева, М. А. Васильевой; Подг. текста приложения, послесл. М. А. Васильевой. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына : Русский путь, 2010. (1-е изд. — 1956 г.).

Гиппиус З. Н. Мой лунный друг (О Блоке) // Окно: Трехмесячник литературы (Париж), № 1, 1923. С. 103–153.

Гиппиус З. Н. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 14: Избранная переписка 1891–1945 гг. Венок посвящений / Сост., коммент., указ. имен А. Н. Николошкина и Т. Ф. Прокопова. М. : Дмитрий Сечин, 2013.

Дымов О. «Вспомнилось, захотелось рассказать...»: Из мемуарного и эпистолярного наследия : в 2 т. Т. 1: То, что я помню. Т. 2: В дружеском и творческом кругу Дымова / Сост. и коммент. В. Хазана. Jerusalem : The Hebrew University of Jerusalem; Center of Slavic Languages and Literatures, 2011.

«Жаль, что так рано кончились наши бабьи вечера»: Из переписки В. Н. Буниной и Т. М. Ландау / Публикация Е. Рогачевской // И. А. Бунин: Новые материалы, вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М. : Русский путь, 2004. С. 367–401.

И. А. Бунин: Новые материалы и исследования : в 4 кн. / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М. : ИМЛИ РАН, 2019–2022. (Литературное наследство, т. 110).

Кан Г. С. «Гроза бедой преступной силе...»: Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908) [: в 2 т.]. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2021. (Историко-революционный архив, вып. 5).

«... Когда переписываются близкие люди»: Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун. 1934–1961 / Научные редакторы серии О. А. Коростелев и Р. Дэвис; Составление, подготовка текста, научный аппарат Е. Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводительные статьи Е. Р. Пономарева. М. : Русский путь, 2014.

Крандиевская-Толстая Н. В. Воспоминания. Л. : Лениздат, 1977.

Л. Б. Национал-максимализм и национал-большевизм. [Ницца] : Изд. Ницкого кружка политического самообразования, 1927.

Лизунов П. В. Банкирский дом «Г. Лесин», его операции и владелец // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства : материалы междунар. научн. конф. (Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2006 г.). СПб. : Нестор-История, 2006. С. 104–108.

Марченко Т. В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М. : «Азбуковник», 2017.

Морозов К. Н. Борис Савинков: опыт научной биографии. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022.

Муромцева В. Завещание // Последние новости (Париж), № 4419, 28 апреля 1933. С. 2.

«Мы встретимся в солнечном луче»: Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской 1920–1926 / Вступ. статья Р. Бёрда и Ф. Черкасовой; Предисл. С. Шейлаз; Публ., сост., подг. текста, прим. Р. Бёрда, Ф. Черкасовой. М. : Русский путь, 2014.

Набоков В. В. Переписка с Михаилом Карповичем, 1933–1959 / Издание подготовил А. А. Бабинов. М. : Литфакт, 2018.

Письма К. А. Сомова к К. М. Животовской (1925–1938) / Подг. текстов, вступ. статья М. С. Царьковой; коммент. и биограф. справка Е. П. Яковлевой; пер. с англ. Е. А. Тереховой. Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2002 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006.

Раскольникова М. В. Тень быстротечной жизни. М. : Советский писатель, 1991.

Ремизов А. М. Дневник мыслей. 1943–1957 гг. / Отв. ред., автор вступ. статьи А. М. Грачева; подг. текста А. М. Грачевой, Н. М. Коннычевой, Л. В. Хачатурян; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. СПб. : Пушкинский Дом, 2013.

Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция, 1920–1975 [: в 8 т.] / Под общ. ред. Л. А. Мнухина. М. : ЭКСМО : Русский путь ; Paris : YMCA-Press, 1995–2002.

Савинков Б. В. Посмертные статьи и письма. М. : Огонек, 1926.

Савинков Л. Б. Аванпост : стихи. Париж : б/и, 1936.

Сомов К. А. Дневник, 1917–1923 / Вступ. статья, подг. текста, коммент. П. С. Голубева. М. : Дмитрий Сечин, 2017.

Три брата (То, что было) : сборник документов / Сост., авторы предисловия и коммент. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М. : Новый хронограф, 2019.

Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы : в 3 т / Под ред. Милицы Грин. Frankfurt am Main : Пов сев, 1977–1982.

Хазан В. «Шикарный европейский солдат»: Владимир Сосинский в годы войны / Публ., подг. текста, прим. В. Хазана // Новый журнал (Нью-Йорк), кн. 307, 2022. С. 216–280.

Цветасва М. И. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Эллис Лак, 1994–1995.

Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. С. Довлатова. СПб. : Пушкинский фонд, 1993. (1-е изд. — 1983).

«As a Seal upon Thy Heart»: The Life and Fate of Rachel Ginzberg, Daughter of Ahad Ha'am / Compilation and commentaries by V. Khazan and G. Weissblei. Jerusalem : The Hebrew University of Jerusalem, 2022. (series Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939), vol. III).

Dymov O. Wos ich gedenk: Zichronot : in 2 vol. New York : Central Yiddish Culture Organization (CYCO); Bicher-Farlag (Yiddish), 1943–1944.

Ehrenberg I. The Tempering of Russia. New York : Alfred A. Knopf, 1944.

Hippius Z. Mon ami lunaire // Mercure de France (Paris). T. CLXI, no 590, 15 janvier 1923, pp. 289–326.

Tribunskii P. Alexandr Moiseyevich Berkenheim (1878–1932) // Heavy Burden of Responsibility for the Country: Russian Political Émigrés and Eretz Israel, part 1 / Ed. by V. Khazan. Jerusalem : The Hebrew University of Jerusalem, 2020. P. 22–78 (series Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939), vol. II).

Слева направо: Евгений Сомов, Евгения Зильберберг, Лев Зильберберг, Ксения Памфилова-Зильберберг. Начало XX в.

Лев Зильберберг. Тверь, 1903

*Ксения Памфилова-Зильберберг,
начало XX в.*

*Евгения Зильберберг (Сомова).
Москва, 1900-е*

Иллюстрации из: Xenia Pamfilova Silberberg Collection (Yad Tabenkin Archives: The Research and Documentation Center of the United Kibbutz Movement, Ramat Efal, Israel)

Я. В. Леонтьев, Д. И. Рублев

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ САБЛИН — ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ ФИГУРАНТОВ ДЕЛА «АНАРХИСТСКОГО ЦЕНТРА» (1938–1939 гг.)

**По документам Государственного архива Российской
Федерации**

В эпоху «Большого террора» 1937–1938 гг. бывшие участники анархистского движения и социалистических партий становятся объектом политических репрессий. В этот период разворачивается ряд сфабрикованных дел, имевших целью ликвидировать часть бывших социалистов и анархистов, рассматривавшихся как лица, потенциально опасные для существующей политической системы. Так, например, в 1937–1938 гг. прошла Всесоюзная операция НКВД СССР по окончательной ликвидации эсеров, полностью одобренная И. В. Сталиным после ознакомления с докладной запиской наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова, составленной в конце января 1937 г. В 1937–1941 гг. почти все эсеровские активисты в Советском Союзе были уничтожены¹. Как отмечала левая эсерка И. К. Каховская, арестованная в 1937 г. по групповому эсеровскому делу, «был запланирован огромный процесс — “амальгама”, где вскроется страшный заговор, охвативший всю страну»².

29 апреля 1937 г. была составлена директива ГУТБ НКВД СССР о бывших меньшевиках, преимущественно находящихся в ссылках, которые подозреваются в «незаконной работе, направленной на воссоздание меньшевистской партии», в диверсионно-террористических намерениях и стремлении заключить блок с эсерами, троцкистами и правыми с це-

¹ Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. С. 61–68.

² Каховская И. К. Воспоминания террористки. / Сост. Я. В. Леонтьев. М., 2019. С. 187.

лью вооруженного свержения Советской власти. Региональным управлениям НКВД предписывалось «немедленно приступить к быстрому и полному разгрому меньшевистского подполья». Аресты ссыльных меньшевиков к тому времени набирали темпы. Как докладывал Ежов Сталину в мае 1937 г., арестованный в Алма-Ате М. И. Либер (Гольдман) в апреле «дал показания о том, что в СССР существует всесоюзный меньшевистский центр»³. Бывшие эсеры и меньшевики, независимо от их принадлежности к альтернативным, а порой и враждебным течениям, обвинялись в создании «Всесоюзных центров» и разнообразных региональных ответвлений. В 1937 г. в Уфе вместе с ведущей «четверкой» левых эсеров (М. А. Спиридонова, А. А. Измайлович, И. А. Майоров, И. К. Каховская) были арестованы все политссыльные, принадлежавшие к иным политическим течениям, в том числе группа расстрелянных затем анархистов (Т. А. Блатова, А. А. Шляховой, его жена К. А. Штюрмер и др.), которых пытались увязать в «амальгаму» со Всесоюзным эсеровским центром через фигуру бывшей эсерки, а затем анархистки Блатовой⁴.

Начало цепочке арестов анархистов и ренегатов, уже давно оторкшихся от анархизма, положил циркуляр № 17231 о меньшевиках и анархистах, выпущенный 14 февраля 1938 г. руководством НКВД. Этот документ, адресованный всем начальникам краевых и областных управлений НКВД⁵, стал директивным указанием к возобновлению массового преследования анархистов.

В циркуляре руководители НКВД в регионах инструктировались о том, что анархисты «во многих областях продолжают вести активную вредительскую, диверсионную и террористическую работу»⁶. Авторы документа указывали, что ранее проведенные операции коснулись, в основном, «ссыльных и хорошо известных НКВД» деятелей меньшевистского и анархистского движений, уже репрессированных неоднократно. Утверждалось, что «основная часть» меньшевиков и анархистов до сих пор не затронута репрессиями. Особое внимание обра-

³ *Меньшевики в Советской России: сборник документов / Сост. В. К. Виноградов, В. И. Крылов, А. Л. Литвин, Я. Ф. Погоний, В. Н. Сафонов; науч. ред. А. Л. Литвин. Казань, 1998. С. 132.*

⁴ *Каховская И. К. Указ. соч. С. 182.*

⁵ *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00 447. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. С. 297–298.*

⁶ Там же. С. 297.

щалось на бывших анархистов и меньшевиков, вступивших в ВКП (б): «Совершенно не затронуты оперативными мероприятиями меньшевики и анархисты, вступившие в ВКП (б) с двурушнической целью и продолжающие вести в контакте с правыми и троцкистами активную подрывную антисоветскую работу»⁷. Местным руководителям НКВД поручалось провести «исчерпывающую ликвидацию меньшевистского и анархистского подполья», немедленно арестовав «всех, ведущих антисоветскую работу». Основное внимание следствия надлежало направить «на вскрытие нелегальных формирований, организационных связей с зарубежными меньшевистскими и анархистскими центрами», установление связей «подполья» «с правыми и троцкистами и иностранными разведками»⁸.

Одной из достаточно известных амальгам такого рода стало дело так называемого «Анархистского центра», инициированное ГУТБ НКВД в 1938 г. По сути дела, в его рамках и была произведена попытка показательным образом воплотить в жизнь задачи, выдвинутые в циркуляре № 17 231. Фигурантами дела были как ренегаты, отрекшиеся от анархизма и порвавшие с анархистским движением (П. А. Аршинов, Е. Б. Рубинчик-Мейер, И. В. Саблин, Е. З. Ярчук и др.), так и оставшаяся верной своим убеждениям анархистка М. В. Петросова. Отказ от былых убеждений не брался в расчет, что характерно и для амальгамных дел, которые заводились на представителей иных политических партий, в частности — эсеров. Так, Я. В. Браун (И. В. Броун), в прошлом один из лидеров левоэсеровского движения на Украине и экс-секретарь Центрального совета Объединения ПЛСР и ССРМ, по приезду в ссылку в Куйбышев 20 июля 1933 г. обратился с заявлением в Коллегию ОГПУ СССР, в котором «сообщал о своем окончательном и бесповоротном отходе от всякой политической деятельности и о разрыве с партией левых эсеров»; 27 ноября 1936 г. он подал аналогичное заявление в Крайком ВКП (б) на имя заведующего культотделом Д. Резникова, но от ареста его это не спасло⁹.

В статьях Д. И. Рублева ранее были разобраны роль и стратегии поведения в деле «Анархистского центра» Аршинова и Ярчука — двух

⁷ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора... С. 298.

⁸ Там же.

⁹ ОРАФ по Самарской обл. Д. П-6209. Л. 25.

ведущих фигурантов этой амальгамы¹⁰. В статьях Я. В. Леонтьева подробно образом разобраны модели и сценарии ряда дел т. н. «Всесоюзного эсеровского центра» и смежных с ним дел, в числе обвиняемых по которым проходили и анархисты¹¹.

Следственное дело еще одного центрального фигуранта «Анархистского центра», И. В. Саблина (1898–1979) до сих пор не было исследовано. Между тем именно арест и допросы Саблина стали поворотным моментом в фабрикация обвинения против остальных участников дела. Но прежде чем говорить об этой истории, остановимся на биографии героя нашей статьи, его взаимоотношениях с анархистами и советскими спецслужбами.

Анархист, советский разведчик, подпольщик...

Игорь Владимирович Саблин родился в Москве 30 декабря 1898 г.¹² Происходил из дворянской семьи. В его личном деле в материалах Института народного хозяйства им. К. Маркса (ранее Московского Коммерческого института) сохранилась выписка из метрической книги, из которой следует, что родителями Саблина были лекарь Императорского Московского университета Владимир Михайлович Саблин и «законная его жена» Варвара Федоровна. Мать была дочерью Федора Адамовича Корша, причем дедушка выступил в качестве восприемника младенца¹³. Крестили ребенка в «Московской Пречистенского сорока Афанасие-Кирилловской на Сивцевом вражке цер-

¹⁰ См.: Рублев Д. И. Следствие и суд по делу П. А. Аршинова (1938–1940 гг.): судьба бывшего анархиста в годы Большого террора // Жизнь историей и думать о будущем: Сборник статей и материалов к 60-летию доктора исторических наук К. Н. Морозова. М., 2021. С. 467–478; *Он же*. Следствие и суд по делу Е. З. Ярчука (1938–1940 гг.): к истории репрессий против бывших анархистов в годы Большого террора // Апология безвластия: Анархистская альтернатива решения социально-политических проблем: монография. СПб., 2022. С. 315–327.

¹¹ См.: Леонтьев Я. В. Механизм фабрикация следственных дел «Всесоюзного центра» в 1937 г. // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 65–82; *Он же*. Дело «Всесоюзного эсеровского центра» // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации (серия: История сталинизма). М., 2015. С. 119–160.

¹² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 1, 5. Здесь и далее в статье даются ссылки на делопроизводственные номера Ф. 10035. Подробнее о роде Саблиных см. также в книге: Саблины. Годы. События. Люди / Сост. В. В. Саблина. СПб., 2007.

¹³ Ф. А. Корш (1852–1923) — российский антрепренер, драматург и переводчик, адвокат; основатель и владелец частного театра в Москве. См.: Ваганова Н. «Дедушка

кви»¹⁴. Этот храм, известный также как Воскресения Словоущего, сохранился по сей день и находится по адресу: Филипповский переулок, дом 3.

Отец Игоря Саблина был врачом-психиатром, а также известным издателем и литератором-переводчиком. Владимир Михайлович переводил на русский язык пьесы и прозу немецких, французских и итальянских писателей; многие годы дружил с А. П. Чеховым. В 1901 г. он основал «Издательство В. М. Саблина». В издательстве Саблина увидели свет произведения многих классиков европейской литературы конца XIX — начала XX в. Многие из них выходили в переводе Владимира Михайловича. Широкую известность среди читающей публики получила состоявшая из более чем 200 томов серия «Библиотека классиков современной мысли», изданная Владимиром Саблиным. В марте 1909 г. именно в издательстве Саблина увидел свет и знаменитый сборник «Вехи». В 1913 г. из-за серьезных проблем со здоровьем Владимир Михайлович уступил издательство и книжный склад товариществу «Культура», сохранив в своей собственности лишь небольшую типографию¹⁵. Вплоть до смерти отца в 1916 г. Игорь находился на его иждивении¹⁶.

В «Краткой автобиографии» (1934 г.), отложившейся в его личном деле при оформлении документов в комиссии по учету бывших красновардейцев и красных партизан при Ленсовете, И. В. Саблин писал: «Родился [...] в семье врача-литератора, впоследствии книгоиздателя. В 1905 г. отец подвергался неоднократно репрессиям и вместе с нами, детьми, скрывался от налетов полиции. Во время Декабрьского вооруженного восстания в нашей квартире был организован лазарет для дружинников, и в связи с этим квартира подвергалась обстрелу со стороны войск, занявших баррикаду, построенную около Штаба (на углу Садовой и Спиридоновки). В этот же период у нас жил освобожденный из Шлиссельбургской крепости народоволец Н. А. Морозов, близкий товарищ дяди моего отца, народовольца Ник[олая] Ал[ександровича] Саблина, принимавшего участие в убийстве Александра II, застрелившегося 3 марта [18]81 года при аресте»¹⁷. В семье царил своеобразный культ Н. А. Саблина.

Саблин» и его семья // Саблины. Годы. События. Люди / Сост. В. В. Саблина. СПб, Международная ассоциация «Русская культура», Алетейя, 2007. С. 22.

¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 417. Оп. 23. Д. 1986.

¹⁵ Ваганова Н. Указ. соч. С. 16–17, 21–22, 24–26.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 5–5 об., 23.

¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-2188. Оп. 1. Д. 1416. Л. 9.

В 1902 г. родители развелись. Вторым браком отец женился на падчерице известного адвоката Ф. Н. Плевако, Тамаре Васильевне Демидовой¹⁸. Вместе со старшим братом-погодком Ю. В. Саблиным Игорь сперва воспитывался и обучался дома, в семье отца, а затем братья продолжили обучение в Московском частном реальном училище И. И. Александрова, которое Игорь окончил в 1915 г.¹⁹ В это время Игорь впервые увлекается революционной деятельностью: «Вся обстановка, среди которой проходило мое детство, с ранних лет направляла мое внимание в сторону революции. С IV класса реального училища я со старшим братом организовали кружок, изучали историю революционного движения, программы политпартий, размножали и распространяли тексты революционных песен»²⁰.

В 1914 г., увлекшись толстовским учением, Игорь Саблин бежал из дома с паспортом своего товарища и поселился на хуторе близ Новороссийска, однако затем был возвращен в семью. В 1915–1916 гг. он учился на сельскохозяйственном отделении Рижского политехнического института, эвакуированном в Москву²¹. С осени 1916 г. он перевелся на экономическое отделение Московского Коммерческого института, и успел окончить два курса²². В это время семья Саблиных проживала по адресу: 1-й участок Арбатской части по Новинскому бульвару, в доме нотариуса В. Д. Плевако.

Бурные события революции и гражданской войны приостановили его образование. Но еще раньше, в начале 1916 г., он устроился санитаром в поезд Красного Креста, совершавший рейсы между Москвой и Западным фронтом. Тяжелая болезнь отца заставила его вскоре вернуться домой²³. После смерти Владимира Михайловича, весной 1916 г., Игорь «стал вести самостоятельную жизнь, работая переводчиком, домашним учителем, статистиком и пр.». Лето 1916 г. Игорь провел в Северном Семиречье, на границе с Китаем, уехав туда в каче-

¹⁸ Саблина М. Треть жизни — в застенках // Саблины. Годы. События. Люди / Сост. В. В. Саблина. СПб. : Международная ассоциация «Русская культура» ; Алетей, 2007. С. 90.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 5 об., 33.

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-2188. Оп. 1. Д. 1416. Л. 9.

²¹ Саблина М. Указ. соч. С. 90.

²² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 33 об.

²³ Саблина М. Указ. соч. С. 90.

стве сотрудника-статистика гидротехнической партии инженера Николаича и работая по сельскохозяйственной переписи²⁴.

Саблин считал, что является анархистом по убеждениям с 1915 г., но связи с анархистскими организациями он не имел до 1917 г.²⁵ До этого времени работал в подпольной типографии эсеров-интернационалистов, «достав с помощью рабочих Сытинской типографии 9 пудов шрифта»²⁶, и полагая, что «тогда шел вопрос в первую очередь о свержении царизма»²⁷.

В автобиографии Саблин пояснял, почему он не работал «ни в одной из двух существовавших в Москве анархистских организаций (группа ан[архистов]-комм[унистов] «Авангард» и группа ан[архо]-синдикалистов)», «так как они не удовлетворяли меня своим отношением к войне и Гос[ударственной] думе («Авангард») и своей цеховщиной (ан[архо]-синд[икалисты])»²⁸.

Фактически же Саблин лишь после Февральской революции примкнул к анархистским организациям. С этого момента он становится членом Московской федерации анархистских групп (МФАГ), сотрудничает с ней до ноября 1917 г., как агитатор, пропагандист и корректор газеты «Анархия», затем работает в издательстве МФАГ (с августа)²⁹. По словам Саблина, во время августовского Государственного совещания он «подготавливал покушение на него» вместе с эсером-максималистом Максом (Столяровым) и «пытался привлечь к этому делу Пана (Кржеминского), но он отговорил нас от этой идеи, указав на неизбежность усиления репрессий против рабочих организаций в случае такого покушения»³⁰. Во время Октябрьского вооруженного восстания в Москве 25 октября (7 ноября) — 2 (15) ноября 1917 г. Саблин принимал участие в боях с юнкерами³¹. В составе группы анархистов и отря-

²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 417. Оп. 23. Д. 1986.

²⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 5 об., 34.

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-2188. Оп. 1. Д. 1416. Л. 9-об.

²⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 33 об., 34.

²⁸ ЦГА Москвы. Ф. Р-2188. Оп. 1. Д. 1416. Л. 9-об.

²⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 24, 33, 34, 36, 57.

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-2188. Оп. 1. Д. 1416. Л. 10.

³¹ Саблин Игорь Владимирович (1898–1979) // <http://www.famhišt.ru/famhišt/sablina/000106bc.htm>; Саблина М. Указ. соч. С. 91; Шевцов И. Б. Особое задание. М., Политиздат, 1965 // http://militera.lib.ru/memo/russian/shevtsov_ib/01.html (дата обращения: 19.03.2018).

да революционных солдат-двинцев он участвовал в бою в Староваганьковском переулке и занятии редакции «Московского листка»³². Далее он выполняет ряд ответственных поручений от имени МФАГ. Так, 3 января 1918 г. он был делегирован секретарем Совета МФАГ Львом Черным (П. Д. Турчаниновым) вести переговоры с руководством Моссовета о выделении оружия для формирующейся «боевой анархистской дружины»³³.

В начале 1918 г. он переехал в Екатеринослав, где входил в состав редакционной коллегии газеты «Голос анархиста», выпускавшейся Бюро анархистов Донбасса. К этому времени, как утверждал Саблин, относится его знакомство с П. А. Аршиновым. В ходе наступления германо-австрийских войск зимой–летом 1918 г. Саблин был вынужден оставить Украину и вернуться в Москву. Здесь он снова сотрудничает с МФАГ, летом 1918 г. работает в Жилищном отделе Замоскворецкого районного Совета — сперва делопроизводителем, а затем председателем жилищно-оценочной комиссии. А затем, при содействии Замоскворецкого райкома РКП (б), под видом актера, в составе театральной труппы, снова уезжает на Украину вести подпольную работу. Работа в Киеве при режимах гетмана П. П. Скоропадского и С. В. Петлюры велась им нелегально. В конце 1918 — весной 1919 гг. он был секретарем Киевской ассоциации анархистов³⁴.

Как раз в конце июня — начале июля он познакомился в Москве с Н. И. Махно, в то время также готовившимся к отъезду на территорию Украины для подпольной работы против гетманского режима и германо-австрийских оккупантов. Вместе они обсуждали ситуацию на Украине и возможности переправки на ее территорию. Саблин произвел довольно необычное впечатление на Нестора Ивановича: «Впоследствии я встречался еще с рядом анархистов из студентов, из которых наиболее яркой фигурой мне показался тов. Саблин. С ним я часто встречался, много говорил. Он был особенно чуток и принимал близко к сердцу все те слабые стороны нашего движения, которые

³² ЦГА Москвы. Ф. Р-2188. Оп. 1. Д. 1416. Л. 10.

³³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 37. Л. 12.

³⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 24, 33, 34, 36; Саблин Игорь Владимирович (1898–1979) // <http://www.famhist.ru/famhist/sablini/000106bc.htm>; Шевцов И. Б. Особое задание. М., Политиздат, 1965 // http://militera.lib.ru/memo/russian/shevtsov_ib/01.html (дата обращения: 19.03.2018 г.).

тормозят его рост и развитие. И глубоко верил, что все это скоро заметят все действующие анархические группы и вопрос будет выяснен и разрешен в пользу того, чтобы создать определенную организацию и жизненно усилить наше движение»³⁵.

Через брата, Юрия Владимировича Саблина, входившего в так называемый «Штаб обороны» партии левых эсеров в июльские дни 1918 г., он знал о подготовке покушения на германского посла Мирбаха. В своих показаниях 14–15 марта 1938 г. Игорь Саблин утверждал, что не только «знал о подготовке левыми эсерами срыва Брест-Литовского договора о мире путем убийства [посла], хотя и не участвовал в антисоветском левоэсеровском восстании, но сочувствовал срыву Брест-Литовского мира»³⁶. Вскоре, однако, из оппозиции большевикам он переходит на позиции «советского анархизма». Происходит это в 1919 г. под влиянием И. С. Гроссмана-Рошина, приехавшего в Киев³⁷. С этого момента его активность носит скорее пробольшевистский, нежели анархистский, характер. По командировке ЦК КП (б) У он отправляется на подпольную работу на Черноморском побережье.

Так, с весны 1919 г. Саблин вел подпольную работу в Грузии по «подготовке восстания против грузинского правительства меньшевиков по заданию Зак[авказского] крайкома и Сухумского окружкома РКП (б)»³⁸. Затем, летом 1919 г., вместе с группой большевиков он был внедрен в ряды красно-зеленых повстанцев Черноморской губернии³⁹. Сохранились воспоминания И. Б. Шевцова, члена РКП (б), члена Реввоенсовета Красной армии Черноморья: «Игорь Саблин был человеком, беззаветно преданным делу революции. Сын известного в Москве врача, литератора и книгоиздателя, он рано ушел из обеспеченной семьи, чтобы жить своим трудом, примкнул к студенческому революционному кружку, принимал активное участие в Февральской революции в Москве, а затем в боевые дни Октября с оружием в руках дрался против юнкеров. Студенческая фуражка и пенсне, скрывавшее искусственный глаз, придавали ему сугубо штатский вид. Однако в кармане у не-

³⁵ Махно Н. И. Азбука анархиста. М., 2005. С. 293.

³⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 35.

³⁷ Там же. Л. 24, 36.

³⁸ Там же. Л. 37.

³⁹ Шевцов И. Б. Особое задание. М., Политиздат, 1965 // http://militera.lib.ru/memo/russian/shevtsov_ib/01.html (дата обращения: 19.03.2018 г.).

го всегда были браунинг и патроны, которые он тщательно оберегал от обычного своего “имущества”, легко помещающегося в кармане: куска хлеба, сахара и пачки махорки»⁴⁰. В своих воспоминаниях Шевцов рассказывает о деятельности Саблина на посту командира партизанского отряда, его участии в боях с белогвардейцами. Затем Игорь Саблин занял пост председателя революционно-следственной комиссии Комитета освобождения Черноморской губернии⁴¹.

Саблин служил в Красной армии Черноморья в январе–апреле 1920 г., с 3 марта возглавлял Особый отдел ее штаба. Затем, до 1922 г., Саблин служил в Разведывательном управлении штаба 9-й армии РККА на Кавказе. По свидетельству Шевцова, в марте 1920 г. по решению Саблина были расстреляны 16 офицеров деникинских карательных отрядов⁴².

Вскоре он был направлен в Грузию с целью проведения разведывательно-диверсионной работы. Здесь его группа организовала взрыв танкера «Свет», прервав доставку нефти армии П. Н. Врангеля⁴³. В апреле 1920 г. Саблин был арестован в Потти, но бежал из тюрьмы, подкупив охрану. В июне того же года его снова арестовали в Тифлисе, причем задержание было произведено «особым отрядом грузинских меньшевиков». На этот раз после 3–4 дней ареста Саблин был выслан в Баку⁴⁴. В дальнейшем он был направлен штабом 9-й армии в распоряжение штаба Кавказского фронта, «которым послан в Трапезонд на связь с кемалистами», и выполнял там различные секретные поручения в качестве начальника разведгруппы до весны 1922 г.⁴⁵

Среди этих заданий было наблюдение за Врангелем и его окружением. По версии ряда исследователей, устранение барона готовила группа, которой руководила сотрудница Разведупра РККА Е. К. Феррари, в 1918 г. участвовавшая в анархистском движении. В результате их дей-

⁴⁰ Шевцов И. Б. Особое задание. М., Политиздат, 1965 // http://militera.lib.ru/memo/russian/shevtsov_ib/02.html (дата обращения: 19.03.2018).

⁴¹ Там же.

⁴² Шевцов И. Б. Особое задание. М., Политиздат, 1965 // http://militera.lib.ru/memo/russian/shevtsov_ib/05.html (дата обращения: 19.03.2018); ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 5., 33 об., 37.

⁴³ Шевцов И. Б. Особое задание. М., Политиздат, 1965 // http://militera.lib.ru/memo/russian/shevtsov_ib/09.html.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 33.

⁴⁵ ЦГА Москвы. Ф. Р-2188. Оп. 1. Д. 1416. Л. 11.

ствий, 15 октября 1921 г. итальянский пароход «Адриа», шедший из советского порта Батум, таранил яхту «Лукулл»⁴⁶. Среди членов группы Феррари, которая вела наблюдение за окружением Врангеля, был и Саблин. Как пишет исследователь Владимир Лота, анархистское прошлое и настоящее некоторых из участников группы использовалось при создании их конспиративной легенды: «Феррари действовала не одна. Ей помогал Владимир Воля, их общий друг Игорь Саблин, а также муж Елены Георгий Голубев и некоторые другие. В русских эмигрантских кругах турецкой столицы их принимали за анархистов, бежавших от преследования советских органов безопасности»⁴⁷.

В том же году Саблин был демобилизован из рядов РККА и вернулся в Москву. В 1922–1924 гг. он учился в Московском институте народного хозяйства имени К. Маркса (с 1924 г. — имени Г. В. Плеханова), одновременно работал секретарем редакции журнала «Под знаменем марксизма». В 1922–1924 гг. также заведовал производственным отделом в издательстве «Материалист», в 1924 г. был назначен заведующим издательством «Недра», в 1925–1926 гг. работал редактором агитационных материалов бюро Наркомфина СССР, в 1927 г. — сотрудником редакции литературного журнала «Читатель и писатель»⁴⁸. В 1924 г. в журнале «Смена» в соавторстве с М. Протусевичем Саблин выступил в качестве романиста, автора произведения в жанре шпионского детектива «Дело Эрбэ и К°». В 1920-е годы печатаются его литературные переводы с английского: романы «Революция» Дж. Д. Бересфорда и «Мерлоки» Дж. Уэлша. Выходят переведенные совместно с матерью, В. Ф. Корш, книги «Вдоль фронта» Д. Рида и «Тайна Флоренции» Л. Г. Десберри⁴⁹.

Его семейная жизнь также складывалась достаточно счастливо. Он был женат на Марине Семеновне Богуславской — в то время студентке, впоследствии работавшей корректором в издательствах и учительницей. От этого брака у Саблина родились три дочери — близнецы Майя и Ингрид (в 1923 г.) и Индиана (в 1927 г.)⁵⁰.

⁴⁶ Лота В. Елена Феррари — резидент особого калибра. Поэтесса, разведчица или террорист? М., 2020. С. 53–54, 61–62.

⁴⁷ Там же. С. 62–62.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 2. Л. 19.

⁴⁹ Саблина М. Указ. соч. С. 91.

⁵⁰ Там же; ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 5 об.

В это время, на почве неприятия порядков, сложившихся в СССР в 1920-е гг., он восстанавливает в Москве связи с анархистами А. Н. Андреевым, А. А. Боровым, С. Липманом, П. С. Пиро, А. Г. и О. И. Тарутами. Также он утверждал, что сотрудничал в это время и с анархистами-подпольщиками Е. Е. Ганшиной и К. А. Штюрмер, а с 1925 г. — с Коллективом московских анархистов-коммунистов (КМКА) А. А. Борового и В. В. Бармаша, противостоявшим влиянию анархо-мистиков в Кропоткинском музее. КМАК поддерживал связи с анархистской эмиграцией и занимался разработкой программы будущей подпольной анархистской партии в СССР, создать которую предполагалось по проекту «Организационной платформы Всеобщего союза анархистов», разработанному группой «Дело труда» в Париже. Его деятельность в составе коллектива сводилась к сбору материалов по истории анархизма. В это же время он входил в состав Бакунинского комитета, готовившего сборник к юбилею М. А. Бакунина, вышедший в 1926 г. в издательстве «Голос труда»⁵¹. Саблин готовил для этого сборника статью о петрашевцах, но так и не представил ее редакции⁵². Весной 1928 г. за анархистскую деятельность Саблин был арестован и осужден Особым совещанием при коллегии ОГПУ на три года ссылки. По его версии, на следствии он скрыл существование КМАК, поэтому при арестах его членов в 1929 г. не был охвачен следствием⁵³.

Первоначально, с июля 1928 г., он отбывал ссылку в Усть-Сысольске. Здесь Саблин продолжал активную деятельность. Участвовал в сборе денег в помощь нуждавшимся ссыльным анархистам, проводил с анархистской молодежью беседы «о сущности анархизма и программным вопросам». Среди близких ему по усть-сысольской ссылке анархистов впоследствии он назвал анархо-синдикалиста Д. В. Дьякова⁵⁴, анархистов-коммунистов К. И. Доценко и П. А. Фисуна. Через Фисуна ссыльные получали

⁵¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 24–25 об., 37–38.

⁵² Там же. 184–184 об.

⁵³ Там же. Л. 24 об., 37–38.

⁵⁴ В следственном деле И. Саблин ошибочно назван Дьяконовым. Фамилия установлена по публикации: *Рогачев М. Б., Таскаев М. В.* «Тюрьма без решеток» страны Советов: Документы и материалы о политссылке 20–30-х гг. // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 3. Сыктывкар, «Коми», 2000. С. 251, 260. За предоставление информации о Дьякове и нескольких других лицах, упоминаемых в показаниях Саблина, авторы статьи выражают благодарность исследователю из Калининграда С. А. Овсянникову.

бандероли из Берлина от С. И. Флешина с разрешенными в СССР немецкими газетами и журналами. В них были вложены письма от эмигрантов. Саблин и его соратники планировали создать постоянную кассу взаимопомощи, проводить регулярно «собеседования» по программным вопросам. Саблинскому кружку удалось собрать средства для группы ссыльных, отправленных из Усть-Сысольска в Усть-Ижму в конце лета 1928 г. Хорошие отношения установились у Саблина со ссыльными левыми эсерами. Их лидер, Я. В. Браун, «считал возможным и желательным для предполагавшейся будущей антисоветской деятельности — блок или даже слияние с частью анархистов». Браун проводил лекции и беседы для левых эсеров и анархистов. Рассказывал об истории народничества и идеологии левонароднических течений⁵⁵. До ареста в 1923 г. получивший к тому времени известность в качестве публициста и литературного критика Браун был хорошо знаком с Боровым и даже сотрудничал в журнале «Клич» (1917 г.). Уже после ареста Яков Браун выступил в печати в качестве художественного писателя.

С апреля 1929 г. Саблин был переведен в Кызыл-Орду. Здесь он поддерживал связи со ссыльными анархистами Е. М. Гуревичем, Н. Калайдовичем, Н. Ф. Литвиным, Т. С. Тодоровым и К. А. Штюмер. Фактически, он продолжал ту же деятельность, что и в Усть-Сысольске, — провел с политссыльными несколько бесед о теории анархизма и организовал сбор средств для проезжающих через город анархистов. Через Штюмер он поддерживал переписку с Флешиним, а также получил одно письмо от Аршинова⁵⁶. Письма Саблина из ссылки сохранились в фонде С. Флешина, который хранится в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме. В письме из Уфы от 12 февраля 1932 г. Игорь Саблин интересуется у Дубинского жизнью Петра Аршинова⁵⁷, а 30 марта, 4 и 8 мая того же года отправляет уже самому Аршинову дружеское письмо⁵⁸. Также Саблин переписывался с анархистами, оставшимися в Усть-Сысольске⁵⁹.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 62, 63–64.

⁵⁶ Там же. Л. 64–66, 180 об.

⁵⁷ Саблин И. В. Письмо Флешину С. И. Уфа. 12.02.1933 г. // ИИГИ (Международный институт социальной истории в Амстердаме). Senya Fléchine Papers. Folder 69.

⁵⁸ Саблин И. В. Письмо Аршинову П. А. Уфа. 30.03.1932 г. // ИИГИ. Senya Fléchine Papers. Folder 69.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 66.

В 1930 г. в Кзыл-Орде он был арестован ОГПУ на 4 дня, а в июле 1931 г. с «минусами» был переселен в Уфу. Здесь он поддерживал контакты со ссыльными анархистами М. И. Бадиным и В. А. Михайловым, вел переписку с анархистом Я. Дубинским, организовывавшим из Парижа помощь заключенным и ссыльным анархистам в СССР. На присланные Дубинским 100 франков были закуплены и распределены среди ссыльных анархистов продукты питания. Саблин передал адрес Дубинского К. А. Штюмер и А. А. Шляховому, проезжавшим через Уфу к новому месту ссылки. С ними Саблин также провел беседу о программе и тактике анархистов. Итогом общения между ссыльными анархистами стал вывод о недооценке «участия в массовых легальных организациях» (артелях, колхозах, кооперативах). Предлагалось создавать в них подпольные анархистские ячейки. Саблин продолжал поддерживать связи и с анархистами, проживавшими в других городах, в том числе с переехавшим в Орел В. Михайловым⁶⁰. Сам же Саблин, казалось, во исполнение намеченной тактики, устроился на работу в потребительскую кооперацию экономистом⁶¹.

В августе 1932 г. он был освобожден с ограничением на проживание в 12 городах. Саблин переезжает в Рыбинск, где устраивается экономистом на спичечную фабрику «Маяк». В сентябре–октябре 1933 г., после переезда в Рыбинск, он сделал заявление об отречении от анархистских идей, отправив его по почте ссыльным анархистам М. И. Бадину, Т. Д. Бондаренко и др.⁶² Одно из писем было направлено Якову Дубинскому. По этому экземпляру мы можем судить о содержании данного документа. В кратком предисловии к письму Саблин указывает, что пришел к своим выводам «с трудом, но свободно и крепко». Ссылаясь на неудачи анархистского движения в Испанской революции 1931 г., Саблин делает выводы: «анархистские организации совершенно неспособны ни руководить установлением нового свободного порядка вещей, ни организовать его защиту от покушения буржуазии и ее правительства. [...] Сам анархизм, являясь построением в значительной степени схоластическим, боящимся допустить систематизированное принуждение врага, действующим вне учета конкретной обстановки, — с ариф-

⁶⁰ Там же. Л. 67–69.

⁶¹ Саблин И. В. Письма Аршинову П. А. Уфа. 30.03., 4.05 и 8.05.1932 г. // IISG. Senya Fléchine Papers. Folder 69.

⁶² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 5 об., 24 об., 33 об., 39, 69, 181.

метической неизбежностью порождает эту неспособность. Никакие обновления, переработки и “омоложения” анархистской социально-политической концепции этого положения в силу самой ее природы — изменить не могут. Придя к такому выводу, я, разумеется, не могу больше считать себя ни сторонником, ни хотя предполагаемым, в будущем, участником анархистского движения»⁶³.

Этот шаг дал ему освобождение от «минусов» и возможность вернуться в Москву. После возвращения в столицу, в конце декабря 1933 г., он был вызван на беседу начальником Секретно-политического отдела ОГПУ С. П. Молчановым, предложившим главному герою нашей статьи «освещать анархистские связи» через сотрудника ОГПУ, некоего «Григорьева». Предложение Саблина опубликовать заявление о разрыве с анархизмом в одной из газет было Молчановым отвергнуто, как нарушение конспирации. В начале января 1934 г. Саблин дал свое согласие и был завербован ОГПУ, дав обязательство «освещать анархистов и их антисоветскую деятельность»⁶⁴. В своих показаниях, данных в 1938 г., он утверждал, что с этой целью восстановил контакты с анархистами А. Н. Андреевым, З. Б. Гандлевской, Е. Е. Ганшиной, М. Маляцкой, В. А. Михайловым. Проездом через Москву они останавливались в его квартире⁶⁵. «О встречах с ними я информировал вначале через Григорьева ОГПУ»⁶⁶, — утверждал Саблин. При этом реакция на его отход от анархистского движения порой была весьма негативной. Так, он вспоминал позднее, что Андреев и Гандлевская, узнавшие в 1935 г. при посещении Саблина, что тот в 1933 г. публично отрекся от анархистских идей, немедленно покинули его квартиру, «хлопнув дверью»⁶⁷.

В апреле 1935 г. «Григорьев» предложил Саблину восстановить знакомство с только что вернувшимся из-за границы Петром Аршиновым и «проверить искренность его отхода от анархизма». Состоялось несколько встреч с ним и с другими анархистами⁶⁸. Впоследствии

⁶³ Саблин И. В. Письмо Флешину С. И. Рыбинск. 14.08.1933 г. // IISG. Senya Fléchine Papers. Folder 69.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 24 об., 39, 69, 181.

⁶⁵ Там же. Л. 40, 69, 181.

⁶⁶ Там же. Л. 40, 69.

⁶⁷ Там же. Л. 49.

⁶⁸ Там же. Л. 24 об., 39–40, 69.

на заседании Военного трибунала в марте 1939 г. Саблин так характеризовал их: «с Аршиновым я связался и убедился в правильности отхода его от анархизма. С ним я говорил, каким образом он и я порвали с анархизмом»⁶⁹. В конце 1935 г. Саблин отказался от выполнения дальнейших поручений НКВД⁷⁰. Судя по его показаниям на следствии, речь шла о причинах морального характера: «В конце 1935 г. я, дезориентированный отношением ко мне Григорьева из ОГПУ, рассматривавшим меня, как человека, которого можно купить для разведки против анархистского подполья, отказался от выполнения его дальнейших поручений»⁷¹. Затем, на заседании Военного трибунала, Саблин заявил о том, что сотрудники ОГПУ фактически предлагали ему стать провокатором, который должен был инициировать создание подпольной анархистской организации с целью ее последующего разгрома. Именно это предложение, недостойное с точки зрения революционной этики, и стало последней каплей, заставившей его порвать с ОГПУ: «В сентябре 1935 года ОГПУ мне предложил написать письма анархистам, что мое заявление в НКВД и письма им, анархистам, о моем отходе от анархизма были написаны мною, якобы, в общих интересах с двурушнической целью, что я по-прежнему был и остаюсь анархистом. Такие письма писать мне предлагали с той целью, чтобы расположить к себе анархистское подполье и выявить всех мне известных анархистов и разоблачить их. Я на это не согласился. Тогда мне сказали, что меня не задерживают, требовать сведения не будут. С этого времени я порвал сотрудничество с ОГПУ. Анархистам я не написал требуемых ОГПУ писем, так как обратные действия шли в разрез с моей совестью, я не мог психически пережить такую работу»⁷². Кроме того, уже летом 1935 г. двойная жизнь привела его в тяжелое психологическое состояние. В своем последнем слове на заседании Военного трибунала в 1939 г. Саблин вспоминал: «Я не спал ночами, у меня начали появляться галлюцинации, я чувствовал, что теряю способность к работе. Так я работать не мог и отказался»⁷³. Как бы то ни было, но похожий по содержанию сценарий с якобы имевшими

---

⁶⁹ Там же. Л. 182.

⁷⁰ Там же. Л. 24 об.

⁷¹ Там же. Л. 40; см. так же: Л. 69.

⁷² Там же. Л. 182.

⁷³ Там же. Л. 186.

место «двурушническими» отречениями от анархизма и был развернут в деле «Анархистского центра».

На момент ареста Саблин с женой и детьми проживал в Москве по ул. Большая Ордынка, д. 764, кв. 4⁷⁴. Его дети учились в средних школах⁷⁵. Была жива его мать, Варвара Федоровна, находившаяся на иждивении брата, Владимира Владимировича (1899 г. р.), проживавшего в Ленинграде и работавшего в Белгоскино. Второй брат, Юрий Владимирович, 25 сентября 1936 г. был арестован в Виннице и в это время находился в заключении⁷⁶. До этого он занимал должность комдива РККА, начальника 52-го Управления строительных работ Киевского военного округа. Позднее, 19 июня 1937 г., Ю. В. Саблин был осужден Верховным Судом СССР и приговорен к расстрелу. Сводная сестра, Наталья Владимировна, проживала в Москве, работала электротехником на электростанции под Дмитровом. Сводный брат, Всеволод Владимирович, также проживавший в Москве, был сотрудником секретариата Союза Советских писателей⁷⁷.

Свою профессию на этот период жизни Игорь Саблин определял как «журналист». В сентябре 1935 — феврале 1938 гг. он работал внештатным литературным техническим редактором в издательстве «Физкультура и спорт». Всю работу выполнял на дому. Состоял в профсоюзе работников издательств⁷⁸.

«Союзный центр анархистского подполья»

27 февраля 1938 г. заместитель Наркома внутренних дел СССР Л. М. Заковский санкционировал арест Саблина, мотивируя его тем, что он, «оставаясь убежденным анархистом — врагом партии и соввласти, до сегодняшнего дня группирует вокруг себя б[ывших] анархистов и ведет организованную контрреволюционную работу»⁷⁹. Саблину также инкриминировалось ведение контрреволюционной агитации по месту работы и жительства и установление связей с Ар-

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 1, 3, 5.

⁷⁵ Там же. Л. 5 об.

⁷⁶ Там же. Л. 5 об., 33.

⁷⁷ Там же. Л. 33.

⁷⁸ Там же. Л. 5, 7.

⁷⁹ Там же. Л. 172.

пиновым с целью налаживания взаимодействия с анархистами, действующими за рубежом⁸⁰.

28 февраля 1938 г. Саблин был арестован. На его квартире был проведен обыск⁸¹. Были обнаружены книги о М. А. Бакуanine, Н. И. Бухарине, К. Каутском, Р. Люксембург и некая книга под названием «Анархизм»⁸². Вероятнее всего, ее автором был А. А. Боровой.

31 февраля 1938 г. Саблин дал признательные показания на следствии, заявив в заявлении на имя начальника IV отдела УНКВД по Московской области, что «являлся до последнего дня перед арестом членом подпольной анархистской контрреволюционной организации в Москве». Кроме него, по версии И. В. Саблина, в эту организацию входили П. А. Аршинов, Е. Е. Ганшина, В. А. Михайлов, М. В. Петрова, А. А. Солонович и М. А. Цукерман. Все они были в прошлом активными участниками анархистского движения, но в настоящее время либо отреклись от своих идей, либо были вынуждены прекратить любую политическую деятельность после неоднократных арестов, приговоров к тюремному заключению и ссылке⁸³.

Вскоре Саблин дал подробные показания, в рамках которых была развита версия следствия о деятельности «Анархистского центра». Как утверждалось в показаниях, в 1933 г. Игорь Саблин подал заявление об отречении от анархистских идей, что позволило ему освободиться из ссылки. Однако, вернувшись в Москву, он продолжил «встречаться с анархистами, возобновил близкие отношения с несколькими троцкистами»⁸⁴. Вскоре, недовольный централизацией и бюрократизацией государственной власти, Саблин будто бы вернулся к прежним анархистским идеям, пересмотрев «прежнее анархистское отношение к власти и государству, с некоторыми поправками в сторону признания власти общественных и производственных организаций трудящихся»⁸⁵, что соответствовало анархо-синдикалистскому и «платформистскому» подходам. Заметим, что такая эволюция взглядов, в принципе, была возможна, поскольку соответство-

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Л. 3.

⁸² Там же. Л. 4.

⁸³ Там же. Л. 8.

⁸⁴ Там же. Л. 10.

⁸⁵ Там же.

вала направлению идейной эволюции среди анархистского подполья и эмиграции в 1920-е гг. Но вряд ли эволюция его взглядов произошла именно в этот период, ведь со сторонниками платформизма из КМАК Саблин сотрудничал с середины 1920-х гг. и, скорее всего, прекрасно был знаком с их идеями.

Далее Саблин утверждал, что начал планировать подпольную анархистскую деятельность и осуществлять подбор кадров для нее: «Тщательно скрывая новый этап развития моего анархистского мировоззрения, я тем не менее всегда и всюду старался провести в жизнь свои взгляды и хоть немного изменить положение в окружавшей меня обстановке. Одновременно с этим я тщательно присматривался к встречавшимся людям, подбирая из них тех, кто мог стать кадрами анархистской подпольной антисоветской организации»⁸⁶. Предполагалось идейное и личное сближение с троцкистами⁸⁷. В первый год после возвращения из ссылки он, будто бы, вступил в «подпольную анархистскую организацию»⁸⁸. При этом он утверждал, что единой организационной структуры у этой «организации» не было, а «основным положением», объединявшим ее членов, «являлось тщательное скрывание своих взглядов от непосвященных окружающих»⁸⁹. Вряд ли такая «идейная платформа» могла объединить кого-либо. Сомнительно и то, что достаточно интеллектуально развитый Саблин сформулировал бы сам настолько банальные «идейные принципы».

Саблин утверждал, что его единомышленники рассчитывали на скорую мировую войну, которая приведет к революциям в западноевропейских странах. Более мягкий политический режим, который установился бы в них, мог способствовать эволюции политической системы в СССР⁹⁰.

В показаниях от 6 марта 1938 г. Саблин развивает эту версию в более содержательном направлении. Теперь он утверждал, что в организацию его принял лично Аршинов, через которого Саблин и поддерживал с ней связь⁹¹. На сей раз в «руководящую группу подпольной контрреволюционной анархистской организации в Москве», поми-

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 10–10 об.

⁸⁷ Там же. Л. 10 об.

⁸⁸ Там же. Л. 10.

⁸⁹ Там же. Л. 10 об.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. Л. 11 об.

мо себя, он включает П. А. Аршинова, М. В. Петросову, Е. Б. Рубинчика-Мейера и А. А. Солоновича⁹². Заметим, что участие в одной организации злейших врагов, какими после ожесточенной борьбы, взаимной травли и дискредитации «Дела труда» и КМАК с одной стороны, и анархо-мистиков во главе с Алексеем Александровичем Солоновичем — с другой, вряд ли могло иметь место вообще. Слишком обострены были отношения между ними. Да и как мог Солонович, находившийся в ссылке и не имевший возможности связаться с Аршиновым и другими анархистами в Москве, сотрудничать с ними не просто как рядовой участник или сочувствующий, а как один из руководителей подпольной организации? В состав же организации, будто бы, входили: Г. К. Аскарлов, В. В. Бармаш, А. А. Боровой, Е. Е. Ганшина, Е. М. Гуревич, М. Маляцкая, Г. М. Мининская, В. А. Михайлов, О. И. Таратута, О. М. Фаянс, И. В. Хархардин, В. С. Худoley и М. А. Цукерман⁹³.

Аршинову в этой амальгаме была выделена центральная роль. Он якобы представлял анархистское подполье «в контрреволюционной организации правых», разрабатывал программные и тактические вопросы, вел переписку с анархистами в Париже, передавая им «искаженные данные о положении рабочего класса в Советском Союзе»⁹⁴. При этом, пересылал письма как посредством открытой почтовой переписки, что весьма нелогично для подпольной работы, так и через свои контакты в редакции «Известий»⁹⁵. Боровой был «основным теоретиком»⁹⁶, В. Михайлов и М. Петросова устанавливали связи между анархистами в регионах. Петросова, кроме того, занималась отбором кадров для ведения террористической и пропагандистской работы. С этой целью она якобы использовала членов КМАК, разгромленного ОГПУ в 1929 г. Солонович также ведал работой с кадрами и имел «непосредственную связь с границей». Рубинчик-Мейер был «связующим звеном с синдикалистами» и вел переписку с эмигрантами⁹⁷. Фаянс привлекал в организацию анархистскую молодежь⁹⁸.

---

⁹² Там же. Л. 11.

⁹³ Там же. Л. 12.

⁹⁴ Там же. Л. 11, 13–13 об.

⁹⁵ Там же. Л. 11.

⁹⁶ Там же. Л. 13–13 об.

⁹⁷ Там же. Л. 11–11 об., 13–13 об.

⁹⁸ Там же. Л. 13.

Саблин также приписывает себе очень широкий круг полномочий. Так, по его версии, он ведал связью с анархистами в Ленинграде (через Малку Маяцкую) и на Урале (через Елизавету Ганшину-Цукерман), поддерживал связь с троцкистами (через А. Г. Калинина, С. П. Кириллова, В. А. Тер-Ваганяна и Г. Х. Фельдмана), а также вербовал людей в Москве. Якобы он лично завербовал бывшего анархиста и сотрудника инспекторской группы Госбанка СССР И. И. Базыльчука, Е. Е. Ганшину, бывшего анархиста и бывшего сотрудника Разведупра РККА Г. Г. Голубовского и М. Маяцкую. Помимо троцкистов и анархистов Саблин якобы поддерживал связи с бывшим левым эсером М. Д. Томашевским и бывшим эсером Яковом Михайловым. В целях же установления связи «с заграницей» «подготавливал» Е. К. Феррари, когда-то вместе с Саблиным работавшую в Разведупре РККА. Также Саблин утверждал, что передал через Голубовского за границу «информацию об общественной жизни в СССР, написанную в антисоветском духе». И самое главное — на И. В. Саблине «лежала задача подготовки террористических актов против руководителей партии и правительства» и участия в них⁹⁹.

Цели организации, сформулированные в показаниях Саблина, заключались «в борьбе за возможность расширения анархистской работы, во всяком ослаблении и подрыве пролетарской диктатуры. В установлении заграничных связей, в дискредитации руководства партии и правительства (в целях подготовки его свержения в будущем), в нарушении единства социалистического хозяйства, в развитии частнохозяйственных предприятий, особенно в деревне, в подрыве мощи и обороноспособности СССР»¹⁰⁰. Чтобы оправдать отсутствие каких-либо организационных документов и мероприятий, в показаниях утверждается: «Члены организации подолгу не встречались между собой из соображений конспирации, и многие имели свое окружение, которое можно было объяснить личными знакомствами или деловыми связями»¹⁰¹. Утверждалось, что в «организации» были разногласия по вопросу о тактике. Бармаш выступал за террористические методы борьбы, Боровой — за мирные, Аршинов был сторонником объ-

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 11 об. — 14.

¹⁰⁰ Там же. Л. 12.

¹⁰¹ Там же.

единения с «правой» оппозицией в ВКП (б) и организации давления на СССР «со стороны капиталистических стран», Саблин — сторонником вербовки новых людей в анархистскую организацию и проведения «в своей практической работе» мероприятий, ослабляющих советскую власть¹⁰².

11 марта 1938 г. в заявлении на имя Заковского Саблин подтверждает свои показания¹⁰³. В первый раз он упоминает здесь о своем согласии сотрудничать с ОГПУ, данном в 1934 г., а также о связанных с этими событиями первых встречах с Аршиновым и др. анархистами¹⁰⁴. Первые в показаниях прозвучало название «организации» — «Союзный центр анархистского подполья»: «Собранные Аршиновым связи фактически превратились в руководимый им Союзный центр анархистского подполья». Петра Аршинова Саблин теперь именует руководителем «центра». В «ядро» организации в этом заявлении были включены только Аршинов, Рубинчик-Мейер, Саблин и Солонович¹⁰⁵. Особое внимание в этой версии уделялось объединению «центра» с «правыми» и «троцкистами»: «У Аршинова кроме того были обширные связи и с другими анархистами, обычно считавшимися “бывшими”, и с границей, и с центром правых (Бухарин и др.). Связь с анархо-троцкистским блоком являлась одной их характернейших черт контрреволюционного анархистского центра, так как в основных установках борьбы с советской властью позиция блока совпадала с позицией Союзного центра анархистского подполья»¹⁰⁶. Основными методами борьбы этой «организации» были объявлены террор и вредительство с целью восстановления капиталистических отношений: «По вопросу методов и тактики борьбы против Советской власти контрреволюционный анархистский центр по существу стоял на позиции террора. Цели и задачи подпольного антисоветского Союзного центра анархистов заключались во всяческом подрыве пролетарской диктатуры и единства социалистического хозяйства, в восстановлении капитализма, в установлении ограниченных связей для оказания давления на международное

---

¹⁰² Там же. Л. 12–12 об.

¹⁰³ Там же. Л. 24.

¹⁰⁴ Там же. Л. 24 об.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Л. 24 об. — 25.

и внутреннее положение Союза ССР»¹⁰⁷. Террору в показаниях уделяется центральное место: «имел в виду возможность перехода контрреволюционного Союзного центра анархистского подполья к террору, готовился принять в нем участие»¹⁰⁸. Для установления связей, встреч и деятельности члены «центра» якобы использовали советские учреждения, места работы и личные знакомства¹⁰⁹.

Совершенно очевидно здесь полное противоречие ключевых целей и задач «центра» с анархо-коммунистическими идеями, которые исповедовали все, кто был «записан» в его участники. Прежде всего это касается восстановления капиталистических отношений. Вряд ли идейные анархисты, в 1920-е гг. критиковавшие даже ограниченный вариант капитализма в форме НЭПа, могли выдвинуть подобные цели. Заявление завершается концовкой, полной «раскаяния» вплоть до самооплевывания, весьма характерной для заявлений подследственных, проходивших по делам, сфабрикованным в 1937–1938 гг.: «Настоящее заявление Вам и правдивые показания, которые я даю на следствии, продиктованы сознанием, что анархизм должен быть окончательно разоблачен как контрреволюционное течение, а анархисты сойти с политической арены с клеймом предателей рабочего класса»¹¹⁰.

14–15 марта 1938 г. Саблин дал новые показания, в которых подтвердил сказанное ранее¹¹¹. Свой отказ от сотрудничества с ОГПУ, заявленный в начале 1935 г., он интерпретировал, помимо обиды на «Григорьева», также «влиянием анархистов», прежде всего Аршинова и вовлечением в «организованную контрреволюционную подпольную деятельность анархистов»¹¹². Несколько изменился состав «анархистского центра». Теперь Саблин под диктовку следствия «назначил» Аршинова его непосредственным руководителем. Именно он, а также М. Маляцкая и В. Михайлов якобы сообщили Саблину о целях и задачах «центра». Он же поддерживал связи с анархистами-эмигрантами, с членами «правой» оппозиции (Н. И. Бухариным, В. И. Межлауком и М. П. Томским), бывшими анархистами А. М. Аникстом и С. С. Ды-

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 25.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. Л. 34.

¹¹² Там же. Л. 40.

бецем, занимавшими высокие должности в управлении народным хозяйством. С остальными же его членами, исходя из соображений конспирации, Саблин не связывался. По-прежнему в состав «центра» были включены Петросова, Рубинчик-Мейер и Солонович. Образование этой «организации» теперь было непосредственно увязано с возвращением Аршинова в СССР, ставшее датой ее создания¹¹³. Через Малацкую, работавшую лаборанткой в одном из ленинградских НИИ, «центр» якобы поддерживал связь с анархистами Ленинграда. Через Ганшину и Цукермана, устроившихся экономистами на один из заводов в Свердловске — связался с анархистами Свердловска. Через Владимира Михайлова — с рязанскими анархистами¹¹⁴.

Таким образом, каждый из членов «центра» поддерживал связь со своим старым анархистским окружением, занимаясь в этой среде «подбором террористических кадров». Так, Петросова вела работу с бывшими членами КМАК и ссыльными анархистами в Орле, где ранее сама отбывала ссылку. Солонович — вербовал подпольщиков среди анархо-мистиков, Рубинчик-Мейер — среди анархо-синдикалистов¹¹⁵. Саблин же якобы вел работу с Базыльчуком и Голубовским, готовясь совместно с ними «к исполнению террористического акта над руководителями партии и правительства»¹¹⁶. Фаянс, в свою очередь, работал с анархистами-индивидуалистами Андреевым и Гандлевской, имевшими «самостоятельные большие связи с подпольем»¹¹⁷.

По-новому, более развернуто, были сформулированы и цели «центра»:

- установление связей между анархистами;
- «подрыв государства пролетарской диктатуры и единства социалистического хозяйства»;
- «развязывание и восстановление частнокапиталистических отношений (мелкоартельных и частных производств), ведущих к реставрации капитализма»;
- «установление и укрепление связей с заграничными анархистскими организациями» с целью организации «давления» на СССР;

¹¹³ Там же. Л. 41–43, 52–54.

¹¹⁴ Там же. Л. 43–44.

¹¹⁵ Там же. Л. 44, 53.

¹¹⁶ Там же. Л. 44–45.

¹¹⁷ Там же. Л. 49.

— ведение «террористической борьбы против сталинского руководства в ВКП (б) и стране»¹¹⁸.

Особо подчеркивалась связь «центра» «с руководством право-троцкистского блока, осуществлявшаяся Аршиновым через Бухарина»¹¹⁹. И здесь также проявляются логические нестыковки с точки зрения анархо-коммунистических идей, разделявшихся всеми участниками так называемого «анархистского центра». Никто из них не мог поставить целью восстановление капиталистического строя. Эта же линия прослеживается в показаниях Саблина об отношении Аршинова к «правым»: «[Аршинов] высказал, что правые, в частности Бухарин, стоят на правильной позиции по вопросу дальнейшего пути развития Советского Союза: развязывании капиталистических отношений в стране, ведущих к реставрации капитализма»¹²⁰. Шла речь и о подготовке покушений на Сталина совместно с троцкистами и бухаринцами. Саблин утверждал, что сам план покушения отсутствовал, велись лишь переговоры «с высказыванием террористических тенденций в общей форме против руководителей ВКП (б) и Сов[етского] правительства»¹²¹.

5 апреля 1938 г. была проведена очная ставка между Саблиным и Базыльчуком. Саблин подтвердил, что высказывал Базыльчуку свои «террористические намерения» в отношении руководителей партии и правительства и Базыльчук разделял их¹²². Базыльчук подтвердил эти показания, а также заявил, что получил от Саблина информацию о существовании и деятельности «анархистского центра», в том числе о его стремлении к террористическим актам против руководителей СССР¹²³. Также Базыльчук дал показания об обсуждении с Саблиным подготовки теракта против В. М. Молотова. Якобы они планировали приобрести взрывчатку и совершить подрыв машины Молотова на Красной площади летом 1937 г.¹²⁴ Но Саблин отверг эти показания, утверждая, что ничего подобного с Базыльчуком не обсуждал и конкретных указаний по совершению терактов из «Анархического

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 41–42.

¹¹⁹ Там же. Л. 42.

¹²⁰ Там же. Л. 54.

¹²¹ Там же. Л. 45–46.

¹²² Там же. Л. 126–128, 130.

¹²³ Там же. Л. 129.

¹²⁴ Там же. Л. 130.

центра» ему никогда не поступало. Вопрос шел лишь о возможности в перспективе использовать Базыльчука как исполнителя терактов. Базыльчук тут же скорректировал показания, заявив, что речь шла о потенциальной возможности, но не о конкретном плане¹²⁵. Также он указал на уже расстрелянного бывшего анархиста, политкаторжанина, занимавшего должность директора Центрального военного архива И. М. Гейцмана, как участника «Анархического центра»¹²⁶.

Новые показания Саблин дал уже 12 мая 1938 г. В основном он повторил данные ранее признательные показания. Более подробно рассказав о своей анархистской деятельности до отречения от анархизма в 1933 г., теперь он заявлял, что после переезда из Рыбинска в Москву «возобновил свою анархистскую деятельность»¹²⁷. В 1934 г. Саблин якобы восстановил связи с бывшими анархистами Базыльчуком и Голубовским и бывшими троцкистами Калининым, Кирилловым и Фельдманом. При этом И. Саблин утверждал, что не сообщал о своих связях с этими людьми в ОГПУ¹²⁸.

«Политические и тактические задачи» центра по сравнению с версией, данной в показаниях 14–15 марта, были дополнены еще одним пунктом: «поддержка антисоветских групп и организаций и в особенности правых и троцкистов в их борьбе против сов[етской] власти»¹²⁹. Утверждалось также, что связь между членами «центра» осуществлялась «посредством периодических встреч», которые Саблин имел только с руководителем центра, Аршиновым. Совместные же встречи членов «центра», по конспиративным соображениям, бывали крайне редко¹³⁰. Были выделены три основных направления работы «центра»: выявление и объединение «анархистских сил», подбор «террористических кадров» и установление связей с «заграничными анархистскими организациями» и «центром правых»¹³¹.

Были подведены якобы имевшиеся итоги деятельности «анархистского центра». За все время «существования» этой организа-

¹²⁵ Там же. Л. 131–132, 134.

¹²⁶ Там же. Л. 132–133.

¹²⁷ Там же. Л. 69.

¹²⁸ Там же. Л. 70.

¹²⁹ Там же. Л. 72.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. Л. 73.

ции, по показаниям Саблина, удалось установить связи с анархистскими организациями в Ленинграде (через М. Маляцкую), Москве (через П. А. Аршинова, М. В. Петросову и Е. Б. Рубинчика-Мейера), Свердловске (через Е. Е. Ганшину и М. А. Цукермана), Рязани (через В. А. Михайлова), Орле (через М. В. Петросову) и Украине (через П. А. Аршинова)¹³². Петру Аршинову на этот раз, помимо руководства «Анархическим центром», также приписывалась постоянная связь с анархистами, действовавшими за рубежом, а также — с находившимся в Париже бывшим лидером левокоммунистической «Рабочей группы» Г. И. Мясниковым. При этом часть писем за рубеж Аршинов якобы пересылал через сотрудницу редакции «Известий» Волгину. Связи с зарубежными анархистскими кругами будто бы планировал установить и Саблин, действуя через Елену Феррари¹³³.

Среди якобы известных лично ему членов нелегальной анархистской организации, связанных с «центром», Саблин назвал: Т. Д. Бондаренко, Е. Е. Ганшину, Е. М. Гуревича, М. Маляцкую, Г. М. Мининскую, В. А. Михайлова, М. А. Цукермана¹³⁴. Среди членов анархистского «подполья», известных от других членов «центра», были названы: И. И. Гольдин, А. А. Шляховой, К. А. Штюрмер и Р. В. Шульман, а также некие анархистки Бетя и Роза, фамилии и отчества которых Саблин не смог назвать¹³⁵.

Получила развитие и тема «связей» «центра» с «правотроцкистским блоком». Так, ссылаясь на Аршинова, Саблин утверждал, что тот, после приезда в СССР, встречался с Н. И. Бухариным, Я. Э. Рудзутаком и М. П. Томским, установив с ними контакты по вопросам борьбы с советской властью, получал «содействие в устройстве и продвижении его в Москве»¹³⁶.

На этих допросах версия о деятельности «Анархического центра» получила некое завершение. Теперь ГУГБ имело возможность привлечь к делу новых подсудимых. 20 марта 1938 г. была арестована М. В. Петросова, 22 марта — П. А. Аршинов¹³⁷, 23 мая — Е. З. Яр-

¹³² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 73–74.

¹³³ Там же. Л. 74–76, 83–84.

¹³⁴ Там же. С. 78–80.

¹³⁵ Там же. Л. 81–83.

¹³⁶ Там же. Л. 86–87.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 22658. Ч. 2. Л. 33.

чук¹³⁸. После первоначального сопротивления Аршинов и Ярчук также были сломлены и стали давать «признательные» показания¹³⁹. Также, судя по данным дела, имела место очная ставка Саблина с Петросовой, на которой он показал, что она входила «в состав контрреволюционного террористического анархо-центра, принимая активное участие в нелегальной антисоветской деятельности названного контрреволюционного центра»¹⁴⁰. Но ни в деле Саблина, ни в документах из дела Петросовой материалов очной ставки не сохранилось.

Легкость, с которой Саблин дал «признательные» показания, легко объяснима. Впоследствии он признавал, что эти показания были даны «под физическим воздействием следователя»¹⁴¹. Другие фигуранты дела «Анархического центра» также свидетельствуют о применении пыток к подсудимым. Так, Ефим Ярчук в примечании к протоколу о предъявлении обвинения от 29 августа 1939 г. писал: «Протоколы допроса, данные мною, отрицаю, так как они являются вынужденными. Велось следствие по моему делу в тот период времени неправильно. Следователь Никитин писал сам протоколы, а меня заставлял подписывать»¹⁴². В заявлении от 12 декабря 1939 г. Ярчук писал, что следователь «насильственными мерами воздействия» пытался заставить его дать признательные показания. Рубинчик также дал показания «под влиянием физических мер воздействия»¹⁴³. 17 декабря на заседании Военного трибунала Московского округа Внутренних Войск НКВД по Московской, Тульской и Рязанской областям, где слушалось его дело, Ярчук относительно своих «признательных» показаний заявил: «Да давал, но они ложные, они были взяты у меня вынужденно, меня били, не давали спать 10 дней, я об этом писал заявление прокурору Московской обл. и он, получив это заявление, пришел ко мне в присутствии следователя Никитина, сказал мне: “мало били”. [...] Это абсолютная ложь,

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-69 804. Л. 3.

¹³⁹ Подробнее о поведении на следствии Аршинова и Ярчука см.: Рублев Д. И. Следствие и суд по делу П. А. Аршинова (1938–1940 гг.): судьба бывшего анархиста в годы Большого террора. С. 469–474; Он же. Следствие и суд по делу Е. З. Ярчука (1938–1940 гг.): к истории репрессий против бывших анархистов в годы Большого террора. С. 317–322.

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 118.

¹⁴¹ Там же.. Л. 195.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-69 804. Л. 402 об.

¹⁴³ Там же. Л. 415–415 об.

это меня заставили подписать, а подписал я лишь потому, что меня били. [...] Я таких показаний не давал, это формулировка следователя, он меня не спрашивал, что писать, а потом велел переписать мне и я переписал. [...] Это все ложь, я мог написать не только это, но хуже. Вы поймите, гр[ажд]а не судьи, ведь меня били до полусмерти. [...] Да, это было предъявлено, я это подписал, но это ложь. Я еще раз суду говорю, меня били много раз, я уже не говорю о мелких надо мной издевательствах, как-то: стоял на одной ноге по часу, плевали в лицо, обзывали нецензурными словами, заставляли по 6 час[ов] сидеть на углу стула, что становилось почти невозможно, но я долго, граждане судьи, сопротивлялся. Но в конце концов я живой человек, не мог это все вынести и все, что требовали, стал подписывать»¹⁴⁴.

По сути дела, речь идет о методе «конвейерных» допросов, широко применявшихся следователями ГУГБ. Так, например, по свидетельству И. К. Каховской, допросы начались в первую же ночь после ее ареста. Вначале они были короткими, на них фиксировались анкетные данные подсудимых. Затем продолжительность допросов возросла до двух–трех суток подряд: «Сменялись следователи, а заключенный либо стоял, либо сидел, измученный до предела, и день и ночь». Еще через какое-то время «конвейерные» допросы, как вспоминала Каховская, стали длиться «по шесть суток кряду». Спать подсудимым разрешалось лишь в ночь на воскресенье. Предельно утомленного человека, с уплывавшим сознанием, было легче сбить с толку, запутать, сломить его волю¹⁴⁵.

Факты избиения подсудимых, проходивших по делу «Анархического центра», отражены и в заявлении, с которым Аршинов 5 июля 1939 г. обратился к Народному комиссару внутренних дел СССР. «Дабы принудить меня написать признание в этом вымышленном преступлении, подвергли меня физическому избиению. [...] Меня по-прежнему обвиняют в несуществующих, явно вымышленных преступлениях, по-прежнему подбирают заведомо ложные показания, данные против меня весной и летом 1938 г. лицами, бывшими, несомненно, в условиях принуждения»¹⁴⁶, — писал он. 26 ноября 1939 г. на заседании Военного

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-69804. Л. 418, 421–421 об., 425.

¹⁴⁵ Каховская И. К. Указ. соч. С. 188.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 22 658. Ч. 2. Л. 356.

трибунала Московского Военного округа Аршинов заявил: «На предварительном следствии я механически подписывал протоколы допроса, т. к. следователь мне угрожал избиением»¹⁴⁷.

«На предварительном следствии я оговорил себя и других вынужденно»

В конце 1938 г. стратегия поведения подследственных меняется. Так, на допросе 25 декабря Ярчук отказался от своих «признательных» показаний и опроверг показания Рубинчика-Мейера, данные против него¹⁴⁸. 5 января 1939 г. было подписано постановление о продлении срока следствия по делу «Анархического центра». В этом документе говорится, что П. А. Аршинов, И. В. Саблин и Е. З. Ярчук на повторных допросах отказались от данных ранее признательных показаний. Проходившая с ними по делу М. В. Петросова виновной себя вообще не признавала¹⁴⁹.

Скорее всего, на действия подследственных повлияла смена руководства НКВД СССР. В конце ноября 1938 г. Н. И. Ежов был снят с поста наркома внутренних дел. Подследственные могли надеяться, что смена руководства НКВД даст шансы изменить и ход их дела. В результате же следствие отказалось от первоначальной версии.

Впрочем, Саблин первоначально действовал достаточно осторожно. 14 января 1939 г. состоялся очередной допрос¹⁵⁰. Теперь он отверг предыдущие «признательные» показания, при этом не отказываясь абсолютно от всего, что утверждал ранее. Так, он заявил, что ни с кем из указанных членов «центра», кроме Аршинова, связан не был и отношения эти продолжались только до 1935 г. Петросову Саблин не встречал с 1927 г., а с Ярчуком лично никогда не был знаком¹⁵¹. Свои показания по всем, кого он отнес к анархистскому «подполью», Саблин теперь характеризовал как свои предположения. Также он ссылался на якобы имевшие место заявления Аршинова: «Должен откровенно заявить, что подавляющая часть моих показаний базируется на предположениях,

¹⁴⁷ Там же. Ч. 1. Л. 12.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-69804. Л. 221.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 25, 223–225.

¹⁵⁰ Там же. Л. 117.

¹⁵¹ Там же. Л. 118.

личных наблюдениях и информации, которой я пользовался от Аршинова, пока был связан с ним. [...] Если прибавить к этому сообщения самого Аршинова, которыми я пользовался в разговорах с ним в 1935 году о его встречах и анархистских связях в Москве, то все это вместе взятое давало мне основание утверждать, что Аршинов и его окружение представляют собой своеобразный анархистский центр»¹⁵².

В других случаях он признавал намеренный оговор фигурантов дела со своей стороны, но, опять-таки, ссылался на предположения и логические домыслы, представляя в качестве смягчающих обстоятельств тяжелое психологическое состояние: «Относительно террористической деятельности названных мной анархистов мне ничего не известно, признаюсь, что в этом отношении я допустил со своей стороны оговор названных мною лиц. В этой части показания мои не соответствуют действительности. Показания мои в отношении Петросовой также не соответствуют действительности, хотя должен оговориться, что если идти по пути предположений, то Петросова должна разделять террористические взгляды известного анархиста Бармаша — скатившегося в свое время к террору. Бармаш муж Петросовой и пользовался большим влиянием на нее. Прошу учесть, что показания, которые были даны мной до сего дня, даны мной под влиянием очень тяжелых переживаний, ставивших меня в положение человека невменяемого»¹⁵³.

Мы полагаем, что подобная осторожность была связана со следующими обстоятельствами. Во-первых, ряд бывших участников анархистского движения, на которых он дал показания (например, Андреев, Бармаш, Гандлевская, Петросова), действительно сохранили анархистские убеждения и, чисто теоретически, могли иметь отношение к какой-то неизвестной ему подпольной работе.

Во-вторых, поскольку на следствии применялись методы насильственного воздействия, Саблин, находившийся в полной власти следователей, мог опасаться за свое здоровье и даже жизнь в случае полного отказа от данных ранее показаний.

В-третьих, Саблин мог иметь в виду и возможность привлечения его к ответственности за ложные показания, ведь чекистам ничего не стоило отыграть на одном из фигурантов дела, выставив его винов-

¹⁵² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 118 об. — 119.

¹⁵³ Там же. Л. 119–119 об.

ником фальсификации. Ведь опираясь именно на его показания, чекисты начали раскручивать амальгаму.

В-четвертых, частичное признание вины давало возможность следствию отчитаться за успешный ход дела. А это давало Саблину шанс сохранить жизнь, здоровье до суда и уже там, заявив открыто свою позицию, попытаться добиться если не оправдания, то смягчения приговора.

Признательные показания были отвергнуты всеми фигурантами дела. Но оставались еще показания, полученные от допрошенных по этому делу И. И. Базыльчука, С. А. Бодрова, Н. В. Васильева, К. В. Говорова, М. М. Кривицкого, В. Н. Кузнецова, К. А. Лосева, Г. М. Миненской, А. А. Савицкого, С. Н. Щекотова. Именно они, как полагали следователи в своих заключениях, «уличали» ведущих фигурантов дела¹⁵⁴.

11 февраля 1939 г. состоялся новый допрос Саблина. Следователь пытался добиться от него показаний на новых лиц, расширив таким образом круг обвиняемых. Арестованная анархистка Миненская назвала среди якобы известных ей членов подпольной анархистской организации Н. Н. Русова, Саблина, А. Н. Тюханова и Н. Г. Успенского¹⁵⁵. Саблин категорически отказался дать на них показания, заявив, что мало знаком с этими людьми, Русова же не знал вовсе и ни о какой деятельности с их стороны представления не имеет. Относительно Миненской он сказал, что не встречал ее с 1919 г.¹⁵⁶ Также Саблин подтвердил, что его показания о Базыльчуке были вымыслом¹⁵⁷.

27 февраля 1939 г. следователь вынес постановление о приобщении к делу протоколов допросов И. И. Базыльчука (от 27 марта 1938 г.) и Г. М. Миненской (от 4 апреля 1938 г.), найдя, что И. В. Саблин их показаниями «изобличается в контрреволюционной анархистской террористической деятельности»¹⁵⁸. Базыльчук первоначально категорически и решительно отрицал какое-либо участие в анархистском движении после разрыва с ним в 1917 г. Он признавал лишь имевшее место в 1937 г. общение с бывшими анархистами В. Ф. Волей, И. М. Гейцманом, А. П. Лепиным и И. В. Саблиным¹⁵⁹. Затем он

¹⁵⁴ Там же. Л. 31–32.

¹⁵⁵ Там же. Л. 162.

¹⁵⁶ Там же. Л. 121, 123.

¹⁵⁷ Там же. Л. 124.

¹⁵⁸ Там же. Л. 142.

¹⁵⁹ Там же. Л. 143–144.

вдруг начал давать признательные показания, признав себя виновным в том, «что по день своего ареста» «являлся активным участником контрреволюционной анархистской террористической организации и как член этой организации вел активную борьбу с ВКП (б) и соввластью»¹⁶⁰. Он утверждал, что в «контрреволюционную анархистскую организацию» был вовлечен Гейцманом в феврале 1937 г. Гейцмана же называл членом «Анархического центра»¹⁶¹. Также Базыльчук утверждал, что уже позднее узнал от Саблина о существовании «Анархического центра» во главе с Аршиновым и был принят в состав этой организации¹⁶². Кроме того, в состав подпольных анархистских групп, входивших в «Анархический центр» им были включены бывшие анархисты Г. Г. Голубовский, П. П. Михайловский и Л. Г. Симанович¹⁶³. Были даны показания и о подготовке, по заданию Гейцмана и Саблина, убийства Молотова. Базыльчук якобы должен был на Красной площади бросить бомбу в машину Молотова. Саблин же собирался предоставить боеприпасы для совершения этой акции¹⁶⁴.

22 февраля 1939 г. следствием были наведены справки по делам арестованных ранее бывших анархистов, С. С. Дыбеца и Т. А. Полозовой. В результате, было выяснено, что центральные фигуранты дела «Анархического центра» (Аршинов, Петросова, Саблин и Ярчук) по ним не проходят¹⁶⁵.

Постановлением следователя Елизарова от 21 февраля 1939 г. признавалось: «Произведенным по делу следствием совместной организованной антисоветской деятельности перечисленных выше обвиняемых — не установлено»¹⁶⁶. Дела же зачисленных следствием в «Анархический центр» Аршинова, Петросовой и Ярчука были выделены из группового в индивидуальные¹⁶⁷. Вследствие этого обвинение было переквалифицировано по ст. 19–58 п. п. 8 и 11 УК РСФСР. Теперь Саблин обвинялся в том, что «по день ареста входил в состав ликви-

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 144–145.

¹⁶¹ Там же. Л. 145–147.

¹⁶² Там же. Л. 146–147.

¹⁶³ Там же. Л. 147–148.

¹⁶⁴ Там же. Л. 149–151.

¹⁶⁵ Там же. Л. 164.

¹⁶⁶ Там же. Л. 165.

¹⁶⁷ Там же.

дированной в г. Москве контрреволюционной анархистской организации, принимал активное участие в ее нелегальной антисоветской деятельности». Обвинительное заключение утверждало, что вместе с бывшим анархистом Базыльчуком, членом той же вымышленной «организации», «участвовал в подготовке террористических актов над руководителями ВКП (б) и Советского Правительства»¹⁶⁸.

25 февраля было дано заключение и по делу Саблина. Следователь Зайцев пришел к выводу, что его показания, касающиеся широкого круга лиц¹⁶⁹, «покрываются большой давностью» и, вследствие отказа Саблина от них, не дают «оснований для привлечения перечисленных выше лиц к ответственности»¹⁷⁰. Было также установлено, что многие из лиц, проходившие по показаниям Саблина и других обвиняемых как участники «Анархического центра» были арестованы и осуждены в 1937–1938 гг. Среди них — А. Н. Андреев, А. М. Аникст, П. П. Базыльчук, А. Д. Барон, Г. Ф. Волков, З. Б. Гандлевская, Ф. Ю. Гецци, С. С. Дыбец, Г. М. Миненская, М. В. Петросова, Т. А. Полозова, Е. Б. Рубинчик-Мейер, А. А. Солонович, Б. С. Стоянов, О. И. Таратута, И. В. Хархардин, Г. К. Фельдман, Е. К. Феррари. Некоторые из них к этому времени уже были расстреляны (Аникст, Барон, Дыбец, Рубинчик-Мейер, Таратута, Фельдман, Феррари) или умерли в ссылке (Солонович)¹⁷¹.

7 марта 1939 г. Саблину было предъявлено обвинение по ст. 19–58 п. п. 8 и 11 УК РСФСР¹⁷². В ответ он снова заявил следователю, что его показания не соответствуют действительности: «1) мною допущено огульное включение в число анархистов подполья текущего времени тех анархистов, которых я знал в прошлое время; 2) мною оговорены

¹⁶⁸ Там же. Л. 2.

¹⁶⁹ Далее перечислялись все, кто так или иначе фигурировал в показаниях Саблина: Г. К. Аскарлов, М. И. Бадин, В. В. Бармаш, Т. Д. Бондаренко, А. А. Боровой, Е. Е. Ганшина, Г. Г. Голубовский, И. И. Гольдин, Е. М. Гуревич, Д. В. Дьяков, К. И. Доценко, А. Г. Калинин, С. П. Кириллов, С. Липман, Н. Литвин, М. Маляцкая, В. А. Михайлов, Я. Михайлов-Гольдман, Н. Л. Нейман, П. С. Пиро, А. Г. Таратута, В. А. Тер-Ваганян, Т. С. Тодоров, М. Д. Томашевский, В. С. Худолей, Фаянс, П. А. Фисун, М. А. Цукерман, А. А. Шляховой, К. А. Штюрмер, Р. В. Шульман и ряд других.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 166.

¹⁷¹ Там же. Л. 167.

¹⁷² Там же. Л. 168.

как лица, разделявшие террористические тенденции, Петросова М. В., Базыльчук И. И., Голубовский Г. Г.; 3) измышлены намерения установить связь с зарубежными анархистскими организациями через Феррари и Голубовского; 4) я в своих показаниях оговорил себя, утверждая наличие у меня антисоветских террористических тенденций и намерений, назвав себя членом к[онтр]-р[еволюционной] анархистской организации и указав, что разделял установки анархистского подполья»¹⁷³.

9 марта было утверждено обвинительное заключение по делу Саблина по тем же статьям УК РСФСР. Утверждалось, что Саблин является одним из активных участников «ликвидированной в г. Москве контрреволюционной анархистской организации»¹⁷⁴. По версии обвинения, в 1934 г. он вступил в состав подпольной анархистской организации, установив для этого связи с Аршиновым и Ярчуком. Затем он «по день ареста принимал активное участие в нелегальной антисоветской деятельности к[онтр]-р[еволюционной] организации по воссозданию анархистского подполья, принимал непосредственное участие в подготовке террористических актов над руководителями ВКП (б) и Советского правительства»¹⁷⁵. Его отказ от показаний был признан несостоятельным, а показания Базыльчука — полностью уличающими Саблина в указанной выше деятельности¹⁷⁶. Следственное дело Саблина передавалось прокурору Московского военного округа (МВО) и должно было рассматриваться Особым совещанием при НКВД СССР¹⁷⁷.

22 марта 1939 г. Военный прокурор Московского гарнизона Владимир подтвердил обвинение против Саблина, но направил его дело на рассмотрение в Военный трибунал МВО¹⁷⁸.

25 сентября 1939 г. состоялось заседание Военного трибунала по делу Саблина¹⁷⁹. Он ходатайствовал о вызове в суд в качестве свидетелей Аршинова, Базыльчука и Ярчука с целью опровержения их показаний¹⁸⁰. Аршинов и Ярчук были вызваны, ходатайство же о вызове Ба-

¹⁷³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 168.

¹⁷⁴ Там же. Л. 169.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же. Л. 169–170.

¹⁷⁷ Там же. Л. 170.

¹⁷⁸ Там же. Л. 175.

¹⁷⁹ Там же. Л. 178.

¹⁸⁰ Там же. Л. 178 об.

зыльчука, расстрелянного 17 сентября 1938 г., было отклонено¹⁸¹. Саблин заявил, что виновным в чем-либо себя не признает. Анархистом «по своему мировоззрению» он был лишь до 1933 г., а в анархистских организациях перестал работать еще в 1919 г. Показания, данные на следствии, он признал верными лишь в отношении информации, касающейся периода его жизни до 1933 г.¹⁸²: «Все, что в моих показаниях на предварительном следствии относится к моей антисоветской деятельности после 1933 г., я не подтверждаю»¹⁸³.

Свои показания, касающиеся «Анархического центра», совместной с Аршиновым и другими фигурантами дела антисоветской деятельности, Саблин объявил не соответствующими действительности¹⁸⁴. Так, он утверждал: «С Аршиновым после 1933 года встречался раз 5. Об антисоветской работе за границей Аршинов мне говорил в общих чертах. Никакой литературы и листовок он мне не показывал, и я его об этом не просил. Аршинов из-за границы приехал, раскаявшись и отрешившись от анархистской деятельности. Я не адвокат Аршинова, но знаю, что он до приезда в СССР за границей года три вел борьбу с анархистами»¹⁸⁵. Подчеркивалось, что Аршинов был недоволен некоторыми порядками, установленными в СССР и говорил об этом другим бывшим анархистам, но дальше этого его действия не шли: «Да, Маляцкая до посещения меня была у Аршинова, она об Аршинове мне говорила, что он недоволен жизнью рабочих в Советском Союзе, что он, будучи за границей, думал встретить в СССР совершенно другое положение — лучшую жизнь рабочих, и больше никаких разговоров с Аршиновым не было»¹⁸⁶.

¹⁸¹ Там же. Л. 186, 191; Из справки по делу Базыльчука, составленной в августа 1954 г. помощником военного прокурора МВО, известно, что на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, проходившем в тот же день, 17 сентября 1938 г., подсудимый «от своих показаний отказался и заявил, что давал эти показания ложно», заявив, «что с анархистами порвал связь в 1917 г. и после того никакой антисоветской работы не проводил». Показания Саблина он охарактеризовал как ложные. Свидетели на судебное заседание вызваны не были (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 191–192).

¹⁸² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 179–180 об.

¹⁸³ Там же. Л. 183 об.

¹⁸⁴ Там же. Л. 181 об., 182 об. — 183 об.

¹⁸⁵ Там же. Л. 183 об.

¹⁸⁶ Там же. Л. 184.

Саблин признал также, что имел встречи в Москве с М. Маляцкой, В. Михайловым и др. бывшими анархистами. Но встречи эти не имели никакого антисоветского содержания¹⁸⁷. Так, например, он заявил: «Маляцкая в 1935 г. дома у меня была. Разговор с Маляцкой о ее анархистских взглядах был. Она говорила, что она остается на прежних позициях анархизма, но не видит никакой реальной почвы для продолжения активной деятельности»¹⁸⁸. Показания Миненской об участии Саблина в подпольной анархистской деятельности во второй половине 1930-х гг. были также отвергнуты им: «С Миненской в 1918–1920 гг. я встречался, возможно, встречался и в 1924 г. В остальном показания Миненской — ложь, не соответствует действительности»¹⁸⁹.

Также были охарактеризованы и показания об участии Базыльчука в анархистском подполье и «террористических разговорах» Саблина с ним. По его словам, все это на очной ставке он «показал вынужденно»¹⁹⁰. Также он отверг и показания Аршинова относительно участия Саблина в «Анархическом центре»¹⁹¹.

Доставленные в зал заседания Военного трибунала свидетели подтвердили все заявления Саблина. Так, Е. З. Ярчук заявил: «Подсудимого, сидящего на скамье подсудимых, раньше никогда в жизни не видал и не знаю его»¹⁹². Аршинов заявил следующее: «В прошлом я анархист, статьи, направленные против Советской власти и партии, до 1931 года писал. В 1931 г. я убедился в неправильности идеологии анархизма и порвал с ним. За террор я не стоял. Показания, данные мной на предварительном следствии, подтверждаю частично. Не подтверждаю показания об антисоветской деятельности с 1931 года до момента моего ареста. После 1931 года никакой борьбы с Советской властью не вел. Проживая еще за границей, я выступал против анархистов. В СССР я приехал в 1934 году. С приездом в СССР участником никакой анархистской организации и центра я не был. Показания, что я, Саблин, и другие указанные мною лица в протоколах до-

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 183.

¹⁸⁸ Там же. Л. 184.

¹⁸⁹ Там же. Л. 186.

¹⁹⁰ Там же. Л. 182–182 об.

¹⁹¹ Там же. Л. 184.

¹⁹² Там же. Л. 184 об.

проса являются соучастниками антисоветского анархистского центра, не подтверждаю, отрицаю. Показания по этому вопросу я дал вынужденно. Провокаторством я никогда не занимался, оклеветал я себя и других вынужденно. Ярчука и Саблина знал, как быв[ших] анархистов. Состояли они в 1935 г. или нет в анархистском центре, мне неизвестно»¹⁹³. Также он подтвердил информацию, данную Саблиным на суде о характере своих встреч с ним: «В 1935 г. с Саблиным встречались. Саблин у меня на квартире был раза 2–3, у него я был один раз. С приездом меня из-за границы, ко мне домой первым пришел Саблин. С ним говорили о том, как он и я порвали с анархизмом. Саблин говорил, что он по возвращении из ссылки с анархизмом порвал»¹⁹⁴. Неудачный опыт со свидетелями на процессе Саблина был учтен при проведении заседания военных трибуналов по делам Аршинова и Ярчука. В отличие от Саблина, им вызвать свидетелей так и не позволили¹⁹⁵.

В своем последнем слове на заседании Военного трибунала Саблин продолжал линию на отрицание всех предъявленных ему обвинений и подтверждение ложного характера данных ранее признательных показаний: «С 1933 года я никакой антисоветской деятельности не вел. На предварительном следствии я оговорил себя и других вынужденно. [...] Повторяю, с 1933 г. с анархистами я порвал окончательно и никакого преступления пред Советской властью не совершал. Прошу оправдать»¹⁹⁶.

В тот же день ВТ МВО вынес приговор Саблину за «преступления», предусмотренные ст. ст. 58 п. 8 и 58 п. 11 УК РСФСР: «лишить свободы с заключением в тюрьме сроком на десять лет, с поражением в правах, предусмотренных п. п. “а–г” и “е” статьи 31 УК РСФСР сроком на пять лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества»¹⁹⁷. Срок наказания должен был исчисляться с 28 февраля 1938 г.¹⁹⁸

¹⁹³ Там же. Л. 184 об. — 185.

¹⁹⁴ Там же. Л. 185.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 22658. Ч. 2. Л. 5 об., 8, 8 об.; Там же. Оп. 1. Д. П-69804. Л. 417 об.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 186–186 об.

¹⁹⁷ Там же. Л. 188.

¹⁹⁸ Там же.

22 февраля 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отклонила кассационную жалобу Саблина и признала приговор в отношении него вступившим в силу¹⁹⁹.

До июля 1940 г. И. В. Саблин отбывал срок заключения в Орловской тюрьме, затем был переведен в Норильские лагеря, а летом 1943 г. — в Тайшетлаг. Здесь Игорю Владимировичу удалось приобрести некоторые познания в области медицины, чему способствовало знакомство с врачом, оказавшимся другом его отца. До конца срока Саблин работал фельдшером в лагерных больницах и медпунктах²⁰⁰.

Повторный арест и реабилитация

24 февраля 1948 г. Саблин был освобожден из ИТЛ. Он выбрал для постоянного места жительства г. Алексин Тульской обл. Вскоре, однако, он вернулся в Москву встретиться с семьей. Здесь он два месяца находился на лечении в Боткинской больнице, а в конце мая переехал в Кашин Калининской области, где проживал в съемной комнате²⁰¹. Поскольку в лагере Саблин работал фельдшером, он пытался устроиться в медицинские учреждения, но не смог, так как не имел медицинского образования. В этой ситуации ему пришлось жить на материальную помощь жены, периодически приезжая на ее квартиру в Москву. По показаниям Саблина известно о контактах в Кашине с бывшим товарищем по эсеровской организации 1916 г. Гольманом, который также проживал здесь после освобождения из заключения. В Кашине Саблин и был арестован за нарушение паспортного режима 15 октября 1948 г., поскольку из Алексина в Москву, а затем в Кашин, он выехал без официального разрешения²⁰². Решением Особого совещания при МГБ СССР 20 января 1949 г. за принадлежность к анархистской организации он был приговорен к высылке на бессрочное поселение²⁰³. С 8 марта 1949 г. Саблин отбывал ссылку в Усть-Тарк-

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 1. Л. 189.

²⁰⁰ Саблина М. Указ. соч. С. 92.

²⁰¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31621. Т. 2. Л. 1, 5, 7, 17, 35.

²⁰² Там же. Л. 10, 18, 20, 36.

²⁰³ Там же. Л. 59, 64.

ском районе Новосибирской области²⁰⁴. Здесь он был разнорабочим, лесорубом, затем — заведующим нефтехозяйством²⁰⁵.

После смерти Сталина и освобождения из ссылки в 1954 г. Саблин, не имевший права на проживание в столице, поселился в Клину. Здесь он работал лаборантом Клинской санитарно-эпидемиологической лаборатории²⁰⁶. В это время терапевтом в городской больнице Клина работал бывший деятель левоэсеровского движения П. И. Зотов, в апреле 1953 г. освобожденный по амнистии из заключения. Не исключено, что он мог иметь какое-то отношение к устройству Саблина на работу в лабораторию.

И. В. Саблин начал борьбу за собственную реабилитацию. 12 марта 1956 г. он подал жалобу в ЦК КПСС. На допросе 12 апреля 1956 г. Саблин отказался от своих «признательных» показаний, «как от вымышленных, данных под физическим воздействием следователя и необъективного ведения судебного следствия председательствующим суда»²⁰⁷. Проверкой по архивам КГБ и МВД СССР «компрометирующих материалов на Саблина» обнаружено не было²⁰⁸. Указано было и на то обстоятельство, что участвовавшие в расследовании дела «Анархического центра» сотрудники НКВД Заковский, Персиц и Фомушкин были осуждены, в том числе и за фальсификацию следственных дел²⁰⁹.

25 июля 1956 г. заместитель Главного военного прокурора вынес заключение о необоснованном характере осуждения Саблина в 1939 г.²¹⁰ Мы полагаем, что этот вывод совершенно верен. Опора следствия на «признательные показания» арестованных, их заявления о применении к ним пыток, очевидные несоответствия в показаниях, неожиданное изменение их содержания, как и фактический провал группового дела — все это подтверждает амальгамный, сфабрикованный характер дела «Анархического центра». Каких-либо серьезных доказательств в пользу того, что за обвинениями стояла реальная под-

²⁰⁴ Там же. Л. 65.

²⁰⁵ Саблина М. Указ. соч. С. 92.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же. Л. 195.

²⁰⁸ Там же. Л. 196.

²⁰⁹ Там же. Л. 197.

²¹⁰ Там же. Л. 195.

полная деятельность, нет. Очевидны лишь факты общения подследственных, встреч между некоторыми фигурантами дела, что было обусловлено старыми дружескими связями и бытовой взаимопомощью на их основе.

Решение о ссылке Саблина на поселение, принятое Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 20 января 1949 г. также было признано необоснованным²¹¹. Все эти решения были подтверждены определением ВК ВС СССР от 21 ноября 1956 г. Приговор был отменен, а все дела, возбужденные в отношении Саблина, прекращены «за отсутствием состава преступления»²¹².

После реабилитации, в 1956 г., Саблин вернулся в Москву. Его жена скончалась в 1951 г. Дочери окончили высшие учебные заведения. Майя работала в редакции газеты «Советская Россия», Ингрид и Индиана — геологами. В 1961 г. он женился на Ольге Ивановне Подымовой, преподавательнице русского языка и литературы. В конце 1950-х — 1970-е гг. в историко-мемуарных сборниках, посвященных революции и гражданской войне, в различных газетах и журналах выходят его воспоминания, статьи и очерки²¹³.

---

²¹¹ Там же. Л. 197.

²¹² Там же. Л. 198–199.

²¹³ Саблина М. Указ. соч. С. 92–93.

М. И. Мельтюхов

ПОЛЬША В ВОЕННЫХ ПЛАНАХ КРАСНОЙ АРМИИ НА ВЕСНУ 1939 г.

В стратегическом плане в межвоенный период главным звеном «санитарного кордона» на западных границах Советского Союза была Польша, чье географическое положение, а также крупные вооруженные силы делали ее основным потенциальным противником Красной армии. После нормализации германо-польских отношений в январе 1934 г.¹ советское руководство было вынуждено учитывать возможность создания германо-польского военного союза для войны против СССР, вокруг которого могли объединиться другие восточно-европейские страны.

Во второй половине 1930-х гг. оперативное планирование Генерального штаба Красной армии велось с учетом вероятности подобного развития событий. Например, 24 марта 1938 г. был подготовлен оперативный план, согласно которому «складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок — Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей. Эти государства ставят своей целью доведение политических отношений с СССР до вооруженного столкновения. Однако в данное время Германия и Италия еще не обеспечили себе позиции свободных рук против СССР, а Япония ведет напряженную войну с Китаем... Польша находится в орбите фашистского блока, пытаясь сохранить видимую самостоятельность своей внешней политики... Таким образом, Советскому

---

¹ Морозов С. В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И. В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939 гг.). М., 2017. С. 12–23.

Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов и на Востоке против Японии». В документе излагался оперативный замысел наступательной операции Красной армии против германо-польских войск².

События Чехословацкого кризиса 1938 г. наглядно подтверждали подобные стратегические оценки³, которые сохраняли актуальность в оперативном планировании РККА и весной 1939 г. Так, 13 апреля командующий войсками Белорусского особого военного округа (БОВО) командарм 2-го ранга М. П. Ковалев, член Военного совета дивизионный комиссар И. З. Сусайков и начальник штаба округа комкор М. А. Пуркаев подписали совершенно секретную, особой важности «Записку по плану действий Западного фронта»⁴. 24 апреля командующий войсками Киевского особого военного округа (КОВО) командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко, член Военного совета корпусной комиссар А. С. Николаев, начальник штаба округа комдив Н. Ф. Ватутин подписали совершенно секретную, особой важности «Записку по плану действий Юго-Западного фронта» № 119⁵.

Оба документа начинаются с общей оценки военно-политической обстановки. В записке БОВО отмечалось, что «план развертывания и начальных действий Западного фронта исходит из предположения, что основным противником фронта будут объединенные силы Германии и Польши, при вероятном участии на стороне противника Латвии, причем главные силы германской армии развертываются севернее Полесья, а главные силы Польши — южнее Полесья»⁶.

В записке КОВО указывалось, что «основными и наиболее вероятными противниками СССР на западе являются объединенные вооруженные силы Германии (90 пд⁷) и Польши (65 пд).

² 1941 год. Документы : в 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 557–571.

³ Подробнее см.: Мельтохов М. И. Советско-польские конфликты 1918–1939 гг. М., 2017. С. 186–211.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–38.

⁵ Там же. Д. 189. Л. 1–34.

⁶ Там же. Д. 188. Л. 1.

⁷ Военные аббревиатуры раскрыты в списке сокращений в конце статьи.

Фашистская Италия, вероятнее всего, также выступит одновременно в союзе с Германией. Поэтому следует ожидать появления ее морского флота в Черном море и воздушных сил на территории Польши с самого начал войны. Что касается сухопутных сил Италии, то появление их против Юго-Западного фронта в первый месяц войны мало вероятно»⁸.

В обоих документах давалась оценка возможного развертывания войск Германии и Польши против СССР. Предполагалось, что вермахт сможет развернуть на Востоке 6–8 армий, 23–24 армейских корпусов, около 90 пехотных, 5 танковых и 5 кавалерийских дивизий, 20 танковых батальонов, 7–10 средних и 4–6 тяжелых артполков, 3 500 танков, 5 100–5 200 орудий и 2 800–3 500 самолетов. Из них против Западного фронта на территории Латвии, Литвы и Польши будут развернуты главные силы в составе 5–6 армий, 20 армейских корпусов, 62–68 пехотных, 5 танковых и 5 кавалерийских дивизий, 20 танковых батальонов, 6–8 средних и 3–4 тяжелых артполков, 3 500 танков, 4 600 орудий, 2 500–3 000 самолетов. Против Юго-Западного фронта ожидалось развертывание в районе Львов, Станислав, Дрогобыч 1–2 армии, 3–4 армейских корпуса, 12 пехотных дивизий, 1–2 средних и 1–2 тяжелых артполков, 500–600 орудий, 300–500 самолетов. Вероятно, эта группировка сможет развернуться к М-25 — М-30.

Предполагалось, что Польша развернет свои главные силы против Юго-Западного фронта, где ожидалось сосредоточение до 4–5 армий, 12–15 армейских корпусов, 38–42 пехотных дивизий, 9–13 кавалерийских и 2 мотомеханизированных бригад, 8–9 танковых полков, 14 тяжелых и 4 моторизованных артиллерийских полков, около 2 970 танков и танкеток, до 2 840 орудий и до 1 000 самолетов. Вероятным рубежом развертывания считались Сарненский укрепленный район (УР), линия старых германских окопов, Ровно, Дубно, Тарнополь, Чортков. Главная группировка развертывалась бы в районе Ровно, Кременец, Броды, Луцк для удара на Житомир, Киев, либо в районе Новый Почаев, Тарнополь, Трембовля, Львов для удара между Новоград-Волынским и Летичевским УРами. Против Западного фронта ожидалось развертывание 2–3 армии, 6–7 армейских корпу-

⁸ РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 189. Л. 2–3.

сов, 18–20 пехотных дивизий, 4 кавалерийских бригад, 1–2 танковых полков, до 1 000 танков и танкеток, около 1 400 орудий и 500 самолетов. Предполагалось развертывание польских войск на линии «старогерманских позиций», с группировкой главных сил в районе Ошмяны, Лида, Слоним. Полное сосредоточение и развертывание войск противника ожидалось к М-20, а при скрытом отобилизовании к М-12–15⁹.

На случай войны на базе БОВО от Пыталово до Полесья планировалось развернуть войска Западного фронта в составе 5 армий, 21 стрелкового, 2 кавалерийских и 1 танкового корпусов, 76 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 13 танковых, 2 химических танковых, 1 мотострелковой и 1 авиадесантной бригад, 2 отдельных танковых батальонов, 23 артиллерийских полков Резерва Главного командования (РГК), 5 артиллерийских дивизионов РГК. ВВС фронта должны были состоять из 1 тяжелого, 9 скоростных и 2 легких бомбардировочных, 2 штурмовых, 9 истребительных авиаполков и 2 отдельных истребительных эскадрилий. Штаб фронта развертывался в Смоленске, а с М-12 — в Орше¹⁰.

«Ближайшая задача Западного фронта нанести решительное поражение германо-польским силам и овладеть Виленским коридором с выходом на фронт Вилькомир¹¹, Ковно¹², Гродно, Волковыск, Слоним, Пинск.

Главный удар правым крылом на участке Дрисса, Новогрудок.

В дальнейшем иметь в виду разгром основного ядра германо-польских сил, развивая наступление на Восточную Пруссию или в направлении Белосток, Варшава.

В период сосредоточения, пользуясь перевесом сил прикрытия, решительным, внезапным ударом уничтожить части прикрытия противника с целью захвата наиболее выгодных ближайших рубежей и срыва развертывания противника.

Этими действиями обеспечивается развертывание армий фронта на рубеже госграницы»¹³.

⁹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–4; Д. 189. Л. 3–6.

¹⁰ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 188. Л. 5.

¹¹ Название литовского города Укмерге до 1918 г.

¹² Название литовского города Каунас до 1918 г.

¹³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 188. Л. 5.

Группировка войск Западного фронта с севера на юг включала 7-ю, 3-ю, 11-ю, 10-ю, 4-ю армии и 23-й отдельный стрелковый корпус в Полесье. «Основная группировка сил в составе: 31 стр[елковой] дивизии, 4 кав[алерийских] дивизий, 8 танковых бригад, 17 полков АРГК и пяти дивизионов АРГК создается на участке Крайск, Песочное (фронт 11-й и 10-й армий) для действий в направлениях: Минск, Молодечно (основное направление) и Минск, Новогрудок». В районах Витебск, Орша, Борисов, Минск, Бобруйск и Боровское сосредотачивались в резерве 8 стрелковых дивизий и 1 авиадесантная бригада. «Начало наступления 11-й и 10-й армий с утра М-21; 3-й и 4-й армий и 23 ск с утра М-19. Начало действий 7-й армии зависит от положения на латвийской границе и решения главного командования». Правая граница Западного фронта проходила по линии «Бологое (пункт общего пользования), (иск[лючая]) Холм, (иск[лючая]) Пыталово, (иск[лючая]) Валк», левая граница — «р. Славечна, Домбровица, Домачево»¹⁴.

За исключением 7-й армии, войска Западного фронта развертывались против Польши и имели следующие задачи:

«3-я армия.

А. Состав 3-й армии: 4 ск (5 сд, 27 сд, 86 сд); 2 ск (48 сд, 126 сд); 22 ск (17 сд, 10 сд, 138 сд); 21 ск (50 сд, 137 сд, 182 сд); 110 сд и Вышневолоцкая сд; 3 кк (24 кд и 36 кд); 25-я танк[овая] бригада Т-26 и 22-я танк[овая] бригада Т-26; 8-й д[ивизио]н БЕПО; 108 пап, 106 гап и 431 гап б/м АРГК; авиагруппа с М-18 в составе: 16 СБ полк, 5 и 6 лбап, 10-й, 21-й и 15-й истр[ебительные] полки, 38-я отд[ельная] разв[едывательная] эскадрилья.

Всего: управлений ск — 4, стр[елковых] дивизий — 13, управлений кк — 1, кавалерийских дивизий — 2, танк[овых] бригад — 2, полков АРГК — 3, д[ивизио]нов БЕПО — 1.

Б. Район выгрузки и сосредоточения — Бобровичи, Лепель, ст[анция] Ловша.

Части армии на ст[анции] выгрузки прибывают с М-3 по М-19.

В. Армия развертывается в районе Росица, Березино, Лепель, Полоцк. Фронт развертывания — госграница.

¹⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 188. Л. 6.

Г. Ближайшая задача: нанести поражение противостоящему пр[отивни]ку, овладеть рубежом «старогерманских позиций» и выйти на фронт — Свенцяны, оз. Вишневское.

Главный удар в направлении Постава, Свенцяны.

В дальнейшем наступать в общем направлении на Укмерге.

Левая граница — оз. Пелик, (иск[лючая]) оз. Вишневское, Скорули.

Д. Штарм-3 — Витебск, к исходу М-1 — Полоцк.

11-я армия.

А. Состав 11-й армии: 12 ск (139 сд, 163 сд, 53 сд); 16 ск (100 сд, 2 сд, 84 сд, 61 сд); 24 ск (164 сд, 64 сд, 55 сд); 14 ск (29 сд, 172 сд, 173 сд); 34 ск (120 сд, 145 сд, 159 сд, 148 сд); 6 кк (7 кд, 11 кд, 6 кд); 15 тк (2-я танк[овая] бригада, 27-я танк[овая] бригада, 20-я мотостр[елковая] бригада); 21-я танк[овая] бригада Т-28; 6-я легк[ая] танк[овая] бригада; 37-я легк[ая] танк[овая] бригада; 34-я легк[ая] танк[овая] бригада; 30-я хим[ическая] танк[овая] бригада; 169-й отд[ельный] танк[овый] б[атальон]н; 3-й д[ивизио]н БЕПО; 402 пап, 124 гап, 360 гап, 375 гап, 376 гап, 168 пап б/м, 324 пап б/м, 318 гап б/м, 433 гап б/м, 328-й арт [иллерийский] д[ивизио]н б/м, 331-й д[ивизио]н б/м АРГК; 57-я и 49-я отд[ельные] разв[едывательные] эскадрильи.

Авиагруппа с М-20 в составе: 39 СБ полк, 56 СБ полк, 14 шап, 31 иап, 33 иап.

Всего: управлений ск — 5, управлений кк — 1, управлений тк — 1, стр[елковых] дивизий — 17, кав[алерийских] дивизий — 3, танк[овых] бригад — 6, химтанковых бригад — 1, полков АРГК — 9, д[ивизио]нов АРГК — 2, отд[ельных] танк[овых] б[атальо]нов — 1, д[ивизио]нов БЕПО — 1.

Б. Район выгрузки и сосредоточения — Лепель, Минск, Борисов.

Части армии на ст[анции] выгрузки прибывают с М-3 по М-22.

В. Район развертывания — Крайск, Раков, Смолевичи.

Фронт развертывания — госграница.

Г. Ближайшая задача: нанести поражение противостоящему пр[отивни]ку и выйти на фронт Солы, Ошмяны, Гераноны.

Главный удар в направлении ст[анция] Радошковичи, Гольшаны, Олькеники.

В дальнейшем наступать в общем направлении на Прены [Приенай].

Левая граница — Минск, Селище, Вороново, Ораны.

Д. Штарм-11 — Уручье (Колодищи).

10-я армия.

А. Состав 10-й армии: 10 ск (30 сд, 19 сд, 6 сд, 122 сд); 11 ск (150 сд, 113 сд, 147 сд); 28 ск (13 сд, 121 сд, 33 сд, 180 сд); 30 ск (129 сд, 185 сд, 149 сд); 4-я кав[алерийская] дивизия; 10-я танк[овая] бригада Т-28; 36-я танк[овая] бригада Т-26 и 39-я танк[овая] бригада Т-26; 31-я хим[ическая] танк[овая] бригада; 198-й отд[ельный] танк[овый] б[атальон]; 4-й д[ивизион]н БЕПО; 403 пап, 135 пап, 120 пап, 106 пап, 440 гап, 116 гап, 136 гап б/м, 110 гап б/м, 322-й арт[иллерийский] д[ивизион]н б/м, 330-й арт[иллерийский] д[ивизион]н б/м, 329-й арт[иллерийский] д[ивизион]н б/м АРГК; 43-я отд[ельная] войск[овая] разв[едывательная] эск[адрия].

Авиагруппа с М-20 в составе: 18 СБ полк, 5 шап, 41 иап, 4 иап, 4-я истр[ебительная] эскадр[илья] и 10-я истр[ебительная] эскадр[илья].

Всего: управлений ск — 4, стр[елковых] дивизий — 14, кав[алерийских] дивизий — 1, танк[овых] бригад — 3, хим[ических] танк[овых] бригад — 1, танк[овых] б[атальон]нов — 1, д[ивизион]нов БЕПО — 1, полков АРГК — 8, д[ивизион]нов АРГК — 3.

Б. Район выгрузки и сосредоточения — Минск, Дзержинск, Пуховичи.

Части армии на ст[анции] выгрузки прибывают с М-3 по М-24.

В. Армия разворачивается в районе — Селище, Могильно, Узляны, (иск[лючая]) Минск.

Фронт развертывания по госгранице.

Г. Ближайшая задача: овладеть рубежом «старогерманских позиций» и выйти на фронт Лида, Молчадь.

Главный удар в направлении Рубежовичи, Новогрудок.

В дальнейшем наступать на Гродно.

Левая граница — ст[анция] Талька, Молчадь, (иск[лючая]) Волковыск.

Д. Штарм-10 — Пуховичи.

4-я армия.

А. Состав 4-й армии: 46 ск (25 сд, 23 сд, 143 сд); 5 ск (8 сд, 4 сд, 75 сд, 135 сд); 7 ск (116 сд, 134 сд); 29-я танк[овая] бригада Т-26 и 32-я танк[овая] бригада Т-26; 5-й д[ивизион]н БЕПО; 217-й от-

д[ельный] хим[ический] б[атальо]н, 138 гап, 120 гап б/м, 350 гап б/м АРГК, 40-я отд[ельная] разв[едывательная] эскадр[илья].

Авиагруппа с М-18 в составе: 1 лбап, 8 лбап, 35 иап.

Всего: управлений ск — 3, стр[елковых] дивизий — 9, танк[овых] бригад — 2, полков АРГК — 3, д[ивизио]нов БЕПО — 1, хим[ических] бат[альон]ов — 1.

Б. Район выгрузки и сосредоточения — Тимковичи, Слуцк.

Части армии на ст[анции] выгрузки прибывают с М-3 по М-20.

В. Армия разворачивается на госгранице в районе Песочное, Семенево, Слуцк.

Г. Ближайшая задача: овладеть Барановичским УРом с выходом на фронт Молчадь, оз. Выгоновское.

Главный удар — правым флангом.

В дальнейшем наступать в общем направлении на Ружаны.

Левая граница — ст[анция] Рабкор, оз. Выгоновское, оз. Черное.

Д. Штарм-4 — Бобруйск, к исходу М-1 — Слуцк.

23-й отд[ельный] ск.

А. Состав: 52 сд, 37 сд, 162 сд, 6-й д[ивизио]н БЕПО, 46-я отд[ельная] разв[едывательная] эск[адрия], Днепроовско-Припятская флотилия.

Б. Район сосредоточения и выгрузки Житковичи, Старушки.

Части прибывают с М-3 по М-12.

В. Фронт развертывания по госгранице в районе оз. Князь, Бухча, Старушки.

Г. Ближайшая задача овладеть рубежом железнодорожной линии Барановичи, Сарны.

В дальнейшем наступать на Пинск.

Д. Штакор-23 с М-2 — Житковичи»¹⁵.

Предусматривалось, что до утра М-3 «в целях прикрытия и обороны госграницы от внезапного вторжения частей пр[отивни]ка, пограничная территория БОВО, с дислоцированными на ней соединениями и частями округа, разбивается на четыре района прикрытия.

а) РП № 1. Начальник РП — командующий Витебской армейской группой.

В состав РП входят: участок № 1, участок № 2, 8-й дивизион БЕПО, 25-я танк[овая] бригада, 13-й понтонный б[атальо]н.

¹⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 188. Л. 7–10.

Задача РП: Прикрыть мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск на Витебском направлении, уничтожая все части пр[отивни]ка, перешедшие госграницу. Обеспечить приведение в полную боевую готовность Полоцкого УР.

При наступлении явно превосходящих сил пр[отивни]ка оборонять рубеж р. Зап[адная] Двина (от латвийской границы до устья р. Нача), р. Нача и р. Поня.

Правая граница — южная административная граница Калининской области.

Левая граница — Орша, оз. Пелик, Крайск.

Штаб РП № 1 — Витебск, к исходу М-1 — Полоцк.

Участок № 1. Начальник участка — командир 4 ск, комиссар участка — комиссар 4 ск. В состав участка входят: Управление 4 ск, 5 и 50 сд, Полоцкий УР, 12-й погран[ичный] отряд, 22-я погран[ичная] комендатура.

Левая граница участка — Улла, Кубличи.

Штаб УП № 1 — Полоцк, к исходу М-1 — Ветрино. [...]

Участок № 2. Начальник участка — командир 3 кк, комиссар — комиссар 3 кк (до прибытия к госгранице командира и комиссара 3 кк — командуют командир и комиссар 24 кд).

В состав участка входят: управление 3 кк, 24 кд и 36 кд, 27 сд, 54 ткап, 22-я танк[овая] бригада, 13-й погран[ичный] отряд. Штаб участка — штаб 3 кк к исходу М-2 — Бегомля (штаб 24 кд — Лепель, к исходу М-1 — Пышно). [...]

б) **РП № 2.** Начальник РП — командующий Минской армейской группой.

В состав РП входят: участок № 1, участок № 2, Минский укрепленный район, 15-й танк[овый] корпус (2-я и 27-я танк[овые] бригады, 20-я мотостр[елковая] бригада), 3-й дивизион БЕПО.

Задачи РП. Прикрыть мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск на Минском направлении, уничтожая все части пр[отивни]ка, перешедшие госграницу. Обеспечить приведение в полную боевую готовность Минского УР. При наступлении явно превосходящих сил пр[отивни]ка оборонять рубежи Минского УР.

Левая граница — Нов[ый] Быхов, Осиповичи, (иск[лючая]) Лоша, (иск[лючая]) Могильно и далее до госграницы по р. Неман.

Штаб РП № 2 — Минск, к исходу М-1 — Уручье (Колодищи).

Участок прикрытия № 1. Начальник участка — командир 16 ск, комиссар участка — комиссар 16 ск.

В состав участка входят: Управление 16 ск с корпусными частями, 2 и 100 сд, 7 кд, 14-й и 15-й погран[ичные] отряды.

Левая граница — Минск, Волма.

Штаб участка — в роще 2,5 км восточнее Заречье. [...]

Участок прикрытия № 2. Начальник участка — командир 6 кк, комиссар участка — комиссар 6 кк.

В состав участка входят: Управление 6 кк с корпусными частями, 4, 6 и 11 кд, 13 сд, 6-я танк[овая] бригада, 16-й погран[ичный] отряд.

Штаб участка — Койданово (Дзержинск) к 14 часам 2-го дня тревоги».

При этом «15-й танковый корпус выступает только по особому распоряжению Военного Совета БОВО (или с объявлением мобилизации)» и сосредотачивается в районе Ратомка, Птичь, Подгрушево.

«в) РП № 3. Начальник — командир Бобруйской армейской группы.

В состав РП входят: Управление 5 ск с корпусными частями, 4 и 8 сд, 29-я танк[овая] бригада, 5-й дивизион БЕПО, Слуцкий УР, 17-й погран[ичный] отряд.

Задача РП № 3: прикрыть мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск на Слуцком направлении, уничтожая все части противника, перешедшие госграницу.

Обеспечить приведение в полную боевую готовность Слуцкого УР. При наступлении явно превосходящих сил пр[отивни]ка оборонять рубежи Слуцкого УР.

Левая граница — устье р. Березина, оз. Вечера, Морочь.

Штаб РП № 3 — Бобруйск, к исходу М-1 — Слуцк. [...]

г) РП № 4. Начальник — командир 23 ск, комиссар РП — комиссар 23 ск.

В состав РП № 4 входят: Управление 23 ск с корпусными частями, 52 сд, 37 сд, Мозырский УР, Днепровская речная флотилия, 18-й погран[ичный] отряд.

Задача РП № 4: прикрыть мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск на Мозырском направлении, уничтожая все части пр[отивни]ка, перешедшие госграницу.

Обеспечить приведение в полную боевую готовность Мозырского УР.

При наступлении явно превосходящих сил пр[отивни]ка оборонять рубеж р. Случь и западная граница¹⁶ Туровского плато.

Левая граница — южная граница БССР.

Штаб РП № 4 — Мозырь, к исходу М-1 (первого дня тревоги) — Житковичи».

Войска района прикрытия № 1 сосредотачивались в М-1 — М-3, района прикрытия № 2 — в М-1 — М-2, а районов прикрытия № 3 и № 4 — в М-1 — М-5.

«б) План прикрытия вводится в действие:

а) С объявлением мобилизации.

б) В случае внезапного нападения на нашу территорию частей (отрядов) пр[отивни]ка и его диверсионных банд, распоряжением командования армейских групп и 23 ск. В этом случае по тревоге к госгранице выводится только 1-е эшелоны частей РП.

в) По получении [трех вариантов] шифротелеграмм, подписанных Военным Советом БОВО и начальником штаба округа». По первому варианту по тревоге выводились к госгранице только первые эшелоны частей районов прикрытия. По второму варианту к первым эшелонам присоединялись вторые эшелоны, отмобилизованные в порядке Больших учебных сборов (БУС). По третьему варианту указывались конкретные части, вторые эшелоны которых отмобилизовывались в порядке БУС и присоединялись к первым эшелонам¹⁷.

Кроме того, с утра М-3 предусматривалась операция по активному прикрытию сосредоточения и развертывания сил фронта. «С целью уничтожения частей прикрытия пр[отивни]ка и захвата наиболее выгодных ближайших рубежей на территории пр[отивни]ка, дабы обеспечить развертывание армий фронта по госгранице, из состава войск прикрытия создаются пять групп вторжения.

а) Группа вторжения № 1. Командует командир 50 сд.

Состав: 50 сд, усиленная 13-м понтонным б[атальо]ном. Задача: С рассветом М-4 форсировать р. Зап[адная] Двина, овладеть рубежом р. Мерица, Поташня, Зайцева, Заборцы. В последующем, удерживая занятый рубеж, обеспечить за собой переправы через р. Зап[адная]

¹⁶ Так в документе. В советских оперативных документах было принято использовать именительный падеж при указании географических названий, что облегчало их поиск на топографических картах.

¹⁷ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 188. Л. 14–18.

Двина на участке — м. Леонполь, Дрисса и вести усиленную разведку в направлениях: а) на Слободка, б) на Меры, Погост, в) на Дисна.

б) Группа вторжения № 2. Командует командир 4 ск.

Состав: 4 ск (5 сд, 27 сд), 3 кк (24 кд, 36 кд), 22-я танк[овая] бригада и 16 СБ полк (аэродром Каменка).

Задача: с рассветом М-3, не ожидая полного сосредоточения 27 сд, перейти госграницу, нанеся главный удар от р. Поня на Глубокое, Поставы с ближайшей задачей уничтожить части прикрытия пр[отивни]ка и захватить Поставы.

Одновременно выделить отряды:

а) для действия в направлении Шарковщизна, Козяны, в целях обеспечения фланга группы;

б) для очищения от пр[отивни]ка ж[елезно]д[орожной] линии на участке Ореховно, Кривичи.

Последующая задача группы — овладеть районом Годуцишки, оз. Швакшта, оз. Нарочь, Поставы и вести усиленную разведку: на Свенцяны, Повевюрка и на Михалишки, Ворняны.

в) Группа вторжения № 3. Командует командир 16 ск.

Состав: 16 ск (2 сд, 100 сд), 15 тк (2 тбр, 27 тбр, 20-я мотостр[елковая] бригада), 7 кд и 39 СБ полк (аэродром Кличев).

Задача: С рассветом М-3 перейти госграницу и, нанеся главный удар подвижной группой в направлении Раков, Воложин, Крево, овладеть районом Молодечно, Крево, Вишнево, Воложин, откуда вести усиленную разведку в направлениях: на Вильно¹⁸ и Лида.

г) Группа вторжения № 4. Командует командир 6 кк.

Состав: 6 кк (4 кд, 6 кд, 11 кд), 13 сд, 6 тбр и 56 СБ полк (аэродром Михалево).

Задача: С рассветом М-3 перейти госграницу и овладеть районом Новогрудок, Новосады, Кореличи, откуда вести усиленную разведку: а) на Дятлово, б) на Молчадь, в) на Барановичи.

Главный удар подвижной группой через Налибокскую пушу на Занемонь, Новогрудок.

д) Группа вторжения № 5. Командует командир 5 ск.

Состав: 5 ск (4 сд, 8 сд), 29 тбр.

¹⁸ Официальное название города в составе Польши, после присоединения к Литве в октябре 1939 г. — Вильнос.

Ближайшая задача: с рассветом М-3, не ожидая сосредоточения 8 сд, уничтожить противостоящие части и овладеть районом — Космовичи, Клецк, Грицевичи, Матуши, откуда вести усиленную разведку в направлениях: а) на Несвиж, Городея, б) на Ляховичи, в) на Синявка.

В последующем на М-7 (с окончанием сосредоточения 8 сд) наступать в общем направлении на Дарево и выйти на рубеж — Снов, Святичи, Поддесье, Юхимовичи, Слободка с целью вскрыть передний край Барановичского УР.

С достигнутого рубежа вести усиленную непрерывную разведку в направлениях: а) Полонечка, б) Нов[ые] Барановичи, в) через Ганцевичи на Туховичи.

е) План вторжения вводится в действие:

Распоряжением Военного Совета БОВО, переданным Военным Советам Витебской, Минской, Бобруйской армейских групп шифротелеграммой»¹⁹.

Запланированная штатная численность войск Западного фронта указана в таблице 1²⁰.

В случае войны на базе КОВО от Полесья до Черного моря планировалось развернуть войска Юго-Западного фронта в составе 4 армий, 10 стрелковых, 2 кавалерийских и 1 танкового корпусов, 27 стрелковых, 8 кавалерийских дивизий, 7 танковых бригад, 2 отдельных танковых батальонов, 10 корпусных артполков, 4 корпусных тяжелых артполков, 3 гаубичных артполков РГК большой мощности, 5 авиационных бригад, 7 укрепленных районов. Кроме того, в период с М-25 по М-30 в районе Чернигов, Конотоп, Прилуки сосредотачивались 4 стрелковые дивизии резерва Главного командования и 3-я авиационная армия особого назначения (АОН). Штаб фронта развертывался в Киеве, а с М-8 — в Бердичеве. Правой границей фронта являлась линия: «устье р. Славечна, Домбровица, Домачево. Все пункты для Юго-Западного фронта исключительно».левой границей было «побережье Черного моря от устья р. Днестр до Николаев. Тыловая граница Юго-Западного фронта — государственная граница УССР»²¹.

¹⁹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 188. Л. 20–21.

²⁰ Таблица составлена на основе следующих материалов: РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 227. Л. 3, 4, 12, 21, 28, 37, 40.

²¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 189. Л. 7–8, 10–11.

Таблица 1. Штатная численность войск Западного фронта

	Итого	В том числе			
		3-я А	11-я А	10-я А	4-я А
Личный состав	1 921 767	323 402	465 089	358 893	225 137
Лошади	402 065	77 430	100 367	74 239	45 954
Револьверы	327 659	59 210	88 660	63 186	38 806
Винтовки	1 457 477	250 287	350 736	272 763	177 145
Ружейные мортиры	19 072	3 919	5 283	3 924	2 586
Пулеметы	58 053	9 975	13 628	10 488	6 910
Орудия и минометы	9 824	1 761	2 624	1 756	1 145
Танки	7 255	1 306	2 370	1 338	969
Бронеавтомобили	1 276	184	377	260	155
Автомобили	117 574	18 367	29 755	22 982	13 333
Трактора	30 685	4 898	8 099	6 160	4 022
Мотоциклы	26 372	4 472	6 709	5 110	3 136
Самолеты	2 132	47*	123*	49*	41*

* В составе армий указаны только самолеты У-2 и Р-5.

В период сосредоточения «до М-9 активно будут действовать лишь части прикрытия Юго-Западного фронта, а переход в наступление главных сил возможен на Сарненском и Ровненском направлениях с М-9, на Тарнопольском и Станиславском направлениях с М-16». При этом «до М-7 Юго-Западный фронт имеет значительное превосходство в танках и артиллерии, что вполне обеспечивает успешные действия частей прикрытия. С М-8 по М-15 следует ожидать неблагоприятного для нас соотношения сил на Тарнопольском и Станиславском направлениях и небольшое превосходство сил Юго-Западного фронта на Сарненском и Ровненском направлениях. На М-16 снова обеспечивается превосходство Юго-Западного фронта в целом в артиллерии, танках и авиации, что обеспечит переход в общее наступление»²².

²² РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 227. Л. 8–9.

В качестве ближайшей задачи «Юго-Западный фронт решительными и активными действиями по частям уничтожает войска прикрытия противника, его Ровненскую и Тарнопольскую группировки главных сил, наносит тем самым поражение польским вооруженным силам южнее Полесья раньше, чем они смогут получить поддержку со стороны Германии или Румынии, изолирует Румынию от Польши и Германии и к исходу М-27–30 выходит на фронт Сарны, ст[анция] Киверцы, Владимир-Вольинский, Львов, Стрый.

Для этого:

а) С М-3 активными действиями усиленных групп прикрытия и ВВС фронта уничтожить части прикрытия и воздушные силы противника, нарушить его сосредоточение, захватить и удерживать до подхода главных сил линию старых германских окопов.

б) Перейти в решительное наступление главными силами на Сарненском и Ровненском направлениях на М-9 и на Тарнопольском и Станиславском направлениях на М-16, нанося:

I — Главный удар 6-й армии, всей массы конницы, мехсоединений и авиации в направлении Тарнополь, Львов с целью охватить главные силы поляков с юга, окружить и уничтожить их, изолировав от Румынии.

II — Вспомогательные удары силами 5-й армии — на Дубно, Боремель и силами 12-й армии — на Станислав²³.

в) Обеспечить правый фланг фронта наступлением на Сарненском направлении силами 15-го отд[ельного] стр[елкового] корпуса.

г) Прикрыть границу с Румынией силами 13-й армии.

Выполнением ближайшей задачи добиться сковывания всех сил противника южнее Полесья и воспрещения переброски их к северу от Полесья.

В дальнейшем иметь в виду наступление в северо-западном направлении»²⁴.

Развертывавшиеся на границе с Польшей войска Юго-Западного фронта получали следующие задачи:

²³ В составе Польши город официально назывался Станиславов, с ноября 1939 г. в составе Украинской ССР — Станислав, с 9 ноября 1962 г. — Ивано-Франковск.

²⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 189. Л. 9–10.

«а) 15-й отд[ельный] стрелковый корпус в составе 60-й, 87-й и 131-й стр[елковых] дивизий, 1-го дивизиона бронепоездов и Коростеньского укрепленного района — прибывает в период с М-2 по М-7.

Район выгрузки: ст[анция] Белокоровичи, рзд. Кремно.

Район сосредоточения — Рудня-Пержанская, Олевск, Городница, Эмильячино, Белокоровичи.

К исходу М-8 корпус прибывающими частями (131 сд) развертывается на госгранице южнее Олевск и к исходу М-10 выходит всеми силами к переднему краю Сарненского УР, имея не менее двух дивизий на фронте Березно, Костополь.

Штакор-15 — Коростень. С М-2 — Белокоровичи.

Задача 15 ск:

Нанося главный удар левым флангом, разбить Сарненскую группировку противника и к исходу М-18 выйти на фронт Домбровица, Чарторийск, Софиевка. Начало атаки Сарненского УР — ориентировочно М-12.

В дальнейшем наступать на фронт Колки, Рожище, обеспечивая правый фланг Юго-Западного фронта и стык с 23-м стр[елковым] корпусом БОВО.

Быть готовым оказать содействие 5-й армии в уничтожении Ровенской группировки противника. Не допустить контратак противника из лесов, что севернее и северо-восточнее Луцк, во фланг 5-й армии. Граница слева: иск[лючая] Радомысль, иск[лючая] Горошки, ст[анция] Веровка, Городница, Костополь, иск[лючая] Рожище.

б) 5-я армия, имея с М-3 впереди активную группу прикрытия в составе 2-го кав[алерийского] корпуса, 8-го стр[елкового] корпуса (45-я и 81-я стр[елковые] дивизии), 24-й и 38-й легк[их] танковых бригад, главными силами в составе 27-го стр[елкового] корпуса (46 и 7 сд), 44 сд 8-го стр[елкового] корпуса и 14-й тяж[елой] танк [овой] бригады прибывает походом и по жел[езной] дороге в период с М-2 по М-8.

Районы выгрузки: Новоград-Волыньск, ст[анция] Колоденка, рзд. Радулино и Славута, Суховоля, Изяславль, Шепетовка.

Район сосредоточения — Новоград-Волыньск, Славута, Изяславль, Шепетовка.

К исходу М-8 армия развертывается на госгранице на фронте Городница, Ямполь (100 км), нацеливая свою главную группировку на левом фланге.

Штарм-5 — Житомир. С М-2 — Шепетовка.

Задача 5-й армии:

С утра М-9 перейти в общее наступление в направлении Дубно, Боремель. К исходу М-11 выйти на рубеж Клевань, Муравица, Козин. Продолжая наступление, разбить Ровненскую группировку противника, сковать возможно больше его сил и к исходу М-18 овладеть рубежом Луцк, Броды. В дальнейшем, прикрываясь активной обороной с северо-запада, главными силами обеспечить прорыв 2-го кав[алерийского] корпуса с одной — двумя танковыми бригадами в юго-западном направлении на Буск во фланг и тыл Тарнопольско-Львовской группировке противника для уничтожения ее совместно с 6-й армией и овладения районом Львов.

Граница слева — Бердичев, Любар, Ямполь, Броды, Крыстынополь.

в) 6-я армия, имея с М-3 впереди активную группу прикрытия в составе конной армии (4-й кав[алерийский] корп[ус], 17-й стр[елковый] корп[ус], 25-й танк[овый] корп[ус] и 23-я легк[ая] танк[овая] бр[игада]), главными силами в составе 13-го стр[елкового] корпуса (62 и 15 сд), 35-го стр[елкового] корпуса (74 и 124 сд), 36-го стр[елкового] корпуса (140 и 41 сд), 80 сд, 137-го, 330-го и 331-го гаубичных артполков большой мощности и двух отдельных танковых батальонов прибывает по жел[езной] дороге в период с М-4 по М-15.

Районы выгрузки: Полонное, Хролин; Бол[ьшие] Пузырьки, Антонины, Староконстантин; Проскуров, Черный Остров и Деражня, Жмеринка.

Район сосредоточения: Староконстантинов, Теофиополь, Волочиск, Кузьмин, Деражня, Проскуров.

К исходу М-15 армия разворачивается на госгранице на фронте Ямполь, Сатанов (90 км), имея главные силы на левом фланге и 80-ю стр[елковую] дивизию в армейском резерве за левым флангом.

Штарм-6 — Винница. С М-2 — Проскуров.

Задача 6-й армии:

С утра М-16 перейти в общее наступление в направлении Тарнополь, Львов, и нанося главный удар левым крылом, во взаимодействии с 5-й армией и конной армией окружить и уничтожить Тарнопольско-Львовскую группировку противника и к исходу М-21 выйти на фронт Броды, Рогатин. В дальнейшем уничтожить резервы противника, овла-

деть районом Львов и к исходу М-27–30 выйти на фронт (иск[лючая]) Радзехов, Добротвор, Жолкев, Янув, Комарно.

Граница слева — Жмеринка, Деражня, Сатанов, Трёмбовля, иск[лючая] Рогатин, иск[лючая] Николаев.

г) 12-я армия, имея с М-3 впереди активную группу прикрытия в составе 72-й стр[елковой] дивизии, 9-й кав[алерийской] дивизии и 26-й легк[ой] танковой бригады, главными силами в составе 37-го стр[елкового] корпуса (58 и 146 сд), 99-й стр[елковой] дивизии 6-го стр[елкового] корп[уса] и двух минометных батальонов прибывает походом и по жел[езной] дороге в период с М-3 по М-14.

Районы выгрузки: ст[анция] Ярмолинцы, Каменец-Подольский и ст[анция] Бар, ст[анция] Котюжаны.

Район сосредоточения: Гусятин, Каменец-Подольский, Ярмолинцы.

К исходу М-15 армия разворачивается на госгранице на фронте Сатанов, р. Днестр (85 км), имея главную группировку на правом фланге.

Штарм-12 — с М-4 — Ярмолинцы.

Задача 12-й армии:

С утра М-16 перейти в наступление, и, нанося главный удар правым флангом, разбить Станиславскую группировку противника, обеспечить действия 6-й армии по разгрому Тарнопольско-Львовской группировки и к исходу М-21 овладеть рубежом Рогатин, Станислав, Надворная.

В дальнейшем, обеспечивая наблюдение на границе с Румынией, к исходу М-27–30 овладеть районом Стрый.

Граница слева — ст[анция] Катюжаны, иск[лючая] Снитков, иск[лючая] Калюс, р. Днестр, устье р. Збруч, госграница Польши с Румынией»²⁵.

В документе штаба КОВО оборонительные и наступательные задачи по прикрытию мобилизации, сосредоточения и развертывания войск фронта не были разграничены. На границе с Польшей с М-1 создавалось 3 района прикрытия:

«1) Район прикрытия № 1 (РП № 1).

Начальник — командир 15-го стр[елкового] корпуса.

²⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 189. Л. 11–16.

Штаб — Коростень, с М-2 — Белокоровичи.

Состав: Управление и корпусные части 15 ск, 60-я и 87-я стр[елковые] дивизии, 19-й погран[ичный] отряд, 1-й дивизион бронепоездов, Коростеньский укрепрайон и 41-я отд[ельная] войск[овая] развед[ывательная] эскадрилья.

Готовность — к исходу М-2.

Задача: С М-1 до М-9 прикрыть и удержать линию госграницы от границы с БОВО до Городница. Не допустить вторжения противника и его диверсионных банд на нашу территорию.

К М-2 привести в полное оборонительное состояние Коростеньский УР и к М-10 закончить инженерные работы по полевому доусилению.

Быть готовым к нанесению контрудара в направлении Пищев в случае наступления превосходных²⁶ сил противника на Новоград-Вольнском направлении.

Обеспечить стык с БОВО.

Активной группой прикрытия в составе управления 15 ск с корпусными частями, 60 и 87 сд, 1-го дивизиона бронепоездов с утра М-5 перейти в наступление, уничтожить части прикрытия противника на Сарненском направлении, к исходу М-10 выйти к переднему краю Сарненского УР на фронте ст[анция] Клесово, Березно, Костополь, произвести разведку Сарненского УР и установить силы и группировку войск, обороняющих его.

Разведать направление на Деражно.

Граница слева — иск[лючая] Радомысль, иск[лючая] Горошки, ст[анция] Веровка, Городница, Костополь, иск[лючая] Рожище. [...]

2) Район прикрытия № 2 (РП № 2).

Начальник — командующий Житомирской арм[ейской] группой.

Штаб — Житомир. С М-2 — Шепетовка.

Состав: 8-й стр[елковый] корпус (45, 81 и 44 сд), 46 сд, 2-й кав[алерийский] корпус (14, 5 и 3 кд), 24-я и 38-я легк[ие] танк[овые] бригады, Новоград-Вольнский УР, 17-й инж[енерный] б[атальон], 211-й, 215-й, 17-й, 243-й, 236-й и 87-й зен[итные] арт[иллерийские] дивизионы, 34-я армейская и 34-я войсковая развед[ывательные] авиаэска-

²⁶ Так в документе.

дрильи, 5-я двухместная истреб[ительная] эскадрилья, 20-й и 21-й погран[ичные] отряды.

Готовность — к исходу М-2.

Задача: До М-10 прикрыть и прочно удерживать госграницу на фронте Городница, Ямполь. Не допустить вторжения противника на территорию СССР. Обеспечить стык с РП № 1 и 3. Быть готовым к нанесению контрудара на Волочиск в случае наступления на этом направлении превосходящих сил противника. К М-2 привести в полное оборонительное состояние Новоград-Волынский УР и к М-10 закончить инженерные работы по полевому доусилению.

Активной группой прикрытия в составе 2-го кав[алерийского] корпуса, 8 ск (45 и 81 сд), 24-й и 38-й легк[их] танк[овых] бригад с рубежа их развертывания предположительно в ночь на М-3 перейти в наступление в направлениях Ровно и Дубно, уничтожить части прикрытия противника и к М-4 овладеть районом Ровно, Дубно, Мизочь.

В дальнейшем, уничтожая подходящие части противника и нарушая его сосредоточение в районе Олыка, Луцк, Броды, захватить и удерживать до подхода главных сил 5-й армии рубеж Клевань, Муравица, Демидовка, Козин.

Вести разведку в направлениях: ст[анция] Киверцы, Берестечко и Броды.

Иметь в виду нанесение удара в южном направлении для уничтожения Тарнопольской группировки противника совместно с Конной армией.

Граница слева: Бердичев, Любар, Ямполь, Броды. [...]

3) Район прикрытия № 3 (РП № 3).

Начальник — командующий Винницкой арм[ейской] группой.

Штаб — Винница. С М-2 — Проскуров.

Состав: Конная армия (4-й кав[алерийский] корп[ус] (32, 34 и 12 кд), 17-й стрелк[овый] корпус: 96 и 97 сд, 25-й танк[овый] корпус, 23-я легк[ая] танк[овая] бригада, 9-й и 45-й инж[енерные] батальоны), 6-й стр[елковый] корпус (72 сд, 9 кд и 26-я легк[ая] танк[овая] бр[игада]), Летичевский укрепрайон, 20-й, 269-й, 268-й зен[итные] артдивизионы, 22-й и 23-й погран[ичные] отряды, 36-я армейская, 44-я и 52-я войсковые развед[ывательные] авиаэскадрильи, 8-я двухместная истребит[ельная] эскадрилья.

Готовность — к исходу М-3.

Задача: До М-16 прикрыть и прочно удерживать линию госграницы на фронте Ямполь, р. Днестр, не допустив вторжения противника на территорию СССР.

Обеспечить стык с РП № 4. Быть готовым к нанесению контрудара в направлении Ямполь в случае перехода в наступление превосходящих сил противника на направлении Кременец, Староконстантинов.

К М-2 привести в полную боевую готовность Летичевский укрепленный район и к М-10 закончить инженерные работы по доусилению.

Активными группами прикрытия с рубежа их развертывания предположительно в ночь на М-3 перейти в наступление:

I — На Тарнопольском направлении — силами Конной армии с задачей: Уничтожить части прикрытия противника, овладеть районом Зборув, Тарнополь к исходу М-5.

В дальнейшем, уничтожая подходящие части противника и нарушая сосредоточение его в районе Глиняны, Рогатин, Брзежаны, Золочев, к исходу М-8 захватить и удерживать до подхода главных сил 6-й армии рубеж по р. Стрыпа.

Вести разведку на фронте Буск, Рогатин, Жидачев. Иметь в виду в зависимости от обстановки нанесение удара в северном направлении для уничтожения Ровненской группировки противника совместно с активной группой или с главными силами 5-й армии.

Граница слева — Деражня, Сатанов, Трембовля, Подгайцы, Жидачев.

II — На Станиславском направлении — силами 6 ск с задачей: Уничтожить части прикрытия противника и к исходу М-6 овладеть районом Чортков, Тлусте, Усечко.

В дальнейшем иметь в виду наступление на фронт Станислав, Коломыя и ведение разведки на границе с Румынией.

Иметь в виду в зависимости от обстановки нанесение удара в северном направлении для уничтожения Тарнопольской группировки совместно с Конной армией. [...]

Граница слева — Немиров, ст[анция] Катюжаны, иск[лючая] Снитков, Струки, иск[лючая] Калюс, р. Днестр, устье р. Збруч, госграница между Польшей и Румынией»²⁷.

В документе указывалось, что «операция Юго-Западного фронта на 1-й месяц войны предполагается, как операция последователь-

²⁷ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 189. Л. 18–23.

ного разгрома по частям вначале войск прикрытия противника, затем Ровненской группировки и, наконец, Тарнопольско-Львовской группировки с последующим разгромом резервов и подходящих сил германской и венгерской армий, в районе Львов, Ковель.

Маневр приобретает исключительное значение. Поэтому в основу планирования положить следующие этапы:

а) 1-й этап, М-1 — М-10. В этот период:

Активные группы прикрытия уничтожают войска прикрытия противника.

Главные силы фронта производят сосредоточение и развертывание.

ВВС фронта уничтожают авиацию противника, обеспечивают господство в воздухе, запрещают железнодорожные перевозки войск противника, уничтожают обнаруженные его группировки и содействуют активным группам прикрытия большими силами на Тарнопольском направлении.

Предусмотреть возможный маневр групп прикрытия для решительного разгрома совместными усилиями при поддержке всей авиации либо Тарнопольской, либо Ровненской групп прикрытия противника.

Для обеспечения подвоза группам прикрытия с 5–6-го дня мобилизации необходимо до 7 авто[мобильных] батальонов. Вслед за активными группами начать восстановление железных дорог в направлениях: Здолбуново и Тарнополь.

б) 2-й этап, М-10 — М-16. В этот период:

На Сарненском и Ровненском направлениях главные силы переходят в наступление и уничтожают Ровненскую группировку противника. На Тарнопольском и Станиславском направлениях продолжают активные действия групп прикрытия, сосредоточение и развертывание главных сил.

Предусмотреть удар Конной армии с юга во фланг и тыл Ровненской группировки противника для разгрома ее совместно с 5-й армией.

ВВС фронта продолжают подавление авиации противника, воспрепятствуют железнодорожные перевозки его войск и главными силами взаимодействуют с 5-й армией по разгрому Ровненской группировки.

Предусмотреть сосредоточение не менее 8 автобатальонов в районе Полонное и Деражня для перевозки войск на рубеж развертывания.

Просить главное командование частью сил 3-й АОН содействовать фронту в разгроме Ровненской группировки противника.

в) 3-й этап, М-16 — М-27. В этот период:

Центр всех усилий переносится на разгром Тарнопольско-Львовской группировки противника, в том числе и подходящих сил германской и венгерской армий и полное выполнение ближайшей задачи фронта.

Главные силы 6-й и 12-й армий переходят в наступление.

5-я армия, прикрывшись активной обороной с северо-запада, продолжает наступательную операцию на своем левом фланге, содействует 6-й армии и обеспечивает пропуск 2-го кав[алерийского] корпуса с двумя танковыми бригадами в юго-западном направлении во фланг и тыл Тарнопольско-Львовской группировки.

ВВС фронта всеми силами содействуют 6-й армии в разгроме Тарнопольско-Львовской группировки»²⁸.

При этом планом предусматривалось, что «в случае, если главные силы германской армии развернутся южнее Полесья (75 пд), то развертывание главных сил польской армии, вероятно, произойдет севернее Полесья. В таком случае сосредоточение польских войск южнее Полесья может быть произведено к М-12 (до 20 пд), а германских войск предположительно к М-25 — М-30. К этому же времени может развернуться и румынская армия.

Таким образом, Юго-Западный фронт с указанным выше боевым составом имеет возможность до подхода германских и румынских войск активными и решительными действиями нанести поражение польским войскам и, не подвергая себя поражению, выйти на фронт р. Стырь, р. Золотая Липа, р. Днестр, после чего активной обороной на территории Польши выиграть время до подхода резервов, сковать силы противника, обеспечить успешное выполнение задачи Западным фронтом, имея в виду в дальнейшем переход в решительное наступление во взаимодействии с Западным фронтом.

В соответствии с этим будут уточнены задачи армиям.

Овладение рубежом Ковель, Львов в этих условиях без увеличения боевого состава войск фронта, вероятно, будет непосильной задачей. Особое значение приобретает быстрое приведение в оборонительное состояние вновь строящихся укрепленных районов»²⁹.

²⁸ Там же. Л. 29–32.

²⁹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 189. Л. 32–33.

В документе указывалось, что «первый переход и первый перелет госграницы может быть произведен только с разрешения Военного Совета фронта по получении разрешения от Народного комиссара обороны»³⁰.

Запланированная штатная численность войск Юго-Западного фронта приведена в таблице 2.

*Таблица 2. Штатная численность войск Юго-Западного фронта*³¹

	В том числе				
	Итого	15-й отд, ск	5-я А	6-я А	12-я А
Личный состав	1 000 271	74 397	178 782	332 731	204 899
Лошади	212 691	15 689	33 765	75 665	57 919
Револьверы	188 429	11 458	30 972	61 756	44 088
Винтовки	737 576	65 877	133 196	248 912	146 166
Ружейные мортиры	9 173	561	1 683	3 591	2 222
Пулеметы	41 128	3 734	5 678	15 945	8 082
Орудия и минометы	7 664	460	1 873	2 814	1 580
Танки	4 466	110	720	1 643	1 758
Бронеавтомобили	922	42	127	317	384
Автомобили	63 936	3 623	10 824	19 741	13 945
Трактора	14 868	1 009	3 324	5 461	2 824
Мотоциклы	12 474	749	2 437	4 812	2 747
Самолеты	2 643	6*	6*	6*	18*

* Указаны только самолеты У-2.

На ВВС обоих фронтов возлагались следующие задачи:

«а) уничтожение авиации пр[отивни]ка в трехсоткилометровой зоне от госграницы действием по аэродромам, базам и в воздухе,

б) действиями по железнодорожным узлам [и перегонам] задержать сосредоточение пр[отивни]ка,

³⁰ Там же. Л. 34.

³¹ Таблица составлена на основе следующих материалов: РГВА. Ф. 37 977. Оп. 1. Д. 216. Л. 55; Д. 225. Л. 1–18.

- в) действия по крупным группировкам войск противника,
- г) прикрытие сосредоточения своих войск,
- д) взаимодействие с группами вторжения,
- е) с началом общего наступления взаимодействие с наземными войсками»³².

Было запланировано, что на Западном фронте в «период сосредоточения и развертывания армий фронта из состава ВВС фронта создаются три авиационных группы (АГ) и группа резерва фронта», которые должны были перебазироваться на полевые аэродромы «или по особому распоряжению до объявления общей мобилизации или на М-1». В районе Великие Луки, Себеж, Лепель, Витебск дислоцировалась Северная АГ в составе 16-го скоростного бомбардировочного, 5-го и 6-го легких бомбардировочных, 21-го, 10-го и 15-го истребительных авиаполков, которая должна была вести боевые действия до линии Друя, Каунас, Сувалки, Белосток, Лида, Молодечно. Командующим группой назначался командующий ВВС 3-й армии со штабом в Полоцке. В районе Орша, Минск, Осиповичи, Могилев дислоцировалась Центральная АГ в составе 56-го, 18-го и 39-го скоростных бомбардировочных, 5-го и 14-го штурмовых, 31-го, 33-го и 41-го истребительных авиаполков, 4-й и 10-й отдельных истребительных эскадрилий, которая должна была вести боевые действия до линии Молодечно, Лида, Гродно, Белосток, Седец, Люблин, Барановичи. Командующим группой назначался командующий ВВС 11-й армии со штабом в Уручье. В районе Бобруйск, Осиповичи, Слуцк, Мозырь дислоцировалась Южная АГ в составе 1-го и 8-го скоростных бомбардировочных, 4-го и 35-го истребительных авиаполков, которая должна была вести боевые действия до линии Барановичи, Брест-Литовск, Холм³³, Пинск. Командующим группой назначался командующий ВВС 4-й армии со штабом к исходу М-1 в Слуцке. Резерв ВВС фронта состоял из 13-го, 31-го, 54-го скоростных бомбардировочных, 3-го тяжелого бомбардировочного и 20-го истребительно-го авиаполков и дислоцировался в районах Витебска, Орши, Ельни, Боровской и Смоленска.

«Решение поставленных задач.

³² Там же. Д. 188. Л. 5–6, 10–14; Д. 189. Л. 16–18.

³³ Русское название польского города Хелм.

1. Задача на уничтожение ВВС пр[отивни]ка решается исходя из конкретной обстановки к началу боевых действий, установленной разведкой.

М-1 (день объявления тревоги):

- а) сосредоточение ВВС фронта на полевых аэродромах,
- б) разведка аэродромов противника,
- в) прикрытие сосредоточения своей авиации.

М-2, М-3. Уничтожение ВВС пр[отивни]ка на земле и в воздухе. Действия авиагруппами в своих полосах.

Резервы фронта используются в зависимости от обстановки на усиление авиагрупп.

М-14, М-15. Повторный сосредоточенный удар всеми силами по авиации пр[отивни]ка».

Кроме того, ВВС также должны были действовать по железнодорожным узлам Вильно, Гродно, Лида, Белосток, Волковыск, Клещели, Брест-Литовск и перегонам Вильно — Гродно, Вильно — Сеславино, Вильно — Лида, Волковыск — Лида, Лида — Молодечно, Волковыск — Барановичи, Жабинка — Барановичи, Жабинка — Микашевичи. Планировались удары по группировкам противника на основе данных разведки. При этом первые удары по полякам следовало нанести в М-6 — М-12, по немцам — в М-10 — М-15. Повторные удары перед наступлением армий фронта, т. е. на М-18 и М-20.

Взаимодействие ВВС с группами вторжения «осуществляется выделением на М-2 из состава Северной авиагруппы одного полка для взаимодействия с частями Полоцкого направления, из состава Центральной авиагруппы — одного полка для взаимодействия с частями Минск-Молодечненского направления и одного полка для взаимодействия с группой вторжения Минск-Новогрудского направления».

Прикрытие сосредоточения своих войск осуществляется истребительной авиацией в своих районах, а также воздействием всеми ВВС фронта на авиацию противника. «Взаимодействие с наземными войсками с началом общего наступления осуществляется созданием армейских авиационных групп (АГ) с подчинением их армейскому командованию». В АГ 3-й армии входила Северная АГ в целом, в АГ 11-й армии — 2 скоростных бомбардировочных, 1 штурмовой и 2 истребительных авиаполка (из Центральной группы), в АГ 10-й армии — 1 скоростной бомбардировочный, 1 штурмовой, 2 ис-

требительных авиаполка, 2 отдельные истребительные эскадрильи (из Центральной и Южной групп), в АГ 4-й армии — 2 легких бомбардировочных и 1 истребительный авиаполки (из Южной группы)³⁴.

Перед ВВС Юго-Западного фронта были поставлены следующие задачи:

- «а) Действиями всей авиации по авиабазам, аэродромам и боями в воздухе уничтожить воздушные силы противника и обеспечить господство в воздухе на глубину 300 км на фронте Ковель, Львов.
- б) Повторными ударами уничтожать обнаруживаемые группировки противника в районах: Ровно, Кременец, Броды, Луцк и Почаев, Тернополь, Трембовля, Рогатин, Каменка, а также колонны на дорогах, идущих от рокады Ковель, Львов к востоку.
- в) Во взаимодействии с частями прикрытия уничтожить противника в районах: Ровно, Дубно; Тернополь, Золочев; Чортков, Станислав, Коломыя.
- г) Воспретить железнодорожные перевозки ударами по»: железнодорожным узлам Ковель, Львов, перегонам Ковель — Рожиче, Львов — Стоянов, Львов — Броды, Стрый — Рогатин, Перемышль — Львов и «мостам через р. Сан у Ярославов³⁵ и Перемышль с целью их разрушения.
- д) Прикрыть сосредоточение и развертывание главных сил в районе Шумск, Гусятин, Деражня, Н[овый] Мирополь, Новоград-Вольнск, Корец.
- е) С переходом в наступление главных сил во взаимодействии с наземными войсками последовательно разгромить до М-16 вкл[ючительно] Ровненскую группировку, а с М-16 — всеми силами Тернопольско-Львовскую группировку противника.
- ж) С началом действий вскрыть:
  - I — Группировку и силы войск прикрытия противника и занимаемые ими рубежи.
  - II — Наличие подготовленных оборонительных рубежей и долговременных укрепленных полос по линии старых германских окопов и в районах: Ровно, Дубно, Луцк и Тернополь, Чортков, р. Стрыпа.

³⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 188. Л. 11–14.

³⁵ Так в документе, правильно: Ярослав.

III — Железнодорожные и автомобильные перевозки, сосредоточение, группировку и районы развертывания главных сил противника и его резервов.

IV — Своевременно установить появление германской и итальянской авиации и наземных войск Германии.

з) По особому указанию главного командования оказать содействие Западному фронту и быть готовым нанести удар по Львов, Перемышль и Дрогобыч».

Кроме того, следовало «просить главное командование авиацией особого назначения:

а) Разрушить ж[елезно]д[орожные] узлы Люблин и Брест-Литовск с ж[елезно]д[орожным] мостом через р. Буг.

б) Разрушить ж[елезно]д[орожные] мосты через р. Сан у Ярослав и Перемышль.

в) Уничтожить главный авиасклад и авиабазу в Демблин.

г) С М-16–17 частью сил оказать содействие в разгроме Тарнопольско-Львовской группировки противника.

д) При обнаружении подхода или подвоза германских войск повторными сильными ударами нанести им потери и воспретить до М-27 их выдвижение к востоку от линии р. Сан, Турка»³⁶.

Таким образом, весной 1939 г. опасность германо-польского антисоветского военного союза продолжала оставаться для советского командования главной угрозой на случай войны на западной границе. Парировать эту угрозу намечалось проведением наступательных операций войск Западного и Юго-Западного фронтов на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, входивших в то время в состав Польши. Для достижения этой задачи планировалось создать мощную группировку советских войск в составе 31 стрелкового, 4 кавалерийских, 2 танковых корпусов, 103 стрелковых, 14 кавалерийских дивизий, 22 танковых, 2 мотострелковых и 1 авиадесантной бригады общей численностью 2 922 038 человек, 17 488 орудий и минометов, 11 721 танка и 4 775 самолетов. В планах сохранялась характерная для советского оперативного планирования второй половины 1930-х гг. идея «активного прикрытия» мобилизации, сосредоточения и развертывания войск фронтами вторжением частью сил на территорию

³⁶ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 189. Л. 16–18.

противника для срыва его развертывания и захвата выгодных рубежей для дальнейшего наступления. С первых дней войны Красная армия должна была стремиться захватить стратегическую инициативу. При этом следует помнить, что эти документы были не приказами на проведение описанных в них операций, а плановыми оперативными работками на случай войны, которая все очевиднее вырисовывалась на политическом горизонте.

В связи с начавшимся с конца марта 1939 г. обострением германо-польских отношений в ходе предвоенного политического кризиса в Европе ситуация стала постепенно меняться. Польша все явственнее становилась союзником Великобритании и Франции, которые вступили в переговоры с СССР о создании союза против Германии. При этом позиция польского руководства в отношении Москвы осталась неизменной, и Варшава продолжала отклонять любые советские предложения об антигерманском сотрудничестве. Подобная позиция Польши и ряда других восточноевропейских стран сыграла определенную роль в срыве англо-франко-советских переговоров апреля — августа 1939 г. В этой ситуации советское руководство решило более внимательно отнестись к германским предложениям о нормализации двусторонних отношений. Подписанный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении стал большим успехом советской дипломатии. Используя склонность Германии к соглашению, советское руководство в условиях нарастания общеевропейского кризиса сумело добиться значительных уступок со стороны Берлина, признавшего советские интересы в Восточной Европе. Советскому Союзу удалось на определенное время остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу действий в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между двумя европейскими военно-политическими группировками в собственных интересах. Не последнюю роль в таком шаге Москвы сыграло и то, что он резко снижал угрозу германо-польского военного союза.

Эскалация германо-польского конфликта, переросшего 1 сентября в войну, в которую 3 сентября вступили Великобритания и Франция, полностью изменила политическую ситуацию в Европе, оправдав самые худшие опасения Кремля. Оказалось, что Лондон и Париж не готовы к реальному столкновению с Берлином, и вместо быстро-

го поражения Германии, при фактическом невмешательстве западных союзников, была разгромлена Польша. Естественно, что в новой обстановке вышеприведенные оперативные разработки Красной армии перестали быть актуальными. Однако они были использованы при подготовке директив народного комиссара обороны СССР № 16633/сс/оп и № 16634/сс/оп от 9/14 сентября 1939 г. о подготовке похода советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину. Так, в этих директивах указывались примерно те же районы сосредоточения ударных группировок Белорусского и Украинского фронтов РККА, во многом совпадали их состав и наступательные задачи³⁷.

К 17 сентября советское командование развернуло в составе Белорусского и Украинского фронтов 9 стрелковых, 5 кавалерийских, 2 танковых корпусов, 21 стрелковую, 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и 2 мотострелковые бригады общей численностью 617 588 человек, 4 959 орудий, 4 736 танков и 3 298 самолетов. К началу октября 1939 г. состав войск фронтов значительно увеличился за счет сосредоточения дополнительных сил из внутренних округов. В их составе насчитывалось 19 стрелковых, 5 кавалерийских, 2 танковых корпусов, 56 стрелковых, 13 кавалерийских дивизий, 18 танковых и 2 мотострелковые бригады общей численностью 2 421 300 человек, 5 467 средних и тяжелых орудий, 6 096 танков и 3 727 самолетов³⁸.

Пассивная позиция Великобритании и Франции, имевших возможность разгромить Германию уже в сентябре 1939 г., позволила советскому руководству активизировать свою политику в отношении Польши, которая в течение большей части межвоенного периода рассматривалась Москвой как потенциальный противник № 1, и приступить к ревизии навязанных Советскому Союзу в 1920–1921 гг. границ, использовав заметно меньшие военные силы, чем планировалось весной 1939 г.

³⁷ Катень. Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 59–63; Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : сборник документов : в 4 т. Т. 4. 1939–1945. М., 2017. С. 28–29, 34–35. Мельтохов М. И. Указ. соч. С. 329–337.

³⁸ Мельтохов М. И. Указ. соч. С. 345, 403.

Список сокращений

- А — армия
АГ — авиационная группа
АОН — армия особого назначения
АРГК — артиллерия Резерва Главного командования
БЕПО — бронепоездов
б/м — большой мощности
гап — гаубичный артиллерийский полк
иап — истребительный авиационный полк
кд — кавалерийская дивизия
кк — кавалерийский корпус
лбап — легкий бомбардировочный авиационный полк
пап — пушечный артиллерийский полк
пд — пехотная дивизия
РГК — Резерв Главного командования
рзд. — разъезда
РП — район прикрытия
СБ — скоростной бомбардировочный
сд — стрелковая дивизия
ск — стрелковый корпус
тбр — танковая бригада
тк — танковый корпус
ткап — тяжелый корпусной артиллерийский полк
УР — укрепленный район
шап — штурмовой авиационный полк
штарм — штаб армии

О. В. Лавинская

«ЗАЧЕМ ВАМ, ТОВАРИЩ, ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ?..» ИЗ ИСТОРИИ РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ИЗ АНГЛИИ В 1944–1952 гг.

**(По материалам фонда Уполномоченного СНК-Совета
министров СССР по делам репатриации, ГА РФ. Ф. Р-9526)**

31 января 1951 г. в 12 часов 25 минут пополудни советский грузо-пассажирский пароход «Белоостров» Балтийского морского пароходства прибыл в Стокгольм из Лондона. В 13 часов 45 минут с верхней палубы на причал спрыгнул пассажир и бросился бежать; стоявшие у трапа матрос и вахтенный помощник капитана погнались за ним. С криком «политик», «политик» мужчина остановил проезжавший мимо автомобиль и попросил доставить его в полицейский участок. В полицейском участке пассажир заявил, что был насильно посажен на пароход в порядке «акта репатриации», и попросил политического убежища.

Сбежавшего пассажира звали Иван Кучко. В январе 1951 г. в Посольстве СССР в Лондоне ему был выдан репатриационный паспорт и предоставлен бесплатный проезд на советском пароходе до Ленинграда.

О побеге репатрианта капитаном было немедленно сообщено советскому консулу в Стокгольме. На требование советского посольства выдать беглеца, т. к. он является советским гражданином, шведские власти ответили отказом. 2 февраля 1951 г. «Белоостров», недо считавшись одного пассажира, покинул Стокгольм...

После Второй мировой войны за границей, по официальным советским данным, оказалось около 7 миллионов советских граждан¹. Воз-

---

¹ По неполным данным Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, на 1 января 1946 г. числилось «угнанных в неволю немцами советских людей — 6 810 547 чел., в том числе 2 016 460 чел. военнопленных». К февралю 1947 г.

вращением их на родину занимался специально созданный в октябре 1944 г. аппарат уполномоченного СНК (Совета министров) СССР по делам репатриации. Представители Управления осуществляли репатриацию из-за границы на родину «всех советских граждан, угнанных в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) за пределы советской родины, попавших в плен или дезертировавших из Советской Армии и перебежавших к врагу, или добровольно ушедших с фашистскими войсками при их изгнании с территории Советского Союза»². Репатриация осуществлялась на основе подписанных в Ялте 11 февраля 1945 г. между правительствами СССР, Великобритании и США двусторонних соглашений **об обязательной** взаимной репатриации военнопленных и гражданских лиц этих государств.

На территории Великобритании советские военнопленные появились в 1944 г. Подавляющее их большинство ранее служили в немецкой армии и армии генерала Власова, а после высадки союзных войск в Нормандии добровольно сдались в плен англичанам и американцам.

В качестве «военнопленных врага» они направлялись в южные порты Англии: Саутгемптон, Портсмут и Брайтон, откуда специально предназначенным железнодорожным транспортом перевозились в английский распределительный лагерь «Кемптон-Парк», расположен на юго-западной окраине Лондона на территории бывшего ипподрома. После соответствующей обработки в лагере (отделение офицерского состава от рядовых, разбивка на группы по национальностям, заполнение анкет, опрос и санитарная обработка) военнопленные направлялись по различным лагерям на территории Англии, которых в 1944 г. насчитывалось: под советским контролем — 23 лагеря, под английским контролем — 21 и под американским — 20³.

По данным Директората по делам военнопленных Военного министерства Великобритании, к 5 сентября 1944 г. в Англии находились 4 090 военнопленных советского подданства. Из них 1 426 чело-

---

эта цифра возросла на 7 тысяч и составила 6 817 515 чел. См.: Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952 : сборник документов : в 2 т., отв. Ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров; сост. К. М. Гринько, Е. В. Полторацкая; при участии С. Дальке, М. Уля. — М. : Политическая энциклопедия, 2019. Т. 1. 1944–1946. С. 525; Т. 2. 1947–1952. С. 19. (Далее: Репатриация советских граждан ...)

² Репатриация советских граждан ... Т. 2. С. 747.

³ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 225.

век, к моменту взятия их англичанами, входили в состав организаций ТОДТ⁴ и рассматривались как военнопленные вражеской армии. 2 664 человека были захвачены как военнослужащие германской армии⁵. В феврале 1945 г. статус советских военнопленных был изменен. На них был распространен «Закон о союзных вооружённых силах» 1940 года, и они стали считаться не военнопленными, а служащими союзных вооружённых сил, расположенных на английской земле⁶.

На первом этапе (с сентября 1944 г.) вопросами репатриации советских граждан на родину занимались Советское посольство в Лондоне и Военная миссия СССР во главе с генерал-лейтенантом А. Ф. Васильевым.

В январе–феврале 1945 г. в Англию была направлена группа офицеров из аппарата Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации во главе с генерал-майором П. Ф. Ратовым, всего 19 человек. К концу июня 1945 г. генерал-майор Ратов и часть офицеров убыли в Норвегию, а в Англии остались заместитель начальника группы полковник И. А. Клешканов и майор В. Н. Груздев⁷.

Советские представители выезжали в лагерь, где рассказывали советским военнопленным о положении на фронтах и успехах Красной армии, призывали не верить вражеским слухам о том, что Родина их забыла и по приезде они будут наказаны. «Родина вас ждет, — обещали советские представители, — и она вас примет как своих сынов»⁸.

Период массовой репатриации советских граждан из Англии в Советский Союз проходил с ноября 1944 г. по август 1945 г. Морским путем, в порты Мурманск и Одесса было доставлено 26 196 человек. Для их перевозки английским военным командованием было предо-

⁴ Организация Тодта — гражданская и военно-инженерная организация в нацистской Германии с 1933 по 1945 г., названа в честь ее основателя Фрица Тодта, инженера и высокопоставленного нациста. Организация отвечала за широкий спектр инженерных проектов как в нацистской Германии, так и на оккупированных территориях от Франции до Советского Союза во время Второй мировой войны. Она приобрела печальную известность из-за использования принудительного труда.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 376. Л. 8.

⁶ Подробнее см.: *Толстой Н. Д.* Жертвы Ялты. Перевод с английского Е. С. Гессен. 1979.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 59. Л. 287–288.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 376. Л. 11.

ставлено 11 пароходов. С августа по декабрь 1945 г. репатрианты мелкими партиями направлялись в бельгийские порты, для передачи советским представителям репатриации в Бельгии с последующей их отправкой через линию войск в Советскую зону⁹.

По данным отдела регистрации и учета Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации по состоянию на 1 января 1946 г. из Англии в Советский Союз было репатрировано 26 323 чел., из них 21 894 чел. бывших военнопленных и 4 429 чел. гражданского населения, в т. ч. 37 женщин и 46 детей¹⁰.

Далеко не все советские граждане выражали горячее желание вернуться на Родину. Кто-то, боясь отправки в СССР, бежал из лагеря, один военнопленный перед посадкой на пароход лезвием бритвы пытался перерезать себе горло, заявив: «В Россию поедем тогда, когда не будет большевиков»¹¹, другой за 2–3 часа до отправки всей партии из лагеря повесился, третий покончил жизнь самоубийством уже на корабле; еще два советских военнопленных в марте 1945 г. с борта английского парохода прыгнули в воду в районе Дарданелл¹².

Руководство Великобритании в тот период было заинтересовано в скорейшем решении проблемы взаимной репатриации и, выполняя буквально условия Ялтинского соглашения, в 1945 г. еще старалось всех советских граждан отправить назад в Советский Союз, независимо от их желания.

Так, накануне второй отправки в феврале 1945 г. (всего на трех кораблях из Ливерпуля в Одессу было доставлено 7 446 чел.), из лагерей бежал 21 человек, 11 из которых были разысканы и доставлены в порт английской полицией. Еще 42 отказчика были доставлены англичанами под усиленной охраной. Часть из этих людей были избиты, так как они оказывали сопротивление при отправке, не хотели одеваться и обуваться. Некоторые были доставлены в одних чулках и раздетые¹³.

И их страхи не были напрасными: из 26 323 человек, репатриированных к началу 1946 г. из Англии в СССР, почти половина — 10 355 чело-

⁹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 59. Л. 299.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 142. Л. 110.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 59. Л. 312.

¹² ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 90, 201, 203–204.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 376. Л. 95, 96.

век (8395 бывших военнопленных и 1960 гражданских) попали «в распоряжение» НКВД, т. е. были направлены в лагеря¹⁴.

Летом 1945 г. английский переводчик Эрдман из лагеря 906 рассказывал военнопленным: «В апреле этого года я был с транспортом советских граждан в Одессе и своими глазами видел, как их встречали вооруженные чекисты и группами по 50–60 чел. отводили за колючую проволоку. Всех их переодевают в старую одежду со специальным клеймом на спине и плохо кормят... Всех вас по прибытии на родину ожидает расстрел или высылка в Сибирь»¹⁵.

Изъятие «антисоветски настроенных» репатриантов при разгрузке транспортов, прибывавших из-за границы, приняло, очевидно, такой масштабный характер, что помощник уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Я. Д. Басилов 27 февраля 1945 г. вынужден был обратиться к руководству органов внутренних дел, госбезопасности и контрразведки с просьбой производить изъятие подобного контингента уже после того, «когда все возвратившиеся советские граждане будут разгружены и выведены из поля зрения англичан и американцев»¹⁶.

К началу 1946 г. практически все советские военнопленные были отправлены из Англии в Советский Союз. На учете советских органов репатриации оставался 171 человек, из которых 166 человек были отнесены к группе со спорным гражданством и 5 человек числились бежавшими и находившимися «под покровительством англичан»¹⁷. Власти Великобритании и США стояли на позициях непризнания территориальности Советского Союза после 1 сентября 1939 г., не считали выходцев из Литвы, Латвии, Эстонии и западных областей Украины и Белоруссии советскими гражданами и отказывались передавать их для репатриации в СССР, если только сами они «не заявят утвердительно о советском гражданстве или выразят желание вернуться на свою родину»¹⁸.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 59. Л. 110.

¹⁵ См. доклад зам. представителя уполномоченного полковника Клешканова и. о. посла СССР в Великобритании К. М. Кукину от 7 августа 1945 г. о случаях антисоветской агитации в лагере 906 со стороны отдельных представителей английских военных властей. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1067. Л. 88.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 94.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 867. Л. 119; Там же. Д. 1067. Л. 191.

¹⁸ См., например, инструкции № 101 штаба Союзных сухопутных сил в Норвегии по вопросу репатриации из Норвегии советских граждан от 10 июня 1945 г. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 70. Л. 79.

На первый взгляд, поставленная перед советскими органами репатриации задача о возвращении в СССР всех советских граждан, на тот момент была практически выполнена. Но неожиданно для советской стороны, база для работы по репатриации в Англии с каждым годом стала все более и более расширяться.

В августе–сентябре 1946 г. из Италии в Англию начали прибывать части корпуса Андерса¹⁹. Одновременно с демобилизацией началась и вербовка солдат польской армии в польский переселенческий корпус. Советская сторона полагала, что в корпусе Андерса может находиться до 5 тысяч советских граждан, главным образом жителей западных областей Украины и Белоруссии²⁰.

25 октября 1946 г. в распоряжении Клешканова оказался список советских граждан, находящихся на службе в 3-й польской дивизии стрелков карпатских, дислоцировавшейся в графстве Амершам, с указанием воинского звания, фамилий, года рождения, места рождения и места жительства, имен родителей, а также профессии и семейного положения²¹. 21 ноября 1946 г. Советское посольство предъявило МИД Великобритании список на 609 человек с требованием, чтобы «британские военные власти без промедления передали всех упомянутых в списке советских граждан советским представителям для репатриации их на родину»²².

К 1 января 1947 г. Советское посольство в своих нотах МИДУ Англии заявило для репатриации в СССР список почти на 1 000 человек²³. В результате неоднократных письменных и устных требований британское Военное министерство в феврале 1947 г. передало советской стороне для репатриации в СССР первую группу советских граждан в количестве 42 чел. из числа находившихся на службе в частях

¹⁹ В 1941 г. на территории СССР, по соглашению между советским правительством и польским правительством в изгнании, были созданы формирования Вооруженных сил Польской Республики из польских граждан, находившихся на территории СССР (в том числе беженцев, интернированных военнослужащих польской армии и амнистированных заключенных). Командующим польской армией был назначен генерал Владислав Андерс. Весной–летом 1942 г. «армия Андерса» была выведена из СССР в Иран, где впоследствии в июле 1943 г. переформирована во 2-й польский корпус в составе британской армии. В январе 1944 г. корпус был отправлен на итальянский фронт в составе 8-й британской армии.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1067. Л. 192.

²¹ Там же. Л. 175.

²² Там же. Л. 196, 197–220.

²³ Там же. Л. 192.

корпуса Андерса. Всего по состоянию на 25 мая 1947 г. из армии Андерса удалось репатриировать в СССР 194 человек²⁴.

В 1947 г. из Италии в Англию прибыла 1-я Украинская дивизия (бывш. дивизия СС «Галичина») в количестве до 8 тысяч человек.

Начиная с февраля 1947 г. в Англию стали прибывать завербованные на работу советские перемещенные граждане из западных зон оккупации Германии и Австрии. Транспорты с переселенцами прибывали в порты Гуль, Гарвич (совр. Харидж) и Тилбери, где были организованы распределительные лагеря. Из лагерей прибывшие направлялись Министерством труда в различные районы страны. Согласно отчету отдела по работе за границей Управления уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации за 1947 г., «по далеко неполным данным», из западных зон Германии и Австрии было завербовано и вывезено в Англию 40 000 чел. советских граждан²⁶.

К 1949 г. в Англии на положении перемещенных лиц (ди-пи²⁷) находилось уже около 105 тысяч человек, в том числе: русских — около 5 тыс. чел. (включая 500 чел. казаков, служивших в казачьих формированиях у немцев), украинцев — около 35 тыс. чел. (включая 8 400 чел. 1-й Украинской дивизии), белорусов — около 5 тыс. чел., литовцев — около 25 тыс. чел., латышей — около 20 тыс. чел. (из них 10 тыс. чел. состояли на учете в бывшей дипломатической миссии буржуазной Латвии в Англии), эстонцев — около 15 тыс. чел.²⁸ Данные эти, весьма приблизительные, были получены работниками Посольства СССР в Лондоне путем сопоставления сообщений английской прессы, выступлений членов Английского правительства, опроса перемещенных лиц, посетивших консульский отдел Посольства, а также по газетным публикациям различных национальных организаций, находившихся в Англии.

Основная масса перемещенных советских граждан являлась выходцами из западных областей Украины, Белоруссии и стран Балтии,

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 377. Л. 68.

²⁵ В начале мая 1945 г. дивизия сдалась в плен англо-американским войскам в Северной Италии.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 489. Л. 10.

²⁷ Ди-пи — Displaced Persons (DP) — административно-юридическое наименование тех, кто в результате Второй мировой войны покинул места своего постоянного проживания и оказался в других странах.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 597. Л. 243.

включенных в состав СССР в 1939–1940 гг. Эти люди не были воспитаны в духе советской идеологии, и советская жизнь им была чужда. Многие не знали русского языка. Немалое значение имел и религиозный аспект — большинство были католики.

Большая часть перемещенных советских граждан проживали в средней Англии, в промышленных районах: Манчестере, Бедфорде, Бирмингеме, Шеффилде, Йорке, Бредфорде; в Южной Шотландии, Ланкашире и Глазго. Работа перемещенным лицам предоставлялась через Министерство труда, которое именовало их «европейскими рабочими-добровольцами». Перемещенные лица работали на угольных шахтах, использовались на тяжелых физических работах в сельском хозяйстве, дорожном строительстве и каменоломнях, работали посудомойщиками, носильщиками, подсобными рабочими. Женщины работали в текстильной промышленности, а также уборщицами и нянями в госпиталях, домашней прислугой у частных лиц.

Жили перемещенные лица в основном в лагерях и общежитиях при промышленных предприятиях, и лишь немногие могли позволить себе снять частную квартиру. Администрация общежитий, как правило, состояла из англичан и националистически настроенных перемещенных лиц, которые вели слежку за рабочими общежитий. Несмотря на постоянный рост цен на товары широкого потребления и продукты питания, заработная плата, получаемая перемещенными лицами, все же обеспечивала им прожиточный минимум. Советские представители с неудовольствием были вынуждены констатировать, что «не испытывают пока что перемещенные лица трудностей в получении работы и жилища», рассматривая это обстоятельство как одну из причин неудовлетворительного хода репатриации²⁹.

На совещании офицерского состава Управления по делам репатриации 6–8 сентября 1949 г. проводимая в Англии работа по репатриации подверглась критике: «В Англии находится одна четверть советских граждан, подлежащих возвращению на Родину, т. е. более ста тысяч человек. Работа же по их возвращению на родину ведется плохо»³⁰. В 1947 г. из Англии были репатриированы 864 человека,

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 733. Л. 56.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 572. Л. 280.

в 1948 г. — 129 человек, в 1949 г. — 55 человек³¹. За 9 месяцев 1950 г. из Англии были репатрированы всего лишь 42 человека. Это не помешало Управлению по делам репатриации оптимистично рапортовать МИД СССР, что «факт их репатриации и выдача выездных виз английскими властями говорит об официальном признании ими, что репатриация советских граждан из Англии продолжается и что ею занимается Советское посольство»³².

Между тем еще в июне 1946 г. Военное министерство Великобритании информировало полковника Клешканова, что все советские граждане, подлежащие репатриации в Советский Союз по условиям Ялтинского соглашения уже переданы советской репатриационной миссии, работа миссии рассматривается законченной, а отдел Военного министерства, который занимался вопросом репатриации, — закрыт с 1 июля 1946 г.³³ Военное министерство заявило одновременно, что в дальнейшем все желающие быть репатрированными в Советский Союз будут передаваться советскому военному атташе. Принцип репатриации британские власти готовы были применять только к лицам, служившим в немецкой армии, к освобожденным из плена военнослужащим Красной армии и к военным преступникам³⁴.

Активная позиция советской стороны, регулярные ноты и письма в адрес британского Военного министерства привели к тому, что 7 мая 1948 г. МИД Великобритании направило советскому послу Г. Н. Зарубину ноту об отзыве из Великобритании полковника Клешканова, чье присутствие в стране, в связи с завершением работы по репатриации, было расценено как «аномальное». В письме выражалась надежда, что Советское посольство будет в состоянии организовать отъезд Клешканова из Англии «не позднее чем месяц спустя, считая с даты этой ноты»³⁵.

Пришлось подчиниться. 19 мая 1948 г. полковник Клешканов сдал все текущие дела по репатриации военному атташе и в июне 1948 г.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 867. Л. 123.

³² См. письмо врио Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации Н. А. Филатова зам. министра иностранных дел СССР А. А. Громыко от 21 сентября 1950 г. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 732. Л. 241.

³³ Ноту МИД Великобритании от 31 июля 1946 г. см.: ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1067. Л. 171. Письмо подполковника ДСС Синклера полковнику Клешканову от 29 июня 1946 г. см.: ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 531. Л. 151.

³⁴ Репатриация советских граждан ... Т. 1. С. 635.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1067. Л. 356.

отбыл в СССР. В Москву, в адрес заместителя уполномоченного генерал-лейтенанта К. Д. Голубева, дипломатической почтой было отправлено 45 карт провинций Англии, 7 пакетов с учетными данными о работе, выполненной советскими гражданами на территории Англии в период с октября 1944 по март 1945 г. и 28 секретных и несекретных дел по вопросам репатриации советских граждан из Англии — для хранения в архиве³⁶.

После отъезда Клешканова репатриацией советских граждан некоторое время занимался аппарат военного атташе и Консульский отдел Советского посольства в Лондоне. Вся их работа заключалась в том, что они отправляли в СССР советских граждан, которые сами обращались к ним с просьбой о возвращении на родину.

Однако уже в июле 1948 г. для активизации работы по репатриации советских граждан в Англию прибыла группа из трех человек из аппарата Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации. Их приезд был обусловлен постановлением Совета министров СССР 17 мая 1948 г. № 1655-644с «Об организации репатриации советских граждан из стран, в которых нет миссий по репатриации»³⁷. Прибывшие были оформлены в состав Посольства как его сотрудники. Например, старший офицер группы подполковник Мещеряков числился третьим секретарем Посольства. Согласно Положению о представителях Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации в посольствах и миссиях Союза ССР за границей от 29 декабря 1948 г. — 6 января 1949 г., работники группы подчинялись послу, Уполномоченному и его заместителю и могли использоваться только по прямому назначению — на работе, связанной с репатриацией советских граждан³⁸. При этом их «миссия» по репатриации была неофициальной. На этот счет из Москвы были получены четкие указания. 10 декабря 1948 г. помощник уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации В. А. Киселев писал руководителю группы Мещерякову: «Каким-то образом польскому майору, прибывшему из Лондона в сентябре в английскую зону оккупации Германии, стало известно, что вопросами репатриации в Советском консульстве

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1073. Л. 246, 248, 249, 252–253.

³⁷ Постановление Совета министров СССР см.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 322. Л. 220.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 597. Л. 26–28.

в Лондоне занимаются советские офицеры. Разглашение подобных сведений пред английскими властями может нанести большой вред в работе по репатриации. Обращаю ваше внимание на недопустимость разглашения каких-либо сведений о работниках вашей группы, и тем более расконспирирование вас как военных. При всех встречах и разговорах с официальными и неофициальными лицами вам надлежит помнить, что вы — гражданские лица и работники посольства»³⁹.

Взаимоотношения с консульскими работниками у офицеров группы по репатриации сразу не задалась. По словам подполковника Мещерякова, «нас встречали очень недружелюбно, на каждом шагу стараясь показать, что мы не знаем элементарных вещей, порою отпуская по нашему адресу всякого рода шуточки, [мы] выслушивали снисходительный и даже порою пренебрежительный тон того или иного работника Консульства»⁴⁰.

К 1 января 1951 г. группа по репатриации при Советском посольстве в Лондоне состояла из 4 человек: второго секретаря посольства полковника Д. П. Холоденина (начальник группы), подполковника И. Е. Сычева, атташе посольства подполковника А. Н. Маликова и переводчика Л. П. Нелюбина.

Из них лишь Нелюбин владел английским языком, притом, что в Англии проживало незначительное количество перемещенных лиц, способных объясняться на русском языке. Ни один из членов группы не знал ни языков народов Балтии, ни украинского или белорусского языка. Это обстоятельство резко снижало эффективность разъяснительной работы среди перемещенных лиц и часто лишало всякой целесообразности выезд сотрудников группы в места проживания перемещенных лиц.

Руководство посольства работой группы по репатриации было недовольно. Недостатки работы группы являлись предметом неоднократных обсуждений руководством Посольства и МИД СССР. Посол Г. Н. Зарубин считал, что работники группы не справляются со своими задачами, критиковал их за отсутствие гибкости и стремление обособиться. В марте 1951 г. начальник политпросветотдела Управления полковник Г. С. Логунов на критику в адрес группы от-

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 597. Л. 34.

⁴⁰ Там же. Л. 262.

реагировал следующим образом: «Совершенно ясно, что идут неприязни между “нашими” работниками и работниками посольства, хотя и наши работники являются составной частью посольства»⁴¹.

Для улучшения работы по репатриации советских граждан из Англии МИД СССР рекомендовало Управлению по делам репатриации срочно укомплектовать группу в Лондоне опытными работниками, знающими не только английский, но и прибалтийские языки⁴². Это пожелание было абсолютно невыполнимым — в Управлении по делам репатриации был некомплект сотрудников эстонской, литовской и украинской национальностей; а тех, кто был, направляли на более «важный участок» работы — в Германию, да и они, по словам начальника Отдела репатриации и розыска граждан объединенных наций СВАГ М. Г. Юркина, свой родной язык знали плохо, а те, кто знал свой язык, совершенно не знали русского языка⁴³.

Руководство Посольства находило, что сотрудники группы мало загружены работой. Вот как описывал свою рабочую неделю подполковник Сычев: «Работники группы в понедельник 1½ часа тратят на учебу по английскому языку. В остальное время производится доупаковка пакетов, наклейка марок и отправка пакетов в почтовое отделение. Вторник и среда используются для выезда в командировки для встречи с советскими перемещенными лицами и оформления документов о командировке. Четверг отводится для текущей работы в отделе (написание писем, ответы на письма, печатание на машинке материалов, закупка марок, конвертов и т. д.). Пятница и суббота, до 2 часов дня — упаковка газет и журналов в пакеты, написание адресов. В неделю в среднем упаковываем и отправляем около 300 пакетов, а при наличии специальных газет «Циня», «Валсас» и «Кодумаа» — 400–

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 88 об.

⁴² См. письмо зам. министра иностранных дел СССР В. А. Зорина врио уполномоченного Н. А. Филатову от 5 января 1950 г.; письмо министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского уполномоченному Совету министров СССР по делам репатриации Ф. И. Голикову от 20 февраля 1950 г. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 732. Л. 5; Там же. Л. 74.

⁴³ См. докладную записку начальника Отдела репатриации и розыска граждан Объединенных наций СВАГ М. Г. Юркина зам. уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации К. Д. Голубеву от 22 ноября 1948 г о некомплекте инструкторов эстонской, литовской и украинской национальностей. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 464. Л. 357.

500 пакетов». На полях доклада Сычева и. о. зам. уполномоченного Филатов иронично написал: «"Рабочая" неделя в поте напряжения»⁴⁴.

Формально английские власти желающим выехать из Англии перемещенным лицам не препятствовали, фактически же принимали меры к тому, чтобы удержать перемещенных лиц от возвращения в СССР. Случалось, полиция задерживала граждан накануне их отъезда на родину. В декабре 1949 г. в психиатрическую больницу был помещен гражданин Таманис, наводивший в полиции справку об адресе Консульского отдела Посольства СССР. Главный врач больницы заявил представителю консульского отдела: «Мы считаем его психически больным потому, что у него в Англии проживают две сестры и сюда же обещает приехать из Германии его мать, а он хочет ехать в СССР»⁴⁵. Аналогичная история произошла с гражданином Николаем Тарасовым, который в декабре 1952 г. принял решение возвратиться на родину. В полицейском отделении, куда Тарасов пришел сняться с учета по месту жительства, его связали веревками, сделали укол в руку и направили в госпиталь для душевнобольных⁴⁶.

Второй секретарь посольства Холоденин докладывал в Управление по делам репатриации: «Английское правительство считает, что перемещенные советские граждане, находящиеся в Англии, не являются перемещенными лицами, а есть "политические беженцы", получившие право убежища в Англии. В связи с этим английские власти в отношении проводимой работы по репатриации советских граждан проводят резкую антирепатриационную политику, рассматривают работу представителей Советского посольства с перемещенными сов. гражданами, как действия, направленные против интересов Англии»⁴⁷.

Активную работу за невозвращение на родину среди перемещенных граждан проводили различные национальные организации, стоявшие на антисоветских позициях, такие как «Союз украинцев в Великобритании» (СУБ), «Союз белорусов в Великобритании» (ЗБВБ), «Союз литовцев в Великобритании», «Союз латышей в Великобритании», «Союз эстонцев в Великобритании», «Воинский союз в Англии». Все эти организации издавали свои газеты, а также листовки

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. 70.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 732. Л. 40.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 40. Папка 21. Д. 162. Л. 11.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 238.

и литературу на родных языках, как, например, брошюру «Почему я не хочу возвращаться в СССР». Организации имели свои клубы, где проводились собрания, лекции, читались доклады на различные темы, устраивались самодеятельные концерты и вечеринки.

По информации Холоденина, почти в каждом крупном лагере (общежитии) у национальных организаций были свои агенты из числа перемещенных лиц, которые следили за поведением жителей лагеря и заподозренных в связи с советским консульством подвергали нападкам⁴⁸.

Антисоветской пропаганде национальной и английской прессы советская сторона могла противопоставить только политическую работу с ограниченным числом советских перемещенных граждан. Основными формами такой работы являлись личные встречи с перемещенными лицами и беседы с ними «за возвращение на родину», рассылка агитационной литературы, демонстрация советских кинофильмов. При этом возможности установления контакта с перемещенными гражданами у работников группы по репатриации были весьма ограничены. Подавляющее большинство советских граждан, находящихся в Англии, не знали о том, что Советское консульство проводит работу по возвращению на родину.

В 1948 г. в издающихся Советским посольством газетах «Советские новости» и «Советский еженедельник» («Soviet Weekly») было помещено объявление, в котором сообщалось, что Консульством оказывается содействие советским гражданам, желающим возвратиться на родину, с кратким объяснением условий возвращения в СССР. Однако это была разовая акция. Разместить подобные объявления в английских газетах в то время не удалось из-за банального отсутствия финансирования⁴⁹. Впрочем, большого эффекта это объявление все равно бы не возымело, так как, по свидетельству атташе Совпосольства Маликова, большинство перемещенных советских граждан английских газет не читали⁵⁰.

Фамилии и адреса перемещенных граждан в основном брались из газет, издававшихся национальными комитетами, таких как «Украинская думка», «Украинце-час», «Белорус на чужбине», «Британский

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 733. Л. 42–43.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 597 Л. 251.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 732. Л. 53.

литовец» и др. В 1950 г. из общего числа проживавших в Англии перемещенных граждан (около 100 тысяч человек) были выявлены и взяты на учет всего 1 673 человека, из них 1 192 человека — по материалам национальных газет, и только лишь с 95 гражданами установлена личная и письменная связь⁵¹.

Помимо газет еще одним источником информации служили сами перемещенные граждане, посещавшие Консульский отдел. В ходе обязательных бесед их расспрашивали о жизни, а также просили сообщить имена и адреса знакомых. О методах проведения бесед с перемещенными лицами в группе по репатриации иногда возникали споры служебного характера, что «нужно вести беседу в порядке опроса, а не в порядке допроса»⁵².

К ноябрю 1952 г. на персональном учете группы числились уже 4 682 перемещенных гражданина, из них 2 200 человек с адресами и 2 400 человек без адресов⁵³.

Выявленные граждане с адресами заносились в особые списки по национальностям в алфавитном порядке. Всем им рассылались письма на официальном бланке Консульского отдела. В письмах перемещенные лица информировались о том, что Консульский отдел оказывает помощь в возвращении на родину и сообщались условия репатриации. К письмам прилагалась или памятка для перемещенных лиц, или брошюра «Ответы на волнующие вопросы». Вот как описывает эти письма одна из английских газет: «Письма были на самой дорогой бумаге и украшены рельефом серпа и молота. Они предлагали бесплатный проезд, полное прощение, высокую зарплату и что никаких вопросов не будет спрашиваться»⁵⁴. Сотни людей были потрясены и шокированы, получив такие письма, — ведь они полагали, что их личность неизвестна советским властям.

В 1952 г. в течение второго квартала было разослано 3 460 писем-объявлений по 1 480 адресам⁵⁵. В ответ на это мероприятие в английской прессе появился целый ряд статей под сенсационными заголовками: «Москва пытается завлечь беженцев домой», «Страх перед

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 192.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 71.

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 907. Л. 113.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 733. Л. 79.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 907. Л. 26.

почтой», «Ночной стук» и т. д.⁵⁶ Многие газеты даже воспроизвели на своих страницах текст письма с указанием адреса Консульского отдела, что было только на руку советской стороне.

Помимо писем в известные адреса, а также в адреса лагерей отправлялись посылки с брошюрами, журналами и специальными изданиями. За 1950 г. в Англии было распространено 53 430 экз. центральных и республиканских газет и спецвыпусков и 9 765 экз. журналов, разных брошюр и воззваний⁵⁷. В 1951 г. советская и репатриационная литература распространялась не менее чем в 200 адресов еженедельно. По словам Холоденина, рассылка литературы в большей своей массе производилась «не по желанию и запросам самих получателей»⁵⁸.

Не были забыты и дети. В 1952 г. на учете группы состояло около 500 человек детей латышей, в основном трех–шести лет. И хотя второй секретарь Посольства СССР в Великобритании И. Барабанов со всей серьезностью писал в отчете, что «организованная работа среди этих детей почти невозможна»⁵⁹, в адрес родителей детей, тем не менее, высылались детская литература, имевшаяся в распоряжении группы.

Часто письма и посылки возвращалась обратно с пометами на пакетах об убытии адресата или припиской, что адресат не желает получать и читать подобную литературу, а то и с антисоветскими надписями, вроде: «Отделу красной пропаганды Советского посольства в Лондоне. Не присылайте нам этот хлам»⁶⁰. Часть пакетов с литературой вообще не доставлялась адресатам, а перехватывалась администрацией лагерей и уничтожалась.

В помощь группе по репатриации привлекался так называемый «актив», состоявший из перемещенных лиц, советских граждан, проживавших в Англии по загранвидам, а также лиц, возбудивших ходатайство о принятии советского гражданства. В 1950 г. «актив» насчитывал 15–16 человек. Через «актив» распространялись советские газеты, журналы и брошюры, а также поступала информация на лиц, которых можно было склонить к возвращению на родину.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 39. Папка 156. Д. 23. Л. 88.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 200.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 834. Л. 63.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 907. Л. 114.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 834. Л. 64.

Распространение советской литературы было делом далеко не безобидным. Так, один из активистов за подобную деятельность получил предупреждение от местной полиции и отказ в квартире от квартирной хозяйки⁶¹.

От помощи некоторых других активистов пришлось отказаться в силу их «рваческих настроений»⁶². В отчете о работе по репатриации за 1950 г. второй секретарь Посольства СССР в Великобритании Холоденин посетовал: «Подбор работоспособного актива, особенно из числа перемещенных лиц, учитывая их антиморальный облик, приобретенный ими за время пребывания за границей, а также и грехи большинства перемещенных лиц перед Родиной за годы Отечественной войны, — является делом весьма сложным и трудным». «Но обязательно возможным» — приписал на полях отчета врид заместителя уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации полковник Филатов⁶³.

Деятельность актива не могла остаться незамеченной для английских властей. В 1952 г. газеты писали, что за перемещенными гражданами из стран «железного занавеса» ведется слежка агентами из числа коммунистов, которые находятся среди перемещенных лиц; что существует специальная шпионская организация, которая собирает информацию о перемещенных лицах и сообщает об этом Советскому посольству в Лондоне⁶⁴. В августе 1952 г., в связи с решением английских властей о высылке из Англии состоявшей в активе по работе среди латышей А. Я. Скальберг, второму секретарю посольства И. И. Барабанову было дано указание воздержаться от использования ее услуг⁶⁵.

Открытое посещение лагерей и общежитий перемещенных лиц после 1947 г. совершенно исключалось. Британские власти, считая репатриацию законченной, такие посещения запретили. Для того, чтобы вызвать кого-либо из перемещенных граждан через администрацию лагеря или общежития, работникам группы по репатриации приходилось маскироваться под перемещенных лиц, якобы знакомых того или иного гражданина⁶⁶. В 1950 г. в Манчестере и Ноттингеме работники груп-

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 198

⁶² Там же. Л. 198.

⁶³ Там же. Л. 199.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 315.

⁶⁵ Там же. Л. 321.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 193.

пы попытались через местные партийные и профсоюзные организации установить связь с перемещенными гражданами и создать актив для проведения работы в лагерях, однако из этой затеи ничего не вышло.

На просьбу Управления репатриации сделать еще раз дипломатическое представление правительству Великобритании по поводу беспрепятственного допуска советских консульских представителей в лагерь, МИД СССР в январе 1950 г. ответило отказом, полагая, что такое представление, учитывая англо-советские отношения, не даст практических результатов. Дипломатическое ведомство считало, что «единственным в настоящее время возможным путем улучшения работы по репатриации советских граждан из Англии является организация поездок работников репатриационной группы по стране с целью выяснения на местах советских граждан, желающих возвратиться на родину». При этом работники группы ввиду позиции, занимаемой английскими властями, могли выступать лишь в качестве сотрудников Консульского отдела Посольства⁶⁷.

В 1950 г. было сделано 32 выезда к перемещенным советским гражданам, проживавшим в разных районах страны; в 1951 г. — 28 выездов⁶⁸. Нередко поездки совершались впустую. Так, из 164 человек, посещенных советскими представителями за 9 месяцев 1952 г., сменили адреса — 80 человек, не застали дома — 17 человек, не проживали по адресу — 10 человек, выехали в другие страны — 4 человека, умерло — 1 человек, отказались разговаривать с представителями Посольства — 7 человек. Провести беседы удалось лишь с 31 человеком, и только один из них «изъявил желание к возвращению в СССР»⁶⁹.

Почти каждый выезд советских представителей к перемещенным гражданам проходил под негласным контролем и надзором агентов английской полиции⁷⁰. В 1952 г. на выезды работников Советского посольства были введены ограничения. Для посещения перемещен-

⁶⁷ См. письмо зам. министра иностранных дел СССР В. А. Зорина врио уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации Н. А. Филатову от 5 января 1950 г. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 732. Л. 5.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833 Л. 193; Там же. Д. 906. Л. 47, 178.

⁶⁹ См. справку пом. начальника Оперативного отдела полковника Мишина от 18 ноября 1952 г. АВП РФ. Ф. 069. Оп. 39. Папка 156. Д. 23. Л. 157.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 33.

ных граждан за пределами 25-мильной зоны нужно было подавать специальные заявки с указанием конкретных населенных пунктов, причем указанный в извещении маршрут нельзя было нарушать⁷¹.

По словам второго секретаря посольства Холоденина, посещения беженцев проходили в «обстановке испуга»⁷². Когда люди узнавали, что имеют дело с представителями советского консульства, они настолько терялись, что не в состоянии были продолжать беседу. Граждане вынуждены были менять адреса местожительства, прятались, чтобы не вступать в разговор с представителями посольства и даже притворялись мертвецки пьяными⁷³.

В 1951 г. английские газеты писали об «ужасном» черном автомобиле, в котором четыре человека из Советского посольства посещают каждый из домов, где живут беженцы. «План агентов, — говорилось в газете «Дейли грэфик», — кажется, состоит в том, чтобы сначала послать письмо, затем советские газеты, потом еще пропагандистских листовок и в заключение приезжает ужасный автомобиль»⁷⁴.

Очевидно, этим «ужасным» автомобилем был старый «Крейслер» с пробегом 130 тыс. км, который по акту инвентаризации от 30 ноября 1951 г. числился за Холодениным и на котором в свое время разъезжал еще полковник Кleshканов⁷⁵.

29 июня 1951 г. министр иностранных дел Великобритании Моррисон выступил с заявлением об увеличивающемся советском давлении на беженцев, проживающих в Англии. Моррисон заверил, что все беженцы пользуются полной защитой английских судебных органов и что никакие иностранные власти не могут никакими произвольными действиями заставить их покинуть страну вопреки их собственному желанию⁷⁶.

После выступления Моррисона обстановка в стране для работы по репатриации советских граждан еще более осложнилась. В отчетах группы по репатриации отмечалось, что посещения Консульского отдела перемещенными гражданами со второй половины 1951 г. заметно снизились. Так, если за первое полугодие 1951 г. Консульский от-

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 907. Л. 9.

⁷² ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 194.

⁷³ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 834. Л. 50.

⁷⁴ Там же. Л. 51, 127.

⁷⁵ Там же. Л. 208.

⁷⁶ Там же. Л. 48–49.

дел посетили 67 человек, то за второе полугодие — только 32 человека.⁷⁷ При этом участились случаи обратного возвращения советской литературы, посылаемой в адреса перемещенных лиц, увеличилось поступление писем от них с отказом от получения литературы, а также и анонимных писем с угрозами. При посещении квартир перемещенных граждан было несколько случаев, когда советские представители задерживались полицией⁷⁸.

Учитывая антирепатриационную обстановку, руководство Советского посольства категорически запретило «беспричинное» посещение перемещенных лиц⁷⁹.

Хорошим поводом для визита к перемещенным гражданам могли служить письма от их родственников из СССР.

Работа по организации и сбору т. н. «патриотических» писем от родственников перемещенных граждан, от возвратившихся на родину советских граждан своим знакомым и писем от общественных и научных деятелей своим соотечественникам за границей проводилась и прежде. В сентябре 1950 г. было принято решение письма в адреса перемещенных советских граждан организовывать только от родственников этих лиц и только в адреса, известные советским представителям за границей. В результате количество организованных и направленных за границу писем резко сократилось. Если в 1950 г. Управлением по делам репатриации было направлено за границу 4070 писем (причем свыше 600 писем не были вручены адресатам ввиду неточности адресов), то в 1951 г. — только 560 писем, в том числе в Англию направлено 59 писем⁸⁰.

Сбором писем на местах занимались отделы репатриации при Советах министров УССР, БССР, Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР и Переселенческого управления при Совете министров РСФСР, по согласованию с местными органами госбезопасности. Все письма в обязательном порядке проходили проверку в отделе «В» МГБ СССР (перлюстрация корреспонденции); допущенные к отправке письма дипломатической почтой отправлялись за границу, в консульские отделы советских посольств.

---

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 50.

⁷⁸ Там же. Л. 32.

⁷⁹ Там же. Л. 48.

⁸⁰ Репатриация советских граждан ... Т. 2. С. 576–577, 686, 687.

Действенность таких писем была весьма незначительной. Непосредственно под влиянием писем от родственников, полученных из СССР, в 1950 г. из Англии в СССР вернулись 16 человек (около 30% от общего числа репатриированных), в 1951 г. — 4 человека⁸¹.

В отчете о работе за 2 квартал 1951 г. Холоденин сообщил: «Что касается такой формы работы, как вручение писем перемещенным лицам от родственников, проживающих в СССР, то положительных результатов мы пока не имеем». Граждане на письма «реагировали равнодушно, говоря при этом, что письма написаны чужой рукой и под диктовку». Как справедливо полагал Холоденин, людей смущало, что письма им были доставлены через представителя Советского посольства, а не по почте⁸².

Использование советского кино как массового средства воспитания перемещенных граждан в условиях Англии совершенно исключалось. В 1950 г. в г. Бедфорде, одном из центров кирпичной промышленности Англии, где имелось большое количество перемещенных лиц — украинцев, группа по репатриации попыталась организовать показ кинокартины «Сказание о земле Сибирской». Директор кинотеатра, сделав предварительный просмотр, категорически отказался демонстрировать этот кинофильм, заявив, что картина показывает моменты индустриализации Сибири и что это есть пропаганда русских. Когда ему было указано, что этот кинофильм не содержит никакой пропаганды и что она прошла английскую цензуру, он на это заявил, что газета «Дейли Уоркер» тоже проходит цензуру, но тем не менее она является газетой коммунистов⁸³.

Придавая большое значение пропагандистскому эффекту от просмотра советских кинофильмов, Управление по делам репатриации потребовало от группы в Англии принять все зависящие от них меры к демонстрации фильмов. Согласившись, что выбор фильма «Сказание о земле Сибирской» для этой работы был не слишком удачным, Управление рекомендовало на первое время, чтобы «не вызывать противодействия», использовать фильмы вроде «Каменный цветок», «Музыкальная исто-

⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 191; Репатриация советских граждан... Т. 2. С. 688.

⁸² ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 834. Л. 63.

⁸³ См. отчет Д. П. Холоденина за 3-й квартал 1950 г. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 733. Л. 55.

рия», «Глинка», чтобы в последующем перейти к фильмам «с большим идейным содержанием, отображающим советский период»⁸⁴.

В 1951 г. была налажена связь с Англо-советским обществом дружбы в Лондоне, которое регулярно организовывало для своих членов просмотр советских кинофильмов в арендуемом кинотеатре «Скала» (Scala). В 1951–1952 гг. в этом кинотеатре демонстрировались фильмы «Ленин в Октябре», «Кубанские казаки», «Мичурин», киножурналы «Советская Украина», «Московский стадион “Динамо”», «Конгресс мира» и др. На эти просмотры группа по репатриации ежемесячно приглашала от 20 до 30 перемещенных советских граждан, проживавших в Лондоне. Во время просмотров распространялась советская литература и проводились индивидуальные беседы с отдельными гражданами. Более активную пропагандистскую работу группа по репатриации проводить не решалась, поскольку на сеансах, наряду с членами Англо-советского общества дружбы, бывало много англичан — не членов общества.

По договоренности с руководителями Литовского прогрессивного общества шахтеров в Шотландии, для клуба этого общества было послано несколько узкоплечных 16-мм советских кинофильмов («Советский Узбекистан», «Сын полка», «Молодая гвардия», «Богатая невеста»), с приглашением для просмотра этих кинокартин литовских перемещенных граждан. В прошлом литовские шахтеры являлись выходцами из Литвы, эмигрировавшими в Англию еще до Первой мировой войны. Тесного общения с литовцами — перемещенными лицами общество не имело, но небольшое количество ди-пи клуб посещало. Конечно, более доходчивы и понятны для них были бы фильмы на литовском языке, из литовской жизни, но подобных узкоплечных фильмов группа по репатриации не имела.

В отличие от европейских стран, доставка репатриантов из Великобритании — с острова — представляла известные трудности.

В сентябре 1947 г. была достигнута договоренность с Министерством морского флота СССР о доставке репатриантов из Англии в Советский Союз на советских пассажирских пароходах «Белоостров» и «Сестрорецк», совершавших регулярные рейсы по маршруту Ленинград — Хельсинки — Стокгольм — Лондон. Путешествие длилось 10 дней. Этой ме-

⁸⁴ Указание и. о. уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации Н. А. Филатова Д. П. Холоднину от 4 декабря 1950 г. см.: ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 733. Л. 134.

ждународной линией пользовались дипломаты, сотрудники торгпредств и ведомств, маршрут был популярен у финнов и шведов в качестве сообщения между странами Скандинавского полуострова.

Двухпалубный пароход «Белоостров» (бывший финский «Aallotar» — «Русалка») был комфортабельным судном с каютами первого класса, двумя ресторанами, баром и музыкальным салоном. Пароход «Сестрорецк» (бывший германский «Polaris») был рассчитан на перевозку 175 пассажиров и 130 тонн груза.

Билеты на суда заграничных пассажирских линий приобретались у ВАО «Интурист», которому Управление репатриации возмещало оплату проезда репатриантов в советских денежных знаках через Госбанк СССР.

Репатриантам запрещалось сходить на берег в Стокгольме и Хельсинки. По информации капитана парохода «Белоостров» Лукина, в 1948 г. прибывающих репатриантов в Ленинграде встречали представители «контрольных органов», которые немедленно увозили репатриантов из порта в крытой машине. «Это обстоятельство, — докладывал в Управление репатриации подполковник Мещеряков, — во-первых, пугает репатриантов, а во-вторых, это видят пассажиры парохода, состоящие преимущественно из иностранцев, а поэтому за границу может просачиваться по этому поводу нежелательная для нас информация, которая будет там использована для ведения антисоветской агитации, направленной к невозвращению на родину»⁸⁵.

О времени прибытия репатриантов в советские порты Управление по делам репатриации информировало руководство 1-го и 2-го Главных управлений МГБ СССР (контрразведка), а также Главное управление погранвойск МГБ — для разрешения въезда и соответствующей проверки. Прием и отправку к месту жительства репатриантов производил представитель органов репатриации (например, в портах Латвии прибывших встречал начальник отдела репатриации при Совете министров Латвийской ССР, а в Ленинграде — начальник переселенческого отдела Ленинградского облисполкома). Репатрианты, по которым требовалась более длительная фильтрация (свыше 15 дней), направлялись в проверочно-фильтрационный лагерь 312 (г. Гродно). В лагерь 312 отправляли также репатриантов, на которых не было ис-

⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 597. Л. 271.

черпывающих данных в их принадлежности к советскому гражданству⁸⁶. В 1951 г. из 33 человек, репатрированных из Англии в СССР, 7 человек были «изолированы» органами МГБ⁸⁷.

Капитаны пароходов были недовольны тем, что вместе с пассажирами-иностранцами им приходится перевозить еще и репатриантов, чье поведение порой было «вызывающим и компрометирующим».

Заходы советских пассажирских судов в иностранные порты неоднократно использовались репатриантами для побегов.

В августе 1950 г. репатриант Коваленко, отправленный в Советский Союз на пароходе «Белоостров», в дороге напился и «будучи в пьяном виде делал всевозможные выкрики и пытался бежать во время стоянки парохода в Стокгольме»⁸⁸. Очевидно, репатриант пожалел о своем столь опрометчивом решении, но было уже слишком поздно.

О дальнейшей судьбе Коваленко остается только гадать, тем более что перед отъездом он «подложил свинью» работникам репатриации. Во время беседы в Консульском отделе Посольства, куда он обратился с просьбой отправить его в Советский Союз, Коваленко называл ряд лиц, проживавших вместе с ним в лагере в Блетчлей, графство Букингемшир, характеризуя их как людей «колеблющихся и могущих выехать на родину»⁸⁹. Граждане эти были взяты на учет, в их адрес направлены письма с призывом о возвращении на родину, а также советские газеты и разная репатриационная литература. Как потом выяснилось, все имена, названные Коваленко, были вымышленными. «Таких имен, как Кулик Ефим, Зайцев Ян, Егерь, Мочолан и пр. — говорилось в присланном в Посольство ответном письме из лагеря, — у нас в списках не существует. [...] И в будущем, пожалуйста, держитесь подальше от этого места. [...] мы видели ваш “советский рай” не с внешней стороны... Мы были там... Не пытайтесь подкупить нас вашими обещаниями. Мы ведь понимаем, что во всем мире нет страны более фальшивой, чем ваша. Не присылайте к нам никого из ваших представителей. Для них это может кончиться очень нехорошо, потому что мы их можем нечаянно убить»⁹⁰.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 122, 182.

⁸⁷ Там же. Л. 174.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 733. Л. 46.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 732. Л. 296.

⁹⁰ Там же. Л. 298.

Эта история получила широкую огласку, о ней написали английские газеты, назвав Коваленко «беспечным человеком»⁹¹.

В июле 1950 г. на пароходе «Сестрорецк» был отправлен в Советский Союз 23-летний поляк Стефанович. Английская полиция, разыскивавшая Стефановича по делу об убийстве, пыталась снять его с парохода и арестовать при проходе Кильского канала. По сообщению газеты «Ивнинг Кроникл», в Стокгольм «Сестрорецк» прибыл с 15-часовым опозданием. Стокгольмская полиция обыскала пароход, но не нашла Стефановича ни среди пассажиров, ни среди членов экипажа. Пассажиры рассказали, что Стефанович был пересажен в Балтике с парохода на русский буксир, «быстро сброшен, как мешок картошки»⁹².

Этот случай переполнил чашу терпения капитана «Сестрорецка». По прибытии в Лондон в августе 1950 г. он заявил, что вообще в дальнейшем не будет перевозить перемещенных лиц, и отказался принять от Советского посольства пять человек, подготовленных для отправки в Советский Союз, сославшись на отсутствие мест на пароходе. Посольству пришлось организовывать отправку репатриантов на грузовом пароходе из Ньюкасла. Второй секретарь посольства Холоденин в отчете посетовал, что из-за отказа капитана «перевозка перемещенных лиц по железной дороге до порта Ньюкасла обошлась государству около 17 фунтов стерлингов, что по существу было совершенно излишнем»⁹³.

Особенно большой резонанс вызвал побег репатрианта Кучко в январе 1951 г. В британской прессе поднялась шумная кампания, газеты публиковали статьи с кричащими заголовками: «Русские похитили меня в Лондоне», «Польский репатриант просит убежище в Швеции», «Шведы отказались выдать поляка. Он возвращается в Англию», «Освобожденный поляк испугался на “молчаливом пароходе”»⁹⁴.

В советских документах Кучко значился белорусом. Сохранилась заверенная копия заявления Кучко от 11 января 1951 г. на имя заведующего Консульским отделом Посольства СССР в Лондоне: «Я, советский гражданин, Кучко Иван Адамович, уроженец дер. Новая Гута, Ильянинского района, Молодечненской области, где проживают мои

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 733. Л. 79.

⁹² Там же. Л. 76–77.

⁹³ Там же. Л. 47.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 334–336, 338, 341.

родственники: брат родной Николай Кучко и сестра Евгения Кучко. Прошу отправить меня на родину. В Англии проживаю с 1946 года. Служил в польской армии Андерса с 1942 года по 1947 г. Воевал в Италии против немцев. Был ранен в 1944 г. Прошу отправить меня на родину»⁹⁵. Кстати, практика отобрания письменных заявлений от перемещенных советских граждан, изъявивших желание репатрироваться, появилась в 1950 г.⁹⁶

Совершенно очевидно, что место рождения в заявлении было написано под диктовку. Да и откуда человек, много лет проживший за границей, мог ориентироваться в постоянно меняющемся советском административно-территориальном делении? До 1939 г. эта территория принадлежала Польше⁹⁷.

Но почему же Кучко изменил свое решение и спрыгнул с парохода? В докладной записке министра морского флота СССР Н. Новикова зам. председателя Совета министров СССР В. М. Молотову от 24 февраля 1951 г. об обстоятельствах побега сообщалось, что Кучко на пароходе вел себя нормально, никаких приготовлений с его стороны замечено не было; при посадке на пароход в Лондоне секретарь консульства характеризовал Кучко положительно. Допрошенная в ходе начатого следствия горничная показала, что пассажир-репатриант Кучко занимал на пароходе отдельную каюту. «Оденется, выйдет на палубу и гуляет, а потом зайдет в бар, купит одну–две бутылки вина или пива и сидит у себя в каюте». По словам горничной, Кучко был рад возвращению на родину. «И действительно было видно по тем вещам, которые он вез с собою, что он едет домой. Он вез с собой все до ниток и шила»⁹⁸.

Газеты писали, что на родине Кучко собирался навестить сестру и брата. «Я истратил на подарки для них 200 фунтов стерлингов...

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 27. 1 марта 1951 г., уже после побега Кучко с парохода «Белоостров», фотокопия заявления Кучко по указанию зам. министра иностранных дел СССР В. А. Зорина была направлена в МИД СССР.

⁹⁶ См. указание зам. министра иностранных дел А. А. Громыко послу СССР в Великобритании Г. Н. Зарубину от 22 ноября 1950 г. об улучшении работы по репатриации советских граждан. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 733. Л. 130–132.

⁹⁷ Молодечненская область до 20 сентября 1944 г. называлась Вилейской, а та, в свою очередь, была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1939 г. на территории Виленского воеводства Речи Посполитой.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 396.

Каждому из них у меня было по две пары ботинок», — передавали газеты слова Кучко⁹⁹.

В Лондон после побега Кучко вернулся без шапки, в своем единственном костюме и только с одним фунтом стерлингов в кармане. Весь его багаж остался в каюте. 5 февраля 1951 г. вещи Кучко поступили на склад Вентспилской таможни. В составленной при приеме описи значатся 124 предмета — верхняя одежда, обувь, белье, предметы личной гигиены на общую сумму 7 945 руб. 50 коп.¹⁰⁰

В марте 1951 г. прокуратурой Прибалтийского бассейна было возбуждено дело по обвинению гражданина Кучко Ивана Адамовича по статье 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

По версии следствия, Кучко, во время стоянки «Белоострова» в порту Стокгольм, зашел в буфет парохода и заказал: два блока американских сигарет «Кемел», блок «Честерфильда», коробку сигарет «Тройка», две бутылки французского вина и две бутылки итальянского «Вермута». Воспользовавшись отлучкой буфетчика, который ходил в ресторан за недостающим вином, Кучко украл из кассы буфета парохода «Белоостров» денег в сумме 12 английских фунтов и 420 шведских крон и, боясь уголовной ответственности, бежал с парохода на территорию Швеции. Следствие попыталось представить все дело чистой уголовщиной, без какой-либо примеси политики.

15 июня 1951 г. материалы следствия были направлены врио зам. уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации Н. А. Филатову. В сопроводительном письме и. о. заведующего 3-м Европейским отделом МИД СССР П. Орлова предлагалось использовать материалы «при возможной репатриации Кучко из Англии в СССР»¹⁰¹.

Трудно сказать, как обвинение в преступлении, по которому в Уголовном кодексе предусматривалось наказание от семи до десяти лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества, могло способствовать репатриации. Скорее всего, эти компрометирующие Кучко сведения предназначались исключительно для английских властей.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 341.

¹⁰⁰ Там же. Л. 401–403.

¹⁰¹ Там же. Л. 363.

После побега с парохода «Белоостров» Кучко 6 февраля 1951 г. на шведском пароходе вернулся в Лондон. Корреспонденту английской газеты он заявил, что намерен выехать в Канаду и там «работать, работать и работать»¹⁰². Что происходило в жизни Кучко дальше — документы об этом умалчивают. По неизвестной нам причине Кучко все-таки решился на повторную репатриацию. В ноябре 1951 г. Кучко вновь посетил Консульский отдел Советского посольства и уже 28 ноября был отправлен в СССР¹⁰³. На этот раз он путешествовал в менее комфортных условиях. 7 декабря 1951 г. грузовым пароходом «Сухуми» Кучко был доставлен в порт Мурманск, где его встретил сотрудник Переселенческого отдела Мурманского облисполкома¹⁰⁴. «Характерно, — не без ехидства написал в своем отчете Холоденин, — что когда Кучко вторично был отправлен в СССР, английская печать об этом умолчала»¹⁰⁵.

Побег Кучко вынудил советские власти изменить порядок отправки репатриантов из Англии. 6 февраля 1951 г. врид заместителя уполномоченного по делам репатриации при Совете министров СССР Н. А. Филатов сообщил заместителю министра иностранных дел СССР А. А. Громыко о принятом решении отправки репатриантов «производить главным образом на грузовых советских пароходах, не заходящих в иностранные порты при следовании их из Англии в СССР; отправки на пассажирских пароходах допускать только семьи и женщин с детьми»¹⁰⁶.

Однако такой порядок был сопряжен со многими неудобствами. Грузовые пароходы, курсировавшие до Англии, ходили вне твердого расписания, и консульские работники не могли знать заблаговременно ни время прибытия парохода, ни время его отхода. Агташе Посольства СССР в Великобритании Маликов жаловался Филатову: «...нередко к нам приходят советские граждане для отъезда на родину, которые заявляют, что они с работы ушли, возвращаться обратно они не могут, жить им негде и не на что, а время отхода парохода нам еще не известно»¹⁰⁷. Ожидание отпра-

¹⁰² Там же. Л. 339.

¹⁰³ См. список перемещенных советских граждан, репатриированных в СССР из Англии в 1951 г. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 56.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 748. Л. 110.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 34.

¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 38. Папка 147. Д. 151. Л. 42.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 833. Л. 70.

ки парохода иногда затягивалось до двух–трех недель. На советское посольство ложились дополнительные расходы на оплату гостиницы и питание. Задержка с отправкой приводила к тому, что люди меняли свои решения, отказывались от возвращения в СССР и уходили из гостиницы, где содержались в ожидании парохода. Единственным плюсом было, наверно, лишь то, что на грузовых пароходах репатрианты перевозились бесплатно, и Посольству не надо было тратить на покупку билетов.

А. А. Громько, к июню 1952 г. сменивший кресло первого заместителя министра иностранных дел на должность советского посла в Лондоне, информировал Управление по делам репатриации об участившихся случаях отказа перемещенных советских граждан от возвращения на родину по причине длительного ожидания отправки их в Советский Союз.

6 августа 1952 г. врио уполномоченного по делам репатриации полковник Н. А. Филатов был вынужден обратиться к заместителю министра иностранных дел СССР Г. М. Пушкину и министру морского флота СССР Н. В. Новикову с просьбой «разрешить производить отправку перемещенных советских граждан на пароходе “Белоостров” при условии отсутствия других советских пароходов в портах Англии»¹⁰⁸.

Однако ни Морфлот, ни МИД СССР это предложение не поддержали. «У нас, — говорилось в заключении заместителя министра иностранных дел Б. Ф. Подцероба и заведующего 2-м Европейским отделом МИД СССР В. Н. Павлова министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому от 12 августа 1952 г., — нет никакой гарантии в том, что отдельные отправляемые из Англии на пароходе «Белоостров» репатрианты не будут делать попытки совершать побег в пути следования. [...] Поскольку на пароходе «Белоостров» перевозятся иностранные пассажиры, случаи побегов репатриантов с этого парохода могут быть использованы для подрыва репутации международной линии, обслуживаемой советским пароходом, и для нанесения вреда делу репатриации советских граждан»¹⁰⁹.

18 августа 1952 г. министр морского флота СССР Н. В. Новиков сообщил Филатову, что, «в целях недопущения побегов перемещенных граждан с судов, Министерство морского флота не может дать

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 312.

¹⁰⁹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 39. Папка 156. Д. 23. Л. 133.

согласие на перевозку их на пассажирском пароходе «Белоостров». Свой отказ Новиков мотивировал тем, что наличие на борту парохода пассажиров-иностранцев и заходы в иностранные порты «лишают судовую администрацию возможности осуществлять контроль за советскими перемещенными гражданами в период их пребывания на борту судна и гарантировать безусловную доставку их в Советский Союз»¹¹⁰. Иными словами, нельзя было допустить, чтобы пассажиры-иностранцы увидели, как пассажиры-репатрианты едут под охраной.

Впрочем, отдельные отчаянные граждане ухитрялись бежать и с грузовых пароходов. Так, в ночь на 23 февраля 1952 г. с борта следовавшего из Лондона в Ригу грузового парохода «Гарту» сбежал репатриант Василий Герасимюк, 1924 года рождения. Побег произошел во время остановки судна в Кильском канале, близ шлюза Гольштену¹¹¹.

Докладывая о случившемся, атташе Советского посольства А. Манаев, сопровождавший репатриантов в Лондоне, сообщил, что настроение Герасимюка и второго пассажира-репатрианта по фамилии Опалайс заметно изменилось после прохождения таможенного досмотра и беседы с иммиграционными чиновниками. Репатриантам задавали «неудобные» вопросы: «Почему вы решили ехать на родину, почему вы раньше не выехали на родину, знаете ли вы, что вас ждет на родине. Вас ждет на родине строгое наказание. Пока не поздно, вы подумайте, и мы вас заберем с борта парохода»¹¹². Особенно подавленное настроение было отмечено у Герасимюка, который во время войны служил в дивизии СС «Галичина». В присланном позднее из Германии в Посольство СССР письме Герасимюк объяснил свой поступок страхом перед отъездом и «нервными переживаниями»¹¹³.

Второй репатриант — Антон Опалайс, служивший в немецкой армии простым портным, 25 февраля 1952 г. благополучно прибыл в Ригу и, пройдя проверку, 11 марта убыл к месту жительства в родной город Варакияны¹¹⁴.

¹¹⁰ Там же. Л. 134.

¹¹¹ См. письмо зам. начальника штаба ГУПВ МГБ ССР Е. В. Рыжкова Н. А. Филатову от 28 февраля 1952 г. ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 85.

¹¹² ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 103.

¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 15, 115.

¹¹⁴ Там же. Л. 90.

Шумиха, поднятая английской печатью после побега Кучко, еще была свежа в памяти, так что МИД СССР, опасаясь очередной кампании с целью настроить перемещенных лиц против репатриации, счел целесообразным не делать представление английским властям по поводу бегства Герасимюка¹¹⁵.

О побеге Герасимюка было сообщено в Министерство морского флота СССР. Предлагалось дать указания капитанам пароходов «о принятии впредь соответствующих мер, исключающих возможность побегов перемещенных советских граждан с бортов пароходов». Такими мерами виделись охрана репатриантов во время стоянки пароходов, а в исключительных случаях — их изоляция¹¹⁶.

В октябре 1952 г. английские газеты поместили статьи, направленные против работы Консульского отдела по репатриации. В качестве предлога была использована очередная поездка работников группы — атташе Посольства И. Сычева и И. Огороднева в города Брэдфорд, Галифакс и Хаддерсфилд. В газетах описывалось, как «два обходительных, вежливых и хорошо одетых русских в совершенстве владеющих английским языком» посещали латвийских и эстонских беженцев в Брэдфорде и пытались склонить последних к возвращению за «железный занавес». Эти визиты очень напугали беженцев, которые обратились в полицию с просьбой защитить их от такого рода визитеров. Полицией Брэдфорда на советских представителей было составлено досье и передано на рассмотрение в Министерство иностранных дел. 29 октября 1952 г. поверенный в делах СССР в Англии Н. Д. Белохвостиков был вызван в МИД Великобритании, где ему сделали устное представление о нежелательности такого рода поездок сотрудников Консульского отдела. Как следствие, работникам группы репатриации было предложено временно, до получения дополнительных указаний Центра, воздержаться от посещения квартир советских перемещенных граждан и сосредоточить свое внимание на организации личного общения во время кинопросмотров, против которых английское Министерство иностранных дел не возражало¹¹⁷.

¹¹⁵ См. письмо В. Н. Павлова А. А. Громько от 1 марта 1952 г. АВП РФ. Ф. 069. Оп. 39. Папка 156. Д. 23. Л. 47.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 906. Л. 17, 103.

¹¹⁷ См. отчет второго секретаря Посольства СССР в Великобритании И. Бабабанова о работе по репатриации за 3-й квартал 1952 г. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 907. Л. 124–126.

На 1 октября 1952 г., по данным Советского посольства, в Англии насчитывалось около 77 тыс. человек перемещенных советских граждан без детей, а с детьми до 16-летнего возраста — около 100 тыс. человек. Из них по национальности: русских — 5 тыс., белорусов — 5 тыс., литовцев — 7 тыс., эстонцев 6 тыс., латышей — 14 тыс. и украинцев — 40 тыс. человек¹¹⁸. Приведенные данные, по сравнению с 1949 г., не претерпели больших изменений. Лишь незначительная часть перемещенных лиц из-за тяжелых условий жизни в Англии эмигрировала в другие страны, в частности в Канаду, США и Австралию.

Возвращение перемещенных граждан на родину имело очень низкие показатели. В течение 1948–1952 гг. из Англии в СССР было репатрировано всего 305 человек: в 1948 г. — 129 чел., в 1949 г. — 55, в 1950 г. — 54, в 1951 г. — 33, в 1952 г. — 34 чел.¹¹⁹

По мнению органов репатриации, главной причиной к невозвращению на родину основной массы перемещенных лиц являлась боязнь ответственности как за свое поведение во время войны, так и за то, что своевременно не вернулись на родину.

В 1948–1949 гг. уполномоченный Совета министров СССР по делам репатриации Ф. И. Голиков неоднократно поднимал перед руководством страны вопрос об опубликовании специального разъяснения Советского правительства к перемещенным гражданам с обещанием, что репатрианты не подвергнутся никаким репрессиям и преследованиям «за вынужденное нахождение за рубежом или за действия, совершенные под фашистским насилием и террором в период Великой Отечественной войны»¹²⁰. Опубликование такого разъяснения могло оказать большое положительное влияние на ход репатриации, однако соответствующего решения «сверху» так и не последовало. К вопросу политической реабилитации репатриантов вернулись только при Н. С. Хрущеве.

В декабре 1952 г. аппарат Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации был упразднен¹²¹. Проведение работы

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 907. Л. 82; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 39. Папка 156. Д. 23. Л. 156.

¹¹⁹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 39. Папка 156. Д. 23. Л. 156.

¹²⁰ Репатриация советских граждан.... Т. 2. С. 202–203, 350–352, 402–403.

¹²¹ См. постановление Совета министров СССР № 5305-2071с от 29 декабря 1952 г.

по репатриации перемещенных советских граждан было возложено на Консульское управление МИД СССР, на посольства (миссии), генконсульства и консульства СССР.

В настоящее время фонд Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации находится на хранении в ГА РФ (Ф. Р-9526). Фонд почти полностью (за исключением одного дела) рассекречен. Материалы по репатриации находятся также на хранении в Архиве внешней политики РФ. И если документы за период 1944–1952 гг. доступны исследователям, то документы за более поздний период (после 1952 г.) продолжают оставаться на закрытом хранении.

В деле репатриации многое изменила смерть Сталина в марте 1953 г. В 1955 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Находившиеся за границей перемещенные советские граждане получили разъяснение, что их не будут преследовать и они могут без всякой боязни возвращаться домой¹²². И люди потянулись на родину; пошла волна добровольной реэмиграции. Но это уже совсем другая история...

---

¹²² См.: Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине / 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 588–593.

О. В. Лавинская

СОВЕТСКАЯ ПАСХА 1944–1955 гг.

По материалам фонда «Совет по делам религий при Совете министров СССР» (ГА РФ. Ф. Р-6991)¹

Напомню старый советский анекдот, в котором Леонид Ильич Брежнев на приветствие «Христос Воскресе» отвечает: «Спасибо, мне уже Андропов доложил».

Не на пустом месте появляются подобные анекдоты. Степень информированности советской верхушки о церковных делах была высочайшей. Конечно, докладывали не о воскресении Христовом, а о деталях взаимоотношений церковных иерархов, о настроениях верующих, о состоянии различных религиозных конфессий в СССР, а главное — о наличии незарегистрированных общин и подпольной религиозной жизни.

Для того, чтобы официально контактировать с религиозными объединениями и выступать от имени правительства, в сентябре 1943 г. постановлением СНК СССР был образован Совет по делам Русской православной церкви, а в мае 1944 г. — Совет по делам религиозных культов. В декабре 1965 г. оба совета были объединены в один — Совет по делам религий при Совете министров СССР. Это ведомство просуществовало до ноября 1991 г.

Первым председателем Совета по делам РПЦ (с 1943 по 1960 г.) был Георгий Григорьевич Карпов. В 1922 г. он поступил на работу в ГПУ; в самый разгар массовых репрессий, в июле 1937 — мае 1938 г. возглавлял Секретно-политический отдел УГБ УНКВД Ленинградской области².

¹ Доклад на эту тему был сделан на Архивных чтениях ГА РФ 28 апреля 2022 г.

² Решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 25 января 1960 г. Г. Карпов был исключен из партии за нарушения социалистической законности, до-

Совет по делам религиозных культов до 1956 г. возглавлял другой чекист — полковник госбезопасности Иван Васильевич Полянский (до назначения в Совет по культурам работал начальником Транспортного отдела НКГБ Октябрьской ж. д.).

И Карпов, и Полянский до июля 1947 г. совмещали работу в Советах со службой в специальном подразделении НКГБ-МГБ СССР, надзиравшем за церковью. Причем Карпов возглавлял отдел, а Полянский был его заместителем.

Между патриархом Московским и всея Руси Алексием I и председателем Совета по делам РПЦ Карповым сложились довольно дружеские отношения. Как отмечал сам Карпов в докладе в Совет министров СССР — «в отношениях с патриархом должна иметь место известная теплота»³.

Куроедов Владимир Алексеевич, сменивший Карпова на посту председателя Совета по делам РПЦ, а позднее возглавивший объединенный Совет по делам религий, был уже партийным выдвиженцем, ранее он работал секретарем Свердловского обкома КПСС по пропаганде и агитации.

В ГА РФ хранится фонд Совета по делам религий (Р-6991). В фонде более 13 тыс. единиц хранения. Это богатейший материал о религиозной жизни в СССР за период с 1943 по 1991 г.

Одной из задач Совета по делам РПЦ являлось «своевременное информирование правительства СССР о состоянии Русской православной церкви в СССР, ее положении и деятельности на местах»⁴. В числе вопросов, затронутых в официальных докладах Совета по делам РПЦ «на верх», — прохождение важнейших православных праздников: Рождества, Крещения и Пасхи. В атеистической стране власть болезненно относилась к открытым проявлениям религиозности и постоянному увеличению числа лиц, участвовавших в религиозных обрядах.

пущенные им в период 1937–1938 гг. Однако Секретариат ЦК КПСС отменил это решение; Карпову был объявлен строгий выговор, и в марте того же года возвращен партбилет. См.: *Петров Н. В.* Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954: справочник. М., 2010. С. 445.

³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 453. Л. 345–346.

⁴ Положение о Совете по делам РПЦ, утвержденное постановлением СНК СССР от 7 октября 1943 г. см.: *Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1970 гг.* Т. 1. М., 2009. С. 14.

Посмотрим, как в официальных докладах Совета по делам РПЦ освещалось празднование Пасхи в Москве в послевоенное время.

Первые документы Совета о праздновании Пасхи относятся к 1944 г.

В делах фонда имеется докладная записка председателя Совета по делам РПЦ Карпова от 19 апреля 1944 г., адресованная в Совнарком СССР И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берии. Записка начинается словами: «В ночь с 15 на 16 апреля с. г. во всех городах и районах Союза, где есть действующие православные церкви, проводилась ночная пасхальная служба, так называемая “заутреня”»⁵.

В 1944 г. в Москве пасхальная служба проводилась в 30 церквях патриаршей ориентации и одной обновленческой, все церкви были переполнены верующими, общее число посетивших церкви г. Москвы составило 120 тысяч человек, в основном это были женщины. Молодежи было 25%.

Особенно большое скопление верующих наблюдалось в шести церквях:

1. Кафедральный Богоявленский собор (Спартакoвская, 15) — до 10 тысяч человек.
2. Церковь Петра и Павла (Преображенская пл., 11) — 8 тысяч чел.
3. Свято-Духовская церковь на Даниловском кладбище — 8 тысяч чел.
4. Церковь Иоанна Предтечи (на Красной Пресне) — 6 тыс. чел.
5. Церковь Иоанна-Воина (Б. Якиманка, 46) — 6 тыс. чел.
6. Церковь Петра и Павла (Солдатская ул., 4) — 4 тыс. чел.

Почти во всех церквях города были замечены военнослужащие — офицеры и рядовые, от 10 до 20 человек в каждой церкви, больше всего военных — до 200 человек — было в церкви Иоанна Предтечи на Красной Пресне.

Наиболее крупные церкви посетили представители и сотрудники иностранных посольств и иностранные корреспонденты. В Кафедральном Богоявленском соборе, где службу вел патриарх Сергей, было замечено 25 иностранцев, в том числе 14 человек от Американского посольства. Всем им было дозволено пройти в алтарь.

Во всех церквях Москвы и области во время пасхальной службы было зачитано пасхальное послание патриарха Сергия. В доклад-

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2. Л. 56–56 об.

ной записке оно названо «церковно-патриотическим обращением».

Текст патриаршего пасхального послания в 1944 г. был согласован Советом по делам РПЦ с секретарем ЦК ВКП (б) А. С. Щербаковым⁶. Это стало нормой, и подобная практика сохранялась и в последующие годы.

Как пример приведу письмо патриарха Алексия I заместителю председателя Совета по делам РПЦ С. К. Бельшеву от 18 марта 1953 г.

«Глубокоуважаемый Сергей Константинович!

Посылаю Вам мое пасхальное послание. Если не будет с Вашей стороны возражений, оно в таком виде будет теперь же нами размножено и послано епархиальным архиереям, а также за границу нашим экзархам и представителям. Прошу Вас по прочтении меня известить о наличии препятствий к рассылке. Текст послания у нас имеется, а потому прилагаемый экземпляр не нужно возвращать. С искренним уважением П[атриарх] Алексей»⁷.

Письма патриарха Алексия I в Совет по делам РПЦ, как официальные, деловые, так и письма личного характера хранятся в фонде Р-6991. В 2009–2010 гг. они были опубликованы сотрудниками ГА РФ⁸.

Мало кто знает, что на проведение ночных пасхальных служб во время войны Патриархии понадобилось специальное разрешение Советского правительства. Ведь ночные службы проходили в условиях действия комендантского часа и режима светомаскировки. Такие разрешения были получены в 1942 и 1943 гг. За 1944 г. в фонде имеется докладная записка Карпова от 6 апреля 1944 г., адресованная в Совнарком СССР Сталину и Молотову. В документе под грифом «совершенно секретно» говорилось, что «Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР полагает целесообразным допустить пасхальную службу в церквях Москвы и других городах, объявленных на осадном и военном положении, и в связи

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 73.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 99. Л. 5.

⁸ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1970 гг.: в 2 т. / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федеральное архивное агентство, ГА РФ; под ред. Н. А. Кривовой; отв. сост.: Ю. Г. Орлова; сост.: О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко. — М.: РОССПЭН, 2009–2010.

с этим беспрепятственное хождение по городу в ночь с 15 на 16 апреля с. г.»⁹.

А вот в 1945 г. с выдачей подобного разрешения вышла заминка. 25 апреля 1945 г. Карпов по обыкновению обратился к Сталину с вопросом о разрешении проведения ночной пасхальной службы в церквях Москвы и других населенных пунктов Союза в ночь с 5 на 6 мая¹⁰.

Время шло, а никаких указаний не поступало. Обеспокоенный Карпов 3 мая 1945 г. вынужден был напрямую обратиться к секретарю Сталина А. Н. Поскребышеву с просьбой «сегодня сообщить мне указания товарища Сталина в связи с тем, что в ночь с 5 на 6 мая должна совершаться пасхальная служба, и мне необходимо сегодня дать телеграфные указания Ленинграду, Москве, Киеву и другим городам»¹¹. О долгожданном решении Карпов узнал лишь в конце дня. В 23 часа 00 минут 3 мая наконец позвонил Поскребышев и сообщил, что «ночная пасхальная служба и в связи с этим беспрепятственное хождение по городу в ночь с 5 на 6 мая — разрешается»¹².

В 1945 г. верующие Советского Союза встречали Пасху в особых условиях: шли последние дни войны, настроение у всех было особенно приподнятое и радостное.

В мае 1945 г. патриарх Алексей и Карпов обменялись поздравительными письмами и подарками. Патриарх поздравил Карпова с 1 мая и подарил картину. Как он написал в письме, «я хочу поднести Вам для Вашего кабинета патриотическую картину, изображающую Пожарского и Минина, которых благословляют Авраамий Палицын и Дионисий на ратные подвиги. Она удобно уместится на стене над столиком, где у Вас стоит поднос с графином. А если Вы ее возьмете в свой домашний кабинет, мне будет еще приятнее»¹³.

Карпов в свою очередь поздравил патриарха с Пасхой и от имени Совета преподнес ему картину Аполлинария Васнецова 1894 года «Кремль». В письме Карпов отметил успехи церкви за годы войны:

⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 74. Напомню, что режим светомаскировки в Москве был снят только 29 апреля 1945 г., а военное положение на большей части страны отменено 25 сентября 1945 г.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 29. Л. 154.

¹¹ Там же. Л. 166.

¹² Там же. Л. 153.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 15–15 об.

«... окрепла, умножилась и также была едина наша Православная церковь в лице ее епископата, клира и паствы. Авторитет Церкви растет и ширится, и не только в пределах Советского Союза. Разделяя вместе с Вами радость этих успехов, выражаю свои личные и искренние пожелания Вам и Церкви»¹⁴.

Стоит заметить, что Церковь была включена в систему традиционных для советских организаций отношений, где обменивались поздравлениями и дарили подарки.

В 1944 г., например, на подарок Совета патриарху Сергию в день его 77-летия было израсходовано 28 тысяч рублей. Патриарху Сергию от имени Правительства преподнесли золотые карманные часы с золотой цепочкой, 28 метров зеленого плюша и 15 метров черного шелкового репса на рясы, а также коньяк, шампанское, зернистую икру и фрукты. К празднику Пасхи в 1944 г. Совет наметал сделать подарки митрополитам Алексею и Николаю — на 10 тысяч рублей каждому — и восьми епископам, показавшим себя наиболее активными в патриотической деятельности — по 5 тысяч рублей каждому. На докладной записке Карпова от 27 января 1944 г. по этому вопросу, адресованной заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову, стоит помета: «31 января в 17 ч. 30 мин. был вызван к тов. Молотову. Предложено продумать о порядке передачи подарков и сделать это деликатно и без осложнений»¹⁵.

Интересно, что Молотов считал «осложнениями»? Опасался, что могут пойти кривотолки о сращивании власти светской и духовной?

В делах фонда имеется план мероприятий по обеспечению порядка у церковей города Москвы во время праздника Пасхи 6 мая 1945 г., разработанный Управлением милиции г. Москвы¹⁶. Были приняты беспрецедентные меры. У всех церковей выставлялись круглосуточные милицейские посты и регулировщики уличного движения, организовывалось патрулирование улиц, а в каждую церковь для предотвращения хулиганских проявлений направлялись оперативные работники.

К плану прилагался список действующих церковей в городе Москве по состоянию на 4 мая 1945 г., с указанием адреса, района и но-

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 14.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 58–58 об.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 31. Л. 114–115.

мера отделения милиции¹⁷. В списке перечислены 32 церкви, среди них значится некая «Скорая парушница», находящаяся по адресу ул. Л. Толстого, 2/22. Конечно же, речь идет о храме Николая Чудотворца в Хамовниках. (Главной святыней храма является чудотворная икона Божией Матери «Споручница грешных», очевидно, милицейские чины перепутали ее с иконой Божией Матери «Скоропослушница».)

В последующие годы порядок в церквях поддерживался самими верующими, а на улице — нарядами милиции.

В делах с перепиской Совета по делам РПЦ с ЦК ВКП (б) и Советом министров СССР я не обнаружила докладной записки о праздновании Пасхи в СССР в 1945 г. Информация о праздновании Пасхи в 1946, 1947 и 1948 гг. в делах фонда также не отложилась.

Отсутствие докладов за эти годы можно объяснить тем, что они послышались Карповым в другом своем качестве — по линии МГБ за подписью министра, и Карпов, как должностное лицо — начальник Отдела «О» МГБ, — готовил эти отчеты.

За 1946 г. в фонде имеется докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области А. А. Трушина, адресованная Карпову¹⁸.

В 1946 г. пасхальная служба проходила в ночь с 20 на 21 апреля. Все 33 действовавшие на тот момент церкви Москвы были сильно переполнены; по подсчетам Трушина, в них ориентировочно присутствовало 190–200 тысяч человек, что на 66% было больше, чем в 1945 г. Среди верующих, находившихся около церквей, было замечено много молодежи и школьников. Трушин отметил снижение доходности в церквях от продажи свечей на Пасху, по сравнению с прошлым годом. Он объяснил это тем, что большинство верующих приходили в церковь со своими свечами, купленными в керосиновых лавках и на рынке, а также тем, что значительная часть присутствующих находилась в церкви в качестве зрителей.

Из происшествий Трушин отметил случаи обморочного состояния в связи с переполнением церквей. А в церквях, имеющих один вход, он же выход (как, например, в церкви Воскресения на Ваганьковском

¹⁷ Там же. Л. 116–117.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 115. Л. 85–87.

кладбище) наблюдалась сильная давка и крики, так что выходившие из церкви верующие теряли куличи под ногами.

В 1948 г. Пасха отмечалась 2 мая. В докладной записке Совета по делам РПЦ в Совет министров СССР и ЦК ВКП (б) был отмечен увеличенный наплыв людей в церкви по сравнению с 1947 г. Совет по делам РПЦ объяснил это тем, что Пасха совпала с Первомайскими праздниками и что 1 и 2 мая была прекрасная теплая погода¹⁹.

В 1948 г. уполномоченным Совета на местах было дано указание: «Вам следует иметь в виду, что 1-го Мая, в день демонстрации трудящихся, верующие будут приходить к церквям для освящения куличей и т. п. Учитывая это обстоятельство, вам необходимо принять соответствующие меры к тому, чтобы не чинились препятствия к проведению церковных служб и доступу верующих к храмам для совершения религиозных обрядов»²⁰.

И все же в 1948 г. препятствия кое-где чинились. Так, уполномоченный Совета по делам РПЦ по г. Ленинграду и Ленинградской области А. И. Кушнарев в своем отчете сообщил, что «в отличие от прошлых лет по указанию тов. Якушева С. К., действовавшего от имени Управления и, якобы, по поручению горкома ВКП (б), в некоторых соборах и церквях г. Ленинграда были запрещены пасхальные службы под открытым небом (в церковных оградах, на крыльце самого церковного здания)»²¹. Оказалось, своеволие проявил полковник Якушев — заместитель начальника Управления МГБ по Ленинградской области. Если запрет Якушева мог поначалу показаться местной инициативой, то в 1949 г. он стал повсеместным.

Основное внимание во всех официальных докладах Совета обращалось, прежде всего, на посещаемость церквей во время праздника Пасхи.

Для учета верующих сотрудникам Совета приходилось лично посещать отдельные храмы Москвы. В докладной записке за 1949 г., адресованной И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. М. Маленкову, К. Е. Ворошилову, а также первому секретарю Московского комитета партии

¹⁹ Докладную записку зам. председателя Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР С. К. Бельшева И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии, А. Н. Косыгину и А. А. Жданову от 12 мая 1948 г. см.: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 289. Л. 173–175.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 288. Л. 11.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 335. Л. 37.

Г. М. Попову²², это обстоятельство было специально оговорено, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть достоверность и полноту представленной информации.

Из 36 действующих церквей в г. Москве сотрудниками Совета были обследованы 23 церкви в течение трех дней, начиная с четверга Страстной недели.

В четверг 21 апреля 1949 г., во время всенощной, все церкви были полностью заполнены, в основном — женщинами в возрасте старше 50 лет. А церковь Иоанна-Воина на Большой Якиманке была настолько переполнена, что в 9 часов вечера один из священников был вынесен из церкви на руках в обморочном состоянии.

В пятницу во всех церквях наблюдался непрерывный поток желающих приложиться к плащанице. Многие были с детьми.

В субботу 23 апреля во всех церквях святости куличи и пасхи. «Весь день, — говорилось в отчете, — от 2-х часов дня до 9–10 часов вечера во всех церквях был непрерывный поток, и что особенно бросалось в глаза — это примерно 30–35% женщин было с детьми как школьного, так и дошкольного возраста. Многие женщины вели за руку по 2–4 девочки. Имелось много случаев, когда дети школьного возраста без родителей несли освящать куличи». Посещение церквей детьми Карпов назвал «самым неотрадным явлением за дни Пасхи».

Пасхальная служба в ночь с 23 апреля на воскресенье привлекала, как и в предыдущие годы, значительное число верующих.

Учитывая большое скопление людей, во многих церквях в 6 часов вечера уже был закрыт доступ, и в течение 5–6 часов молящиеся ожидали в церквях начала службы. К 23 часам на улицах и площадях у церквей скопились большие толпы, среди которых от 10 до 25% были любопытствующие, и прежде всего молодежь до 25 лет.

В Ново-Девичьем монастыре, например, было свыше 20 тысяч человек, в Патриаршем Елоховском соборе и около него — свыше 10 тыс. человек, в Николо-Хамовнической церкви и около нее — 6 тыс. чел., в церкви Воскресения в Сокольниках и вокруг нее — 15–16 тыс. человек.

Всего в церквях Москвы на пасхальных службах было 200–215 тысяч человек против 270–300 тысяч в 1948 г. Снижение числа посетителей в 1949 г., по объяснению Совета, произошло за счет т. н. любопыт-

²² ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 452. Л. 119–125.

ных, которых в 1948 г. было больше, так как церковный праздник совпал с праздником 1 мая.

Как и в прошлые годы, в Патриаршем соборе на пасхальной службе присутствовали представители дипломатического корпуса.

Зарегистрирован был один несчастный случай, происшедший в церкви Ризоположения на Донской улице, где во время крестного хода толпившимися людьми был свален кирпичный столб железной ограды, в результате чего два человека (женщина и девочка) получили ушибы. В автомобиле скорой помощи они были доставлены в больницу.

В 1949 г., в целях ограничения деятельности церкви, Совет по делам РПЦ не разрешил организацию служб вне храма на открытом воздухе (на папертях и во дворах церквей). Также было запрещено устраивать пасхальные иллюминации и световые надписи на зданиях церквей с внешней стороны. В 1950 г. к этим ограничительным мерам добавился еще и запрет на трансляцию церковной службы путем установки репродукторов на храме²³.

В доклад Совета за 1949 г. включено много интересных наблюдений.

Оказывается, в 1949 г. в магазинах Москвы продавали куличи и пасхи, за которыми были большие очереди.

Впервые отметили такое явление, как посещение на Пасху городских кладбищ. Так, «в период от 12 часов дня до 5–6 часов вечера на большинство кладбищ шел буквально поток посетителей. На бывшем Немецком кладбище было 10–12 тысяч человек, на Даниловском — свыше 7 тыс. чел., Пятницкое кладбище было все заполнено людьми. Большинство находящихся на кладбищах лиц было семейных».

Совет отметил также гулявший в народе слух, более похожий на анекдот. «Как и в предыдущие годы, — говорилось в докладе, — среди известной части населения города имел место ничем не обоснованный слух об участии в церковном хоре артистов Лемешева, Козловского и Михайлова».

Между прочим, солист Большого театра, сталинский любимец Михаил Дормидонтович Михайлов действительно когда-то пел в церковном хоре и даже являлся протодиакonom.

Начиная с 1949 г. Совет в своих докладах отмечал некоторое снижение числа верующих на службах. В 1951 г. в отдельные храмы Мо-

²³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 604. Л. 141.

сквы (например, Пименовская церковь в Нововоротниковском переулке, Иоанна Предтечи на Красной Пресне) впервые за послевоенное время можно было свободно войти внутрь в начале 24-го часа²⁴. А в 1954 г. к часу ночи вход в Елоховский собор, где служил патриарх, был свободным, и вокруг него почти никого не было, в то время как в прошлые годы там стояли большие очереди в ожидании службы поздней литургии. Около храмов было много любопытных, которые расходились сразу же после крестного хода. Однако в общем посещаемость церквей в пасхальные дни оставалась высокой, и особенно при освящении куличей и пасок. Из года в год Совет сообщал о беспрерывно движущихся очередях, доходивших в некоторых местах до 3 тысяч человек. В докладе за 1954 г. подмечено, что многие верующие несли освящать помимо своих куличей еще и куличи соседей по квартире, держа в руке по 2–3 узелка²⁵. А в 1955 г. — что некоторые, на вид интеллигентные женщины, приходили в церковь с куличами, которые несли в хозяйственных сумках, скрытыми от глаз посторонних²⁶. Отмеченную скрытность в поведении граждан можно отнести к недавно принятому постановлению ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения».

В 1955 г. Совет, помимо общей докладной записки о праздновании Пасхи в Москве и в других городах страны, подготовил отдельную информацию о присутствии на пасхальной службе иностранцев²⁷. В ночь с 16 на 17 апреля 1955 г. в Московском Патриаршем Богоявленском соборе, где служил патриарх Алексей, на отведенных для иностранцев местах было 140 человек, преимущественно дипломаты и их жены, иностранные корреспонденты и иностранные гости. Персональное перечисление иностранных дипломатов занимает в справке целую страницу.

В записке приводятся восторженные высказывания дипломатов, впечатленных пасхальной службой: «Какая торжественность», «Как великолепно поет хор, почти как в театре и как много народу», «По-

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 748. Л. 130.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1114. Л. 160.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1224. Л. 187.

²⁷ Информационную записку председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова в ЦК КПСС, Совет министров СССР, МИД СССР и МК КПСС от 19 апреля 1955 г. см.: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1224. Л. 174–176.

чему так тесно», «Какая тишина в многотысячной массе», «Какое количество свечей». В Елоховском соборе при вместимости до 6 тысяч человек, собравшихся у церкви, было так много, что по Спартаковской улице было закрыто движение автотранспорта.

Часть иностранных дипломатов, преимущественно военные и военно-воздушные атташе, присутствовали на пасхальной службе в Троице-Сергиевой лавре, причем большинство остались ночевать в городской гостинице. Карпов, верный себе и своей прежней службе, сделал вывод, что этот факт «наводит на подозрение, что интерес у них мог быть не только церковный»²⁸.

В информационных записках в ЦК партии и Совет министров СССР говорилось главным образом о праздновании Пасхи в Москве, другие населенные пункты страны упоминались выборочно, как правило, в связи с каким-нибудь происшествием.

Информация с мест поступала в Совет от региональных уполномоченных.

В 1955 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по г. Ленинграду и Ленинградской области А. И. Кушнарев в своем отчете отметил: «В отличие от прошлого года, в текущем году в магазинах не было продажи т. н. “весеннего хлеба”. Это обстоятельство, видимо, было вызвано известными затруднениями в некоторых продуктах, и даже такой магазин как “Север” в течение месяца не выпекал тортов для продажи населению»²⁹.

«Весенний хлеб», в более позднее время — «кекс весенний», так иносказательно называли в Советском Союзе пасхальные куличи.

В отчете Кушнарера мы видим признаки усиления атеистической пропаганды. Так, в городе Ленинграде в ночь под Пасху, кроме театров, функционировали все дома культуры, а в кинотеатрах были пущены дополнительные ночные сеансы с демонстрацией кинокартин, пользующихся у зрителей, и особенно у молодежи, повышенным интересом. По словам Кушнарера, эти мероприятия «заметно снизи-

²⁸ Возможно, Карпов опасался, что иностранцы заинтересуются продукцией Загорского электромеханического завода «Звезда», известного в городе как «Скобянка», который во время войны выпускал ППШ (пистолет-пулемет Шпагина), противотанковые и ручные гранаты, пиротехнику, в конце 1940-х годов разрабатывал системы управления зенитным артиллерийским огнем, а затем перешел на производство вычислительной машины специального назначения.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1251. Л. 45–46.

ли количество верующих, находящихся вокруг церквей». Безусловно, подобная практика была направлена, прежде всего, на отвлечение от церкви так называемых любопытных. Она применялась и в последующие годы. Например, в апреле 1979 г. в Пасхальную ночь по советскому телевидению показали программу «Вечер Бони М в концертной студии Останкино».

В отчете Кушнарев сослался на распространившийся среди населения слух о женщине в белом: «Накануне праздника Пасхи в здании Никольского собора ночью появилась женщина в белой одежде и на вопрос милиционера, который зашел туда на светящийся огонек — зачем ты здесь? эта женщина ответила — пришла сообщить, что на Пасху будет много снега, а на Троицу много крови».

И что интересно: в воскресенье 17 апреля 1955 г. в Ленинграде действительно выпало много снега, так что эти «провокационные», по выражению Кушнарева, слухи приняли массовый характер, о чем сообщили в Управление Комитета госбезопасности.

Надо сказать, образ призрачной женщины в белой одежде весьма распространен в англосаксонской, германской, славянской и других фольклорных традициях. Появление женщины в белом в таких историях часто описывалось как предупреждение о чем-либо или как знак беды.

В заключение хочу привести слова из Пасхального приветствия 1946 года патриарха Московского и всея Руси Алексия I: «Христиане, как в первые времена призваны были, так и всегда призываются быть светильниками добра и милосердия, дабы светом добрых дел их прославлялся Отец наш Небесный»³⁰.

---

³⁰ <https://foma.ru/pashalnyie-poslaniya-patriarhov-nachala-kontsa-velikoy-otechestvennoy-voyni.html> (дата обращения: 11.02.2022).

О. Л. Лейбович

«КОНЕЧНО, ПЕСТЕЛЬ БЫЛ УМЕН...»

О книге О. В. Эдельман «Павел Пестель»¹

Ольга Эдельман верна себе. Для исторических штудий выбран персонаж из школьной программы по истории, на этот раз Павел Иванович Пестель. Помню картинку из учебника: сдвинутый на три четверти по вертикальной оси портрет офицера в густых эполетах, круглое лицо, полуулыбка, редкие короткие волосы. Человек не молодой и не старый, в меру симпатичный. Настоящий революционер, такому по плечу было не только разбудить Герцена, но и привести декабристов к победе. Предательство помешало. Школьные учебники, как известно, собирают под обложкой общие места, позаимствованные из господствовавшей в науке некоторое время назад парадигмы. В советской историографии Павел Иванович Пестель был представлен в «образе нестигаемого пламенного революционера. Образе, заметим, скроенном по лекалам большевистских мечтаний о самих себе. Теми же качествами наделяли Ленина, Дзержинского, Кирова, таким изображали Сталина в пору его культа, такими их воспевали поэты и ваяли скульпторы: устремленными вперед, к ясно видимой цели, с несокрушимой волей к действию и твердыми убеждениями» (Пестель, 27).

Автор — искушенный исследователь. Она знает: исторические деятели, попавшие на страницы школьных учебников, да еще с портретом, — фигуры легендарные, донельзя мифологизированные. Литературная традиция укрупнила их черты, наградила необыкновенными

---

¹ Эдельман О. В. Павел Пестель: Очерки. С приложением «Русской Правды» П. И. Пестеля [1824] / Ред. Ф. М. Колеров. М., 2022. — 472 с. (Исследования по истории русской мысли. Т. 31). В последующем все ссылки на книгу в тексте будут помещены в круглые скобки: название — Пестель и через запятую номер страницы.

добродетелями, либо, напротив, самыми низменными пороками, наконец, выхватила из их реального окружения и поставила в недлинный ряд героев былых времен. Павел Пестель такой судьбы не избежал.

О. В. Эдельман поставила перед собой задачу: вернуть своему герою его собственную эпоху, дух ушедшего времени — состояние умов и чувств у офицерской молодежи, застигнутой в юные годы «грозой двенадцатого года», участников заграничных походов, за редкими исключениями, в самых малых офицерских чинах, наблюдавших с близкого расстояния, как делается история, а затем силою обстоятельств ввернутых в рутину армейской жизни. В этом случае сравнение полковника Пестеля с пролетарскими революционерами если что-то и проясняет, то только идеологическую ситуацию в советской гуманитаристике, в которой были возможны именно такие исторические параллели.

О. В. Эдельман не приемлет также романтической традиции в биографических описаниях деятелей прошлого, побуждающей историков интересоваться исключительно великими деяниями своих персонажей, игнорируя низменную — телесную, бытовую, повседневную сторону их жизни. Вспомним хотя бы хрестоматийные строки Владимира Маяковского:

«Коротка и до последних мгновений нам известна жизнь Ульянова. Но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново»².

Впрочем, О. В. Эдельман полемизирует отнюдь не с пиитами. Им вполне уместны возвышенный тон и небрежение повседневным бытованием избранных ими героев. В современной историографии декабризма она обнаруживает все те же поэтические черты. Разве что в духе нынешнего времени полковник Пестель изображается демоном разрушения, предтечей тоталитаризма, идеальным воплощением зла. Не могу удержаться от личных воспоминаний. На семинаре в университете столичный ученый, экономист по образованию, в течение получаса обличал местных учителей истории за то, что они не знают, какую страшную участь готовил для России Пестель — наставник Ежова и Берии по части шпионства за населением и выявлением инакомыслящих. Он поминал «Русскую правду», оперируя при этом совершенно фантастическими числами. Экономист, однако.

² Маяковский В. Владимир Ильич Ленин // <https://www.culture.ru/poems/21248/vladimir-ilich-lenin> (дата обращения: 24.04.2022).

О. В. Эдельман предлагает принципиально иную оптику для биографического исследования. Для нее П. И. Пестель — «композиционная фигура» (Пестель, 17). И чтобы адекватно представить его читателю, необходимо внести в повествование в равной по значимости степени истории его частной и публичной жизни, плотное описание разделяемых и предъявляемых им идей, в конечном счете, их деконструкцию, но обязательно вместе с событиями профессиональной — армейской жизни, душевными порывами, бытовыми привычками. Для понимания Павла Ивановича Пестеля важно знать, что был он «человек от природы живой и пылкий, воспитанный педантичной матерью. Научившийся беречь ветхие полотенца, но державший семь верховых лошадей» (Пестель, 198).

Методологическая позиция автора ясна. Она включает в себя несколько пунктов. Первое — очистить биографию П. И. Пестеля от мифологических наслоений: идеологических оценок, романтических преувеличений, просто от элементарных ошибок и необоснованных предположений. Она замечает, что «особенный отпечаток на историографию наложило то обстоятельство, что легендарный образ Пестеля как революционера сложился прежде появления в научном и публичном обороте более реалистичных сведений о нем как человеке и текстов его сочинений» (Пестель, 27).

Второе — увидеть в жизненном пути своего героя сложную комбинацию множества ситуаций: идейных, политических, семейных, профессиональных, бытовых. Именно в них формируется и проявляется личность П. И. Пестеля, его собственное «Я»:

«Представляется, что взгляды Пестеля сложились в результате сочетания и смешения самостоятельно переработанных им немецкой и французской интеллектуальных традиций, из которых он черпал по своему усмотрению. Как мыслитель-одиночка, свободный от среды, политической платформы или университетской школы, он создал таким образом противоречивую, но оригинальную, самобытную систему» (Пестель, 282).

Ольга Эдельман вступает в полемику с устоявшейся историографической традицией, представляющей Пестеля героем романтической драмы:

«В рассказах о Пестеле мы сталкиваемся со стереотипами, пришедшими из актуальной тогда романтической литературы. Необыкновенный ум, сила воли, “нечто иезуитское”, непомерное честолюбие, на-

вязчивое сравнение с Наполеоном, гениальность, неразборчивость в средствах, и притом безукоризненное поведение — вполне характерный набор свойств байронического персонажа» (Пестель, 200).

И чтобы не противостоять в одиночестве всей историографической традиции, она ищет и находит единомышленников, прежде всего С. Н. Чернова, написавшего в 1920-е гг. «очерк о декабристе, который по праву можно считать одной из лучших посвященных ему работ. Этот труд восемь десятилетий оставался неизданным и увидел свет только в начале нынешнего века» (Пестель, 23)³. Советское историческое сообщество в 1926 г. посчитало такой подход к изучению «вождя декабристов» неприемлемым. По этому поводу она процитировала письмо С. Н. Чернова академику С. Ф. Платонову:

«Я был изруган. Тамошняя “великая княгиня” В. Н. Фигнер выступила прямо “императрицей Ириной”, восстанавливающей иконопочитание. Какие-то две старушки сзади ругали меня “черносотенником” и злобно шипели. Первый любовник и благородный отец (Б. Е. Сыроечковский и Д. Ив. Шаховской — очень хороший и милый старик, с которым я очень подружился) произносили патетические речи. Милая простушка (М. В. Нечкина) обличала меня от... Фрейда. Вообще был переполох. И только оттого, что я подошел к Пестелю как к чело- веку...»⁴ (Пестель, 24).

Напоминание о том, как в декабристской комиссии Общества бывших политкаторжан был встречен доклад С. Н. Чернова, отнюдь не кажется случайным. Это служит своего рода предостережением. Автор отдает себе отчет, как будет встречена ее книга адептами романтической историографии. В лучшем случае, замолчат. В худшем назовут наследницей М. Н. Покровского. О. В. Эдельман, на самом деле, сочувственно ссылается на его ранний труд в разделе, посвященном «Русской правде» П. И. Пестеля. К этому сюжету нам еще предстоит вернуться.

Выстроив собственную методологическую позицию, О. В. Эдельман приступает к критическому анализу биографических трудов, по-

³ См.: Чернов С. Н. Декабрист П. Ив. Пестель. Опыт личной характеристики // С. Н. Чернов. Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004. С. 63–181.

⁴ Письма С. Н. Чернова академику С. Ф. Платонову. 1923–1929 гг. // С. Н. Чернов. Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004. С. 263.

священных П. И. Пестелю. По поводу частного сюжета — все той же «Русской правды» она замечает: «Обращаясь к истории исследований и публикации проекта Пестеля, зачастую можно обнаружить, что в некоторых отношениях сама эта историография значительней и увлекательней собственно предмета, находившегося в фокусе ее рассмотрения» (Пестель, 270).

И здесь следует обратить внимание еще на одну черту литературного, а стало быть, и исследовательского стиля Ольги Эдельман, столь редко встречающуюся в исторических повествованиях, — ироничность, что-то вроде *cum grano salis*, или щепотки аттической соли, щедро рассыпанной на страницах ее книги.

Так в полемике со взглядами М. В. Нечкиной автор книги, казалось бы, соблюдает сложившийся в отечественной литературе этикет: Ее «подход подразумевал применение к Пестелю, как и к декабристской мысли в целом, лекал советской схемы развития революционного движения, сейчас он кажется относящимся скорее к истории советской идеологии и исторической науки, нежели к актуальным исследованиям. Это ни в коей мере не отменяет того факта, что без работ М. В. Нечкиной и других ученых той школы никакие дальнейшие изыскания в области декабристологии немислимы» (Пестель, 274). Несколько страницами ранее она отмечает некоторые особенности этого подхода: «Милица Васильевна Нечкина, одаренный и увлеченный исследователь, видела движение декабристов сквозь призму своей эпохи. Невольно она воспринимала декабристские тайные общества в советских категориях докладов, заседаний парткомов, партийных съездов и программ». И далее: «Таким образом, история декабризма моделировалась по лекалам истории РСДРП просто потому, что жившие в то время исследователи именно так представляли себе деятельность революционного тайного общества» (Пестель, 265–266). И тут в памяти всплывает словечко «простушка» из процитированного письма С. Н. Чернова.

К своим современникам О. В. Эдельман более строга. Она не пропускает смешных ошибок в переводах с французского, когда российская императрица меняет пол и статус, превращаясь в государя императора, а с нею и юный адъютант П. Х. Витгенштейна становится доверенным и важным правительственным агентом:

«Обратившись к подлиннику письма, легко обнаружить ошибку переводчика, потому что в оригинале сказано не “двух императоров”, а “двух императриц”. Во французском языке слова “император” (*empereur*) и “императрица” (*imperatrice*) пишутся через разные начальные гласные, и хотя Е. И. Пестель написала сокращенно (“*Imp.*”), заглавная буква читается однозначно. Никаких заданий от двух императоров сразу Павел Пестель, конечно же, не выполнял, просто родители пересылали ему письма петербургских родственников для сослуживцев, в том числе по просьбам императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны» (Пестель, 60).

Ошибка, казалось бы, исправлена, но автор продолжает, рассказывая, как из-за неточного перевода рождается увлекательная легенда:

«В трудах О. И. Киянской одна эта неверно переведенная фраза превратилась в «немало сведений об особом рода “заданиях”, которые ему довелось выполнять», Е. И. Пестель якобы «радовалась, что сын успешно справился с “поручениями”, которые были на него возложены русским и австрийским императорами», а обыкновенные рекомендательные письма обернулись «какими-то важными документами, которые он доставил Витгенштейну»⁵. <... > Оставим в стороне несоответствие этого образа разведчика реалиям наполеоновских войн. Но отчего исследователей не смущала явная несуразность предполагаемого поручения Павлу Пестелю «от двух императоров» с точки зрения банальной служебной субординации? Молодой человек в чине подпоручика, только что определенный адъютантом к генералу Витгенштейну, с минимальным служебным опытом и ничем особенным пока себя не зарекомендовавший, почему-то получает важные поручения дипломатического характера через головы не в пример более заслуженных и опытных флигель- и генерал-адъютантов. Эта странная картина могла родиться только на фоне советской нарративной мифологии, приписывавшей героям проявлявшиеся будто бы с детства или ранней юности необыкновенные способности. В основе этой фантастически разросшейся версии была просто привычка Ивана Борисовича пользоваться возможностью оказать услугу, доставив частное письмо» (Пестель, 60–61).

Я процитировал этот длинный пассаж, поскольку в нем очень выразительно представлена техника работы О. В. Эдельман с чужими

⁵ Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002. С. 59–61.

текстами. Вначале обнаружить ошибку, в данном случае грамматическую, а затем проследить, как из нее уже другой автор сочиняет легенду, а затем проверить ее на соответствие здравому смыслу. Никаких общих оценок объемной биографии П. И. Пестеля автор не дает. Всего лишь одна деталь — а там пусть о научной ценности монографии судит читатель. Грань между иронией и сарказмом здесь незаметно стирается.

К слову, у Ольги Эдельман нет притязаний составить полное научное жизнеописание полковника Пестеля. Напомним, что в подзаголовке ее книги указывается на иной жанр — очерки. Во времена С. Н. Чернова изданный ею том называли бы материалами к биографии.

О. В. Эдельман отнюдь не уверена в том, что для научной биографии Павла Пестеля собрано достаточно материалов. Некогда Марк Алданов удивлялся тому, сколько «деловых бумаг, описей, инвентарей, протоколов, остающихся от рядовых французов: мы знаем в точности (Ленотр), сколько сорочек, шелковых и шерстяных чулок, веев было у жен Фулье-Тенвиля...»⁶. Что касается личных вещей полковника Пестеля, то по полноте сведений автор может поспорить с автором книги «Революционный Париж», признанным знатоком деталей ушедшего быта⁷. О. В. Эдельман была составителем изданного в серии «Восстание декабристов» собрания материалов об их имущественном положении⁸. Она же подготовила к печати семейную переписку П. И. Пестеля⁹.

Зная все эти материалы, Ольга Эдельман обнаруживает лакуны в описаниях жизненного пути своего героя: «Нельзя сказать, что его жизнь досконально отражена источниками, в них много пробелов»

⁶ Алданов М. Фулье-Тенвиль // М. Алданов. Сочинения : в 6 кн. Кн. 2 : очерки. М., 1995. С. 244.

⁷ См.: *Lenôtre G. Paris révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers. 2e série.* Paris, 1903. — 384 р. Есть русский перевод: *Ленотр Ж. Повседневная жизнь Парижа во времена Великой революции / Пер. с фр. Н. А. Тэффи, Е. А. Лохвицкая.* М., 2006.

⁸ Восстание декабристов. Т. 23: Материалы об имущественном положении декабристов / [Федер. арх. агентство, Гос. архив Рос. Федерации; сост. и авт. предисл. О. В. Эдельман]; под ред. С. В. Мироненко. М., 2016. — 775 с.

⁹ Восстание декабристов. Т. 22. Из бумаг П. И. Пестеля (семейная переписка) / [Федер. арх. агентство, Гос. архив Рос. Федерации; сост. и авт. предисл. О. В. Эдельман]; под ред. С. В. Мироненко. М., 2013. — 432 с.

(Пестель, 133). Восполнить их можно разве что художественным воображением, переписывая старые легенды и сочиняя новые.

Ольга Эдельман обращает внимание на то, что современники, характеризуя П. И. Пестеля, постоянно используют сложившиеся в литературной традиции приемы и устойчивые клише:

«Мемуаристика о Пестеле (как, впрочем, и о многих других исторических фигурах) то и дело задает нам задачу: как отличить описание живого человека от литературных образов и штампов. Равно как и понять, в какой мере литературный стиль диктовал человеку поведение, мироощущение, понимание себя самого, влиял на выстраивание личности» (Пестель, 199).

Весь текст книги О. В. Эдельман — содержащиеся в нем 13 очерков — нацелены на то, чтобы под «байроническим персонажем» обнаружить реального человека в соответствующих ему обстоятельствах — офицера и дворянина, почтительного сына и вольнодумца, прагматика и мечтателя, возможно, не в меру высокомерного, не скрывавшего своего интеллектуального превосходства над собеседниками и явно этим их бесившего, хорошего службиста и неудачливого заговорщика, если и «глядевшего в Наполеоны», то им не ставшего. В одном из очерков Ольга Эдельман обращается к образу Германна в «Пиковой даме». По ее мнению, «Пушкин наделил героя “Пиковой дамы” теми же чертами, какие современники находили в Пестеле. Даже и внешним сходством: “черные глаза его сверкали из-под шляпы” (Германн), “небольшого роста, брюнет, с черными, беглыми, но приятными глазами” (Пестель)» (Пестель, 200).

Она отмечает также, что поэт, однажды побеседовавший с армейским полковником, нашел его умным «во всем смысле этого слова», способным вести занимательный разговор «метафизический, политический, нравственный и проч.», готовым удивить собеседника парадоксом (на мой взгляд, заранее заготовленным по случаю и уже опробованным, но отнюдь не остроумным: вполне банальный парадокс на расхожую тему противостояния холодного ума и пылкого сердца, но только с перевернутыми полюсами. — О. Л.): «Mon cœur est matérialiste, — говорит он, — mais ma raison s’y refuse»¹⁰. Заме-

¹⁰ «Мое сердце материалистично, а мой разум ему в этом отказывает» (фр.). Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 8: Автобиографическая и историческая проза. История Пугачева Записки Моро де Бразе. Л., 1978. С. 16.

тим, что Александр Пушкин, он же «сверчок» для своих литературных друзей и недругов, не был избалован в Петербурге умными разговорами. У него была репутация человека несерьезного, легкомысленного, суетливого. Иван Иванович Пущин спустя годы неодобрительно вспоминал, как его товарищ по лицу «либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит»¹¹. Может быть, по этой причине П. И. Пестель произвел на А. С. Пушкина сильное впечатление силой интеллекта, парадоксальностью мышления, разносторонностью интересов.

И тут же О. В. Эдельман замечает:

«Пестель для Пушкина скорее ловкий агент русского правительства, нежели “русский карбонарий”» (Пестель, 204).

Собственно, в 1821 году не только А. С. Пушкин считал его таким. В очерке «Тульчинский штаб, генералы и интриги» она задается вопросом, чем П. И. Пестель заслужил самую нелестную репутацию у важных генералов. Почему генерал А. А. Закревский из Главного штаба постоянно предостерегает своего товарища из штаб-квартиры 2-й армии П. Д. Киселева ни в чем не верить адъютанту главнокомандующего полковнику Пестелю. В конце концов генералы сошлись во мнениях, что Пестель «действительно имеет много способностей ума, но душа и правила черны, как грязь» (Пестель, 146). О. В. Эдельман выясняет, что в истоке резкого неприятия моральных свойств П. И. Пестеля обнаруживается обыкновенная клевета: Павла Иванова считали шпионом А. А. Аракчеева, едва ли не штатным доносителем. «А. А. Закревский недолюбливал немцев и ненавидел графа Аракчеева, и очень естественно, что он сделался распространителем клеветы про Павла Пестеля как аракчеевского ставленника и шпиона» (Пестель, 151).

На полковника Пестеля падала тень отца, которого молодые генералы считали гатчинцем, креатурой ненавидимого ими А. А. Аракчее-

---

¹¹ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма / Сост., вступительная статья и комментарии М. П. Мироненко и С. В. Мироненко. М., 1989. С. 60.

ва, в общем статским «немцем» — бездушным бюрократом, карьеристом, чужаком. Носящий военный мундир сын, дельный, распорядительный, честный, казался А. А. Закревскому еще более вредным и опасным существом, чем его не хватающий звезд с небес родитель:

«Обаянием старшие Пестели не были одарены и не вызвали особых симпатий в обществе. Отчасти, конечно, это объясняется тем, что родовитая аристократия косо смотрела на немцев, да еще и “выскочек”, делавших карьеры, деловитых и энергичных, успешно конкурировавших с русскими барями и оттеснявших их от лакомых должностей и царских милостей» (Пестель, 54). Иван Борисович Пестель старался исправить эту ситуацию, выстраивая и перестраивая патрон-клиентские сети, но в этом мало преуспел, возможно, в силу присущей ему наивности, возможно, в надежде, что обмен услугами сделает его своим в светской среде. Даже вхождение в «узкий круг лиц, бывавших у императрицы Елизаветы Алексеевны» (Пестель, 50) не помогло. Возможно, сыграло свою роль и хроническое безденежье. Старшие Пестели не были рачительными хозяевами. «По воспитанию Павел Пестель был вовсе не беспечным русским баричем...» (Пестель, 56).

Ольга Эдельман посвятила отдельный очерк взаимоотношениям между поколениями в семье Пестелей. Вполне аргументированно доказала, что отец и сын не находились в состоянии перманентного конфликта из-за разности политических убеждений, как об этом много раз писали историки декабризма, что эмоциональная близость между матерью и сыном крайне преувеличена: «В дошедших до нас письмах Елизаветы Ивановны Пестель видна образованность, иногда остроумие, но, вопреки ее репутации <...> незаметно ни особой интеллектуальности, ни тонкости, артистизма, поэтичности натуры. Книжки, круг чтения, умственные интересы занимают в ее письмах, как и в письмах Ивана Борисовича, чрезвычайно скромное место» (Пестель, 62). Как и ее муж, она писала сыну назидательные письма, вновь и вновь напоминая ему о простых правилах нравственности вполне в духе лютеранской морали, приучала быть экономным, добродетельным, уметь нравиться людям, оказывать услуги сильным мира сего, гасить страсти и т. д. О. Эдельман замечает, «что воспитательные усилия старших Пестелей, вся их назидательная дидактика привели к краху» (Пестель, 68). Тем не менее литературный стиль Павла Ивановича Пестеля сформировался под семейным влиянием:

«Его письмо, тяжеловесное, основательное, с громоздкими фразами и склонностью относить глагол в конец предложения, выдает немецкую школу. Это сочинения молодого человека, привыкшего писать под руководством немецкого ученого наставника. Оттуда же манера излагать материал путем перечисления и классификации, нумеруя все положения. Наконец, Пестелю было свойственно писать имена существительные с заглавной буквы столь часто, что это больше похоже не на смысловое акцентирование, а на простую механическую привычку, вынесенную из немецкого языка и сохранившуюся несмотря на то, что по возвращении из Дрездена он писал преимущественно по-французски и по-русски» (Пестель, 279).

Ольга Эдельман ставит вопрос, как соотносятся служебная и условно говоря, революционная активность ее героя, и предлагает отнюдь не банальный ответ.

«Он был амбициозен, честолюбив и стремился к служебной карьере. Вопрос о том, как это сочеталось с его положением участника политического заговора, останется в области предположений и догадок, ясно лишь, что амбиции Павла Ивановича проявлялись в обеих сферах» (Пестель, 170). Наибольших успехов он добился, командуя Вятским полком. Здесь «Пестель действовал прагматично и руководствовался не идеалистическими принципами, а наличными армейскими нравами и реалиями» (Пестель, 191). Под его командование передали воинскую часть в состоянии полураспада: дезертирство, неисполнение приказов, вороватость и неисполнительность начальствующих лиц. И за короткое время он смог навести в полку элементарный порядок и во фрунтовой выучке, и в обмундировании, и в расходовании денежных средств. О. В. Эдельман цитирует полкового историка Л. Л. Плестерера: «Вятский полк после Пестеля перестал быть позорным пятном во 2-й армии». «Пестель замечателен не только как революционный деятель, — писал полковник Плестерер. — Эта выдающаяся личность за короткий период своего командования успела оказать Вятскому полку много незабываемых услуг»¹². Опираясь на материалы, использованные Л. Л. Плестерером, О. В. Эдельман опровергает «гипотезу» О. И. Киянской о Пе-

¹² Плестерер Л. Л. История 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова-Рымникского полка : в 6 т. Т. 4. История Суздальского (1819–1831) и Вятского (1815–1833) пехотных полков. Белосток, 1903. С. 213–214.

стеле как казнокраде, похитившем на революцию полковые деньги: «Несмотря на военные реформы и несколько десятилетий, отделявших полковника Плестерера от эпохи Александра I, он служил в той же самой царской армии и, несомненно, понимал вещи не в пример лучше, чем современная исследовательница, не говоря уже о доступе не к нескольким сохранившимся делам, а ко всему полковому архиву» (Пестель, 182).

Действительно, командиром полка П. И. Пестель был образцовым и, по свидетельству его начальников, сослуживцев по 2-й армии, приведенных им к порядку нижних чинов и даже казенного историографа. А вот что касается Пестеля-революционера, или на языке той эпохи карбонария, здесь, по мнению О. В. Эдельман, все обстоит значительно сложнее. Она задается вопросом: «Что собственно сделали члены декабристских тайных обществ за целое десятилетие, в чем состояла их деятельность, за исключением разговоров между собою? Да, в последние три года существования Южного общества в нем обсуждали планы восстания. Ни один из них не был принят, и первым, кто отвергал все конкретные, предметные проекты, выдвинутые С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым, был как раз Пестель» (Пестель, 27). Павел Иванович готовил революцию особенным образом.

«Никаких проявлений собственно деятельности общества не было. Отзывы о Пестеле его товарищей по тайному обществу, как на следствии, так и позднее в мемуарах, позволяют предположить, что для него тайное общество требовалось главным образом как аудитория, перед которой он мог развивать свои мысли» (Пестель, 284).

В таком случае для П. И. Пестеля Южное общество представляло собой ассоциацию кружков либерального свойства, литературных собраний, не приспособленных к какому бы то ни было прямому действию, в том числе и к военному перевороту. Участники общества, возможно, считали себя заговорщиками, русскими последователями испанского полковника Рафаэля Риго-и-Нуньес. Пестель, однако, видел их учениками, допущенными в лабораторию его интеллектуальной деятельности, готовыми воспринять развиваемые им идеи, собранные в «Русскую Правду». О. В. Эдельман солидаризировалась с мнением М. Н. Покровского, назвавшего П. И. Пестеля «чистой воды “идеологом”». Придавать его “Русской Правде”

значение такого же практического проекта, как конституция Н. Муравьева, например, было бы, конечно, неосторожно, — это было чисто литературное произведение и, как таковое, нечто очень индивидуальное, личное. В случае победы декабристов Пестель, вероятно, имел бы удовольствие видеть свою работу в печати, но едва ли дело пошло бы дальше этого»¹³.

По мнению О. В. Эдельман, «это совершенно забытое, неожиданно трезвое суждение кажется теперь чрезвычайно здравым и актуальным» (Пестель, 28).

Главному тексту П. И. Пестеля посвящены в книге две главы: «"Русская Правда" П. И. Пестеля. История текста и публикации» и «Автор "Русской Правды": консервативный радикал».

О. В. Эдельман, вслед за М. Н. Покровским, отнюдь не считает «Русскую Правду» конституционным проектом. «По форме она совершенно на такой проект не похожа, в отличие от конституции Н. М. Муравьева. По форме, по жанру "Русская Правда" является скорее трактатом и напоминает даже трактат-утопию, описывающий некое воображаемое идеальное, образцовое государство и общество. Это в гораздо большей мере теоретический трактат, нежели программа политической организации и руководство к действию. На следствии, излагая содержание глав своего проекта, Пестель пользовался выражением "глава рассуждала" о тех или иных сюжетах. Очевидно, ему важнее всего было систематизировать и изложить свои взгляды и представления о желательном будущем для России» (Пестель, 283).

Причем, этот трактат труден для восприятия: «у Пестеля ведь во все не было опыта пишущего для публики автора» (Пестель, 285).

О. В. Эдельман опровергла сложившуюся в советской историографии гипотезу о двух редакциях «Русской Правды» — первой конституционно-монархической и второй — последовательно республиканской (Пестель, 267). Свой текст П. И. Пестель начал писать в 1824 г., не закончил, никаких ранних редакций обнаружено не было. «Все, что он сообщил следствию относительно содержания своего труда, подтверждается самой рукописью, и сложно вообразить причины, какие заставили бы его лукавить относительно времени ее написания. Чтобы

¹³ Покровский М. Н. Избранные произведения : в 4 кн. Кн. 2. М., 1965. С. 241.

поставить под сомнение его собственную датировку, требуются очень существенные аргументы» (Пестель, 241).

О. В. Эдельман провела тщательную деконструкцию текста «Русской Правды». Позволю употребить именно этот термин, для автора, несомненно, чуждый. Она поставила проблему происхождения артикулируемых в тексте «Русской Правды» идей, подвергла анализу их содержание вместе с формой и оценила их статус в истории русской (или шире — европейской) общественной мысли в эпоху Просвещения.

«В сущности то желанное общество будущего, какое рисует Пестель, выглядит очень архаично, являясь возвратом к воображаемой сельской идиллии прошлого. Граждане кормятся хлебопашеством, судьба городов неопределенна (похоже, они казались Пестелю не вполне нормальным видом человеческого общежития), фабрик и наемных рабочих должно быть как можно меньше, только в пределах необходимого. <... > Ощущение архаизирующего характера “Русской Правды” складывается из самого названия, отсылающего к древнерусской истории; из стремления автора переводить все иностранные термины на русский язык, а недостающие конструировать в стиле шишковского псевдорусского, превращая артиллерию в бронемет или огнемет, эполеты в наплечники, провиантскую службу в кормовую, квартирмейстерскую часть в размысл, флот в плавень, секретаря в дьяка, казарму в ратожиле (или достойное советского новояза “военжиле”» (Пестель, 302–303).

Более того, «во многих отношениях текст Пестеля выглядит гораздо более тяжеловесным и архаичным, чем стоящая за ним политическая мысль. Декабрист, в сущности, вовсе не собирался возрождать к жизни античную или древнерусскую республику во всей полноте, отсылки к ним служили лишь символической декларацией, демонстрацией исторической преемственности. Он ввел в свой проект название “Народная Веча”, но применил его к парламенту, а верховную исполнительную власть наименовал “Державной думой”, что вовсе не соответствовало реальным функциям этих исторических институций. Вместе с прочей архаизирующей терминологией это призвано было указать на связь одновременно как со старинной демократической традицией, так и с национальным характером нового строя» (Пестель, 309).

Текст указывает на доступные автору интеллектуальные горизонты. «Как мыслитель Пестель был в значительной мере одиночкой, самоучкой, со всеми вытекающими из этого положения особенностями. Здесь истоки и оригинальности его сочинений, и некоторой их бесформенности и громоздкости, а местами темности, неясности» (Пестель, 284). Стоит заметить, что некоторое косоязычие вполне могло быть привлекательно для офицерской аудитории, отнюдь еще не освоившей новый для них комплекс идей. А неясность привлекала загадочностью и прибавляла авторитет оратору. «По кругозору и образованию он, по-видимому, заметно превосходил своих собеседников в Тульчине». С ним не решались спорить. (Пестель, 284).

Оценивая главный труд П. И. Пестеля, Ольга Эдельман ставит результирующий диагноз:

«Он не был выдающимся мыслителем и гуманистом, его политический кругозор и прозорливость были ограничены, он разделял многие убеждения и предрассудки своего времени. Но вчитываясь в буквальный смысл его текста, можно заметить, что там нет жесткой бинарной оппозиции государства и личности, государства и общества, появившейся у политических теоретиков значительно позднее. У него было обостренное чувство справедливости; требовавшее уравнивания прав и положений. Он отчетливо представлял себе целостность государства и общества. Но свободу индивидуума он готов был допустить только в заранее строго ограниченных рамках: ведь если человек твердо держится истинного пути и строжайшей добродетели, то и выбора у него, в сущности, не остается» (Пестель, 310, 312).

В тексте П. И. Пестеля явно выделяются несколько пластов: апелляция к якобинской мысли о тождестве добродетели и гражданства; апология исторического прошлого, свойственного доминирующему в тогдашней литературе романтизму, восприятие социальной несправедливости как чего-то неуместного в человеческом общежитии, — восприятие, сложившееся под влиянием личного опыта и отголосков социалистических европейских идей, доведенный до крайних пределов этатизм французского, или прусского образца и идеализация вечного начала в русской истории.

Собранные под одной обложкой статьи из разных журналов и сборников приобрели новое свойство. Они представили аргументированную источниками убедительную целостную реконструкцию жизнен-

ного пути П. И. Пестеля — без легенд, домыслов и сплетен, но также представили обстоятельства времени и места, в которых родилось и погибло декабристское движение, в том числе культуру офицерской среды с ее интригами, страхами, сплетнями, маленькими и большими хитростями, едва прикрытую правилами хорошего тона.

О. В. Эдельман представила читающей публике еще одну хорошую книгу.

О. В. Эдельман

**Е. М. БОЛТУНОВА. ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЬСКИЙ
КОРОЛЬ: КОРОНАЦИЯ НИКОЛАЯ I
В ВАРШАВЕ В 1829 г. И ПАМЯТЬ О РУССКО-
ПОЛЬСКИХ ВОЙНАХ XVII — НАЧАЛА XIX в.
М.: Новое литературное обозрение, 2022**

Отечественная историография традиционно уделяет небольшое внимание изучению Польши (равно как и Финляндии) в составе Российской империи. Польша столь привычно считается другим, отдельным государством, что даже такие темы, как переговоры декабристов с представителями польских тайных обществ, реакция русских на польские восстания 1831 и 1862–1863 гг., отношения А. И. Герцена с польскими революционерами — проходят скорее под рубрикой «отношения России и Польши», несмотря на то, что Польша в этот период была частью империи. Именно это поле исследования, несомненно актуальное и изобилующее непроясненными вопросами, привлекло автора недавно вышедшей книги. Собственно, даже простое замечание, что последним польским королем являлся не кто иной, как Николай I, многим может показаться неочевидным. И это — один из вопросов, занимающих Е. М. Болтунову.

После вхождения Царства Польского в состав Российской империи император Александр I принял титул царя (или, по-польски, короля) польского. Е. М. Болтунова отмечает проблему наименования — царь или король, — и выбирает сбалансированный способ словоупотребления: глядя из России, есть Царство Польское и его царь, а из Польши, по-польски — Королевство и король. Союз двух стран мыслился через особу монарха, в остальном Польша сохраняла широкую автономию: имела свой Сейм, свое правительство, свой отдельный от обще-

российского бюджет, исчислявшийся в золотых, армию, состоящую из местных уроженцев, делопроизводство на польском языке. Мало того, самодержавный властитель в своей польской ипостаси оказывался конституционным монархом («Странно видеть Государя самодержавного, обладающего 50 миллионами народов на третьей части полушария, говорящего конституционным языком и представляющего власть свою ограниченною перед горстью народа, всегда России враждебного», — недоумевал современник (с. 11)). Согласно конституции, дарованной в 1815 г. Александром I Царству Польскому, император должен был короноваться польской короной. Сам Александр I, впрочем, короноваться не стал, причины такого решения неочевидны и требуют дальнейшего исследования (как и многие другие проблемы, обозначенные Е. М. Болтуновой). Однако, согласно конституции 1815 г., преемники его должны были возложить на себя польский королевский венец. Для вступившего на престол Николая I это означало целый ворох проблем. Не говоря уже о том, что самодержцу следовало присягнуть на верность конституции, каким образом православный царь мог принять корону католической Польши? В какой мере допустимо участие в обряде католических иерархов? Если не в католической церкви, то где и как проводить церемонию и каков должен быть собственно церемониал? Наконец, какую корону использовать: выяснилось, что подлинные государственные регалии Польши утрачены. К этому прибавлялись непростые отношения молодого императора со старшим братом Константином, представителем русского государя в Царстве Польском, взявшим на себя защиту польских интересов. После отречения Константина от престола отношения с ним младшего, но царственного брата сделались несколько запутанными и натянутыми.

По всей видимости, сама по себе идея польской коронации Николая I вовсе не радовала, но он счел ее своим долгом. Человек долга, создававший себе образ рыцаря Николай вплоть до самого польского мятежа неукоснительно уважал конституцию 1815 года. О том, как и когда провести коронацию, император переписывался с Константином Павловичем начиная со своего воцарения и вплоть до весны 1829 г. В промежуток вместились два значимых события. Первым было расследование в Варшаве по делу о польских тайных обществах (оно шло параллельно с петербургским следствием над декабристами,

но затянулось значительно дольше), в результате которого сеймовый суд вынес несуразно мягкий приговор, возмущивший не только Николая I, но и Константина. Вторым стала русско-турецкая война, когда император лично отправился на театр военных действий и требовал от Константина Павловича прислать хотя бы символическое количество польских войск, дело было не в потребности в дополнительном контингенте, а в желании Николая создать род боевого братства между русскими и поляками, которые ведь совсем недавно сражались на стороне Наполеона — но Константин уклонился (с. 68–70).

Наконец, в мае 1829 г. варшавская коронация состоялась. Первая половина книги Е. М. Болтуновой посвящена ее подготовке, подробностям церемониала, символического ряда. Методически автор следует здесь за Р. Уортманом, который показал перспективы рассмотрения праздничных церемоний как акта самопрезентации верховной власти, ее символического послания подданным и сторонним наблюдателям¹. Применительно к варшавской коронации этот подход показал себя чрезвычайно плодотворным.

В преддверии коронации обсуждались малейшие детали: как Николай I и императрица Александра Федоровна въедут в Варшаву, где и кто будет их встречать. Местом церемонии был выбран зал Сената в Варшавском замке, корону Николай возложил на себя сам, приняв ее из рук католического примаса. Ни о каком миропомазании речи не шло, но перед церемонией регалии были торжественно освещены в костеле Св. Яна. На свою супругу Николай надел не корону (она уже была на голове императрицы при входе в зал), а цепь ордена Белого Орла, переработанную таким образом, что в ней чередовались знаки самого ордена, двуглавый русский орел с польским черным орлом на груди и вензели Александра I. Основным цветом праздника был малиновый, считавшийся национальным польским цветом: малиновые драпировки зала, балдахины над императорским помостом, мантии царственной четы, малиновое платье на Александре Федоровне. Повсюду фигурировали гербовые польские орлы и вензель императора, образованный от польского варианта его имени — «М» — «Миколай». Русские орлы были почти незаметны. В парадной процессии с выносом регалий были задействованы исключительно польские во-

¹ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М., 2004.

енные и гражданские чины, русская свита осталась в стороне (с. 143–147). Языки использовались французский и польский, причем император несколько раз показал, что понимает по-польски (с. 197). Никто не требовал от поляков понимать по-русски. Для шествия в костел Св. Яна был сооружен помост, обтянутый красным сукном; на площади и улице устроили места для зрителей. Очевидцы уверяли, что все сукно с помоста затем жители польской столицы изорвали на память, всякий хотел унести хоть клочок (с. 152). Из костела Св. Яна процессия возвратилась в замок, а император с императрицей отправились на обедню в православную церковь и уже оттуда прошествовали обратно в зал Сената. Польские войска прошли перед государем парадом, находившиеся в Варшаве русские войска были построены, однако в шествии не участвовали. Таким образом, вся церемония, как показывает Е. М. Болтунова, тщательно перебирая ее подробности, была ориентирована исключительно на поляков. Более того, «в рамках церемонии соотношение между православием и католичеством оказывалось резко смещено в сторону последнего» (с. 156), и это при глубокой, искренней религиозности Николая I.

За отсутствием исторических польских регалий из московской Оружейной палаты привезли корону императрицы Анны Иоанновны (с. 109–112). Чтобы почтить поляков, была взята не та корона, какая использовалась в Москве при коронациях Николая I и его непосредственных предшественников; в то же время царь ведь мог приказать создать заново специальную корону для Польши — но не счел нужным. Столь же тщательно выбирали меч, который Николай держал в ходе церемонии: это был меч Яна Собесского, победителя турок под Веной. Меч, впрочем, по иронии судьбы оказался русским военным трофеем, захваченным в 1813 г. при отступлении польских легионов Наполеона, и прибыл теперь в Варшаву из Петербурга (с. 117). Выбор этой регалии был сопряжен с теми отсылками к польской истории, какие сопровождали и саму коронацию, и последующие торжества. В качестве своего символического предшественника Николай Павлович мог бы апеллировать к образу последнего перед разделом Польши короля Станислава Августа Понятовского, фаворита Екатерины II, сторонника союза с Россией, окончившего дни в Петербурге. Но эта фигура была сочтена неподходящей: «Потерявший страну, отрекшийся от власти, зависимый, Станислав Август никак не мог быть полезен

для выстраивания нового нарратива единения. И главное — подобная апелляция была бы плохо принята в Царстве Польском» из-за ассоциации с разделами страны (с. 186). Не стал Николай обращаться и к образу Августа II Сильного, союзника Петра Великого. Образцовым историческим королем Польши, напоминания о котором были использованы в коронационной символике, стал Ян Собеский. Тем более что имелась актуальная параллель в виде войны с турками.

Внимание к деталям парадных церемоний позволяет Е. М. Болтуновой сделать на редкость тонкие, глубокие и важные наблюдения о характере присутствия Польши в составе империи и взаимоотношениях двух вновь соединенных стран. Основная, московская коронация летом 1826 г. была проведена традиционным образом, во все безо всякой оглядки на то, что теперь под скипетром царя имеется еще и Польша. Поляков не было среди многочисленных депутатов (черкесы, киргизы, армяне, грузины, калмыки и др.), более того, даже среди гербов подвластных царю земель на балдахине трона не было польского (с. 43–44). Священная церемония, сопутствующие длительные торжества, изданный к коронации манифест факт наличия Польши в составе державы игнорировали. Но и варшавская коронация, торжества и манифест были адресованы исключительно полякам и практически не содержали в своем символическом ряду упоминаний о принадлежности Царства/Королевства Польского к Российской империи. «Тот факт, что их король являлся одновременно российским императором, был признан, но удивительным образом к Российской империи это не имело почти никакого отношения. [...] Иными словами, территория, входившая в состав Российской империи на правах автономии, не считала необходимым осмыслять или даже просто отмечать это обстоятельство. При этом, как ни удивительно, из Петербурга или хотя бы из варшавской резиденции великого князя Константина Павловича не поступало предписаний, прямых или косвенных, “заметить” огромную территорию к востоку от границы Царства Польского» (с. 41). Очень любопытен в этой связи предпринятый автором разбор текстов обоих манифестов. Равно как и замечание, что польский манифест остался почти неизвестен в России, а о состоявшейся в Польше коронации в русских газетах писали наряду с другими новостями, не более того. И именно так она и была воспринята русской публикой.

Это парадоксальное положение было, конечно, обусловлено проблемными отношениями двух народов, неизжитой исторической враждой. Царство Польское было включено в Российскую империю после русского похода Наполеона, участвовавшие в котором польские войска играли самую активную роль. Русские ветераны 1812 года, составлявшие окружение и Александра I, и Николая I, прекрасно помнили о том, что поляки на поле боя были врагом даже более злым, нежели сами французы, а жители Москвы не забыли бесчинств поляков в оккупированном городе. Спустя всего три года император Александр уже делал милостивые жесты в адрес своих новых подданных. Была избрана политика и риторика великодушного прощения и забвения былых обид. Е. М. Болтунова приводит выразительные аргументы, почерпнутые из проштудированных ею документов Министерства финансов. Император не только отверг все предложения (среди прочих А. А. Аракчеева) обложить Польшу жесткими реквизициями, но, напротив, дал ей многочисленные таможенные, торговые и промышленные льготы в ущерб собственно русским территориям. К примеру, Россия терпела убытки из-за ввоза дешевого польского сукна. Польская армия, пестуемая Константином Павловичем, финансировалась втрое щедрее в сравнении с русской. Сохранили свое положение польские офицеры и чиновники, служившие Наполеону и воевавшие на его стороне, более того — царь возместил Польше издержки, связанные с нахождением на ее территории русской армии в 1813–1815 гг. и даже недоплаченное императором французов жалование польской армии (с. 301–308). Особо выразительна история о том, как Александр затребовал в 1814 г. огромную сумму в 4 миллиона рублей на содержание больных в польских госпиталях. Русская публика еще слишком хорошо помнила о погибших в занятой неприятелем Москве русских раненых; Министерство финансов «фактически саботировало распоряжение императора» и выплатило только около полутора миллионов. Для сравнения, сходная сумма в 4 миллиона была выделена на восстановление разрушенного боями 1812 года Смоленска (с. 309–311). Предполагалось, что поляки поймут и оценят выгоды существования в рамках Российской империи.

Анализируя способы, какими верховная власть создавала идеологию единства России и Польши, автор выстроила небанальную и весьма удачно работающую структуру книги. Начав с коронации, она дви-

нулась в обратном хронологическом порядке сначала к болезненным воспоминаниям 1812 года, затем к еще более отдаленному историческому преданию о событиях Смутного времени, попытке посадить на московский престол польского королевича, Марине Мнишек, Лжедмитрии, изгнании поляков из Кремля. Преданию тем более важному, что именно эти события привели к воцарению Романовых, то есть предание это было основополагающим для династии. Однако и применительно к нему, как показала Е. М. Болтунова, был найден некий примирительный модус с акцентом на польскую доблесть и независимость, поляки представляли достойным уважения противником. Свою роль, как в литературе, так и в реальности, играл также мотив «прекрасной полячки». Среди прочего, автор закрыла небольшой, но досадный пробел в нашей историографии, пояснив, благодаря какой законодательной коллизии подданные России польские аристократки, католички, имели возможность свободно разводиться и вступать в повторные браки: они блистали в Петербурге, имели репутацию скандальную и притягательную и осуществляли эффектные и очень выгодные марьяжные комбинации.

Успех избранной политики примирения был сомнительным, что и показало восстание 1830–1831 гг. Польское общество не желало и не было принуждаемо интегрироваться в организм империи, русское же, не возражая вслух против деклараций примирения и великодушного прощения, тем не менее польской враждебности не забыло, к тому же почувствовало себя ущемленным: казалось, что император Александр любит поляков больше, нежели своих соотечественников и верных подданных. После польского восстания возникла тема «польской неблагодарности». Упрек в неблагодарности не раз публично высказал сам Николай I. Однако Е. М. Болтунова указывает на целый ряд веских признаков того, что даже это не привело к фундаментальной перемене курса имперской власти относительно Польши. В той же риторике Николай I снова появился мотив возможности прощения. С Польши, по сути, не взыскали убытков за восстание, высланные в глубь империи мятежные польские генералы получали по-прежнему содержание согласно чинам и званиям. «Иными словами, российская казна платила и платила, записывая расходы в долг. Очевидно, современники, замечавшие, что на содержание Польши тратились значительные ресурсы, в большинстве своем не подозревали о масштабах явления» (с. 316–317).

В сущности, это неудивительно. Наличие Польши в составе империи заставляло обязательно добиваться некоего модуса сосуществования. Придумать нечто иное помимо идеи примирения и забвения обид было затруднительно. «По сути, александровская, а затем и николаевская идеология мира в регионе, которая зиждилась на забывании и установках на создание нового единства, продемонстрировала явную устойчивость. При резкой смене политического вектора отказаться от этих установок было непросто даже военным. Образы независимой в своих суждениях Польши, ее храброй и боеспособной армии, ее территории, которая безотносительно происходящих событий не должна пострадать ни экономически, ни ментально, в известной степени определили действия Константина и двух командующих русской армией в 1830–1831 гг.» (с. 476). По-видимому, на нечто подобное неизбежно обречены народы соседствующие, разделенные исторической враждой, но объединенные политически. На фатальную повторяемость той же коллизии автор указывает в эффектном финале книги, намекающем заодно на дальнейшие богатейшие исследовательские перспективы: «Имперская стратегия забывания, столь востребованная при последнем польском короле, оказалась актуальной и в СССР. [...] К 1955 г. в Варшаве был возведен Дом науки и культуры, сталинская высотка, ставшая подарком Советского Союза Польской Республике. Она возводилась три года, во время которых на объекте работали тысячи советских рабочих. Средств, потраченных СССР на этот проект, могло хватить на восстановление половины тогдашнего Смоленска, лежавшего после войны в руинах» (с. 490).

Григорий Кан

ОТ НЕЧАЕВА ДО ДЕГАЕВА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л. Я. ЛУРЬЕ¹

Книга Л. Я. Лурье состоит из двух частей. Первая — «Перепись народников. Социально-демографический состав революционеров. 1871–1886» является отредактированным и дополненным вариантом защищенной автором в 1987 г. диссертации. Вторая часть — «Вокруг дегаевщины: буря и шатания» — представляет из себя новую работу.

Глава 1 рассказывает о словаре «Деятели революционного движения в России» (М., 1929–1934; в дальнейшем — Словарь) как источнике историко-статистического исследования. Сама по себе идея использования статистических данных для изучения движения 1870–1880-х гг. кажется нам творческой и плодотворной. Вначале рассматривается литература и источники о социально-демографическом составе и численности деятелей народнического движения, вышедшая до словаря. В их числе записка чиновника III Отделения М. М. Меркулова, написанная в 1877 г. Сообщается, что ее одобрил «министр внутренних дел Д. А. Валуев» и приводится его отзыв (с. 19–20). Тут уже начинаются характерные для книги небрежности и фактологические ошибки: Валуева звали Петром Александровичем, и в 1877 г. он был министром государственных имуществ, а пост министра внутренних дел занимал раньше — в 1861–1868 гг.² Говорится также и о книге Н. А. Троицкого «“Народная воля” перед царским судом» как вышедшей в 1967 г. (с. 24), в то время как она вышла только в 1971 г. Впрочем, обзор и анализ литературы сделан достаточно тщательно.

---

¹ Лурье Л. Я. Перепись народников: от Нечаева до Дегаева. СПб., 2022. 304 с.

² Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 107–108.

В следующих параграфах данной главы речь идет уже о самом Словаре как источнике историко-социологического исследования и о методике статистической обработки материалов Словаря. Делается вывод о существенной полноте и содержательности материалов Словаря (особенно за 1870–1880-е гг.) (с. 32–34). Детально обосновывается методика статистической обработки материалов Словаря (с. 35–41). Она логична и сообщает сведения о человеке применительно к четырехлетним промежуткам, на которые автор разбивает революционное движение 1871–1886 гг. Недостатком является то, что к работе не привлекается неопубликованная часть материалов Словаря, посвященная 1880-м гг. (начиная с буквы «И»)³. Это существенно снижает ценность всего проделанного Лурье труда.

Глава 2 посвящена основным закономерностям эволюции численности, сословного, профессионального и возрастного состава деятелей русского освободительного движения 1814–1886 гг. Все это исследовано скрупулезно, с использованием таблиц и графиков (с. 46–62). Делается вывод, что движение развивалось скачкообразно, каждая новая плеяда революционеров быстро сменяла другую и уже не могла оказывать непосредственное влияние на молодежь. Лишь декабристы и особенно народники 1871–1886 гг. существовали долго и сохраняли определенную преемственность. Последние отличались существенным ростом своей численности и высокими требованиями к своим деятелям, что позволило создать организацию из профессионалов революции (с. 64–65).

В главе 3 анализируются социально-демографическая структура лидеров народнического движения и революционные народники как сверстническая группа. Выделение лидеров и рассмотрение движения 1870–1880-х гг. как истории поколения можно только приветствовать — это по-настоящему новый и креативный подход к изучению темы. Списки лидеров с годами рождения и указанием принадлежности к тем или иным организациям даются в специальном Приложении (с. 108–117), там же помещены различные таблицы и графики, посвященные как лидерам, так и остальным деятелям народнического движения (с. 117–128).

При этом в общем списке много ошибок с именами, сведениями о принадлежности к тем или иным революционным структурам и, что

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1332–1404.

особенно важно, с датами рождения. Полный список обнаруженных неточностей, как в данном случае, так и в позднейшем тексте, дается в приложении к рецензии. Добавим также, что в числе лидеров движения 1883–1886 гг. почему-то отсутствует М. Р. Гоц, руководивший в 1885–1886 гг. московской народовольческой группой⁴.

Можно с пониманием отнестись к единичной ошибке. Но когда, исходя из года рождения человека, определяется возрастная состав лидеров, его соотношение с возрастом массы участников движения, разрыв между ними, возрастная структура и ее динамика, а даты перепутаны, и подчас на три, пять или даже десять лет, это уже ставит под сомнение все выводы автора по данному вопросу (с. 72–74, 125–128).

При этом большое место в книге занимает идея о том, что лидеры народнического движения были именно сверстнической группой с определенными общими чертами и ценностями (с. 75–76). Так, справедливо заявляется, что сравнительная либерализация общественной жизни в пореформенные годы воспринималась ими как нечто изначально данное, а реакция, отчасти наступившая после 1866 г., — как лишение того, что уже имелось. Говорится и о демократизме родительского круга семидесятников (с. 78). Высказывается и такая мысль: «Будучи по преимуществу верующими, народники в гораздо большей степени, чем их предшественники нигилисты, восприняли христианский гуманизм и эгалитарные тенденции раннего христианства» (с. 79). С этой мыслью можно согласиться, но она доказана слабо. Помимо И. Н. Мышкина и С. И. Бардиной, на которых ссылается автор, Евангелие и личность Христа сыграли определяющую роль для таких крупных революционеров, как А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, М. Ф. Грачевский, С. Г. Ширяев, В. И. Засулич, Д. А. Лизогуб, Н. А. Чарушин⁵.

⁴ Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 3. Вып. 2. Стб. 939.

⁵ Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 143, 150; Суд над цареубийцами. Дело 1-го марта 1881 года / Под ред. В. В. Разбегаева : в 2 т. Т. I. СПб., 2014. С. 9; Корнилова-Мороз А. Перовская и основание кружка чайковцев // Каторга и ссылка. 1926. № 1. С. 11, 16; Фигнер В. Студенческие годы // Фигнер В. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1932. С. 92, 95–96; Фроленко М. Ф. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 268; К биографии М. Ф. Грачевского // Каторга и ссылка. 1929. № 11. С. 142–143, 147; Тюремные письма С. Г. Ширяева к А. Д. Долгоруковой // Каторга и ссылка. 1932. № 10. С. 204; Засулич В. Воспоминания. М., 1931. С. 13–15; Дмитрий Андреевич Ли-

Рассматривая круг юношеского чтения будущих семидесятников, автор выделяет две фигуры — Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского (с. 80–83). И если влияние Писарева подвергается анализу (правда, не слишком подробному), то о Чернышевском, которого Чарушин называет «преимущественным нашим учителем жизни»⁶, говорится в одном абзаце, где причиной нежелания писать об этом более основательно названо то обстоятельство, что этот сюжет хорошо освещен в литературе. Нам не кажется обоснованной такая мотивировка, тем более что эта проблема достаточно важна для понимания психологии и мировоззрения семидесятников. Наилучшим образом она разработана в не использованной автором статье Э. Л. Афанасьева⁷, где, в частности, тщательно исследовано непосредственное влияние образа Рахметова на поведенческие принципы народовольцев (Лурье ошибается, утверждая, что специальной работы по этой теме нет).

Очень большим недостатком книги является то, что в ней не проанализировано воздействие на семидесятников целого ряда авторов — П. Л. Лаврова, Н. А. Добролюбова, В. В. Берви-Флеровского, Ф. Лассаля, Д. С. Милля, Г. Т. Бокля, И. С. Тургенева, Ф. Шпильгагена, позднее П.-Ж. Прудона, К. Маркса, Н. К. Михайловского и М. А. Бакунина. Этому сюжету отчасти посвящена статья Л. А. Колесниковой⁸, незнакомая Лурье. Влияние «Исторических писем» Лаврова, «Государственности и анархии» Бакунина и несколько позже «субъективной социологии» Михайловского было колоссальным и определяющим в революционном воспитании целого поколения, и все это стоило осветить в исследовании, претендующем на широкие обобщения и фундаментальность.

Касясь гимназического обучения лидеров движения 1871–1874 гг., автор отмечает, что они учились в относительно свободных условиях действовавшего до 1871 г. Устава 1864 г., связанного с именем либе-

---

зогуб (Биографический очерк) // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 114–115; Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 65.

⁶ Чарушин Н. А. Указ. соч. С. 63.

⁷ Афанасьев Э. Л. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и жизненный идеал народовольца // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Историко-функциональное исследование. М., 1990. С. 143–182.

⁸ Колесникова Л. А. Мемуары революционеров 1870-х годов об идейно-психологическом воздействии на них литературы // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 96–105.

рального министра народного просвещения А. В. Головина. Учителя часто бывали настроены демократически, и все это вместе толкало будущих народников в оппозицию к режиму (с. 83–85).

Рассказывая о студенческом периоде жизни семидесятников, Лурье совершенно справедливо пишет, что, воспитанные на принципах народолюбия, желания послужить народу и презрения ко всему карьерному и показному, они оказывались в вакууме в университетских городах, с казенщиной в вузах и отсутствием круга общения вне самих себя. Не было у них и контакта с революционерами предшествовавшего десятилетия. Создавались прообразы будущих революционных организаций — кружки, характерной чертой которых была особая этическая культура. Она противостояла бытовому нигилизму, характерному для некоторых кружков 1860-х гг., а также аморализму и цинизму С. Г. Нечаева (с. 88–95).

Для общества «чайковцев» — крупнейшей организации начала 1870-х гг. — были присущи такие особенности, как «крайний ригоризм, рыцарски почтительное отношение к женщинам, полная открытость в отношении к товарищам, отказ от личного имущества и преследования каких бы то ни было эгоистических целей» (с. 95). Такая же этика господствовала и в другом видном сообществе середины 1870-х гг. — «Всероссийской социально-революционной организации» (ВСРО или «москвичи») (с. 98). Подчеркивает автор и то, что в среде семидесятников существовали очень строгие взгляды на любовь, допускавшие ее только в форме брака (разумеется, не церковного, а гражданского). Приводятся многочисленные примеры совмещения семейной и революционной жизни (с. 97–98). Говорится и о том, что среди бакунистов юга подчас господствовали иные кружковые правила — там было меньше спаянности и члену организации предоставлялась большая самостоятельность (с. 99).

В целом, по словам Лурье, главными особенностями революционного социума 1871–1875 гг. были: 1) общность политической программы; 2) появление типа профессионального революционера; 3) отсутствие альтернативы революционной деятельности для профессионала революции; 4) малочисленность членов большинства кружков, связанных только личным знакомством и зачастую еще дружескими узами; 5) узость круга общения, ограничивавшегося представителями сверстнической группы; 6) членов этой группы связы-

вали схожая биография и общий круг чтения, увеличивавшийся груз совместной революционной работы (с. 100). Все эти и более ранние выводы о революционных организациях первой половины 1870-х гг. представляются нам адекватными, хотя следовало бы доказать их правильность более тщательно.

Во второй половине 1870-х гг. к движению присоединяются члены создавшейся в 1876 г. «Земли и воли» (называемые еще «троглодитами»). «Чайковцы» и другие революционеры начала 1870-х гг. первоначально не находят с ними общего языка — землевольцы им кажутся слишком узкопрактичными, лишенными широты и инициативы (с. 101–102). Л. Г. Дейч добавляет по этому поводу, что «чайковцы» «считали “троглодитов” людьми “сухими, черствыми, формалистами”», а они, в свою очередь, находили «чайковцев» чрезмерно сентиментальными и мягкосердечными⁹. Потом эти трения сглаживаются и исчезают, и к концу 1878 — началу 1879 г. в «Земле и воле» оказываются представители почти всех сил семидесятников. Но новая структура строилась уже по другим принципам, нежели сообщества 1871–1875 гг. — не на дружеских связях, а на деловой основе — полезность и честность человека были достаточны для принятия его в члены (с. 102).

В августе 1879 г. образовалась «Народная воля», где во главе стоял Исполнительный комитет (ИК), которому подчинялась довольно многочисленная периферия. Но вместе с тем внутри ИК существовало полное равенство. Таким образом, по мнению автора, между неприятием «генеральства» и необходимостью определенной иерархии был найден компромисс. Жизнь нелегального с постоянной конспирацией и сменой квартир, страшной занятостью и невозможностью сосредоточиться на интеллектуальных занятиях делало ИК замкнутым на себе еще более, чем «чайковцев» и землевольцев (с. 103–104).

Еще одна проблема — тот факт, что члены ИК со временем выбывали из организации вследствие ареста или эмиграции, а приходившие им на смену молодые народовольцы в большинстве своем были исполнителями, а не организаторами и, за редким исключе-

⁹ Дейч Л. Баловень судьбы // Степняк-Кравчинский С. М. Грозовая туча России. М., 2001. С. 400.

нием, не могли выделить из своей среды новых лидеров. Впрочем, эти исключения были подчас достаточно яркими: П. Ф. Якубович, Б. Д. Оржих, В. Г. Богораз, А. И. Ульянов, С. М. Гинзбург, М. В. Сабунаев. Однако и их структуры просуществовали недолго. Лурье делает вывод, что одной из причин поражения народовольцев был все более увеличивавшийся возрастной разрыв между поколением революционеров 1870-х гг. и рядовыми народовольцами (с. 104–107).

Эти идеи интересны, но, во-первых, они нуждаются в более тщательных доказательствах, и, во-вторых, даже шесть перечисленных руководителей (а их на самом деле было больше — еще Л. Я. Штернберг, М. А. Кроль, М. Р. Гоц) ставят под сомнение мысль автора о том, что из исполнителей не могли выйти хорошие организаторы.

Вторая часть книги «Вокруг дегаевщины: буря и шатания» начинается с главы, посвященной Я. В. Стефановичу и его переписке с Л. Г. Дейчем. В разделе 1 «Золотая грамота», почему-то не выделенном в тексте, а имеющемся только в оглавлении, немало неточностей и откровенных ошибок. Давая биографию Стефановича, Лурье неправильно указывает его год рождения, называя 1853-й вместо 1854-го. Там же утверждается, что Стефанович вместе с В. К. Дебогорием-Мокриевичем и Дейчем организовал кружок «южных бунтарей» в 1875 г. (с. 132), что неверно относительно Дейча: он не был в числе основателей кружка¹⁰. Не говорится о самороспуске «южных бунтарей» в ноябре 1876 г.¹¹ и о том, что Стефанович с Дейчем и И. В. Бохановским с начала 1877 г. в Киеве действовали самостоятельно.

Неправильно изображена история с покушением на Н. Е. Горинича 11 июня 1876 г. в Одессе. Во-первых, покушались на него не за откровенные показания 1874 г. (с. 141), а потому, что он, вступив в сношения с «южными бунтарями» в мае 1876 г., вызвал подозрения как возможный агент полиции¹². Во-вторых, удар кистенем по голове Гориничу нанес не Дейч (с. 141), а «бунтарь» В. А. Малинка. Чтобы предполагаемого покойника нельзя было опознать, Дейч облил

¹⁰ Дейч Л. За полвека. Т. 1. Берлин, 1923. С. 237–238.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 310.

¹² Там же. С. 130, 133; Дейч Л. Письмо в редакцию «Общины» // Община. 1878. № 8–9. С. 16–17; Бух Н. К. Воспоминания. М., 1928. С. 132.

ему лицо серной кислотой¹³. Горинович же, как известно, остался жив и потерял зрение. Стефанович в этом деле не принимал никакого участия, находясь в это время в Кишиневе¹⁴.

Повествуя о «Чигиринском заговоре», т. е. о создании Стефановичем и его соратниками весной–летом 1877 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии крестьянской организации «Тайная дружина» с помощью подложной царской «Высочайшей тайной грамоты», пишется о том, что она печаталась за границей. В действительности «грамота» была отпечатана в типографии в Киеве¹⁵.

Следуя известному прокурору-фальсификатору В. А. Желеховскому¹⁶ и не очень добросовестному историку В. Я. Маулю¹⁷, Лурье приписывает «Тайной дружине» невероятно кровожадные намерения: 1) устроить резню «помещиков, представителей других сословий и установленных правительством властей» (с. 141); 2) «в одну назначенную для того ночь перерезать всех начальников, панов, попов и богатых крестьян, а также и жидов» (с. 138). Автор в связи с этим добавляет: «Любопытно, что одним из инициаторов идеи поголовного “вырезания жидов” стал еврей Лев Дейч» (с. 138).

Утверждение насчет Дейча ни одним источником не доказывается. Но неправда и все остальное. Желеховский, лгавший еще в обвинительном акте по процессу 193-х пропагандистов в 1877 г.¹⁸, лгал и в обвинительном акте по процессу 17-ти в 1883 г., где судился Стефанович. Мауль же ссылается на источник, где говорится только о слухах¹⁹, а не об установленных фактах. Автору следовало бы тщательно проверить первоисточники того, что он цитирует, а не доверять им без всякой критики. Убивать в «Тайной дружине» считалось возможным

¹³ Бух Н. К. Указ. соч. С. 132.

¹⁴ Там же. С. 131; Дейч Л. За полвека. Т. 2. С. 159.

¹⁵ Дейч Л. Четыре побега. М.; Л., 1926. С. 21.

¹⁶ Процесс 17-ти народовольцев в 1883 году // Былое. 1906. № 10. С. 197 (обвинительный акт).

¹⁷ Мауль В. Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 228 (у Лурье ошибочно — С. 112).

¹⁸ Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России: Политические процессы, 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 160.

¹⁹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). [Харків], 1934. С. 245.

только «изменников» из числа самих дружинников и «шпионов», т. е. агентов полиции в деревнях²⁰.

Стефанович и его товарищи были арестованы в конце августа — начале сентября 1877 г. и заключены в Киевский тюремный замок, откуда они бежали в ночь с 26 на 27 мая 1878 г. Побег был организован В. А. Осинским, а его непосредственным исполнителем стал М. Ф. Фроленко, устроившийся в замок надзирателем и выведший заключенных. При этом побег почему-то описывается Лурье по вторичному источнику — мемуарам Л. А. Тихомирова (с. 142), хотя есть описания его непосредственных участников — Фроленко и Дейча²¹.

Дальнейшая жизнь Стефановича вплоть до его ареста 5 февраля 1882 г. в Москве — эмиграция, возвращение в Россию, пребывание в «Земле и воле» и «Черном переделе», новая эмиграция, новое возвращение в Россию, вступление в «Народную волю» и его деятельность в ней — рассматривается автором в последующих разделах данной главы. Говорится и о смежных сюжетах — «Христианском братстве», созданном «Народной волей», личностях его деятелей В. С. Гусева и Ф. В. Крылова (с. 143–156). Все рассказано основательно, но есть ошибки в датах (см. Приложение).

Прежде чем перейти к описанию взаимоотношений между Стефановичем и директором Департамента полиции В. К. Плеве и заведующим агентурой Петербургского охранного отделения Г. П. Судейкиным, Лурье описывает все попытки посредничества между правительством и «Народной волей» в 1881–1882 гг. (с. 156–160). Это сделано с некоторыми ошибками (см. Приложение).

Самая интересная часть книги посвящена сюжетам «Стефанович — Плеве» и «Стефанович — Судейкин». Взаимоотношения Стефановича с ними детально описаны им самим в письме к Дейчу от 12–18 марта 1883 г., которое впервые было опубликовано Лурье и А. Б. Рогинским в 1975 г.²² и републикуется в монографии

²⁰ Документы к Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 259; Я. С. [Стефанович Я. В.] Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная дружина» (Опыт революционно-народнической организации) // «Черный передел». Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. М.; Пг., 1923. С. 209.

²¹ Фроленко М. Ф. Как я был тюремным надзирателем // Фроленко М. Ф. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1932. С. 241–275; Дейч Л. Четыре побега. М.; Л., 1926. С. 50–71.

²² Неопубликованное письмо Я. В. Стефановича Л. Г. Дейчу // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 369. Тарту, 1975. С. 161–208.

(с. 167–223). Другое письмо Стефановича к Дейчу — от 21–22 марта 1883 г. — печатается в книге впервые (с. 224–237). Письма снабжены комментариями, впрочем, с множеством ошибок и неточностей (см. Приложение).

Мы в целом согласны с выводами Лурье по поводу поведения Стефановича (с. 163–166, 245–247, 249–251), описанного в его письмах и других источниках. Стефанович, прагматик, чуждый теориям, далекий от заложенных еще «чайковцами» коллективистских моральных норм, считал для себя возможным вести переговоры с людьми власти от своего имени. Власть же была заинтересована в том, чтобы «Народная воля» не беспокоила ее террористическими актами до коронации Александра III. Исходя из этого, Плеве внушал Стефановичу мысль о наличии влиятельной либеральной группировки в правительстве, которой противостоит реакционная ее часть, и призывал его помочь реформаторам. Стефанович, говоря о своей умеренности, изображал из себя деятеля, готового пойти навстречу.

При этом он не давал откровенных показаний и не стал предателем, хотя и подтвердил Судейкину, знавшему этот момент заранее, что человек, живший в Москве под фамилией Прозоровского, — Ю. Н. Богданович. Тут сработала хитрая уловка Судейкина. Не согласился Стефанович и на предложенный Судейкиным план побега, по которому можно было легко выследить других народовольцев. Написанная Стефановичем записка о русской революционной эмиграции²³ в целом тоже не может считаться документом, могущим помочь следствию. Но вместе с тем в поведении Стефановича было определенное малодушие: он хотел избежать попадания в Шлиссельбургскую крепость и большого срока каторги, потому стремился понравиться Плеве, опознал уже казненного С. Н. Халтурина, советовался с Плеве насчет того, как выступать на суде, и произнес на процессе 17-ти, по которому судился, невнятную и совсем не революционную речь²⁴ и т. п. В результате Стефанович получил всего восемь лет каторги, которую отбывал в Забайкалье.

Справедливо обращает Лурье внимание и на тот факт, что в качестве главных фигур среди реакционеров Плеве называет мини-

²³ Русская революционная эмиграция. Записка Я. В. Стефановича // Былое. 1921. № 16. С. 75–85.

²⁴ Нелегальный отчет по процессу 17-ти // Исторический архив. 1999. № 2. С. 164–168.

стра внутренних дел Д. А. Толстого и великого князя Владимира Александровича — это совпадает с тем, что будет говорить Судейкин С. П. Дегаеву. Предложенный Стефановичу Судейкиным план побега тоже очень сходен с осуществившимся впоследствии побегом Дегаева.

Письма Стефановича к Дейчу были перехвачены (может быть, с ведома Судейкина) и прочитаны Дегаевым, который за границей передал их члену ИК «Народной воли» Ошаниной, а не Дейчу. Ошанина сделала из них вывод, что Стефанович «провалил всех». Лишь после протестов со стороны Дейча и Плеханова письма были отданы им Тихомировым, который получил их от Ошаниной. Репутация Стефановича была поставлена под сомнение, и горячие споры о его поведении в 1882–1883 гг. велись и в 1920-е гг. (с. 238–244, 252–254, 266–269). Отметим также, что автор почему-то пишет, что Тихомиров читал эти письма (с. 239), хотя сам Тихомиров это отрицает²⁵.

Вторая глава второй части книги — «Письма Стефановича и “дегаевщина”» открывается хронологией событий (с. 255), в которой содержатся несколько ошибок. Ошибки продолжаются и в биографии Дегаева (см. Приложение). Дегаев, давний агент ИК, был неглупым человеком, хорошим исполнителем и прекрасным психологом, умевшим, когда находил это нужным, понравиться собеседнику. Но при этом он был до крайности честолюбив, тщеславен, самовлюблён и к тому же труслив. Ему страстно хотелось сделать революционную карьеру, управлять, руководить, играть роль, определять судьбы людей. Будучи хозяином народовольческой типографии в Одессе в декабре 1882 г., Дегаев был арестован 18 декабря и вскоре начал сотрудничать с честолюбивым Судейкиным, ставшим уже инспектором секретной полиции всей империи. Дегаев дал Судейкину обширные показания (до наших дней не дошедшие), но дело не ограничилось только этим.

Судейкин предложил Дегаеву почти равноправное партнерство: ему будет устроен побег из тюрьмы, и он, выдав Фигнер, возглавит «Народную волю». Организация совершит убийство Д. А. Толстого и великого князя Владимира Александровича как столпов реакции, а Судейкин сделает карьеру после их гибели. Вместе Судейкин с Де-

²⁵ Тихомиров А. А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 388.

гаевым будут — один через власть, другой через подполье — править Россией и способствовать ее прогрессивному развитию²⁶. Дегаев согласился с предложениями Судейкина.

Вскоре часть намеченного стала претворяться в жизнь: 14 января 1883 г. устроенный Судейкиным побег Дегаева состоялся, он 10 февраля 1883 г. выдал Фигнер и возглавил «Народную волю». Но вот планы насчет покушений, совместного управления Россией и т. п. не осуществлялись, и Судейкин требовал от Дегаева лишь новых сведений о революционерах. В результате честолюбие Дегаева не было удовлетворено. К тому же он начал бояться того, что Судейкин, выжав его как агента, потом сдаст его на растерзание народолюбцам или наоборот — его разоблачат сами народолюбцы, поскольку масштаб арестов был очень велик (в частности, была разгромлена вся Военная организация «Народной воли»).

В конечном счете, Дегаев в мае 1883 г., приехав в Женеву к Тихомирову, сообщил ему о своем предательстве и решил снова работать на «Народную волю», обещая спасти от арестов оставшихся на свободе народолюбцев, а также организовать убийство Судейкина. Затем Дегаев вновь был за границей в сентябре 1883 г. — в Женеве 12–19 сентября и до и после этого в Париже, где общался со многими заграничными народолюбцами. Тогда же он привез и письма Стефановича к Дейчу. Судейкин был убит в Петербурге 16 декабря 1883 г. при участии самого Дегаева, после чего тот эмигрировал в США и сделал там научно-преподавательскую карьеру, став профессором математики.

Лурье несколько уклончиво говорит о майской поездке Дегаева к Тихомирову. Он считает ее высоко вероятной, но, во-первых, почему-то пишет о Париже (с. 255) и общении с живущей там Ошани-

²⁶ О предполагавшихся террористических актах со слов Дегаева писал Тихомиров. См.: Тихомиров А. В мире мерзости запустения // Вестник «Народной воли». 1884. № 2. II пагинация. С. 97–98; От того же Дегаева о намечавшемся убийстве Д. А. Толстого и великого князя Владимира Александровича узнал в конце 1883 г. один из убийц Судейкина народолюбец Н. П. Стародворский. Он также слышал и о планах покушения на В. К. Плеве (Убийство подп[олковника] Судейкина // На чужой стороне. 1925. № 9. С. 211; Процесс 21-го с приложением биографической заметки о Г. А. Лопатине. Женева, 1888. С. 35). Согласно В. А. Караулову (источником информации которого могли быть Тихомиров или Ошанина), Судейкин вел также речь и об убийстве обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева (Убийство подп[олковника] Судейкина... С. 215).

ной (с. 261), во-вторых, заявляет, что цели и итоги его приезда неясны (с. 269). Ездил же Дегаев только в Женеву²⁷, и, кроме того, автор не знает воспоминаний народовольца В. И. Сухомлина о том, что уже летом 1883 г. ему было известно о покаянии Дегаева от Ошаниной и Тихомирова²⁸. Это служит подтверждением признания Дегаева в своем предательстве именно в мае.

Лурье частично перепечатывает в книге опубликованные в 1909 г. в «Голосе Москвы» мемуары Дегаева о своем прошлом, снабдив их примечаниями (с. 271–280), где, как обычно, содержится ряд ошибок (см. Приложение).

Дегаев в своих записках выгораживает и оправдывает себя. Он считает, что был полководцем, спасавшим «Народную волю» ценой сдачи части ее организации, чтобы с остатком нанести удар неприятелю. Заявляет, что не чувствует никакой вины в выдаче Фигнер, поскольку та плохо руководила «Народной волей». На сотрудничество с Судейкиным он решился, ожидая больших результатов как стратегического, так и тактического характера. При этом наличие плана убийства Д. А. Толстого со стороны Судейкина Дегаев отрицает (тут он опровергает то, что сам рассказал Тихомирову и Стародворскому в 1883 г.). Дегаев сообщает, что разочаровался в Судейкине, поскольку тот не прекращал аресты народовольцев, но считает, что продолжал искусно водить его за нос. Тихомиров и Ошанина поддерживали мнение Дегаева насчет Фигнер и вообще верили ему (что можно истолковать как поддержку). Убийство Судейкина Дегаев якобы организовал сам, подобрав нужных людей и проявив большую предприимчивость. И вообще, согласно его собственным мемуарам, его отличительными чертами были ловкость, хладнокровие, мужество и полное отсутствие страха смерти.

Мы совершенно согласны с оценкой историка М. А. Панькиной, что воспоминания Дегаева «дышат буквально дьявольской гордыней» и «автор путается, врет, передергивает, не обращает внимания на мелочи и детали, но хочет показать, что он идейный, что в страшных условиях пытался найти выход»²⁹.

²⁷ Тихомиров А. А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 387, 395.

²⁸ Сухомлин В. И. Из эпохи упадка партии «Народная воля» // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 29, 31, 34.

²⁹ Панькина М. А. Ночь после битвы. Дегаевщина и кризис в партии «Народная воля». М., 2018. С. 170.

Однако Лурье доверяет Дегаеву. Тихомиров и Ошанина в глазах автора полностью солидаризируются с «полководческой» логикой Дегаева и поддерживают его сотрудничество с Судейкиным даже после покаяния, по сути одобряя в том числе и новые выдачи Дегаевым народовольцев. В особенности Тихомиров — он якобы, в сущности, позволил Дегаеву отдать в руки жандармов несколько десятков человек, многие из которых были казнены, умерли в тюрьмах, провели десятилетия на каторге (с. 283–285, 291). Приводятся примеры выдач со стороны Дегаева в июне–ноябре 1883 г. (с. 262–263, 284). Согласно Лурье, Тихомиров смотрел сквозь пальцы и на арест Фигнер. Для подтверждения этого даются цитаты Тихомирова о Фигнер, где очень низко оцениваются ее организаторские и конспиративные способности и будто бы звучат презрительные оценки (с. 283). Последнее совсем неверно: Тихомиров признавал дарование Фигнер как «блестящей агитаторши», высоко оценивал ее воспоминания³⁰.

Версия Лурье выглядит бездоказательной и несправедливой по отношению к Тихомирову и Ошаниной. Другое дело, что нет и твердых доказательств их «невиновности». Тут уже встает вопрос доверия историка к воспоминаниям Дегаева. У нас его нет. По нашему мнению, Дегаев обманывал Тихомирова и Ошанину, делая отдельные выдачи после мая 1883 г., как, впрочем, алал и Судейкину, готовя его убийство.

Касается автор и еще двух «дегаевских» сюжетов. Первый из них — были ли реальностью планы покушений на высокопоставленных лиц со стороны Судейкина. Лурье не дает четкий ответ (с. 286–287), признавая, что Дегаев 1883 г. и 1909 г. противоречит сам себе — по крайней мере, относительно Д. А. Толстого. Мы же склоняемся, что Дегаев в 1883 г. был более искренен, чем в 1909 г. Добавим еще, что, вопреки мнению Лурье, Тихомиров никогда не отрекался от своих слов насчет судейкинских террористических проектов, ставя под сомнение лишь информированность о них Плеве³¹.

³⁰ Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 175–176.

³¹ Лев Тихомиров и Плеве (По неизд. документам): [Письма Тихомирова к Плеве] / Публикатор и авт. вступ. ст.: К. Малахов-Камартан // Красная летопись, 1923. № 7. С. 205–206.

Второй сюжет — это связанные с Дегаевым «утерянные источники»: 1) показания Дегаева Судейкину, данные еще в Одессе в конце декабря 1882 г. или в первую декаду 1883 г.; 2) «ведомость» с различными сведениями, написанная Дегаевым в Париже для народолюбцев в начале 1884 г., уже после убийства Судейкина (с. 287–289).

Относительно первого из источников мы думаем, что он находился в архиве Петербургского губернского жандармского управления или охранного отделения столицы и сгорел во время пожара в начале марта 1917 г. А насчет «ведомости» Дегаева можем сказать точно: она лежит в фонде В. А. Бурцева в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ): Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 912. Л. 15, 22–29. Правда, там нет первой страницы этого документа, посвященного известным Дегаеву сотрудникам Судейкина.

В своем заключении Лурье пересказывает основные мысли по первой части, а относительно второй приходит к выводу, что народолюбцы в лице Стефановича, Дегаева, Тихомирова и Ошаниной возвращаются к отвергнутой в начале 1870-х гг. авторитарной нечужевской практике. Подобное суждение представляется нам преувеличенным и в отношении Стефановича, и касательно Тихомирова и Ошаниной.

Подводя итоги, скажем следующее. В той половине своего исследования, которая посвящена социально-демографическому составу революционеров, Лурье демонстрирует творческий подход и выдвигает интересные идеи, но его выводы часто недостаточно фундированы и доказаны. Содержателен и вполне убедителен раздел, посвященный переговорам Стефановича с Плеве и Судейкиным, а также личности Стефановича. «Дегаевская» часть работы откровенно провисает из-за неточностей и нелепых обобщений. Кроме того, книга Лурье исключительно небрежна, не вычитана и совсем не отредактирована. Автор не очень хорошо знает источники и литературу по теме, допускает много ошибок. От исследования, несмотря на некоторые достоинства, в целом создается ощущение торопливости, поверхностности и не всегда адекватной претензии на оригинальность.

Приложение

**Список ошибок, неточностей и опечаток,
обнаруженных в книге****К сведениям о лидерах народнического движения (с. 108–117):**

Лидеры 1871–1874 гг.: 1) И. И. Добровольский родился в 1849 г.³², а не в 1848 г.; 2) Н. Н. Колодкевич родился в 1849 г.³³, а не в 1850 г.; 3) М. А. Рабинович был членом кружков Ф. Н. Лермонтова и С. Ф. Ковалика³⁴, а не кружка И. И. Каблицы; 4) Александров был не Б., а Василием³⁵, Армфельд была не И., а Натальей³⁶, Муравский был не Н., а Митрофаном³⁷, Судзиловский был не К., а Николаем³⁸; 5) Л. В. Чемоданова родилась в 1855 г.³⁹, а не в 1856 г.

Лидеры 1875–1878 гг.: 1) Н. Н. Богданович никогда не был членом группы «сепаратистов»⁴⁰; 2) приводится еще один Н. Богданович 1846 г. р., тоже из группы «сепаратистов», который, видимо, является Ю. Н. Богдановичем, родившимся в 1849 г.⁴¹; 3) Л. Н. Гартман никогда не входил в Основной кружок «Земли и воли»⁴²; 4) Г. Д. Гольденберг никогда не входил в кружок «южных бунтарей»⁴³; 5) А. С. Емельянов родился в 1852 г.⁴⁴, а не в 1854 г.; 6) В. И. Засулич

³² Чихачева Е. В. Семидесятник Иван Иванович Добровольский (биографический очерк) // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Вып. 13. Саратов, 1989. С. 84.

³³ Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983. С. 378.

³⁴ Деятели революционного движения в России ... Т. 2. Вып. 3. М., 1931. Стб. 1295–1296.

³⁵ Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов, 1991. С. 286.

³⁶ Там же. С. 290.

³⁷ Деятели революционного движения в России ... Т. 1. Ч. 2. М., 1928. Стб. 256.

³⁸ Иосько М. И. Николай Судзиловский-Руссель. Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск, 1976.

³⁹ Шулепов Н. П., Пономарев В. Ф. Лариса Чемоданова. 1855–1923. Киров, 1989.

⁴⁰ Деятели революционного движения в России ... Т. 2. Вып. 1. М., 1929. Стб. 126.

⁴¹ Деятели революционного движения в России ... Т. 3. Вып. 1. М., 1933. Стб. 339.

⁴² Деятели революционного движения в России ... Т. 3. Вып. 2. М., 1934. Стб. 734; Сидоров Н. А. Лев Николаевич Гартман. М., 1930. С. 14–18.

⁴³ Деятели революционного движения в России ... Т. 3. Вып. 2. Стб. 861–862.

⁴⁴ Емельянов Я. Воспоминания о брате А. С. Емельянове (Боголюбове) // Каторга и ссылка. 1930. № 11. С. 179.

родилась в 1849 г.⁴⁵, а не в 1850 г.; 7) И. И. Каблиц никогда не входил в «Большое общество пропаганды» («чайковцы»)⁴⁶; 8) И. М. Ковальский возглавлял собственный кружок⁴⁷, а не был членом кружка несуществующего И. М. Ковалевского; 9) В. П. Обнорский родился в 1851 г.⁴⁸, а не в 1852 г.; 10) В. А. Осинский родился в 1852 г.⁴⁹, а не в 1853 г.; 11) М. Н. Ошанина родилась в 1852 г.⁵⁰, а не в 1853 г.; 12) Ю. М. Тищенко родился в 1856 г.⁵¹, а не в 1854 г.; 13) Н. С. Тютчев был не только членом «Земли и воли», но и входил в ее Основной кружок⁵²; 14) С. А. Харизоментов был в действительности С. А. Харизоменовым⁵³.

Лидеры 1879–1882 гг.: 1) повторяются ошибки в датах рождения Засулич и Ошаниной; 2) Д. Т. Бунинский⁵⁴ назван Д. Бунинским; 3) в списке есть некий С., который, видимо, является С. П. Дегаевым; 6) И. П. Каковский⁵⁵ назван В. Коковским; 7) Л. Д. Дементьева родилась в 1861 г.⁵⁶, а не в 1851 г.; 8) С. С. Златопольский родился в 1856 или 1857 г.⁵⁷, а не в 1855 г.; 9) А. И. Зунделевич родился в 1852 г.⁵⁸, а не в 1854 г.; 10) С. Г. Ширяев родился в 1857 г.⁵⁹, а не в 1856 г.

⁴⁵ Савельев П. Ю. Засулич Вера Ивановна // Революционная мысль в России XIX — начала XX в. Энциклопедия. М., 2013. С. 167.

⁴⁶ Деятели революционного движения в России ... Т. 2. Вып. 2. М., 1930. Стб. 521.

⁴⁷ Там же. Стб. 603–604.

⁴⁸ Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 364.

⁴⁹ Там же. С. 378.

⁵⁰ Моськина Н. В. М. Н. Ошанина в революционном движении 70–90-х гг. XIX в. // «Будущего нет и не может быть без наук ...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 585.

⁵¹ Деятели революционного движения в России ... Т. 2. Вып. 4. М., 1932. Стб. 1708.

⁵² Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 199; *Он же*. «Черный передел» (Страница из истории общества «Земля и воля» 70-х годов) // «Черный передел». Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. М.; Пг., 1923. С. 69.

⁵³ Деятели революционного движения в России ... Т. 2. Вып. 4. Стб. 1867.

⁵⁴ Деятели революционного движения в России ... Т. 3. Вып. 1. Стб. 484.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1335. Л. 37.

⁵⁶ Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). С. 378.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 526. Л. 255.

⁵⁸ Кан Г. С. Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. М.; Бостон; СПб., 2022. С. 128.

⁵⁹ Дмитриева О. Н. Народолюбец Степан Григорьевич Ширяев. Саратов, 2017. С. 29.

Лидеры 1883–1886 гг.: 1) С. А. Иванов родился в 1858 г., а не в 1853 г., и не был членом Распорядительной комиссии «Народной воли»⁶⁰; 2) Н. Караулов 1854 г. р. был В. А. Карауловым⁶¹; 3) М. А. Кроль родился в 1862 г.⁶², а не в 1852 г.; 4) Г. А. Лопатин родился в 1845 г.⁶³, а не в 1854 г.; 5) Н. Шехтер была А. Н. Шехтер и родилась в 1860 г.⁶⁴, а не в 1863 г.; 6) Л. Я. Штернберг родился в 1861 г.⁶⁵, а не в 1858 г.

К с. 143: Стефанович вернулся в Россию и примкнул к «Народной воле» не просто осенью 1881 г., а в сентябре⁶⁶.

К с. 147: Первое заседание «Христианского братства» состоялось не в декабре 1882 г., а в декабре 1881 г. (в книге явная опечатка).

К с. 157: Переговоры «Священной дружины» и «Народной воли» велись не весной 1883 г., а во второй половине 1882 г.⁶⁷

К с. 159: 1) Сноска на публикацию С. Н. Валка по поводу представленной членом ИК «Народной воли» Г. Г. Романенко записки для Александра III не соответствует действительности — там ничего не сообщается о ней⁶⁸; 2) П. Я. Осмоловской к февралю 1882 г. было, по меньшей мере, 20 лет⁶⁹, а не 18; 3) Член ИК С. С. Златопольский был арестован 19 апреля 1882 г. в Москве⁷⁰, а не 5 июня 1882 г. в Петербурге.

К комментариям к письмам Я. В. Стефановича к Л. Г. Дейчу (с. 167–237): 1) адвокат Стефановича Е. И. Кедрин (к с. 167) умер не просто после 1919 г., а в 1921 г.⁷¹; 2) М. Н. Ошанина-Оловенникова, как уже писалось, родилась в 1852 г., а не в 1853 г.; 3) прокурор В. С. Стрельников был

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1335. Л. 13–14.

⁶¹ Там же. Л. 51 об.

⁶² Там же. Л. 169.

⁶³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1352. Л. 9.

⁶⁴ Народовольцы после 1-го марта 1881 года: Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения / под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова и др. М., 1928. С. 190.

⁶⁵ Памяти Льва Яковлевича Штернберга. Л., 1928. С. 1; Памяти Л. Я. Штернберга. 1861–1927. Л., 1930. С. 7.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 14. Л. 127.

⁶⁷ Лебедев И. В. «Священная дружина» в общественной жизни России в начале 80-х годов XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 59–74.

⁶⁸ Из народовольческих автобиографических документов // Красный архив. 1927. Т. 1. С. 205–231.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1352. Л. 177.

⁷⁰ Деятели революционного движения в России ... Т. 3. Вып. 2. Стб. 1541.

⁷¹ Деятели либерального движения в России. Середина XVIII в. — 1917 г. М., 2012. С. 308.

убит в Одессе Н. А. Желваковым 18⁷², а не 19 марта 1882 г.; 4) Л. Н. Гартман умер в 1908 г.⁷³, а не в 1913 г.; 5) Н. Е. Горинович умер в 1912 г.⁷⁴, о чем не упоминается Лурье; 6) С. С. Златопольский, как уже говорилось, родился в 1856 или 1857 г., а не в 1855 г.; 7) И. М. Саранчов умер после 1899 г.⁷⁵, а не после 1890 г.; 8) Ю. Н. Богданович был арестован в Москве 13⁷⁶, а не 15 марта 1882 г.; 9) А. С. Емельянов умер не просто после 1885 г., а в 1892 г.⁷⁷; 10) А. П. Корба умерла не просто после 1937 г., а в 1939 г.⁷⁸; 11) Н. Е. Хрущев умер после 1904 г.⁷⁹, а не после 1889 г.; 12) Н. И. Кибальчич родился в 1853 г.⁸⁰, а не в 1854 г.; 13) И. Н. Дурново родился в 1834 г.⁸¹, а не в 1830 г.; 14) М. Т. Лорис-Меликов родился в 1824 г.⁸², а не в 1825 г.; 15) В. А. Осинский, как уже ранее обозначено, родился в 1852 г., а не в 1853 г.; 16) Фомин (на с. 225) — это тот же А. А. Фомин, что упоминается на с. 180, а не А. Ф. Медведев-Фомин; 17) И. Ф. Окладский не умер в 1929 г.; по крайней мере, 7 ноября 1929 г. он был еще жив⁸³.

К с. 255: 1) переговоры между посредником от «Священной дружины» Н. Я. Николадзе и членом ИК «Народной воли» Л. А. Тихомировым проходили не в феврале–декабре 1882 г., а в ноябре–декабре 1882 г.⁸⁴; 2) Стефанович был арестован не 6, а 5 февраля 1882 г.⁸⁵, о чем ранее правильно писал сам Лурье; 3) Златопольский был задержан 19 апреля 1882 г., а не 5 июня 1882 г., о чем уже писалось раньше; 4) процесс 17 народовольцев закончился не 3, а 5 апреля⁸⁶ 1883 г.

⁷² ГАРФ. Ф. 102. 7-е д-во. 1882. Д. 1916. Л. 1, 2.

⁷³ Деятели революционного движения в России ... Т. 3. Вып. 2. Стб. 735.

⁷⁴ Из жизни Николая Елисеевича Гориновича // <http://carabaas.livejournal.com/60986.html> (дата обращения: 09.10.2022).

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 14. Л. 83.

⁷⁶ Деятели революционного движения в России ... Т. 3. Вып. 1. Стб. 341.

⁷⁷ Емельянов Я. Указ. соч. С. 180.

⁷⁸ Троцкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). С. 386.

⁷⁹ Там же. С. 365.

⁸⁰ Иващенко В., Кравец А. Николай Кибальчич. Историко-документальная повесть. М., 1995. С. 14.

⁸¹ Шилов Д. Н. Указ. соч. С. 233.

⁸² Там же. С. 383.

⁸³ ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 613. Л. 484–484 об.

⁸⁴ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 368, 370; Николадзе Н. Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг., 1917. С. 27–30.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 14. Л. 128.

⁸⁶ Троцкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). С. 385.

К с. 257: 1) Дегаев не был принят В. Н. Фигнер в ИК «Народной воли», а вошел в совсем не тождественную с ИК Центральную организацию «Народной воли»⁸⁷; 2) Судейкин называется Сергеем, хотя был Георгием.

К с. 260: 1) Тихомиров писал свои «Тени прошлого» не в 1918 г., а после 1921 г., поскольку он ссылается на воспоминания Фигнер⁸⁸, вышедшие в этом году; 2) Народолец Василий Караулов ошибочно назван Владимиром.

К с. 262: статья Д. Г. Безюка о Петропавловской крепости и Дегаеве была опубликована в «Каторге и ссылке» не в 1924 г., а в 1931 г.⁸⁹

К с. 264: мемуарист М. С. Коган на самом деле был С. М. Коганом⁹⁰.

К с. 270: провокатора конца 1870-х гг. Ф. Е. Курицына убил не в 1908 г. эсер Гринберг, а в 1906 г.⁹¹ эсер Ю. Г. Грюнберг⁹².

К примечаниям к мемуарам С. П. Дегаева (с. 271–280):

1) А. А. Спандони-Басманджи, как и Дегаев, не был членом ИК, а вошел только в Центральную организацию «Народной воли»⁹³; 2) Ошанина эмигрировала за границу летом 1882 г.⁹⁴, а не в марте 1882 г.; 3) член ИК М. Ф. Грачевский был арестован не 4, а 5 июня 1882 г.⁹⁵; 4) В. П. Конашевич родился в 1859 г.⁹⁶, а не в 1860 г.; 5) Г. Ф. Чернявская никогда не была в кружке «южных бунтарей»⁹⁷.

⁸⁷ Фигнер В. Запечатленный труд. Ч. 1 // Фигнер В. Полное собр. соч. : в 7 т. Т. 1. М., 1932. С. 311–312.

⁸⁸ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 368–369.

⁸⁹ Венедиктов Д. [Безюк Д. Г.] Петропавловская крепость и Сергей Дегаев (к вопросу о отношениях арестованных Трубецкого бастиона с волей) // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 179–218.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1335. Л. 104 об.

⁹¹ Деятели революционного движения в России ... Т. 2. Вып. 2. Стб. 721.

⁹² Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934. С. 170.

⁹³ Фигнер В. Запечатленный труд. Ч. 1. С. 299–300.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1352. Л. 163.

⁹⁵ Деятели революционного движения в России ... Т. 3. Вып. 2. Стб. 954.

⁹⁶ Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). С. 396.

⁹⁷ Чернявская-Бохановская Г. Ф. Автобиография // Каторга и ссылка. 1928. № 5. С. 49–54.

Е. В. Балущкина

«ДИРЕКТОРИЯ. КОЛЧАК. ИНТЕРВЕНТЫ» В. Г. БОЛДЫРЕВА. 1925—2017

В октябре 1924 г. в Новониколаевске (Новосибирске) В. Г. Болдырев — бывший царский генерал, участник Белого движения в Сибири, член Уфимской Директории — написал небольшое вступительное слово для публикации собственных воспоминаний. Как пишет он сам, «по инициативе редакции “Сибирских огней”, вкратце ознакомившейся с моими материалами, мне было предложено Сибкрайиздатом обработать их для отдельной книги»¹. Действительно, в журнале «Сибирские огни» в 1923–1924 гг. было опубликовано краткое изложение воспоминаний В. Г. Болдырева².

Полное же издание увидело свет в 1925 г. Редактором был В. Д. Вегман — член коллегии Сибархива и заведующий сибирским отделом Главлита, сибирский революционер и журналист. Он же был автором предисловия, озаглавленного «В. Г. Болдырев и его воспоминания».

Воспоминания генерала Болдырева — известный и ценный источник по истории Гражданской войны в России. По сути, они представляют собой гибрид воспоминаний и дневниковых записей. Для сверки копии, предоставленной в издательство, с подлинными документами В. Д. Вегман имел в своем распоряжении «только записи с 3 октября 1918 г. по 4 октября 1919 г. включительно и часть записей, относящих-

---

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) / В. Г. Болдырев (бывший главнокомандующий Уфимской директории); под ред., с предисл. и прим. В. Д. Вегмана. Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. С. 15.

² Сибирские огни. 1923, № 5, 6; 1924, № 1.

ся к 1920–1921 годам»³. Обнаруженные при сверке разночтения огоривались в примечаниях после текста, там же находились и другие комментарии редактора. Комментарии же самого В. Г. Болдырева воспроизводились под строкой.

В 2017 г. издательство «Центрполиграф» полностью переиздало книгу «Директория. Колчак. Интервенты»⁴ — вместе с предисловием В. Д. Вегмана, вступительным словом В. Г. Болдырева, комментариями и несколькими приложениями, также имевшими место в оригинальной публикации.

Издание 2017 г. не имеет никакой новизны — книга не дополнена ни указателями, что могло бы существенно облегчить работу с источником, ни новыми комментариями. Но самым необычным фактом является то, что книга не предваряется ни единым упоминанием об оригинальном издании — ни в отдельном предисловии, ни даже в аннотации.

Можно представить себе изумление читателя, открывшего современную книгу и увидевшего в предисловии информацию о том, что «в настоящее время В. Болдырев работает в Сибирской плановой комиссии»⁵!

Был еще один, самый простой способ усовершенствовать книгу 1925 г. — исправить существенные опечатки, которые сами же издатели вынесли в отдельный список, приложенный по издательской традиции того времени в конце. Но создатели переиздания упустили и этот шанс. Приведем в качестве примера: в комментарии В. Г. Болдырева под строкой на с. 470 не полностью приводится фраза из диалога на французском языке: «Le général n'a pas trouvé le moment assez favorable pour...». Согласно списку опечаток, предложение должно заканчиваться словами «...déranger le maréchal»⁶. Однако в этом месте в издании 2017 г. (с. 605) мы спустя почти 100 лет все еще видим предложение неоконченным.

³ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты : воспоминания. Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. С. 14.

⁴ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. М. : Центрполиграф, 2017.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ «Генерал не счел возможным ... беспокоить маршала» (фр.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Балушкина Екатерина Владимировна — главный специалист Отдела изучения и публикации документов ГА РФ

Борисёнок Елена Юрьевна — доктор исторических наук, заведующая Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН

Буякевич Тамара Степановна — начальник отдела — директор Научной библиотеки федеральных государственных архивов

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Гринько Ксения Михайловна — ведущий специалист Отдела изучения и публикации документов ГА РФ

Дубровский Игорь Владимирович — старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Златкис Яна Михайловна — ведущий специалист Отдела изучения и публикации документов ГА РФ

Кан Григорий Семенович — кандидат исторических наук, ведущий специалист Отдела изучения и публикации документов ГА РФ

Козырева Елена Юрьевна — заместитель начальника отдела Научной библиотеки федеральных государственных архивов

Лавинская Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела изучения и публикации документов ГА РФ

Лаврёнова Анна Михайловна — кандидат исторических наук, ведущий специалист Отдела изучения и публикации документов ГА РФ

Лаптев Антон Константинович — кандидат исторических наук, Лаборатория региональной истории России, НИУ Высшая школа экономики

Лейбович Олег Леонидович — доктор исторических наук, кандидат философских наук, заведующий кафедрой культурологии и философии Пермского государственного института культуры

Леонтьев Ярослав Викторович — доктор исторических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова

Мельтюхов Михаил Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)

Милкич Милян (Милян Милкић) — доктор исторических наук, полковник, ведущий научный сотрудник Университета обороны, Белград, Сербия

Орленко Сергей Павлович — кандидат исторических наук, зав. сектором Оружия и конского убранства отд. Оружейная палата Музеев Московского Кремля

Рублев Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова

Хазан Владимир — PhD, профессор Еврейского университета в Иерусалиме (Dept. of Russian, German and East European Studies), Израиль

Шемякина Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры истории и политологии Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева

Эдельман Ольга Валерьяновна — кандидат исторических наук, главный специалист Отдела изучения и публикации документов ГА РФ

научное издание

ЕЖЕГОДНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

| публикации | исследования | рецензии |

ISBN 978-5-905040-93-1

9 785905 040931 >

ГА РФ

Москва. Большая Пироговская ул., 17, стр. 2.

Подписано в печать 21.12.2023. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Arnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии «СМУК»
150014 Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2
info@yarsmuk.ru | +7 (4852) 200 121